Ж.Т. Тощенко

Социология

Учебник

4-е издание

Ж.Т. Тощенко

Социология

Четвертое издание,
переработанное и дополненное

Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений

Допущено Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров «Социология» (040100)

Рекомендовано Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям, а также в качестве общей образовательной программы для студентов естественно-научных и технических вузов

ЮНИТИ
UNITY
Москва • 2012

УДК 316(075.8)
ББК 60.5я73-1
Т64

Рецензенты:
чл.-корр. РАН, д-р филос. наук, проф. *А.В. Дмитриев*
чл.-корр. РАН, д-р филос. наук, проф. *В.И. Иванов*
д-р социол. наук *В.К. Левашов*

Главный редактор издательства *И.Д. Эрлихман*
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Тощенко, Жан Терентьевич.

Т64 Социология: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров «Социология» (040100) / Ж.Т. Тощенко. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 607 с. — (Серия «Cogito ergo sum»).

ISBN 978-5-238-02260-4

Агентство CIP РГБ

В четвертом издании учебника в соответствии с третьим Государственным образовательным стандартом по социологии развиты и дополнены принципиальные положения авторской концепции социологии жизни, которая базируется на раскрытии фундаментальных и прикладных проблем общественного сознания и социальной практики в условиях реальной социальной среды. Дан анализ основных социальных явлений и процессов экономической, социальной, политической и культурной сфер общества. Представлен богатый эмпирический материал, помогающий понять сложность, неоднозначность и противоречивость происходящих изменений и определить пути и средства управления ими.

Для бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Социология», аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, знакомящих с основами социологии студентов социальных, гуманитарных, естественно-научных и технических специальностей в рамках основной общеобразовательной подготовки.

ББК 60.5я73-1

ISBN 978-5-238-02260-4
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2005, 2012
Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.). Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.
© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2012

Предисловие

Годы, минувшие со дня появления первого (1994), а затем второго (1997) и третьего (2005) изданий «Социологии», характеризуются появлением новых идей, обсуждаемых в мировой и отечественной социологии, новой (и что особенно важно — мониторинговой) информации, а также результатов научных дискуссий, полемики, прошедших в конце XX — начале XXI в. За это время социология столкнулась как с феноменами, не укладывающимися в ранее признанную картину социальной реальности (а это потребовало их осмысления, интерпретации и использования в теории и практике), так и с неадекватностью научно-познавательных средств, а скорее, с тем и другим одновременно.

Если обобщить то главное, основное, что связано с принципиальной позицией автора, то за это время произошла апробация концепции — трактовки социологии как ***социологии жизни***. Предметом практически всех исследований в современной социологии стало *изучение состояния и тенденций реального общественного сознания, реального поведения (деятельности) в условиях определенной социальной среды*. Изучение этих феноменов — общественного сознания, поведения и среды — является той реальностью, из которой состоит социальная жизнь общества, всех его субъектов — людей и образуемых ими классов, социальных групп и общностей, социальных сетей, организаций, институтов во всей сложности их взаимодействия и взаимосвязи. Без человека, без его социальной сущности нет общества. Именно этот подход составляет базу и основу социологии как социологии жизни.

В учебнике рассматриваются и другие подходы, существующие в мировой и отечественной социологии. Но если разобраться по существу, человекоцентричная направленность все больше и больше пробивает себе дорогу среди многих течений социологической мыс-

ли. Это тем более важно, что в истории русской (российской, советской) социальной мысли всегда ярко и четко проявлялось внимание к человеку, личности, индивиду, вполне оправданно считающемуся воплощением социальности реальной жизни.

В своей работе «Мир как органическое целое» русский философ Н.О. Лосский писал: «Сохранить и развить идею индивидуума можно только на почве органического мировоззрения в той его форме, которая примирит индивидуализм с универсализмом, избегая крайностей в обоих направлениях». Эта идея, что человек и его социальном окружении, в реальности повседневных забот и намерений является объектом и предметом социологического анализа, разделяется многими отечественными социологами и коллегами за рубежом. Человекоцентричную идею в социологии все больше и больше ученых разделяют во многих странах мира, что особенно ярко проявляется в творчестве П. Штомпки, Э. Гидденса, А. Турена и др.

Эти идеи получают все большее распространение. Так, в творчестве П. Бергера выражена суть современной социологии — *человек в обществе и общество в человеке*, что ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа социальной жизни.

Принципиальной особенностью концепции автора настоящего учебника является трактовка объекта современной социологии как *гражданского общества* и предмета социологии как *общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях*. Социальная жизнь человека начинается с осознания окружающих его реалий (через знания, потребности, мотивы, ценностные ориентации, интересы), выработки определенных установок и претворения их на практике с учетом объективных условий глобального и конкретного характера.

Учебник открывается кратким анализом теоретических, методологических и методических проблем, характеристикой понятийного аппарата и уровней социологического знания, которые при желании и необходимости могут быть развернуты в самостоятельные курсы.

Далее, для социологии жизни важным является *анализ социальных проблем основных сфер общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной*. И хотя отнесение отдельных проблем к той или иной сфере несколько условно, автор исходил

из того, *что* является преобладающим при их рассмотрении. Поэтому все исследования соотнесены с экономическими (экономическая социология), социальными (социология социальной жизни), политическими (политическая социология) и духовными процессами (социология духовной жизни). Отдельно, в разделе «социология управления», описан механизм регулирования, который имеет самостоятельное значение и в то же время может быть рассмотрен в контексте каждой из сфер общественной жизни.

С момента выхода предшествующих изданий после обсуждений данного учебника, рецензий и писем автор учел предложения, замечания и пожелания коллег и читателей. В настоящем издании в ряд глав были внесены значительные изменения, связанные с новейшей информацией, новым этапом жизни российского общества. Кроме того, уточнению подверглись ряд глав, предложена новая структура первого раздела, эмпирическая информация расширена и дополнена. Некоторые темы остались за пределами учебника, однако при чтении курса они могут быть добавлены, рассмотрены, обсуждены в студенческой аудитории, особенно если учитывать профессиональные интересы молодежи. Отдельные разделы и главы, по мнению автора, могут быть развернуты в самостоятельный учебный курс.

Автор счел необходимым дать обновленную библиографию основных публикаций (см. библиографию).

Настоящее издание имеет двоякую нацеленность. *Во-первых*, оно соответствует Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования Министерства образования и науки РФ 2010 г. по курсу «Основы социологии», а *во-вторых*, оно полезно и для студентов других специальностей, для которых социология преподается в виде общеобразовательной дисциплины, поскольку они могут узнать много нужного и важного для своей будущей работы (например, для будущих инженеров — раздел «Экономическая социология», для представителей гуманитарных специальностей — раздел «Социология духовной жизни», для менеджеров и управленцев — раздел «Социология управления»).

В настоящем издании автор сохранил материалы, использованные ранее при написании отдельных глав, авторами которых являются В.Г. Алексеева-Харчева, Л.Г. Борисова, М.К. Горшков, Вал.Н. Иванов, В.Т. Лисовский, Ю.П. Ожегов, Ф.Э. Шереги, а так-

же коллеги по работе в Российском государственном гуманитарном университете. Особая признательность — доктору социологических наук В.К. Левашову за предоставленную информацию, полученную под его руководством в Институте социально-политических исследований РАН. Значительную помощь в оформлении этого издания оказали Л.А.Орлова и Ю.Ж. Тощенко.

Особо хотелось подчеркнуть, что важным и неотъемлемым дополнением к этому учебнику является тематический словарь-справочник «*Тезаурус социологии*» (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009), который знакомит читателя с фундаментальными основами науки, подробно характеризует основные категории и понятия, отраслевые и специальные социологические теории, образующие целостное представление о социологии.

Раздел I

Социология как наука

Глава 1 Возникновение и развитие социологии (исторический очерк)

Глава 2 Объект и предмет социологии

Глава 3 Основные категории и понятия социологии

Глава 4 Социологическое знание: структура, уровни

Глава 5 Методология и методы социологических исследований

Кто такой социолог? В самом обыденном представлении — это человек с анкетой, с которой он обращается к окружающим его людям по месту работы, жительства, а то и просто на улице, чтобы узнать их мнение по тому или иному вопросу. С одной стороны, такой подход придает социологу имидж человека, который-де не терпит связи с реальностью (другое дело, как эти усилия оцениваются). С другой стороны, нет ничего печальнее отождествлять социологию со сбором мнений по случайным (а нередко и глупым) вопросам, что дискредитирует социологию как науку и низводит ее до некоего вспомогательного средства познания, да еще и такого, которым можно манипулировать.

Что касается научно-популярных объяснений, то их достаточно большое количество. Так, шведский социолог П. Монсон сравнивает социологию с «лодкой на аллеях парка», предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. Американо-австрийский социолог П. Бергер, придавая большое значение роли социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с разведчиком. На наш взгляд, его лучше сравнить с социальным врачом, который проводит анализ и диагностику состояния тех или иных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо, и предложения о том, как поступать в сложившейся ситуации.

Между тем если говорить о социологии, то это прежде всего ***теория***. И наука не об обществе вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, и юридические науки, и культурология), а об обществе в его социально-человеческом облике. ***Общество и человек, человек и общество*** — вот что составляет суть социология. А с чего начинается человек в своем социальном облике? С сознания, со способности познавать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать исходя из определенных ценностей окружающую действительность и на этой основе строить поведение, учитывая влияние как макросреды (всех общественных отношений), так и мезо- и микросреды (опосредованное и непосредственное окружение).

Для такого подхода социология использует все богатство философского знания о сознании вообще и общественном сознании в частности, о деятельности и ее роли в социальной жизни, о влиянии объективных условий и субъективных факторов на сознание и поведение. Для социального анализа важны и выводы психологической науки о сознании и поведении индивида, отдельных микро- и макрогрупп (например, толпы).

На основе уже имеющегося знания социология дает свою интерпретацию общественного сознания и поведения людей, формирует понятийный аппарат (например, о компонентах сознания и деятельности), свое видение объективного и субъективного в общественных процессах, свое представление об уровнях человеческой деятельности.

Социология — это и ***методология***, т.е. такой уровень теоретического знания, который выражен на языке, позволяющем оперировать информацией посредством индикаторов и показателей. Исходя из этого, сознание может быть представлено через такие компоненты, как знание, потребности, интересы, мотивы, ценностные ориентации, установки, мнение, настроение и т.д. Оперирование этими конкретными «носителями» сознания позволяет наполнить «кровью» и «плотью» многие понятия, которые в других социальных науках не требуют такой детализации и конкретизации.

Помимо методологии для социологии очень важны **методы** познания социальной реальности. И не только потому, что этим они серьезно отличаются от других наук, а потому, что предполагают использование статистико-математического аппарата и многообразных специфических способов познания. Строго говоря, социология имеет дело как с самой реальностью, так и с восприятием этой реальности человеком, социальными группами и слоями. Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съем (сбор) информации с ее последующими анализом и интерпретацией.

Социология отражает качественный этап в истории человечества, когда общество предстало перед нами в человеческом измерении, когда не просто люди, а *каждый человек становился субъектом исторического процесса*, начало чему положили великие буржуазные революции. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения и превращение их в участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Этот процесс происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но **человеческое измерение общества** пробивало себе путь, что нашло отражение в постоянном научном поиске. Конечно, данный этап в развитии социальной мысли не мог начаться вдруг, с открытого листа, — предпосылки иного подхода к человеку и обществу созревали исподволь. Но этим предпосылкам надо отвести подобающее место, а не делать пещерных людей представителями социологии в период охоты на мамонтов или сбора урожая с ветвей дикорастущих плодовых деревьев.

И наконец, социология как наука призвана оперировать не умозрительными схемами, а *реальными проявлениями жизни*, что находит отражение в состоянии общественного сознания, различных формах и видах деятельности, возможностях их проявления в конкретно-исторических условиях. *Это сознание и поведение не отдельного индивида, а социальных общностей и групп*, приобретающие социальные характеристики, имеющие общественное значение, образующие устойчивые социальные процессы и явления. Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит реальный анализ сознания и поведения людей и их зависимости от объективных условий, и образуют ту парадигму, которая называется *социологией жизни*.

Глава 1

Возникновение и развитие социологии (исторический очерк)

История каждой науки свидетельствует, что вначале зарождаются, формируются и развиваются лишь отдельные элементы науки, а затем уже уточняется и закрепляется наименование, объясняющее и трактующее ее сущность и содержание. Иначе говоря, дело не в термине и не в том, когда и как он появился, а в том, что *каждая наука возникает как ответ на потребности общественного развития*.

Рождение социологии как науки было подготовлено как самой жизнью, процессом развития человечества, так и трудами английских экономистов, французских просветителей, немецких историков по осмыслению новых явлений в жизни общества. Ими был осуществлен глубокий анализ реальной социально-экономической ситуации, изложены основы функционирования общественных отношений и, главное, замечено *изменение роли человека как активного участника исторического процесса*.

Стремительное развитие капитализма, нарастающая волна социальных конфликтов, противоречия в функционировании буржуазной демократии настоятельно требовали не столько абстрактного, сколько конкретного, позитивного изучения и объяснения социальных процессов и явлений. Происходящее одновременно развитие других общественных наук — истории, экономики, права, психологии — лишь высветило новый комплекс проблем, которые лежали на грани этих наук и требовали самостоятельного рассмотрения.

1.1. Первые социологические концепции

Термин «*социология*» в буквальном смысле слова означает «наука об обществе» или «учение об обществе». Впервые его употребил *О. Конт* (1798—1857). В главных сочинениях «Курс позитивной философии» (т. 1—6, 1830—1842) и «Система позитивной политики» (т. 1—4, 1851—1854) он высказал рациональную идею о необходимости всестороннего анализа общественных явлений. То, что О. Конт большое внимание уделял познанию не столько сущности,

сколько явления, стало основанием для возникновения позитивистских взглядов и концепций, получивших дальнейшее развитие в трудах его последователей.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие идеи будущей науки возникли задолго до ее появления. Поэтому некоторые исследователи начинают предысторию социологии с анализа трудов древнегреческих мыслителей *Платона* (428—348 до н.э.), *Аристотеля* (384—322 до н.э.), средневековых ученых и исследователей, затем английского философа *Т. Гоббса* (1588—1679), итальянского политического мыслителя, историка и писателя *Н. Макиавелли* (1469—1527), рассматривают труды французских просветителей XVIII в. — *Ж.-Ж. Руссо* (1712—1778), *Ш.Л. Монтескьё* (1689—1755), *Вольтера* (1694—1778), *Д. Дидро* (1713—1784) и других видных представителей социалистической утопической мысли — *Т. Мора* (1478—1535), *Т. Кампанеллы* (1568—1639), *К.А. Сен-Симона* (1760—1825), *Ш. Фурье* (1772—1837), *Р. Оуэна* (1771—1858). В некоторых исследованиях идеи науки об обществе пытаются обнаружить еще раньше, начиная с Конфуция, индийских, ассирийских и древнеегипетских мыслителей и даже в мифологии. Однако все эти социальные идеи, высказанные и сформулированные до XIX в., были предтечей социологии, ее истоками, но не самой наукой.

Возникновение социологии как науки отражает качественный этап в истории общества, когда оно предстало перед нами в человеческом измерении — каждый человек становился субъектом исторического процесса. А этот коренной поворот в социальной практике и социальной науке связан с великими буржуазными революциями, в основном французской (в конце XVIII в.), которая провозгласила свободу, равенство, братство всех людей независимо от социального происхождения, социального положения, вероисповедания, национальной принадлежности. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли каждого человека, всех без исключения людей посредством изучения их сознания и поведения во всех их ипостасях как активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений.

В ответ на поставленные жизнью вопросы в XIX в. родились различные концепции, стремящиеся объяснить существующую реальность. Важнейшими особенностями новой науки стали: *отказ от хронологического описания событий, опора на выводы естественных наук, анализ реальных фактов и событий, а не только философских постулатов и мировоззренческих идей.*

Гений О. Конта как основоположника социологии проявился в том, что он сумел обобщить и по-новому увидеть те нарождающиеся

и складывающиеся процессы и явления, которые были характерны для конца XVIII — начала XIX в., и предвосхитить потребность в появлении новой науки. Именно с его положений о социологии начинают исчислять первый этап — ***этап формирования научных основ социологии***, который включает в себя идеи плеяды блестящих мыслителей, развивших, дополнивших и обогативших социологическое знание новыми подходами и поиском иных методов познания и достижения истины. Социологическая теория, созданная О. Контом, состояла из «социальной статики» и «социальной динамики» и была связана с анализом социальной жизни, основным фактором которой он считал умственное и духовное развитие. Его замысел уподоблял науку об обществе ***«социальной физике»***, чтобы ее исследователь мог оперировать конкретными данными, фактами, их взаимосвязями так же, как это делает естествоиспытатель. Он сформулировал закон интеллектуальной эволюции человечества. Особый интерес представляют его размышления о социальной статике (изучение структуры общества и законов его устройства) и социальной динамике (изучение законов развития общества) как методе, объясняющем его позитивистский историзм, ибо социолог призван ответить на вопрос, *не что* действует, а *как* существует.

Другая концепция — ***социобиологическая*** — обоснована *Г. Спенсером* (1820—1903), который рассматривал общество по аналогии с биологическим организмом как нечто целое, несводимое к совокупности отдельных элементов. Его гениальной догадкой было то, что процесс развития всегда сопровождается дифференциацией структур и функций общества. Чтобы координировать действия отдельных частей общества, необходимо осуществление функций, названных впоследствии управлением. Подобно Ч. Дарвину, Г. Спенсер поддерживал идею «естественного отбора» применительно к общественной жизни: выживают те, кто больше всего приспособлен к превратностям судьбы.

Однако вскоре концепция «однолинейной» эволюции, социал-дарвинистские установки Г. Спенсера были подвергнуты критике преимущественно со стороны психологической школы, которая в истории социологии представлена *Л. Гумплowичем* (1838—1909), *Г. Тардом* (1843—1904), *Г. Лебоном* (1841—1931) и особенно *Ф. Тённисом* (1855—1936), а также в известной степени *Дж.С. Миллем* (1806—1873). Отказавшись от биологизации общества, эти ученые пытались преодолеть ограниченность эволюционизма, что в конечном счете привело к появлению ***социально-психологической концепции*** социологии, к анализу социально-психологических явлений и попыткам объяснить роль субъективного фактора в историческом процессе. Г. Тард

известен своей *теорией подражания*, так как элементарным социальным отношением он считал передачу или попытку передачи верования или желания. Его концепция впоследствии была использована в теории массовых коммуникаций. Г. Лебон обратил внимание на феномен «толпы», когда разумное критическое начало, воплощенное в личности, подавляется иррациональным массовым сознанием. Ф. Тённис придавал первостепенное значение воле, которая и определяет сущность и направление человеческого поведения. А так как он фактически отождествлял волю и разум, то, по его мнению, побуждение к действию осуществляется не государством или Богом, а рационализмом, ярким воплощением чего является разум.

В XIX в. возникла одна из лидирующих школ — ***социально-экономическое направление, или марксистская ветвь социологии***, названная по имени ее основателя *К. Маркса* (1818—1883), которая существует уже более полутора сотен лет. Вместе с *Ф. Энгельсом* (1820—1895) он сформулировал совокупность идей на основе открытого ими материалистического понимания истории, что послужило основой для представлений о формационном (стадийном) развитии общества. Особое значение Маркс и Энгельс придавали структурному строению каждого общества: базису (производственным отношениям) и надстройке (политическим, юридическим, религиозным и философским воззрениям). Кроме того, они разработали концепцию социального конфликта в виде грядущих социалистических революций, изучили основные классы современного им общества — пролетариат, буржуазию, крестьянство и проанализировали формы классовой борьбы. Особой заслугой Маркса было то, что он отказался от рассуждений об обществе вообще и дал научно обоснованную картину одного общества и одного прогресса — капиталистического.

Еще одна школа — ***географическое направление*** представлено *Э. Реклю* (1830—1905) и *Ф. Ратцелем* (1844—1904). Так, Ратцель преувеличивал воздействие природно-географической среды на политическую жизнь общества. Вместе с тем ему удалось проследить закономерности влияния природных условий на развитие народов и их культур в разных географических условиях, что в дальнейшем было использовано геополитиками (Р. Челленом, О. Мауллем, Э. Обстом и др.).

Можно сделать вывод, что *социологов XIX в. гораздо больше занимали общие вопросы, касающиеся структуры общества, законов и тенденций его развития*. В качестве основного материала для выводов они использовали данные этнографии и исторические сведения о жизни различных народов. В основе их рассуждений лежала *идея*

прогресса, идея социальной эволюции, что позволяло им делать широкие и смелые обобщения. Но, стремясь проследить закономерности прогресса, они слабо представляли качественное своеобразие этапов общественного развития. Говоря о различных стадиях развития, социологи не видели в них ничего, кроме увеличения или уменьшения одних и тех же элементарных свойств. Позитивистская социология, абстрагируя различные функции общественной жизни, превращала их в самостоятельные силы. В зависимости от того, какой фактор признавался главным, в социологии XIX в. оформировалось, как было показано выше, несколько соперничающих друг с другом направлений.

1.2. Классическая зарубежная социология

Начало XX в. внесло существенные поправки в представлении о том, что объектом и предметом социологии является общество. Слышалось все больше критических замечаний, что социология претендует на роль метанауки, которая стремится вобрать в себя данные всех социальных наук и на этой основе делать глобальные, обобщающие выводы об общественной жизни. Кроме того, следование строгой логике причинно-следственных связей, которой придерживались большинство позитивистов, не могло удовлетворить потребность во всестороннем и глубоком познании окружающего мира.

Первым, кто усомнился в претензии социологии изучать общество в его целостности и многообразии, был *Э. Дюркгейм* (1858—1917). Он в отличие от Конта не отождествлял общество и человечество. Он полагал, что социология, имея объектом своего изучения общество, не должна претендовать на «всезнайство» об этом обществе — предметом ее интереса должны быть только *социальные факты*, которые и образуют *социальную реальность*. Исходя из этого, он трактовал реальность (законы, обычаи, правила поведения, религиозные верования, денежную систему и т.д.) как объективную, ибо она не зависит от человека. Не менее важной особенностью концепции Дюркгейма было то, что он обратился к социальным группам, высоко оценивая роль коллективного (группового) сознания. По его мнению, только благодаря этому сознанию существует социальная интеграция, ибо члены общества придают значение его нормам и руководствуются ими в своей жизни. Если же индивид не желает (не может) следовать этим нормам, возникает аномия, что характерно для всех обществ, переживающих резкое изменение экономического и политического строя. Иначе говоря, ученый сделал

решительный шаг к изучению человека как социального существа. В этой связи применение новых подходов к исследованию причин самоубийств (у него есть специальная работа об этом) вскрыло необычные процессы, происходящие как в обществе, так и в индивидуальной человеческой жизни. Особо следует отметить идеи Дюркгейма о солидарности и о таких ее типах, как механическая и органическая.

Не менее последовательным критиком «всеобъемлющих» претензий на изучение общества стал *Г. Зиммель* (1858—1918), который предложил свою концепцию, как отделить социологию от других наук об обществе, и определил ее задачей изучение закономерностей, недоступных другим социальным наукам. Социология, по его мнению, изучает *чистые формы «социации»* (*или общения*) и *формы социального взаимодействия*, носящие для человечества сквозной характер (конфликт, конкуренция, подчинение, авторитет и др.).

Одновременно с поиском первичных элементов (кирпичиков) социальной жизни постепенно сформировалось направление, противостоящее крайним формам объективизма и провозглашающее задачей социологии *«понимание» субъективного смысла социальных процессов*, ярким представителем которого был *В. Дильтей* (1833—1911), ратовавший за отказ от исследований причинно-следственных связей. За ним последовал *М. Вебер* (1864—1920), труды которого представляют уникальный по своему замыслу и исполнению сплав исторического и социологического знания.

Вебер противопоставил естествознание и общественные науки как по методу, так и по содержанию. Он не отрицал применимости к общественным явлениям методов точных наук, но подчеркивал, что их функции в обществоведении иные, чем в естествознании. По его мнению, в естествознании выведение законов является целью исследования, тогда как в социологии — это только предварительный его элемент. Кроме того, Вебер рассматривал человека *как основу социологического анализа*. В этом отношении его взгляды противоречат точке зрения Дюркгейма, придававшего главное значение исследованию социальных структур. Он считал, что такие сложные понятия, как «капитализм», «религия» и «государство», могут быть осмыслены только на основе анализа поведения индивидов. Поэтому социолог должен исследовать мотивы поступков людей и то значение, которое они придают собственным действиям и действиям других. Вебер признавал огромную роль ценностей, считая их мощной силой, влияющей на социальные процессы. Именно с этих позиций он использовал такие понятия, как «понимание», «идеальный тип», что легло в основу его «понимающей социологии».

И наконец, он посвятил немало работ проблемам государства, власти, бюрократии, типам господства (традиционное, легальное, харизматическое), что позволяет считать его одним из создателей политической социологии.

Значителен вклад немецкого социолога *Ф. Тённиса* (1855—1936), представившего социологию как многоуровневую науку, выделив в ней «чистую» (теоретическую), прикладную и эмпирическую составляющие.

Среди видных представителей нового этапа в развитии социологической мысли нужно отметить труды *В. Парето* (1848—1923). Уподобляя социологию точным наукам, таким как физика, химия и астрономия, он предлагал пользоваться только эмпирически обоснованными измерениями, строго соблюдая логические правила при переходе от наблюдений к обобщениям. Парето отвергал этические и ценностные элементы в исследовании, которые ведут к фальсификации, искажению фактов. По сути дела, он сформулировал основные требования ***эмпирической социологии***, которая получила распространение в XX в. Ее бурное развитие в 1920-е гг. обычно связывается с именами В. Дильтея, У. Мура, К. Девиса и др. Значительны заслуги Парето в разработке идей политической элиты, которые во многом были продолжены и развиты *Г. Моской* (1858—1941).

Велико и значимо научное наследие одного из представителей русской и одновременно мировой социологической мысли — *П.А. Сорокина* (1889—1968). Он с позиций интегральной социологии предложил и обосновал ее понятийный аппарат: социальное явление, социальный контроль, социальное поведение, исторический процесс и его тенденции.

Крупным научным достижением Сорокина стала разработка им *теории социальной стратификации*: как общих понятий, так и признаков социальной дифференциации, в основе которой лежит экономический, политический и профессиональный статусы. В своей работе «Социальная мобильность» он обратил внимание на перемещение людей в обществе как в горизонтальном (миграция, смена профессии), так и в вертикальном (изменение социального статуса) направлении. Эти перемещения по-разному осуществляются в различных типах общества, но они составляют суть жизни такого живого социального организма, как общество. П.А. Сорокиным были также проанализированы социально-культурные факторы в развитии человечества, высказаны интересные идеи о теории кризисов, о направлениях духовной интеграции и множество других оригинальных интерпретаций социальной реальности (проблемы войны, города).

Конечно, этими именами не ограничивается весь круг мыслителей, которые относятся к этому периоду в развитии социологии. Среди них следует назвать *Л. фон Визе* (1876—1969), автора книги «Система общей социологии» (1933), посвященной исследованию всеобщих форм социальных явлений. Подвергнув критике понятие «общество» как фикцию, он сосредоточил внимание на познании «социального» или «межчеловеческого» в рамках форм отношений типа «Я — Ты» и «Я — Мы», к которым относятся взаимоотношения людей.

Таким образом, серьезным вкладом классической социологии было то, что были доказаны ограниченность и несостоятельность претензий на изучение всего общества. Было дано обоснование того, что в основе этой науки должны лежать исследовании деятельности социальных групп и общностей (Э. Дюркгейм), человек во всем многообразии его социальных действий (М. Вебер) и что критерием социологии как науки должны стать эмпирические, особым образом классифицированные и объясненные факты (В. Парето). Классическая социология в лице названных ученых, их школ и их учеников *окончательно конституировалась как наука*, выйдя из-под влияния философии и вычленив свое место и назначение в структуре социальных наук, и заложила основы для дальнейшего развития и дифференциации социального знания.

1.3. Современная зарубежная социология

Бурное развитие социологической науки в XX в. породило много течений, которые основывались на различных концепциях, взглядах как по общеметодологическим позициям, так и по частным проблемам.

В XX в. социология стала распространяться *вширь* — она постепенно охватывала страны Восточной Европы, Азии, Латинской Америки, Африки. Сейчас практически нет ни одной страны в мире, где не была бы представлена социологическая наука в том или ином виде.

XX век — это и век развития социологии *вглубь*. Она охватывала все новые и новые области знания, открывала пограничные явления (город, миграции, здоровье) или придавала новое социологическое звучание тем проблемам, которые были разработаны другими отраслями человеческого знания (демография, инфраструктура, общение, конфликты и др.).

В XX в. происходила и *институционализация* социологического знания в виде открытия специальных кафедр, факультетов, органи-

зации научно-исследовательских центров и институтов. Профессия социолога становилась востребованной на рынке труда.

Наконец, шел процесс *консолидации* и *корпоративного укрепления социологии*. В XX в. были созданы первые национальные социологические общества и ассоциации. После Второй мировой войны в 1948 г. была основана Международная социологическая ассоциация, которая способствовала превращению социологов в один из заметных научных сообществ в области социального знания.

Так как в процесс производства и развития социологического знания вовлечены тысячи людей в каждой стране, то вполне понятно многообразие теорий и концепций, которые были произведены на свет в XX в. и продолжают появляться в настоящее время.

В кратком историческом очерке сложно рассмотреть и даже обозреть все эти теории и концепции. Поэтому мы остановимся на тех из них, которые определяют лицо современной социологии.

Наиболее полно основы ***структурного функционализма*** изложены *Т. Парсонсом* (1902—1979), опиравшимся в своих поисках на идеи Спенсера, Дюркгейма, Сорокина. Базовой является идея «социального порядка», который олицетворяет стремление поддержать равновесие системы, координировать различные ее элементы, добиться согласия между ними. Эти представления долгое время господствовали в западной социологии.

Однако данная теория вскоре была подвергнута критике, которую признал и сам ее создатель — Парсонс. Дело в том, что структурный функционализм практически отвергал идею развития, призывая к поддержанию «равновесия» внутри существующей системы, согласованию интересов различных структур и подсистем. Такой вывод был сделан на основе анализа общественного и государственного устройства США, которое Парсонс считал эталоном и стабильность которого расценивал как большое достижение.

Совершенствовать структурный функционализм был призван *неоэволюционизм*. Парсонс в совместной с *Э. Шилзом* (1911—1995) работе «К общей теории действия» осуществил заметный сдвиг от анализа структур к анализу функций. Кроме того, он обратился к проблеме человека и пытался объяснить процесс усложнения социальных систем через все возрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами. Однако попытки улучшить структурный функционализм идеей эволюции свелись к использованию идеей системного анализа и приданию культуре («культуральная социология») роли независимой переменной.

Р. Мертон (1910—2003), пытаясь преодолеть метафизичность структурно-функционального подхода, создал ***теорию социальных***

изменений путем введения понятия «дисфункция», т.е. заявил о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели. Таким образом, Мертон пытался ввести в функционализм идею изменения, но он ограничил ее «средним» уровнем — уровнем конкретного социального процесса.

Идея социальных изменений вызвала к жизни необходимость поиска причинно-следственных связей. Поэтому социологами были предприняты попытки найти их, что реализовалось в разработке и применении в анализе нескольких видов детерминизма — от биологического и технологического до экономического (например, У. Ростоу).

Теории социального конфликта создавались в ходе критики структурного функционализма. В основе развития, утверждал *Ч.Р. Миллс* (1916—1962), лежит конфликт, а не конформизм, согласие или интеграция. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, преследующими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть.

Р. Дарендорф (1929—2009) считал, что все сложные организации основываются на перераспределении власти, и это происходит не только в открытой форме. По его мнению, в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины. Источником конфликтов является так называемый политический человек. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного ранга, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получил 15 типов и подробно рассмотрел возможность их «канализации» и регулирования.

Американский социолог *Л. Козер* (1913—2003) определял социальный конфликт как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.п.

Большинство представителей этого направления — *Р. Коллинз* (р. 1941) и *Л. Кризберг* (р. 1926) — подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования. Вместе с тем эта позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования.

Бихевиоризм, основы которого были заложены *Э.Л. Торндайком* (1874—1949), разработавшим закон эффекта (1911) (вознаграждаемое

поведение имеет тенденцию повторяемости, а невознаграждаемое — к прекращению), существует в основном в двух теориях — теории социального обмена и символического интеракционизма.

Наиболее яркие последователи ***теории социального обмена*** — *Дж. Хоманс* (1910—1989) и *П. Блау* (1918—2002) исходили из примата человека, а не системы. Они провозгласили огромную значимость социально-психических качеств человека, ибо для того, чтобы объяснить поведение людей, необходимо знать их душевные состояния. Но главное в этой теории, по Блау, заключается в следующем: так как люди постоянно желают иметь вознаграждение (одобрение, уважение, статус, практическую помощь) за многие свои действия, они могут их получить, только вступая во взаимодействие с другими людьми, хотя это взаимодействие не всегда будет равным и удовлетворяющим его участников.

В поиске выхода из противоречий бихевиористского подхода представители ***символического интеракционизма*** стали интерпретировать поведение людей с точки зрения того значения, которое личность или группа придает тем или иным аспектам ситуации. *Дж.Г. Мид* (1863—1931) как основатель теории символического интеракционизма, называя себя «социальным бихевиористом», сосредоточил внимание на исследовании процессов «внутри» поведения как целого. Если в последовательном бихевиоризме человек находился под управлением окружающей среды, то в центре внимания Мида — активный, разумный, деятельный субъект. Мид ввел понятие индивидуальной перспективы, предпосылкой которой является социальная свобода.

Сторонники этого подхода (*Г. Блумер* (1900—1987), *С. Лайман* (1933—2003) и др.) огромное значение придавали языковой символике. Для них характерно представление о деятельности как совокупности социальных ролей, которая олицетворяется в виде языковых и других символов, что послужило основанием для названия этого направления ролевой теорией.

Критика этой теории связана с тем, что для символического интеракционизма центральной идеей является субъективизм. В то же время эта теория, отвергая психоанализ, пренебрегает исследованием биологических, генетических факторов, мало уделяет внимания проблемам бессознательного, в результате чего затрудняется познание «движущих сил» человеческого поведения (мотивов, ценностей, установок). Продолжением и развитием этой концепции является выдвинутая Р.Коллинзом «теория интерактивных и ритуальных целей».

Особенность ***феноменологической социологии*** заключается в том, что она свое начало берет от философской концепции *Э. Гуссерля* (1859—1938), на основе которой возникла «социология обыденного сознания», обоснованная в трудах австрийского философа *А. Шюца* (1899—1959).

В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вначале вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность конструируется посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации. Социальные события, по их мнению, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку мнения образуют социальный мир, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов.

В объективно ориентированной социологии значение отражает некие определенные связи реального мира. В феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта.

Социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участникам коммуникативного акта, т.е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависит «разночтение» одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действий других? Почему люди вообще редко понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвистические и нелингвистические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

В рамках феноменологической концепции сложились две крупные школы — социология знания и этнометодология (последний термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «этнонаука» — начаточные знания в примитивных обществах).

Что касается ***социологии знания***, то она представлена *К. Мангеймом* (1893—1947), который в своей концепции обращал внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствуют взаимосвязи мышления и общества. Именно с этих позиций он

подходил к трактовке идеологии, истины, роли интеллектуальной жизни. Эти идеи были развиты *П. Бергером* (р. 1929) и *Т. Лукманом* (р. 1927), которые стремились обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества, ибо внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды».

Г. Гарфинкель (1917—2011), будучи одним из самых ярких и последовательных представителей ***этнометодологии***, сформулировал ее программное положение: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». В соответствии с этим основная задача социологии — выявление рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется научной рациональности. По его мнению, нужно концентрировать внимание на исследовании единичных актов социального взаимодействия, отождествляя его с речевой коммуникацией.

Жизнь порождает и предполагает появление новых теорий и концепций, усложнение концептуального аппарата социологии в целом. В социологии XX в. возникли и окрепли концепции, которые сосредоточили внимание на проблемах личности и культуры. В работах *Р. Инглхарта* (р. 1932), *Дж. Риттцера* (р. 1943), *Х. Йоаса* (р. 1948), *Дж. Александера* (р. 1947), *П. Бергера* (р. 1929) и частично *Э. Гидденса* (р. 1938) обращено пристальное внимание на роль индивида в рамках происходящей глобализации, модернизации и постмодернизации. Более того, по мнению французского социолога *А. Турена* (р. 1925), в социологии главная проблема состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций. Если в 1960-е гг. вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь она сосредоточивается вокруг понятия действия и деятеля (актора). В историческом плане можно сказать, что Вебер одержал победу над Дюркгеймом. Классический подход, в рамках которого социология понимается как наука о социальных системах, почти исчез. Влияние наиболее видных представителей этой традиции — Парсонса и Мертона — ослабло. Изменился и категориальный аппарат: понятия «социальные институты», «социализация», «интеграция» не являются больше центральными социологическими понятиями. Гораздо большее значение приобретают понятие «кризис» и близкие к нему категории — «риск», «дезорганизация», «насилие», «хаос», а также «*сознание*» и «поведение людей».

Сейчас большее значение имеют те направления в социологии, которые связаны с критикой функционализма. Эта критика началась еще в рамках франкфуртской школы в Германии. В какой-то мере

эту критику представлял и ***структурализм*** во Франции, который развивали *М. Фуко* (1926—1984), *К. Леви-Стросс* (1908—2009) и др. Основной подход этой теории состоит в определении частей общества, выявлении их функций, в таком их объединении, которое складывается в картину общества как органического целого. Именно отсюда вышел М. Фуко, который стал одной из наиболее значительных фигур в социальной мысли. Основное содержание данного направления состоит в определении роли и значения политической власти. Главные категории его концепции связаны с выявлением содержания господствующей идеологии и причин радикализации поведения, а также с условиями формирования социальных движений и акций протеста. При этом важно не выявление системных детерминант в их последовательности, а понимание того момента, что все трансформации сконцентрированы в отношениях власти.

Теория рационального выбора, которую предложил американский социолог *Дж. Коулмен* (1926—1995), главное внимание сосредоточивает на понятиях ресурсов и мобилизации. В определенной степени этой теории придерживается *М. Крозье* (р. 1922), развивающий рационалистические традиции. Он разрабатывал теорию социального действия в рамках организации и подчеркивал значение не столько идей, сколько различных стратегий при изучении процесса принятия решений и выявлении их эффективности. В этом же ключе работают социологи (Ж. Сапир и др.), которые увязывают этот круг понятий с экономическим анализом.

Продолжает свое развитие ***неомарксизм***, который нашел отражение в трудах *Г. Маркузе* (1898—1979), *Ю. Хабермаса* (1929), *Р.С. Миллса* и *М. Бурлового* (р. 1930).

С конца 1980-х гг. в мировой социологии начала созревать новая ситуация, которая ознаменовалась тем, что были выдвинуты концепции, претендующие на более глубокое осмысление и характеристику происходящих изменений в мире. Приобрели вес ***глобалисты***, претендующие на то, чтобы объяснить все происходящее в мире с геоэкономических, геополитических, транскультурных позиций. Эта их идея наиболее предметно и наглядно выражена в мир-системной концепции *И. Валлерстайна* (р. 1930). По его мнению, единицей анализа социальной реальности являются «исторические системы», связи между ними, их функционирование и изменение. Он оперирует понятиями «геокультура», «модерн», «всеобщая история человечества», «равновесие систем». Современные теории глобальной политической системы разрабатывает Дж. Модельски, а Дж. Гольдстайн исследует войны и экономики как детерминанты

длинных волн и циклов гегемонии. У. Бек связывает с глобализацией свою теорию риска.

Получила распространение концепция, нашедшая отражение в работах французского социолога *П. Бурдьё* (1930—2002), настаивавшего на важности изучения *социального поля, социального пространства* и *логики их развития*. По его мнению, социолог различает: а) свое видение пространства, б) его социальное значение. Бурдьё полагал, что основа основ в социологии — связь габитуса с полями (габитус трактуется им как система долговременных индивидуальных и групповых установок, ориентаций, функционирующих как матрицы восприятия, постановки социальных целей, действий и поведения).

Значительное место в новых поисках истины заняли труды *З. Баумана* (р. 1925) и *Э. Гидденса* (р. 1938). *З. Бауман* обогатил социологию анализом малоисследованных факторов жизни человека, латентных модернистских и постмодернистских процессов, которые касались проблем индивидуализации, трудовых отношений, гендера. Теория структурации Э. Гидденса стала одним из новых слов в поиске ответа на злободневные вопросы современности.

Видное место среди новых теоретических конструкций занимают концепции *П. Штомпки* (р. 1944) о *социальных изменениях* и его трактовка такой специфической формы их проявления, как *социальная травма*. Им предложена в качестве особой парадигмы «социология повседневности», широко использующую «визуальную социологию».

Значительное распространение получили ***теории нового институционализма***. Информационная революция, компьютер и Интернет придали импульс сетевым идеям, появившимся в социологии в ходе развития теории социального обмена (Р. Эмерсон, Б. Уэллман). Сетевые социальные теории (Х. Уайт, Б. Латур, М. Каллон) интегрировали и человеческий «фактор», в частности в форме концепции «актор-сеть».

Особенно привлекательными для новейших концепций социологии становятся *идеи человека как активного социального субъекта* (*актора*), под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в микроэкономическом плане. Эти идеи в той или иной мере рассматривались в трудах П.А. Сорокина, А. Турена, Э. Гидденса, Р. Инглхарта, Дж. Ритцера. В этой связи приведем некоторые определения социологии.

«Социология — это научное изучение человеческого поведения и социального окружения человека, которое влияет на это поведение» (Кр. Дуб).

«Социология — это наука о методах исследования человеческого поведения» (Ст. Мур, Б. Хендри).

«Социология — это систематическое изучение общества и социальной активности человеческого бытия. В качестве специфической дисциплины ее дополнительно рассматривают в виде знания о том, как реальный человек думает и действует в облике социального творца» (Дж. Мейсонис).

Этого же придерживается и датская исследовательница М. Бертильссон. Этот поворот в социологии позволяет утверждать, что ее лицо в конце XX — начале XXI в. во все большей мере определяют теории, которые восходят к человеку, его роли и активности в современном мире.

1.4. Социология в России в XIX — начале XX в.

Социологическая мысль России возникла в рамках других социальных наук, и долгое время ее было трудно вычленить из них, не говоря о том, чтобы представить ее в качестве самостоятельной дисциплины.

Если исходить из того, что объектом и предметом социологии является общество, то эти идеи в той или иной мере нашли отражение в работах предшественников отечественной социологии — ярких представителей социальной мысли: *П.Я. Чаадаева* (1794—1856), *В.Г. Белинского* (1811—1848), *А.И. Герцена* (1812—1870), *Н.А. Добролюбова* (1836—1861), *Н.Г. Чернышевского* (1828—1889), *М.А. Бакунина* (1814—1876) и др. Их основные выводы питались идеями, рожденными Великой французской революцией и развитыми ее идеологами и последователями, суть которых заключалась в созидательной, преобразующей силе человека и созданных им сообществ. Наряду с ними получило мощное развитие славянофильское направление — *А.В. Хомяков* (1804—1860), *И.С. Аксаков* (1823—1886), *И.В. Киреевский* (1806—1856). И хотя они не создали логически завершенных концепций, однако именно их выводы и умозаключения об обществе, в котором каждый человек может (и должен) стать активной творческой силой, являются новаторскими для своего времени и представляют значительный интерес.

Собственно социологические школы в России развивались в рамках нескольких направлений.

Одно из них — ***географическое*** — наиболее ярко представлено *Л.И. Мечниковым* (1838—1888), который в своей основной работе «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ» объяснял неравномерность общественного развития под влиянием природно-климатических и

географических условий, особенно водных ресурсов и путей сообщения. Именно эти факторы, по его мнению, и определяют основную тенденцию развития человечества — от деспотии к свободе, от примитивных форм организации жизни к экономическим и социальным достижениям, покоящимся на кооперативных формах хозяйствования. Другой социогеограф — *А.П. Щапов* (1831—1876) активно развивал земско-общинную, федеративную теорию русской истории, обосновывал естественно-психологические и социально-территориальные особенности жизни русского народа.

Второе направление — ***психологическая школа*** — воплощено в трудах *Е.В. де Роберти* (1843—1915), частично в работах *Н.И. Кареева* (1850—1931). В основе теории де Роберти лежало понятие «надорганическое», которое проходит в своем развитии две стадии: простых психофизических отношений, представляющих собой исходный пункт социальности, и психологических взаимодействий. В свою очередь, взаимодействия подразделяются на четыре большие группы — науку, философию (или религию), искусство и практическую деятельность, под которой и понимается поведение людей в экономике, праве и политике. К этой школе по многим положениям примыкает ***органическая школа,*** представители которой *А.И. Стронин* (1827—1889), *П.Ф. Лилиенфельд* (1829—1903), *Я.А. Новиков* (1830—1912) много внимания уделяли субъективным аспектам в жизни людей и общества.

Заметное место в социологической мысли принадлежит ***социально-правовому направлению*** — *Б.Н. Чичерину* (1828—1904), *Н.М. Коркунову* (1853—1904), *Л.И. Петражицкому* (1867—1931), *П.И. Новгородцеву* (1866—1924), *Б.А. Кистяковскому* (1868—1920), которых интересовало взаимодействие социальных, физиологических и биологических причин в праве. Л.И. Петражицкий выступал против традиционных подходов в учении о государстве, праве и морали в обществе, уделив пристальное внимание юридическим и политическим институтам. Заслуги социологов-юристов, особенно П.И. Новгородцева, состоили также в том, что они дали обстоятельный анализ правосознания, его роли в регулировании жизни общества, нормативного и асоциального поведения.

Идеи ***марксистской школы*** нашли отражение в работах *М.И. Туган-Барановского* (1865—1919), *А.А. Богданова* (1873—1928), *Г.В. Плеханова* (1856—1918), *В.И. Ленина* (1870—1924) и отчасти, до определенного времени, *П.Б. Струве* (1870—1944), *С.Н. Булгакова* (1871—1944) и *Н.А. Бердяева* (1874—1948), которые развивали идеи о материалистическом понимании истории, хотя каждый по-своему. Так, А.А. Богданов, говоря о самостоятельности социологии как науки, активно отстаивал ее тесную и близкую связь с одной из наук о природе — биологией. Он много времени посвятил разра-

ботке теорий социальной адаптации (адаптации к знанию и адаптации к идеологии) и социальной революции. Уже после революции 1917 г. он опубликовал свою работу «Тектология», в которой разработал организационные основы любых социальных систем и социальных организаций, обосновал исходные идеи кибернетики.

У М.И. Туган-Барановского привлекательны его выводы о пяти основных группах интересов человека, среди которых наиболее важными он считал психологические, альтруистические и религиозные. Г.В. Плехановым изложена марксистская теория общественного развития, рассмотрены проблемы соотношения общественного бытия и общественного сознания.

Идеи В.И. Ленина в социологии связаны с развитием учения К. Маркса о классах, классовой борьбе, роли народных масс в истории, а также о соотношении демократии и диктатуры, роли государства в создании и функционировании социалистического государства.

Уникальным явлением в российской социологии была ***субъективная (или этико-социологическая) школа***, наиболее яркими представителями которой были *П.Л. Лавров* (1823—1900), *Н.К. Михайловский* (1842—1904), *С.Н. Южаков* (1849—1910). Это самобытное научное направление предвосхитило многие идеи человековедения, к которым обратились и западные и отечественные социологи гораздо позже. Так, по мнению Лаврова, индивид является единственной реальной движущей силой общества и поэтому «социология есть наука, исследующая формы проявления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями».

Н.К. Михайловский исходил из необходимости спасения индивида от разрушительного воздействия социального контроля, придавал большое значение взаимодействию человека с обществом. Проанализировав сущность и структуру социального поведения, он высказал ряд идей, предвосхищавших выводы З. Фрейда о роли подражания, внушения и престижа.

Н.И. Кареев особое внимание уделял роли индивида в истории, главной составляющей единицы организованной среды. «Тезис, — писал он в своей работе "Основные вопросы философии истории" (1883), — это самообусловленность индивида в социальном и культурном аспектах; антитезис — зависимость индивида от установлений и институтов организованной среды; синтез — зависимость среды от индивида и его самообусловленности».

Субъективного подхода придерживались и русские религиозные мыслители *В.С. Соловьев* (1853—1900), *С.Л. Франк* (1877—1950).

Особо следует сказать о таких выдающихся представителях социологической мысли, как *Н.Я. Данилевский* (1822—1885), *П.А. Сорокин* (1889—1968), *М.М. Ковалевский* (1851—1916). С именем последнего

связано создание первого в России социологического общества. Н.Я. Данилевский сконцентрировал свои усилия, говоря современным языком, на *системном подходе*, учитывающем этнографические, антропологические, социальные, территориальные и другие признаки культурно-исторических типов общества, из которых и складывается общественная жизнь и каждый из которых переживает, как и любой живой организм, жизненный цикл от зарождения до упадка. Его иногда относят к основателям исторической социологии.

В определенном смысле системный подход в социологии применял и М.М. Ковалевский, утверждая, что не существует единого определяющего социального фактора. Социология, по его мнению, имеет дело с целым комплексом «раскрытия причин покоя и движения человеческих обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной и причинной связи между собой».

Вместе с тем практически всем без исключения представителям русской социологии этого периода была присуща одна общая, характерная черта: они, несмотря на значительные различия, были сориентированы на *изучение человека в его специфическом социальном измерении, разделяли идею о социальной сущности человека, о роли сознания и поведения в решении общественных проблем*. Так, Л.И. Петражицкий особое значение придавал роли эмоций как автономному доминирующему фактору социального поведения, благодаря которому возможна адаптация к окружающей среде. А.А. Богданов писал о социальном инстинкте — силе, заставляющей человека взаимодействовать с другими людьми, поступать, как они, что особенно отчетливо проявляется в имитации как особой форме социального поведения. Более того, в своей работе «Из психологии общества» он утверждал, что «социальное бытие и социальное сознание — одно и то же, а поэтому социальное сознание определяет социальную борьбу». Главным критерием «культурно-исторических типов», по Данилевскому, является языковая близость. У Плеханова большое внимание уделялось не просто общественному сознанию, а общественной психологии и ее роли в жизни людей.

Иначе говоря, большинство социологов России в XIX — начале XX в. прямо или косвенно выходили на проблемы человека, индивида как социального существа, считая сознание и поведение основным критерием общественного прогресса, а в ряде случаев рассматривая этот феномен в качестве основного объекта социологического изучения. Именно гуманистическая направленность, человеческое измерение общественной жизни являются важнейшей характеристикой состояния и развития отечественной социологии в этот период времени. Именно этот аспект и использует автор в своей

концепции ***социологии жизни***, которая в развернутом виде учитывает тенденции развития общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования людей.

1.5. Российская (советская) социология

После октября 1917 г. первое десятилетие советской власти в целом характеризовалось продолжением тех традиций социологической мысли, которые сложились на предшествующем этапе, с той лишь поправкой, что марксистская школа стала постепенно претендовать на ведущую роль. Под влиянием *Н.И. Бухарина* (1888—1938) социология стала отождествляться с историческим материализмом. И хотя Бухарин впоследствии был репрессирован, эта точка зрения восторжествовала до такой степени, что исторический материализм вообще вытеснил социологию, превратив этот термин на долгие годы в нежелательное, критикуемое слово.

Сначала социология получила поддержку, потому что это была официальная позиция, выраженная В.И. Лениным в его проекте развития социалистической академии, в котором он ставил вопрос о социальных исследованиях. Были созданы институты, занимающиеся различной социологической проблематикой. Директором одного из них стал *К.М. Тахтарев* (1871—1925).

В 1920-е гг. серьезное развитие получили отдельные отрасли социологического знания. В области социологии экономики и труда плодотворно работали *С.Г. Струмилин* (1877—1974), *А.К. Гастев* (1882—1938), *П.М. Керженцев* (1881—1940). В этот период были широко известны исследования Е.О. Кабо, Б.Б. Когана и М.С. Лебединского по изучению быта рабочих, А.И. Колодной — по проблемам молодежи, А.Б. Гайстера и П.А. Анисимова — по сельской тематике, И.А. Загорской и А.В. Трояновского — по социологии культуры, Л. Паперного и Б. Смулевича — по социологии города, Е.Н. Анциферова — по социологии искусства.

Справедливости ради следует сказать, что социология в данный период была представлена не только марксистами. Труды П.А. Сорокина, В.А. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.И. Кареева, С.Н. Булгакова, А.С. Звоницкой, В.М. Хвостова и др. развивали социологию в других ракурсах и на других основах, что служило базой для становления принципиально новых подходов в этой науке.

В эти годы проводились крупные социально-экономические, этнографические и социально-психологические исследования, среди которых особо хотелось бы отметить труд А.М. Большакова «Деревня. 1917—1927», в котором дана обстоятельная картина противоречивой жизни советской деревни.

С конца 1920-х гг. социологические исследования не проводились, за исключением специальных обзоров и анализа информации в идеологических интересах. В 1929 г. было принято постановление, которое оценивало социологию так же, как кибернетику и генетику в конце 1940-х гг.

Однако следует сказать, что слово «социология» не было полностью запрещено. В работах и выступлениях академика *Г.Ф. Александрова* (1908—1961) можно встретить его неоднократно. Это объясняется принадлежностью академика к высшей иерархии советско-партийной номенклатуры и возможностью высказываться более свободно по данному вопросу, хотя это (и другое) кончилось для него плачевно. Конкретные методы изучения действительности были запрещены (или не поддерживались), ибо данные таких исследований портили или могли испортить картину официальной идеологии, а приравнивание социологии к историческому материализму позволяло трактовать якобы на научном уровне социальные проблемы развития общества.

Начиная с конца 50-х гг. XX в. социология стала возрождаться, хотя этот процесс происходил не без серьезных изъянов и издержек. Крепло убеждение в необходимости организации социологических исследований. Первые шаги сделало социологическое образование. Все большее признание получали методы социологии в экономике, политике, в исторических и правовых науках, в языкознании, искусствоведении, литературе. В 1958 г. была образована Советская социологическая ассоциация во главе с академиком *Г.П. Фроловым* (1903—1968), а некоторое время спустя первое социологическое подразделение в рамках Института философии — сектор труда и быта рабочего класса под руководством *Г.В. Осипова* (р. 1929).

Однако официальное признание социологии в конце 1950-х гг. не сразу прояснило суть дела, хотя были предприняты различные попытки определить специфику и место социологии в структуре общественных наук. На первых порах российской социологии пришлось преодолевать ее *отождествление с историческим материализмом или социальной философией*, которые трактовались как методологическая основа социологии и на этом основании претендовали на изучение общества в его целостности и многообразии. К компетенции же социологии, согласно этому подходу, относятся только прикладные проблемы, эмпирические исследования, поиск возможностей и резервов в отдельно взятых социальных институтах, процессах и явлениях. Такой вспомогательный, подсобный характер социологии культивировался в нашей стране в течение 60—80-х гг. XX в., что в той или иной мере поддерживалось представителями других наук: давайте, мол, нам информацию, сведения, данные, а их теоретическим осмыслением займемся мы.

Вместе с тем за эти годы были получены значительные результаты по самым различным вопросам социологии. Возрождение социологии сопровождалось появлением групп энтузиастов, которые стали олицетворять процесс постепенного приобретения ею прав гражданства. В Ленинградском государственном университете была создана лаборатория под руководством В.А. Ядова, которая сразу заявила о себе фундаментальными исследованиями, нашедшими отражение впоследствии в коллективном труде «Человек и его работа». В Москве в числе первопроходцев были *Б.А. Грушин* (1929—2007), *Ю.А. Левада* (1930—2006), *Н.И. Лапин* (р.1931).

В 1960-е гг. возникли исследовательские подразделения и группы, которые активно включились в проведение социологических исследований: в Свердловске — Л.Н. Коган (1923—1997), в Новосибирске — Т.И. Заславская, В.И. Бойко, в Уфе — Н.А. Антоп (1925—1999), в Горьком — С.Ф. Фролов, в Красноярске — Ж.Т. Тощенко, в Барнауле — В.С. Барулин (1930—2007), в Иркутске — Г.И. Мельников, в Хабаровске — Г.С. Хохлюк, в Саратове — Ярская В.Н., в Самаре (Куйбышеве) — Е.Ф. Молевич, в Тюмени — К.Г. Барбакова.

Крупной вехой в конституировании социологии стало создание в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР (в дальнейшем Институт социологии) во главе с академиком А.М. Румянцевым (1905—1978). В 1974 г. начал выходить журнал «Социологические исследования».

Во второй половине 1970-х гг. в специальность ВАК СССР была введена ученая степень кандидата (доктора) наук в рамках философских дисциплин. К этому времени сложилась парадоксальная ситуация: существовал академический институт по социологии, был открыт академический журнал, введены ученые степени, но не было самостоятельного социологического образования, которое облачалось в одежды родственных наук и де-факто осуществлялось на ряде философских, экономических, исторических и юридических факультетов университетов. И лишь в 1989 г. после выхода в свет постановления секретариата ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» началась подготовка социологов в Московском и Ленинградском университетах, а затем и в других вузах.

В 1990—2000-е гг. оформились такие крупные исследовательские центры, как ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, Социологический центр РАГС, Центр социально-политических исследований ИСПИ РАН.

За 1950—2000 гг. сложились несколько направлений в отечественной социологии.

Прежде всего, следует отметить плодотворную работу теоретиков и историков социологии, которые вели трудный и сложный поиск

ответов на фундаментальные вопросы социологической науки, ее связи с другими научными дисциплинами. При всей спорности обсуждаемых идей отечественная социология открывала новые грани предмета, объекта и направлений исследования. Наиболее значительные работы принадлежат Г.В. Осипову, И.А. Голосенко (1938—2001), А.Г. Здравомыслову (1928—2009), С.А. Кравченко, Е.И. Кукушкиной, В.П. Култыгину (1940—2009), Л.Н. Москвичеву, Н.В. Романовскому, М.Н. Руткевичу, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядову.

Труды Т.И. Заславской, И.В. Рывкиной, В.В. Радаева, В.Я. Ельмеева (1928—2010) и других сформировали основы экономической социологии.

В политической социологии интересные исследования осуществили Ю.А. Левада, Г.К. Ашин (1930—2011), В.Э. Бойков, В.К. Левашов, М.К. Горшков, Д.А. Керимов, В.В. Лапаева, Ж.Т. Тощенко и др.

Среди исследователей проблем социологии управления наиболее заметными стали работы Н.И. Лапина, Ю.Е. Волкова, А.В. Тихонова, В.В. Щербины, А.И. Кравченко, В.А. Лукова, Ю.Д. Красовского, А.И. Пригожина и др.

Актуальные проблемы социологии труда нашли отражение в исследованиях И.И. Чангли, В.Г. Подмаркова (1929—1979), Р.В. Романова, А.К. Зайцева и др.

Среди исследователей социальной структуры наряду с Т.И. Заславской можно выделить исследования Л.А.Гордона (1930—2001), Э.В. Клопова (1930—2010), З.Т. Голенковой, Л.А.Беляевой, В.И.Староверова, Н.Е. Тихоновой, Н.Е. Покровского, В.Т. Лисовского (1929—2002), С.И. Голода, А.И. Антонова, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок и др.

Социологические проблемы социальной политики и социальной работы получили освещение в работах В.И. Жукова, Г.И. Осадчей, С.И. Григорьева, Е.Р. Смирновой-Ярской и др.

Значительное место заняли исследования духовной жизни, культуры, образования, нашедшие отражение в работах В.Н. Шубкина (1923—2010), Л.Н. Когана (1923—1997), Ф.Р. Филиппова (1924—1990), В.И. Добренькова, Г.Е. Зборовского, Н.Н. Козловой (1946—2002) Д.Л. Константиновского, Л.Б. Ионина, В.Я. Нечаева (1944—2006), Ю.Р. Вишневского, А.И. Шендрика и др.

В 2000-е гг. велись интенсивные разработки проблем национального и территориального развития, включая этнодемографические, что нашло отражение в трудах Ю.В. Арутюняна, А.В. Дмитриева, Л.М. Дробижевой, П.П. Великого, Л.Л. Рыбаковского и др.

Особо следует отметить достижения в разработке и обосновании методологии и методов социологических исследований, которые содержатся в произведениях В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой, Г.Г. Татаровой, Ю.Н. Толстовой.

На грани 1980—1990-х гг. появились и окрепли акционистские точки зрения, когда в центр внимания социологии было поставлено поведение людей (Ю.Г. Резник, Е.Ф. Молевич). В их теоретических представлениях в центр внимания социологических исследований ставились сознание и поведение человека, его активные, творческие и созидательные действия, что позволило обосновать эти представления в концепцию «социология жизни» (Ж.Т. Тощенко).

Таким образом, становление отечественной социологии как науки прошло сложный путь. Социологическое знание стремилось вобрать в себя все лучшее, что имелось в трудах предшествующих поколений социальных мыслителей. На каждом этапе исторических преобразований социология обогащалась новыми представлениями, которые определяли ее лицо и имидж. К началу XXI в. российская социология *сделала серьезный прорыв в познании социальной реальности и ее особенностей в условиях происходящих кардинальных изменений.*

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите условия и причины появления социологии в XIX в.
2. Какие основные школы существовали в зарубежной социологии XIX в. и в русской социологии XIX — начала XX в.?
3. Перечислите социологов, относящихся к классической социологии. Каковы их основные идеи?
4. В чем состоят сущность и главные идеи современных социологических направлений: структурного функционализма, теории социального конфликта, бихевиоризма, феноменологической социологии и др.?
5. Каковы основные этапы развития российской социологии?

Темы для рефератов

1. О. Конт и его позитивистская социология.
2. Эволюционистская социология Г. Спенсера.
3. Э. Дюркгейм и его воззрение на общество как особую духовную реальность.
4. Социологическая концепция М. Вебера.
5. Интегральная социология П.А. Сорокина.
6. Субъективистская школа в русской социологии.
7. Основные школы и ведущие ученые западной и российской (советской) социологии (характеристика школ и трудов отдельных исследователей).

Глава 2

Объект и предмет социологии

Конституирование социологии как науки предполагает *раскрытие ее сущности и содержания, определение объекта и предмета, выявление ее границ и места среди других общественных дисциплин.* Решение таких основополагающих требований долгое время затруднялось тем, что, возникнув на пограничных областях социального знания, социологии в течение значительного периода не могла в полной мере отпочковаться от породивших ее наук — философии, истории, права, экономики.

Серьезной преградой для конструирования социологии была и есть претензия на то, что только она в полном объеме в отличие от других социальных наук изучает общество. Данная точка зрения, не преодоленная до сих пор, в том числе и в отечественной социологии, серьезно затрудняет выявление качественной определенности социологии. Начатый Э. Дюркгеймом пересмотр этой концепции (социология изучает не все общество, а только одну из его сторон — социальную реальность) продолжается до сих пор. И большинство исследователей все больше и больше задаются вопросом: а какая часть, какой аспект, какой срез общества становится объектом и предметом социологической науки? Имеется много соображений, и это многообразие отражает наличие значительного числа школ в мировой социологии, различных взглядов, что характерно и для отечественной социологии.

В социологии до сих пор существуют взгляды, согласно которым она является своего рода метанаукой и что, опираясь на данные других социальных наук, она олицетворяет обобщающую концепцию, свое понимание происходящих процессов в обществе. Естественно, что такая постановка вызывала возражение представителей смежных наук. И дело даже не в том, что социология не может уловить все характеристики (можно только стремиться к увеличению их числа, все точнее и глубже описывать социальные процессы и явления), а в том, что за пределами компетенции социолога остаются экономические, политические, духовные факторы, которые не могут быть им изучены, если только он не хочет прослыть всезнайкой, «поверхностным» наблюдателем всего и всея. Социология как наука нуждается в обосновании самостоятельного статуса, который на качественном уровне позволяет разграничить ее с другими

науками, отличить социологическое знание от философского, исторического и т.п.

С развитием эмпирических исследований было убедительно продемонстрировано, что ни в одном не только крупномасштабном, но и локальном проекте нельзя охватить все многообразие связей, существующих в обществе. Но они породили множество концепций (теорий, идей, представлений, взглядов), претендующих на новое слово в науке, но фактически создающих зону неопределенности, многозначности, что дает основание для появления различных постмодернистских воззрений и лишает социологию общей методологической базы. Вот почему определенность и логичность науки требуют определения ее объекта и предмета.

2.1. Объект социологии — гражданское общество

Объектом социологии, как и всех других социальных наук, является общество. Однако каждая из социальных наук имеет свой аспект его изучения: истории исследует общество в его поступательном развитии, экономические науки — развитие национального хозяйства во всем многообразии его модификаций, философия — общие закономерности развития природы и общества, психология — развитие и функционирование индивида и образуемых им групп, общностей и т.д. Необходимость уточнения объекта встала и перед социологией — *изучать не просто общество, а какое общество или какой аспект его развития*.

Само понятие «общество» стало достоянием научного знания только в XVIII в. До этого времени ученые оперировали понятием «государство» в его конкретном преломлении: «царство», «княжество», «империя», «ханство», «полис» и пр. Однако к этому времени стало очевидно, что в жизни народов, особенно в Европе, наряду с государством и его олицетворением в виде определенной политической власти возникают оппонирующие силы в лице *общественных организаций и движений, самостоятельных, независимых от государства экономических и социальных образований*. Иначе говоря, в жизни человечества в результате великих буржуазных революций появилась новая социальная реальность, базирующаяся на принципиально новой экономической и политической основе. Именно в этот период начала рождаться *идея о гражданском обществе* как наиболее соответствующая становящимся реалиям. Потребности в их осмыслении породили новые концепции и новые выводы, ибо ключевой проблемой гражданского общества стал человек как субъект исторического процесса.

Одну из первых идей о гражданском обществе высказали Г.В. Гегель и К. Маркс, которые, анализируя процесс развития человечества, пришли к выводу, что данный феномен — гражданское общество — рожден только на определенной стадии исторического процесса, а именно как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от буржуазных — английской и французской — революций. По их мнению, гражданское общество — это такая грань и ступень в развитии человеческого общества, которая охватывает «определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов... Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (К. Маркс).

В разработку идей гражданского общества значительный вклад внесла ***концепция социального государства***, которая была выдвинута в начале XIX в. и обоснована немецким государственником и экономистом Л. Фон Штейном (1815—1890), чьи идеи сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени. Эта теория исходила из того, что функции государства заключаются в постоянном поддержании равенства и свободы низших обездоленных классов по сравнению с богатыми и сильными, что государство должно заботиться об общественном прогрессе во имя всех членов общества. Однако на практике эти идеи стали использоваться значительно позже — лишь начиная с 40-х гг. XX в. Многие исследователи такой исходной точкой считают «план Бевериджа», представленный его автором британскому парламенту в 1942 г. Этот план стал реализовываться лейбористским правительством в 1945 г. Его суть заключалась в том, чтобы организовать *социальное страхование всех граждан страны*, а также гарантировать *единый средний доход*, которого хватило бы на скромное, но достойное поддержание жизни каждому человеку, живущему в Великобритании. После Второй мировой войны эта концепция приобрела статус конституционного принципа и стала воплощаться во Франции, Швеции, Италии, ФРГ и несколько позднее в Испании, Португалии, Японии.

Особый этап в разработке идей гражданского общества олицетворяет концепция ***общества потребления, или общества благосостояния (благоденствия)***, которая родилась в 50—60-е гг. XX в. в ходе научно-технической революции, борьбы профсоюзов за права работников. В реальной жизни получил распространение стандартный семейный бюджет, гарантирующий благополучие и достойное потребление не только работнику, но и членам его семьи. Эта концепция способствовала фетишизации потребления, сначала стан-

дартных бытовых товаров и услуг, а затем и престижных их аналогов, что привело к господству «власти» и «тирании вещей», к искажению представлений о реальных ценностях человеческой жизни. Но вместе с тем эти теория и соответствующая политическая практика повлияли на рост культуры производства, на уровень и качество потребления, на использование в личной жизни товаров длительного пользования. Особенно это важно было для молодых семей, которые в результате развитых потребительского и ипотечного кредитов получили доступ для организации нормальной частной жизни с первых лет своего существования. Несомненно, что это тоже отражало социальные гарантии, которые входили в представление о гражданском обществе.

Немалая заслуга в обосновании идей гражданского общества принадлежит ***концепции постиндустриального общества***, основоположником которой считается Дж. Белл. В своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) он обосновал тезис, что после *первого этапа* в историческом развитии человечества, когда в основе развития лежал аграрный сектор, и после *второго этапа*, отличительной особенностью которого было доминирование промышленного сектора, наступил *третий этап*, ознаменовавший выдвижение на первый план сферы услуг. Причем Белл понимал сферу услуг шире, чем идеологи общества благосостояния — в нее он включал не только потребление товаров, но и услуги в сфере знания, качественные изменения в образе и стиле жизни. В соответствии с этим он ставил под сомнение существование прежней социально-классовой структуры, доказывая, что исчезновение классов коррелирует с доступом большинства людей не только к материальным, но и к культурным благам. Кроме того, автор концепции постиндустриального общества настаивал на том, что наступила эра плюралистической демократии с одновременным повышением эффективности работы государственных институтов и структур. Это, в свою очередь, приводит к тому, что социальные и классовые конфликты замещаются другим основным конфликтом — между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью.

Принципиальные идеи гражданского общества были воплощены в ***концепции информационного общества***, которая появилась как реакция на ограниченность теорий общества благоденствия и постиндустриального общества. Этот термин, впервые предложенный японским теоретиком К. Комой и развитый его коллегой И. Масудом, был не только достоянием научного знания. Его идеи были воплощены в принятой в Японии в 1972 г. программе «План информаци-

онного общества: национальная цель к 2000 г.». В дальнейшем эти идеи развивались Э. Тоффлером, Дж. Нейсбитом и др. Суть этой концепции заключалось в том, что обосновывалась роль и значение еще одного сектора — информационного (наряду с аграрным, промышленным и сферой услуг), в котором признавалась ключевая роль информации как фактора, превосходящего по значимости все виды производства и потребления. Интеллектуальные возможности информационного общества открывают невероятные возможности знаниям, а также интерактивным коммуникациям, которым приписывается роль основных агентов социальных и политических изменений в современном обществе.

Значителен вклад в развитие идей гражданского общества ***теории конвергенции***, обоснованной в 40—60-е гг. XX в., которая возникла как альтернатива угрозе третьей мировой войне, историческому абсурду дальнейшей дивергенции. Характерной чертой этой концепции, начало которой положили П. Сорокин, Ж. Фурастье, Ф. Перру, О. Флехтейм, Дж. Белл, Р. Арон, У. Ростоу, С. Хантингтон, являлось признание общих черт капитализма и социализма, позитивного опыта социализма в области решения социальных проблем. Эта теория исходила из того, что сближение двух систем возможно на основе встречного движения, которое выражалось в том, что они оказывали влияние друг на друга и усваивали некоторые идеи и практику друг у друга: капитализм — идеи планирования, развития науки и образования, гарантии социальных прав, а социализм — идеи большего внимания к нуждам конкретного человека, обеспечение его свобод и прав, особенно в области личной жизни.

Наконец, развитию идей гражданского общества способствовали ***теория и практика социального партнерства***, под которыми подразумевалась возможность согласования интересов всех основных субъектов исторического процесса — общества, государства, социальных групп и общностей, личности (индивида). Некоторые идеи этой концепции восходят к разработкам Э. Бернштейна, Л. Блана, П. Прудона. Концепции социального партнерства обращают внимание на существование двух принципов регулирования общественной жизни: 1) контроль за развитием в сфере экономики, политики и культуры со стороны государства; 2) упрочение и усиление автономных и независимых от государства общественных движений и политических организаций, выступающих равноправными силами при обсуждении актуальных проблем развития страны.

Именно это многообразие подходов и характеристик развития человечества в XX в., их определенная нацеленность на социальные проблемы общественной жизни привели к тому, что постепенно

сформировалось целостное представление о гражданском обществе, что позволяло в более завершенном виде осмыслить все многообразие происходящих изменений.

Итак, что же собой представляет гражданское общество как объект социологии?

Подчеркнем еще раз, что гражданское общество смогло возникнуть лишь на определенном этапе развития человечества. А именно в XVIII в. размежевание понятий «государство» и «общество» не только произошло в научной мысли, но стало складываться и в реальной жизни. Хотя на предшествующих ступенях развития европейских обществ существовали его отдельные элементы, незрелые формы, но как самостоятельное, самодовлеющее явление гражданское общество сформировалось на том рубеже, когда человек стал демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни. Это было вызвано процессом становления и развития буржуазного общества, когда люди и созданные ими общественные объединения и организации получили возможность действовать как самостоятельная социальная сила, влияние которой в значительной степени зависело от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. В отличие от рабовладельческих и феодальных отношений *человек в массовом порядке становился ответственным за судьбу социально-экономических преобразований, за устройство социальной и политической жизни.* О том, что появление человека как гражданина связано лишь с определенным этапом развития общества, свидетельствует и замечание К. Маркса, что «быть рабом или быть гражданином — это... отношения человека А к человеку Б», которые устанавливаются посредством и при помощи общества».

Именно с появлением капитализма на исторической арене люди на качественно новой основе стали воздействовать на ход общественной жизни. Стало существенно возрастать участие отдельного человека в решении различных жизненных проблем. Люди все чаще начали действовать сообща — не как одиночки в древние эпохи или Средние века, а как классы, социальные группы и слои, включаясь в политические и другие объединения и организации.

Если подвести итог сказанному, то можно сказать, что гражданское общество обладает следующими характеристиками.

Гражданское общество — это *реализация социальных идей о взаимоответственном и равноправном сотрудничестве государства и оппонирующих ему сил в лице общественных организаций, движений и объединений.*

В гражданском обществе общественная (публичная) и личная (частная) жизнь имеют автономный статус, который построен на взаимном учете социальных интересов. Более того, частная жизнь выводится из-под контроля государства и все больше регулируется социальными установлениями, одобренными обществом ценностями, ориентированными на человека.

Гражданское общество — это общество, в котором *неотъемлемым приоритетом пользуются права и свободы личности*, что позволяет дистанцироваться от националистических, теократических и охлократических тенденций. Иначе говоря, актуальной ценностью продолжает оставаться лозунг, провозглашенный еще в период французской революции конца XVIII в., — «свобода, равенство, братство».

Гражданское общество — это общество, в котором постоянно *расширяются возможности самоуправления* во всех его видах и проявлениях, что создает максимум условий и возможностей для соучастия людей в делах общества и государства.

Гражданское общество — это *постоянное согласование социальных интересов всех участников* исторического процесса, его основных сил, достижение и реализация принципов конвенционализма.

И наконец, гражданское общество — это *общество, которое обеспечивает социальную защиту, гарантирует соблюдение прав и свобод человека*.

Таким образом, возникновение гражданского общества означало принципиально новый тип общественных отношений, при которых ***каждый человек*** независимо от сословной и национальной принадлежности, вероисповедания, материального положения мог претендовать на полноправное участие в решении всех без исключения общественных проблем. И хотя это положение не сразу и не во всех странах полностью реализовано до сих пор, но именно оно служит ориентиром для становления и развития демократии, отстаивания прав и свобод человека. Именно гражданское общество породило (сделало востребованной) социологию, когда стало очевидным, что в его строительстве призваны участвовать не только цари, ханы, короли, военная, религиозная и светская знать, но и все люди, что их голос должен быть услышан при осуществлении любых изменений в государственной и общественной жизни.

Все это позволяет сделать вывод, что ***гражданское общество*** — *это совокупность организованных, исторически сложившихся форм совместной социальной жизнедеятельности (наряду с официальной государственной деятельностью), определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек в своей общественной (публичной) и личной (частной) жизни.*

2.2. Предмет социологии — реальное сознание, поведение, среда

Каждая наука имеет свой предмет. Им обозначается некоторая определенность, выделенная из мира объекта в процессе познания и деятельности людей. Впервые разделение предмета и объекта науки предложил в 1904 г. австрийский философ Г. Амеседер, который трактовал предмет как акт данности объекта в процессе познания. В дальнейшем трактовки предмета науки неоднократно уточнялась, в результате чего существует несколько его интерпретаций.

1. Это грань объекта, которая определяет содержательную, сущностную ее сторону.

2. Один из аспектов объекта, на изучение которого направлены усилия исследователей.

3. Часть (фрагмент) объекта, когда исследуются определенные сегменты (сферы, структуры) объекта.

4. При определенных обстоятельствах объектом науки становится ее предмет и наоборот. «Категория «предмет науки» связана с фиксацией двуединства: объективно существующих закономерных связей и понятий, эти связи отображающих» (Вавилин, Фофанов, 1983).

Что касается социологии, то при определении ее предмета как грани, части, аспекта объекта (общества) использовались различные подходы, оформленные в соответствующие концепции и направления.

Во-первых, в качестве предмета социологии рассматривалось *общество в целом* (в этом случае объект и предмет науки отождествлялись). Этой точки зрения придерживался основоположник социологии О. Конт. Ему вторил Г. Спенсер и другие мыслители XIX в., хотя в то же время каждый из них по-своему трактовал общество, уделяя внимание тем или иным аспектам его развития. В русской социологии ее наиболее последовательно придерживался Н.И. Кареев. Эта точка зрения сохраняет свое звучание до настоящего времени как в зарубежной, так и отечественной литературе.

Во-вторых, достаточно широко распространена точка зрения, когда социология нацелена на исследование *общих и специфических закономерностей развития и функционирования общества, путях и формах его изменения или совершенствования*. Такая постановка вопроса наиболее полно нашла отражение в марксистской социальной философии (историческом материализме), с которым социология отождествлялась (Г.В. Плеханов, Н.И. Бухарин, В.С. Немчинов, П.Н. Федосеев). На наш взгляд, при таком подходе реальность во всем ее многообразии перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности или слишком абстрагируются от

нее. И если эта трактовка вполне приемлема для социальной философии, то для социологии важно представить не абстрактную, а реальную жизнь в самых различных специфических и особенных аспектах развития.

В-третьих, в начале XX в. научная мысль подошла к необходимости сузить предмет социологии до более конкретных формулировок. Этот поиск привел к тому, что социологи начали рассматривать в качестве объекта изучения не все общество, а лишь отдельные его фрагменты, связанные с социальной жизнью и такими феноменами, как *социальный факт* (Э. Дюркгейм), *социальное действие* (М. Вебер), *взаимодействие* (Э. Гидденс), *социальная стратификация* (П.А. Сорокин).

В-четвертых, в начале XX в. ряд социологов начали рассматривать в качестве предмета изучения не все общество, а его социальность, социальную жизнь, а также такие ее феномены, как *социальная сфера», социальные отношения, социальные процессы* (Ф. Тённис, Г. Зиммель, Н. Смелзер, Г.В. Осипов, Ю.Е. Волков). В своих трудах эти социологи выделяли сферу социальной жизни как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной. Согласно этому подходу, понятия социального, социальных связей и отношений и способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социального развития — для характеристики его направленности (Н.И. Лапин).

В-пятых, получил широкое распространение подход, согласно которому целью социологии объявляется *изучение социальных систем, социальных сетей, упорядоченных совокупностей людей* (Т. Парсонс, М. Кастельс, Г.П. Давидюк, В.Я. Ельмеев, А.В. Дмитриев, В.П. Култыгин). Причем в рамках этого подхода имеются свои нюансы и особенности, согласно которым важнейшей задачей социологии становится типологизация социальных отношений, исследование взаимосвязей каждого социального объекта, получение научного знания о механизмах и формах функционирования социальной реальности. Однако ориентация на исследование преимущественно структур (систем) неэвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его изменение. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии.

В-шестых, достаточно широко распространена концепция, которая *основное содержание социологии видит в исследовании социальной структуры во всех ее проявлениях.* В соответствии с этой позицией социология — это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании классов, социальных групп, общностей и форм их самоорганизации. Согласно этому мнению,

социология — наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных общностях, о взаимоотношениях между ними и личностью (Г.Е. Зборовский, М.Н. Руткевич, В.А. Ядов). Однако изучение социальных общностей нередко осуществляется с точки зрения их организации и функционирования, и недостаточно уделяется внимание их эволюции. Кроме того, следует обратить внимание на то, что ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

В-седьмых, получил распространение *мир-системный анализ общественной жизни*, который наиболее яркое воплощение получил в трудах И. Валлерстайна. Этот анализ не ограничивается рассмотрением взаимоотношений и взаимодействий людей — он претендует на изучение более широкой совокупности общественных процессов — вплоть до человечества в целом, что породило глобалистские концепции социологии. В отечественной социологии эта точка зрения тесно связана с анализом проблем устойчивого развития общества (В.К. Левашов).

И наконец, получает все большее распространение точка зрения, что *социология — это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества*. Его разделяют многие социологи (П.А. Сорокин, А. Турен, Ю.Г. Волков, С.А. Кравченко, Н.Е. Покровский, Ж.Т. Тощенко, С.И. Григорьев). Согласно этому подходу, *социология изучает совокупность социальных явлений и процессов, характеризующих реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, а также условия (окружающая среда)*, которые влияют на их развитие и функционирование социально-экономической, социально-политической и духовной сфер жизни общества. Таким образом, основным характерным признаком социологии конца XX в. становится человекоцентричный подход, олицетворяющий непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. ***В этих рамках человек предстает как ресурс общественного развития (прогностический аспект) и как носитель социального капитала (прагматический аспект), который является огромным резервом и импульсом общественного развития.*** Гражданская, нравственная и творческая значимость личности подтверждена как объективно сформировавшимся заказом на гуманистическую компоненту исторического процесса, так и соображениями практической целесообразности. Именно такой подход является наиболее эффективным, чтобы понять происходящие эпохальные перемены в конце 2-го — начале 3-го тысячелетия.

Анализ сложившейся ситуации в мировой социологии приводит к выводу: «Микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. А каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуры общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов» (Кравченко, Покровский, 1987).

Все это позволяет утверждать, что современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, к признанию того, что анализ жизни людей все больше и больше становится объектом внимания социологии. При этом уместно сделать два замечания. *Первое.* Справедливо утверждение, что прошло то время, когда в социальных науках, в том числе и в социологии, общество объявлялось первостепенным объектом анализа. К настоящему времени уже достаточно отчетливо выявилось, что «за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если "единицы" считать "нулями", то теории никогда не сойдется с практикой» (Ю.Г. Волков, 1995). *Второе.* Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению (поэтому социология употребляет понятие «личность»). Социология претендует на анализ надындивидуальных социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории.

Исходя из сказанного ***первой базовой характеристикой*** предмета социологии является *реально функционирующее общественное сознание во всем его многообразии, противоречивости и многозначности.* Социология имеет дело не с общественным сознанием вообще, безликим и аморфным, не имеющим начала и конца, не просто с некоторыми логическими конструкциями, а с реально функционирующим общественным сознанием, к которому следует подходить с особых теоретико-методологических позиций. Обобщая данные выводы и предложения, можно сказать, что базовым понятием для социологии является общественное сознание и его компоненты: знание, информация, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и другие эмпирические элементы (подобнее см. «Понятия социологии»). В социологических исследованиях общественного сознания постепенно закрепляется ***новый методологический подход***, суть которого заключается в следующем: люди живут не в соответ-

ствии с теориями и концепциями, не ради государственных доктрин или программ политических партий — они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются различные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают общезначимый социальный характер. Люди судят о своем положении не по громковещательным обещаниям и декларациям, а по той реальной ситуации, с которой они сталкиваются в своей повседневной жизни. Что бы в настоящее время ни говорили о различных тенденциях и изменениях общественного сознания, несомненным фактором является оценка и самооценка «Я» со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые в конечном счете приводят к необходимости считаться с осознанием каждым человеком своего социального положения. Следует, наконец, учесть, что ***в ценностях и поведении людей происходят значительные изменения в структуре стимулов к жизни, к действию: внешние стимулы ослабевают, а внутренние растут,*** что является свидетельством возрастания роли субъективного фактора, духовного начала в развитии и функционировании современного мира. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что сознание развивается автономно, независимо, не всегда согласуясь с социально-экономическими отношениями. Здесь нет автоматизма взаимодействия между сознанием и бытием.

Второй базовой характеристикой предмета социологии является тот факт, что *общественное сознание становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, в действиях людей.* Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах.

Исходя из этого, важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс). Реализация прогностической функции сознания — гораздо более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни, в котором переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие. Иначе говоря, реальное, практическое поведение — это функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственно жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все его формы,

позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общие, присущие им признаки во всех сферах общественной жизни. В этой связи напомним характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным (1928), как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных». Следовательно, поведение (деятельность) людей является ***ступенью реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания.*** Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обусловливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Иначе говоря, реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Однако чтобы не впасть в субъективизм, следует отметить, что необходимо брать во внимание не только сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды, что составляет ***третий компонент*** характеристики предмета социологии. В свою очередь, ***макросреда*** характеризует процессы, происходящие в масштабе всего общества и опосредующие сознание и поведение людей как граждан, как членов данного общества. ***Мезосреда*** оказывает воздействие на сознание и поведение людей как жителей определенной территориальной социально-экономической общности, в которой они живут, работают, отдыхают и выполняют функции творца и потребителя. Что же касается ***микросреды***, то это непосредственное окружение, в котором человек взаимодействует на межличностном уровне и в котором существует контактная среда, оказывающая серьезное влияние на результативность его поведения, на организацию его общественной и повседневной жизни. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» (Маркс, 1867).

Таким образом, изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость *активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.*

В этой связи уместно напомнить, что общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, говорит и такое образное выражение, автором которого является английский историк и философ Т. Карлейль (1795—1881): «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей».

Обобщая сказанное, отметим, что предмет социологии как науки включает: *реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей.* Все названное позволяет нам назвать данную концепцию ***социологией жизни***, так как она оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

2.3. Место социологии в структуре социальных наук

Социология как наука нуждается в обосновании ее самостоятельного статуса, который на качественном уровне позволяет разграничить ее с другими науками, отличить социологическое знание от философского, исторического и т.п.

В советское время место социологии среди других общественных дисциплин выяснялось главным образом при обсуждении ее соотношения с историческим материализмом и теорией научного коммунизма. От полного отождествления с историческим материализмом до роли обслуживающей дисциплины, от трактовки исторического материализма как методологической основы социологии до отрицания ее полной самостоятельности — вот спектр мнений, который был предметом обсуждения в 60—80-е гг. XX в. По существу, в то время выяснялся лишь один вопрос: *какие области научного знания можно отдать социологии, признать принадлежащими ей?* В большинстве случаев давался один ответ: социология — это вспомогательная дисциплина, поставщик конкретной информации. Конечно, в ходе этих споров высказывались и иные точки зрения, но все они так или иначе отказывали социологии в праве на самостоятельную роль, приспосабливая ее к существующей структуре социального знания, и в лучшем случае предлагали компромисс между различными точками зрения, но опять же за счет социологии.

Какова же реальная ситуация ныне, в начале 3-го тысячелетия? Что касается *социальной философии*, то она концентрирует внимание на глобальных общественных явлениях, нацелена на выявление закономерностей развития человеческого общества. Опираясь на конкретно-исторические реалии, социальная философия стремится выявить общие тенденции и характер происходящих изменений, тогда как социология, используя знание общих закономерностей, осуществляет анализ роли и места человека в жизни конкретного общества, его взаимодействия с другими людьми в рамках различных социальных институтов, исследует специфику общностей разного типа и уровня. Такая постановка вопроса сняла много неопределенных моментов в соотношении социологии с философией и четко обозначила ее место среди фундаментальных наук об обществе.

По многим вопросам, касающимся производства, распределения, потребления и обмена, социология имеет много общего с *экономическими науками*. Взаимодействуя с ними, социология участвует в анализе поведения работника при решении всех без исключения экономических, организационных, технических, управленческих и других задач, связанных с функционированием производственных отношений, форм собственности. Социология способствует освобождению от бессубъектного рассмотрения экономики, более полной оценке знаний, воли, мотивов, желаний человека и их влияния на рост производительности труда, качество продукции, повышение социальной эффективности производства.

Что касается соотношения социологии с *политическими науками*, с *политологией*, то они, имея общий предмет исследования, серьезно отличаются друг от друга. Социология по сравнению с полито-

логией не претендует на всеобщий анализ проблем власти: в центр своего внимания она ставит определенную задачу — выявить место, роль и позицию людей, социальных групп и слоев в сфере политических отношений.

Правовыми науками также накоплен богатый опыт использования социологических данных при изучении правового сознания, процессов функционирования правовой культуры. Статистические методы в сочетании с субъективной информацией дают возможность оценить состояние и тенденции развития законности, государственности, пути реализации прав и свобод всех граждан общества.

Плодотворно взаимодействие социологии с *историческими науками*, что позволяет ей расширить традиционный инструментарий для реализации познавательных целей и задач. Широкое поле открывается и при исследовании проблемы исторического сознания — приоритет социологии здесь неоспорим по сравнению с другими научными методами.

Развитие *этики* и *эстетики* также предполагает использование возможностей социологии. Так, конкретные исследования дают количественную и качественную оценки степени развитости норм и ценностей, регулирующих отношения между людьми, уровня зрелости эстетического вкуса, путей и форм удовлетворения духовных потребностей и т.п. Взаимоотношения в семье, в коллективе, состояние нравственности можно во многом установить с помощью специфических методов, которые находятся в распоряжении социологии.

Значительный удельный вес в социологии имеет комплекс вопросов, относящихся к компетенции *экологии* и *медицины*. Проблемы здоровья, охраны природы, окружающей среды невозможно в полном объеме представить без анализа экологического сознания, физической культуры, различных аспектов милосердия.

В обосновании проблем архитектуры, градостроительства, территориального размещения, пространственной структуры расселения, в создании новых городов также потребовалось участие социологии, ибо игнорирование сложившегося уклада жизни людей, их традиций и склонностей привело к ряду серьезных ошибочных решений, таких как создание спальных районов, несбалансированность производственных и жилищных зон, ликвидация «бесперспективных» деревень, внедрение многоэтажного строительства в сельской местности, отказ от применения ландшафтной архитектуры и др.

Существуют и крепнут связи социологии с ***естественными*** и ***точными науками***. Именно в процессе взаимодействия с биологией нашел свое специфическое выражение системный подход, по-

лучили развитие социальная экология и социальная медицина. Развивается сотрудничество социологии с математической наукой, так как трудно представить ее без специальных математических методов, обеспечивающих эффективность и достоверность эмпирического исследования.

Важное значение в развитии социологии приобретают *междисциплинарные связи*. На их основе возникла социальная психология, развивается социолингвистика, проходит стадию становления социопедагогика. Для всех этих новых направлений науки вклад социологии состоит, во-первых, в замыкании проблематики на структурных социально-групповых носителях особых интересов, а во-вторых, в широком использовании специфических методов и приемов исследования, дающих возможность расширить фактологическую базу всего гуманитарного знания.

Итак, смысл вычленения социологии из всей системы наук, и прежде всего обществознания, состоит в том, чтобы выйти на *анализ сознания и поведения людей в единстве объективных условий и субъективных факторов*.

Вопросы и задания для повторения

1. Как проходила эволюция представлений о гражданском обществе?
2. Какие характеристики присущи гражданскому обществу?
3. Какие точки зрения существуют при трактовке содержания социологии?
4. Дайте определение предмета социологии.
5. Охарактеризуйте признаки реально функционирующего сознания.
6. Почему поведение (деятельность) является частью предмета социологии?
7. Что представляет собой феномен окружающей среды?
8. Как соотносится социология с социальной философией, экономической теорией, политологией, правом и другими науками?

Темы для рефератов

1. Эволюция представлений об объекте социологии.
2. Гражданское общество как объект социологии.
3. Предмет науки социология: генезис идей.
4. Проблема человека в социологии.
5. Генезис идей об общественном сознании.
6. Реальное поведение как воплощение (материализация) общественного сознания.
7. Среда как часть предмета социологии.

Глава 3

Основные категории и понятия социологии

Социология, как и любая наука, обладает ***категориями*** и ***понятиями***, которые характеризуют степень и глубину познания социальной реальности. Они характеризуют сущностные специфические особенности, которые присущи социологии, и в то же время отражают то, что их связывает с другими науками. Без понятийного аппарата социология не имела бы качественной определенности, целостности, логической завершенности. Именно поэтому, приступая к изучению этой науки, прежде всего надо овладеть ее категориально-понятийным аппаратом во всей его сложности, многоуровневости и многоаспектности.

Проблема категориально-понятийного аппарата — это *проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки*. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат всех наук, в том числе и социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и уточняют наши представления об изучаемой реальности. В 1990-е гг. Россия начала с поиска самой себя. Не осталась в стороне от этих исканий и наука вообще, и социология в частности. Жизнь поставила перед социологией задачу откликаться на новые реальности, более адекватно выразить требования времени, внимательнее посмотреть на накопленный багаж.

Анализируя данную проблему, следует отметить, что ***категории и понятия, несмотря на их близость и неразрывное единство, — это разные сущности, и необходимо четко видеть их различие***. К этому следует добавить, что они *изменяются под влиянием постоянно изменяющейся социальной реальности и в связи с модификацией самой науки, отражающей эту реальность*. Проблема категорий и понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существует ли единая социологическая теория или их много? Если их много, то как используются одни и те же понятия?

Остановимся прежде всего на трактовке категорий.

3.1. Категории социальных наук и социологии

Впервые наиболее полное учение о категориях было изложено в трактатах Платона и Аристотеля. В ранней греческой философии, когда бытие и мышление еще различались слабо, категории выступали в виде основных элементов материи в ее непосредственной данности (земля, вода, воздух, огонь, эфир). В связи с возникшим интересом к проблеме сознания и познания, разума и науки категории приобретают логичный вид и формулируются как обобщенные, отвлеченные понятия. У *Платона* их было пять — сущее, движение, покой, тождество и различие, а у *Аристотеля* — десять, которые он затем свел к трем основным — сущности, состоянию и отношению. В их интерпретации категории — это схемы суждений и умозаключений: то, что высказывается о сущем, подпадает под ту или иную категорию.

Принципиально новый этап в развитии учения о категориях связан с именем И. Канта (1724—1804). Категории для него — условие возможности синтеза, то, что формирует, конституирует опыт. Категории существуют априори, предшествуют всякому опыту, выражают логические функции всех возможных суждений. В соответствии с видами суждений Кант строит классификацию четырех видов категорий: *категории количества* (единство, множество, всеобщность); *категории качества* (реальность, отрицание, ограничение); *категории отношения* (принадлежность, причинность, общение); *категории модальности* (возможность, существование, необходимость).

В послекантовской философии произошел существенный сдвиг в анализе категорий — предметом исследования стали идеи разума, формы умозаключений, взаимоотношение которых выражается принципами тождества, противоречия и снятия его в синтезе. При этом категории трактовались вне связи со структурой языка, а как нечто сущее само по себе и реализующееся в природе и человеческом духе.

Для социологической науки особое значение приобрели идеи Ф. Шеллинга (1775—1854), который, исходя из тождества субъекта и объекта, рассматривал два вида категорий — *категории объективности*, разворачиваемые в натурфилософии, и *категории субъективности*, связанные с актами сознания и самосознания. Такой подход положил начало тому, что в XIX, а затем в XX в. отчетливо стала складываться и формироваться дифференциация категорий в соответствии с различными областями научного знания. Иначе говоря, каждая наука стала претендовать на то, что ей характерна своя сис-

тема категорий, которая может частично совпадать с всеобщими категориями и которая в то же время претендует на свое понимание и свою трактовку как предельно широких универсалий. В этой ситуации при трактовке категорий происходило смешение или абсолютизация то онтологического, то гносеологического, то психологического их понимания, хотя в рамках философско-методологической рефлексии они неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга.

В изменившихся условиях социальные науки объектом своих исследований окончательно избрали социальную реальность — общественную жизнь. В соответствии с этим центральной категорией становится *общество, понимаемое как многозначная система отношений и процессов, основополагающие характеристики которой становятся всеобщими категориями.* Исходя из этого подхода наряду с категориями рассудка стали использоваться такие категории, как переживание (В. Дильтей), интуиция (А. Бергсон), понимание (М. Вебер, Г. Зиммель).

Для характеристики общества, общественной жизни существенными оказываются модусы времени — настоящее, представленное в ценности; будущее, выраженное в цели; и прошлое, связанное с категорией «значение». Тем самым ***категории историзируются***, лишаются своей вневременной формы и локализуются в конкретно-исторических формах жизни. Подобная трактовка категорий существенно подорвала их значимость и универсальность, усилила тенденцию к их регионализации (что находит выражение в вычленении в науке различных отраслей и областей знания), а значит, к выделению тех из них, которые присущи только одной науке или группе однородных наук.

Процесс научной регионализации категорий не обошел стороной и социологию, которая, не отрицая необходимости изучения прошлого и будущего и даже оперируя в известной степени их характеристиками и показателями, тем не менее сосредоточивает основное внимание на настоящем, на ощущаемом и воспринимаемом времени и пространстве, на том, что является предметом заинтересованности людей, их сопричастности ко всему происходящему и окружающему их. Сосредоточение внимания на существующей социальной реальности все больше и больше *превращает социологию в социологию жизни* и соответственно требует уточнения того круга (системы) категорий, которыми она пользуется.

Таким образом, категории — это основные и наиболее общие понятия наук. Это «не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственно-

сти, высказывание о нем чего-то важного, внутреннего, существенного» (Лосев, 1967).

Все это позволяет сделать вывод, что категории социологии с точки зрения их *структуры* представляют собой следующее: 1) всеобщие категории, присущие всем наукам (сущность, состояние, отношение, закономерности); 2) категории общественных (социальных) наук (вселенная, общество, цивилизация, культура и т.д.); 3) категории социологии.

С точки зрения *содержания* категории социологии можно представить (классифицировать) в виде определенной структуры (рис. 3.1).

1. *Категории всеобщности* (вселенная, ноосфера, мир, человечество)	4. *Категории субъектности* (народ, классы, страты, общности, социальные группы)
2. *Категории качества* (цивилизация, формация, устойчивое развитие)	5. *Категории изменений* (управление, регулирование, модернизация, революция, эволюция, конфликт, травма)
3. *Категории объектности* (общественные отношения, социальное развитие, социальные процессы и явления)	

Рис. 3.1. Логическая структура категорий в социологии

Поясним эти выводы

Что касается ***категорий всеобщности***, то без них не может обойтись ни один представитель социальных наук (в том числе и социологии), когда он задается вопросом, какие универсальные и фундаментальные представления о мире могут быть использованы при осмыслении социального бытия. Такая направленность (и необходимость) изысканий породила букет различных социальных теорий, которые претендуют на предельно широкие обобщения явлений окружающего мира. Такая тенденция не обошла стороной и социологию. Наиболее наглядно оно проявилось в мир-системных моделях И. Валлерстайна, в творчестве и в трудах глобалистов, транзитологов, геополитиков, теоретиков безопасного мира.

Говоря о ***категориях качества***, следует отметить, что они характеризуют степень и уровень освоения мира, эффективность функционирования и обеспечения рациональной организации общественной, групповой и индивидуальной жизни. Без их использования невозможно осуществить сравнение в рамках «прошлое — настоя-

шее», сопоставления типа «у них — у нас», понять, что и каким образом характеризует степень оптимальности развития тех или иных социальных групп, институтов, организаций.

Категории объективности конкретизируют сущность и содержание той исторической эпохи, в которой живет и творит человек. В их находят отражение основные особенности и специфика, которые характерны для всего мира, но в его конкретно-историческом обличье. Именно при помощи этих категорий возможны описание, анализ таких процессов, как преобладание тех или иных форм общественной жизни, видов политической власти, исторически сложившихся типов поселенческих структур и т.п.

Категории субъективности характеризуют активное, творческое (или потенциально творческое), заинтересованное начало в деятельности людей. Они содержат самые общие ориентиры, требующие при их применении в исследовательской практике операционализации, ибо их использование в самом общем виде дает только (и то в лучшем случае) ориентировочный эффект, кто творит те или иные изменения или кто олицетворяет лицо той или иной эпохи.

И наконец, ***категории изменений*** характеризуют механизм, направленность, способы и методы осуществления преобразований. Эти категории претендуют на процессы преобразования окружающего мира, что находит выражение в применении таких универсалий, как управление, эволюция, революция, устойчивое развитие. Они в известной степени выражают модальность, связанную с представлениями о необходимости, возможности реализации целевых установок.

Значение этих категорий для социологии велико, потому что, во-первых, они позволяют в обобщенном виде, исходя из специфики социологического знания, трактовать универсальные процессы и изменения, происходящие в социуме с позиций социологии науки. Во-вторых, эти категории выполняют интегрирующую роль для самых различных потоков информации, централизуют ее, объединяют их вокруг принципиальных вопросов социальной жизни. В-третьих, категории выполняют коммуникативную роль, без которой невозможно совместное и сопоставимое творчество, дальнейшее развитие научного знания, его дополнение, обогащение, совершенствование, углубление. И наконец, эти категории роднят социологию с другими социальными науками, образуя единое смысловое поле, без которого невозможно представить эволюцию и прогресс в развитии социальной мысли.

Вместе с тем необходимо видеть ограничения, которые накладывает использование в социологии этих универсалий — категорий,

Во-первых, эти категории в своем большинстве априорны, декларативны и могут выражать свою сущность в самом общем, предельно обобщенном виде. Во-вторых, они многозначны, по-разному трактуются не только среди различных социальных наук, но внутри самой социологии различными школами и концепциями. Так, по утверждению ряда исследователей, только определений культуры насчитывается свыше 160, а личности — более 200. В-третьих, и это особенно важно — большинство из них неоперационализуемы. В таком случае социология часто переходит на позиции социальной философии, чтобы иметь возможность обобщения и оперирования некими универсалиями.

В настоящее время проблема категорий в социологии (как и в других науках) актуализировалась, что связано с возрождением интереса к ним как неким универсальным характеристикам социального бытия, которые в то же время выступают константами логики. Она (проблема) возникла как движение контрпостмодерна, отразив реакцию и намерение возродить критерии научности. По-новому встает проблема статуса (гносеологического и онтологического) этих универсалий: существуют ли они реально или они продукты аналитической работы мысли.

Таким образом, ***категории социологии*** — это *предельно универсальные, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Они являются характеристиками уровня осмысления и обобщения основных представлений об общественной жизни, о социальной реальности, которые имеют априорное значение и помогают систематизации и организации опытного знания.* Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме. В то же время они претендуют на отражение в обобщенном виде содержания (и специфики) в пределах (в рамках) социологического знания, несмотря на то что многие из них являются одновременно и категориями других социальных наук.

3.2. Понятия социологии (логическая структура)

Термин «понятие» (от *греч.* представление) введен древнегреческими мыслителями — стоиками. Один из основоположников этой школы — Зенон (ок. 490 — ок. 430 до н.э.) разумел под понятием постигнутое представление, т.е. представление, в котором сознается его согласование с объектом. Понятие — узловая форма движения

мысли, обобщенно отражающая предметы и явления социальной жизни посредством фиксации их существенных свойств.

***Понятие** — одна из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания.* По своей сути понятие — это зафиксированная мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак. Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека. Каждое понятие имеет две основные логические характеристики — *экстенсиональную (объем)* и *интенсиональную (содержание)*. Понятия, используемые в социальных науках, чрезвычайно многообразны по своей структуре, типам обобщаемых объектов и другим характеристикам. Классификация, т.е. выделение и систематизация понятий, проводится по разным основаниям — во-первых, их делят на *виды* исходя из особенностей содержания, во-вторых, учитывают *объемы и специфику* их элементов, в-третьих, исходят из *предназначения научного знания*.

Если рассматривать объем и содержательные ***основы понятий***, употребляемых в социологии, то следует обратить внимание как на общенаучные суждения и на прошедшие апробацию в смежных науках, так и на те, которые рождены в процессе развития, обогащения и обновления социологического знания. Остановимся на этом подробнее (рис. 3.2).

1. *По объему* Универсальные (тождественны категориям) Неуниверсальные (стимул)	5. *По механизму познания* Методологическая роль (построение программы исследования) Методическая роль (выборка, анкета)
2. *По природе* Абстрактные (социальная среда) Конкретные (родитель)	6. *По структуре элементов объема* Собирательные (диаспора, партия) Несобирательные (человек, родившийся в 1970 г.)
3. *По содержанию* Безотносительные (установка) Относительные (квалифицированный рабочий)	
4. *По объему и содержанию* Сложные (город, организация) Простые (поступок, ориентация)	7. *По предназначению* Обобщающие (социальный институт) Констатирующие (забастовка)

Рис. 3.2. **Логическая структура понятий**

На основании соотношения ***объема понятий*** и их рода (универсума) выделяют *универсальные* и *неуниверсальные понятия*. В этом случае универсальные понятия (например, вселенная, общество, человечество) совпадают с категориями. Это совпадение категорий и понятий вводит в заблуждение некоторых исследователей, приводя к тому, что они не видят различий между ними или игнорируют данную проблему, называя одну сущность разными определениями, что недопустимо в принципе с точки зрения научного знания. Но именно разделение понятий на универсальные и неуниверсальные ставит четкую грань между категориями и понятиями. В связи с этим необходимо отметить одну принципиальную особенность этой взаимосвязи: *каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступать ею*, в силу того что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении.

По ***структуре элементов понятия*** (его объема) различают *необобщительные* понятия, элементами объемов которых являются отдельно взятые объекты (например, человек, родившийся в 1950 г.), и *собирательные понятия*, элементами объема которых являются совокупность объектов, мыслимая как одно целое (например, когорта, политическая партия).

По ***природе*** обобщаемых объектов понятия делятся на *конкретные* и *абстрактные*. В конкретных понятиях обобщается то или иное свойство, признак, характеристика (например, мотив) или их множество (например, интересы).

С точки зрения ***содержания*** понятия могут рассматриваться как *безотносительные* (объект характеризуется сам по себе, например установка) и *относительные* (объект характеризуется через отношение к другим объектам, например «квалифицированный рабочий», чье мастерство соотносится с профессиональной подготовкой другого работника, не имеющего такой квалификации).

В зависимости от ***объема*** и ***содержания*** признаков они делятся на *простые* (их содержание указывает на наличие одного отдельного свойства, например «социальная ориентация» или «численность родившихся») и *сложные* (их содержание фиксирует связь между свойствами или его элементами, например понятие «город» или «предприятие» как сложный экономический, социальный и организационный механизм, который опосредован многими свойствами и значительным количеством как простых, так и сложных компонентов).

С точки зрения ***механизма*** социологического познания понятия могут быть разделены на выполняющие *методологическую* роль

(принципы построения программы исследования, гипотезы и т.д.) и *методическую* (инструментальную) роль (выборка, анкета, интервью, контент-анализ и т.д.).

И наконец, они могут рассматриваться как *обобщающие* (потребности, мигранты) и *констатирующие* (забастовка) (мнение о конкретном событии) понятия, в которых находит отражение их предназначение и которые включают в себя признаки модальности (возможность, необходимость, достижимость, эффективность).

Таким образом, основное назначение данной классификации понятий — *фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между свойствами, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений.* Нужно только отметить, что границы категорий (как важный атрибут науки) и понятий (как одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от конкретной исследовательской ситуации

3.3. Понятия социологии (структура содержания)

Наряду с логической структурой для понимания смысла и всего богатства социологического знания определяющим является содержательный анализ понятийного аппарата.

С точки зрения содержания понятийный аппарат социологии зависит от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно от этого и начинается отсчет, структура построения понятийного аппарата.

Специфика и качественная определенность подхода к предмету социологии с позиций социологии жизни состоит в том, что исходными понятиями являются общественное сознание, поведение (деятельность) и среда обитания человека, ибо жизнь общества начинается с человека, с его сознания и поведения, над которыми выстраивается весь остальной мир.

Концепция социологии жизни позволяет преодолеть крайности в трактовках предмета социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью. Она начинается с того, что мы прежде всего начинаем оперировать понятиями, отражающими восприятие, отношение и оценку человеком окружающей его среды, взаимодействие с другими субъектами, с другими социальными институтами и организациями. Поэтому с точки зрения содержания понятийный аппарат социологии предполагает операционализацию *предмета социологии — общественного сознания, поведения, социальной среды* (рис. 3.3).

Элементарные понятия	*Синтезирующие (обобщающие) понятия*	*Структурообразующие понятия*
Общественное сознание Знание Мнение Потребности Мотивы Ценностные ориентации Установки Интересы **Поведение, деятельность** Акт Поступок Действие а) нормативное б) адаптивное в) инновационное г) девиантное **Среда** Макросреда Мезосреда Микросреда Социальная инфраструктура	Социальное развитие Социальные отношения Социальное пространство Социальные процессы Социальные явления Социальные действия Социальные изменения Социальная структура Социальные институты Социальные организации Социальные движения	**Экономическая сфера** Рынок Труд Демография Город Село Экология **Социальная сфера** Стратификация Этноструктура Профессиональная структура Половозрастная структура Семья Девиация **Политическая сфера** Государство Политические и и общественные организации Правовые организации Армия Международные отношения **Духовная сфера** Образование Культура Наука СМИ Религия Литература и и искусство

Рис. 3.3. Содержательная структура основных понятий социологии

Примечания. 1. Понятийный аппарат эмпирического исследования операционализирует данные понятия в применении к каждому конкретному предмету (объекту) изучения.

2. Более подробное раскрытие этих понятий содержится в: *Тендрук* социология: Тематический словарь-справочник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

3. В данном рисунке не содержатся понятия методологии и методов социологических исследований. О них подробнее см. гл. 5.

Анализ данной схемы показывает, что понятийный аппарат предстает следующими основными группами.

Первая группа охватывает комплекс элементарных понятий, с которыми всегда оперирует социолог в латентном или открытом (явном) виде, ибо они характеризуют составные элементы таких ключевых и в то же время элементарных компонентов, из которых состоят общественное сознание, поведение (деятельность) и среда. Без этих компонентов не может быть проведено ни одно социологическое исследование, которое (в идеале) учитывало бы все многообразие или частично ориентировалось бы на определенную их часть, не лишаясь целостности и завершенности. Таким образом, согласно концепции социологии жизни исходным понятием является *сознание* (общественное, групповое, индивидуальное), ибо, как только человек появляется в мире, он начинает функционировать с помощью и посредством сознания, осваивая, осмысляя и стремясь подчинить окружающую его действительность в процессе своей деятельности. И в этом стремлении войти в окружающую среду люди вырабатывают некоторые объединяющие их характеристики, черты и признаки, которые делают это общее надындивидуальным, имеющим уже обобщающие социальные характеристики.

С точки зрения социологии жизни нужно ответить на вопрос: а с чего надо начинать изучать общественное сознание? Ответ достаточно прост, ибо все, кто занимался этим явлением, всегда анализировали его начальное звено — знания (сознание), которые как особое проявление информации или мнение в одинаковой степени присущи каждому человеку, каждой социальной группе, любому социальному слою, всем социальным сообществам.

Несомненно, что знания, информация — изначальный, но не единственный компонент сознания. И элемент не пассивный. Люди постоянно примеряют багаж имеющихся знаний для своей трудовой и повседневной жизни, оценивая их полезность, значимость, необходимость, что осуществляется посредством *общественного мнения*. То есть людьми постоянно производится оценка знаний, на основе чего вырабатывается отношение к нему, в том числе и с точки зрения вписанности в реальные потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д. Данная структура сознания является типовой, что не исключает, а предполагает существование таких специфических его видов, как идеология, социальное настроение, и таких феноменов, как архетип, стереотип, интуиция, символика. Кроме того, анализ общественного сознания включает в себя и анализ деформированных видов сознания — отчуждения, парадоксов, аномии, фрустрации, депривации, кентавр-проблем.

Социология исследует не только компоненты общественного сознания, но и их реализацию в поведении, деятельности, которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен. Дело в том, что сознание во всем его многокомпонентном богатстве не всегда прямо коррелирует с практической стороной их воплощения в жизнь. В силу объективных и субъективных причин компоненты сознания не всегда приобретают объективированную форму своего выражения — поведение, деятельность. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса в рамках концепции социологии жизни — что должно восполнить (дополнить) сознание как изначальный элемент жизни людей для его логического завершения. Логика развития любого общества показывает, что в теоретической и эмпирической социологии найден ответ на этот вопрос — это поведение, которое выражается в действиях людей, в механизме и результатах (социальных фактах), которые не только постулируются, но и могут быть измерены при помощи уже апробированных исследовательских процедур.

Анализируя этот компонент социологии жизни, следует отметить, что в ней чаще используется понятие «поведение», чем понятие «деятельность», несмотря на их близость по содержанию и смыслу. Что касается деятельности, то она рассматривается: 1) как форма активного отношения к окружающему миру в целях его изменения и преобразования; 2) как включающая в себя цель, средства, результат, хотя цель является только основанием для деятельности, но лежит вне ее; 3) как главное (основное) условие существования человека и общества; 4) несет на себе печать мировоззрения, мировосприятия.

Говоря о *поведении*, в социологии жизни имеют в виду: 1) действия по поддержанию своего существования; 2) нацеленность на реализацию той или иной функции (что особенно важно, когда исследуется один из аспектов жизни людей); 3) общие характеристики с некоторыми явлениями физического и биологического мира (говорят о поведении электрона, поведении животных, но не об их деятельности); 4) огромное значение имеют стереотипы и архетипы в поведении человека, что опосредуется опытом, накопленным на предшествующих стадиях развития; 6) поведение имеет определенное ограничение — оно употребляется к человеку, группам людей (общностям, слоям и т.д.), но не к обществу, а тем более к миру. В социологии понятие «поведение» появилось в 1920-х гг. в рамках концепций бихевиоризма, который провозгласил поведение главным предметом анализа через систему «стимул — реакция». В дальнейшем этот подход был признан ограниченным, но не отвергнутым — это понятие развивалось, уточнилось, обогащалось. В настоящее

время поведение рассматривается через последовательность сменяющих друг друга привычных действий, которые реализуются в повседневной и общественной жизни. Они имеют следующие уровни: 1) *акт* как единичное действие; 2) *поступок* как повторяющиеся акты, образующие устойчивое действие; 3) само *действие*, которое обычно базируется на совокупности поступков. Само действие как высшая форма активности человека ***выступает в четырех типах***: а) нормативное; б) адаптивное; в) инновационное; г) девиантное (см. подробнее: Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник. М., 2009).

В самом общем виде поведение трактуется как такие поступки и действия человека (людей, социальных групп и слоев), которые выражаются во внешних актах активности, в то время как деятельность рассматривается как органическое единство объективных условий и субъективных факторов.

Социология жизни не ограничивается изучением сознания и поведения людей. Она дополняется анализом среды, тех внешних, объективных обстоятельств, в рамках которых протекает жизнь людей. Поэтому предмет социологии жизни непременно ориентирован на изучение окружающей людей среды во всем ее многообразии — макро-, мезо- и микросреды. Такое расчленение объективных обстоятельств имеет свое логическое объяснение: если на уровне макросреды обеспечиваются условия развития и функционирования человека как гражданина, то на уровне мезосреды выявляются условия и факторы, влияющие на жизнь людей как жителей определенной пространственной организации (региона, города, села). Что касается уровня микросреды, то речь идет о тех объективных внешних обстоятельствах, которые окружают человека как члена конкретной социальной группы, слоя, когорты или иного социального образования, в рамках которых осуществляется непосредственное взаимодействие между ее членами или участниками. Огромную роль в исследовании среды играет социальная инфраструктура, которая рассчитывается как обеспеченность социальной реальности материально-вещественными элементами.

Следующая группа понятий — обобщающие (синтезирующие) понятия — содержат иной класс, который как бы «возвышается» над базовыми понятиями, так как синтез элементов сознания, поведения в определенных социально-экономических отношениях образует ***более общие понятия — социальное пространство, социальное развитие, социальные явления и процессы, социальные отношения, социальные институты и организации*** и т.д., которые могут быть социологически познаны через определенную комбинацию элементарных

индикаторов, присущих сознанию, поведению и окружающей среде. Познание этих понятий является более сложным и трудным процессом, предполагая использование самых различных методов и подходов. Они — элементы этого уровня — не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают реально сложившуюся ситуацию, ибо ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

Третья группа понятий — структурообразующих — опирается на анализ общества через экономическую, социальную, политическую и духовную сферы, в рамках каждой из которых можно выделить обобщающие формы организации общественной жизни. Но их познание, например город, нация или образование, может предполагать различные методы и подходы, различные комбинации при их исследовании, но непременно предполагающие анализ как элементарных (сознание, поведение, среда), так и обобщающих (социальное развитие, социальные явления, социальные отношения и т.д.) понятий.

К данному анализу понятий можно подойти с точки зрения характеристики содержания социологической науки, ее функций и (или) уровней социологического знания.

Первая группа связана с анализом объекта социологии, а также с характеристикой связей (взаимосвязей) социологии с общенаучными представлениями о мире. Поэтому социологу предстоит знать точки зрения других наук на общество, государство, нации (компетенции общенаучной теории) и на гражданское общество и его структуру (компетенции теоретико-методологических основ науки).

Вторая группа охватывает большую совокупность понятий, трактующих и объясняющих предмет социологии. Во-первых, в нее входят те, которые связаны с характеристикой сознания (индивидуальное, групповое, общественное), с его видами (политическое, экономическое, нравственное, религиозное и т.д.), с его структурой (знание, убеждение, ценности, мотивы, установки и т.д.), с его специфическими характеристиками (общественное мнение, массовое сознание). Во-вторых, это понятия, характеризующие реальное поведение (действия) людей, что предполагает его дифференциацию и интерпретацию как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Это относится к видам поведения (деятельности) людей, их взаимосвязям с сознанием (социальное настроение) и между собой. Такой подход предполагает анализ как позитивных, так и негативных видов деятельности. В-третьих, в понятийном аппарате нужда-

ется и заключительный компонент предмета социологии: условия, в которых реализуются (или не реализуются) сознание и поведение людей. Поэтому понятия макро-, мезо- и микросреды, социальной инфраструктуры — это такой их набор, без которого трудно понять всю сложность социального мира, объективность его существования.

Третья группа касается субъектов исторического процесса, их реального сознания и поведения: индивида, социальной группы (слоя), класса. Значительное место занимают особые группы субъективного действия — народностей, народов, этносов. Многие понятия связаны с семьей. Сюда относятся также группы отклоняющегося поведения.

Четвертая группа касается методов социологического познания, тем более что они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна совокупность как методологических понятий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и методов (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными являются проблемы обработки социологической информации, ее анализ, интерпретация полученных результатов.

Пятая группа — это понятия, углубляющие наши представления о функциях социологии. Но если первая из них — теоретико-познавательная — коррелирует с аналогичным аппаратом других групп, то управленческая функция ставит необходимость познания и использования предвидения, прогнозирования, проектирования, планирования, программирования, социальных технологий и т.д.

Наконец, особо следует сказать о тех понятиях, которые одновременно служат и социологии, и другим социальным наукам. Так, у социологии имеется много общих понятий с демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.).

Таким образом, данный понятийный аппарат позволяет четко представить: а) *логику его построения*; б) *иерархичность его построения*; в) *ступени обобщения теоретического и эмпирического уровней познания социальной реальности*; г) *рядоположенность понятий, используемых в фундаментальных и прикладных исследованиях*. Этот аппарат, его составные элементы не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают логику и опыт осмысления социальной реальности. Содержательный анализ начинается с того, что составляет основу социологии жизни — реально функционирующее сознание, ибо ни один человек заранее не соотносится ни с одной структурой, ни с социальными организациями или институтами — он включается в них в процессе реализации своего

сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

Вопросы и задания для повторения

1. Какие категории используются в социологии?
2. Дайте описание логической структуры социологических понятий.
3. Охарактеризуйте содержательные компоненты общественного сознания.
4. Из чего состоит структура поведения (деятельности)? В чем их отличие друг от друга?
5. Какие структурные элементы включает в себя понятие «общественная среда»?
6. Какие понятия относятся к обобщающим (синтезирующим)?
7. Охарактеризуйте совокупность структурообразующих понятий.

Темы для рефератов

1. Соотношение понятий «знание», «информация», «мнение».
2. Эволюция и современное представление о потребностях.
3. Что такое мотив, мотивация?
4. Ценности и ценностные ориентации: общее и особенное.
5. Генезис и современные представления об установках.
6. Интерес и потребность: общее и особенное.
7. Что такое социальная инфраструктура?
8. Виды действия: а) нормативное; б) адаптивное; в) инновационное; г) девиантное (деструктивное). (Охарактеризуйте каждое в отдельности.)

Глава 4

Социологическое знание: структура, уровни

При выяснении содержания социологии как науки, помимо определения объекта и предмета, требуется характеристика ее структуры, уровней и других дифференцирующих признаков, которые позволяют представить ее как определенную, логически непротиворечивую систему.

4.1. Структура социологического знания

Структура социологического знания определяется в зависимости от тех методологических принципов, которые применяются в исследованиях социальной реальности (см. п. 5.1). В социологии обосновываются различные виды ее классификации в зависимости от тех методологических подходов, которые применяет исследователь для познания социальной реальности. Есть предложения определять структуру социологии с учетом всего научного знания, когда в объяснение ее содержания вовлекается знание, накопленное всеми науками (А.И. Кравченко) или всеми социальными и гуманитарными науками (О.Н. Козлова). Мы же исходим из того, что *структурируется только то знание, которое называется социологическим*. При ответе на данный вопрос структура социологии может рассматриваться, во-первых, как *теоретическая* и *эмпирическая социология*, а во-вторых, как *фундаментальная* и *прикладная*, в-третьих, *по объектно-предметному принципу как макро- и микросоциология* (табл. 4.1).

Что касается первой классификации, то основное принципиальное утверждение состоит в том, что обосновывается и рассматривается базовый, исходный уровень социологии — теория и методология, сосредоточивающие свое внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее понятийного аппарата, тенденций развития как социальной реальности, так и самой социологии, ее функций, места среди социальных наук. В рамках этого анализа привлекается и исторический материал (истории социологии), который показывает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также раскры-

вает новые горизонты социологического знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспособляется) теоретическое знание других наук и рассматривается, как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологического знания.

Таблица 4.1. **Структура социологического знания**

Структура	*Методы исследования*	*Назначение исследований*	*Социологические дисциплины*
Теоретическая и эмпирическая социология	Общенаучные и специальные методы	Обогащение теории и методологии познания	Теория, методология и методы, история социологии
Фундаментальная и прикладная социология	Социологические и статистические методы познания	Обогащение научного знания и способов решения общественных проблем	Методология и методы социологических исследований
Макро- и микросоциология	Логические, исторические, системные и эмпирические методы познания	Обогащение научного знания и решение глобальных и локальных проблем	Специальные и отраслевые социологические теории

Назначение теоретической социологии состоит и в том, чтобы, опираясь на накопленное научное знание, осуществить классификацию имеющейся (накопленной) социальной информации. Она включает в себя и *гипотетическое знание*, которое в дальнейшем может быть подтверждено или опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей, тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки.

Ряд исследователей обращают внимание на необходимость метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, направления ее развития. В литературе синонимом метасоциологии является *социология социологии* и *рефлексивная социология*. Теоретическое знание не только не исключает, а обязательно предполагает анализ познавательных возможностей социологии, ее парадигм, концепций, взглядов, обобщений, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований.

Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», шведский социолог П. Монсон в этой связи поясняет:

«Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично — в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой».

Парной категорией (контрагентом) теоретического социологического знания выступает ***эмпирическая социология***, которая характеризует специфическую форму социальной информации. Данная информация может иметь *упорядоченный* (т.е. получена с помощью научных методов) и *стихийный* характер, когда данные накапливались без заранее продуманного плана, по мере осуществления поисковой деятельности социальных субъектов — личности, групп, сообществ, организаций и пр. В последнем случае информация приобретает ценность как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий, а фиксация фактов нередко имеет прикладное, утилитарное значение.

Что касается *форм эмпирической социальной информации*, то они могут быть выражены в виде статистических и социологических данных, документов, публикаций, сведений личного характера (письма, дневники, воспоминания) и т.д.

Характер и формы эмпирической социологической информации определяют *методы ее получения* — опросы, интервью, контент-анализ, экспертные оценки и т.д. Эмпирическое знание, таким образом, представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Еще одна классификация социологического знания представлена фундаментальной и прикладной социологией, призванной ответить на вопрос: каков способ не только получения знания, но и решения актуальных проблем, ставших предметом социологической науки. Причем и в том и другом случае присутствует и теоретическое и эмпирическое знание, хотя их пропорция и соотношение серьезно разниться. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены эти обе группы задач: наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического уровней может рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в социологическую

науку общенаучных и конкретных исследований в качестве двух аспектов единого знания.

Таким образом, различие между теоретической и эмпирической социологией, с одной стороны, фундаментальной и прикладной — с другой, состоит в следующем: теоретическая и эмпирическая социология характеризуют способ (методы) познания действительности, фундаментальная и прикладная — способы и методы не только познания, но и использования полученного знания, решения выявленных социальных проблем. Поэтому эти классификации не следует противопоставлять друг другу, нивелировать их по принципу выше — ниже, богаче — беднее. Вместе с тем научный подход базируется в первую очередь на теоретическом осмыслении, которое постоянно обогащается эмпирической информацией, особенно если она получена в ходе фундаментальных исследований. Поэтому большое место в социологической теории отводится категориальному и понятийному аппарату, уточнению их интерпретации в свете как накопленных данных, так и новой информации, поставляемой эмпирической социологией.

Что касается макро- и микросоциологии, то их внимание сосредоточивается на методологии и методах познания социальной действительности. Во-первых, макросоциология использует логический метод, когда из совокупности имеющейся информации выводится непротиворечивое, последовательное знание. Во-вторых, она опирается на исторический метод (онтологию), когда определяется генезис знания, категорий и понятий. В-третьих, она руководствуется методами системного анализа, когда учитывается вся совокупность как основных, так и опосредованных связей. Макросоциологию интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение. Микросоциология же обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков. Она применяет всю совокупность прикладных методов — социологических, статистических, математических и других, которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции развития социальных процессов.

Таким образом, современная структура социологического знания состоит из нескольких классификаций, подразделяющихся на а) теоретическую и эмпирическую социологию; б) фундаментальную и прикладную социологию; в) по уровням, включающим в себя отраслевые, специальные социологические теории и вспомогательные концепции; г) макро- и микросоциологию.

4.2. Уровни социологического знания

Социологическое знание может быть представлено по степени осмысления всего объекта и предмета социологии или одной из их сторон, частей, фрагментов. Это говорит еще об одной классификации социологического знания — по его уровням, который отражает объектно-предметный принцип познания. Этот принцип предполагает несколько уровней анализа (табл. 4.2).

Таблица 4.2. **Уровни социологического знания**

Уровень (структура)	*Объект исследования*	*Социологические дисциплины*
Общесоциологические теории	Социальная реальность во всем ее разнообразии	Классические и современные теории, социологические школы
Отраслевые (системные, обобщающие) социологические теории	Основные сферы жизни общества (экономическая, социальная, политическая, духовная)	Экономическая, политическая социология, социология социальной и духовной жизни
Специальные социологические теории	В экономической сфере — труд, рынок, город, село и т.д. В социальной сфере — социальная структура, этносы, молодежь и т.д. В политической сфере — государство, общественные организации, право, армия и т.д. В сфере духовной жизни — образование, наука, культура, СМИ, религия и т.д.	В экономической социологии — социология рынка, социология труда, социология города и села и т.д. В социологии социальной сферы — социальная структура, этносоциология, социология молодежи, социология семьи и т.д. В политической социологии — социология власти, социология партий и общественных движений, социология армии В социологии духовной жизни — социология личности, социология образования, социология культуры, социология науки
Частные (вспомогательные) социологические концепции	Производные от специальных социологических теорий	Например, в социологии образования изучаются отдельные компоненты — дошкольное воспитание, общее и среднеспециальное образование, высшее образование, непрерывное образование и т.д.

Данная классификация позволяет сделать вывод, что, прежде всего, социологическое знание представлено ***общесоциологическими теориями***, которые отражают и выражают методологические стратегии. В зависимости от них вырабатываются обобщающие теоретические концепции, которые обосновывают формы и методы познания социальной реальности во всем многообразии ее общественных связей. Согласно этому подходу объектом и предметом анализа выступает или общество, или человек, что находит отражение в различных социологических парадигмах. В свою очередь, эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество общесоциологических теорий резко возрастает. Так, некоторые исследователи (Ю.Г. Волков) считают, что все существующие школы в социологии имеют свой социологический подход, выражающийся в постановке принципиальных методологических вопросов.

Следующий уровень образуют отраслевые (обобщающие, системные) социологические теории — ***экономическая и политическая социология, социология социальной и духовной сфер жизни общества***, которые направлены на анализ не всего общества (как в первом случае), а его основных сфер — экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (В.С. Барулин, Г.С. Арефьева, В.П. Рожин и др.) и связано с определенными видами деятельности — трудовой (производственной), социальной (в узком смысле этого слова), политической и культурной (духовной).

Что касается *экономической социологии*, то ею исследуются социальные проблемы экономики посредством изучения экономического сознания людей и соответствующего типа поведения, связанных с реализацией целей и задач общественного производства, с процессом удовлетворения потребностей и интересов людей в условиях функционирования определенных социально-экономических отношений.

Обращаясь к другой сфере общества, к *социальной жизни*, следует отметить, что социология изучает такие важнейшие и кардинальные проблемы, как социальная структура во всем ее многообразии, социальные процессы и институты, социальные общности. В ее рамках исследуются предпосылки, условия и факторы превращения классов, социальных слоев и групп в субъекты созидательной деятельности.

Политическая социология изучает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию. Предметом социологии в сфере политики является политическое сознание, анализ его реального состояния, функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения прогрессивных целей. Политической социологией исследуются

классовые, групповые интересы, которые базируются на действиях (и исходят из них), а также методы и формы политической деятельности людей, классов и социальных групп, весь спектр их чувств, мнений, суждений и отношений к существующим властным организациям. Такой подход позволяет представить пути функционирования государственности, выявить болевые точки политической жизни. К проблемам политической социологии относятся также деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы, способность откликаться на то или иное развитие событий.

Четвертой по счету, но не по значению отраслевой теорией является *социология духовной жизни*, исследующая процесс освоения культурных ценностей, создание новых, распределение и потребление накопленных. Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным. Поэтому так важно определить основные его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести социализацию личности, образование, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку. Сквозным для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектами главного интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

Наконец, к отраслевым (обобщающим, системным) социологическим теориям относится *социология управления*. Она связана с исследованием особого класса задач — механизма регулирования всех без исключения социальных процессов — и поэтому может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств, а может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей

Третий уровень представляют ***специальные социологические теории***, предметом исследования которых являются общественные процессы и явления, их специфические особенности, которые в своей целостности являются неотъемлемой составной частью той или иной сферы общественной жизни. Они рассматривают не глобальные взаимодействия, а характерные связи в рамках конкретной сферы общественной жизни. Иначе говоря, каждая из отраслевых (системных, обобщающих) социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий, направленных на изучение таких

процессов, которые в рамках экономической социологии предполагают исследование проблем социологии труда, социологии рынка, социологии города и села, демографических и миграционных процессов и т.д.

В рамках данной отраслевой социологической теории изучается социально-профессиональная и поселенческая структуры, этносоциология, социология молодежи, семьи и т.д. В свою очередь, политическая социология состоит из таких специальных теорий, как социология власти, политических партий и общественных движений, социология права (хотя некоторые исследователи выделяют ее в самостоятельную научно-прикладную теорию), военную социология, международных отношений. Что касается социологии духовной жизни, то она представлена социологией образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства.

Для возникновения и становления как системных (обобщающих, отраслевых), так и основных специальных социологических теорий необходимо выполнение по крайней мере двух условий: а) нужно, чтобы эти теории обладали собственным самостоятельным и относительно целостным понятийным аппаратом, характеризующим сущность и специфику исследуемых реальностей; б) необходимо, чтобы имелась общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т.е. в изучении специфических связей между этим явлениями и обществом как совокупностью социальных отношений.

В социологии XXI в. функционируют свыше 50 отраслевых и специальных социологических теорий. Их положение все еще полностью не осмыслено и с точки зрения перспектив социологии, и с точки зрения общественных потребностей. Анализ места отраслевых и специальных социологических теорий в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют значение для понимания места и роли социологической науки, для повышения эффективности и качества ее исследований.

Отраслевые и специальные социологические теории соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе конкретных исследований. Они представляет собой единство теоретического знания (или теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики.

Особо подчеркнем, что если в социологии более, чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпи-

рию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

Наряду с отраслевыми (обобщающими, системными) и специальными социологическими теориями существуют ***частные вспомогательные концепции***, представляющие четвертый уровень, объектом изучения которых выступают конкретные, отдельные явления и процессы, производные от более «объемных» процессов и социальных феноменов. Такими объектами исследования являются, например, в рамках социологии культуры исследования театра, библиотек, книготорговли, шоу-бизнеса, моды и т.п., а в рамках социологии молодежи — молодежные движения, молодежные субкультуры, группы по интересам и т.д. Подобная детализация вышеупомянутых теорий не вызывает возражений, кроме одного — изучение многих частных явлений нередко называют тоже «социологиями», в результате чего возникает нелепая бесконечность, которая лишь осложнит исследовательские возможности социологии. И в социологии стоит применить *принцип бережливости*, названный «бритвой Оккама», согласно которому сущности не должны умножаться без необходимости. Исходя из этого принципа, в этой ситуации следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термина «социология».

В заключение стоит отметить, что в социологии долгое время господствовала (и сейчас ее придерживаются некоторые ученые) так называемая *теория среднего уровня*, которую обычно связывают с именем Р. Мертона. Эта формулировка, характерная для американской социологии, возникла под мощным влиянием прагматических потребностей. В нашей стране этот подход прижился после частичной реабилитации социологии в 1960-е гг. Но весьма своеобразно. Он олицетворял компромисс между официально утверждаемой концепцией об историческом материализме как общесоциологической теории и стремлением выделить «свое» представление о социологии, которое камуфлировалась под так называемый среднеуровневый срез. Но такой подход, как отмечал А.В. Кабыша, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее структуры.

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, то ей не оказывалось в ней места, так как ее теории являются теориями нефилософскими. Но они и то же время «теории». Так какою же их соотношение с теоретиче-

ской социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали третий, согласно Мертону, уровень), не означает ли это, что эмпирические исследования достойны научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Такая структуризация вызвала самые серьезные возражения со стороны многих социологов, в частности одного из крупнейших социологов современности — П. Бурдьё. Он обвинил в сговоре, в альянсе таких известных ученых, как Т. Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р. Мертона, монополизировавшего представление о «среднем уровне», и П. Лазарсфельда, который стал представлять уровень эмпирии. По мнению Бурдьё, это идеологическое господство, раздел сфер влияния позволяет навязывать свою концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами. Очевидно, что трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности.

Таким образом, уровни социологического знания представлены: а) *общесоциологическими теориями*; б) *отраслевыми*; в) *специальными социологическими теориями* и г) *частными вспомогательными концепциями*.

4.3. Функции социологии

Социология выполняет две основные функции — ***теоретико-познавательную и управленческую (прикладную)***. В свою очередь, они могут образовывать производные функции, которые иногда в литературе трактуются как самостоятельные. В качестве производных (вспомогательных) функций нередко выделяют *мировоззренческую, просветительную, прогностическую, профилактическую, прикладную* и т.п. Но все они производны от первых двух.

Теоретико-познавательная и управленческая функции социологии тесно взаимосвязаны. Научный, диалектико-материалистический взгляд на историю является базой для долгосрочного прогноза и в то же время выполняет функции методологии исследования социальной реальности, сознания и поведения людей. Теоретические основы и концептуальный аппарат социологии позволяют детально анализировать общественные процессы (вплоть до построения имитационных статистических моделей), а также прогнозировать их развитие с учетом многообразных и специфических условий в заданных границах места и времени.

Теоретико-познавательная функция направлена на выяснение сущности, природы человеческого сознания и поведения в определенных общественных условиях, обращена к познанию настоящего и будущего с учетом многообразия конкретно-исторических и социально-культурных условий развития. Она имеет целью изучение и выявление научно обоснованного знания по решению проблем, возникающих во всех сферах общественной жизни, в более или менее широких пространственно-временных интервалах, относящихся к различным социальным группам и общностям. Социология опирается на систематизированные и постоянно обновляемые данные, используя для их установления специальные, свойственные ей методы анализа.

Полученная в процессе социологических исследований информации, как правило, служит основанием для дальнейшего развития теоретических положений. Исходные методологические идеи, которые социолог закладывает в научный проект, обогащаются выводами проведенных исследований и позволяют получить новое знание.

Вместе с тем прирост нового знания достигается в том случае, если четко сформулирована социальная проблема, которая обычно обнаруживает себя как противоречие между потребностями общественного развития и субъективной деятельностью людей.

Для выработки предложений по устранению имеющихся противоречий анализируется как объективная, так и субъективная социальная информация. На современном этапе общественного развития все больше и больше повышается интерес к информации, которая характеризует внутренний мир людей, их намерения, мотивы, ценностные ориентации и готовность действовать во имя их претворения в жизнь. Собственно, подход к предмету социологии, призванный рассматривать реальное сознание и поведение людей, можно также трактовать как попытку субъективировать общественные процессы. Однако нужно понимать, что изучение состояния, выявление тенденций и проблем реального, практического сознания и поведения обязательно предполагают учет объективных условий, использование объективной информации. Именно такое сочетание дает реальную картину и достаточно всесторонне фиксирует то, что происходит в жизни страны, социальных групп, общностей и объединений.

Что касается ***управленческой (прикладной) функции*** социологии, то она заключается в нахождении рациональных способов решения конкретных общественных проблем *здесь* и *сейчас*, равно как и проблем, которые могут возникнуть в результате определенных управ-

ленческих воздействий *там* и *потом*. Реализация этой функции тесно связана с обеспечением постоянно обновляемой информации о состоянии и тенденциях развития общественных процессов и явлений. Важным моментом является *прогноз* ближайших и более отдаленных последствий, что позволяет минимизировать негативные тенденции.

К управленческой функции следует отнести и те способы ее воздействия на общественные процессы, которые нередко выделяют в самостоятельную функцию — ***идеологическую, мировоззренческую***.

В настоящее время остро встал вопрос о более эффективном участии социологии в решении социальных проблем модернизации общества, о так называемой публичной социологии, идеи которой нашли отражение в трудах П. Штомпки, М. Буравого, Дж. Александера. В отечественной социологии эта проблема широко освещалась в журнале «Социологические исследования» (2010) в выступлениях О.Н. Яницкого, Н.В. Романовского, Ж.Т. Тощенко. В этой связи нуждается в осмыслении реальный опыт организации и проведения социологических исследований, который в большинстве своем складывается под влиянием потребностей практики. Первостепенное значение приобретают исследования, направленные на изучение *состояния, тенденций* и *острых проблем социально-экономической, социально-политической* и *духовной жизни*. Более значение приобретает анализ *стратификационных процессов*, деятельности *средств массовой информации*. Все большее значимой становится практика изучения общественного мнения, что связано в значительной мере с решением прикладных задач. Все большее место занимают вопросы *этнонациональных отношений*. Всплеск конфликтов, этническая напряженность стимулировали деятельность социологов по поиску путей выхода из кризиса. Их данные активно используются в решении проблем малых народов, при определении пределов и границ национальных суверенитетов.

В настоящее время важное место отводится исследованиям *рыночных отношений*, политическим и социальным последствиям вхождения людей в новые экономические реалии. Перед социологами труда, специалистами по индустриальной социологии, города, села встали принципиально новые вопросы, которые было трудно предвидеть даже в 80-е гг. XX в.: наличие многообразных форм собственности, в том числе и частной, начало функционирования совместных (с иностранными фирмами) предприятий, создание новых, в том числе и горизонтальных, связей между ними. В 1990-е гг. впервые был зарегистрирован новый фактор экономического сознания

и поведения людей — *осознание безработицы*, которая вызывает тревогу у большинства населения. Особую значимость приобретает участие социологии в рассмотрении таких проблем, как *насилие* и *преступность* в обществе. Изучение реальных ситуаций, на решение которых может быть направлена управленческая функция социологии, резко увеличило значение *экологических* и *духовно-нравственных проблем*. Причем значение последних в жизни общества не ослабло, а, наоборот, возросло, хотя приобрело деформированный вид.

Таким образом, анализ состояния общественного сознания и поведения людей, тенденций их изменения в условиях функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений — все это стало предметом научно-исследовательских и прикладных задач социологической науки. Она призвана обогатить теоретические воззрения о нынешнем этапе развития современного общества, помочь практике рекомендациями о возможностях рационального воздействия на общественные процессы.

Вопросы и задания для повторения

1. Что представляет собой теоретическая и эмпирическая социология?
2. Каково соотношение фундаментальной и прикладной социологии?
3. Что представляет собой макро- и микросоциология?
4. Охарактеризуйте признаки общесоциологической теории.
5. Дайте характеристику отраслевых социологических теорий.
6. Дайте характеристику специальных социологических теорий.
7. Опишите функции социологической науки.

Темы для рефератов

1. Современные концепции структуры социологии.
2. Теоретическая социология: сущность и содержание.
3. Эмпирическая социология.
4. Фундаментальная социология.
5. Прикладная социология.
6. Отраслевые социологии (одна из названных).
7. Общее и особенное отраслевых и специальных социологических теорий.

Глава 5

Методология и методы социологических исследований

История социологии свидетельствует о сложном пути становления, развития и обогащения методологии и методов изучения социальной реальности.

На первых порах становления социологии ее приемы и способы познания действительности мало отличались от тех, которые использовались уже существующими науками — философией, экономикой, правом, историей. Однако и на этом этапе — что нашло особенно яркое воплощение в позитивизме — социология ориентировалась на изучение конкретных данных, осязаемой информации, которая, как и в точных науках, могла получить как качественную, так и количественную интерпретацию.

Определенность каждой науки обусловливается тем, какие парадигмы и соответственно методологические стратегии используются.

В науке идет постоянный процесс уточнения или смены парадигм. В науке нередко возникает ситуация, при которой совокупность накопленных научных данных не может быть объяснена с точки зрения существующей парадигмы. Тогда старая парадигма угасает и на смену ей приходит новая (или новые), которая претендует на более точную и глубокую интерпретацию теорий, фактов, методов. Так как специфика научного метода в социологии очень значительна по сравнению с другими социальными науками, представляется обоснованным уделить внимание методологическим стратегиям как базовым направляющим началам в познании социальной реальности.

Кроме того, парадигмы постепенно накапливали свои методы познания, особенно когда это касалось эмпирических исследований. Статистическая информация, которая получила широкое обоснование в XIX в. (примером может быть земская статистика), была дополнена опросными листами, интервью, анализом документов, что получило завершенную, целостную интерпретацию в основном в 20-е гг. XX в. Именно с этого периода стало возможно говорить о научно обоснованных процедурах, методике и технике, позволяющих всесторонне анализировать изучаемые процессы и явления.

5.1. Методологические стратегии в социологии

Долгое время в социологической науке доминировали две основные парадигмы — ***социологический реализм*** (объект — общество, социальная структура, социальные институты) и ***социологический номинализм*** (объект — человек, личность, социальные группы и общности). В конце XX в. стала интенсивно развиваться еще одна социологическая стратегия — ***конструктивистская.*** В соответствии с этим структура, уровни и понятийный аппарат социологии зависят от той методологической стратегии, которая ориентируется на свое толкование объекта и предмета социологии как науки. Именно с этого и начинается логика построения понятийного аппарата в зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, основополагающим исходным понятием в этих парадигмах.

Эти стратегии представлены в табл. 5.1.

Таблица 5.1. **Парадигмы (методологические стратегии) социологии**

Парадигмы	*Время возникновения*	*Предмет науки*
Социологический реализм	Середина XIX в.	Человечество, цивилизации, общество, его структура, социальные системы, социальные институты
Социологический номинализм	Начало XX в.	Человек, личность, индивид, социальные общности
Социологический конструктивизм	Конец XX в.	Общественное сознание и поведение в условиях конкретной среды

Что касается ***социологического реализма*** и его ориентации на парадигму «общество», то соответствующая традиция восходит к О. Конту и Г. Спенсеру. Почти все труды социологов XIX в. следовали этой методологической установке. В дальнейшем, в XX в., она претерпела ряд изменений, что нашло отражение и модификацию в работах *Т. Парсонса* (1902—1979), *Р. Мертона* (1910—2003) и др. Они изучали общество посредством исследования социальных систем, социальных общностей в основном с точки зрения их организации и функционирования и нередко вне процессов их эволюции.

Но уже на грани XIX—XX вв. было установлено (Э. Дюркгейм, М. Вебер), что исследование преимущественно структур (систем) неэвристично, ибо оно, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это признавал уже Р. Мертон, который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса. Кроме того, рассуждения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкая совокупность общественных процессов — вплоть до человечества в целом, что породило глобалистские концепции социологии — см. например, труды И. Валлерстайна) оживили никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности, или слишком абстрагируются от нее.

Как показало время, трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат включает в себя слишком разные сущности, и многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют своей первоначальный смысл. Мало способствует этому и модификация представлений об обществе посредством и в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях как определяющих объект и предмет социологии. Ведь даже такое классическое понятие, как социальная структура, в настоящее время мало что выражает, ибо а) многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные феномены. Такие, казалось бы, классические понятия, как рабочий, крестьянин, приобрели «неустойчивость», аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, от разного социально-экономического положения, от перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е гг. (а тем более в 1990-е гг.), многие черты сознания и пове-

дения людей из различных страт могут быть ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни внутри социально-профессиональных групп могут быть настолько различными, что теряет смысл объединить их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь внутри этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному достатку, по их месту в структуре разделения труда, по их целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) несводимыми к одним и тем же однородным показателям. В этой ситуации возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой — профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, но представляющие разные социальные сообщества? Ответ очевиден, что объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Таким образом, центральное понятие — общество и его производные — социальная структура, социальные общности, социальные институты — являются важной, но серьезно ограниченной областью получения социологического знания. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они, по сути дела, являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая стратегия.

Вторая методология — ***социологический номинализм***, восходящая М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX — начала XX в., обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит *процессам взаимодействия людей, процессам их интеграции и дифференциации*. Сторонники этой парадигмы в центр своего анализа ставят человека, личность, считая их основным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой представлений об абстрактном. Именно анализ такого феномена — «человек в обществе» — позволяет с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на человека все больше и больше усиливается. В современной социологии эта тенденция нашла отражение в работах А. Турена, З. Баумана, П. Бергера. Показательно, что такой известный политический деятель, как З. Бжезинский, убежден, что мы (человечество) все больше сталкиваемся с необходимостью «личностного изме-

рения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми (1999).

В течение XX в. многие социологи предпринимали попытки преодолеть противоречивость методологической базы любой из названных методологий, осуществляли попытки устранить деление социологии на макро- и микроуровень, на объективно-предметный и субъективно-ценностный подход. Так, Т. Парсонс, ориентируясь на общество как определяющее понятие, стремился учесть влияние и роль социальных действий. Во второй половине XX в. эти попытки преодолеть крайности — соединить макро- и микроанализ, объективистский и субъективистский подход — осуществлялись П. Бурдьё, Н. Луманом, отчасти Э. Гидденсом.

Однако эти методологические стратегии никак не объясняют тот социальный факт, как человек, люди попадают в эти социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования. Ведь, явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение в большинстве случаев заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. То, что социальные структуры, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда эти структуры и общности «плывут», не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию французского социолога А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества (Турен, 1989). Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство — социальные системы и общности — очень «нехороший» объект для сравнительных кросс-культурных (международных) исследований, так как они настолько различны в своем содержательном обличье, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации. И наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации — человеку, что предполагает анализ не столько каких-то систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, и сами системщики, работающие на эмпирическом уровне, именно

так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей. Стоит также отметить, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии (феноменологическая социология, драматургическая социология, этнометодология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.).

Ответ на этот вопрос может состоять в том, что следует говорить еще об одной методологической стратегии — ***конструктивистской***, учитывающей взаимосвязи между макро- и микросоциологией, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом, между структурно-функциональной и конфликтологической концепциями. Такой методологической стратегией является ***концепция социологии жизни***, зачатки которой проявили себя еще в XIX в. Жан Мари Гюйо (1854—1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии он провозгласил реальную жизнь. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), в теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), в символическом интеракционизме (Дж. Мид) и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни — ее субъективность, что давало возможность ее оппонентам справедливо упрекать в односторонности, в психологизации реальности, в игнорировании объективных условий развития. Но тем не менее все больше и больше социологов XX в. эту направленность в социологии на органическое рассмотрение совокупности субъективных факторов и объективных условий разделяли, поддерживали, развивали. «Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов» (Белл, 1999). Еще большую определенность в ориентации на человека в совокупности всех его взаимосвязей как основной предмет исследований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим

предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ».

Русская социология в XIX — начале XX в. во многом характеризовалась тем, что ей была присуща гуманистическая направленность — обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе. Отражая эту тенденцию, объектом изучения становились вопросы, характеризующие состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Это отметил еще на рубеже XIX—XX вв. А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания».

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована в социологии жизни, которую в определенной степени разделяют Ю.Г. Волков, С.А. Кравченко, С.И. Григорьев, Н.Е. Покровский и др. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропосоциетальный подход, обоснованный Н.И. Лапиным. Особо следует отметить поиск Ю.М. Резника. При конструктивистском подходе существенным оказываются *модусы времени — настоящее, представленное в ценностях; будущее, выраженное в целях; и прошлое, связанное с категорией «значение»*. Этот подход в центр внимания ставит сознание и поведение человека, его отношение и реакцию на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, но и как члена определенной социальной группы, представителя определенного сообщества. Но этим не ограничивается данная концепция — она предполагает одновременный анализ общественной среды (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Все это позволяет сделать вывод, что социология жизни органически сочетает в себе субъективные факторы и объективные условия, реально функционирующее сочетание взаимоотношений общества и человека. Говоря словами П. Бергера, суть социологии — «человек в обществе, общество в человеке».

Социология (как и любая другая наука) призвана предлагать свои модели, изучая фрагменты, части объективной реальности. Однако в реальной жизни социолог встречается не со структурами, системами, конструкциями, а с сознанием и поведением людей, анализ которых приводит к познанию различных форм организации общественной жизни — институциональной, стратификационной, управленческой и др. Все это позволяет сделать вывод, что конст-

рукшинская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и индивидуальностью, измеримыми посредством элементов сознания, поведения и окружающей среды (см. гл. 2 об объекте и предмете социологии).

Методология социологии выступает в двух ипостасях: как принципы исследования социальной реальности, что находит отражение в парадигмах, концепциях, и как основа, база проведения конкретных исследований, что предполагает рассмотрение видов социологических исследований и методов, в них применяемых.

5.2. Виды социологического исследования

В наиболее общем виде ***социологическое исследование*** можно определить как *логически последовательные методологические, методические и организационно-технические процедуры, связанные между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемом явлении или процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, о возможном использовании полученной информации для приращения научного знания и в практике управления общественной жизнью.*

Социологическое исследование включает сменяющие друг друга этапы: разработку программы и инструментария; сбор информации; подготовку собранной информации к обработке и ее обработку; анализ полученной информации; подведение итогов; формулировку выводов и рекомендаций.

Несмотря на то что каждое социологическое исследование, претендующее на целостность и законченность, включает названные этапы, единой, унифицированной формы социологических процедур, пригодных для изучения различной сложности проблем, не существует.

Конкретный вид социологического исследования обусловлен характером поставленных цели и задач. В соответствии с ними различают три основных его вида: разведывательное, описательное и аналитическое.

Разведывательное (пилотажное, зондажное) исследование решает ограниченные по своему содержанию задачи. Оно охватывает, как правило, небольшие обследуемые совокупности и основывается на упрощенной программе и сжатом по объему инструментарии.

Разведывательное исследование используется для предварительного изучения определенного процесса или явления. Потребность в этом, как правило, возникает тогда, когда проблема или мало, или

вообще не изучена. В частности, оно успешно применяется для получения дополнительной информации о предмете и объекте конкретного исследования, для уточнения и корректировки гипотез, задач, инструментария и границ обследуемой совокупности, для последующего углубленного, широкомасштабного исследования, а также для выявления познавательных и прикладных проблем, которые предстоит решить.

Разведывательное (иногда его называют пробным) в значительной степени является способом проверки обоснованности выдвигаемых гипотез и задач, а также методического уровня и надежности инструментария по сбору социологической информации. Оно помогает оценить правильность построения соответствующей модели выборки и внести в нее в случае надобности необходимые коррективы, уточнить характеристики объекта и предмета исследования, обосновать расходы и сроки исследовательских процедур. Большое значение это исследование имеет для тренировки интервьюеров и анкетеров.

Образно говоря, разведывательное (пробное) исследование можно рассматривать как генеральную репетицию главного исследования, позволяющую сделать первые выводы о том, насколько успешно прошел этап подготовки к нему и каких результатов можно ожидать.

Выполняя вспомогательные задачи, разведывательное исследование служит поставщиком оперативных данных. В этом смысле можно говорить о такой его разновидности, как *экспресс-опрос*, цель которого состоит в получении отдельных сведений, особо интересующих исследователя в данный момент.

С помощью *оперативных опросов* определяют отношение людей к актуальным событиям и фактам (зондаж общественного мнения), а также степень эффективности проведенных мероприятий. Нередко к таким опросам прибегают для оценки хода и результатов общественно-политических кампаний и мероприятий.

Обычно в разведывательном исследовании используется один из наиболее доступных методов сбора первичной социологической информации, дающий возможность сделать это в короткие сроки. Кроме того, если речь идет об уточнении предмета и объекта широкомасштабного исследования, может быть осуществлен анализ специальной литературы, а также проведен опрос компетентных специалистов (экспертов) либо лиц, хорошо знающих характерные черты и особенности объекта исследования.

Описательное исследование — более сложный вид социологического анализа, который позволяет составить относительно целост-

ное представление об изучаемом явлении, его структурных элементах. Кроме того, осмысление, учет такой всесторонней информации помогают лучше разобраться в обстановке, более глубоко обосновать выбор средств, форм и методов анализа и управления общественными процессами.

Описательное исследование проводится на основе разработанной программы и на базе методически апробированного инструментария. Его методологическая и методическая оснащенность дает возможность провести группировку и классификацию элементов по тем характеристикам, которые выделены в качестве существенных в связи с изучаемой проблемой.

Описательное исследование обычно применяется в тех случаях, когда объектом служит относительно большая общность людей, отличающихся по своим характеристикам. Это может быть крупное предприятие, где трудятся люди разных профессий и возрастных категорий, имеющие различные стаж работы, уровень образования, семейное положение и т.д., или население города, района, области, региона. В таком случае выделение в структуре объекта относительно однородных групп дает возможность осуществить их оценку, сравнение и сопоставление интересующих исследователя характеристик, выявить наличие и степень развитости связей между ними.

Выбор методов сбора информации в описательном исследовании определяется его задачами и направленностью. Их сочетание повышает представительность, объективность, полноту социологической информации, а следовательно, позволяет делать более обоснованные выводы и рекомендации.

Аналитическое социологическое исследование ставит своей целью углубленное изучение явления, когда нужно не только описать структуру, но и узнать, чем определяются его основные количественные и качественные параметры.

В силу такого предназначения аналитическое исследование имеет большую научную и практическую ценность. Если в ходе описательного исследования устанавливается, *есть ли связь между характеристиками изучаемого явления*, то в ходе аналитического выясняется, *носит ли обнаруженная связь причинно-следственный характер*. Например, если в первом случае фиксируется наличие связи между удовлетворенностью и содержанием выполняемого труда, то во втором случае рассматривается, является ли удовлетворенность содержанием труда основным или несосновным фактором, влияющим на уровень его эффективности.

Поскольку реальность такова, что выявить в чистом виде какой-либо один фактор, определяющий черты и характеристику любого со-

циального процесса или явления, практически невозможно, то почти в каждом аналитическом исследовании изучается совокупность факторов. Из нее и выделяются факторы основные и дополнительные, постоянные и временные, управляемые и неуправляемые, присущие или неприсущие данному социальному институту или организации.

Подготовка и проведение аналитического исследования требуют значительного времени, тщательно разработанной программы и инструментария. По используемым методам сбора социологической информации это исследование носит комплексный характер. В нем, дополняя друг друга, могут применяться различные формы опроса, анализа документов, наблюдения. Естественно, это требует умения взаимоувязывать, состыковывать информацию, полученную по разным каналам, придерживаться определенных критериев ее интерпретации, т.е. выполнить процедуру триангуляции. Тем самым аналитическое исследование существенно отличается не только содержанием подготовительного этапа и этапа сбора первичной информации, но и подходом к анализу, обобщению и объяснению полученных результатов.

Разновидностью аналитического исследования можно считать *социальный эксперимент*. Его проведение предполагает создание экспериментальной ситуации путем изменения в той или иной степени обычных условий функционирования объекта. В ходе эксперимента особое внимание уделяется изучению поведения тех включенных в него факторов, которые придают объекту новые черты и свойства.

Подготовка и проведение любого эксперимента — дело достаточно трудоемкое и требующее специальных знаний и методических навыков. Особенно это важно тогда, когда речь идет о внедрении новых форм социальной организации, коренных изменениях в общественной и повседневной жизни людей, глубоко затрагивающих личные, групповые и общественные интересы. В ряде случаев эксперимент не просто желателен, а необходим. Он позволяет избегать случайностей и непредвиденных последствий, увереннее, с научной обоснованностью предлагать практике новые формы и методы управления.

В зависимости от того, рассматривается ли предмет в статике или в динамике, могут быть выделены еще два вида социологического исследования — точечное и повторное.

Точечное исследование дает информацию о состоянии и количественных характеристиках определенного явления или процесса в момент его изучения. Эта информация может быть названа статической, поскольку отражает как бы моментальный «срез» объекта.

но не дает ответа на вопрос о тенденциях его изменения во времени и пространстве.

Сравнительные данные могут быть получены лишь в результате нескольких исследований, проведенных последовательно, через определенные промежутки времени. Подобные исследования, основанные на единой программе и инструментарии, называются ***повторными*** (***мониторинговыми***). По сути дела, они представляют собой средство сравнительного социологического анализа, который направлен на выявление динамики развития объекта.

В зависимости от выдвигаемых целей повторный сбор информации может проходить в два, три и более этапов. Длительность временного интервала между первоначальной и повторной стадиями исследования может быть различной, ибо общественные процессы обладают неодинаковой динамикой и цикличностью. Часто именно свойства объекта подсказывают временные интервалы повторных исследований. Например, если изучаются тенденции в осуществлении жизненных планов выпускников средних школ и первый раз их опросили перед выпускными экзаменами, то очевидно, что ближайший срок повторного исследования — после завершения приема в вузы или поступления на работу.

Особый вид повторного исследования — *панельное*. Допустим, в ходе повторного исследования выясняется степень эффективности образования. Обычно оно определяется независимо от того, как изменился объект за период между первоначальной и повторной стадиями исследования. Панельное же исследование предусматривает неоднократное изучение одних и тех же лиц через заданные интервалы времени. Поэтому для панельных исследований целесообразно соблюдать такие интервалы, которые позволяют максимально сохранять стабильность исследуемой совокупности по ее величине и составу. Эти исследования дают хорошую возможность обновлять и обогащать информацию, отражающую динамику, направленность развития.

Помимо названных, в социологии используются, хотя значительно реже, ***специальные виды*** социологических исследований.

Один из них — *монографическое* исследование, которое нацелено на всестороннее, глобальное изучение избранного социального процесса или явления на одном из объектов, взятом в качестве представителя целого класса аналогичных объектов. Очень часто монографическое социологическое исследование дополняется использованием методов других наук: истории, экономики, культурологии, лингвистики и т.п. Образцом такого монографического исследования (к сожалению, забытого) можно считать работу А.М. Большакова

«Деревня (1917—1927)», построенную на изучении всех сторон жизни одной из волостей Тверской губернии.

Значительный интерес представляют *когортные* и *лонгитюдные исследования*, которые изучают специфические совокупности людей в течение определенного времени (года, взрослой жизни), причем переживших одновременно одни и те же события (вступление в брак, служба в армию, учеба в вузе, служебная карьера и т.д.). Когорту, образованную по году рождения, иногда называют поколением. Примерами таких исследований являются книга Б.Ц. Урланиса «История одного поколения» и исследования М. Титмы, изучавшего жизненные траектории выпускников средних школ в 1960—1980-е гг.

В последней четверти XX — начале XXI в. чаще стали проводиться ***кроскультурные исследования***, которые основаны на сравнении и сопоставлении явлений и процессов в разных странах. При всей их значимости, привлекательности следует отметить одну большую методологическую сложность — трудности в интерпретации как задач исследования, так и полученных результатов, ибо накладываются такие специфические особенности, которые обусловлены различиями в менталитете, в культурном опыте, в традициях и способах исследования и решения назревших социальных проблем.

Такова в общих чертах выстроенная по разным основаниям классификация видов социологического исследования.

Правомерно поставить вопрос: имеется ли зависимость между социальными явлениями и видами их социологического исследования, с помощью которых они могут быть изучены? В принципе жесткой зависимости нет. Практически любое социальное явление может изучаться на уровне разведывательного, описательного или аналитического исследований, имеющих точечный или повторный (панельный) характер и использующих различные методы сбора первичной информации. В свою очередь, для любого вида социологического исследования не существует запрета на анализ тех или иных явлений и процессов — каждое способно дать о них определенный объем научной информации.

Сказанное не означает, что сам социолог в конкретном случае ограничен в выборе того или иного вида исследования. Направленность такого выбора всякий раз вытекает как минимум из двух обстоятельств: *цели, т.е. научной и практической целесообразности исследования*, а также из *сущности и особенностей того явления, которое предстоит изучить*.

Каким образом эти обстоятельства заявляют о себе при анализе, скажем, общественного мнения?

Если планируется разведывательное исследование, то, исходя из его предназначения, предстоит выявить самую общую реакцию населения на ту или иную проблему. В свою очередь, описательное исследование предполагает получение более детальной характеристики состояния общественного сознания в единстве его рациональных, эмоциональных и волевых начал. Наконец, аналитическое исследование помимо описания состояний, элементов и свойств общественного мнения по конкретной проблеме призвано дать ответ на вопрос о том, каковы факторы, породившие именно такое мнение, и в какой степени оно выступает побудителем поведения людей.

Если ограничиться одномоментным замером общественного мнения, достаточно будет проведения точечного исследования. Когда же надо получить сведения о динамике и тенденциях его развития, организуют повторные исследования.

Заметим также, что цель оперативного изучения общественного мнения диктует выбор анкетного, группового или телефонного опроса в качестве метода получения первичной информации. Если же фактор времени не довлеет, наряду с опросом могут быть применены и другие методы сбора социологической информации.

Перед окончательным выбором вида социологического исследования нелишним будет реалистично оценить и свои возможности, особенно глубину знаний методики, техники и организации, а также практические навыки.

5.3. Программа социологического исследования

Программа содержит обоснование методологических подходов и методических приемов изучения социального явления или процесса. Только глубоко продуманная во всех составных частях программа социологического исследования обеспечивает его проведение на высоком качественном уровне. Не случайно программу называют стратегическим документом, в котором выражены концепция исследования проблемы, те вопросы, которые особо интересуют организаторов и побуждают их предпринять попытку научного анализа.

Программа социологического исследования обычно включает в себя подробное, четкое и завершенное изложение двух разделов: ***методологической части*** (формулировка и обоснование проблемы, цели и задач, определение объекта и предмета исследования, логический анализ основных понятий, формулировка гипотез) и ***мето-***

дической части (определение обследуемой совокупности, характеристика методов и инструментария, логические схемы математической обработки социологической информации).

Столь емкая структура программы исследования — не плод научной фантазии. Она выверена многолетней практикой и помогает избежать ошибок в процессе проведения исследования и анализа его результатов.

Что касается формулировки и обоснования проблемы исследования, то они возникают в связи с необходимостью получить полное представление о реально существующих противоречиях с расчетом найти оптимальные пути и средства их разрешения.

Различные противоречивые ситуации, которые выдвигает жизнь, принято называть *социальной проблемой*. Для организаторов социологического исследования существует еще научная проблема, которая сравнима с состоянием *знания о незнании* определенных количественных и качественных изменений, тенденций развития и других характеристик изучаемого социального явления или процесса. В частности, это может быть незнание действительных причин миграции или снижения творческого потенциала работников и т.п.

В процессе формулирования проблемы исследователи стремятся к тому, чтобы в ней получили как можно более точное отражение и сама проблемная ситуация, и основное противоречие, ее определяющее. При этом важно избегать опасности постановки мнимых проблем, т.е. проблем, либо не отражающих реальной социальной ситуации, либо давно решенных. Следует опасаться и другой крайности — выдвижения проблем слишком широкого плана. Если трудно сразу придать формулировке ясность и четкость, то, возможно, это удастся сделать в дальнейшем, по мере методологической и методической разработок остальных частей программы.

Иногда в ходе исследования приходится искать ответы на ряд дополнительных вопросов (проблем), что происходит, как правило, в тех случаях, когда сама исследовательская программа нацелена на многопроблемный анализ. В принципе же идти на изучение нескольких проблем в рамках одного исследования нецелесообразно. Во-первых, это усложняет инструментарий исследования, делает его громоздким, что может снизить качество собираемой информации. Во-вторых, теряется оперативность исследования, что приводит, в свою очередь, к старению данных, потере их актуальности, а порой и смысла исследования в целом.

Определение цели исследования предусматривает решение или научной, или практической задачи, или той и другой одновременно.

Необходима постановка такой цели, реализация которой требует надежных данных, позволяющих выявить пути и средства решения узловых и наиболее важных на текущий момент проблем, проверить и установить практическую отдачу и ценность форм и методов управления общественным процессом или явлением.

Как уже было отмечено, научная проблема не существует сама по себе: она всегда предполагает ту общность людей и их деятельность, с которыми неразрывно связана. Следовательно, *объектом социологического исследования в широком смысле является носитель той или иной общественной проблемы*. Вместе с тем причины возникновения проблемы могут лежать и за пределами объекта исследования. Это ведет к расширению его масштабов, чтобы можно было подойти к ее истокам.

Четкое определение *объекта* способствует правильному определению *предмета* исследования. Последний включает в себя те стороны и свойства объекта, которые в наиболее полном виде характеризуют исследуемую проблему (скрывающееся в ней противоречие). Следовательно, предмет социологического исследования предстает как концентрированное выражение взаимосвязи проблемы и объекта исследования.

Логический анализ основных понятий предусматривает осуществление таких методических процедур, без которых невозможно воплотить в инструментарии единую концепцию исследования, а значит, реализовать его цель и задачи, проверить правильность выдвинутых в нем гипотез.

Суть этих процедур заключается в *логическом структурировании основных понятий*, которые занимают главенствующее место в определении предмета исследования. Логический анализ предполагает точное, всестороннее объяснение содержания и структуры понятий, а на этой основе определение соотношения элементов и свойств конкретного явления, последовательное изучение которых дает возможность составить ясное о нем представление.

При исследовании, например, активности той или иной группы логический анализ основного понятия «социальная активность» предполагает выявление таких его составляющих, как активность трудовая, политическая, активность в сфере познания, культуры и т.д. Рассматривая затем каждое из них, мы как бы по ступеням приближаемся к определению сущности различных сторон (элементов) предмета исследования.

Между логическим анализом основных понятий и видом социологического исследования (разведывательное, описательное, анали-

тическое) существует тесная зависимость. И чем сложнее его вид, тем более емкой и разветвленной оказывается структура логического анализа основных понятий. В свою очередь, характер анализа основных понятий оказывает непосредственное воздействие на логику подготовки инструментария, нацеленного на получение социологической информации. Кроме того, как семантическая форма вычленения составных элементов исследуемого явления и установления между ними взаимосвязи логический анализ основных понятий помогает впоследствии правильно объяснить результаты исследования.

Каждый раз реализация исследовательской цели ее задач базируется на определенной последовательности шагов, приемов, методов. Набор этих методов, а точнее, общая направленность исследования может быть задана при формулировании гипотез. ***Гипотеза*** — это научное предположение, дающее объяснение фактов, явлений и процессов, которые надо подтвердить или опровергнуть. Отсюда понятно, почему предварительное выдвижение гипотез может повлиять на внутреннюю логику всего процесса исследования.

Как правило, любое социологическое исследование строится на предварительных, явно или неявно выраженных предположениях о причинах возникновения изучаемой проблемы. В этом смысле гипотезы способствуют увеличению значимости исследования, подсказывают правильный выбор объекта исследования и методов сбора информации. Важно, чтобы выдвигаемые гипотезы не сковывали мысль, не предопределяли итоговые результаты работы. Их формулируют однозначно, избегая по возможности расплывчатых понятий.

По значимости и характеру гипотезы можно разделить на *основные* и *дополнительные*.

Задачи социологического исследования определяются в соответствии с его целью и гипотезами. Они могут носить как описательный, так и поисковый характер. Основные задачи исследования отражают поиск ответа на центральный вопрос: каковы пути и средства изучения исследуемой проблемы. Не исключены ситуации, когда выдвижение дополнительных гипотез потребует выяснения еще каких-либо вопросов. Тогда намечаются и дополнительные задачи.

Описательные и аналитические социологические исследования, как правило, включают несколько основных задач, решение которых предполагает проверку определенного числа связанных с ними гипотез. Так, при анализе отношений собственности и особенностей их функционирования в качестве дополнительных задач может

быть включено изучение: а) оценок существующих, в том числе формирующихся, форм собственности; б) предпочтений и приоритетов по отношению к ним; в) степени эффективности способов и методов хозяйствования как специфического проявления функций собственности.

При характеристике обязательных требований к программе социологического исследования следует обратить особое внимание на ***интерпретацию*** и ***операционализацию основных понятий***. Особо хотелось бы обратить внимание на операции деления, обобщения и ограничения. Собственно, они являются критериями содержания, специфики и предназначения социологии, той основной особенностью, которая обеспечивает ее автономию и самостоятельную нишу в структуре социальных наук.

Деление понятий (синоним операционализации, квантификации) — процедура перехода от данного понятия к совокупности подчиненных ему с точки зрения логических характеристик, которые называются основанием деления. В ходе этой операции элементы объема исходного делимого понятия распределяются по подклассам, которые образуют объемы результирующих понятий — членов деления. В качестве основания деления может выступать, во-первых, факт наличия или отсутствия у делимого понятия некоторого признака; во-вторых, предметно-функциональная характеристика (например, пол, возраст, национальность), модифицирующая свои значения в результате приложения к различным объектам исходного класса (такую операцию называют делением по видоизменению основания). В социологии, как и в любой другой общественной науке, исходя из положений логики выработаны правила корректного осуществления данной операции: требования соразмерности (равнообъемности делимого понятия и совокупности членов деления), непустоты членов деления, их взаимной несовместимости по объему, единственности основания. Деление понятия представляет собой необходимый элемент важнейшей и широко используемой в науке познавательной процедуры — *классификации*, которую можно трактовать как структуру вложенных друг в друга делений.

Под процедурой ***обобщения понятий*** подразумевается переход от понятия с данным объемом к понятию с более широким объемом, но тем же родом (например, понятие «труд» или инфраструктура можно обобщить до понятия «экономика» или понятие «образование» до «духовной жизни»). Кроме того, в социологии используется прием, когда данные выборочной совокупности распространяются на генеральную совокупность, правомерность и правомочность чего

подтверждается как аналогичными приемами (методами), так и при сравнении исследуемых характеристик с реальными показателями (результатами).

Обратный переход от понятия с данным объемом к более узкому по объему понятию называют ***ограничением***. Пределом ограничения являются единичные понятия, а пределом обобщения — универсальные понятия (объем которых совпадает с родом). Операции обобщения и ограничения можно осуществлять посредством модификации содержания понятия, опираясь при этом на закон обратного отношения между содержанием и объемом понятий: чтобы обобщить, необходимо перейти к менее информативному, а чтобы ограничить — к более информативному понятию (Маркин, 2001). В эмпирических исследованиях социологи часто сталкиваются с необходимостью осуществления такой процедуры, когда из множества признаков, свойств операционализируемого понятия избираются (отбираются) важные, принципиальные, основные, которые позволяют сохранить, сберечь богатство изучаемого процесса или явления при уменьшении, сокращении доли малозначимых признаков и свойств, характеризующих данные явления и процессы.

Таким образом, основное назначение данной классификации понятий — *фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между свойствами, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений*, что особенно важно для эмпирической социологии. Нужно только отметить, что границы категорий (как важный атрибут науки) и понятий (как одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от конкретной исследовательской ситуации.

5.4. Методы социологического исследования (краткая характеристика)

При проведении социологических исследований наиболее часто планируются и используются следующие основные методы.

Метод анализа документов позволяет получить сведения о прошедших событиях, наблюдение за которыми уже невозможно. Изучение документов помогает выявить тенденции и динамику их изменений и развития. Источником информации выступают обычно текстовые сообщения, содержащиеся в протоколах, докладах, резолюциях и решениях, публикациях, письмах и т.п.

Особую роль выполняет ***статистическая информация***, которая в большинстве случаев используется для характеристики конкретно-

исторического контекста развития изучаемого процесса или явления. Важной особенностью большей части статистических данных является их агрегированный характер, что означает их соотнесенность к некоторой группе как целостности. Так, доступность потребительской корзины может быть отнесена как ко всему населению, так и к отдельным социальным группам.

При анализе документов широко используется ***контент-анализ***, который активно применяется в исследованиях средств массовой информации, являясь незаменимым методом группировки текстов. Анализ основан на использовании единообразных стандартизированных показателей (индикаторов) для поиска, учета и подсчета массовости тех или иных характеристик текста. Задачи, решаемые этим методом, подчиняются схеме: *кто сказал, что, кому, как, с какой целью и с каким результатом.*

Опрос — самый распространенный метод сбора первичной информации. С его помощью получают основной массив социологических данных. В каждом случае опрос предполагает обращение к непосредственному участнику и нацелен на те стороны процесса, которые мало поддаются или не поддаются прямому наблюдению. Вот почему опрос незаменим, когда речь идет об исследовании тех содержательных характеристик общественных, групповых и межличностных отношений, которые скрыты от внешнего глаза и дают о себе знать лишь в определенных условиях и ситуациях.

Есть две основные разновидности социологического опроса: анкетирование и интервьюирование.

При ***анкетировании*** опрашиваемый сам заполняет вопросник в присутствии анкетера или без него. По форме проведения оно может быть индивидуальным или групповым. В последнем случае за короткое время можно опросить значительное число людей. Оно бывает также очным и заочным. Наиболее распространены формы заочного: почтовый опрос, опрос через газету, журнал.

Интервьюирование предполагает личное общение с опрашиваемым, при котором исследователь (или его полномочный представитель) сам задает вопросы и фиксирует ответы. По форме проведения оно может быть прямым, «лицом к лицу», и опосредованным, например по телефону.

В зависимости от источника (носителя) первичной социологической информации различают опросы массовые и специализированные. В ***массовом опросе*** основным источником информации выступают представители различных социальных групп, деятельность которых непосредственно не связана с предметом анализа. Участников массовых опросов принято называть респондентами.

В ***специализированных опросах*** главный источник информации — компетентные лица, чьи профессиональные или научные знания, жизненный опыт позволяют делать авторитетные заключения. Участниками таких опросов являются эксперты, способные дать взвешенную оценку по интересующим исследователя вопросам. Отсюда еще одно широко распространенное в социологии название таких опросов — ***экспертные опросы.***

Одна из сложных проблем интервьюирования состоит в том, чтобы не подталкивать опрашиваемого к желательной для социолога информации, не трактовать рыхлые и неточные ответы как близкие к своему собственному мнению, избегать того, чтобы его отождествляли с представительством властных и других влиятельных структур, воздерживаться от личных ценностных оценок в процессе опроса и максимально сохранить «нейтралитет».

Наблюдение представляет собой целенаправленное и систематизированное восприятие изучаемого процесса или явления, черты, свойства и особенности которого фиксируются исследователем. Формы и приемы фиксации могут быть различными: бланк или дневник наблюдения, фото-, теле- или киноаппарат и другие технические средства.

Особенность наблюдения как вида исследования и как метода сбора первичной информации — это способность анализировать и воспроизводить жизненный процесс во всем его богатстве, поставлять разносторонние, порой весьма неожиданные впечатления об исследуемом объекте. Здесь могут фиксироваться характер поведения, жесты, мимика лица, выражение эмоций отдельных людей и целых коллективов (групп). Нередко наблюдение используется наряду с другими методами сбора информации, одухотворяя бесстрастные колонки цифр — результаты различных опросов.

Наблюдение рекомендуется при изучении степени активности людей на собраниях, митингах, интересов слушателей в процессе обучения, поведения участников массовых общественно-политических мероприятий и т.д.

Развитие социологической науки приводит к появлению новых методов изучения социальной реальности (сознания и поведения), среди которых все более видное место занимают ***качественные***. Их применение позволяет существенно увеличить надежность и валидность полученной картины.

В число качественных методов входят ***фокус-группы***, методика проведения которых сводится к специально подготовленным интервью по заранее разработанному сценарию в форме обсуждения с небольшой группой обычных людей (в отличие от экспертного оп-

роса, мозгового штурма). Основным методическим требованием к составу этой дискуссионной группы является ее однородность, что устраняет возможность прямого или косвенного давления одних членов группы на других. Поэтому социологи, сопровождающие, например, избирательные кампании или проводящие маркетинговые обследования, подбирают фокус-группы из незнакомых друг другу людей примерно одинакового возраста, одного пола, схожего уровня доходов. Формирование этих групп должно охватывать основные слои населения, чтобы можно было представить преобладающие ориентации в сознании и поведении людей. Немаловажным требованием является величина группы, которая позволяет поддерживать дискуссию: при 4—5 участниках она может быстро затухнуть, а при значительном числе — 20—25 человек нет возможности в полной мере высказаться всем участникам.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. стали применяться такие качественные методы, как ***конверсационный анализ*** (анализ бесед, разговоров), ***биографический метод***. Из методик экспертного опроса выделились ***методики свободного и нарративного (повествовательного) интервью***. Важное место занимают ***проективные методики***.

На практике пространство применения того или иного метода условно разграничено. С точки зрения стратегической наиболее целесообразно совмещение количественных и качественных методов, которые дополняют и обогащают друг друга, хотя их соотношение может существенно разниться исходя из специфики цели и задач исследования. Опыт показывает, что качественные методы могут использоваться для эффективной разведки, результаты которой могут быть положены в основу сценария количественного подхода. Вполне возможен и другой вариант, когда количественный замер обнаруживает некий аномальный, выпадающий из общего алгоритма аспект, нуждающийся в дополнительной проверке качественными методами. На практике все они, с одной стороны, обогащают арсенал эмпирической социологии, но, с другой — таят угрозу потерять специфику социологических методов познания, слиться с теми приемами и способами, которые используют все или многие социальные науки.

В практике социологических и особенно социально-психологических исследований достаточно широко используются такие методы, как ***социометрический*** и ***экспертный опросы, тестирование, шкалы уместности*** и ряд других приемов, пригодных для специфических форм анализа.

Таким образом, в методическую часть программы социологического исследования включаются: характеристика методов и приемов

роса, мозгового штурма). Основным методическим требованием к составу этой дискуссионной группы является ее однородность, что устраняет возможность прямого или косвенного давления одних членов группы на других. Поэтому социологи, сопровождающие, например, избирательные кампании или проводящие маркетинговые обследования, подбирают фокус-группы из незнакомых друг другу людей примерно одинакового возраста, одного пола, схожего уровня доходов. Формирование этих групп должно охватывать основные слои населения, чтобы можно было представить преобладающие ориентации в сознании и поведении людей. Немаловажным требованием является величина группы, которая позволяет поддерживать дискуссию: при 4—5 участниках она может быстро затухнуть, а при значительном числе — 20—25 человек нет возможности в полной мере высказаться всем участникам.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. стали применяться такие качественные методы, как ***конверсационный анализ*** (анализ бесед, разговоров), ***биографический метод***. Из методик экспертного опроса выделились ***методики свободного и нарративного (повествовательного) интервью***. Важное место занимают ***проективные методики***.

На практике пространство применения того или иного метода условно разграничено. С точки зрения стратегической наиболее целесообразно совмещение количественных и качественных методов, которые дополняют и обогащают друг друга, хотя их соотношение может существенно разниться исходя из специфики цели и задач исследования. Опыт показывает, что качественные методы могут использоваться для эффективной разведки, результаты которой могут быть положены в основу сценария количественного подхода. Вполне возможен и другой вариант, когда количественный замер обнаруживает некий аномальный, выпадающий из общего алгоритма аспект, нуждающийся в дополнительной проверке качественными методами. На практике все они, с одной стороны, обогащают арсенал эмпирической социологии, но, с другой — таят угрозу потерять специфику социологических методов познания, слиться с теми приемами и способами, которые используют все или многие социальные науки.

В практике социологических и особенно социально-психологических исследований достаточно широко используются такие методы, как ***социометрический*** и ***экспертный опросы, тестирование, шкалы уместности*** и ряд других приемов, пригодных для специфических форм анализа.

Таким образом, в методическую часть программы социологического исследования включаются: характеристика методов и приемов

сбора первичной информации (анкетный опрос, интервью, анализ документов, наблюдение и др.); логическая структура инструментария, из которого видно, на выявление каких свойств предмета исследования направлен тот или иной блок вопросов; порядок их расположения в инструментарии, который прилагается к программе в качестве самостоятельного документа.

5.5. Методы организации социологического исследования

Одной из важнейших процедур методической части социологического исследования является ***определение обследуемой совокупности***. После уточнения объекта исследования решается вопрос о количестве и характере той совокупности людей, которые должны быть охвачены опросами и (или) наблюдением. Опрос всех людей, составляющих объект исследования (а это могут быть тысячи, десятки или сотни тысяч человек), нерационален. Это удлинило бы время его проведения, а значит, затянуло бы сроки получения нужной информации, потребовало значительных финансовых затрат, да и само исследование оказалось бы весьма громоздким.

Поэтому большинство социологических исследований имеет не сплошной, а выборочный характер. Другими словами, по довольно строгим правилам отбирается определенное число людей, отражающих по социально-демографическим и другим признакам структуру изучаемого объекта. Эта операция носит название ***«выборка»***. От правильности ее осуществления в огромной степени зависят качество и достоверность социологической информации. В последующем, с учетом особенностей и динамики объекта исследования, она может быть уточнена и выделена в отдельный документ.

В проекте выборки указываются принципы выделения из объекта той совокупности, в которой, собственно, и будет проведен опрос, обосновывается методика его проведения, обозначаются подходы к определению достоверности полученной информации. Последнее необходимо для того, чтобы убедиться в степени правомерности распространения полученных выводов на весь объект исследования.

Наряду с перечисленным выше программа содержит и ***логические схемы обработки собранной информации***, показывающие предполагаемый диапазон и глубину анализа первичной информации.

Как видно, подготовка программы социологического исследования — дело непростое. Практика показывает, что на это, как правило, уходит гораздо больше времени, чем на проведение самого

исследования. Однако жалеть силы не следует, так как хорошо продуманная программа — непременное условие осуществления исследования на высоком научном уровне.

Рабочий план исследования отражает основные процедурные мероприятия. Он позволяет заранее предусмотреть и наиболее точно определить объем научных, организационных и финансовых затрат, помогает избежать суеты, придает исследованию ритмичность на всех его этапах.

Разработка такого плана предусматривает строгое соблюдение определенных принципов и правил. В наиболее общем виде они идентичны принципам управленческой и исполнительской деятельности, требованиям социального планирования. В то же время планирование социологического исследования имеет ряд отличительных черт, ибо это особый способ научного познания социальных явлений, опирающийся не только на общие, но и на свои относительно самостоятельные процедуры и формы организации.

Осуществление социологического исследования требует гибкого сочетания научно-теоретической, методической и организационной деятельности, а следовательно, и четкого разделения труда между его участниками. Кроме того, любое исследование вне зависимости от степени его сложности состоит из *ряда этапов* и *серии эмпирических процедур*. И хотя все они отличаются своим предназначением и содержанием, их связывает между собой единая научно-исследовательская логика. Вследствие этого качество собранной социологической информации в равной мере зависит от научного уровня реализации каждого этапа, каждой процедуры исследования.

Действительно, неверно составленный бланк опроса оборачивается получением недостоверных данных, неподготовленность группы анкетеров порождает неорганизованность сбора первичной информации, а чрезмерная растянутость может обернуться потерей актуальности исследования.

Избежать всевозможных огрехов помогает централизованное руководство исследованием, документальным «путеводителем» которого призван стать рабочий план его подготовки и проведения.

Структурными компонентами плана социологического исследования являются этапы и различные по видам и форме научно-исследовательские и организационно-технические процедуры и операции. Все они могут быть сгруппированы в соответствии с последовательностью их осуществления в четыре блока.

Блок первый: определяются порядок обсуждения и утверждения программы и инструментария исследования, формирование и подготовка группы сбора первичной информации (например, анкетеров),

исследования. Однако жалеть силы не следует, так как хорошо продуманная программа — непременное условие осуществления исследования на высоком научном уровне.

Рабочий план исследования отражает основные процедурные мероприятия. Он позволяет заранее предусмотреть и наиболее точно определить объем научных, организационных и финансовых затрат, помогает избежать суеты, придает исследованию ритмичность на всех его этапах.

Разработка такого плана предусматривает строгое соблюдение определенных принципов и правил. В наиболее общем виде они идентичны принципам управленческой и исполнительской деятельности, требованиям социального планирования. В то же время планирование социологического исследования имеет ряд отличительных черт, ибо это особый способ научного познания социальных явлений, опирающийся не только на общие, но и на свои относительно самостоятельные процедуры и формы организации.

Осуществление социологического исследования требует гибкого сочетания научно-теоретической, методической и организационной деятельности, а следовательно, и четкого разделения труда между его участниками. Кроме того, любое исследование вне зависимости от степени его сложности состоит из *ряда этапов* и *серии эмпирических процедур*. И хотя все они отличаются своим предназначением и содержанием, их связывает между собой единая научно-исследовательская логика. Вследствие этого качество собранной социологической информации в равной мере зависит от научного уровня реализации каждого этапа, каждой процедуры исследования.

Действительно, неверно составленный бланк опроса оборачивается получением недостоверных данных, неподготовленность группы анкетеров порождает неорганизованность сбора первичной информации, а чрезмерная растянутость может обернуться потерей актуальности исследования.

Избежать всевозможных огрехов помогает централизованное руководство исследованием, документальным «путеводителем» которого призван стать рабочий план его подготовки и проведения.

Структурными компонентами плана социологического исследования являются этапы и различные по видам и форме научно-исследовательские и организационно-технические процедуры и операции. Все они могут быть сгруппированы в соответствии с последовательностью их осуществления в четыре блока.

Блок первый: определяются порядок обсуждения и утверждения программы и инструментария исследования, формирование и подготовка группы сбора первичной информации (например, анкетеров),

проведение пробного исследования, внесение коррективов в программу и инструментарий сбора первичной информации по итогам пробного исследования, размножение инструментария (анкеты или бланка интервью и др.).

Блок второй: в плане фиксируются все организационные виды работ, обеспечивающие четкое проведение полевого исследования, т.е. сбор первичной информации; предусматриваются выбор места и времени для опроса, предварительное информирование опрашиваемых о целях, задачах и практических «выходах» исследования, централизованный сбор заполненных анкет, бланков интервью или других видов инструментария.

Блок третий: охватывается совокупность операций по подготовке первичной информации к обработке; под специальным контролем формируется ее массив, предназначенный для математического анализа; предварительно осуществляются кодировка открытых вопросов, выбраковка негодных анкет.

Блок четвертый: включаются все виды работ, связанные с анализом результатов обработки полученных данных, обсуждением предварительного и итогового отчетов, выработкой рекомендаций.

В ходе проектирования исследования помимо разработки программы и плана его осуществления готовятся также вспомогательные документы, делаются расчеты временных, организационно-технических, материальных и иных затрат в соответствии с имеющимися нормативами. Нормативные показатели используют тогда, когда нужно четко представить, сколько понадобится времени для проведения исследования, число анкетеров (интервьюеров) для сбора первичной информации, за какой срок она должна быть собрана и обработана. Применение нормативов при планировании исследования не загромождает работу, а, наоборот, делает ее более осознанной, упорядоченной, способствует как бы дополнительному контролю, самопроверке готовности к обработке всех элементов социологического исследования.

Все это упорядочивает проведение исследования, помогает предотвратить возможные накладки, способствуя тем самым качественному сбору первичной информации и ее своевременной обработке и анализу. Обычно вспомогательные документы исследования оформляются в виде инструкций. Одна из наиболее важных — *инструкция анкетеру (интервьюеру)*, проводящему опрос. Она содержит краткое описание цели, задач исследования и основных процедур, которые анкетер должен выполнить. В частности, указываются место и сроки проведения опроса, круг лиц, с которыми анкетеру предстоит войти в контакт для сбора первичной информации, тип

опроса (анонимный, по списку и т.д.), форма и характер вступительной беседы, а также требования к техническому оснащению процедур опроса.

Особое внимание уделяется изложению порядка работы анкетера (интервьюера) во время опроса и после сбора заполненных анкет (внесение в анкету дополнительных кодов и др.). В примечании дается разъяснение, кому и в каком виде возвращаются анкеты.

К вспомогательным документам исследования относится также инструкция по закрытию открытых и полуоткрытых вопросов анкеты. В ней приводится кодификатор, с помощью которого кодируются полученные от респондентов ответы в целях их дальнейшей группировки и математической обработки. Могут быть подготовлены инструкции, объясняющие содержание и порядок осуществления других процедур (например, выбраковки неверно заполненных анкет).

Кроме инструкции по технике опроса составляется *карточка выборки*. В ней отмечается число респондентов, которых он должен опросить, а в случае надобности — пофамильный список опрашиваемых. В тех ситуациях, когда согласно используемой модели выборки анкетер сам должен отобрать респондентов, ему вручается специальный листок с указанием числа людей, подлежащих опросу по соответствующим параметрам.

Вообще же количество и объем вспомогательных документов зависят от вида предпринятого социологического исследования, научной квалификации, методического и организационного опыта тех, кто его проводит. Так, необходимо отметить значимость такого требования к организации, как хранение и возможность дальнейшего использования социальной информации.

Эти общие характеристики методологии и методики социологического исследования, его подготовки и проведении не исчерпывают всего многообразия способов, форм и методов получения нового знания. Они освещены в литературе, предназначенной для специализирующихся в социологии.

Таким образом, проведение социологического исследования — процесс, насыщенный разными видами работ, процедурами и операциями. Каждому социологу следует заботиться о надежной методологической основе исследования, продумывать его общую логику, разрабатывать методические документы для сбора информации, формировать исследовательскую группу, способную к осмыслению общественных явлений и процессов, к анализу социологических данных. Надо предусматривать организационное и материально-техническое обеспечение, быть готовым к оперативному решению

возникающих вопросов. Словом, социологическое исследование проводится тогда, когда есть уверенность, что весь объем необходимых работ будет выполнен в соответствии с предъявляемыми к ним научными требованиями.

Для более подробного ознакомления с методами сбора, обработки и анализа социологической информации можно обратиться к соответствующей литературе (см. библиографический список).

Вопросы и задания для повторения

1. Охарактеризуйте основные методологические стратегии в социологии.
2. Назовите основные виды социологического исследования.
3. В чем состоит специфика панельного и повторного исследований?
4. Что представляет собой монографическое исследование?
5. Дайте характеристику основных методов сбора информации: анализ документов, опрос, экспертные оценки, наблюдение, фокус-группы.
6. Охарактеризуйте основные требования к организации социологического исследования.

Темы для рефератов

1. Социологический реализм как методологическая стратегия.
2. Основные признаки социологического номинализма.
3. Что такое конструктивистская парадигма (социология жизни)?
4. Разведывательное исследование и его цели.
5. Описательное исследование и его особенности.
6. Аналитическое исследование и основные требования к нему.
7. Панельное и повторное исследования: общее и особенное.
8. Монографическое исследование и его специфика.
9. Основные требования к программе социологического исследования.

Раздел II

Экономическая социология

Глава 6 Социально-экономическая реальность как объект социологического исследования

Глава 7 Социология труда

Глава 8 Социология города

Глава 9 Социология села

Глава 10 Экологическая социология (экосоциология)

Экономическая жизнь, экономические процессы, экономические отношения стали объектом пристального внимания социологии с конца XIX — начала XX в. Именно в этот период начали осознавать роль человеческого фактора на производстве, значение экономического сознания и поведения людей. В XX в. внимание к социальным параметрам экономической жизни было нестабильным: в силу объективных и субъективных причин оно иногда ослабевало, чтобы затем вновь окрепнуть и стать предметом более тщательного и скрупулезного исследования.

Не миновала этих зигзагов и экономическая жизнь российского (советского) общества. Одним из его парадоксов был все возрастающий разрыв между тем, что провозглашалось в официальных документах, и той реальностью, которая характеризовала действительное развитие экономики. В результате оформировалось явление, которое получило наименование *«бессубъектности экономической жизни»*. Данный феномен привел к распространению технократизма, не желавшего ни с чем считаться, кроме формализованных производственных показателей, а также к господству технико-технологического подхода, игнорирующего социальные и духовные аспекты жизни людей, что в немалой степени способствовало возникновению и развитию теневой экономики, довело социальные тылы до крайней степени запущенности. Это в одинаковой степени, но только с разным акцентом относится как к советскому, так и постсоветскому времени.

Современный этап развития экономической жизни наглядно демонстрирует необходимость учета всего того, что связано с устремлениями, мотивами, ценностными ориентациями людей. В настоящее время коренным образом изменилась роль людей и их влияние на функционирование производства, использование достижений науки, создание новой техники и технологии, обновление механизма хозяйствования. Вот почему так важно понять, что созревает в сознании человека, *кто* и *как* обусловливает серьезные сдвиги в поведении работников в процессе изменения отношений собственности и *что* необходимо изменить в социально-экономических и политических условиях, чтобы реализовать на практике поставленные жизнью требования.

Анализ реальных социальных проблем экономической жизни показывает, что они во многом определяются отношением людей, их оценкой происходящих изменений и степенью участия в решении проблем производства, ведь «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как ***интересы***» (Ф. Энгельс).

Экономическая жизнь функционирует благодаря не только действию объективных законов общественного развития, но и субъективной деятельности людей. Она немыслима без провозглашения целей, направленных на удовлетворение потребностей и интересов населения. Кроме того, экономическая жизнь находит отражение в реальном сознании в виде взглядов, настроений, мнений, чувств, которые в свою очередь являются основой для формирования мотивов людей. В свое время А.В. Чаянов обратил внимание на противоречивость сознания и поведения крестьянина, в которых самым причудливым образом сочетались установки, с одной стороны, предпринимателя, с другой — наемного работника, и это противоречие нередко приводило крестьянина к решениям, продиктованным скорее его обыденным сознанием, здравым смыслом, чем требованиями объективного экономического развития.

Экономическую жизнь невозможно представить без мировоззренческих (идеологических) установок и ориентаций, существующих в обществе (теоретический уровень общественного сознания). Очевидно, что экономические концепции, взгляды, представления не механически отражают производственные отношения. Более того, они часто неадекватны процессам, происходящим в экономике, а некоторые из них ставят под сомнение правомочность существования наличных производственных отношений.

И наконец, ***экономическая жизнь не может функционировать без учета такого момента, как экономическая культура (знания и умения их реализовать, процесс общения продавца и покупателя, мода, предпочтения в потреблении, взаимная ответственность и т.д.).***

Осознание реальных процессов — непременный элемент совершенствования экономической жизни. Только понимание, реализация функций труда дают необходимый социальный эффект. Никакие сверхновые техника и технологии, никакое, пусть и самое рациональное управление, будучи сами по себе важными, не дадут решения назревших проблем, если в них не будут вовлечены работники, не будут учтены их мотивы, потребности и интересы, не будут созданы условия для реализации их целей и стремлений.

Все это позволяет сделать вывод, что ***экономическая социология может быть представлена как глобальными, так и частными проблемами.***

Долгое время исследования экономической жизни велись по отдельным направлениям, посвященным труду, трудовым ресурсам, уровню жизни населения, демографическим проблемам, миграции. Очевидно, что такой подход охватывает широкий круг проблем экономической жизни, но не всю их совокупность. Поэтому на определенном этапе развития социологии как за рубежом (Н. Смелзер), так и в Советском Союзе (Т.И. Заславская) были осуществлены попытки *охватить единым понятием «экономическая социология» весь спектр проблем экономической жизни.* Иначе говоря, экономическая социология приобрела свой окончательный статус в 60-е гг. XX в. В 1980—1990-е гг. для развития экономической социологии много было сделано В.В. Радаевым, В.И. Верховинским, Г.Н. Соколовой, Ю.В. Весловым и др.

В данном учебнике ***экономическая социология*** рассматривается как комплекс проблем, имеющих четко выраженный социально-экономический (социология труда) и системный характер (социология города, социология села), в которых экономические параметры немыслимы без рассмотрения и учета социальных и духовных аспектов их функционирования. Наряду с перечисленными проблемами нашли отражение и такие сравнительно новые темы, как социальные проблемы рынка, занятости, экология. Вместе с тем раскрытие социального состояния экономики может быть дополнено более обстоятельным анализом таких вопросов, как социальные проблемы собственности, социальная инфраструктура, миграция, домохозяйства, нововведения, региональное развитие, что позволяет полнее представить социологический аспект изменений материального производства, всей экономической жизни.

Глава 6

Социально-экономическая реальность как объект социологического исследования

Данная глава посвящена анализу основных проблем, которые характеризуют социальные аспекты функционирования рынка, уровень и качество жизни населения, демографическую ситуацию. Но для того чтобы полнее и четче представить себе социально-экономическую специфику развития общества, прежде всего рассмотрим общие и специальные характеристики места и роли экономики в современной жизни России.

6.1. Ресурсный потенциал России

В мире существует семь стран, чей суммарный ресурсный потенциал составляет половину потенциала мирового сообщества. На долю этих стран — Китая, Индии, Индонезии, России, США, Японии, Бразилии — приходится 56% населения планеты, 59% мирового ВВП, 53% мирового запаса лесов и т.д.

Анализ потенциала любой страны включает рассмотрение трех основных ресурсных сфер: ***экосферы*** (природные, климатические, географические, территориальные ресурсы); ***социосферы*** (демографические, профессиональные, социокультурные ресурсы); ***техносферы*** (индустриальный, научно-технический, технологический потенциал). Что касается потенциальных ресурсных возможностей России, то они действительно велики (табл. 6.1).

Анализируя показатели табл. 6.1, видно, что России по *ресурсообеспеченности* занимает 1-е место: на душу населения приходится природных богатств на 400 тыс. долл. (для сравнения: в Северной Америке, т.е. США вместе с Канадой, — 330 тыс. долл., в тихоокеанских странах — 300 тыс. долл.). В то же время по *объему душевого потребления валового национального продукта* Россия занимает одно из последних мест в мире. В России он составляет 8175 долл. на человека, а в США — около 400 тыс. Иначе говоря, в России существует огромный разрыв между имеющимся ресурсным потенциалом и его отдачей, который демонстрирует огромное расхождение (дисбаланс) между возможностями и реально сложившейся ситуацией.

Таблица 6.1. **Потенциальные ресурсы ведущих стран мира в конце XX в.**

Страна	*Площадь, млн км²*	*Нефть, т/чел.*	*Запасы нефти, т/чел.*	*Запасы газа, тыс. м³/чел.*
РФ	17,1	0,89	132	276
Китай	9,6	—	—	—
США	9,2	0,75	14	19
Канада	9,2	1,73	27	117
Германия	0,35	0,15	0,8	4,4
Франция	0,55	0,34	0,3	0,5
Англия	0,24	0,12	9,3	9,5
Япония	0,38	0,04	0,06	0,3

Примечание. Знак «—» показывает, что данные отсутствуют.
Источник. *World Resources*, 1994—1995.

Экспертная оценка основных ресурсов России с точки зрения сопоставления трех основных ресурсных сфер представлена в табл. 6.2.

Таблица 6.2. **Экспертная оценка потенциала основных ресурсов России, баллов**

Общая структура потенциала	*Остатные ресурсы страны*	*Количественная оценка*	*Качественная интерпретация*
Экосфера	Природно-климатические ресурсы	7,3	Высокая
	Территориально-географические ресурсы	8,0	Высокая
Социосфера	Демографические ресурсы	4,8	Ниже средней
	Духовные ресурсы	6,7	Выше средней
	Профессиональные ресурсы	6,5	Выше средней
Техносфера	Индустриальный потенциал	5,2	Средний
	Научно-технический потенциал	4,9	Средняя
	Бюджетно-финансовый потенциал	2,3	Низкая
Общая надежность потенциала страны		**4,8**	**Ниже средней**

Примечание. Оценка дается по десятибалльной шкале: 0 — надежность (устойчивость) полностью отсутствует, 1 — низкая надежность, 10 — высокая надежность.
Источник. Данные ИСПИ РАН.

Анализ потенциала России показывает, что наиболее благоприятная ситуация сложилась в экосфере, менее — в социосфере, и наименее — в техносфере. При этом имеющийся у страны потенциал используется неэффективно: каждый год страна берет в долг у будущих поколений, растрачивая главные ресурсы, которые следует беречь, приумножать и оставлять потомкам. Сейчас Россия живет за счет неприкосновенного запаса, который собирал веками российский народ. Но основной вывод заключается в том, что фундаментальные ресурсы для эффективного развития используются без глубоко обоснованной программы их учета и использования как в ближайшей, так и отдаленной перспективе.

Не останавливаясь на проблемах эко- и техносферы, обратим внимание на характеристику ***ресурсных возможностей, которые связаны с человеком***. Сравним место России в структуре основных показателей. Человеческий капитал практически во всех странах превышает половину накопленного национального богатства, что свидетельствует как об уровне развития стран, так и о различиях в материальном благосостоянии. Вместе с тем высокий удельный вес человеческого капитала в большинстве стран обусловлен исключительно неравномерным распределением природных элементов богатства по территории и их недостаточной изученностью. В России удельный вес человеческого капитала является одним из низких вследствие высокого удельного веса показателей стоимости природных ресурсов (табл. 6.3).

Именно на основе этих показателей можно осуществить экспериментальные оценки ***совокупного показателя национального богатства*** в рамках мирового сообщества, а также по группам стран. Полученные данные отражают результаты накопления общего объема богатства и основных форм капитала (табл. 6.4).

Следовательно, половина богатства мира сосредоточена в странах «семерки» и ЕС, что обеспечивается преимущественно за счет человеческого капитала. Самое высокое значение показателя накопленного национального богатства на душу населения в России — 400 тыс. долл., т.е. в более чем в 4 раза выше общемирового уровня. Однако возникает вопрос: как это богатство используется в интересах человека и общества?

Обратимся к другому часто используемому в международных сопоставлениях показателю — ***индексу развития человеческого потенциала*** (ИРЧП). Этот сводный показатель, предложенный ООН, отражает уровень достижений страны по трем индикаторам: *здоровой жизни*, измеряемой показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении; *знаниям*, измеряемым уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым контингентом учащихся

начальных, средних и высших учебных заведений; ***уровню жизни***, измеряемому показателем ВВП на душу населения.

Таблица 6.3. **Оценки человеческого капитала на начало XXI в.**

Страна	*Человеческий капитал, %*			
	Общий объем, трлн долл.	*к национальному богатству стран*	*к мировому итогу*	*к уровню США*
Мировой итог	**365**	**66**	**100**	**384**
Страны «семерки» и ЕС	215	78	59	226
Из них:				
США	95	77	26	100
страны ОПЕК	45	47	12	47
страны СНГ,	40	50	11	42
в том числе Россия	30	50	8	32
Прочие страны	65	65	18	68
В том числе:				
Китай	25	77	7	26
Бразилия	9	74	2	9
Индонезия	9	75	2	9
Мексика	8	77	2	8
Индия	7	58	2	7
Пакистан	4	80	1	4

Источник. *Содружество* Независимых Государств в 2000 году: Краткий справочник. М.: Статкомитет СНГ, 2001; *Human* Development Indicators 2001; http://www.undp.org/hdr2001 (оценки округлены).

Таблица 6.4. **Национальное богатство мира на начало XXI в.**

Страны	*Национальное богатство*		*В том числе по видам капитала, трлн долл.*		
	всего, трлн долл.	*на душу населения, тыс. долл.*	*человеческий*	*природный*	*воспроизводимый*
Мировой итог	**550**	**90**	**365**	**90**	**95**
Страны «семерки» и ЕС	275	360	215	10	50
Страны ОПЕК	95	195	45	35	15
Страны СНГ,	80	275	40	30	10
в том числе России	60	400	30	24	6
Прочие страны	100	30	65	15	20

Источник. *Содружество* Независимых Государств в 2000 году: Краткий справочник. М.: Статкомитет СНГ, 2001; *Нестеров А., Антонов Г.* Национальное богатство и человеческий капитал // Вопросы экономики. 2003. № 2.

Максимально возможное значение ИРЧП — 1. Его имеет страна, в которой средняя продолжительность жизни равна 85 годам, ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) составляет 40 тыс. долл. США и 100% взрослого населения являются грамотными, а все, кто достиг соответствующего возраста, посещают начальную или среднюю школу или учатся в высшем или среднем специальном учебном заведении. То, как обстоят дела в России и ее ближайшем окружении, показывает табл. 6.5.

Таблица 6.5. **Состояние и динамика человеческого потенциала России**

Индикатор	*1990*	*1995*	*2000*	*2005*	*2007*	*2008*
Значение ИРЧП	0,821	0, 777	0,782	0,804	0,817	—
ВВП на душу ППС, долл. США	10080	9900	7200	11861	14690	—
Грамотность взрослого населения, %	99,8	98,0	99,5	00,4	99,5	99,4
Доля учащихся в возрасте 7—24 лет, %	—	—	79	73,4	73,5	—
Охват обучением молодежи 15—34 лет, %	17,0	16,1	20,5	24,8	25,1	24,8
Число студентов на 10 тыс. чел.	27	32	49	69	71	70
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет (общая)	69,19	64,52	65,34	65,30	67,51	67,88
мужчин	63,73	58,12	59,03	58,87	61,39	61,83
женщин	74,30	71,59	72,26	72,39	73,90	74,16
Коэффициент естественного прироста населения, %	2,2	−5,7	−6,3	−5,4	−3,1	−2,4
Доля больных новорожденных, % от живорожденных	—	28,5	38,0	40,7	—	37,1
Заболеваемость детей 0—14 лет всеми болезнями, %	—	109,5	146,2	173,8	—	183,7
Коэффициент фертильности	1,892	1,337	1,195	1,287	1,406	1,494
Коэффициент смертности от болезней органов кровообращения						
мужчин	509,5	730,1	801,6	905,0	812,1	815,2
женщин	714,9	844,2	885,0	909,8	852,8	852,4

Источник. Никонов А.А., Крапивников Е.В. Кризис человеческого потенциала России и методы анализа // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 2.

Анализ показателей ИРЧП позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, продолжительность жизни в России стала на 10 лет короче, чем в цивилизованном мире: в 2001 г. она составила 66,6 лет, (в 2009 г. — 68,9 лет), т.е. меньше, чем в Китае и Индии. Доля ВВП на душу в долларах получается в 4 раза меньше, чем в развитых странах. Только по уровню образования Россия впереди многих стран, ибо почти 100% россиян грамотно. И как итог этих расчетов, Россия по качеству жизни из 162 стран мира в 2009 г. заняла 55-е место (между Белизом, бывшей английской колонией, и Малазией). Что касается национальной конкурентоспособности, то Россия занимала в 2010 г. 63-е место в мире.

В целом если в 1990 г. Россия занимала 40-е место, уступая США 37-е место, то в 1995 г. она переместилась на 68-е, в 2006 г. — на 73-е, а в 2007 г. — на 71-е (разрыв с США составлял уже 58 мест). И если в этот период (1990—2007) в абсолютном большинстве стран с высоким средним уровнем их развития среднегодовой прирост человеческого потенциала составлял от 0,2 до 1%, а ряде стран и более 1% (Китай, Вьетнам, Тунис), то Россия — единственная (за исключением Молдовы) в этой группе стран с отрицательным среднесрочным приростом (−0,03%).

Все это еще раз показывает, что в России сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, огромный ресурсный и человеческий потенциал, с другой — крайняя низкая их эффективность и результативность, что отбрасывает страну на позиции, равнозначные категории развивающихся стран.

6.2. Социологические проблемы рынка

Социологические проблемы рынка стали актуальны с начала 90-х гг. XX в., когда страна реально вступила в период формирования рыночных отношений. Этот переход был подготовлен как объективными обстоятельствами (консерватизм устаревших форм хозяйствования), так и субъективными факторами (общественное сознание постепенно повернулось к пониманию роли и значения рынка). Однако рынок начал строиться в основном на базе тех принципов, которые были средни эпохе первоначального накопления капитала. Две главные составляющие рыночных реформ в первой половине 1990-х гг. — приватизация и либерализация цен — ввергли страну в хаотичное состояние. Так, приватизация была связана с беспрецедентным захватом государственной собственности или продажей за бесценок многих объектов экономики. Причем были приватизированы в первую очередь (в отличие от Польши)

доходные предприятия, в то время как убыточные и нерентабельные по-прежнему оставались в распоряжении государства. Что касается либерализации цен, то реформы лишили население всех сбережений, резко снизив уровень и качество жизни.

Такой ход экономических реформ не мог устроить большинство населения, что проявилось в парадоксальности его сознания и поведения — поддерживая переход к рынку, люди в то же время в своем большинстве отрицательно характеризовали ход происходящих перемен. Особенность современного этапа развития России такова, что благоприятный климат в обществе в значительной мере определяется социальной эффективностью реформ — динамикой числа граждан, улучшивших свои условия и качество жизни, заявляющих о своей удовлетворенности результатами реформ (табл. 6.6).

Таблица 6.6. **Динамика отношения населения РФ к курсу проводимых экономических реформ, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*1995 янв.*	*1998 дек.*	*2000 май*	*2003 окт.*	*2005*	*2007*	*2009 май*	*2010 дек.*
В основном положительно	11	9	23	25	22	31	32	29
В основном отрицательно	51	67	43	34	39	26	27	30
Безразлично	15	7	14	17	17	20	21	24
Затруднились ответить	23	17	20	24	22	23	20	17

Источник. Данные отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Анализ данных табл. 6.6 показывает, что динамика ответов о позитивном отношении к проводимому курсу реформ составила в 2003 г. в сравнении с 1995 г. прирост 14%, а в 2009 г. — 21%. Негативное отношение к реформам уменьшилось с 1995 по 2009 г. на 24 пункта. Конечно, роль этого доверия носит вполне определенный характер. В основном он связан не с рациональными знаниями и реальными намерениями, а с общественными настроениями и ожиданиями лучшей жизни. В то же время общая картина пока не располагает к чрезмерному оптимизму. По всей вероятности, процесс возврата доверия населения к экономической политике государства идет медленными темпами и займет, если не будут совер-

шены ошибки, длительный период. Эти же данные показывают, что доверие к политике государства или падает (дефолт 1998 г., кризис 2008 г.), или возрастает, когда происходит относительная стабилизация жизни (в начале XXI в.).

Эти противоречивые оценки в значительной степени связаны с тем, как население оценивает состояние социальной справедливости, т.е. насколько оправданно, по представлениям людей, произошло распределение национального богатства (табл. 6.7).

Таблица 6.7. **Мнение населения о приватизации государственной собственности, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2000 февр.*	*2003 июль*	*2005 нояб.*	*2007 авг.*	*2010 авг.*
Принять результаты приватизации такими, как они есть	7	12	12	11	8
Пересмотреть результаты приватизации в тех случаях, когда предприятия стали хуже работать/хуже платить налоги/задерживать заработную плату	21	19	18	17	20 36
Пересмотреть результаты приватизации в отношении крупнейших предприятий/важнейших отраслей экономики	24	23	29	28	24
Полностью пересмотреть результаты приватизации	38	35	30	30	22
Затруднились ответить	10	11	10	14	14

Источник: *Общественное мнение* — 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 126.

«Чемпионами» прошедшей приватизации, по мнению граждан, являются теневые дельцы и работники управления (чиновники). Такой выбор, по сути дела, означает, что в глазах общества приватизация приняла криминально-бюрократический характер. Столь резко отрицательное мнение граждан об итогах приватизации и неолиберально озвученное официальной властью мнение о том, ее итоги не будут пересмотрены, создают в общественном и массовом сознании коллизию, которая работает на разрушение потенциала социальной консолидации. В данном случае тупиковая ситуация требует гибкого и дальновидного подхода в первую очередь со стороны государства. Было бы наивно ожидать, что мнение общества в ближайшее время

изменится. Общественное сознание не может быть по своей природе столь изменчивым, как политическая тактика государства.

Отсюда становится понятно, почему приватизацию население воспринимает как чуждое и враждебное для себя действие и поэтому склонно изменить свое первоначальное мнение о формах собственности и о тех мерах, которые бы исправили эту сложившуюся несправедливость, и почему на протяжении 2000-х гг. большая часть общества выступала за пересмотр итогов приватизации.

Приватизация стала фактором порождения теневой и криминальной экономики. По мнению Ю.Корчагина, ее удельный вес в торговле составляет 34,3%, в сельском хозяйстве — 24,9, в строительстве — 10,1, в транспорте и связи — 9,2, в образовании — 8,9%. Что касается республик Северного Кавказа, то, по экспертным данным, ее уровень составляет до 70%. Только в конце 2000-х гг. число занятых в неформальной экономике выросло на 12%, в то время как в официальной экономике число занятых сократилось на 4%.

Анализ социологических данных показывает, что, по мнению населения, от приватизации выиграли прежде всего работники управления (т.е. те, кто в момент ее проведения был у руля руководства экономикой) и теневые дельцы. Важное деструктивное значение играло сложившееся в массовом сознании представление о механизме становления новой структуры, о мотивации и правилах вертикальной мобильности людей. Для абсолютного большинства граждан люди, сумевшие сколотить капитал, не пользуются авторитетом, скорее наоборот. По данным Института социологии РАН, честность, законопослушание находятся на последних местах среди качеств, которые важны для продвижения в современном российском обществе. Поэтому неудивительно, что в общественном сознании произошел существенный сдвиг по отношению к сращиванию власти с бизнесом. В 2010 г., по данным Левада-Центра, 59% людей считали, что это сращивание по сравнению с 1990-ми гг. увеличилось. А если учесть, что 20% считают это продолжением такого же уровня сращивания, то становятся понятным масштабы аномии и фрустрации (безразличия и чувства протеста), охвативших значительные слои населения.

Следует отметить, что разброс отношений к различным типам собственности весьма значителен, а их динамика стремительна. Более глубокий анализ позволяет сделать вывод о становлении результирующей тенденции, которую можно охарактеризовать как легитимацию многоукладной, или смешанной, экономики, в которой основные ее сектора (частный, акционерный, государственный) равноправны и существуют добровольно принятые ими обязатель-

ные правила взаимной их координации, включая взаимоподдержку в критические моменты. При этом все большая ответственность возлагается на крупный бизнес, который, по мнению населения, фактически игнорирует интересы страны и людей, живет собственными эгоистическим устремлениями (табл. 6.8).

Таблица 6.8. **Изменилась ли за последние 10 лет мера социальной ответственности крупного бизнеса за положение дел в стране, его готовности участвовать в решении проблем, стоящих перед Россией?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2007*	*2010*
Увеличилась	22	17
Уменьшилась	16	23
Не изменилась	42	44
Затрудняюсь ответить	21	16

Источник: Общественное мнение — 2010. С. 127.

В качестве результирующих характеристик общественного мнения, по которым оно оценивает причины, препятствующие нормальному ходу экономических реформ, можно судить по такому факту. После кризиса 2008 г. в стране объем производства сократился практически на 9%, но число миллиардеров увеличилось почти в два раза.

Социологические данные свидетельствуют о том, что люди склонны видеть трудности в реализации реформ как в объективных, так и субъективных условиях и факторах. В то же время их мнения и оценки подвержены ситуативным воздействиям (табл. 6.9).

В заключение следует особо подчеркнуть, что *социальная эффективность реформ во многом зависит от экономической активности и трудовой мотивации*. К сожалению, в этой области негативные процессы преобладают над позитивными. Экономическая активность в 1990-е гг. снижалась. После некоторого оживления в начале 2000-х гг. страна вступила в период финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. За эти годы численность занятых в экономике России уменьшилась на 11 млн чел., в то время как у динамично развивающихся странах, являющихся стратегическими партнерами и конкурентами России, она росла. Такое же неблагополучное положение и с численностью безработных. Безработица в России постоянно увеличивалась и в то же время уменьшалась у партнеров-конкурентов. В России все реже в речах политических деятелей и чиновников можно было услышать, что государство намерено

активно вмешиваться в экономику в целях создания новых рабочих мест, тогда как в развитых странах, в которых экономика, как правило, социально ориентирована, этот тезис является главным во всех политических и государственных документах. Действительно, работа, труд лежат в основании всей общественной жизни, так как они являются источником общественных благ. Доступность и размеры оплаты труда определяют атмосферу общественных ожиданий. С трудом, его формами, характером и распределением результатов напрямую связана *социальная справедливость — одна из центральных характеристик сбалансированного развития.*

Таблица 6.9. **Что более всего угрожает России?, % к числу ответивших**

	2008	*2009*
	II	*I*
Экономический кризис	22	59
Рост безработицы	30	56
Рост цен, обнищание широких слоев населения	51	55
Рост преступности	32	23
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	*	22
Конфликты со странами СНГ	8	13
Произвол властей	20	8
Втягивание России в военные конфликты за пределами страны	14	8
Нарастание зависимости от Запада, превращение России в третьеразрядную державу	15	7
Слабость, некомпетентность руководства страны	14	7
Колонизация России, расхищение национальных богатств иностранцами	17	6
Распад России на отдельные регионы	18	5
Рост напряженности в отношениях со странами Запада	12	5
Новая война (обострение ситуации) на Кавказе	9	5
Гражданская война	6	3
Передел собственности, ущемление интересов частного бизнеса	4	2
Угроза частной собственности, ущемление интересов частного бизнеса	3	2
Установление диктатуры	3	1
Массовые репрессии, преследования инакомыслящих	2	1
Ограничение свобод (свободы слова, «закроют» границы)	2	0,4
Затруднились ответить	10	5

* Вариант ответа не задавался N = 1600.

Источник. Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 27.

Дискриминация ценностей социальной справедливости, работы, мотивации и трудовой этики ведет к тому, что они начинают деформироваться процессами теневизации и криминализации общественной жизни. В результате нормы и ценности трудовых отношений до сих пор не являются центральными категориями экономических и политических программ и смыслом деятельности российских политиков. Скорее, их мышление и действия традиционно тяготеют к технико-экономическим характеристикам: росту ВВП, прибыли, показателям инфляции и т.п. Такое дистанцирование от социальных ценностей и ориентиров вполне объяснимо. *Россия в отпущенное ей историей мирное время развивалась преимущественно в мобилизационном режиме.* В этих условиях государственная политика выстраивалась таким образом, чтобы ресурсы жизнесуществования и развития общества шли в большей или меньшей мере на укрепление государственной машины и контролирующего ее политического режима. Цели общественного развития провозглашались, но выполнялись частично, что по мере рассогласования морально-политического консенсуса «верхов» и «низов» и накопления социально-экономических противоречий приводило к очередному тотальному отчуждению общества от государства. Асоциальность экономической политики и политической традиции, выражающаяся в противостоянии ценностей выживания социума и формирования сильного государства путем мобилизации ресурсов для власти, продолжалась и в период либеральных реформ в 1990-х гг.

6.3. Проблемы богатства и бедности

Характеристика уровня и качества жизни может быть выражена как через официальные, статистические данные, так и через субъективное их восприятие, наглядное представление о которых дает социологическая информация. Если рассматривать официальные данные, то они выражены в соотношении децильных коэффициентов (сравнение 10% самых бедных и 10% самых обеспеченных слоев населения. Если в 1989 г. это соотношение было равно 1 : 4,1, то 1999 г. оно достигло 1 : 14, а в 2010 — 1 : 17. Что же касается экспертных оценок, то это соотношение достигает 1 : 30 или 1 : 40, а в крупных городах еще больше (например, в Москве 1 : 60 и даже 1 : 70).

Кроме того, официальные данные говорит о том, что доля населения с доходами ниже прожиточного уровня составила в 1992 г. 34%, в 1998 г. — 24%. В 2010 г. эта доля составила 32%.

Реальность и значимость этих данных можно сопоставить с субъективными мнениями людей о своих доходах (табл. 6.10).

Таблица 6.10. **Самооценка денежных доходов респондентов, % к числу опрошенных**

Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует ваши доходы?»	*1997 ноябрь*	*1998 январь*	*1999 декабрь*	*2000 декабрь*	*2003 октябрь*	*2005 сентябрь*	*2007 январь*	*2008 ноябрь*	*2009 декабрь*
«Богатые» — денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	1	1	1	3	2	2	3	4	2
«Обеспеченные» — покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	3	5	4	8	11	16	16	22	16
«Ограниченные в средствах» — денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	34	33	29	39	39	45	48	47	50
«Бедные» — денег хватает только на приобретение продуктов питания	46	43	40	33	36	29	26	22	24
«Нищие» — денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	16	17	26	18	12	9	7	5	8

Источник. Данные отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Следовательно, 8% респондентов, по их самооценке, живут не доедая и 24% еле-еле сводит концы с концами, зарабатывая деньги, которых хватает только на приобретение продуктов питания. Почти у 50% респондентов денег хватает только для приобретения необходимых продуктов и одежды. Таким образом, большинство людей живут в достаточно стесненных обстоятельствах и явно нуждаются как в более высокой заработной плате, так и в высокой мотивации труда. Кроме того, полученные данные фиксируют отсутствие позитивной динамики в самооценке денежных доходов за весь период 1990-х гг. Общество пока не ощутило, несмотря на широковеща-

тельные заявления, каких-либо существенных улучшений материальной стороны своей жизни. Перефразируя хрестоматийную оценку социополитической ситуации, данную в переломное для страны время на I Всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г., можно прийти к выводу, что жить большинству населения стало веселее, но отнюдь не лучше.

Среди важнейших причин снижения социального благополучия населения можно назвать несколько.

1. ***Снижение уровня жизни произошло в результате произвольного снижения заработной платы.*** По данным Росстата, 13,2% работоспособного населения России имели в 2009 г. уровень дохода ниже прожиточного уровня. По социологическим же данным, 15—18% россиян относили себя к группе населения, которые не могли купить необходимые потребительские товары. И еще почти каждый третий-четвертый еле сводил концы с концами. В таких условиях человек выходит на рынок труда с заниженной самооценкой, чему способствуют существующая безработица и ее рост.

Для России характерна неоправданно высокая дифференциация заработной платы независимо от профессионально-квалификационного уровня работников. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, легкой промышленности, науке, образовании, здравоохранении, в учреждениях культуры зачастую не обеспечивает прожиточного минимума. Даже с учетом скрываемой части заработной платы очевидно, что низкая оплата труда в стране стала одним из главных социально-экономических факторов деградации трудовой деятельности и снижения уровня жизни населения. Так, паритет покупательной способности в России 2005 г. составил 12,7% уровня США. В промышленно развитых странах минимальная оплата труда составляет 3 долл. в час, в России — 0,1 долл. В экономически развитых странах в 1999 г. оплата работы колебалась от 14 до 27 долл. в час, в России она составляла около 0,4 долл. При этом, по экспертным данным, на 1 долл. заработной платы российский работник производит в три раза больше конечной продукции, чем аналогичный работник в США.

2. ***Ценовая политика государства приводит к дисбалансу потребительского спроса, к уменьшению его качества.*** Данные об этом представлены в табл. 6.11.

Очевидно, что высокий и постоянно растущий уровень цен на продукты питания самым непосредственным образом сказывается на реальных возможностях большинства российского населения обеспечить приемлемый уровень потребления в целом. Объективные потребности в питании в условиях крайне напряженного ба-

диса между доходами и расходами населения сами по себе весьма ограничивают практические возможности еще большей экономии как на этом, так и на всех других направлениях расходов, что в конечном счете ведет к установлению жесткой структуры потребительского спроса и утрате его эластичности. Поэтому как в денежных расходах населения, так и в обороте российской розничной торговли (без общественного питания) доля продовольственных товаров всегда была очень высокой. В 2009 г. она равнялась 30,5%, с алкоголем — почти 33%, в то время как в США она снизилась до 15%.

Таблица 6.11. **Потребление на душу населения в России и США в 2004—2008 гг.**

Питание, кг	*Россия*		*США*	
	2004	*2008*	*2004*	*2008*
Мясо и мясопродукты	50	61	120	119
Овощи и бахчевые культуры	85	100	125	128
Рыба и рыбопродукты	11,9	14,6	11	11
Растительное масло	11,8	12,7	33	33
Хлеб и хлебные продукты	119	120	93	94
Алкоголь	9,2	9,7	6,8	—
Сахар	37	40	28	28
Молоко и молочные продукты	232	243	266	273
Фрукты и ягоды	43	54	124	115

Источник. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. М., 2010. С. 486—490.

А если учесть все затраты на покупку всех товаров (в том числе и непродовольственных), то они превышают 70%, что в несколько раз меньше таких же показателей в развитых странах.

3. ***Тенденция разрыва между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми категориями работников продолжается и даже увеличивается, т.е. богатые становятся богаче, бедные — беднее.*** Такое состояние аномально, особенно если сравнить положение в России со странами Западной Европы, в большинстве из которых экономика является социально ориентированной. И если в последних разница в доходах высокооплачиваемых и низкооплачиваемых групп населения не превышает 1 : 12, то в России, по экспертным оценкам, она достигает 1 : 30 (по некоторым экспертным оценкам — 1 : 50). Согласно данным Росстата, падение жизненного уровня происходит отнюдь не во всех группах населения. Наиболее существенно оно

среди бедных и беднейших слоев (в двух нижних децильных группах). По сравнению с 1990 г. их доля к 2009 г. в общем объеме денежных доходов сократились для бедных с 16 до 9,8% и для беднейших — с 12 до 5,1%. Наоборот, в группе с наивысшими доходами, куда входят 2/3 «новых русских», доля потребления возросла с 30 до 47,8%.

Вывод из анализа приведенных данных можно сделать однозначный: от реформ малообеспеченные граждане проиграли в максимальной степени. Более того, сегодняшний вектор реформы экономической системы, нынешние политические ориентиры сознательно или нет (скорее всего, и то и другое) направлены на то, чтобы бедные становились еще беднее, а богатые — еще богаче. Особенно это касается той части зажиточного слоя населения (2—3%), который ныне владеет природными ресурсами страны.

4. ***Доходы населения съедает инфляция, которая в значительной степени перекрывает рост доходов населения.*** Отсюда становится очевидным, что попытки преодолеть имеющийся разрыв оцениваются скептически, если не пессимистично (табл. 6.12).

Таблица 6.12. **Как вы думаете, есть ли у нынешнего правительства России продуманная экономическая программа по выходу из кризиса?, % к числу опрошенных. N = 1600**

	2004 VIII	2005 VIII	2006 VIII	2007 XII	2008 XII	2009 III	2009 VI	2009 IX	2009 XII
Есть продуманная экономическая программа	21	19	24	46	32	30	27	28	30
Продуманной программы нет, есть лишь самые общие представления о том, что нужно делать в создавшихся условиях	35	40	37	26	27	31	35	34	39
У правительства нет программы, решения принимаются под влиянием сиюминутных обстоятельств	34	31	29	14	26	25	26	23	20
Затруднились ответить	11	11	10	14	15	14	12	16	12

Источник: *Общественное мнение* — 2009. С. 81.

5. Уровень благосостояния зависит от экономической политики государства. Можно сравнить доли в общем доходе России основных факторов производства: трудовой деятельности, капитала и природной ренты. Расчеты показывают, что труд дает примерно 5% национального богатства, капитал — 20% и использование недр — 75%. Таким образом, 3/4 доходов дают природные ресурсы. В то же время существующее в стране налогообложение, ценовая политика и механизмы распределения работают на то, чтобы львиная доля принадлежащей всем гражданам прибыли (прежде всего, это природная рента) попадает в частные руки. Однако, как показывают расчеты Центрального экономико-математического института РАН, основная часть налогового бремени (около 70%) приходится на труд, 17% дает капитал (предпринимательская деятельность) и 13% составляет природная рента. Парадокс состоит в том, что с низкой заработной платы государство собирает преобладающую часть бюджетных доходов.

Важной характеристикой уровня и качества жизни является сравнительная оценка материального положения самого человека, его семьи, а также материального благополучия в городе (районе), где человек живет, и его мнения о ситуации в обществе. Исследования 1990-х — начала 2000-х гг. выявили одну любопытную особенность: плохими материальное положение в семье и экономическую ситуацию в городе (районе) признавали 40—52% опрошенных, в то время как эта негативная оценка положения в стране достигала 64—67%. Иначе говоря, люди более болезненно воспринимали ситуацию в обществе, чем в непосредственном окружении.

Для характеристики рыночных отношений очень важна оценка населением происходящих изменений в сфере собственности (табл. 6.13).

Согласно приведенным в табл. 6.13 данным, на первом этапе изучаемого периода (1990—1994) желающих работать в государственных организациях (предприятиях, НИИ, вузах, министерствах и др.) было меньше, чем уже работающих. На следующих этапах ситуация существенно изменилась: желающих работать в этом секторе стало в 1,6—1,7 раза больше, чем работающих. Немного позднее аналогичная тенденция обнаружилась по отношению к смешанным предприятиям, включая акционерные: в 2002 г. число желающих здесь работать почти вдвое превысило фактически занятых. Но постоянное и наиболее значительное, т.е. *многократное*, превышение (в 3—5 раз) желаний над реальностью наблюдается по отношению

к частным хозяйствам (предприятиям в личной собственности, ремесленным и подсобным хозяйствам, индивидуальной трудовой деятельности и т.п.): в 2002 г. 84,3% выразили желание трудиться в этом секторе, при том что фактическая занятость в нем составляет 15,8%. Эти основные показатели не претерпели изменений и в конце 2000-х гг.

Таблица 6.13. **Фактическая и желаемая занятость россиян на предприятиях разных форм собственности, % к числу опрошенных**

Тип предприятия	*1990*	*1994*	*1998*	*2002*
Государственное:				
работают	63,6	47,5	28,6	33,2
желают работать	51,8	44,6	47,0	55,9
Смешанное, акционерное:				
работают	0,2	19,1	17,8	22,2
желают работать	7,7	13,4	18,9	42,0
Частное, личное хозяйство, индивидуальная трудовая деятельность:				
работают	3,6	11,0	11,6	15,8
желают работать	19,4	32,4	41,0	84,3
Колхоз, совхоз, кооператив:				
работают	13,3	6,1	4,7	3,4
желают работать	19,7	2,0	4,0	10,2

Примечание. В столбцах суммы процентов работающих меньше 100% времени, так как среди опрошенных представлены пенсионеры, учащиеся, безработные и другие категории неработающих. Суммы процентов желающих работать больше 100%, так как многие респонденты, включая неработающих, выбрали более одного места.

Источник: Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс. М., 2001. С. 79.

Что касается отношения к экономике в ее рыночной или смешанной форме, то они очень зависят от оценки экономических реформ в стране, от оценки предпочитаемой направленности развития страны (табл. 6.14).

Иначе говоря, состояние экономики тесно связывается с политическим строем. До сих пор преобладает ориентация (вопреки заявлениям официальных лиц) на социалистическое устройство общества, в том числе на его советский вариант. Более того, до сих пор преобладает его более высокая оценка, чем существующего политического строя. После неоправдавших себя ожиданий померкла ориентация на устройство общества по западному образцу.

Таблица 6.14. **Экономические реформы, которые идут в стране начиная с 1992 г., принесли России больше пользы или больше вреда?, % к числу опрошенных**

	2000 февраль	*2005 декабрь*	*2006 декабрь*	*2007 декабрь*	*2009 декабрь*
Больше пользы	14	27	29	43	29
Больше вреда	76	56	53	35	48
Затруднились	11	17	19	22	23

Источник. Общественное мнение — 2009. С. 40.

Сопоставляя эти тенденции, можно отметить, что интересы людей расходятся с реальностью. И здесь нельзя винить прежние идеологические стереотипы и низкую экономическую грамотность населения — реальность опровергла самые радужные ожидания.

Особенно наглядно это проявляется в ответах на два однотипных вопроса: в чьих руках должна находиться промышленность и в чьих руках должны находиться земли сельскохозяйственного назначения?

На волне перестроечной эйфории, в 1990 г., около 40% людей высказывались в пользу того, чтобы промышленность и земли сельскохозяйственного назначения находились в частной собственности, и лишь 26—32% — в пользу государственной, в том числе колхозно-совхозной собственности. В 1994 г. поддержка государственной собственности снизилась до 20—25%, но с 1998 г. она вновь стала расти и достигла к концу 2000 гг. 50%. В середине 1990-х гг. наиболее популярным были суждения о передаче промышленности примерно поровну государству, трудовым коллективам и частным лицам (49,2%), а земли — тем, кто ее обрабатывает (60,9%). Затем эти варианты перестали доминировать, их поддержка снизилась до 27—32%. Вариант передачи большей части средств производства в частные руки утратил популярность, его поддержка опустилась к 2002 г. до 5,6% относительно промышленности и 10,7% относительно сельского хозяйства. Что касается отношения населения РФ к частной собственности, то оно достаточно серьезно дивернсифицировано и не вызывает такой единодушной поддержки, как это было в начале реформ.

По мнению населения, в целом в народном хозяйстве не должно быть монополии ни одной формы собственности. Пока же в России возобладали разнонаправленные предпочтения. Правда, это относится к вербальному их выражению. Вместе с тем наряду с вербальными оценками типов экономики существуют *социальные практики*, т.е. каждодневные практические действия людей. Например, когда

человек выбирает желаемое место работы, а вместе с ним и тип трудовой организации, в которой он желал бы работать. Назовем такую практику *выбором социально-трудовой занятости*. Естественно, каждый выбирает, где ему лучше.

Все это позволяет сделать вывод, что социальный климат в стране напрямую зависит от экономического положения основных групп населения. В итоге *именно от того, насколько достойно живут люди, зависит их отношение к власти*. Высокая заработная плата и перераспределение средств от налогов в пользу бедных, нетрудоспособных и неконкурентоспособных, ограниченных в физическом и духовном здоровье, престарелых, детей и женщин — таковы составляющие успеха современной социальной политики. Это факторы прямого воздействия на *самооценку социального положения населения*. Обращение к другому индикатору, в основе которого лежит конкретный осознанный опыт жизни в условиях либеральных реформ — *самооценке денежных доходов*, показывает, что в общественном сознании образовалось внутреннее противоречие между позитивными ожиданиями и негативно оцениваемой реальностью.

6.4. Демографические процессы в современной России

Если дать общую характеристику демографической ситуации в России, то она выглядит так, как представлено в табл. 6.15.

Таблица 6.15. **Динамика основных демографических показателей**

Год	*Население на 1 января, млн чел.*	*Изменения за год, тыс. чел.*		
		Естественный прирост	*Миграционный прирост*	*Общий прирост*
1990	148,0	332,9	164,0	456,9
1991	148,5	110,0	51,6	161,6
1993	148,7	−737,7	430,1	−307,6
1995	148,3	−840,0	502,2	−341,8
1999	146,3	−929,6	154,6	−775,0
2001	144,8	−937,0	72,0	−865,0
2002	144,0	−495,0	51,0	−444,0
2005	143,5	-846,6	125,9	−720,7
2009	141,9	−248,9	259,4	10,5

Примечание. Знак «−» (минус) означает убыль.
Источник. *Население России* 2001. М., 2002; *Социальное положение*... С. 51.

Данные говорят о том, что с начала депопуляции (1992) численность населения РФ за счет естественной убыли уменьшилась к 2009 г. на 7,6 млн чел. Эти потери отчасти были компенсированы иммиграцией: за этот период миграционный прирост составил около 4 млн чел. В целом население страны уменьшилось до 140 млн чел. (перепись 2010 г.). Все прогнозы (от оптимистических до пессимистических) утверждают, что депопуляция носит долговременный характер. По прогнозам Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, к 2050 г. численность населения может составить 87 млн чел. Очевидно, что в случае реализации этого прогноза Россию ожидают глубочайшие социально-экономические, этнополитические и иные проблемы. Последние исследования по демографической ситуации в России свидетельствуют, что негативные тенденции, грозящие вымиранием российского народа, в первую очередь русского, обретают устойчивый характер. В докладе ООН «О развитии человеческого потенциала в России» еще в 2001 г. констатировалось, что главной демографической проблемой является «депопуляционный режим воспроизводства в национальных масштабах».

Что касается естественного прироста, то он складывается из соотношения показателей рождаемости и смертности. Официальные данные по этому вопросу представлены в табл. 6.16.

Таблица 6.16. **Динамика коэффициента рождаемости (на 1000 чел.), коэффициента смертности (на 1000 чел.) и ожидаемой продолжительности жизни**

Год	*Коэффициент рождаемости*	*Коэффициент смертности*	*Ожидаемая продолжительность жизни*		
			всего	*мужчины*	*женщины*
1990	13,4	11,2	69,2	62,0	73,8
1995	9,3	15,0	64,6	58,3	71,7
1996	8,9	14,2	65,9	59,8	72,5
1997	8,6	13,8	66,6	60,8	72,9
1998	8,8	13,6	67,0	61,3	72,9
1999	8,3	14,7	65,9	59,9	72,4
2000	8,7	15,7	65,3	59,0	72,2
2001	9,1	15,6	64,8	58,6	72,1
2005	10,2	16,1			
2007	11,3	14,6	67,9	61,8	74,2
2009	12,4	14,2	68,7	62,8	74,7

Источник: *Российский статистический ежегодник.* М., 2002; *Социальное положение...* С. 55, 481.

Снижение абсолютной численности населения определялось уменьшением уровня рождаемости с 1990 г. на фоне роста уровня смертности и уменьшения продолжительности жизни. Этот разрыв между рождаемостью и смертностью образовал в 1990-е гг. так называемый *русский крест*, который продолжает существовать и в 2000-е гг.

Суммарный коэффициент рождаемости (число рождений в среднем на одну женщину за репродуктивный период) опустился с 1,97 в 1970 г. до 1,29 в 2005 г. и 1,54 в 2009 г. (для сравнения: 2,14—2,15 необходимо для простого воспроизводства населения). При этом в России число абортов на 1000 женщин 15—45 лет значительно превосходит показатели развитых стран: Россия — 56, Франция — 14, Германия — 5. На каждые 100 родов в 2009 г. приходилось 73,7 аборта. По мнению специалистов, падение рождаемости в России объясняется двумя основными факторами: реакцией населения на снижение уровня и качества жизни, а также формированием и развитием, особенно у молодежи, новых типов репродуктивного поведения, обусловленных изменениями в образе жизни и ценностных ориентациях. Неолиберальные реформы стремительно ускорили те демографические перемены, которые принципиально изменили облик народа России.

Падение рождаемости в России сочетается с высоким уровнем смертности: ежегодно россиян умирает в два раза больше, чем рождается. За годы реформ смертность населения в возрасте от 15 до 45 лет увеличилась в 1,2—2,8 раза в зависимости от региона. Наблюдается явление «сверхсмертности» — резкого роста смертности среди мужчин трудоспособного возраста. При сохранении сложившегося в последние годы повозрастного уровня смертности 40% современных юношей, достигших 16 лет, не доживут до 60 лет. Смертность в России в 1,5—1,8 раза выше, чем в европейских странах.

Естественно, что с увеличением уровня смертности происходит снижение средней продолжительности жизни: рекордное значение этого показателя было в 1990-х гг., когда он снизился до 64 лет, в том числе до 57 лет у мужчин и до 71 года у женщин. Столь существенное различие в продолжительности жизни мужчин и женщин ухудшает соотношение полов и влияет на диспропорции в уровне их старения: доля мужчин в возрасте 60 лет и старше составляет 12%, доля женщин — 21%. Отметим, что речь не идет о показателе ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ), т.е. жизни без хронических заболеваний и инвалидности, который в отечественной статистике, научных исследованиях не используются. В Европе по показателю продолжительности жизни РФ находится на одном из последних мест в мире — 143-м. Между тем демографическая ситуация вызывает серьезную тревогу, ибо даже самый оптимистический сценарий сулит неизбежное сокращение населения страны.

Самым опасным в демографическом развитии России является то, что сокращение численности населения означает неизбежное «сжатие» территории страны. Кроме того, расслоение общества, во многом обусловленное несправедливым распределением собственности в ходе так называемой приватизации, перемены в иерархии ценностей, дискредитация многих нравственных ориентиров и другие подобные явления вызвали у населения массовый социально-психологический стресс. Именно он порождает, с одной стороны, социальную агрессивность, а с другой — социальную пассивность населения. Агрессивность проявляется в росте числа убийств в России, пассивность — в возрастании количества самоубийств: рост в 6,5 раза за 1990-е гг. *Россиянин все чаще и чаще ставит вопрос о том, не как жить, а для чего жить.* Социально-психологический стресс сказывается и на здоровье нации. Результаты исследований доктора медицинских наук И. Гундарева показывают, что до 85% смертности обусловлены именно этим стрессом, а не экономическими трудностями и социальными пороками типа пьянства и наркомании. Вымирание населения, обнищание, психологическое нездоровье — это национальная трагедия, требующая не только детального рассмотрения, но и принятия неотложных мер.

Вопросы и задания для повторения

1. Как определяются показатели индекса развития человеческого потенциала?
2. Каковы основные характеристики национального богатства страны?
3. Какова современная оценка социальных аспектов рыночных реформ?
4. В чем проявляется противоречивость экономического сознания и поведения?
5. Как формируются статистическая и социологическая оценки уровня жизни населения?
6. Назовите основные характеристики бедности и богатства.
7. Дайте характеристику демографической ситуации в России.

Темы для рефератов

1. Сравнительный анализ индекса развития человеческого потенциала.
2. Социальные проблемы рыночных отношений на различных уровнях социальной организации общества (страна, регион, город).
3. Современное состояние занятости в различных регионах страны.
4. Безработица реальная и скрытая. Методики их исчисления.
5. Бедность и нищета как социальные язвы общества.
6. Социальная политика и социальная справедливость: их соотношение.
7. Депопуляция: современные проблемы.

Глава 7

Социология труда

Проблемы труда — ключевые в социально-экономическом развитии общества. Поэтому вполне правомерно, что экономическая социология свои первые шаги сделала в рамках исследования трудовых процессов, роли и места труда в социальном развитии общества и человека. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, впервые слово «труд» (labour) было употреблено в 1776 г. для обозначения «физического усилия, направленного на удовлетворение материальных потребностей сообщества» (Бауман, 2001). До этого и в науке и в жизни употреблялось понятие «работа» (work). Существует еще одна трактовка труда как «job», что можно скорее трактовать как «занятость». Причем такая трактовка означала некоторую вынужденную обязанность, наказание Божье. Недаром в церковнославянском языке «работа» была синонимом понятию «рабство». Поэтому трудно переоценить вклад основоположника английской политической экономии *А. Смита* (1723—1790), давшего блестящий образец анализа господствующих экономических отношений, когда он сформулировал принципиально новые требования к организации труда (labour): «не мешать» работнику выполнить трудовые обязанности. Его идеи в дальнейшем были развиты создателем «моральной арифметики» *Дж. Бентамом* (1748—1832), который сформулировал принцип достижения работником наибольшего удовлетворения и его стремления избегать страдания. К числу заслуживающих внимания следует отнести и труды Дж.С. Милля. Осмысливая в работе «О свободе» феномен блага, он предложил сделать его инструментом для рациональной организации производства.

Во второй половине XIX в. получила распространение теория маржинализма, которая взяла на вооружение принципы полезности: по мнению сторонников данной концепции, люди руководствуются этим принципом в целях удовлетворения своих потребностей, точнее — потребительского спроса. В дальнейшем к этим соображениям о роли человека неоднократно возвращались и другие мыслители XIX в. К концу XIX в. словом «труд» стали также обозначать «всю совокупность работников и операторов, принимающих участие в производстве, а чуть позже профсоюзы и подобные

им организации придали ему социально-политическое звучание» (Бауман, 2000). Но вместе с тем труд в этот период рассматривался в основном с позиций повышения эффективности производства, т.е. в большей степени оценивали его утилитарный, прикладной характер.

В XX в. при характеристике труда стало использоваться понятие «деятельность» (трудовая деятельность), которое характеризовало процесс труда в единстве объективных условий и субъективных факторов.

В настоящей главе рассматриваются социальные резервы труда в рамках экономической социологии, предметом которой является человек как субъект производственной жизни. Но в таком качестве он стал рассматриваться только на грани XIX—XX вв.

7.1. Условия и причины возникновения социологии труда

До конца XIX в. экономика в целом и ее наиболее продвинутая часть — промышленность развивались без учета социальных параметров. Работодатели ориентировались на такую организацию труда, в которой не было места чувствам, мотивам, установкам людей. Из работника пытались выкачать максимум возможного — увеличением рабочего дня до 16 ч, а иногда и до 18 ч, эксплуатацией женского и детского труда. Даже великие технические нововведения XIX в. мало были ориентированы на то, как «состыковать» человека и машину: в существовавших условиях приспособление к технике было заботой и обязанностью работника. Полное игнорирование человеческого фактора дополнялось стремлением работодателей обеспечить тотальный контроль за рабочими посредством совершенствования приемов и методов надзора, осуществляемого мастерами и другими низовыми руководителями производства. Этот процесс эксплуатации нашел отражение в работах исследователей и писателей того века (см., например, работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и потрясающее воображение описание жизни рабочих в романах Ч. Диккенса, Э. Золя и др.).

К концу XIX — началу XX в. объективно вызрела идея: *обратиться к тем резервам, которые кроются в самом работнике, пробудить его заинтересованность в эффективной и результативной деятельности.* Это был поистине революционный, кардинальный шаг, меняющий всю ситуацию на производстве. Открытие (научное и

практическое) роли трудового сознания и поведения людей позволило понять, усвоить, а затем и использовать личные возможности и способности работника для повышения эффективности производства. Это открытие — важнейший этап в развитии экономики, в познании и использовании социальных резервов труда.

Таблица 7.1. **Генезис идей и практика использования социальных резервов труда**

Резервы	*Стадии*	*Содержание*	*Первые исследования*
1. Социально-экономические (наблюдаемые) резервы	Экономический человек	Стимулирование труда	1890–1910-е гг.
	Технологический человек	Организация труда	1900–1910-е гг.
	Профессиональный человек	Профессиональная подготовка	1900–1915 гг.
	Социально-биологический человек	Условия труда	1920–1930-е гг.
2. Социально-личностные (латентные) резервы	Социально-психологический человек	Социально-психологические отношения	1930-е гг.
	Конфликтующий человек	Разрешение конфликтов	С конца 1930-х гг.
	Социально-бытовой работник	Создание социальной инфраструктуры труда	С 1930-х гг.
3. Творческие и гражданские резервы	Креативный (творческий) работник	Участие в совершенствовании технико-технологических, экономических и организационных функций труда	1950-е гг.
	Управляющий человек	Соучастие в управлении	1960-е гг.
	Социально-политический человек	Работник как гражданин	1970-е гг.
4. Системные социальные резервы	Системный работник	Комплексное использование резервов труда	1970–1980-е гг.

Социология труда постепенно расширяла свое понимание созидательных возможностей работника, условий их реализации, путей согласования личных интересов с интересами производства.

В ходе исторически обусловленного объективного процесса развития материального производства познание социальных резервов труда открывало новые грани и возможности, что позволило достичь все более значимых результатов, возвышающих общество и самого человека в их взаимодействии с природой. Именно такой подход помогает проследить, как расширялись представления о социальных ресурсах труда и как эти резервы использовались в жизни общества. «...История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются *раскрытой книгой человеческих сущностных сил* (курсив мой. — *Ж.Т.*), чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности... В обыкновенной, материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов... опредмеченные сущностные силы человека» (К. Маркс).

Поэтому весьма интересно «полистать» эту книгу жизни: *как, когда и при каких обстоятельствах* раскрывались перед наукой и практикой социальные грани труда, как они развивались, как открывались новые, как происходило обогащение уже познанных, но имеющих серьезные резервы на новом витке функционирования производства (табл. 7.1).

7.2. Социально-экономические резервы

Впервые идея об использовании социальных резервов труда в научно обоснованном виде была высказана выдающимся организатором производства и ученым *Ф. Тейлором* (1856—1915). Он не только доказал *необходимость заинтересовать работника в результатах своего труда* (такие пожелания, как идеал, как возможность, высказывали и до него), *но и воплотил ее в жизнь, апробировал на практике.*

Одновременно его идея обратиться к тем возможностям, которые кроются в работнике, привела и к другим идеям — совершенствованию организации труда, научному управлению производством, обучению основным профессиям. Период с 90-х гг. XIX в. по 20-е гг. XX в. включал последовательно несколько этапов познания

и использования тех резервов, которые условно можно отнести к *социально-экономическим ресурсам труда*. Их особенность заключалась в том, что они были очевидны, наблюдаемы, подсказаны реальным опытом трудового процесса на производстве. Листая «страницы» этого периода, можно увидеть, как расширялись и обогащались представления о возможностях человека в его усилиях повысить действенность и результативность труда. Вместе с тем следует подчеркнуть, что этот период имеет продолжение и на последующих этапах развития производства, но уже вкупе с другими факторами, предопределяющими эффективность труда работников.

Экономический человек

Первый этап реализации идеи о необходимости продуманного стимулирования труда был сформулирован Ф. Тейлором еще в 90-х гг. XIX в., что нашло отражение в его работе по совершенствованию оплаты труда на фабрике (1894). К этому выводу он шел постепенно, шаг за шагом. Основными этапами его нововведений в области управления и организации труда были: стандартизация инструментов (1880), функциональная администрация (1882), хронометраж (1883), рационализация размещения оборудования и улучшение балансового метода (1893), совершенствование сбыта и обеспечение запасов (1896). Но это были поиски, которые не отличали человека от машины. Талант Тейлора состоял в том, что в середине 90-х гг. XIX в. он попытался ответить на вопрос, как создать такие условия для каждого работника, чтобы он мог более эффективно трудиться, руководствуясь побудительными потребностями, мотивами и интересами без мелочного и внешнего контроля за процессом и результатами его труда. В своем ответе он обосновал и продемонстрировал на практике такую организацию труда, при которой работник без штрафов, без принуждения был нацелен на раскрытие своих сущностных сил. *Это было начало новых научных поисков и их практической реализации по использованию потенциальных, побудительных импульсов, заложенных в работнике.*

Обращение Тейлора к материальной заинтересованности работника принесло успех в его практической деятельности. Многолетнее апробирование этой идеи позволило ему сформулировать ***концепцию «экономического человека»***. Назовем некоторые из них: выполнять больший объем работы за большую оплату и за более короткое время; премировать хорошую, а не любую работу; вредно как недоплачивать,

так и переплачивать работнику; нужно заботиться о побуждении работника к высокопродуктивной работе («и ты можешь!») и др. По своей сути это было стимулирование труда с целью добиться более высокой производительности.

Тейлоровский подход быстро распространялся. Но его идеи не оставались неизменными — они совершенствовались, дополнялись, для них изыскивались новые резервы. У *Г. Форда* (1863—1947) они нашли выражение в обосновании мер по стимулированию труда в условиях конвейерного производства. Проблемы оплаты труда волновали и таких видных представителей научной организации труда, как А. Файоль, Г. Черч, Г. Эмерсон.

В 20-е гг. XX в. этими проблемами интенсивно занимались советские ученые А.К. Гастев, П.М. Керженцев, О.А. Ерманский, П.А. Попов и др. Но необходимо еще раз подчеркнуть — на первом этапе обращалось внимание на то, чтобы дать возможность человеку заработать, получить большее вознаграждение за возможно больший объем работы. Иначе говоря, цель заключалась в том, чтобы стимулировать труд работника, т.е. оценивать его личный вклад, его достижение тех или иных производственных показателей. Господствовал принцип «заработал — получи, а не смог соответствовать предъявленным требованиям — пеняй на себя».

Что касается практики в нашей стране, то надо обратить внимание на результаты, связанные с поисками форм и методов стимулирования труда. В этой связи укажем на такой малоизвестный факт: в 1935 г. шахтер А. Стаханов, перевыполнивший норму по вырубке угля более чем в 10 раз, заработал в ту ночную смену 200 руб. вместо обычных 23—30 руб., т.е. насколько перевыполнил норму, столько и заработал. Это была конкретная реализация принципа «каждому — по труду». Кстати, этот принцип высокой материальной заинтересованности, характерный для первых лет стахановского движения, потом был заменен и вытеснен различными формами ложно интерпретируемого морального поощрения.

Второй этап в развитии теории и практики экономического человека связан с тем, что при оплате (стимулировании) труда начали учитывать не просто объем работы, выполненный работником, а его мотивацию — *индивидуальные потребности, склонности, целевые установки*. Примерно с 30-х гг. XX в. производство стало способствовать удовлетворению потребностей, учету их многообразия. Это содействие нашло отражение в приобретении товаров длительного пользования (автомобиль, электротехника и т.п.), в получении желаемой профессии или квалификации.

Технологический человек

Эта стадия стала продолжением экономического человека, но отвечала другим требованиям. Дело в том, что, реализуя принципы заинтересованности работника в достойной и желаемой им оплате труда, Ф. Тейлор достаточно быстро вышел на следующую важную — научную и практическую — проблему: ***как организовать труд работника***, чтобы он был рационален и учитывал физические и физиологические возможности человека. Такая постановка вопроса диктовалась самой жизнью, ибо было замечено, что само по себе стимулирование труда не всегда гарантирует упорядоченную, четкую и последовательную организацию трудового процесса.

Ф. Тейлором была выдвинута и всесторонне обоснована *идея научной организации труда на рабочем месте за счет уменьшения свободы действий*. Так начинался п е р в ы й э т а п появления и функционирования ***технологического человека*** (в ряде работ он назывался физическим), когда благодаря рационализации его движений, расположения инструментов и оборудования на рабочем месте достигалась высокая эффективность труда. Процесс промышленного производства наглядно показывал, что путь к успеху в те годы лежал через создание «модели» рабочего места «с малой свободой действий». В этих условиях рабочий выступал как придаток машины, как гибкая часть производства для быстрой адаптации к изменяющимся технологиям, что обеспечило резкий скачок в росте производительности труда.

Не явились исключением эти процессы и для российского общества и отечественной науки. В 20-е гг. XX в. А.К. Гастев и П.М. Керженцев доказали, что возможности эффективного развития материального производства зависят не только от орудий и предметов труда, но и от таких факторов, как организация труда, навыки, опыт, профессиональная подготовка и сноровка рабочего. Благодаря их творчеству и инициативе родилось движение за научную организацию труда (НОТ). Оно внесло свою лепту в решение многих проблем трудовой деятельности практически во всех отраслях народного хозяйства. Организованный в 1920 г. А.К. Гастевым Центральный институт труда (ЦИТ) не только осуществлял научно-исследовательскую работу, но и стал важным звеном внедрения научных методов организации труда. Однако движение НОТ постепенно потеряло былую силу и значение, потому что в своем поиске, с одной стороны, ограничило себя в основном технико-экономическими требованиями, а с другой — все больше замещалось командно-административными методами.

стали не столько технические или организационные причины, сколько предубежденность, нежелание или неумение ориентироваться в новых потребностях производства. Мешали стереотипы мышления, косность, незаинтересованность, нерешительность. Серьезным тормозом стала сложившаяся структура отношений собственности, сдерживающая поиск форм и методов производительной работы.

Переход к рыночным отношениям сразу же потребовал немедленного поиска новых форм организации и стимулирования труда. Даже небольшой опыт работы акционерных предприятий показал, что отказ от трафаретных решений, резкое повышение стимулов к труду в их тесной увязке с конечными результатами, прошедшими апробацию на рынке, дают многократный рост производительности труда. Обращает на себя внимание формирование основного, устойчивого ядра работников, которые кровно заинтересованы в успехе своего производства, в строгом соблюдении заданной технологии.

Отсюда реальное привлечение таких компонентов процесса организации и стимулирования труда, как ответственность, точность, аккуратность и внимательность работников, т.е. факторов, определяющих их реальное сознание. Сейчас слепая сила приказа мало действует. Все большее значение приобретают гражданская позиция человека, экономическая целесообразность.

В заключение надо особо подчеркнуть, что этот этап включал в себя некоторые параметры экономического человека, знаменуя тем самым обогащение применяемых методов по повышению эффективности труда.

Профессиональный человек

Практически одновременно с разработкой форм и методов организации труда внимание и науки и предпринимателей было обращено на необходимость ***профессиональной подготовки работников***. Суть этого подхода заключалась в следующем: помочь работнику занять достойное место в производственном процессе, использовать его предрасположенность к более эффективному, производительному и высокооплачиваемому труду. Конечно, это стремление базируется как на биологических резервах (реакция, сноровка, сообразительность, приспособляемость), так и на социальных (понимание, стремление, подражание и т.д.).

Профессионализация работника также прошла несколько этапов. До XX в. на производстве использовались умения, навыки, которые базировались на подражании («делай, как я»). Этот тысячелет-

ний опыт перестал соответствовать новым реалиям. Потребовалось внедрение новых подходов к обучению и принципам его реализации.

На первом этапе (с 1900-х гг.) внимание было сосредоточено на творческом поиске индивидуальных и (или) групповых усилий по поиску резервов налаживания труда при помощи новых знаний, новых приемов работы. Именно на такой основе обучали рабочего Шмидта у Тейлора на предприятии. Это был этап *индивидуального обучения, штучного ученичества*.

На втором этапе (с 1910-х гг.) — когда масштабы производства расширились — все чаще стали использоваться *различные формы группового ученичества*, обычно в рамках первичной производственной ячейки.

На третьем этапе (с 1930-х гг.) достоянием стало *массовое обучение*, когда рост масштабов производства поставил на повестку дня необходимость подготовки огромного числа квалифицированных работников. Эта потребность усиливалась и тем, что усложнилось само производство и недостаточно было элементарных навыков и умений — требовалось более глубокое знание техники и технологии, что могло дать только долгосрочное и систематизированное обучение работников. Это требование реализовывалось по-разному: от организации собственных школ, что могли себе позволить только крупные производства, до создания внепроизводственных профессиональных учебных заведений, что в СССР нашло отражение сначала в фабрично-заводском ученичестве, затем в создании сети профессионально-технических училищ. Массовая профессиональная подготовка дополнялась более высокими ее уровнями — среднеспециальным и высшим образованием.

В условиях внедрения рыночных отношений централизованная подготовка кадров была разрушена и все больше и больше расходилась с реальными потребностями, с конкретной их увязкой с потребностями производства. За 1990—2000-е гг. резко сократилось число учебных заведений среднего и начального профессионального образования. Только с 2004 по 2010 г. количество учреждений среднего профессионального образования сократилось с 2637 до 2564 с сокращением численности учащихся с 2604 тыс. до 2052 тыс., т.е на 25%. Еще опаснее выглядит подготовка в учреждениях начального профессионального образования: за этот период их количество сократилось почти на 30% — с 3696 училищ до 2658, с уменьшением численности обучающихся с 1604 тыс. до 1035 тыс. Поэтому становится понятной та тревога, которая связана с огромным числом менеджеров, экономистов, юристов, так называемых специалистов по рекламе, по брокерским сделкам и других при катастрофическом

заполнении тех рабочих мест, которые нуждаются в рабочих специальностях.

К решению проблем профессиональной подготовки тесно примыкают мероприятия по ***профотбору*** и ***профориентации***. Так, последовательное осуществление профориентационной работы на Днепропетровском машиностроительном заводе в конце 1970 — начале 1980-х гг. позволило добиться следующих результатов: 97% молодых рабочих, имевших рекомендации профотбора, не меняли своей профессии; 85% из них получили профессиональное продвижение, сроки производственной адаптации сократились в два раза; текучесть уменьшилась до 3,4%.

Каждая из этих функций — профотбор и профориентация — имеет свой набор требований, среди которых важно подчеркнуть два момента.

1. *Уровень и качество профессиональных знаний серьезно влияют на эффективность и производительность труда.* По расчетам Н.Н. Пилипенко, около 70% брака и 30% поломок оборудования объясняются низкой квалификацией работников. Опыт показал, что для каждого работника (сотрудника) необходимо четко определить, *как, когда* и *чему следует учить*. Если подготовка и повышение квалификации кадров рабочих и специалистов опережают процесс установки новой техники и внедрения новой технологии, то это всегда окупается эффективностью производства и ростом производительности труда.

2. *Квалификация играет все большую роль в статусном положении человека, свидетельствует об уровне его конкурентоспособности и даже престиже в обществе.* Вот почему при общем росте безработицы во многих странах мира продолжается охота за квалифицированной рабочей силой, включая и специалистов с уникальной квалификацией. Именно поэтому мы являемся свидетелями появления еще одного вида собственности — *интеллектуальной*, которая во все большей мере включает в себя как квалифицированное знание, так и творческий компонент.

Следовательно, этап профессионального человека олицетворяет поиск резервов, зависящих от работника с точки зрения его психофизиологических и интеллектуальных возможностей, в тесном взаимодействии как со стимулированием труда, так и его организацией.

Социально-биологический человек

Данная стадия («страница») в жизни работников является в известном смысле итоговой с точки зрения социально-экономи-

ческих резервов труда. Она характеризует те наглядные, наблюдаемые, во многом очевидные характеристики труда, которые связаны с его условиями. Но она в свою очередь подразделяется на несколько этапов.

Первый этап — исследования условий труда, представлявшие важную ступень в осмыслении социальных резервов производства — начался в истории промышленности примерно с 20-х гг. XX в. Уже тогда достаточно четко было сформулировано представление о работнике как элементе процесса производства, на который (в отличие от других элементов) самым непосредственным образом влияют практически все без исключения факторы производственной среды: шум, вибрация, температура, влажность, освещение, загазованность, окраска помещений и оборудования. Серьезный вклад в изучение этих проблем внесли французский исследователь А. Файоль и советские ученые С.Г. Струмилин, В.С. Немчинов, О.А. Ерманский и др. Учет требований социально-биологического характера способствовал поиску резервов по сохранению высокой работоспособности человека в течение длительного времени.

Когда впервые было обращено внимание на биологические особенности человека в процессе производства, учитывались в основном *очевидные факторы, воздействующие на физиологические особенности работников*: освещенность, температура, «чистая», «грязная» работа или вредные ей условия. Видное место на этом этапе заняла также деятельность по улучшению техники безопасности, чтобы защитить человека от возможных тяжелых и даже трагических последствий в процессе взаимодействия с техникой.

На втором этапе по мере учета этих аспектов трудовой деятельности в процессе изучения, познания и использования были выделены *санитарно-гигиенические факторы*: загазованность, вибрации, возможность простудных заболеваний (из-за сквозняков, перепадов температуры и т.д.). Именно на данном этапе стали постепенно внедряться требования личной гигиены — «бытовки», душевые, комнаты личной гигиены и т.д. Это знаменовало более обстоятельный подход к резервам, заключенным в социально-биологической природе человека.

На третьем этапе, в 30-е, а затем в 50-е гг. XX в., началась реализация глубинных резервов, связанных с *долговременными факторами воздействия на биологическую природу человека* (эстетическое оформление производственных помещений, вибрации, шум, предупреждение профзаболеваемости). Именно на этом этапе стали учитываться такие долгосрочные социальные последствия, как обоснование сроков выхода на пенсию, продолжительность рабочей жизни, работоспособность человека в течение длительного времени.

Условия труда по-разному оценивались на различных этапах развития экономики. Их значимость имеет тенденцию постоянно увеличивать свою роль, в результате чего они занимают одно из ведущих мест в мотивации трудового поведения работника. Так, в начале 80-х гг. XX в. социологи столкнулись с парадоксальным на первый взгляд фактом: по сравнению с 1960-ми гг. увеличилось количество работников, неудовлетворенных условиями труда. Что случилось? Ведь на многих предприятиях была проведена большая работа по реконструкции, модернизации производства, по созданию благоприятных условий труда: был налажен производственный быт, позаботились о производственной и технической эстетике.

Глубокий анализ реально сложившейся ситуации показал, что ничего удивительного и неожиданного в этом противоречии не было. За эти годы не только улучшались условия труда, но изменялся и сам работник. Более высокая степень его образованности и профессионального мастерства, приобщенности к достижениям культуры и науки, рост самосознания, гордость за свой труд — все это не могло не повлиять на отношение к условиям труда. Иначе говоря, новый интеллектуальный потенциал работника предъявил повышенные требования к состоянию дел на производстве.

Какие же проблемы условий труда особенно актуальны сегодня?

Прежде всего, работники высоко оценивают значение создаваемых на производстве *санитарно-гигенических условий* (бытовок, комнат гигиены и других помещений, где есть возможность отдохнуть, привести себя в порядок во время и после работы).

В последнее время возросло внимание к *службе рекреации* и *профилактики* при подготовке людей к труду непосредственно на производстве, что ведет к сокращению количества заболеваний, уменьшению потерь рабочего времени, улучшению самочувствия людей, повышению их удовлетворенности своей профессией и работой.

Растет и требовательность к *эстетически оформленной производственной среде*. Причем это касается не только оборудования, соответствующей окраски помещений, но и всех без исключения мест, в которых человек работает или проводит часы отдыха, что становится своеобразной визитной карточкой предприятия. По данным Г.Н. Черкасова и С.Ф. Фролова, существует достаточно четкая взаимосвязь между условиями труда и другими характеристиками производственного процесса.

Конкретные исследования показывают, что улучшение условий труда позволяет поднять его производительность на 20%, а в ряде случаев и больше (Аганбегян, 1973). При этом выделяется одна немаловажная закономерность: с повышением общеобразовательного

уровня возрастает неудовлетворенность условиями труда и в то же время снижается удовлетворенность его содержанием.

Однако условия труда работники рассматривают не только как комплекс факторов, непосредственно относящихся к производству, но и как условия для рациональной организации повседневной жизни, для отдыха и соответственно подготовки к труду. Это и есть та характерная особенность, которая коренным образом отличает современные требования к условиям трудовой деятельности от тех, что были в 1920-х и 1930-х гг.: *они стали пониматься в широком смысле — как условия жизни и труда.*

Исследования показывают, что работники все чаще используют свое право влиять на условия своей повседневной и производственной жизни. Уже можно считать доказанным (Подмарков, 1980), что необеспеченность нормальными условиями труда всегда связана с высокой текучестью, конфликтами, неудовлетворенностью работой и профессией. Особое значение эти проблемы имеют для трудовых организаций в районах нового освоения: благоприятные условия (а не просто оплата труда) в значительной степени обеспечивают закрепление кадров, их устойчивость и желание трудиться на том или ином производстве, в том или ином регионе.

Итак, учет социально-биологических особенностей работника — это еще один социальный резерв, который по-разному раскрывался на различных этапах развития производства, но всегда имел один результат — рост производительности труда и повышение эффективности производства.

7.3. Социально-личностные резервы труда

1930-е годы открыли принципиально новую стадию в познании и использовании потенциальных возможностей и способностей работника. В отличие от первой стадии, ориентированной на социально-экономические резервы, имеющие характер наблюдаемых ресурсов, на этой стадии были вскрыты, познаны и применены скрытые, латентные резервы, кроющиеся в созидательных возможностях человека как работника.

Социально-психологический человек

В раскрытой «книге» человеческих сущностных сил есть еще одна сторона — работник как социально-психологическое явление. Этот феномен был отмечен и зарегистрирован сравнительно давно и обычно связывается с именем известного американского социо-

лога и психолога Э. Мейо, проводившего эксперимент в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в г. Хоторне, близ Чикаго. Он выявил, что увеличения производительности труда можно достичь, если будут налажены благоприятные взаимоотношения в первичной производственной ячейке. Показательно, что Э. Мейо начинал свои эксперименты как исследователь условий труда (освещенности, температуры), в ходе которых было зарегистрировано влияние неизвестного фактора «Х», который в конечном счете вошел в историю социологии под названием ***человеческих отношений***.

Первая группа проблем в рамках этого подхода — *установление благоприятных взаимоотношений между коллегами*. Конкретные исследования показали, что достижение отношений такого типа увеличивает производительность труда на 8—12%, а в ряде случаев на 15—18%. Использование механизмов социально-психологического характера позволяет оценить значение таких черт характера работника, как стремление к сплоченности, умение сотрудничать, оказывать помощь, понимать интересы других людей и т.д.

Во всех первичных трудовых коллективах, особенно женских, проблема взаимоотношений прямо влияет на трудовую активность, на результаты труда. Вместе с тем анализ этих факторов производства говорит о том, что их применение не всегда автоматически ведет к улучшению социально-психологического климата.

По мере освоения резервов социально-психологических отношений данное направление постепенно вышло на вторую группу проблем: на оценку *роли непосредственного руководителя* — мастера, бригадира, прораба. Именно представители низового звена управления признаны самым активным образом участвовать в постоянном воспроизводстве таких психических состояний, как симпатия и притяжение, положительный эмоциональный фон, межличностная предрасположенность, чувство сопереживания и соучастия, возможность в любой момент оставаться самим собой, быть понятым и положительно воспринятым (независимо от своих индивидуальных особенностей). При этом особо нужно выделить чувство защищенности, когда каждый знает, что в случае неудачи (в сфере труда, быта) за его спиной «стоит» его коллектив, что он обязательно придет ему на помощь.

Третья группа социально-психологических отношений связана с выявлением *значимости поведения администрации и ее роли в установлении благоприятного климата в организации*. Эта группа представлена тоже несколькими проблемами, среди которых следует выделить отношение к деятельности руководителей, ибо практика хозяйствования показывает, что никакая совершенная организация труда, рабочего места, материального стимулирования не даст

работнику должного удовлетворения, если они не будут опираться на все вышеперечисленные компоненты социально-психологических отношений.

Среди социально-психологических параметров развития производства — и это очень важно знать руководителю любого уровня — одно из центральных мест занимает вопрос *об рациональном размере первичной производственной организации*. Реальная практика показывает, что предпочтительнее небольшой коллектив, где люди хорошо знают друг друга, где быстрее достигаются взаимопонимание и взаимная ответственность. Однако для многих производств, имеющих большое число работающих, малые бригады осложняют работу организаторов производства, ибо составление плана и контроль за его выполнением нередко становятся трудновыполнимыми задачами. Опыт доказывает, что оптимальный размер односменной бригады — 7—15 человек, сквозной двухсменной — от 14 до 30 человек, а сквозной трехсменной — от 21 до 45 человек. Конечно, названные размеры первичных ячеек не догма, но на данном этапе развития производства они позволяют более плодотворно использовать трудовые отношения, успешно решать возникающие проблемы, добиваться создания благоприятной обстановки в каждой производственной организации. Исследование этих взаимоотношений выявило и другую проблему — лидерство в группе, что интенсивно разрабатывалось и использовалось несколько позднее, в 50—60-е гг. XX в.

По мере развития концепция человеческих отношений обогатилась не только общими, но и не менее важными частными выводами в отношении отдельных социально-психологических проблем. К ним следует отнести теорию малых групп (К. Левин, Я.Л. Морено), ситуацию с неформальным лидером, снятие стрессовых ситуаций, не говоря уже о таких специфических областях, как психотехника, инженерная психология и др.

Конфликтующий человек

Анализ и использование резервов и возможностей социально-психологических отношений позволили более обстоятельно подойти к конфликтным ситуациям на производстве и таким сопровождающим их явлениям, как групповой эгоизм, манипулирование сознанием и поведением, роль тех или иных ситуаций в стабилизации или дестабилизации обстановки. Поэтому вполне логично, что в рамках этой парадигмы возникла требующая отдельного решения ***проблема трудовых конфликтов***: места и роли работника производства в их возникновении, развитии и прекращении.

Социальные конфликты на производстве очень многообразны и многозначны. Остановимся только на тех из них, которые связаны с ***проблемами адаптации***, ибо для работника возникает немало препятствий, сложностей и трудностей, порождающих различные виды напряженностей. Адаптация связана с возможностями согласования целей исполнителей, непосредственных руководителей и организаторов производства, решением таких сложных вопросов, как вхождение в коллектив, определение места в нем, усвоение функций и ролей, которые обусловлены не только трудовыми отношениями, но и влиянием непосредственной социальной среды.

Управление процессом адаптации требует особых усилий. Изменение содержания и направленности адаптации невозможно сиюминутно, как, допустим, перевод станка с одного режима работы на другой, получив при этом желательный результат (скорость обработки, производительность и т.п.). Ритм социальных перемен вызывает непонимание, неприятие, трудности вживания в новую роль. Необходимость принятия неправовых норм, как правило, рождает напряженность, нередко перерастающую в конфликт.

Исследование процесса адаптации работника свидетельствует, что конфликтные ситуации порождаются не только производственными, но и внепроизводственными факторами (бытом, общением, семейными проблемами). Не менее существенны учет и знание таких сложных и тонких регуляторов социального поведения личности, как потребности, установки, ценностные ориентации, — то, что составляет основу отношения к труду и в конечном счете определяет путь конфликтного или бесконфликтного поведения.

Социально-бытовой человек

Одной из показательных характеристик изменения роли и значения человека на производстве в 50—60-х гг. XX в. стало то, что в сферу задач управления начали включать и повседневные заботы работников. По сути дела, это проблема создания социальной инфраструктуры в каждой организации, в которой наряду с внутрипроизводственными вопросами важной составной частью становится *прямая и (или) косвенная забота о том, что составляет предмет повседневной жизни — питание, проезд на работу, возможность удовлетворять спрос в товарах постоянного и перспективного пользования*. В далекое прошлое ушли те времена, когда проблемы быта, повседневной жизни были заботой и уделом только самого работника: где жить, где отдыхать, где питаться, как добираться до работы, что и как потреблять. Плодотворность учета личных потребностей

работника продемонстрировал еще Г. Форд в 1915 г., когда, проанализировав будущее своего производства, сформулировал цель: сделать автомобиль, выпускаемый его заводами, доступным для его же рабочих, сделать его народным, таким, чтобы его мог купить каждый работник. Именно этим решением он обеспечил беспрецедентный рост производительности труда, резко повысил конкурентоспособность производства, решил многие проблемы, которые превращали рабочих его конвейера в средний слой. Забота не только о производственной, но и повседневной жизни людей (обучение, кредитование, помощь в обеспечении жильем) принесла руководителям, которые стали ориентироваться на эти стороны жизни работников, огромные дивиденды в повышении эффективности производства (Гордон, Клопов, 1972).

7.4. Творческие и гражданские резервы

В 50—60-х гг. XX в. в социологии труда наступил период, когда решались стратегические задачи, охватывающие не только производственную, но и творческую деятельность работников, многие из которых стали проявлять самостоятельность, активность, нередко выходя за рамки традиционных обязанностей человека в его производственной деятельности. Был открыт новый пласт ресурсов, крокшихся в сознании и поведении людей.

Творческий человек

Данное направление связано с важностью, необходимостью и неотложностью побуждения и использования интеллектуальных возможностей работника.

Во-первых, эта потребность состоит в том, чтобы творчество в труде касалось не только избранных видов деятельности, а всех без исключения, которые существуют на производстве. Дело в том, что на любом предприятии есть непрестижные, малоквалифицированные и неквалифицированные виды труда. А творческих видов труда мало. И задача состоит не столько в том, чтобы увеличить их количество, сколько в том, чтобы в каждой конкретной работе человек стремился проявить творчество, заинтересованно и ответственно относился к ней. Однако ситуация на производстве не изменилась при смене форм собственности: хотя для работника возможность проявить самостоятельность, способности является важнейшим мотивом в отношении к работе (табл. 7.2).

Практика свидетельствует, что в настоящее время резко увеличилось значение творческого начала в решении всех без исключения проблем производства. Социологические исследования (Е.Г. Антосенков, В.Г.Подмарков, В.В. Чичилимов, В.П. Панюков) еще в 1960—1970-е гг. регистрировали факт, что возможность проявить творческое отношение к труду высоко оценивается людьми, особенно молодежью. Эта сторона привлекает их даже больше, чем получение высокой оплаты за рутинные или неинтересные виды труда.

Анализируя процесс побуждения, развития и использования творческого потенциала, стоит подчеркнуть, что в нем можно также выявить несколько этапов. Первый этап, который организационно оформился в 30—40-е гг. XX в., отражал *индивидуальную активность работников, его личный вклад в творческую, созидательную деятельность на производстве*. В Советском Союзе он воплотился в работе заводских бюро по рационализации и изобретательству, в общественных отделах экономического анализа, в деятельности домов научно-технической пропаганды. В странах Запада этот процесс имел другие формы, но, по сути дела, они отражали творческую активность самого работника.

Второй этап начал интенсивно развиваться в 1950—1960-е гг., когда *усилиями объединенных коллективов — рабочих и специалистов — решались многие производственные задачи*. Наиболее распространенными среди них были совместные рационализаторские бригады, состоящие из рабочих и инженерно-технических работников, которые взаимно дополнили друг друга, соединяя воедино идеи, их технологическую проработку и техническое воплощение.

Третий этап (с 1960-х гг.) характеризовался *включением в связку «рабочий — инженер» еще и представителей научной мысли и организационного обеспечения реализации рационализаторских предложений и изобретений*.

Управляющий работник

Осуществление мер по использованию творческого потенциала привело к необходимости решения еще одной важной проблемы — об участии (вернее, соучастии) работника в управлении производством.

Работник будет всегда пассивным участником трудового процесса, если не будет вовлечен в управление делами производства, в творческий поиск, в поиск резервов и их осознанное использование. Однако путь к реальному участию людей в управлении производством оказался долгим и тернистым.

Первый этап (начало XX в.) характеризовался *зачатком идеи участия людей в управлении, и началось это с осмысления возможностей влиять на процесс функционирования производства.* Такие новации в управлении уже в начале XX в. позволили доказать, что управление — это наука, которую надо осваивать, учиться применять и постоянно обновлять. В трудах Г. Форда, Г. Эмерсона, А. Файоля содержатся первые попытки убедить предпринимателя-капиталиста осваивать науку управления, в которой учет интересов и запросов подчиненных им людей рассматривался особо.

На втором этапе (с 20-х гг. XX в.) наступила *«революция» — решающую роль стали играть специалисты-управленцы,* которые до этого были только уполномоченными собственников (капитала). Но к этому времени они смогли организовать и управлять производством более эффективно, чем сами собственники. Управление стало уделом особой социальной группы людей — менеджеров. Их деятельностью стали объяснять все достижения индустриального мира. Даже более, о них стали говорить как о людях, вытесняющих собственников из сферы управления.

На третьем этапе (1930—1950-е гг.) была осознана необходимость *считаться с интересами и потребностями всех (или многих) работников производства.* Более того, были осуществлены попытки привлечь их к соучастию в принятии решений, к сотрудничеству с руководителями производства. При решении насущных задач производства остро встал вопрос о том, чтобы отойти от представлений о способах управления трудом путем запретов и слепой веры в животворную силу команды. Производство постепенно двигалось к норме, когда руководитель совместно с подчиненным начал искать ответы на поставленные жизнью проблемы. В этой связи огромное значение приобретает авторитет руководителя, который, в свою очередь, определяется такими чертами, как справедливость, компетентность, трудолюбие, умение ладить с людьми.

По-разному накапливался опыт сотрудничества, соучастия: кружки качества, когда рабочие совместно обсуждали возможности повышения эффективности производства (японский опыт), участие представителей рабочего класса в совете (директорате) компании (французский опыт) и подписание соглашений работодателей с профсоюзами — коллективные договоры (шведский опыт).

Это направление — выработка мер по соучастию работников в управлении производством — развивается, проводятся многочисленные эксперименты по проверке опыта других стран, а также находок и идей, реализуемых в других отраслях производства. Нужно иметь в виду и исторический опыт — борьбу профсоюзов за обяза-

тельное участие работников в определении судеб производства, что нашло отражение в коллективных договорах и в других формах соглашений с работодателями.

В современных условиях все большее значение приобретает *анализ различных форм и видов социального партнерства*, в рамках которых согласуются не только интересы работников и работодателей, но и государства. Если подвести некоторые итоги, то можно отметить, что одним из действенных способов повышения заинтересованности работников по участию в управлении производством стало превращение их в сохозяев путем приобретения ими акций предприятий. Это оказалось мощным мобилизующим фактором, который серьезно повлиял на изменение взаимоотношений работников и работодателей, повысил их ответственность за эффективность производства, способствовал росту результативности труда.

Социально-политический человек

Интенсификация, передовая технология, робототехника, компьютеризация в сочетании с кардинальным изменением форм собственности по-новому ставит вопрос о роли и месте человека, его ответственности не только в сфере общественного производства, но и в обществе, ибо в конечном счете человек является не только работником, членом той или иной трудовой организации, но и гражданином. И ему далеко не безразлично, какие процессы происходят в обществе.

Стоит отметить, что на первом этапе использования человеческого фактора на производстве этот ресурс отрицали даже его инициаторы. Так, Ф. Тейлор считал, что работник должен оставить за воротами завода свои религиозные, политические и нравственные заботы. Однако жизнь показала, что участие работников в общественной деятельности, несмотря на издержки различных ее форм, серьезно влияет на стабильность и результативность производственной деятельности.

Исследования общественно-политической активности (В.Х. Беленький, Ю.В. Волков, А.С.Капто, В.Г. Мордкович, Е.А. Якуба) еще в 1970-е гг. показали взаимозависимость и взаимосвязь гражданского сознания и политического поведения с творческой деятельностью на производстве. Согласно их выводам, низкую эффективность трудовой деятельности человека можно объяснить главным образом дефицитом социальной и профессиональной ответственности и незаинтересованностью в работе.

Социально-политические позиции работника, его трудовые усилия во многом зависят от его гражданского взросления. Окончание не только школы, но даже и вуза не говорит о том, что человек и окружающие его люди осознают себя полноправными членами общества, несущими ответственность за личное поведение во всех жизненных ситуациях. Именно в этой ситуации возможен анализ этой проблемы с точки зрения ***правового человека***.

Анализ эмпирической информации, полученной в 1990-е гг., показывает, что критерии участия работников в решении социальных и политических проблем производства в условиях перехода к рынку серьезно изменились. Политические факторы деятельности, будучи долгие годы загнанными внутрь трудового процесса и не проявлявшие себя, теперь вышли наружу и заявили о себе в стачках, забастовках, демонстрациях, а также требованиях экономического и политического характера, касающихся жизни всей страны. По данным 1990-х годов, от 30 до 40% работников производства допускали возможность использования политических методов борьбы за свои права. В то же время очевидно, что прежняя характеристика общественной активности во многом устарела и требует коренного пересмотра.

7.5. Системные социальные резервы труда

В настоящее время в сфере организации труда существуют и конкурируют между собой две концепции. Одна из них — ***техноцентристская***, которая ориентируется на преимущественное и опережающее развитие технических и технологических компонентов. Она стремится добиться полной формализации производственного процесса, создания безлюдных технологий. В этой ситуации оправдан так называемый электронный тейлоризм, находящий воплощение в отчуждении знаний и информации, в формализации управления и нацеленный на максимальное трудосбережение и выталкивание живого труда.

Другая концепция — ***антропоцентристская*** — своей центральной идеей нацелена на сохранение и рациональное использование живого труда. Она учитывает процесс отмирания старых видов труда или их модернизацию, появление новых, сокращение времени работы с сырьем и материалами. Но особое значение имеет процесс, связанный со свободой организации индивидуального труда. Данная концепция отражает тенденцию к интеллектуализации труда, к появлению новых типов мастерства, к новым формам соединения работников с техникой, когда предоставляется простор для импровизации, для осуществления творческого поиска.

С точки зрения социологии именно антропоцентристская концепция выступает своеобразным системным резервом, гарантирующим новое качество труда, рост его производительности и результативности в сочетании с гуманистическими принципами организации общественной жизни.

Исходным средством преодоления сложившихся противоречий на пути использования современных социальных резервов труда является получение работником полной и достоверной информации. Эта информация призвана пробудить творческие возможности человека и направить их как на развитие самой личности, так и на дальнейшее коренное улучшение функционирования производства. В этих условиях *объективная потребность в побуждении творческих сил людей все больше сливается с личным стремлением человека к самовыражению*. И как следствие, деятельность современного работника лишь тогда достигает результата, когда органически включает в себя как накопленные на предшествующем этапе знания о своих физических, биологических, социально-психологических возможностях, так и новую информацию о потенциальных резервах современного этапа развития производства.

Однако реальность как плановых, так и рыночных отношений в России показывает, что трудовые отношения серьезно разрегулированы. Остается очень объемным теневой рынок труда, по экспертным данным, неформальный сектор труда составляет 10,5% человек или 15% всей рабочей силы страны. Как свидетельствуют данные, утеряна взаимосвязь между мерой труда и мерой вознаграждения. Парадоксально, но происходящие сдвиги в экономике не изменили их оценки (за исключением оплаты труда), которая была дана как в советское время, так и в период рыночных реформ. Социологические данные Института социологии РАН (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения») свидетельствуют, что неудовлетворенность оплатой труда в конце 2000-х гг. составляла 34%, условиями труда — 47,3, возможностями профессионального роста — более 40%.

Долгое время социальные возможности работника принимались в расчет по-разному: чаще стихийно, чем сознательно. На их реализацию накладывался отпечаток господствующих социально-экономических условий, предопределяющих, в чьих интересах используются эти резервы, заложенные в творческой природе человека. Жизнь свидетельствует, что социальные потенции работника связаны с такими важными элементами поведения человека, как *рабочая совесть, профессиональная мораль*. Все большую роль в поведении работника играет *внутренняя мотивация*, гарантирующая усердие и хорошее качество работы.

Оценивая значение социальных резервов, таящихся в сознании и поведении работников, в заключение можно привести слова известных американских экономистов С. Боулса, Д. Гордона и Т. Уайскопфа, высказанные ими в конце 1970-х гг. и в известной мере подытоживающие наш анализ глубинных социальных возможностей человека: «Основными факторами производства выступают устремления, ориентации, симпатии людей, их готовность добровольно выполнять работу».

Вопросы и задания для повторения

1. Охарактеризуйте экономического человека: этапы и направления развития.
2. Что представляет собой технологический человек? Каковы его сущность и особенности?
3. Что такое профессиональный человек и какова специфика его подготовки на различных этапах развития производства?
4. Когда на производстве стали учитываться социально-биологические особенности человека? Назовите этапы их осмысления.
5. В чем сущность социально-психологических отношений на производстве?
6. Назовите формы и методы развития творческого потенциала работника.
7. Как созревали и в чем выражались формы участия работника в управлении производством?
8. Какие причины привели к появлению «социально-политического» работника?
9. Объясните суть системных социальных резервов труда.

Темы для рефератов

1. Концепция экономического человека в трудах Ф. Тейлора.
2. Социально-технологические проблемы труда в работах П.М. Керженцева, А.К. Гастева.
3. Проблемы профессионального обучения в работах Г. Форда.
4. Социальные проблемы условий труда в работах А. Файоля, С.Г. Струмилина.
5. Э. Мейо и его концепция человеческих отношений.
6. Генезис идей об участии работника в управлении производством.
7. Трудовой конфликт и его сущность.
8. Социально-политическое поведение работников на производстве.
9. Социально-бытовые проблемы на производстве.

Глава 8

Социология города

Как в Древнее время, так и в Средневековье вплоть до XIX в. города возникали как символы власти, как центры торговли, как портовые города. С наступлением эры капитализма города создавались как результат индустриализации, центры освоения природных богатств, обеспечение транспортных связей. Но в этих городах решались только общие проблемы их развития, а на социальные аспекты их функционирования мало обращалось внимания или совсем не обращалось.

И лишь на пороге XX в. появились концепции французского архитектора Т. Гарнье и английского урбаниста Э. Ховарда, в которых были высказаны первые идеи о новых принципах функционирования городов, об их разделении на промышленную и жилую зону, а также зону отдыха, обслуживания и рекреации. Эти идеи в дальнейшем стали развиваться, дополняться, совершенствоваться в той части, которая касалась жизни людей, населяющих данный город. Как выразился архитектор Л.Н. Кунтп (1967), в основе решения проблем развития города должна лежать не формула «город — в нем человек», а формула *«человек — для него город»*.

Собственно говоря, именно с этого и начинается социология города, городских агломераций и всех поселений, которые претендуют на это наименование. Это тем более показательно, что долгое время эти типы поселений вызывали неприятие, отторжение, что проявилось в таких наименованиях, как «город-спрут», «город-вампир», «город желтого дьявола»: они характеризовали реальность в отличие от утопических представлений, нашедших отражение в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы и «городах будущего», описанных Ш. Фурье, Н. Чернышевским, А. Богдановым, Г. Уэлсом, А. Толстым.

8.1. Город как объект социологического исследования

Социальное развитие в широком смысле этого слова требует реализации не только в масштабе общества, но и на всех структурных уровнях. Особое место занимает город как такое социально-экономическое территориальное образование, где наиболее тесно

переплетаются интересы общества, производственных организаций, государственных и общественных учреждений и интересы самого человека как жителя (Бергер, Лукман, 1995).

XX век можно в известном смысле назвать веком массового возникновения городов. Процесс урбанизации охватил все страны, особенно индустриально развитые, и большинство населения сосредоточилось в городских поселениях. При этом градообразующими факторами стала не только концентрация промышленности, но и наука, отдых, добыча и переработка сырья, в том числе и сельскохозяйственного, и т.д. Процесс урбанизации породил тенденцию перехода от старого типа расселения (точечный город и село) к новому — агломерациям и урбанизированным районам. В нашей стране существует ряд крупных и сверхкрупных агломераций: московская, уральская, самарская, нижегородская, которые ставят принципиально новые социальные проблемы, вызванные проживанием огромного числа населения на ограниченной территории. Так как существуют различные по величине города, согласно Градостроительному кодексу РФ в качестве главных типологических признаков города используются его масштаб и численность населения. В зависимости от числа жителей городские поселения подразделяются следующим образом: сверхкрупные города (население свыше 3 млн чел.); крупнейшие города (1—3 млн); крупные города (250 тыс. — 1 млн); большие города (100—250 тыс.); средние города (50—100 тыс.); малые города и поселки (до 50 тыс. чел.). Это деление весьма условно и явно недостаточно для их социальной характеристики. Но в то же время функционирование городов и агломераций имеет как общие, так и специфические проблемы. Так, для всех городов XX в. первостепенное значение приобрели общественная и окружающая среда, благоустройство, типы современного жилища, рациональная организация повседневной жизни и т.д.

Не является исключением данный процесс и для нашей страны, в которой процесс градостроительства протекал в огромных масштабах. За годы советской власти (до 1989 г.) образован 1481 город. Характерной особенностью XX в. стала тенденция неуклонного их укрупнения: в 2000 г. в России насчитывалось 2386 городов всех типов и рабочих поселков, из них 2222 с населением до 100 тыс., 91 город с населением 100—250 тыс., 36 городов с населением от 150 до 500 тыс. 37 городов имеют население более 500 тыс. чел., в том числе 12 — свыше 1 млн чел. Острота социального развития городов на современном этапе объясняется прежде всего тем, что в

настоящее время в них проживает большинство (62%) населения страны (табл. 8.1).

Таблица 8.1. **Динамика развития городов в постсоветской России**

Показатель	*Всего*	*Города с численностью жителей, тыс. чел.*					
		до 49,9	*50—99,9*	*100—249,9*	*250—499,9*	*500—999,9*	*1000 и более*
1989 г.							
Число городов	1 066	719	180	90	43	21	13
Совокупное население, тыс.	96 855,4	16 212,8	12 317,5	13 548,5	15 041,6	13 292,6	26 443,4
%	100,0	16,7	12,7	14,0	15,5	13,7	27,4
1995 г.							
Число городов	1079	736	175	92	44	20	12
Совокупное население, тыс.	95 277,5	16 560,6	11 985,5	13 751,9	15 550,6	13 106,9	24 322,0
%	100,0	17,4	12,6	14,4	16,3	13,8	25,5
2000 г.							
Число городов	1092	750	173	90	41	21	12
Совокупное население, тыс.	94 703,9	16 566,1	11 855,0	13 709,5	14 530,0	13 487,2	24 556,1
%	100,0	17,5	12,5	14,5	15,4	14,2	25,9
2010 г.							
Число городов	1 100		0000	91	36	25	12
Совокупное население, тыс.	105 300,0		41,4	14,1	12,2	15,8	28,2
%	100,0						

Примечание. За 2010 г. приводятся объединенные данные по городам до 100 тыс. и от 100 до 249,9 тыс. населения.

Источник. Данные Росстата; *Лексин В., Шведов А.* Городская Россия — проблемное воплощение реформы // Российский экономический журнал. 2002. № 1.

Из 230 существующих городов 182 (или 80%) возникли и получили городской статус в советское время, причем почти половина из них — 107 — появились в 1945—1990 гг. Они формировались из людей, вполне готовых к городской жизни и городской работе, для большинства из которых переезд на постоянное жительство в новые города мотивировался не принуждением, а личным выбором. Особенно интенсивно росли города в Сибири и на Дальнем

Востоке. В этом отношении типичной была ситуация в поселениях городского типа в зоне БАМа. Около 4% трудоспособного населения новых городов и рабочих поселков обеспечил государственный оргнабор. Специалисты, направленные после окончания учебных заведений, составили 7,7—13% жителей; 30—40% трудовых ресурсов сформировали приехавшие по комсомольским путевкам, 8,5—12% — переведенные с других строек, 35—37% поселенцев получили работу самостоятельно. Именно такой состав во многом обусловил появление социальных проблем. Для сверхкрупных, крупнейших и крупных городов такими проблемами стали упорядочение социальной инфраструктуры, создание современного комплекса удобств, обеспечение соответствующих производственных и культурно-бытовых потребностей, для средних и малых — эффективное использование трудовых ресурсов, благоустройство, организация досуга, забота о здравоохранении, жилищное и коммунальное обслуживание (Хорев, 1997).

Опыт проектирования, строительства и функционирования Дивногорска (в основе — Красноярская ГЭС), Набережных Челнов (Камский автозавод), городов Тюменского Севера (нефте- и газопромыслы) в 1960—1980-е гг. говорит о том, что отсутствие необходимых условий для рациональной организации повседневной жизни населения привело к неудовлетворенности местом работы и жительства и, как следствие, к миграции. Слабое внимание к социальным аспектам вело к тому, что новые города оказывались менее удобны для жизни, чем старые, сложившиеся, и неоправданно отставали от тех возможностей, которыми обладала страна.

Актуальность социального развития городов особенно возросла в связи с осуществлением реформы местного самоуправления, предъявляющей новые требования к практике их функционирования, к проблеме рационального сочетания интересов территории, производственных организаций и населения.

Необходимость создания *благоприятной жизненной среды* в значительной степени определяется путями и методами решения социально-экологических проблем, а также жилищным, торгово-бытовым и коммунальным обслуживанием, возможностями рациональной организации досуга. Экономические реформы 1990-х гг., с одной стороны, положительно повлияли на обновление облика ряда крупных городов (Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Самары), но с другой — резко уменьшили социальные возможности средних и малых городов — нищенское существование населения этих городов стало печальным и имеющим большие социальные последствия фактом.

8.2. Факторы и условия жизни городского населения

Жизнь города определяется градообразующими и градообслуживающими факторами.

Градообразующие факторы — это развитие и функционирование промышленности, транспорта, связи, управления, науки, санаторно-курортного дела и т.д. С точки зрения социологии эти факторы отражают взаимодействие города и общества и предопределяют количество рабочих мест, виды приложения труда, квалификацию кадров, а также социальные аспекты функционирования жителя в процессе его трудовой и повседневной жизни.

Градообслуживающие факторы характеризуются совокупностью компонентов сферы социальных услуг. Сюда входят общественный транспорт, детские и образовательные заведения, здравоохранение, торговля, бытовое обслуживание, учреждения культуры, коммунальное хозяйство, внутригородская связь, т.е. то, что общество через посредство города дает человеку. В настоящее время это бремя обязанностей во все большей степени возлагается на сами города, на их возможности и ресурсы, что при отсутствии четкой нормативной, правовой и финансовой базы ставит их в очень сложное положение.

Конечно, разделение на градообслуживающую и градообразующую сферы довольно условно. Так, предприятия, вузы, больницы, театры, торговые учреждения обслуживают не только население данного города. По некоторым данным, до 50% коек в областных больницах и 10—15% в городских больницах крупных городов занято иногородними; до 30% покупок в магазинах и 10% заказов в сфере услуг также совершаются приезжими. Поэтому различить градообслуживающие и градообразующие факторы иногда весьма затруднительно. Однако с позиций методологии исследования такое разделение необходимо.

Градообразующий и градообслуживающий факторы, вместе взятые, представляют собой структуру мест труда, заданную социально-экономическим развитием города и технической вооруженностью его предприятий и организаций.

Город рассматривается с разных сторон: архитектурно-градостроительной, географической, политической, производственной и т.д. Однако очевидно, что в процессе его функционирования недостаточно ориентироваться только на пространственные и архитектурные характеристики — необходимо самым пристальным

образом заниматься социальными ресурсами, теми условиями, которые создают возможность для желаемой жизнедеятельности, для создания благоприятной среды обитания, для удовлетворения потребностей людей. Иначе говоря, центральным вопросом социального развития городов является ***организация рациональной жизни населения, обеспечение ее качества как определяющего фактора его функционирования.***

Город — это социальная ячейка общества, которая охватывает все этапы человеческой жизни. Он обеспечивает такие стороны жизни, как труд, материальные и духовные потребности, образование, культура, рекреация, охрана здоровья, защита окружающей среды, социальное обеспечение, общественный порядок. Именно город, взятый в целом, составляет материальную основу развития личности. Если на производстве человек проводит определенное время, как правило, только в трудоспособном возрасте — в среднем с 18 до 60 лет, то населенный пункт, город в том числе, обслуживает всю его жизнь — от родильного дома до кладбища [Антов, 1985]. Следовательно, взаимосвязь города и потребностей людей является определяющей с точки зрения их социально-экономического развития, ибо в городах постоянно происходит процессы, влияющие на занятость и безработицу, на вероятность появления социальных конфликтов, на миграцию, на удовлетворенность работой и местом жительства.

Социально-экономическая ситуация существенно влияет на жизнь населения. Если в городе нет достаточных шансов на социальное продвижение, если он не отвечает современным требованиям, высок уровень загрязнения окружающей среды и т.д., то, как правило, ухудшается социальное настроение, растет число конфликтов и претензий, снижается рождаемость, возникают диспропорции в использовании трудовых ресурсов. Иначе говоря, рациональное использование людских ресурсов все больше и больше зависит от города, обеспечивающего общие условия по регулированию занятости.

Особенно серьезные проблемы возникают тогда, когда города стремительно растут. Так, в начале строительства автомобильного завода в 1959 г. город Тольятти насчитывал 72 тыс. чел., а в 1989 г. в нем проживало уже 630 тыс., т.е. в 9 раз больше. С 1970 по 1989 г. население Набережных Челнов возросло более чем в 13 раз. Но если предприятие, как правило, проектирует требуемое количество рабочей силы с учетом ее квалификации, то в условиях города использование трудовых ресурсов предполагает наличие рациональных пропорций прежде всего в социально-демографическом составе

населения. Игнорирование этого принципа приводит к серьезным нарушениям в организации социальной жизни города. Словом, важно согласовать количество мест приложения труда, имея в виду традиционно мужские и женские профессии, с реальной структурой трудоспособных. Иначе происходит отток из города представителей избыточного пола либо люди приспосабливаются к несвойственной им работе. А вследствие оттока избыточного (с точки зрения производства) пола начинается отток из города и противоположного пола (из-за невозможности заключения брака или обеспечения работой другого члена семьи).

Нерациональное и несбалансированное социально-экономическое развитие может создать преимущественно «женский» или «мужской» город со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями. Так, в новых нефтяных городах Западной Сибири в 1970-е гг. на 100 мужчин приходилось 57—60 женщин. Это приводило к тому, что там заключалось браков меньше, чем полагалось бы городам с нормальной половозрастной структурой. Соответственно уменьшалась рождаемость, увеличивалось число разводов, снижалась успеваемость детей в школах (Куцев, 1982). Несбалансированность трудовых ресурсов по полу была следствием близорукой как государственной, так и местной политики, которая, как правило, сводилась только к производственным задачам. В тот период плохо учитывалась и возрастная структура населения: обычно в новом городе на первых порах его становления в основном проживала молодежь с ее специфическими потребностями.

Еще один существенный момент в развитии городов — *поиск рациональной профессиональной структуры трудоспособного населения*. Если структура мест труда формируется под влиянием технико-экономических факторов, то профессиональная структура, кроме того, испытывает воздействие сферы образования. Поскольку они обе развиваются под влиянием различных, нередко совпадающих друг с другом факторов, то вполне возможны определенные расхождения между ними, например в несовпадении количества мест труда и числа работников (Антов, 2000; Файзуллин, 1997).

Из-за стихийного развития городов нередко складывается ситуация, когда количество рабочей силы с определенной профессиональной и образовательной подготовкой оказывается значительно ниже того, что требует усложняющаяся техника и технология труда. В этом случае производственные мощности, особенно вновь вводимые, осваиваются с трудом, с дополнительными затратами, и город не дает населению того, что он мог бы дать.

Особое значение для профессиональной структуры города имеет соответствие потребностей различных производств реальному качеству рабочей силы. Если в городе у населения высокий уровень образования, то здесь не место неквалифицированному труду, если же этот уровень ниже, то и труд должен быть к этому приспособлен. Кроме того, город не может быть чисто промышленным — в нем нужны и научные учреждения, и учебные заведения, и другие атрибуты культурной среды, иначе снизятся творческий потенциал города, уровень удовлетворенности жизнью.

На основе профессиональной структуры и структуры мест приложения труда складывается социальная структура населения. Она характеризуется соответствием или несоответствием качества рабочей силы и качества мест приложения труда. В двух городах может быть в составе населения равное число специалистов с высшим образованием, но если в одном из них процент инженеров в два раза выше, чем в другом, то ясно, что мы должны признать их социальную структуру различной.

На социальную структуру воздействует маятниковая миграция, которая приводит к тому, что начинают различаться социальные структуры работающих и живущих в городе («дневная» и «ночная» социальные структуры), появляется неработающее трудоспособное население (Рыбаковский, 2005).

Для решения проблем социальной структуры города важное значение имеет ее соответствие ожиданиям жителей, т.е. *степень разнообразия структуры, реальные возможности социально-профессионального продвижения и осуществления социальных перемещений.*

Отсутствие этих условий становится причиной миграции населения. Естественно, это снижает эффективность капитальных вложений и значительно тормозит экономическое и социальное развитие городов.

В связи с переходом страны к рыночным отношениям остро встал вопрос о безработице, которая наиболее болезненно проявляет себя в городах. По данным социологических опросов, в 90-е гг. XX в. 65—70% населения в той или иной мере постоянно испытывали тревогу по поводу грядущей безработицы. Поддерживая процесс перехода к новым экономическим отношениям, люди не без основания опасаются, как бы в целом приемлемый для общества процесс конверсии, закрытие нерентабельных предприятий, приведение в соответствие меры труда и его оплаты не обернулись бы бедами для их личной судьбы. Как показала жизнь, коллизии безработицы, помноженные на безалаберность, неумение

и незнание, уже привели к серьезной социальной напряженности в городах и, как следствие, к социальным конфликтам.

8.3. Благоприятная жизненная среда

Создание благоприятной жизненной среды начинается с рационального, продуманного осуществления ***архитектурно-планировочных преобразований, комплексного улучшения жилищных и культурно-бытовых условий жизни людей.*** К сожалению, города по-прежнему сталкиваются со стихийностью в строительстве жилья и объектов сферы услуг. Да и архитектурная служба городов подходит к этим вопросам нередко механически: вписывается или нет тот или иной объект в архитектурный ансамбль. В результате в городах нередко производственные и культурно-бытовые объекты бывают разбросаны, что осложняет жизнь десятков и сотен тысяч людей.

Планомерная застройка города, последовательное освоение новых и освобождаемых от ветхого жилья площадей, внешний облик его кварталов, магистральных улиц, благоустройство могут быть осуществлены только на основе объединенных усилий городских органов власти, предприятий и организаций.

При всей важности пространственных и архитектурно-планировочных проблем ***основным для социальной жизни является создание благоприятной жизненной среды, которая предопределяет социальное настроение, самочувствие, удовлетворенность местом жительства, возможность реализовать материальные и духовные потребности.*** Общая характеристика жизни горожан как в нашей стране, так и во всем мире далека от идеала. Скученность населения, безликость городской среды, отсутствие должного социального контроля перемежаются с такими неотложными вопросами, как жилищная проблема, распространение массовой культуры, увеличение числа неблагополучных семей, причастность молодежи к различным формам отклоняющегося поведения, рост преступности. Все заметнее отчуждение людей, проявляющееся в социальном одиночестве, в отсутствии милосердия (забота о престарелых, обиженных судьбой, неконкурентоспособных и т.д.). Иначе говоря, ***центральной фигурой должен стать человек как житель***, основной задачей — организация его жизни. В связи с этим представляет интерес анализ «вложений» в человека, что предопределяет сознание и поведение жителей в процессе осуществляемой конверсии, ликвидации убыточных предприятий, механизации и автоматизации производства, совершенствования управления и организации труда, а также в ходе пе-

переподготовки и перепрофилирования работников через каналы общеобразовательного и профессионального обучения.

Интеллектуальный потенциал города, его духовную атмосферу создают люди, имеющие общую и специальную подготовку. Забота о приумножении их числа и усилении их влияния — залог развития культуры в городе. Так, большую пользу город может принести в обеспечении специалистами и квалифицированными рабочими, что предполагает развитие сети профессиональных учебных заведений. Их отсутствие отражается на рациональном и сбалансированном использовании трудовых ресурсов.

В социологии города нередко анализируются состояние, проблемы и направления совершенствования всех видов образования: дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего. Особое внимание (этому может быть посвящено и специальное исследование) отводится молодежи, оканчивающей школу, когда перед молодыми людьми встает проблема выбора — как строить свою будущую жизнь.

Современный город невозможно представить без духовной культуры, постоянного развития *духовной среды* (кинообслуживание, библиотеки, театры, музеи, концертные залы, парки культуры). Не случайно одним из главных остается вопрос об организации эффективного использования *свободного времени*, которое является другом человека, но при определенных обстоятельствах становится его врагом. То, что в течение длительного времени многие города имеют ограниченный набор учреждений культурной и спортивной жизни, объективно сужает выбор занятий в свободное время и нередко служит первотолчком к противоправному поведению.

Культурная ситуация в городах во многом определяется особой ролью, которую выполняет интеллигенция. Ее влияние тем благоприятнее, чем разнообразнее состав этой социальной группы, представленной различными отрядами — работающих на производстве, в научно-исследовательских учреждениях, в народном образовании, культуре, здравоохранении и т.д. Важно по-настоящему оценивать и поддерживать их деятельность, создавать возможности для обмена опытом и творческой работы по профессии.

Социальное развитие города предполагает ***осуществление мер по планомерному воздействию на негативные процессы***: наркоманию, проституцию, организованную преступность, правонарушения, детскую безнадзорность, проступки против правил и норм поведения в общежитии, любые проявления антиобщественного характера.

Уязвимой стороной жизни современных городов является ***качество торгового и бытового обслуживания***: создание их современной базы, внедрение новых методов работы, повышение культуры быта. К сожалению, в большинстве городов России «социальные тылы» безнадежно отстали, мало соответствуют общепринятым мировым стандартам.

В перспективе, как полагают некоторые ученые, около 2/3 самодеятельного населения городов и их пригородных зон будут заняты в обслуживающих отраслях. Это потребует более половины всех затрат на обновление городов, в том числе на сферу обслуживания населения — не менее 30—40% общего объема капитальных вложений. Только при соблюдении этих требований сфера обслуживания не будет лихорадить город.

Создание благоприятных условий для деятельности горожанина в сфере семьи и быта начинается с заботы о жилье. Несмотря ни на что, острота этой социальной проблемы не уменьшается, различия между людьми в жилищной обеспеченности еще весьма существенны. По-прежнему много нареканий по качеству жилья, так как оно не всегда и не везде отвечает высокому уровню комфортности.

В настоящее время решение проблемы жилья связано с его приватизацией, реформой коммунально-бытового обслуживания, когда четко обозначились ориентации государства переложить эти заботы на плечи самих граждан. Несомненно, что без решения более масштабных проблем жизнеобеспечения людей такой подход лишь обострит социальные противоречия в обществе, ибо он усугубляет тяжелое положение значительного числа жителей.

Социальное развитие города предполагает и ***регулирование социально-потребительской структуры***, которая во многом определяется социальной структурой. Различия проявляются по демографическому признаку (потребление мужчин и женщин, молодежи и пожилых людей), по социальному происхождению (так, в течение 10—25 лет структура расходов выходцев из села отличается от структуры расходов коренных горожан) и по национальной принадлежности. В 1990-е гг. стали существенно отличаться потребительские интересы зажиточных (богатых) и бедных слоев. Важное значение для стабильности города имеет соответствие социально-потребительской структуры реальным возможностям потребления (в частности, в молодежном городе с высокой рождаемостью потребность в детских учреждениях намного выше, чем в старых, «сложившихся» городах). Эти различия нередко с трудом сглаживаются, ибо объекты непроизводственной сферы, в том числе

предприятия торговли, бытового и коммунального хозяйства, начинают функционировать с опозданием.

В 1980-е гг. в ЦНИИ градостроительства был разработан проект нового города эпохи научно-технической революции. В проекте предпринята попытка учесть современный опыт строительства городов, потребности экономического и социального прогресса. В нем нашли конкретное воплощение рациональная пространственная организация промышленных зон и жилого комплекса, расположение общественных объектов, бытового обслуживания, зон отдыха и т.д.

Не меньший интерес представляют и проекты для городов Дальнего Востока, Крайнего Севера — «город-дом», «город под куполом» и ряд других вариантов, которые обеспечивают возможность защиты людей от неблагоприятных природно-климатических факторов, как это частично реализовано в г. Когалым Тюменской области.

1990—2000-е годы породили острую социальную проблему — сегрегацию городского населения. В городах стали активно формироваться зоны (анклавы) богатства и бедности, которые различались вдобавок по социальному положению проживающих и по благоустройству, по различной пространственной и архитектурной среде. Наряду с кварталами, где проживало малоимущее население, не приспособившееся к рыночным отношениям, стали формироваться поселения по этническому принципу, создавая подобия чайна-таунов. В этих зонах неблагополучия и отчуждения возникали условия для появления криминальной среды и, как следствие, преступности и других нарушений социального общения. Это отчуждение друг от друга нашло отражение и в архитектуре поселения, и в образ жизни, в организации труда и отдыха. Но такое направление развития поселенческой структуры чревато серьезными социальными последствиями, возможностью роста социальной напряженности и неконтролируемых актов возмущения.

8.4. Социальное управление городом

Социальное развитие российских городов долгое время целенаправленно не осуществлялось. Их планы лишь формально охватывали и намечали развитие отдельных отраслей. А по сути они часто были суммой тех вопросов, которые решались на уровне предприятий, учреждений и во многом определялись ведомственными (а настоящее время групповыми или личными) интересами.

К чему это привело, видно из проблем жилищно-коммунального хозяйства, реформа которого, с одной стороны, показала одну из острых проблем городов, с другой — ограниченность и убогость управления этими населенными пунктами.

Почему это случилось?

Прежде всего, были допущены серьезные ошибки методологического характера. Не было учтено то, что город как социально-экономическая единица, как определенная структура закономерных связей существенно отличается от структуры таких связей на уровне и общества, и предприятия. Это послужило причиной серьезных просчетов в теории, а на практике стало фактом нескоординированного, хаотичного развития городов, когда усилия концентрировались только на городском хозяйстве. Даже в новых городах повторялись ошибки, которые систематически совершались в 30-е и в 70—80-е гг. XX в.

Основным препятствием на пути скоординированного экономического и социального развития городов были узковедомственные интересы. Ориентируясь на проблемы, стоящие только перед производством, ранее министерства и ведомства, а теперь частные владельцы не хотят участвовать в решении социальных задач городов.

С 1993 г. во многих городах России начался крупномасштабный эксперимент по введению новой структуры исполнительной и представительной власти — местного (муниципального) управления, суть которого состояла в том, чтобы сделать руководителей городов и районов реальными представителями власти и организаторами процессов по удовлетворению нужд населения. Органы местного управления неоднократно подвергались реформированию. В 2010 г. таких муниципалитетов было свыше 24 тыс. (из них 625 городских), они охватывали 160 тыс. населенных пунктов. Однако результаты их работы до сих пор далеки не только от научного сопровождения данного процесса, но и от нормальной, практической целесообразности.

Практика развития городов все больше подтверждает тот факт, что социальные проблемы можно решить только на основе учета интересов населения. Однако реальность социально-экономического развития не обеспечивает сочетания интересов территории и субъектов экономической, социальной и культурной деятельности. К числу таких нерешенных проблем можно отнести «точечную» застройку, искажение исторического облика города, закрытие учреждений культуры, ликвидацию детских учреждений.

Особо важным объектом социального развития городов РФ становится производственная и социальная инфраструктура, т.е. комплекс организаций и учреждений, создающих предпосылки для эффективной организации производства и повседневной деятельности населения. В стране имеется опыт комплексного решения экономических и социальных задач на уровне города. Однако условия, в которых оказались многие из них в процессе перехода к рынку, весьма отличаются друг от друга. Это является результатом или произвола, или стихийного развития, т.е. отсутствия нормативной базы, безответственности как центральных, так и региональных и местных органов власти.

Особенно большие нарекания высказываются в адрес местных органов управления, что вызвано как объективными (отсутствие реальной власти, ничтожные возможности местного бюджета), так и субъективными (непоследовательность, боязнь риска, отсутствие поиска, эксперимента) причинами. Несмотря на официальные намерения увеличить полномочия городского самоуправления, оно до сих пор бесправно в рациональном использовании территории, трудовых ресурсов и организации повседневной жизни людей. Федеральные и региональные органы власти рассматривают город лишь как поле своих притязаний.

Сосредоточение внимания городских органов власти на развитии инфраструктуры при устранении их от некоторых несвойственных им функций освобождает органы власти от необходимости противопоставлять производственные задачи социальным, экономить на неотложных нуждах населения. Но это требует реформирования и определения статуса городов как полномочных представителей населения, обладающих в то же время реальной правовой и финансовой базой. Чтобы превратить городское самоуправление в реальные властные органы, социальные гарантии следует осуществлять через местный бюджет. Такой подход позволит поднять роль местных органов власти в распределении и планировании средств. Имеющийся опыт убедительно показывает, что сосредоточение в их руках всего жилищного фонда, культурно-бытовых учреждений, инженерных сооружений и коммуникаций, принадлежащих предприятиям и организациям, а также их финансовых и материальных ресурсов, предназначенных на развитие социальной инфраструктуры, создает благоприятные условия для рационального развития города, для более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей жителей, для улучшения социального самочувствия и устойчивого социального настроения.

Вопросы и задания для повторения

1. Когда город стал объектом социологических исследований?
2. Назовите основные причины возникновения городов. Какие типы городов вы знаете?
3. Каковы причины дифференциации социальной структуры городского населения?
4. В чем состоят современные социальные проблемы города?
5. Дайте характеристику градообразующей и градообслуживающей сфер.
6. В чем заключаются основные социальные ожидания и ориентации горожан в современный период?
7. Дайте характеристику проблем культурной среды города.

Темы для рефератов

1. Основные этапы урбанизации в мире (в России).
2. Особенности урбанизации в Сибири, на Дальнем Востоке, Крайнем Севере.
3. Город как социальное явление.
4. Проблемы социально-профессиональной, социально-демографической, социально-культурной структур современного города (отдельные темы).
5. Проблема занятости в городе и пути ее решения.
6. Человек и его основные потребности как жителя города.
7. Социальные проблемы пригородов.
8. Новые социальные идеи в градостроительстве.
9. Состояние и перспективы муниципального самоуправления в городе.
10. Маргиналы в городе как социальное явление.

Глава 9

Социология села

Социология села представляет собой изучение состояния и особенностей сознания крестьянства как крупной социальной группы, его поведения в условиях специфической жизни, обусловленной близостью к природной среде, характером и содержанием трудовой деятельности, организацией повседневного быта.

Первые попытки социологического анализа сельских проблем в России нашли отражение в «Письмах из деревни» *А.Н. Энгельгардта* (1832—1893), общественного деятеля и ученого, который, осмысливая ситуацию в пореформенной России после отмены крепостного права, обратил пристальное внимание на восприятие крестьянами происходящих изменений, на их неадекватное отношение к предлагаемым преобразованиям и реакцию на новизну, на их приверженность традициям и обычаям предков. Подчеркивая консерватизм крестьянского мышления, он в то же время писал о чрезвычайной чуткости земледельца к тому, чтобы помогало сохранить устойчивость и в то же время не замыкаться на достигнутом.

Исследованию социальных проблем аграрного развития много внимания уделил *В.М. Чернов* (1876—1952). В его работе «Марксизм и аграрный вопрос» были рассмотрены особенности положения крестьян в условиях проникновения капиталистических отношений в деревню. В наследии П.А. Столыпина (например, в его «Началах социологии») анализировались реальность и перспективы сельского хозяйства России начала XX в.

У истоков советской социологии села — уникальное произведение «Деревня (1917—1927)» А.М. Большакова. Посвященное изучению одной из волостей Тверской губернии, оно отражало процесс организации новой жизни во всей ее динамичности и противоречивости, характеризовало неоднозначность изменений, происходящих в экономической, политической и культурной жизни крестьянства.

Значительной вехой на пути становления социологии села стали исследования села Копанка в Молдавии, в ходе которых была реализована попытка анализа общественного сознания крестьянства в 30-е гг. XX в. и сдвигов в укладе жизни сельских жителей. Ценность этого труда заключается также и в том, что исследования, проведенные повторно в 1960 и 1980-х гг., дали основания для глу-

боких выводов об изменениях, которые произошли в трудовой и повседневной жизни крестьянства.

Начиная с 60-х гг. XX в. социология села возродилась, исследованиями жизни деревни и ее обитателей занялась большая группа ученых (см. библиографический список).

Осмысление новых реалий на селе, происходящих в условиях экономических и политических изменений, нашло отражение в работах нового поколения социологов конца XX — начала XXI в., внимание которых сосредоточено на понимании специфики крестьянского сознания и поведения, устойчиво содержащего в себе «признаки здорового консерватизма, отрицании крайних мер в политике и экономике, склонности к таким традиционным ценностям, как семья, религия, сильное государство, к закреплению и выполнению общественных норм и правил» (Великий, 1995).

9.1. Социальная характеристика современного состояния деревни

Для социологии села важны следующие методологические положения: во-первых, сельскохозяйственное производство представляет собой сферу, обеспечивающую целостность народно-хозяйственного организма, без которой невозможно функционирование других его отраслей; во-вторых, к работе и жизни в деревне причастно огромное число людей (27% всего населения). Так, численность сельских жителей в России в 2010 г. составила 37,6 млн чел. (в 1970 г. их было 49,1 млн, в 1940 г. — 72,2 млн, или соответственно 38 и 60% населения).

До революции, когда деревня состояла из мелких производителей, она была достаточно крепкой, устойчиво консервативной единицей с тенденцией к еще большему обособлению и раздроблению. В 30—40-е гг. XX в., на первых этапах возникновения и существования коллективных форм хозяйствования, село и его главные социальные институты — колхоз, совхоз — в основном совпадали между собой. В дальнейшем, начиная с 1950—1960-х гг., когда усилилась тенденция к концентрации, специализации и укрупнению сельскохозяйственного производства, деревня как единство производственных и территориальных аспектов жизни людей вновь распалась, но теперь уже на иной основе, что обернулось крупными экономическими и социальными потерями. Этот процесс отражал тот факт, что в России была проведена не одна, а две коллективизации: сталинская ликвидировала крестьян-единоличников, а хру-

щевская превратила крестьян в наемных рабочих, лишив их значительной части земли (через урезание огородов) и сократив возможность иметь собственный скот (Калугина, 2000).

К середине 1980 — началу 2000-х гг. ситуация в сельском хозяйстве продемонстрировала во всем объеме тот кризис, к которому привела аграрная политика КПСС, а затем разрушительная безответственная политика неолибералов. В советское время лицо деревни определяло не то небольшое количество передовых колхозов и совхозов, а их основная масса, которая, все больше и больше отставая от реальных потребностей времени, знаменовала тот тупик, к которому привел процесс коллективизации в стране, обернувшийся разорением деревни, массовой миграцией, снижением престижа работы на земле. А апофеоз либеральной политики в постсоветской России — полное разрушение деревни, приведшее к системному кризису всех сторон сельского производства и сельской жизни.

Экономический кризис на селе сопровождался ***далеко идущими изменениями и в социальной жизни.*** В деревне сложилась очень непростая социально-демографическая ситуация, что проявилось, прежде всего, в усилении миграционных процессов и уменьшение сельского населения, сопровождавшихся снижением рождаемости и одновременным его постарением, что происходило в основном в европейской части России, на Севере и в Сибири.

Техническое оснащение, попытки совершенствования организационных форм управления не привели к повышению эффективности и новому качеству труда, что поставило на повестку дня такие неотложные вопросы, как изменение форм землевладения, качественной структуры занятости, подготовка работников, способных повысить производительность труда.

Важно и то, что, несмотря на неоднократные попытки улучшить материальное благосостояние жителей села как в советское, так и постсоветское время, уровень реальных доходов жителей деревень значительно уступал этому показателю в городах. В результате соотношение доходов сельского и городского населения в 1989 г. составляло 1 : 1,2, в 1994 г. — 1 : 3—4, в 1999 г. — 1 : 7—9, что не изменилось и к концу 2000-х гг. Причем это различие касалось не только доходов, но и того, что сельские труженики не пользуются таким комплексом благ (по жилью, коммунальному обслуживанию, транспортной сети), который имеется у людей, живущих в городах.

По-прежнему существует много проблем, связанных с удовлетворением духовных потребностей населения. Хотя некоторые

количественные характеристики социального и культурного развития в советский период улучшились (сеть образовательных организаций, значительное число клубных учреждений и киноустановок), но качественные показатели (бедность книжного фонда, отсутствие клубов и домов культуры, техническая ограниченность кинопроката) практически не изменились. Более того, в постсоветской России эти характеристики значительно ухудшились.

Но главное все же в том, что в XX в. ***коренным образом, стратегически изменились сознание и поведение крестьянства, были выработаны особые формы образа жизни и специфические реакции на происходящие в обществе процессы.***

В начале коллективизации, в 1930-х гг., отношения колхоза и семейного двора складывались так, что *колхоз являлся своеобразным филиалом крестьянского семейного хозяйства*. Это проявлялось в том, что крестьянин так же упорно, самозабвенно и настойчиво трудился в колхозе, как привык ранее работать в своем индивидуальном хозяйстве, не считаясь ни с какими затратами, временем. Однако в 1950—1960-е гг. происходил процесс «тихой коллективизации», который, по выражению В.Г. Виноградского, по форме означал укрупнение коллективных хозяйств, закрытие неперспективных сел, а по сути осуществил радикальную перестройку крестьянской жизни: теперь уже *двор превратился в филиал колхоза*. Двор ставился в центр забот сельского жителя, он питался, развивался, существовал за счет коллективного хозяйства, начал быстро, систематически и сознательно подключаться к финансово-ресурсному потенциалу колхозов и совхозов, в полной мере воплощая широко известное присловье: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое».

Именно такая ситуация, когда двор и колхоз (совхоз) — взаимные филиалы, взаимные «фильтры» и взаимные «угодья», объясняет и то, что в результате скороспелой аграрной политике либерального толка, которая в 1990-е гг. «облагодетельствовала» крестьян без их ведома и желания, были разогнаны колхозы и распущены совхозы, в том числе и успешно работающие. Как итог, миллионы гектар земли заросли бурьяном. Посевная площадь уменьшилась с 1992 г. по 2010 г. с 109 млн га до 56 млн га, парк сельхозмашин за этот период сократился (тракторы — с 1291 млн до 310 тыс., культиваторы — с 542 тыс. до 120 тыс., сеялки — с 583 тыс. до 134 тыс., зерноуборочные комбайны — с 371 тыс. до 61 тыс.). Внесение органических удобрений снизилось с 127 млн т до 53 млн т.

А если учесть, что ***одновременно происшел распад интеллектуальной среды деревни*** (резко сократилось число специалистов сель-

скохозяйственного производства, учителей, медработников и работников сферы культуры), то все это позволяет сделать вывод: положение крестьянина серьезно дестабилизировано, продолжается процесс раскрестьянивания, жители села почти утратили духовную общность с землей. Произошло отчуждение человека деревни от труда и его результатов, что, в свою очередь, не могло не сказаться на значении и ценности сельской жизни для населения.

Не внесли ясности и политико-организационные преобразования, начатые в России после 1991 г., — роспуск колхозов и совхозов, создание фермерских хозяйств. Уровень сельскохозяйственного производства резко снизился. Фермерское движение, которое росло до 1995 г., пошло вспять, и надежды на эту форму хозяйствования не оправдались. Жизнь показала, что «стихия рынка — это самое лучшее средство разорения сельскохозяйственного производства и крестьян» (Лисичкин, 1997). Пореформенный сельский предприниматель (фермер) является скорее поводом для удивления или сожаления, нежели подтверждением преимуществ «свободного труда на своей земле».

Если говорить об итогах реформы аграрного сектора в 1990-е гг., то можно сказать, что в постсоветском сельском хозяйстве функционируют три основных уклада: *акционерные предприятия (бывшие колхозы и совхозы)*, *личные подсобные* и *фермерские хозяйства* (табл. 9.1).

Таким образом, акционерные предприятия все еще удерживают 82% всех сельскохозяйственных земель в России. Однако надо иметь в виду, что под негосударственными коллективными предприятиями понимаются все, кто владеет землей на основе общей, совместной или долевой собственности (акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью, колхозы, сельхозкооперативы и др.). Земельные паи селян, не вышедших из коллективного хозяйства, числятся тут же. Суммарная площадь таких предприятий возросла до 71%. А реальный сектор частной собственности с его 17% — это в основном крошечные хозяйства населения и земли фермеров [Нефедова, 2002]. При этом за период с 1990 по 2000 г. доля бывших совхозов и госхозов) в категории коллективных предприятий снизилась с 58 до 12%. Как таковых колхозов, владевших в советское время 40% сельскохозяйственных земель, осталось мало. В то же время национальный проект по сельскому хозяйству, заявленный в начале 2000-х гг., практически показал свою несостоятельность, не улучшил положения крестьянства.

В этих условиях общественное сознание крестьянства как никакой другой группы представляет весьма противоречивую картину.

И главное, даже те ростки возрождения хозяйского отношения к земле, которые появились среди части как бывших, так и настоящих крестьян, фактически загублены неразумной аграрной политикой уже новых политических деятелей России.

Таблица 9.1. **Распределение сельскохозяйственных угодий по видам пользователей (на начало соответствующего года), %**

Пользователи	*1950*	*1960*	*1970*	*1980*	*1990*	*1995*	*2000*	*2010*
Коллективные сельскохозяйственные организации	97,6	98,5	98,2	98,2	98,1	81,7	81,9	74,6
Фермерские хозяйства	0	0	0	0	0	5,0	6,8	20,1
Хозяйства населения	2,4	1,5	1,8	1,8	1,9	4,7	6,0	4,5
В том числе:								
ЛПХ	2,4	1,3	1,5	1,4	1,4	2,5	2,8	н/д
индивидуальные и коллективные сады и огороды	0	0,2	0,3	0,4	0,5	0,9	0,8	н/д
Прочие сельскохозяйственные пользователи	0	0	0	0	0	8,6	5,3	0,8

Источник. *Российский* статистический ежегодник. М., 1996. С. 551; *Народное* хозяйство РСФСР. М., 1957. С. 127; *Сельское* хозяйство в России. М., 2000. С. 52, 86; *Россия* в цифрах 2010. Кр. стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 273.

9.2. Социальные эксперименты на селе и их последствия

История российской деревни — это *путь непрерывных экспериментов*, которые проводились в режиме поиска реальных резервов для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, для улучшения жизни крестьян, но оборачивались провалом и еще большим погружением в бесперспективное будущее.

Беды современной российской деревни начались с обезземеливания крестьянства после отмены крепостного права (1861) и безрезультатного опыта Столыпинских реформ (разложения крестьянской

общины, создания хуторских хозяйств), а затем с 1929 г. с огульного, всеохватывающего *процесса создания двух форм собственности — колхозной (кооперативной) и совхозной (государственной)*. Был проигнорирован реальный опыт середины 1920-х гг., когда деревня после введения нэпа достигла уровня 1913 г., в ней существовало 14 (!) форм собственности — от снабженческо-сбытовой и товариществ по совместной обработке земли до коммун (Большаков, 1928), которые были порождением различных форм творчества крестьян. Даже коммуны как форма хозяйствования возникли снизу. Они не навязывались жителям села, хотя и имели некоторые льготы и поддержку со стороны государства (Гришаев, 1976).

Внедрение только колхозно-совхозной формы хозяйствования подрубило реально существующее многообразие форм собственности, в том числе и индивидуальной, и во многом ограничило как экономические, так и социальные возможности крестьянства. Ситуацию усугублялась еще и тем, что максимально ограничивалась гражданская свобода крестьянства: до середины 1950-х гг. они не имели права самовольно покинуть колхозы, ибо не имели паспортов. В общественном сознании с конца 1940-х гг. постепенно созревало понимание того, что проводимая в стране долгие годы политическая линия на форсированную индустриализацию за счет села и неэквивалентного обмена с городом дальше продолжаться не может и необходимы решительные меры по укреплению сельского хозяйства. Изменения, начатые после смерти Сталина, нашли отражение в попытках политической власти изменить ситуацию в сельском хозяйстве, что выразилось в ряде экспериментов как экономического, так и социального характера.

Экономические эксперименты 1950-х гг. сделись хотя и к важным, но отдельным мерам: то к всеобщему внедрению кукурузы во всех климатических зонах, то к строительству силосных башен, то к кампаниям по кролиководству и т.п. По сути, эти меры решали частные вопросы, кардинально не затрагивающие интересов крестьянства. Даже такая широкомасштабная акция, как освоение целины, подняв в дорогу миллионы людей, искренне поверивших в ее значение, не решила того, на что она была нацелена: обеспечить продовольствием всю страну.

Что касается социальных экспериментов, то в 50—60-е гг. XX в. был обоснован курс на *превращение сельской деревни в крупный населенный пункт, способный обеспечить улучшение трудовой и духовной жизни человека, удовлетворить его материальные и культурные потребности*. На практике это означало сокращение сельских поселе-

ний: между переписями 1959 и 1989 гг. их число уменьшилось почти вдвое (с 294 тыс. до 153 тыс.), главным образом за счет мелких поселений, а численность сельского населения упала с 55 млн до 39,1 млн чел.

Ликвидация населенных пунктов — задача не только экономическая, хотя на перестройку деревни требовалось значительное количество материальных ресурсов, но и социальная, ибо связана с созданием новых форм социальной общности людей, их поведением, образом жизни, отдыхом. Это задача и социально-психологическая: ведь человеку нередко трудно покинуть родные места, где он вырос и жил, даже тогда, когда он осознает, что переезд на новое место жительства необходим. В художественной форме это прекрасно отражено в повести В. Распутина «Матера».

Конечно, сселение деревень, по замыслу творцов этой программы, было нацелено на то, что, собрав жителей в поселках городского типа, можно будет лучше и легче создавать условия для организации трудовой деятельности, для удовлетворения культурных и бытовых потребностей. Но этот технократический подход, не принимавший во внимание особенностей народной психологии, а также исторический, нравственный и культурный опыт крестьянства жестоко отомстил. Ликвидация неперспективных деревень обернулась крупными издержками, принесла много бед, ввергла людей в полосу новых страданий. Принятые меры лишь подхлестнули миграцию из деревни, были заброшены миллионы гектаров земли вокруг вымирающих сел, запущены сады, луга, пашня уходила в залежь. Эта ситуация не изменилась и в постсоветской России.

В конце 60-х — 70-е гг. XX в. была предпринята еще одна попытка повлиять (уже с помощью ученых) на ситуацию в сельском хозяйстве при максимальном учете социальных потребностей сельских жителей. В жизнь пытались внедрить *планы социального развития сел, деревень, сельских районов и даже областей*. В основе лежала благородная цель — учесть в комплексе все аспекты производственного и социально-культурного и бытового поведения сельских жителей и реализовать их в повседневной жизни.

В период постсоветских реформ, несмотря на признание пагубности ранее осуществленных аграрных преобразований, также *не были найдены и предложены меры, которые бы эффективно решали судьбы крестьянства*. Очень много времени ушло на общие разговоры о важности кардинальных изменений в землепользовании, о расширении практики арендных отношений, о введении института фермерства, о многообразии форм собственности на землю. В результате

в 1990-е гг. сложилась ***парадоксальная ситуация***: колхозы и совхозы стали кормильцами прошлых времен, фермеры — будущими. Но не было ответа на вопрос: а кто будет кормить народ в настоящее время? В результате продовольственный рынок, особенно в крупных городах, на 60—70% заполняется импортными товарами.

Разве не парадоксом выглядит факт, что приусадебные участки селян, индивидуальные участки земли жителей рабочих поселков и городов, имеющих в своем распоряжении менее 1% земли, в 1970—1980-е гг. давали 60% товарного картофеля, 30—40 — овощей, 20—30% масла и молока. Данная ситуация еще более усугубилась в постсоветской России: в 1998 г. в них производилось 61% продукции растениеводства и 54% продукции животноводства. Не изменилась ситуация и к 2010 г.: в хозяйствах населения производилось 84% картофеля, 71,5 — овощей, 51,1 — молока, 36,5% мяса.

Жизнь свидетельствует, что преобразования на селе осуществляются очень неоднозначно, а порой пагубно. Крестьяне, как показывают социологические исследования, с настороженностью и отвержением воспринимают предложения об организации фермерских хозяйств, закон о продаже земли и другие «инициативы», ибо опасаются, как бы это не обернулось очередным почином. Взлет надежд на возрождающееся фермерство уже обернулся разочарованием, неверием в действенную помощь государства, несовершенством и запутанностью взаимоотношений общества и крестьянства. О трудностях становления этой формы собственности говорят следующие факты: к 2000 г. в стране имелись 262 тыс. хозяйств (в 1996 г. — 280 тыс.), но половина из них в 1999 г. была убыточна, а у каждого четвертого фермера пустовало более половины угодий. Занимая 7% сельскохозяйственных угодий, фермеры давали около 3% товарной продукции сельского хозяйства. Аналогичный опыт в странах Восточной Европы свидетельствует, что фермерская модель аграрного производства не состоялась: даже в Венгрии, первой ставшей на этот путь, на фермерское хозяйство приходится около 6—7% общего объема аграрной продукции.

9.3. Социально-экономические и культурные проблемы села

Современная экономическая, социальная и культурная ситуация на селе характеризуется в основном негативными процессами. И без того *низкий объем производства* сельскохозяйственной продукции упал еще ниже — за 1992—2010 гг. он сократился почти наполо-

вину. Некоторый рост в 2000 и в 2008 гг. можно объяснить благоприятной природной конъюнктурой, а также тем, что возрождающееся производство по переработке сельскохозяйственного сырья стали поддерживать часть хозяйств.

Продолжает оставаться *низкой производительность труда* в сельском хозяйстве. Если в 1970—1980-е гг. она составляла примерно 20—25% уровня США, то в 1990-2010-х гг. разрыв еще более увеличился: он равнялся 10—15%.

Упадок сельского хозяйства резко *ухудшил доходы крестьян*, перевел их на рельсы натурального жизнеобеспечения. Интенсивно происходит процесс *архаизации сельской жизни*. Социальное развитие деревни фактически приостановлено: закрылось большинство клубов, детских садов, с перебоями работают библиотеки, не обновляются их фонды.

Актуальная проблема начала XXI в. — ***преодоление отчуждения и обеспечение возможностей превращения крестьянина в реального хозяина земли***. Новая система взаимоотношений формируется с трудом, с большими потерями. Не удается повернуть человека к жизни на земле, к самостоятельному хозяйствованию. Итоги 90-х гг. XX в. и начала XXI в. показывают, что сельское хозяйство не стало рентабельной отраслью производства, по-прежнему непривлекательно для тружеников земли, не превращается в благодатное поле для проявления творческой активности крестьян.

Проводившиеся в конце 1980-х гг. опросы сельских жителей показывали, что вести самостоятельное хозяйство хотели бы только 10—15% из них. Они-то и вышли из колхозов, составив костяк фермерского движения. Подавляющая же часть сельских жителей так и осталась не готова к экономическим рискам и ответственности. Все эти обстоятельства говорят о социально-психологических барьерах и инерции мышления крестьян. Они боятся выходить за пределы своих приусадебных участков, боятся лишиться поддержки бывших колхозов. Если нишу, предназначенную фермерам, заняли личные подсобные хозяйства, то этот факт лишний раз подтверждает: механическое перенесение западных принципов организации и мотивации труда на российскую почву даст непредвиденные результаты. Социологические опросы показывают, что крестьяне не верят в стабильную государственную политику по их поддержке. На этой основе главными причинами ликвидации многих фермерских хозяйств стали: отсутствие необходимой техники, неумение создать товарную ферму и вписаться в рынок, удаленность и низкий уровень экономической и социальной инфраструктуры. В результате

произошли коренные изменения, которые катастрофически повлияли на судьбы деревни (табл. 9.2).

Таблица 9.2. **Численность сельских поселений в России, тыс.**

Вариант	*2002*	*2010*
Общее число поселений	155,3	153,1
Брошенных, без жителей	13,1	19,4
С численностью до 10 чел.	34,0	36,2
С численностью 11—50 чел.	38,1	32,8
С численностью 51—100 чел.	14,9	13,8
С численностью 101 чел. и более	55,2	50,8

Источник. Данные Росстата.

Остро стоит вопросы и о ***кардинальных изменениях в организации труда.*** Практика подтверждает, что, несмотря на высокие показатели трудовой деятельности отдельных работников, существующие формы организации труда себя не оправдали, не дали ни экономического, ни социального эффекта, соответствующего современным требованиям научно-технического прогресса. Показателен в этом смысле факт: один работник сельского хозяйства России в состоянии прокормить 14,7 чел., в то время как в США этот показатель равен 1 : 79, а в Израиле — 1 : 95.

Решая вопросы организации труда, обратим внимание на ***выращивание новых форм производственных отношений.*** Радикальные изменения в аграрной сфере в 1990-е гг. привели к появлению объединений, комплексов, где сельское хозяйство начало сочетаться с переработкой его продукции, где рационально используются трудовые ресурсы при обеспечении более эффективной связи с городом, с промышленностью. В то же время очевидно, что все в конечном счете замыкается на человеке, на его желании или нежелании постоянно и высокопроизводительно трудиться.

В результате изменений, которые происходят в сфере производства, в сельском хозяйстве к началу XXI в. образовалась чудовищная смесь прежних и вновь формирующихся трудовых отношений. С одной стороны, деревню толкают на возрождение самостоятельных крестьянских хозяйств: если жители села получат землю согласно закону об обороте сельскохозяйственных угодий, будет обеспечена социальная жизнь деревни. Но, с другой стороны,

несмотря ни на что, колхозно-кооперативная собственность далеко еще не исчерпала своих возможностей и по ряду показателей соответствует современным требованиям развития сельского хозяйства. Ущербная аграрная политика в 1990-х гг. привела к тому, что доля убыточных коллективных предприятий достигла максимума, поднявшись до 88%. Казалось, что это полный крах колхозно-совхозного уклада. Но уже в 1999 г. почти половина сельскохозяйственных предприятий стала рентабельной, и такое положение сохраняется и поныне. Поэтому вряд ли можно согласиться с противопоставлением различных форм владения и распоряжения землей: они проявляют себя только в сочетании друг с другом. О создании одинаковых возможностей для них ратовал 51% опрошенных в 1990 г. Не изменилась эта ситуация и позже, в начале 2000-х гг.

В современных условиях *остро стоит вопрос об индивидуальных формах ведения хозяйства*, о более эффективном и по-новому организованном участии горожан в производстве сельскохозяйственной продукции, в частности через развитие садоводческих кооперативов или организацию «зеленых цехов» предприятий перерабатывающей промышленности на базе нерентабельных или малорентабельных хозяйств.

Эффективную организацию труда, стимулирование предприимчивости сдерживает во многом окостенелость форм регулирования сельскохозяйственного производства. Жизнь требует более разумных моделей, позволяющих избавиться от бюрократизма, раскрыть потенциальные возможности крестьянина, преодолеть его отчуждение от земли и результатов своего труда. Однако реальность говорит об обратном: идет расхищение и так небогатых ресурсов, захват земель, вытеснение отечественной продукции зарубежными поставками аналогичных товаров. Поэтому неудивительно, что в ряде регионов страны произошли социальные конфликты: крестьяне потребовали возвращения к колхозной (кооперативной) форме собственности. Согласно социологическим исследованиям, 78% сельских жителей ратуют за коллективное хозяйство, 20 — за индивидуальное, 60% поддерживают государственную форму собственности, 33 — частную, 67% предпочитают гарантированный заработок и только 29% высказались за высокий доход с риском [Калугина, 2000].

При характеристике форм и методов рационального использования труда в сельском хозяйстве важно учитывать специфику этой отрасли. По сути, проблема в том, чтобы *существующее сезонное предложение рабочей силы было использовано наиболее выгодным для общества способом*. В свое время, анализируя ситуацию в России,

К. Маркс писал: «Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы». Это *проблема экономическая*, потому что речь идет о вовлечении в производство нового резерва рабочего времени, об использовании возможностей для роста национального дохода без больших централизованных капитальных вложений. Но в то же время это и *социальная проблема*, потому что речь идет о повышении материального благосостояния, об улучшении условий трудовой и повседневной жизни десятков миллионов людей.

Для социального развития села большое значение имеет *сочетание сельскохозяйственного и промышленного труда*. Его суть состоит в том, чтобы крестьяне также могли бы быть заняты в промышленном производстве и на промыслах. Однако это сочетание обеспечено очень слабо. В работе подсобных промышленных предприятий занято незначительное число людей, а затраты на них не превышают нескольких процентов всех годовых затрат труда в общественном хозяйстве.

Еще в меньшей мере используется труд крестьян в различных промыслах. Имевшие ранее место ошибочные установки привели к тому, что эти промыслы постепенно пришли в упадок и в конце концов были почти полностью ликвидированы. Это пагубно отразилось на финансовом положении села, а в социальном отношении привело к тому, что страна лишилась большого количества изделий, удовлетворяющих бытовые нужды населения. В результате неполно использовались трудовые ресурсы села, велики были потери доходов, которые приносили эти промыслы при реализации продукции как внутри страны, так и за рубежом.

Большую и сложную часть социального развития села представляют ***совершенствование крестьянского быта***, повышение культурного обслуживания сельского населения и изменение крестьянской психологии. Анализ показывает, что материальная основа крестьянской жизни осталась во многом такой же, как и прежде. Для повседневного уклада крестьянина все еще характерна высокая степень консерватизма. Формы удовлетворения бытовых потребностей меняются очень медленно.

Новые тенденции в переустройстве быта деревни сплошь и рядом соседствуют с вековыми, устаревшими обычаями, технической беспомощностью и несостоятельностью. Используя современные строительные материалы, в деревне часто возводят все те же хаты,

нередко неуютные, не соответствующие техническим и санитарно-гигиеническим требованиям. Новое жилище крестьянина мало соответствует современным стандартам, плохо приспособлено к современным условиям жизни.

Особо трудные проблемы стоит перед *сферой культуры на селе*. В 1970-е — начале 1980-х гг. клубы (непосредственно в своей деревне, селе) имели 84% населенных пунктов, а библиотеки — 34% [Тапилина, 2001]. К середине 1990-х гг. эта ситуация обострилась — многие библиотеки и клубы просто прекратили свое существование: государство не могло их поддержать, а большинство сельских производственных организаций находились на грани выживания. Экономическая целесообразность вступила в противоречие с социальной — многие сельские жители лишены возможности регулярно удовлетворить духовные потребности.

Отстают от общих по России показателей и другие характеристики развития села: школы не обеспечены кадрами учителей, невелика сеть музыкальных, художественных и других специализированных учреждений, не развита сеть дошкольного воспитания. Неудовлетворительно решаются и вопросы здравоохранения. На низком уровне находится обеспеченность врачами. И самое главное — большинство жителей села сориентированы в основном на помощь со стороны городских больниц и поликлиник или на самолечение.

Особое место в жизни села занимает *деятельность сельской интеллигенции как важной социальной силы*. Сельский учитель еще со времен земства олицетворял все функции интеллигенции, был универсалом: и просветителем, и фельдшером, и агрономом, и советчиком крестьянина во всех его делах. Постепенно село пополнили другие группы представителей умственного труда — специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, культпросветработники и т.д. В тех случаях, когда промышленность, строительство становились частью сельской жизни, интеллигенции была представлена и инженерными кадрами. Но чем больше деревня насыщалась работниками умственного труда, тем меньше она дорожила ими и тем слабее они исповедовали идею служить людям там, где трудятся. Интеллигенция еще более стремительно, чем сами крестьяне, вымывалась из сельской жизни. А пополнение ее рядов из выпускников вузов и техникумов походило на черпание воды решетом.

Все большее отставание деревни от потребностей времени становилось устойчивой тенденцией. В 1990-е гг. многие сельские ин-

теллигенты, особенно те, кто имел сельскохозяйственные профессии, вышли из колхозов и совхозов и пытались проявить себя самостоятельно как фермеры. Этим актом оголялось руководство сельхозпредприятий, что еще больше ухудшало и без того непростую социально-экономическую ситуацию. Все это не могло не сказаться на процессе постепенной деградации деревни как в производственном, так и в духовном аспекте.

Отдельные позитивные примеры никак не решали проблему в целом: жизнь на селе теряла притягательность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Иначе говоря, качество трудоспособного населения стремительно ухудшалось. Не случайно 40% опрошенных в 1990—2000-х гг. крестьян не желают, чтобы дети унаследовали их социальный и имущественный статус. Более того, в этом же исследовании было выявлено серьезное ухудшение экономического положения, социальной защищенности сельских жителей, перспектив и уверенности в будущем (Великий, 1995; Хагуров, 2002).

Одним из серьезных изменений и сдвигов в социальном настроении на селе является *поведение подрастающего поколения, определяющего перспективы своей жизни*. Анализ сочинений старшеклассников в селах ряда краев и областей показал, что становится все меньше и меньше желающих выбрать профессию, связанную с возможной жизнью сельского труженика или интеллигента.

Ситуация в деревне словно еще раз наглядно подчеркивает реальность «идиотизма» деревенской жизни. А это не может не фиксироваться в общественном сознании, не противопоставляться жизни в городе и не приводить к выводам не в пользу сельской судьбы. Оценивая итоги, можно сделать вывод, что на селе сложилась парадоксальная ситуация: 1) произошла экспансия мелкотоварного производства, когда не акционированные и не фермерские хозяйства стали ведущими секторами сельскохозяйственного производства, а индивидуальные подсобные хозяйства; 2) вместо неэффективного государственного сектора общество получило неэффективный частный сектор, так как не заработал ни экономический, ни правовой, ни социальный механизм реализации права собственности на земельные доли и имущественные паи; 3) земельная реформа не только не содействует формированию рыночного сознания и поведения, но и разрушает трудовую мотивацию, ибо заработная плата перестала быть основным источником существования; 4) вопреки всем декларациям и обещаниям государственной власти произошло резкое обнищание сельского населения, деградация социальной сферы (Калугина, 2000).

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология села?
2. В чем состоят основные социально-экономические проблемы села?
3. Какие формы собственности и формы хозяйствования на селе существуют в современной деревне?
4. Какие изменения произошли в поселенческой структуре в сельской местности в XX в.?
5. Охарактеризуйте культурную жизнь села.
6. В чем проявляется устойчивость традиций и обычаев на селе?
7. К каким парадоксам привели сельскохозяйственные реформы в России в 1990-е гг.?

Темы для рефератов

1. Характеристика жизни крестьян в работах российских социологов.
2. Судьбы сельского учительства.
3. Причины и эффективность многообразия форм хозяйствования в 1920-е гг.
4. Колхозная собственность: замыслы и реальность.
5. Эволюция крестьянского сознания в XX в.
6. Фермерство и перспективы его развития.
7. Культурная среда современной деревни: состояние, проблемы, перспективы.
8. Личное подсобное хозяйство: причины живучести.
9. Особенности сознания и поведения современной сельской молодежи.

Глава 10

Экологическая социология (экосоциология)

Экологическая социология прошла сложный и трудный путь своего становления и окончательно сложилась (хотя и продолжают существовать несколько параллельных, но взаимосвязанных концепций) во второй половине XX в. В своем развитии она прошла три этапа: *человеческая и городская экология* в 1920—1930-е гг.; *социология экологических проблем*, которые по-разному решались в США, Западной Европе, СССР, — в 1960—1970-е гг. и собственно *экологическая социология* (*экосоциология*), возникшая как осмысление идей Римского клуба, идей Комиссии ООН по устойчивому развитию («Наше общее будущее»), а также крупных глобальных или региональных изменений и событий (катастроф), возникших под совокупным воздействием индустриализации, урбанизации и роста народонаселения (Яницкий, 2002).

С конца XIX — начала XX в., когда проблемы экологии начали становиться предметом общественных дебатов, ими занимались ученые самых различных направлений. Естествоиспытатели представлены В.В. Докучаевым, В.И. Вернадским, позднее Н.Н. Моисеевым, В.А. Коптюгом, А.А. Яблоковым, А.Л. Яншиным и др.). Философскую и социологическую мысль олицетворяли многие исследователи (см. библиографический список).

Исходя из концепции социологии жизни, ***экологическая социология сосредоточивает свое внимание на проблемах экологического сознания и соответствующей деятельности с учетом конкретной социально-экономической ситуации.*** Представляет интерес *деятельность экологических организаций* (экологического авангарда), которые активно отстаивают позиции экологического благополучия в мире, в отдельных странах и регионах. Кроме того, важно оценить *экологические позиции* тех социальных сил, которые представляют интересы государства и хозяйственных субъектов на федеральном, региональном и местном уровнях.

10.1. Экологические проблемы современности и роль социологии в их познании

Экологическая ситуация — одна из самых острых проблем для России, причем не только для индустриально развитых центров, но

и для всех без исключения регионов, в том числе и сугубо сельскохозяйственных. В основе разбалансированности взаимоотношений человека и природы, человека и окружающей среды лежат серьезные просчеты научного, политического и практического характера. И хотя многое сделано для рационального использования природных ресурсов, для озеленения городов и рабочих поселков, создании заповедников и национальных парков, отношение к окружающей среде было недальновидным, а нередко и безответственным (Коптюг, 1993).

Главные компоненты экологического равновесия — воздух, вода, почва — оказались настолько загрязненными, что нанесенный ущерб здоровью человека и среде его обитания уже невосполним. Так, свыше 100 городов России экологически неблагополучны. Немало индустриальных районов превысили все допустимые нормативы загрязнения среды обитания.

Что касается ***воздуха***, то еще значительное количество предприятий не обеспечено необходимыми средствами контроля за его чистотой. Например, в 1995 г. лишь стационарные источники загрязнения выбросили в атмосферу 21,3 млн т вещести (в 2000-е гг. — 19—20,6 млн т ежегодно). Произошло увеличение сточных вод с 24,5 в 1995 г. до 36,1 млрд $м^3$ в 2009 г. При этом произошло сокращение выбросов от стационарных источников (из-за закрытия многих производств). Особенно опасным источником загрязнения воздуха продолжает оставаться автотранспорт, на долю которого падает почти половина всех отравляющих веществ.

И даже там, где предусматриваются меры по контролю за чистотой воздуха, его качество продолжает оставаться низким. Так, на газоочистных сооружениях предприятий пока в основном улавливаются твердые вещества. Газообразные и жидкие вредные вещества обезвреживаются не полностью. Некоторые предприятия допускают аварийные залповые выбросы вредных веществ. Из-за несовершенства промышленной вентиляции миллионы людей на производстве дышат отравленным воздухом. С этим фактором связана почти половина всех профессиональных заболеваний.

Социологические опросы стали фиксировать озабоченность людей по поводу того, что «нечем дышать». 52—58% людей не удовлетворены состоянием окружающей среды там, где они живут (данные ВЦИОМ).

Экологической проблемой крупного масштаба является охрана ***водного бассейна***. Частые осложнения объясняются, прежде всего, хищническим и неразумным его использованием, которое особенно проявилось в случае с Аральским морем, а также при строительстве гидроэлектростанций. Отмечается отравление водоемов ядохимика-

тами при обработке сельскохозяйственных площадей и лесных массивов. По данным Фонда дикой природы, за последнюю треть XX в. количество рыбы в Атлантике сократилось в 4,5 раза, биоразнообразие в морях — на одну треть, а в пресных водах — на 55%.

Для повышения урожайности, по данным ученых, в 1970-х гг. ежегодно в мире рассеивалось 300 млн т минеральных удобрений и 4 млн т ядохимикатов. Уже сейчас видны негативные последствия их применения: ухудшилось качество пищи; продуктивность планктона, от которого зависят все формы жизни в Мировом океане, снизилась на 50—90%. В результате во второй половине XX в. в мире уничтожена 1/3 естественного биоценоза.

В 2009 г. общий объем использования воды достиг 57,7 км^3. Обострение ситуации с окружающей средой даже в ранее благополучных регионах, таких как Центральная Россия и Урал, привело к тому, что общественное сознание стало просыпаться, подняв население на борьбу за охрану сначала притоков Днепра (программа «Десна»), затем Байкала, Волги, Каспийского моря, северных рек. По-прежнему остро обсуждается вопрос об использовании стока северных рек для южных районов страны и стран СНГ.

Что касается ***почвы***, то она во многих регионах не соответствует гигиеническим нормативам по санитарно-химическим, микробиологическим, а также по паразитологическим показателям, а также по содержанию радиоактивных веществ[1]. В районах сельскохозяйственного назначения почва потеряла большое количество гумуса, в результате чего произошло ее истощение. В городах и вблизи них почва на значительную глубину поражена отходами быта и производств. В зонах отдыха она зачастую не выдерживает напряжения от огромных потоков отдыхающих и варварского отношения к природе.

В общественном мнении оценка роли и значения почвы, пожалуй, впервые в 1960—1970-х гг. произошла при обсуждении проблем Севера, тундры и лесотундры, а также целинных земель, где хозяйственная деятельность нанесла природе такие раны, что они могут быть залечены лишь в течение десятилетий. Резко изменилась позиция в отношении терриконов, отвалов от шахт, отходов производственной и бытовой жизни человека.

Все возрастающей опасностью становится ***увеличение объемов отходов производства и потребления***. Только с 2004 по 2009 г. их количество возросло на 35% — с 2644 млн т до 3505 млн т. Они снижают санитарную безопасность городов и поселков, засоряют

[1] См. подробнее: *Социальное положение и уровень жизни населения России*. М., 2010. С. 465.

огромные площади около них, являются источниками пожаров, отравления воздушного и водного бассейнов. В то же время они могут быть основой для переработки и получения необходимых предметов использования в производственной и личной жизни. Но вместо рачительного поведения обществу пользуется только негативными последствиями.

Особого внимания требует к себе сохранение ***животного мира***. По последним данным, каждый день на нашей планете вымирает один вид живых организмов. По оценкам Всемирного фонда диких животных, к началу 2-го тысячелетия исчезло совсем или резко сократилось количество горилл, носорогов, бенгальских тигров, орангутанов. Скорость вымирания живых организмов неуклонно возрастает. Общее количество видов, которые исчезли к XX в., оценивается в 1 млн (из существующих 10 млн).

Если говорить о ***растительном мире***, то каждый год с лица Земли исчезает 11,5 млн га леса, на каждые десять срубленных деревьев приходится только одно посаженное. Это привело к тому, что площадь лесов за последние 30 лет XX в. сократилось на 12%. А хищнические вырубки в условиях диких рыночных отношений в 1990–2000-е гг. привели к тому, что во многих районах Сибири и Дальнего Востока запасы товарного леса уже истощаются. Следствием этого стало то, что в результате вырубки лесов к концу XX столетия исчезло от 10 до 20% животных и птиц. Немалое значение приобрел урон от лесных пожаров, которые во многом носили рукотворный характер — от официально-рыночных решений до безответственного поведения людей.

Все эти негативные процессы усугубляются потребительским отношением к природе, ее дарам, ее красоте. В большинстве случаев в конфликтах с природой повинны не техника, не производство само по себе, а *неспособность, нежелание и часто нежелание (в силу тех или иных причин) наилучшим образом организовать деятельность человека*.

Для социологии принципиальное значение имеет идея, что ***природа есть тело человека***. А человек должен заботиться о своем теле. «...На каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять» (К. Маркс).

Именно человек является определяющим фактором в установлении рациональных взаимоотношений с природой. Поэтому наряду с

технологическими, организационными, экономическими проблемами многое зависит от ***экологического сознания, поведения людей***. Их функционирование трудно представить без такого необходимого и очень важного качества, как обостренное чувство гражданственности в отношениях с природой (Гирусов, 1976).

В современную эпоху роль экологического сознания и поведения становится настолько значительной, что они приобретают *общепланетарные черты*. Экологические проблемы уже не ограничиваются государственно-территориальными границами. Урок Чернобыля (1986), а потом Фукусимы (2011) имеет четко выраженный социальный оттенок, поскольку речь идет о людях не только одного общества и одного поколения. Поэтому формирование экологического мышления, вооружение людей знаниями — дело всего общества, всех наук о природе и обществе, в том числе и социологии.

10.2. Состояние экологического сознания

Современное экологическое сознание характеризуется следующими особенностями.

1. ***Оно является потребительским, базируется на глубоком убеждении в неисчерпаемости даров Земли***. Лишь в 1960—1970-х гг. стала осознаваться невосполнимость природных богатств и ограниченность ресурсов. Общественность убедилась в истощении нефтяных запасов. При всей огромной величине наших земель, особенно пахотных, они оказались тоже небеспредельными. Так, в результате интенсивного промышленного строительства, роста городов и других причин количество земли на 1 жителя серьезно уменьшилось и в настоящее время составляет 0,8 га.

2. ***Люди продолжают неоправданно возлагать надежды на то, что природа сама справится с негативными воздействиями***. В течение многих сотен лет сознание человека лишь фиксировало стихийно складывающиеся процессы взаимодействия общества и природы, ибо негативные его аспекты были незначительны и многие из них проявлялись через длительный период. Например, хищническое землепользование в Средней Азии, в Калмыкии, на Северном Кавказе привело к распространению пустынь, возникновению песчаных бурь, обмелению и исчезновению рек и других водных источников.

Еще в недавнем прошлом мы гордились дымом заводских труб, поднимавшихся над степью или городской окраиной. Эти трубы были символом успехов, мощи в развитии промышленности, народного хозяйства. Однако в современных условиях воздействие

человека на окружающую природу превысило те возможности, которыми обладает природа по естественной защите водного и воздушного бассейна, суши, лесов, степей и т.д.

3. Общественное сознание поражено благодушием. И пусть не покажется странным, но в условиях нашей страны, где человеку вроде бы было предоставлено право пользоваться во всем объеме тем, чем богато общество, нет ограничителей в виде крупных санкций за нарушения природопользования. Именно поэтому сознательное начало, постоянное обращение к разуму и чувствам человека предстоит дополнить механизмом принудительного воздействия на антиэкологическое поведение (Сосунова, 2008).

Вместе с тем в борьбе за сохранение окружающей среды экологическое сознание постепенно мужает, учится отстаивать свои позиции и мобилизовывать общественное мнение. В частности, опыт выступлений в защиту Байкала в немалой степени помог в борьбе против проекта переброски северных рек, вод Печоры в Волгу, против бездумного расходования миллиардных средств на мелиорацию бывшим Министерством водного хозяйства. Была осознана и ущербность массового осушения болот в Московской и других областях Центральной России.

Новые сдвиги в экологическом сознании проявились в стремительном развитии дачных и садово-огородных кооперативов. Возрожденная жажда общения с первозданной природой, с чистым воздухом и водой, возможность приложить силы для сохранения и приумножения богатства земли все больше определяют поведение людей. В настоящее время многие говорят о зове природы, который чувствует и испытывает практически каждый человек. Это вполне естественно. Потребность общения с природой находит свое выражение в различных формах, в садоводчестве, в массовом развитии туризма. Однако, являясь объективным требованием времени, они не должны нарушать равновесия между желаниями людей и возможностями природы.

Иначе говоря, экологическое сознание представляет собой противоречивое явление, в котором тесно переплетаются как позитивные, так и негативные процессы. Много еще равнодушия, самоуспокоенности, непонимания реальной опасности возможной экологической катастрофы. Именно поэтому так важно использовать жизненную энергию людей для экологического благополучия нынешнего и последующего поколений.

Этим озабочено и мировое общественное мнение: на конференции ЮНЕСКО в 1992 г. была обсуждена и в принципе одобрена Концепция устойчивого развития, которая охватывает все без

исключения стороны жизни человечества, базируясь на исходной методологической установке — обеспечить гармоничное взаимодействие природы и общества, смягчив нарастающие конфликты в отношении человека и общества с биосферой как на глобальном, так и на локальном уровне.

История человечества знает немало примеров, когда, используя природу, создавали бесплодные, враждебные людям пространства. Но сейчас, как никогда, нужно помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы, защищать ее, приумножать ее богатства. И в центре этих проблем лежат знания, опыт людей, их привязанность, любовь к природе.

Как показывают данные социологических исследований, очень многим людям не хватает знаний по экологии. И поныне сохраняется отношение к природе как к чему-то вечному, непреходящему и дарьковому. Это особенно ярко проявляется в противоречии между потребностью в бережном отношении к природе и реальным, практическим поведением людей. Они все еще рассматривают свои отношения с окружающим миром только как отношения «берущего» и «дающего».

В настоящее время существует *объективная необходимость добиться более глубокого познания экологических проблем, понимания существа происходящих в природе перемен — в этом и состоит основная задача экологического просвещения.* Так, уже в 1970-х гг. стал очевидным факт истощения озонового слоя, увеличении количества твердых частиц, находящихся в воздухе, продолжающейся концентрации углекислого газа и т.п. Все это, вместе взятое, влечет за собой неблагоприятные климатические изменения, имеет серьезные последствия для сельскохозяйственного производства. Все чаще мы узнаем о «кислых» или «ледяных» дождях, возникающих в результате перемещения сульфатов и нитратов, образующихся после сжигания используемого горючего.

Загрязнение морей и океанов ведет к гибели морских птиц и животных, к нарушению экологических связей во многих акваториях Мирового океана, особенно во внутренних морях.

Осушение болот и орошение также не проходят бесследно: с одной стороны, вовлечение в оборот новых земель приводит к нарушению веками сложившегося экологического равновесия, а с другой — нередко эти площади из-за эрозии, засоления, ощелачивания впоследствии исключаются из общего числа плодородных земель.

Экологические знания, информацию требуется довести до сознания каждого человека, чтобы они, дополненные социальным опытом, помогали ему избавляться от негативных трафаретов и стереотипов поведения.

Анализ показывает, что большой вклад в осуществление экологического просвещения и воспитания вносит *семья, в которой начинает формироваться отношение человека к окружающей природе*. Вырастет ли из малыша созидатель или потребитель, в значительной мере зависит от родителей. Причем, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, ребенок в сельской местности лучше относится к природе, чем его сверстник в городе. Срабатывает извечная привычка быть бережным ко всему, что останется после тебя завтра, через год, следующему поколению. В то же время некоторые исследователи (Томилин, 1995) фиксируют, что в связи с внедрением машинной технологии в сельскохозяйственное производство экологическое сознание жителей деревни, утратив прежнюю этику землепользования, не приобрело новой, в результате чего оно имеет крайне низкий уровень культуры.

Уважение к природе складывается из мелочей, из повседневного с ней общения. Нужно, чтобы человек с детства запомнил, что нельзя выдирать ландыш с корнем, рвать все цветы подряд, оголяя луга и окрестности. Надо научить его видеть в природе не только среду обитания, но и ее красоту, хрупкость и часто невосполнимость.

Очень много упреков в этом отношении можно адресовать *школе, учебным заведениям*. И хотя в школе, да и в высших учебных заведениях преподается специальный предмет, посвященный экологии, задача стоит шире — будущий гражданин должен осознавать ответственность за свое отношение к природе, проявляющееся в каждом поступке.

Особое значение экологический аспект приобретает в *профессиональной подготовке*: будущий специалист должен знать, что он может сделать для успешного взаимодействия человека и природы, как стать рачительным и бережливым хозяином по отношению к окружающей среде. Однако экологическое сознание специалистов очень часто примитивно или просто беззаботно, когда они осуществляют производственную деятельность.

Не может не беспокоить то обстоятельство, что у подавляющего большинства людей еще не находят должного отклика призывы беречь окружающую природу, сохранять животный и растительный мир. До сознания не каждого человека дошла идея, что у природы не всегда хватает сил возместить ущерб, даже невзначай нанесенный ей. Особенно это касается населения крупных городов. При интенсивном воздействии природа уже не в силах восстановить и возродить утраченное. Вот почему экологическое сознание может окончательно оформироваться лишь тогда, когда человек осмысленно реализует в своей жизни объективные потребности экологического развития.

10.3. Пути формирования экологической культуры

Во второй половине XX в. весь мир стал осознавать всю пагубность экологического невежества, творимого человеком во имя погони за все расширяющимся потреблением, развитием промышленного и сельскохозяйственного производства. Низкий уровень экологической культуры проявился практически во всех аспектах: в *экологическом просвещении* (в знаниях о природе, о ее взаимосвязи с обществом, об изменении окружающей среды в процессе производственной деятельности, о взаимодействии компонентов системы «общество — природа — человек»); в *экологическом воспитании* (уважительное отношение к природе, личная ответственность за ее судьбу, понимание ее красоты и гуманистической сущности); в *экологическом поведении* (ориентация на гармонизацию отношений человека с природой, на активное содействие сбережению и приумножению ее богатств, а не на то, чтобы взять от природы побольше, не считаясь с ее ресурсами и возможностями). Трагичность многих экологических проблем высветили одну стратегическую идею: экологическая культура человека не может быть сформирована случайным образом, она нуждается в целенаправленном развитии, побуждающем людей к активным действиям по защите окружающей среды. В современных условиях ***состояние природной среды — критерий культурного уровня не только государства в целом, но и каждого гражданина в частности.***

Критерием эффективности экологической культуры нужно считать не только знания и приобретенные качества по охране окружающей среды, но и активное экологическое поведение, направленное на сбережение и приумножение природных богатств. Эта активность в современных условиях проявляется по-разному. Прежде всего, она отражается в росте заинтересованности людей в решении экологических проблем. Уже существуют различные формы «зеленого» движения, самодеятельных организаций, выступающих за соблюдение экологической культуры, против нарушения всеми участниками общественной жизни санитарных правил, против бездеятельности органов власти и наплевательского отношения к природной среде и среде обитания человека.

«Зеленое» движение прошло три стадии: на первой — ***природоохранной*** — его сторонники добивались создания национальных парков, заказников нетронутой природы, осуществления мер по максимальному сбережению того, что создано в процессе естественного развития земли; на второй — ***средозащитной*** — вырабатывались

активные меры, помогающие природе сохранить имеющееся или восстановить то, что в недавнем прошлом существовало в естественном виде — леса, озера, пруды и т.д.; на третьей — ***собственно экологической*** — «зеленое» движение выступило инициатором формирования активной экологической политики, которая в своей основе должна быть направлена на экономические, социальные и культурные изменения, необходимые для выживания человечества и сохранения природы.

Говоря о формах экологической культуры, О.Н. Яницкий выделяет консервационизм, экологизм, утилитаризм и глубокую экологию.

Консервационизм акцентирует внимание на культурных, этических и эстетических аспектах охраны природы, ратует за сохранение уникальных природных ландшафтов, именуемых памятниками природы. Консервационизм как движение был элитарным действием, направленным на создание национальных парков. ***Экологизм*** (биоцентризм), возникший под влиянием новой науки о растительных сообществах, стремился соединить охрану природы с целями эффективного хозяйствования. Была выдвинута идея заповедников как эталонов нетронутой природы, необходимых для научного развития сельскохозяйственного производства. ***Утилитаристы*** выдвинули лозунг «Природу — на службу человеку!». Согласно этой доктрине, заповедники не нужны и должны быть превращены в образцовые сельскохозяйственные предприятия. Утилитаризм господствует и поныне не только в России, но и в остальном мире. Альтернативой утилитаризму является ***глубокая экология***. Ее главные принципы: человек — часть природы, и они имеют равные права; нужна защита разнообразия и симбиозов в природе и обществе; необходимо оппонирование любым загрязнителям и расхитителям ресурсов; нужен учет сложности живых систем; нужны децентрализация и местная автономия.

Эти архетипы экологической культуры многократно опосредованы — городской и сельской культурой, политическим режимом, традициями и местными обычаями. Существенно, что названные типы культур не только берутся на вооружение различными социальными силами, но и выступают в роли ориентиров экологической политики. Одновременно эти типы служат идеологической основой и моральным оправданием действий «зеленых» партий и движений (Яницкий, 1996).

Но экологическая культура не будет полной, если ее не воспримут еще две активные социальные силы — ***государство*** и ***организаторы производства***. Их вклад в ее формирование можно выделить в виде важных акций. Так, одно из стратегических направлений —

это *внедрение малоотходных* и там, где это возможно, *безотходных технологических процессов*, которые позволяют сократить или полностью исключить загрязнение окружающей среды, обеспечить глубокую комплексную переработку первичного сырья, избежать отвалов промышленных предприятий, получив из них дополнительную продукцию, ибо из-за некомплексной переработки сырья пропадает большое количество ценных веществ. Не везде используются возможности утилизации полезных компонентов из промышленных отходов. Но это скорее говорит об уровне и зрелости экологического сознания конструкторов, технологов, руководителей производства.

И наконец, ***экологическая культура проявляется в поведении всех людей*** (а не только активистов «зеленого» движения или деятелей политики и производства). Люди по-разному участвуют в охране природной среды. Формы этого участия иногда трудно выделить из сферы трудовой или повседневной деятельности, ибо они часто выступают как момент этой деятельности. Бесспорно одно: общественное сознание — примерно 40% опрошенных — поддерживает «зеленую инициативу» (Сосунова, 2006). Однако нельзя ограничиться только этим. Ведь многие экологические процессы протекают вне зависимости от конкретного человека, общественных организаций, экологического просвещения и воспитания.

В настоящее время отношения между обществом и природой серьезно обострились, угрожая экологическому благополучию, здоровью и будущему людей. Особенно это характерно для регионов с высоким уровнем промышленного производства и индустриальным сельским хозяйством. *Основные трудности связаны с противоречиями, возникающими между проводимой экономической политикой и условиями, необходимыми для формирования экологической культуры.* Но их можно преодолеть. Деятельность по устранению возможных негативных экологических последствий на производстве проявляется по-разному: и в создании безотходной технологии, и в сооружении очистных сооружений, и в постоянном поиске средств предохранения от вредного побочного воздействия промышленных и сельскохозяйственных производств, в мобилизации общественного мнения против непродуманных экономических решений. Но в целом *экологическая ответственность специалистов и руководителей развита чрезвычайно плохо.* Академик И.В. Петрянов-Соколов еще в 1968 г., анализируя возрастающий объем дымовых и газовых выбросов, высказал идею, что загрязнение воды и воздуха — это результат действий, связанных либо с технической недоработкой, либо с небрежностью и безответственным проектированием, либо с технологической распущенностью.

Очень важно также устранить сложившееся противоречие между использованием окружающей, в основном природной, среды и отношением людей к характеру ее использования. В соответствии с этим в научной экологической политике находят отражение следующие моменты.

1. Очевидно и бесспорно, что соседство с живой природой, с представителями животного мира делает жизнь человека богаче, насыщеннее. И поэтому градостроители должны взять на вооружение один из принципов современной экологии, согласно которому устойчив и продуктивен мозаичный ландшафт, т.е. чередование преобразованных и естественных участков. Нельзя считать также окончательно отвергнутыми концепции «город-сад», «город-природа», «зеленый город» и т.д.

2. Создание заповедников, заказников, позволяя сохранить нетронутыми растительный и животный мир и защитить жизнь редких или исчезающих представителей фауны и флоры, нуждается в более согласованном развитии с хозяйственным освоением новых территорий, в рационализации взаимоотношений с продолжающейся модернизацией производства.

3. Огромную и всевозрастающую по своему значению роль играют природовосстановительные и природообогащающие работы: озеленение, садоводство, создание водоемов. Но посадить дерево — это, как известно, еще полдела. Главное — вырастить его. К сожалению, ставить знак равенства между числом высаженных и взрослых растений не приходится. Значительная часть деревьев, кустарников погибает в «младенческом» возрасте, а засеянные травой площадки не всегда превращаются в пушистые газоны. И такая ситуация часто объясняется не только недостатками агротехники, ухода, но и небрежным, а иногда и бездушным отношением жителей.

4. Забота об окружающей среде обходится дорого и не дает немедленного эффекта. С утилитарной точки зрения затраты на охрану природы и ее рекультивацию могут казаться нерентабельными. Но необходимо идти на них, так как жизнь, здоровье, работоспособность людей — это самые большие ценности общества, которое должно руководствоваться более широкими социальными критериями: заботой о создании здоровой жизненной среды не только для современного, но и будущих поколений.

Таким образом, противоречие между экологическим сознанием и поведением и реальным состоянием окружающей среды вполне разрешимо, если современная экологическая политика ***будет строиться на идеях гражданственности во взаимодействии человека, общества и природы как при решении крупных общегосударственных***

проблем, так и при осуществлении локальных мер по охране окружающей среды.

В настоящее время, в переломную эпоху в истории человечества, когда стихийная эволюция природы уступает место сознательному, целенаправленному ее регулированию, открываются реальные возможности для управления биосферой в интересах человека. Но непременной предпосылкой для этого служит научный подход к производственной деятельности и социальным отношениям. *Человечество может избавиться от экологического загрязнения, лишь избавившись от социального.*

Мир второй природы, расширяющаяся сфера научно-технической деятельности — это очеловеченная природа, предметно-развернутое богатство человеческого существования. Действенное разрешение антагонизма между человеком и природой может обеспечить только то общество, непременной характеристикой которого являются высокий уровень экологического сознания и готовность способствовать рациональному развитию окружающей среды.

Вопросы и задания для повторения

1. В чем сущность экологического сознания?
2. Когда и почему человечество стали волновать вопросы экологии?
3. Назовите основные проблемы, угрожающие экологическому равновесию на Земле.
4. Рассмотрите формы экологической культуры?
5. Какова роль семьи (школы, вуза, производственной организации) в воспитании рационального отношения к природе?
6. Охарактеризуйте стадии развития экологических движений, их успехи и ограничения.

Темы для рефератов

1. Экологическая ситуация в стране: состояние, проблемы и пути решения.
2. Характеристика состояния окружающей среды в республике (области, крае, городе, районе).
3. Концепция устойчивого развития и ее основные положения.
4. Состояние экологического сознания и тенденции его развития.
5. Экологические общественные движения («зеленое» движение).
6. Экологическая деятельность человека и его роль в охране окружающей среды.
7. Сущность и компоненты экологической культуры.

Раздел III

Социальная жизнь общества

Глава 11 Социальная структура

Глава 12 Этносоциология

Глава 13 Образ жизни

Глава 14 Социология семьи

Глава 15 Социология молодежи

Глава 16 Девиантное (отклоняющееся) поведение

Если сформулировать совокупность проблем, отраженных в понятии ***«социальная жизнь»***, то нужно отметить два момента: 1) социальная жизнь является рядоположенной с экономической, политической и духовной (т.е. она — не синоним общественной жизни); 2) она представляет собой ту сферу общественной жизни, которая характеризует социальное положение человека, его социальный статус, степень реализации его социальных ориентаций и его отношение к своей роли в социально-классовой структуре общества.

Социальное положение определяется отношением к функционирующим в обществе формам собственности. Оно характеризуется также уровнем благосостояния, местом в социально-демографической и социально-профессиональной структурах.

Что касается ***социального статуса***, то содержание обусловлено как объективными характеристиками, так и восприятием общественного положения человека, слоя или группы, а также объективными условиями, влияющими на изменение их места при распределении и потреблении материальных и духовных благ.

Учет не только объективных, но и субъективных факторов не случаен. Это особенно наглядно проявляется в понятии ***«социальная роль»***, которая трактуется как модель поведения, ориентированная на данный статус. Это своеобразный шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, предписанных данному статусу. В нормативной структуре роль включает в себя четыре конструктивных элемента: ***имя поведения*** (требуемый от лица в данной роли), ***предписание*** (требования в связи с данным поведением); ***оценка*** (в случае выполнении или невыполнении предписанной роли); ***санкция*** (поддержка или отвержение действий в рамках предписанной роли).

Анализ данных социологических исследований привел к введению в научный оборот таких понятий, как ***«социальное наследство»***, ***«жизненный путь»***, ***«социальный престиж»***, ***«трудовая карьера»*** и ряда других, которые всегда связывались с социальным положением человека, классов, групп и слоев населения. Выход на этот уровень анализа обогащает наше представление о социальных отношениях, позволяет полнее увидеть их многообразие, их сложную структуру, отражающую взаимодействие как материальных, так и духовных аспектов жизни.

При анализе социологических проблем социальной жизни особенно важна оценка ***социальной справедливости***, которая содержит в себе восприятие каждым человека жизненных проблем, а также имеющихся в обществе возможностей по их решению при одновременном сравнении своего образа жизни с образом жизни в различных социально-экономических условиях. Понимание людьми социальной справедливости важно и с научной точки зрения: оно позволяет выразить научно обоснованные критерии в количественных и качественных показателях, представить уровень и глубину дифференциации социальной жизни.

Изложение материала в данном разделе подчинено еще одной цели — преодолению имеющейся в научной литературе традиции рассматривать социальную жизнь в таком ракурсе, когда внимание концентрируется на том, *что человек получает от общества, какие блага изымаются в его распоряжение*. Подчеркивая роль и значение уровня жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, сторонники такого подхода способствовали культивированию своеобразной «идеологии потребительства», когда акцент делался на том, что человек может получить от общества, а не на том, что отдача должна базироваться на вкладе каждого индивида в повышение и рост национального богатства, действенность и величина которого измеряются личным благополучием человека.

В этой связи следует напомнить, что в 1950—1960-е гг. в западной социологии была распространена концепция «общества потребления», которая впоследствии была заменена «обществом благосостояния» («благоденствия»). «...Современный капитализм, — писал в "Здоровом обществе" Э. Фромм, — нуждается в людях, которые хотят потреблять все больше, чей вкус стандартизирован и легко управляем и предвидим... Человеческое счастье сегодня означает потреблять и принимать: товары, зрительные представления, пищу, напитки, сигареты, людей, лекции, книги, фильмы — все потребляется, все "заглатывается". Мир — это единственно большой объект для нашего вкуса, мы — те, кто вечно ждет обмена и приема, обмена и потребления; все — духовные объекты так же, как и материальные, — становится объектом обмена и потребления». Эта концепция была подвергнута критике и затем отвергнута как не отражающая в полной мере существенных сторон жизни человека, необходимых для общества.

Анализируя многообразие социальной жизни и тенденции ее развития, следует отметить *немалую роль косвенных рычагов воздействия на сознание и поведение* человека. Изучение социальных процессов и явлений показывает, что на сознание и поведение людей большое, а иногда и решающее влияние оказывают доход, а также престиж профессии, место работы, степень доступности тех или иных товаров и услуг. Использование этих рычагов ведет к тому, что общественное мнение, общественное сознание стимулируют решимость людей содействовать социальным нововведениям или игнорировать и даже противостоять им.

Анализ сущности, содержания и целей поведения в социальной сфере позволяет сделать вывод, что оно представляет собой *деятельность по использованию материальных и духовных благ в тесной связи с социально-классовым положением* человека. По мере исторического развития оно означает непрерывный процесс накопления индивидуальных и общественных богатств, участие в их приумножении, что, однако, еще не свидетельствует о равных возможностях, доступности в их распределении и потреблении. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях рыночных отношений.

Социологический анализ социальной жизни (начиная с социальной структуры и завершая отклоняющимся поведением) охватывает широкий круг проблем повседневной жизни и самые животрепещущие вопросы. Именно особая значимость этих проблем стала одной из причин их абсолютизации, что нередко сводило социологию только к объяснению роли и значения «социального».

Данный раздел представлен основными темами, по которым уже осуществлена определенная теоретическая и прикладная разработка. Вместе с тем ряд направлений остался за пределами данного анализа — здоровье, отдых, досуг, социальные проблемы геронтологии, спорт.

Необходимо особо отметить, что анализ социальной жизни самым непосредственным образом *связан с проблемами становления гражданского общества, со стремлением людей сравнивать свой образ жизни с образом жизни предшествующих поколений и в не меньшей мере с социальными возможностями отдаленных групп людей, в том числе и живущих в других странах.*

Таким образом, анализ социальной жизни предполагает расчленение социального целого на взаимозависимые элементы, охватывающие не только состояние социальной структуры, но и ее динамику, возникновение новых ролей, статусов, новых характеристик социального положения людей.

Глава 11

Социальная структура

Социальная структура — одно из самых распространенных, широко используемых понятий в социологии. Более того, в творчестве ряда исследователей социальная структура является настолько важной категорией, что позволяет ее идентифицировать с предметом социологической науки.

Население с момента появления человека на исторической арене всегда подразделялось на социальные группы, слои, сообщества. Можно привести в пример деление людей на касты в Древней Индии (в известной мере сохраняющееся до сих пор), в Древней Греции или Древнем Риме, средневековую градацию на сословия, корпорации и «цеха» в странах Запада и Востока, классы, появившиеся с возникновением капиталистического общества. Что касается России, то до начала XX в. существовала преимущественно сословная дифференциация. В 1737—1842 гг. учитывалось семь важнейших сословных групп, в 1843—1861 гг. — шесть, а после 1861 г. — пять: духовные, военные, статские, городские и крестьянские. Нужно отметить, что переписи населения в России в 1897, 1920, 1923 (только городского населения), 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. вносили коррективы в представления о социальной структуре.

В социологии понятие ***«социальная структура»*** трактуется в широком и узком смыслах. В *широком смысле* под ней понимается деление общества на сферы жизни людей (экономическую, социальную, политическую, духовную), на производство, обмен, распределение и потребление, в *узком смысле* — все значимые социальные различия между людьми в процессе их жизнедеятельности.

В классической социологии под социальной структурой понималась *статика*, т.е. характеристика социального положения людей в зависимости от пола, возраста, профессиональной, этнонациональной и религиозной принадлежности, территориально-поселенческого образа жизни (город, село), а также от форм причастности к собственности и способам распределения национального продукта. С именем П.А. Сорокина связан следующий шаг в представлении о социальной структуре — введение понятия ***«социальная стратификация»***, которое отражает динамику изменений социального состава населения уже на основе других показателей — дохода, причастности к

власти, уровня образования и социального престижа. Но так как социальная структура в ранее сложившемся смысле и социальная стратификация не оставались неизменными, то вполне естественно, что нужно рассмотреть и механизмы их изменения, что нашло отражение в *социальной мобильности*. Поэтому в данной главе рассматриваются три основные составляющие этой проблемы — социальная структура, социальная стратификация и социальная мобильность.

11.1. Понятие социальной структуры

То, что социальная структура является важной характеристикой социальной реальности, не подвергается сомнению. Однако ее интерпретации, ее трактовки существенно отличаются друг от друга. Если дать анализ имеющимся в науке подходам к анализу социальной структуры, то можно назвать следующие из них. Первоначально в классической социологии под социальной структурой понимали *классовую структуру*. В соответствии с этим **классы** — это большие группы людей, которые отличаются друг от друга по их месту в исторически определенной системе общественного производства, отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способам и размерам получения доли национального богатства.

Заслуга открытия классов и классовой борьбы принадлежит французским историкам конца XVIII — начала XIX в., которые пришли к выводу, что в истории борются большие группы людей. Именно на таком подходе акцентировал свое внимание К. Маркс, а впоследствии — В.И. Ленин. Особый подход к классам выразил М. Вебер: он сводил их признаки не только к отношениям собственности, а придавал большое значение причастности к власти. В труде «Система социологии» П. Сорокин дал обзор взглядов на понятие «класс». Во второй половине XX в. к этому понятию обращались Р. Дарендорф, Э. Гидденс, хотя они по-иному трактовали данное понятие (они претендовали на новую теорию классов). Однако классовый подход не всегда эвристичен, нередко отрицает возможность более дифференцированного представления о социальной структуре общества или вкладывает в нее содержание, которое трудно объяснить на языке эмпирической социологии.

О необходимости более дифференцированного подхода к социальной структуре наряду с классовым делением отечественные социологи стали говорить уже в 1960—1970-е гг., когда их исследования показали, что социальные различия внутри класса могут

быть более значительны, чем между отдельными группами разных классов и слоев. Например, рабочие высшей квалификации по многим социальным признакам ближе к инженерно-техническим работникам, чем с мало- или неквалифицированными группами рабочих этих же отраслей экономики (Руткевич, Филиппов, 1970).

Поэтому вполне правомерно, что начался поиск понятий, более адекватно отражающих многообразие социальной структуры, что нашло отражение в появлении таких понятий, как «средний класс», «социальная группа», «социальный слой», «социальная общность», «поколение», «когорта» и т.д. Что касается ***среднего класса***, то это понятие, механически перенесенное из западной социальной науки и некритически оцениваемой реальности, в отечественной социологии сведено в основном к различиям в доходах. Такая интерпретация упрощает и примитивизирует имеющуюся реальную жизнь, ибо характеристика этого понятия включает в себя помимо материального достатка образ жизни, степень причастности к общественным заботам, участие в управлении страной, регионом, местным сообществом и т.д.

Под ***социальной группой*** понимается совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих необходимую функцию в структуре общественного разделения труда, в образе жизни. Она является дробным составным элементом социально-профессиональной структуры (шахтеры, текстильщики, металлурги, учителя, ученые). Социальные группы имеют тенденцию, в свою очередь, дифференцироваться, усложняя и обогащая процесс сегментации (учителя — городские и деревенские, разных поколений, гуманитарии и естественники, государственных и частных школ и т.д.). Социальные группы могут также представлять организованные и стихийно сложившиеся объединения.

Под ***социальным слоем*** понимается социальная совокупность людей, характеризующаяся общими демографическими (молодежь, пенсионеры), поселенческими (горожане, сельские жители) чертами, а также обладающие определенным уровнем дохода (богатые, средний слой, бедные), характера и содержания труда (люди умственного и физического труда). В социальный слой могут входить представители различных социальных групп. Например, когда речь идет о таком социальном слое, как безработные, то он может включать в себя людей различных социальных групп.

Что касается ***социальной общности***, то она включает в себя признаки, которые имеют общую социально-экономическую, социально-политическую, культурную и социально-психологическую природу и характеризуют в большинстве своем общие черты

неструктурированной группы (поддерживающие те или иные мировоззренческие установки — либеральные, социалистические, националистические, религиозные), а также такие специфические группы, как *«челноки»* (их число в середине 1990-х гг., по экспертным оценкам, составляло до 5 млн чел.) или *«новые русские»*, которые символизируют не только богатство, но и специфические черты поведения, образа жизни и не менее специфическое отношение к ним общественного мнения.

Если термин *«когорта»* предназначается для описания жизненного пути группы людей (например, одного года рождения), то термин *«поколение»* охватывает характеристику жизни сменяющих в среднем через 25 лет слоев населения. В этой связи можно привести пять значений данного понятия.

Демографическое поколение означает совокупность сверстников, родившихся приблизительно в одно время и образующих возрастной слой населения. В зависимости от уровня рождаемости, а также иных обстоятельств — военных конфликтов, репрессий, эпидемий, стихийных бедствий, эмиграций — поколение может быть большим или малым по численности, с преобладанием тех или иных социальных групп. В нем бывают уничтожены слои, которые могли бы внести вклад в развитие культуры. Так возникает «пропавшая генерация», не реализовавшая свои возможности. *Антропологическое поколение* указывает на происхождение от общего предка и дает представление о генеалогии семьи. Сейчас немногие семьи знают свою историю, а дети редко могут назвать своих предков, их занятия, представить их жизнь и судьбу (по данным В.Э. Бойкова, в 2001 г. только 21% молодых людей могли назвать предков). Представить историю семьи через письма, дневники, фотографии как историю страны необычайно важно для духовно-нравственной жизнедеятельности личности. *Историческое поколение* охватывает отрезок времени, равный интервалу между рождением родителей и рождением их детей. Статистически этот период равен приблизительно 20—25 годам. Это означает, что одновременно в обществе живут четыре или даже пять поколений. В зависимости от условий жизни, генетической предрасположенности, продолжительности жизни число поколений может увеличиваться или сокращаться. *Хронологическое поколение* функционирует в такой период времени, в течение которого живет и активно действует данное поколение. Оно близко по значению к демографическому, но дает возможность представить судьбу именно данного поколения, пережившего на личном опыте уникальные, неповторимые события, оказавшие влияние на восприятие жизни. Мемуары, эпистолярное наследие, фотографии

дают возможность представить духовный мир и облик поколения. *Символическое поколение* означает общность современников, жизнь которых совпала с особым периодом истории, сделав именно их свидетелями и участниками уникальных событий, реформ, революций.

Каждое поколение создает устойчивые традиции, вызывает эмоциональную сопричастность в отношении к жизни, может разделять одни и те же цели, интересы, ценности и даже вкусы и предпочтения. Такие отношения складываются между поколениями в условиях относительной стабильности. Но так бывает не всегда. Импульс перемен вызывает порой критическое отношение ко всему предыдущему периоду, подвергает насмешкам старые идеалы, ценности и символы, высвечивает ничтожность ранее провозглашенных целей и бессмысленность жизненных усилий. Так бывало в периоды революций, противостояния Красной армии и Белого движения (1918—1922), во время студенческих волнений «новых левых» 1960-е гг. на Западе, в период перестройки и гласности в бывшем СССР. Это и сейчас свойственно российской действительности. Равную опасность представляет как бездумное восхваление прошлого, так и огульное его отрицание, желание «стереть» память о событиях истории, вычеркнуть их из жизни поколений, сделать историю «непредсказуемой».

Каждое поколение является ***как объектом взаимодействия предшествующих поколений, так и субъектом перемен, инициатором нового***. Однако при этом следует иметь в виду реальный груз прошлого, проявляющийся в инерции сознания, трудности освоения новой ситуации.

В зависимости от того, какой индикатор применяется в качестве главного, в структуре общества могут быть выделены следующие социальные группы, слои и общности: *социально-демографические* (мужчины и женщины, группы по возрасту — молодежь, пожилые), *социально-экономические* (рабочие, крестьяне, предприниматели, интеллигенция), *профессиональные* (учителя, инженеры, летчики, лесники и т.д.), *социально-территориальные* (жители города и села), *этнонациональные* (народность, нация, этнос), *конфессиональные* (христиане, мусульмане, буддисты) и др.

Таким образом, ***социальная структура*** — это *статика, характеризующая социальное положение по определенным статистически фиксированным показателям* (которые подвергаются и социологической интерпретации). Ее можно также представить в виде социально-экономической дифференциации по формам собственности и по отраслям национального хозяйства, которые реально существуют и соответственно учитываются по определенным параметрам.

Какова она на самом деле в современной России, показывают данные табл. 11.1 и 11.2.

Таблица 11.1. **Распределение занятых по отраслям национального хозяйства, % к итогу**

Отрасли хозяйства	*1992*	*1997*	*2001*	*2005*	*2010*
Всего в экономике	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Промышленность	29,6	23,0	22,5		31,9**
Сельское и лесное хозяйство	14,3	13,7	13,0	11,1	9,8
Строительство	11,0	8,8	7,6	7,4	7,8
Транспорт и связь	7,8	7,9	7,9	8,0	7,9
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	7,9	13,5	14,9	166	18,1
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	4,1	5,2	5,2		
Здравоохранение и социальные услуги	5,9	6,8	7,0	6,8	7,0
Образование	8,9	9,3	9,0	9,0	8,8
Культура и искусство	1,5	1,7	1,8		
Наука и научное обслуживание	3,2	2,2	1,9	1, 18	1,15*
Финансы, кредит, страхование	0,7	1,2	1,2	1,3	1,7
Управление	1,9	4,0	4,5	5,2	5,6
Другие отрасли	3,2	2,7	3,5	3,7	3,9

Источник. *Россия* в цифрах, 2002: Кр. стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. С. 80; Россия в цифрах, 2011. М., 2011. С. 96.

Примечание. * Данные 2007 г.; ** данные 2008 г., включая обрабатывающую промышленность, добычу полезных ископаемых, производство и распределение воды, электроэнергии, газа.

Показатели, представленные в таблицах, демонстрируют изменения, которые происходят в силу объективных обстоятельств в развитии ***социально-экономической структуры.*** Эти данные свидетельствуют, что за 1990-е гг. наиболее значительные изменения в структуре занятости коснулись управленческого аппарата (доля которого увеличилась с 2 до 8%), а также сферы торговли, сбыта и заготовок (с 7,9 до 12,9%). Если сгруппировать занятое население по секторам экономики, то в современной экономике 13% населения работают в сельском и лесном хозяйстве, 38 — в промышленности,

строительстве, на транспорте и в связи и более 20% — в сфере услуг. Появились и новые социальные группы и слои, которых не было ранее в советском обществе (фермеры, предприниматели) или существовали в зачаточном состоянии (сфера банковского дела, финансов и кредита). Вместе с тем возрождение на новой основе некоторых ушедших в историю социальных групп, таких как капиталисты, наемные рабочие, ставит вопрос: а не происходит ли архаизация общества, хотя и в модифицированных формах?

Таблица 11.2. **Распределение занятых по формам собственности, % к итогу**

	1992	*1995*	*1998*	*2000*	*2005*	*2008*	*2010*
Всего в экономике	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
В том числе по формам собственности:							
государственная и муниципальная	68,9	42,1	38,1	37,8	33,7	31,5	30,9
частная	19,5	34,4	43,2	46,1	54,1	57,1	58,4
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,8	0,7	0,7	0,8	0,6	0,5	0,5
Смешанная российская	10,5	22,2	16,4	12,5	7,8	6,2	5,5
иностранная, совместная российская и иностранная	0,3	0,6	1,6	2,7	3,8	4,7	4,7

Источник: Россия в цифрах. 2011. С. 95.

Близко к социально-экономической структуре примыкает ***социально-профессиональная дифференциация***, когда она анализируется с позиций производственной квалификации. Поскольку профессий в настоящее время насчитывается свыше 5 тыс., то для их анализа применяются различные индикаторы, которые помогают объединить не просто профессиональные сходство и близость (так, в группу металлургов входит до 50 различных профессий), но и появление общих характеристик, что позволяет говорить о них как о социальном целом, имеющем общественно значимые черты. В условиях частной, акционерной и других форм собственности принадлежность

к одной профессии не может быть единым показателем, ибо эти формы накладывает серьезные различия на доходы, статус, престиж и другие характеристики одной и той же социально-профессиональной группы.

Важное место в социальной структуре играют ***социально-демографические «срезы»***, к которым обычно относят половозрастную, семейную и поколенческую структуры. Они олицетворяют условия и результаты процесса воспроизводства населения и его формирования как в обществе в целом, так и по отдельным территориям. Социально-демографические структуры выступают статистическими параметрами таких явлений, как рождаемость, смертность, брачность, миграционные процессы.

Половозрастная социальная структура населения может анализироваться либо по одному признаку (полу, возрасту, семейности), либо по всем одновременно. Многоаспектный анализ позволяет выявить соотношение между этими признаками в каждой возрастной группе. Половозрастная структура представляет собой важнейшую характеристику социального развития страны, ее трудового и демографического потенциала. Она нередко дополняется важным и очень значимым для любого общества показателем — состоянием семейно-брачных отношений, характеристикой воспроизводства новых поколений.

Значительный интерес представляет анализ таких групп, как молодежь, женщины, пенсионеры. Именно он породил специальные социологические теории — социологию молодежи, гендерную социологию, социальную геронтологию, социологию детства и т.д.

Социальная структура может рассматриваться и как ***социально-территориальная структура***, основным признаком которой является общность территории: горожане, сельские жители, население регионов (Сибири, европейской части, Дальнего Востока и т.д.). Социально-территориальная структура — это совокупность устойчивых общностей людей, формирующихся на основе условий жизнедеятельности в различных территориально-административных образованиях, и отношений между ними. Фиксируя принадлежность людей к различным поселениям и территориальным образованиям, социально-территориальная структура одновременно является основой для административной организации общества.

Господство экономических критериев размещения производства и расселения порождает неравномерность социально-экономического положения людей в пределах страны, на основе чего складывается социальная неравноценность условий жизнедеятельности в региональном

разрезе, формирование социально-территориальных различий. Кроме того, актуально рассмотрение специфических форм территориальной организации, которая порождает особые формы социальной структуры — жителей агломераций, пригородов, вахтовых поселков. Не меньший интерес представляет и анализ поселений беженцев и переселенцев, жителей общежитий (Кущев, 2001; Сухарев, 1990; Трушков 1987).

Наряду с названными возможны и ***специфические направления анализа социальной структуры***, которые отражают необходимость учета ее особенностей, как, например, силовых органов власти (армия, внутренние войска, МВД, органы государственной безопасности). Особую группу образуют социальные группы и общности, претендующие на выполнение особых функций (элита, кланы, касты, клики).

Специфическое место в социальной структуре занимают ***маргинальные слои***, которые характеризуются признаками аномии: утратив связь с прежней группой (например, выходцы из села), они долгое время не могут принять ценности и правила поведения, сложившиеся в окружающей среде. Характерной особенностью постсоветского развития стало появление групп ярко выраженного деклассированного характера. Так, продолжает быстро расти такая категория социально обездоленных, как новые бедные, которые сегодня являются реальной базой «социального дна» и нижнего слоя криминалитета. К маргинальным группам относят инвалидов, лиц без места жительства и определенных занятий, олицетворяющих процесс стигматизации общества.

При изучении социальной структуры нередко забывают об ***общностях, характеризующихся девиантным поведением*** (совершившие преступления, отбывающие наказание, алкоголики, наркоманы и т.д.). Как бы ни казались малочисленными такие группы, как бродяги, нищие, бомжи, бездомные, они реально живут среди нас, подобно другим социальным группам и слоям населения. Так, ядро контингента нищих снова, как и в дореволюционное время, составляют профессиональные нищие. По оценочным данным, их численность выросла в 7—8 раз за 1990—2000-е гг. и составляет около 300—350 тыс. чел.

В настоящее время в отечественной социологии ведутся дискуссии о ***среднем классе***, качественные критерии которого — это не только уровень доходов, но и стандарты поведения и потребления, уровень образования, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также влияние на политическую ситуацию в

стране, что делает его достаточно автономной и относительно независимой от государства частью общества.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что попытки некоторых современных бывших марксистов отказаться от понятия «класс» не имели успеха: значительная часть социологов продолжают его использовать, имея в виду под этим понятием большие социальные группы людей, которые оказывают решающее влияние на происходящие в обществе процессы.

Не менее примечателен и такой факт, что после слома социальной структуры советского периода, а потом наступившего процесса формирования новых социальных групп, в 2000-е годы социальная структура приобрела еще большую жесткость, чем ранее, формируя устойчивые социальные перегородки между людьми.

Таким образом, социальная структура общества представлена *классами, слоями, группами, общностями и объединениями на основе одного или чаще нескольких признаков и различаемых по их общественному положению с учетом субъективного восприятия своего социального положения*. Каждый из этих элементов, в свою очередь, является сложным образованием, обладающим внутренним строением, образующем целостность, в которой совмещены объективные и субъективные характеристики.

11.2. Социальная стратификация и ее критерии

Социальная стратификация — это *характеристика динамики (направлений и факторов изменения) социальной структуры общества*. Как говорилось выше, классическая социология удовлетворялась фиксацией основных характеристик, которые описывали статистически значимые показатели социального положения людей. Но при таком подходе в стороне оставались качественные характеристики, которые показывают реальное, действительное место людей в социальной жизни общества. Поэтому трудно переоценить открытие П.А. Сорокина, который в 1920-е гг. предложил рассматривать социальное положение людей через другие показатели, которые он назвал социальной стратификацией.

Согласно П.А. Сорокину, ***стратификация*** — это *дифференциация некоей совокупности людей (населения) в иерархическом плане, что находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — социальное неравенство, которое проявляется в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и*

обязанности, наличие или отсутствие социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества.

Иными словами, социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое открывает (или не открывает) доступ к более широким социальным возможностям, социальным и политическим ресурсам. Как выразился Хирш, «что может достичь каждый, не могут достичь все» (Социальные пределы роста, 1977).

Из этого вытекает принципиальное различие понятий социальная структура и социальная стратификация (рис 11.1). Если для социальной структуры важнейшими показателями являются причастность к деятельности в той или иной сфере общественной жизни, а также профессия, пол, возраст, место проживания и т.д., то для социальной стратификации основными показателями являются социальный статус, престиж, оценка и самооценка социального положения.

Рис. 11.1. **Основные показатели социальной структуры и социальной стратификации**

В отличие от социального положения ***социальный статус*** формируется в процессе сознательной деятельности под воздействием объективных условий. Он фиксирует дифференциацию населения по доходам (*экономическая стратификация*), по причастности к власти (*политическая стратификация*), по должности (*социально-статусная стратификация*), по уровню профессиона-

лизма и знаниям (*профессиональная стратификация*). Статусные группы далеко не всегда совпадают с социальными группами, слоями, общностями. Более того, в каждой из них могут существовать свои различные статусные подгруппы (о чем писал еще М. Вебер), которые дифференцируют, сегментируют их по другим основаниям в отличие от социальной структуры.

Что касается *уровня дохода (богатства)*, то оно определяется, во-первых, по децильным показателям (сравнение 10% населения с высокими и низкими доходами показывает, по официальным данным, соотношение 1 : 18, а по экспертным оценкам — 1 : 30 и даже 1 : 50, например, в Москве), во-вторых, по самоидентификации людей к той или иной группе населения. Следует учесть и такую специфическую особенность, что рост доходов части населения продиктован тем, что средние слои повысили свой доход не столько за счет оплаты труда на основной работе, сколько за вторичную занятость, за совмещение основной и дополнительной работы. В целом же ареал бедности и социальной неустойчивости сохраняется, ибо номинальный рост доходов населения не отражает стагнации или даже их реального уменьшения.

Различия в уровнях дохода позволяют выделить такой феномен социальной стратификации, как *средний слой*. Однако его размеры в современном российском обществе, по данным Н.Е.Тихоновой, невелики (рис. 11.2).

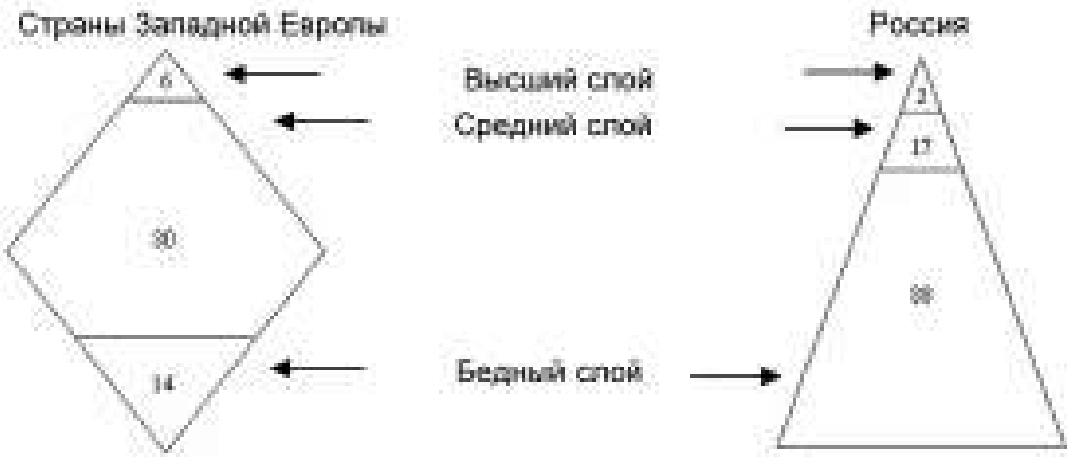

Рис. 11.2. **Сравнительная характеристика социальной дифференциации по уровню дохода в 1990—2000-х гг. в России и странах Западной Европы, %**

Как показывает рис. 11.2, средний слой в России занимает незначительное место и, по оценкам экспертов, не превышает 16—18%.

Однако если сравнить статистические данные с субъективным восприятием своего социального статуса, то они существенно разнятся, так как люди не хотят признавать себя обездоленными, неспособными вписаться в новые реалии. Ситуация интересна тем, что многие люди идентифицируют себя с этим слоем, хотя редко подходит под эту социальную группу по объективным показателям, и прежде всего по уровню доходов (табл. 11.3).

Таблица 11.3. **Самоидентификация классовой принадлежности, % к числу опрошенных**

Вопрос: «К какому классу вы себя относите?»	*К высшему классу*	*К среднему классу*	*К низшему классу*	*Затрудняюсь ответить*
1994, февраль	1	39	37	23
1995, ноябрь	1	32	49	18
1999, декабрь	1	35	42	22
2001, декабрь	1	45	33	21
2003, октябрь	1	52	31	16
2006, июнь	2	49	33	16
2008, февраль	1	50	36	13
2009, декабрь	2	49	31	18

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Специфика трактовки среднего класса (слоя) в России во многом объясняется низкой притязательностью россиян к уровню и качеству жизни (традиционный ответ на уточняющий вопрос: «Почему вы относите себя к среднему классу?», следует ответ: «Мы не голодаем, есть свой огород, рыбалка, охота» и т.п.).

Наиболее тесная зависимость классовой принадлежности и классовой самоидентификации прослеживается среди возрастных групп и групп с различным уровнем доходов и образования. Чем младше респондент и чем выше уровень образования, тем больше вероятность его самоотнесения к среднему классу. И конечно, уровень доходов тесно связан с «классовой самоидентификацией», что позволяет сделать вывод, что субъективная самооценка своего имущественного положения становится главным критерием для соотнесения к среднему слою.

Если ***образование*** и ***квалификацию*** рассматривать как стратификационные (статусные) характеристики, то они играют роль осно-

вы: 1) для повышения статуса; 2) для завершения учебы в общепризнанных, авторитетных, ведущих учебных заведениях; 3) для обладания профессиональными навыками, умениями, которые подтверждены опытом. То, что образование и квалификация являются характеристиками статуса, подтверждает следующий факт: в течение длительного исторического периода труд людей, обладавших образованием, давал преимущественное социальное положение. Как правило, он выше оплачивался, открывал доступ к более высокому социальному положению и к общественным благам, привилегиям, почестям и главное — возможность приобщиться к функциям управления, что всегда означало (прямо или косвенно) причастность к господствующим слоям общества.

Образование все больше выступает дифференцирующим, социально окрашенным показателем, по которому можно судить о степени благополучия человека в обществе. Для этого имеется такой показатель: сколько лет обучения приходится на одного взрослого (работающего) человека в стране. Так, в Японии такой индикатор равен 10,2 класса, во Франции — 9,4 класса, в США — 9,2 класса. Что же касается России, то уровень образования после фактической отмены обязательного среднего образования серьезно упал: в 2000 г. не учились (бросили школу) более 2 млн детей. В то же время образование приобретает и классовый оттенок: доступ к нему в большей мере открыт для людей обеспеченных, богатых, в то время как дети бедных и средних классов часто довольствуются минимумом образования.

Если рассмотреть социальную стратификацию через ***призму власти***, то она в самом распространенном варианте представляет собой две неравномерные части. Одна небольшая (незначительная), которая или прямо господствует (управляет), или косвенно причастна к управлению (обслуживает его). Но незначительная величина этой части не означает слабости и недостаточного влияния людей, ее составляющих. Наоборот, их возможности велики, значительны и малоограниченны, что и позволяет говорить о «классе управляющих», о бюрократии как классе, о номенклатуре как специфическом явлении (Джилас, Восленский). Вторая часть (большинство) имеет опосредованное отношение к власти или совсем его не имеет.

Статусные различия проявляются и в ***должностной иерархии***, когда работающее население может быть дифференцировано по определенным группам или классам. Так, в царской России существовала иерархия, представленная дворянством, купечеством, мещанством, наемными работниками, крестьянами. В Советском Союзе эту функцию в значительной мере выполняло понятие

«номенклатура». В постсоветской России каждую должность приравняли к одному из уровней по 18-разрядной шкале, а чиновничество — к разрядам. Как это выглядит в социологическом измерении, демонстрирует табл. 11.4.

Таблица 11.4. **Социальная самоидентификация респондентов (РФ, баллы)**

Вопрос: «Как вы считаете, какое место в нашем обществе вы занимаете ...	*2002*	*2006, июнь*	*2007, январь*	*2008, февраль*	*2008, июнь*	*2010, июнь*
По образованию	5,4	5,7	5,8	5,7	5,3	5,7
По профессии	5,5	5,4	5,7	5,6	5,6	5,6
По квалификации	5,9	5,8	6,0	5,9	5,6	5,9
По выполняемой работе	5,3	5,5	5,7	5,8	5,7	5,9
По размеру денежного дохода	3,4	3,5	3,8	4,0	3,9	4,1
По качеству жизни	3,7	4,0	4,4	4,3	4,2	4,6
По участию в политической жизни страны	2,5	2,3	2,8	3,1	2,8	3,03
Место в обществе в целом	**4,5**	**4,6**	**4,9**	**4,9**	**4,7**	**4,97**

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Примечание. Респонденты отмечали место по 10-балльной шкале (10 — высшая ступень).

Все это позволяет сделать следующий вывод: *статус является ведущим дифференцирующим признаком, лежащим в основе социального неравенства, и показателем различного социального веса в зависимости от вышеназванных показателей.* Статус не является неизменной величиной: он может существенно, а иногда радикально измениться, но не по своей сути, а по тому, какие группы людей и при каких обстоятельствах изменяют свое социальное положение, место и роль в общественной жизни.

Важнейший показатель социальной стратификации — ***социальный престиж***, который носит ярко выраженный субъективный от-

тенок и выражается в оценке, которую дает общество статусу личности, в первую очередь профессиональному. Престиж как бы встроен в социальный статус: занимая его, индивид вместе с ним получает и соответствующие влияние, почет, привилегии и даже определенные символы (Уорнер, 1943).

Для оценки социального престижа в каждом обществе имеются определенные шкалы, которые различны в разных обществах и опосредованы набором, степенью дифференцированности и спецификой ценностей, ибо существует множество видов вознаграждений, открывающих человеку более комфортные условия существования, удовлетворения его склонностей и устремлений. Вознаграждения могут быть представлены правами человека, занимающего определенное положение, и свободами, которыми может воспользоваться человек, находясь в той или иной социальной позиции. Социальный престиж является инструментом общественного мнения, при помощи которого повышается или понижается роль и место человека (группы) в обществе. Социальный престиж может рассматриваться и как функция общественных ценностей: *поощряемых* и *отвергаемых*, *основных* и *вспомогательных*, *авангардных* и *традиционных*, *нейтральных* и *активных*.

От того, какой доступ имеет человек к этим ценностям, зависит престиж его положения в обществе. В том случае, когда человек не может ими располагать, он занимает *позицию пафоса* [Кармадонов, 2000], т.е. искусственно созданного в своем воображении компенсаторского принципа. Но есть и другая сторона роли ценностей в формировании социального статуса: от того, какие ценностные ориентации реализуют (или по крайней мере провозглашают) человек, группа, слой, общность, зависит и отношение общества к ним, их социальный престиж. Но именно в силу вербального (а не поведенческого) значения провозглашенных ориентаций эта ситуация подвергается манипулированию, ибо в сущности они сориентированы на то, что есть, а не на то, чего ожидает общество.

Еще одна проблемная ситуация заключается в том, что социальный престиж нередко формирует *социальную исключительность*, почти автоматически ставя человека или группу в конфронтирующие (явные и неявные) отношения с другими группами, что особенно проявилось в позиции правых сил в России в 1990—2000-е гг. Социальный престиж тесно связан с понятием «социальная репутация» (М. Вебер), проявляет себя в иллюзорной (роль случайного посетителя ресторана или игорного клуба) позиции. Социальный статус может быть навязанным (проблема подставы в судебных процессах).

Социальный статус включает в себя и ***социальные роли***, под которыми понимается реальное и ожидаемое поведение человека в соответствии с его должностью, профессией и социальным положением. Совокупность ролей называется ***ролевым набором***. Роль отражает динамическую сторону стратификации, является ее функцией. Роли подразделяются на *формальные* (согласно предписаниям) и *неформальные* (поведенческие, которые складываются в определенной среде). Они могут ранжироваться, а в соответствии с этим определяется их вознаграждение, которое всегда осуществляется дифференцированным образом.

Т. Парсонс предложил описывать роли по пяти основным свойствам: эмоциональность, способ ее получения (предписанный или приобретенный), масштаб (сфокусированный или диффузный), степень формализации (жесткий или нет), мотивации (личное или общественное благо). Согласно этому подходу любая роль характеризуется некоторой комбинацией свойств, которые влияют на социальный престиж.

На престиж значительно влияют предписанные статусы, которые характеризуют происхождение человека, принадлежность к признанным и признаваемым характеристикам, что дает человеку некоторую фору по сравнению с другими (принадлежность к знаменитому роду, семье, к этнической группе и т.д.).

Немалую роль в характеристике социального престижа занимает ***оценки (самооценки) человека***, которая не всегда коррелирует со статистической информацией о нем, о социальной группе, слое, общности.

Таким образом, социальная стратификация — качественная характеристика, во многом обладающая не только объективными, но и субъективными характеристиками. В каждом конкретном случае различные индивиды, группы, классы и общности занимают неравное положение, выше или ниже других, что выражается в социальном неравенстве. Это значит, что одни обладают бóльшим богатством, властью, имеют ряд преимуществ и привилегий в сравнении с другими. Все это позволяет сделать вывод, что социальная структура превращается в социальную стратификацию — совокупность расположенных в вертикальном иерархическом порядке социальных образований (групп, классов, каст, сословий и т.д.).

11.3. Социальная мобильность как регулятор социальной структуры

В самом общем виде социальная мобильность — это перемещение человека внутри социального пространства (П.А. Сорокин). В условиях, когда общественные отношения изменяют социальное

положение человека, очевидно, что социальная структура испытывает на себе их прямое и косвенное воздействие. Изменения в социальной структуре общества происходят под влиянием не только объективных тенденций развития, но и в деятельности людей, что проявляется в их установках и ориентациях.

Существует два подхода к данной проблеме. Первый подход предполагает *рассмотрение мобильности в рамках социальной структуры как главного источника формирования классов и социальных страт*. Чем выше уровень мобильности в обществе как внутри поколения, так и между поколениями, тем легче происходит их формирование. Согласно второму подходу, мобильность рассматривается *как показатель соотношения сил и распределения преимуществ в социальных отношениях и как специфический способ реализации общественных потребностей и активности*. В этом смысле люди, занимающие высшие социальные позиции, стремятся их упрочить, прибегая к различным формам манипуляций, направленных на закрытие доступа в свою среду представителей других классов, слоев и групп.

Различают мобильность ***горизонтальную*** и ***вертикальную***. Первая связана с передвижениями человека внутри своей страты, а вторая раскрывает изменения между стратами. Это может быть продвижение по стратификационной лестнице или, наоборот, «спуск» вниз или перемещение по горизонтали, без изменения социального положения или статуса. В этом смысле иногда говорят о мобильности ***восходящей*** и ***нисходящей***.

Социальная мобильность может приобретать и такие формы, как ***достигнутая*** (когда человек, группа реализуют свои цели, планы, замыслы) и ***унаследованная*** (когда доступ к тем или иным благам социального положения гарантируется происхождением, семейными и родственными традициями, обеспеченным экономическим статусом). Некоторые исследователи выделяют мобильность ***управляемую*** (через набор рабочей силы, через создание условий для получения образования и квалификации и т.д.) или ***стихийную***, которая особенно наглядно проявляет себя в нерегулируемой миграции, в свободном перемещении людей из одной сферы труда в другую без определенных гарантий.

Сущность социальной мобильности помогает выявить анализ социальной структуры по трем уровням. В соответствии с этим подходом, одновременно характеризующим как социальную структуру, так и социальную мобильность, первый уровень — ***индивидуальная мобильность*** — представляет собой межличностный уровень социальных отношений, например социометрическая схема отношений в

малой группе. Второй уровень — ***межпозиционная (групповая) мобильность*** — отражает структуру социальных отношений между группами, слоями и общностями. Примером могут служить взаимосвязи в производственной организации. Третий уровень — ***межклассовая и внутриклассовая мобильность*** — отражает отношения между официально организованными и стихийно возникающими структурами, которые определяют главные тенденции в перемещении значительных групп людей.

В социологии исследуются и *специфические формы* мобильности: межпоколенная, внутрипоколенная, социально-географическая (миграция), сезонная, маятниковая. К ним можно отнести и организованную (мобилизация рабочей силы, репатриация, реабилитация) и структурную мобильности (в условиях коренной ломки пропорций между отраслями народного хозяйства, что происходило в России в 1990—2000-е гг.). Получают распространение и такие формы, как землячества, диаспоры. Уникальным явлением стала и архаизация жизни, что в той или иной степени возрождает формы минувших эпох.

По П.А. Сорокину, в социальной мобильности важны *каналы социальной циркуляции*, являющиеся одновременно механизмами социального отбора и распределения индивида внутри социальных страт: армия, церковь, школа, политические партии, семья, профессиональная организация. Чтобы общество процветало, социальная циркуляция должна соответствовать объективным тенденциям и субъективным устремлениям людей. Если тестирующие, отбирающие и распределительные механизмы социальных институтов имеют дефекты, то никакое социальное изменение не улучшит ситуацию. В конечном счете историю делают люди, которые занимают определенное положение. Люди, занимающие положение, которому они не соответствуют, могут успешно разрушить общество, ибо не могут создать ничего ценного.

Социальная мобильность может быть выражена несколькими способами.

1. Она может выражаться с помощью ***нормативного измерения***. Это могут быть внешние, объективированные, принудительные для всех членов общества социальные требования и коллективные представления, указывающие, *что должно быть*, которые вслед за Дюркгеймом и функционалистами можно истолковать как реальные, конкретные действия людей. Такая стратегия объяснения социальной мобильности снискала огромную популярность. Более того, в творчестве многих отечественных социологов она преобладала, ибо исходила из того, что так должно быть, например, должны

быть рабочий класс, колхозное крестьянство и социальная прослойка — народная интеллигенция. Реальная жизнь в XX в. оказалась гораздо сложнее и противоречивее, чем предлагаемая теория. Новые явления не укладывались в эту схему, отвергали изжившие себя представления. Но тем не менее нормативистский подход — так должно быть — в тех или иных вариантах сохраняет свою значимость и живучесть и до сих пор является мерой определения принадлежности людей к той или иной социальной группе.

2. Социальная мобильность трактуется с точки зрения ***интеракционизма***, позиции которого нашли отражение в творчестве Г. Зиммеля, а в настоящее время — в исследованиях сторонников теории обмена и нового институционализма. Согласно этой точке зрения, интеракционная мобильность определяется тем, с кем и относительно кого члены общества предпринимают свои действия.

Согласно этому подходу, общество основывается на взаимодействии и взаимовлиянии индивидов и групп, которые имеют два аспекта — *форму и содержание*. Но содержание становится социальным только через формы взаимовлияния или обобществления. Поэтому при данном подходе социолог призван заниматься формальными аспектами, что позволяет, абстрагируясь от содержания, проецировать «факты, которые мы считаем общественно-исторической реальностью, на плоскость чисто социального» (Г. Зиммель).

Интеракционистский подход позволил позднее сформулировать существенные положения современной социологии групп (и больших, и малых), ибо они обладают относительной самостоятельностью и существуют по своим собственным законам и относительно независимо как от индивидуальных носителей, так и от общества в целом. Именно на этой базе получили распространение исследования самых различных групп: по их величине, профессиональной принадлежности, месту жительства, включенности в общественную жизнь и т.д.

3. Определение социальной мобильности связано с исследованиями К. Маркса, М. Вебера и их последователей, которые в центр своего внимания поставили ***анализ классового и социального расслоения***, ***власти***. Такой подход базируется на утверждении, что деление общества на классы есть результат общественного разделения труда и формирования частнособственнических отношений (К. Маркс). Главный признак класса — отношение к средствам производства. Отношение собственности, отношение к средствам производства (владение или невладение) определяют роль классов в общественной организации труда (управляющие и управ-

ляемые), в функционировании власти (господствующие и подчиненные) и их благосостоянии (богатые и бедные). Причастность к обладанию властными отношениями (господствующие и подчиненные) также выступает одним из важнейших показателей социальной мобильности (М. Вебер).

Социально-классовый анализ социальной мобильности сводится к двум классам: *классу собственников* и *классу, лишенному собственности*. Но уже в начале XX в. узость такого подхода стала очевидной. Было отмечено, что не только экономические критерии, относящиеся к собственности, и уровень доходов, но и принадлежность к определенным политическим кругам, социальный престиж и другие факторы определяют место индивидов и групп и служат основой для их перемещения в социальной иерархии. Более того, само общество во второй половине XX в. из стадии индустриального общества перешло в стадию постиндустриального, когда отношения собственности оказались размытыми, потеряли свою определенность.

Социальная мобильность стала во все большей мере связываться с интересами, с доступом к общественным благам: богатству, власти, престижу, знаниям и т.п. Специфическое и особенно поразительное свойство такого измерения социальной структуры состоит в том, что логически оно неизбежно выявляет иерархические неравенства между людьми, что нередко порождает социальные конфликты. Значение неравенства и конфликтности в общественной жизни проявилось в том, что для многих социологов (особенно тех, которые сознательно связывают себя с марксистской или веберовской традициями) изучение структуры общества стало отождествляться с изучением социального неравенства.

На этой основе получили развитие различные теории социальной дифференциации, социального расслоения, которые дали прирост достаточно значительного количества концепций, привнесших новые теоретические обобщения и выводы прикладного значения.

4. Получила распространение точка зрения, идущая от феноменологов (А. Шюц и др.), когда социальная мобильность трактуется посредством идеального измерения: через ***оценку совокупности идей, убеждений, взглядов, мнений, суждений***, т.е. всего того, что характеризует состояние и тенденции развития общественного сознания и самосознания. В отличие от норм и ценностей эти изменения не обладают принудительной силой, но являются ориентирующими, устанавливающими. Все компоненты общественного сознания независимо от того, истинны они или ложны, создают специфиче-

ский для данного общества мыслительный горизонт, влияющий на совершаемые людьми перемещения. Особое значение имеют здесь убеждения, установки, касающиеся общества, в котором живет человек, и собственного места в нем.

Таким образом, социальная мобильность — это механизм разновекторных перемещений личностей, социальных групп, слоев, общностей и других элементов социальной структуры, который может служить характеристикой для оценки уровня и степени стабильности общества и его устойчивого развития и протекать в различных формах.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте характеристику понятий «социальная структура», «социальная стратификация», «социальная мобильность».
2. Что есть общего и особенного в понятиях «социальная группа», «социальный слой», «социальная общность»?
3. Что такое социальный статус?
4. Каковы основные компоненты социального престижа?
5. Охарактеризуйте социальную мобильность, ее сущность, типы и виды.
6. Что представляет собой средний класс (слой) и каковы его критерии?
7. Какие типы поколений существуют в обществе?

Темы для рефератов

1. Генезис идей о социальной структуре.
2. Социально-демографическая структура: сущность, состояние в российском обществе.
3. Современные проблемы социально-профессиональной структуры.
4. Роль форм собственности в социальной дифференциации.
5. Социальная группа как элемент социальной структуры.
6. Социальный слой и особенности его исследования.
7. Социальная когорта (на основе анализа трудов Б. Урланиса и М. Титмы).
8. Социальный статус и его компоненты.
9. Социальный престиж и пафос: общее и особенное.

Глава 12

Этносоциология

В самом общем виде ***этносоциология*** *изучает процессы и явления, раскрывающие сущностные черты и специфику национального самосознания и поведения и степень их воздействия на все сферы социально-экономической, политической и духовной жизни.* Так как в мире практически не осталось моноэтнических государств, этнические проблемы стали характерными для всех без исключения обществ. Только они проявляют себя по-разному. В XX в. распались многонациональные государства (сначала Австро-Венгрия, Британская империя, затем СССР, Югославия, Чехословакия). Ряд стран испытывает серьезные межэтнические потрясения (Индия, Индонезия, Шри-Ланка, многие государства Африки). Активизировались иноэтнические группы в странах, в которых долгие годы не проявлялась межнациональная напряженность: в Канаде (особая позиция французских жителей провинции Квебек), в Испании (деятельность баскских сепаратистов). Более того, обострились этнические противоречия в странах, которые издавна считались едиными с точки зрения одной нации, но имеющей в своем составе различные этнические группы (в Бельгии, Франции, Турции). В сочетании с религиозными эти противоречия наложили серьезный отпечаток на повседневную жизнь и привели к трагедии в Северной Ирландии, в Пенджабе (Индия), в бывшей Югославии.

Поворот к этнонациональным проблемам происходит в глобальном масштабе. Достаточно сказать, что, по данным Райта, если за весь период Нового времени, с 1496 по 1983 г., только 86 из 240 войн прошло под знаком той или иной степени этнической нетерпимости, то в конце XX — начале XXI в. уже каждый второй конфликт носил этнический характер. По подсчетам экспертов, в начале XXI в. на планете насчитывается 160 зон этнополитической напряженности, причем 80 из них присуща вся атрибутика неурегулированных конфликтов. Анализ реальной ситуации показывает, что удельный вес этнических столкновений и вооруженных конфликтов в ближайшем будущем будет возрастать.

Этнонациональные проблемы всегда занимали особое место в истории России. В царской России представителей одних народов

относили к инородцам, за другими не признавали права на самостоятельное существование их культуры и даже на самоназвание, третьи были лишены возможности иметь письменность, свой язык, свою литературу.

В этом смысле решение национального вопроса в Советской России после 1917 г. и в 1920-х гг. можно считать существенным сдвигом с точки зрения признания прав всех без исключения народов. Обнародованная 2(15) ноября 1917 г. «Декларация прав народов России» устанавливала свободное развитие, равенство и суверенность всех национальностей и народностей России. Некоторое время спустя советское правительство в своем обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» гарантировало им полную свободу устройства своей жизни. Эти акты принесли определенные плоды, стали основой для решения экономических и социальных проблем в области национальных отношений. Были осуществлены меры по развитию национальных культур, созданию письменности национальных меньшинств. Интересным, но утерянным было многообразие в решении национальной государственности и культурной автономии: вплоть до середины 1930-х гг. существовали не только республики и округа, но и национальные районы и даже волости (сельсоветы), многочисленные национально-культурные центры. Только в Новосибирске в 1919 г. издавалось 17 газет на национальных языках, в том числе на венгерском, чешском, немецком, китайском.

Вместе с тем в этот период были приняты положения, которые сыграли роль детонатора в разрушении многонационального государства, и особенно такие правовые акты, как право наций на самоопределение вплоть до отделения, а также жесткая регламентация и централизация всех аспектов экономической и политической жизни.

На территории современной России живут представители более 180 наций, народностей и этнических групп (согласно переписи 2010 г.). В начале XX в. они обладали различной исходной базой — от жизни в условиях патриархально-первобытной организации хозяйства до капиталистических экономических отношений. Разнообразие обычаев, традиций дополнялось серьезными различиями в приобщении к достижениям человеческой цивилизации. На уклад жизни влияли религиозная обстановка, историческое прошлое, языковые особенности, степень развитости контактов с другими нациями и народностями. Специфика проявлялась и в быте, стиле ведения домашнего хозяйства, в одежде, утвари, в семейных отношениях.

Это многообразие общественных связей внутри каждой нации, народности и этнической группы и между ними образовывало различные оттенки, типы и формы национальных и межнациональных отношений. Однако совместная жизнедеятельность не могла не порождать проблемы и противоречия.

В 1990-е гг. многие аналитики возложили вину за распад СССР на этнические конфликты, взлет национализма и шовинизма, на просчеты в национальной политике, на создание национально-государственных (республики) и национально-территориальных (национальные области и округа) образований. При этом ссылались на опыт США, олицетворяющих «плавильный котел»: все прибывающие представители других наций подвергались ассимиляции и превращались в членов одной нации, которой не знала история — американской. Однако ставить знак равенства между опытом СССР и опытом США несостоятельно.

В условиях России народы имели свою историю, территорию, язык и культуру, многие из них насчитывали тысячелетние традиции. Ошибка состояла не столько в том, что, по Конституции СССР 1936 г., была создана четырехзвенная система национально-государственного строительства (союзная республика, автономная республика, автономная область и национальный округ), а сколько в том, что по мере огромных индустриальных преобразований в стране, в результате большой миграции и социальной мобильности была самым серьезным образом видоизменена этническая карта. И нужно было приводить видоизменения в соответствие с реальностью, а не консервировать их, откладывая решение на потом. Главные просчеты национальной политики состояли в том, что противоречия игнорировались, социальные болячки загонялись вглубь, скрывались. В отношении ряда народов допускался произвол, решение многих вопросов откладывалось или имитировалось.

Не потеряли особую значимость этнонациональные процессы на постсоветском пространстве. Обострение межнациональных и этнических противоречий обернулось серьезными социальными потрясениями. Отражением этой тенденции стали военные действия в Приднестровье, в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Таджикистане, на Северном Кавказе, хотя в каждом регионе они проявлялись по-разному. Обострились проблемы этнических групп и диаспор, по тем или иным причинам не имевших своей государственности: немцев, уйгуров, крымских татар, турок-месхетинцев. До сих пор кровоточат раны из-за переселения, депортации калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев и других народов. Но не менее показательны процессы, происходящие с русским населением и его численностью в странах СНГ и Балтии (табл. 12.1).

Таблица 12.1. **Число русских в странах бывшего СССР, тыс. чел.**

Страны	*1989*	*1999*
Азербайджан	392,3	148
Армения	51,6	8
Беларусь	1342,1	1141,7
Грузия	341,2	140
Казахстан	6062,0	4479,6
Киргизия	916,6	603,2
Молдавия	562,1	501
Таджикистан	388,5	80
Туркмения	333,9	80
Узбекистан	1653,5	1150
Украина	11355,6	9100
Латвия	905,5	710
Литва	344,5	280
Эстония	474,8	353

Источник. *Население России.* 1999. М., 2000. Данные МИД РФ на 13.07.2011.

Иначе говоря, на современном этапе развития во многих странах мира, СНГ и России значительно обострились этнонациональные проблемы. Хотя, безусловно, в каждой из них имеются свои особенности, тем не менее есть общие проблемы: социальное положение человека как представителя нации, его этническое сознание, национальная культура, язык, т.е. все то, что определяет национальную самобытность.

12.1. Предмет и понятийный аппарат этносоциологии

В мировой и отечественной социологии существует немало определений — попыток уточнить предметное поле специальной социологической теории, которая получила название «*этносоциология*». Очевидно, что данное научное направление имеет своей целью исследование (изучение, анализ) этнонациональных отношений в широком смысле этого слова, связанных с возникновением, развитием и функционированием этнических общностей: от рас до малых этнических групп, от народов, имеющих многомиллионное населе-

ние, до небольших, малочисленных национальных общностей, насчитывающих несколько десятков или сотен человек, от этносоциальных различий внутри одного народа до таких специфических явлений, как диаспора — общность людей, живущих за пределами своего этнического окружения.

В трактовке содержания этносоциологии существует ряд принципиально отличающихся друг от друга концепций.

Долгое время господствовала ***примордиалистская теория***, которая выводила сущность этнического как генетически заданного, предопределенного природой, на что потом наслаивается социальная реальность со всеми ее противоречиями. К середине XX в. стала распространяться ***конструктивистская концепция***, которая все больше и больше ориентируется на то, что этническое задается средой, процессом развития человека в условиях определенных социальных отношений, что этничность есть продукт среды, идей и воспитания, а не генетически заданных признаков. В настоящее время предпринимаются попытки сконструировать еще одну концепцию — ***модернистскую***, которая абсорбирует отдельные положения примордиализма и конструктивизма и на этой основе объясняет как генетически опосредованные, так и социально приобретенные характеристики этничности. Но все эти концепции так или иначе используют такие понятия, как «этнос», «народ», «нация», «этничность», «этническое (национальное) (само)сознание».

Под ***этносом***, понимается очень широкий круг общественных явлений и процессов, которые происходят в большинстве стран мира и реализуются в самых различных измерениях.

1. Этнос изучается как реальная жизнь, сознание и поведение *основных рас*, существующих в мире: белой, желтой, черной (европеоидной, монголоидной и негроидной). Спорным остается вопрос, можно ли население тихоокеанских островов считать расой. Но даже если остановиться только на трех названных, мы не можем игнорировать их био- и социальные различия, а также взаимодействие, которое реально существует и проявляется в совместной жизни в одной стране, одном государстве.

2. Каждая из рас подразделяется на *группы народов*, а те, в свою очередь, на еще более дробные части. Так, белая раса состоит из романской, кельтской, иберийской, балтийской и славянской групп народов, которые состоят из носителей тех конкретных черт и особенностей этнонациональной жизни, которые позволяют считать их единым народом или нацией. Каждый из них имеет как некоторые

общие, так и специфические характеристики, отличающие их жизнь, быт, нравы от аналогичных и родственных народов. Например, славянская группа включает в себя русских, украинцев, белорусов, чехов, поляков, болгар, сербов, словенцев и др.

3. Этнос отождествляется с *конкретным народом* (*нацией*), который имеет уникальные черты и признаки, отличающие его от другого. Народы классифицируются по величине: большие народы и малочисленные народы. Не менее значима их характеристика по степени зрелости их экономической и политической жизни, развитости культуры, языка, приверженности к традициям и обычаям, что связано с возможностями их автономного существования.

4. Народы, особенно крупные, нередко состоят из *этнических групп*, которые, сохраняя много общего между собой, имеют специфические различия. Иногда этнические различия продиктованы религиозной принадлежностью (сербы как православные, хорваты как католики и боснийцы как мусульмане в Югославии, представляющие, по сути дела, в недавнем прошлом один народ). Их существование нередко обусловлено историческими и культурными особенностями развития (бретонцы, корсиканцы, нормандцы во Франции, шотландцы, уэльсцы (валлийцы) и англичане в Великобритании, саксонцы и баварцы в Германии и т.д.). Особенно это характерно для народов, которые еще в недавнем прошлом сохраняли наследие родоплеменных связей. Так, казахская нация подразделяется на три джуза — большой, средний и малый; чеченцы — на 12 тейпов (родов). Такое внутриэтническое деление характерно и для таджиков, узбеков, киргизов, многих народов Кавказа.

5. Этнос представлен *диаспорами* — феноменом, который в последнее время все больше и больше проявляет себя. Это этнонациональные группы, живущие в отрыве от ареала расселения основной (значительной) части народа, но сохраняющие контакты между собой и поддерживающие свою национальную культуру, язык, традиции и обычаи.

Что касается понятия «*нация*», то стоит напомнить, что в научную и политическую лексику это слово вошло в XIX в., в период становления национальных государств в Европе. Особенно значительной была дискуссия о сущности и роли наций в конце XIX — начале XX в., проведенная по инициативе австрийских ученых и политиков. Дело в том, что в условиях лоскутной Австро-Венгрии, населенной в то время немцами, венграми, румынами, сербами,

словаками, поляками, украинцами и итальянцами, как ни в каком другом государстве Западной Европы, остро стоял вопрос о таком феномене, как этнонациональные особенности разных народов и их сосуществовании и согласовании интересов. Именно в этот период и была сформулирована идея, которая нашла свое воплощение в марксизме: ***нация*** — это *исторически сложившаяся общность на базе единства территории, экономической жизни, общего культурного пространства, выражающегося в духовной близости, языке, общности совместной жизни.*

Однако жизнь внесла коррективы в это определение, когда стали осмысливаться, с одной стороны, опыт функционирования восточных наций, а с другой — многообразие этнонациональных проблем, по-иному проявивших себя в XX в. Например, как трактовать человека, не знающего родного языка, но считающего себя представителем этой нации? Как объяснить ассимиляционные процессы, этническую миграцию, обострившееся чувство национальной идентичности, менталитета?

Все это привело к тому, что в современной науке понятие нации трактуется по-разному: во-первых, как *государство-нация* — согласно англо-американской традиции, в которой национальность означает сограждание; во-вторых, как *определенное сообщество*, которое формируется на основе общности языка, культуры с учетом высокого уровня развития экономической и политической жизни («немецкая школа», марксистская трактовка нации); в-третьих, как *самоидентификация* — признание принадлежности к определенной группе, обладающей единым этническим самосознанием.

В попытке преодолеть разночтение и разнообразие трактовок понятия «нация» все чаще стало употребляться понятие «***народ***», которое стало относиться к любой группе населения вне зависимости от ее количественного состава, степени развитости культуры, наличия государственности и территории. В этом смысле уникальным явлением стало возникновение и образование такого уникального явления, как советский народ, который реально существовал, хотя по этому поводу высказываются различные, в том числе и предвзятые, сомнения. Понятие «народ» означает, что все без исключения нации, народности, этнические группы приобретают одинаковое политико-правовое звучание, которое отвергает их социально-политическую дифференциацию, ставит их в равные условия, устраняя ощущение ими своей ущербности, неполноценности, ограниченности, особенно когда это касается малочисленных народов и национальных меньшинств. Это, кстати, не отменяет ранее употреблявшихся понятий «нация», «народность», «национальность», а

лишь обогащает их, характеризуя многозначность, многоаспектность, разнообразие этнического фактора.

Особое значение для понятийного аппарата этносоциологии имеют понятия «*(этно)национальное (само)сознание*» и «*этническое поведение*». Первое включает в себя (по аналогии с общественным сознанием) знание о своем этническом происхождении, истории своего народа, национальной принадлежности, этнические потребности и интересы, этнические мотивы, этнические установки, ценности и ценностные ориентации. Что касается этнического поведения, то его индикатором могут быть действия, преследующие достижение целей, реализацию мотивов, установок, интересов, имеющих выраженный этнонациональный оттенок.

Еще одно ключевое понятие — ***этносреда*** (этнонациональное окружение), образы которого могут быть достаточно многообразны, что предполагает ее анализ, как и в общей социологии, на макро-, мезо- и микроуровнях.

Наконец, к основным понятиям этносоциологии можно также отнести ***этничность, национализм, диаспору*** и др.

Особое место в конституировании этносоциологии занимает группа отечественных ученых, в своих работах реализующих единство исторического и социологического подхода (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло, А.А. Сусоколов и др.) и с 1960-х гг. осуществивших ряд уникальных исследовательских проектов. Именно их исследования, а также работы В.И. Бойко и В.Н. Иванова вскрыли многие тревожные симптомы, которые появились задолго до распада СССР и свидетельствовали о созревании скрытых напряженностей (например, отток русскоязычного населения из республик, который в Грузии, например, начался еще в конце 1970-х гг. [Арутюнян, 1992]. Исходя из многолетней исследовательской практики, эти ученые предложили определение предмета этносоциологии, которое близко к позиции автора этого учебника: «Предмет этносоциологии — изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды» (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999).

Вместе с тем при рассмотрении национальных проблем исследователи очень часто ограничивались анализом показателей экономического и социокультурного развития наций и народностей и чрезвычайно мало обращали внимание на те аспекты национальных отношений, которые связаны с восприятием

лишь обогащает их, характеризуя многозначность, многоаспектность, разнообразие этнического фактора.

Особое значение для понятийного аппарата этносоциологии имеют понятия «*(этно)национальное (само)сознание*» и «*этническое поведение*». Первое включает в себя (по аналогии с общественным сознанием) знание о своем этническом происхождении, истории своего народа, национальной принадлежности, этнические потребности и интересы, этнические мотивы, этнические установки, ценности и ценностные ориентации. Что касается этнического поведения, то его индикатором могут быть действия, преследующие достижение целей, реализацию мотивов, установок, интересов, имеющих выраженный этнонациональный оттенок.

Еще одно ключевое понятие — ***этносреда*** (этнонациональное окружение), образы которого могут быть достаточно многообразны, что предполагает ее анализ, как и в общей социологии, на макро-, мезо- и микроуровнях.

Наконец, к основным понятиям этносоциологии можно также отнести ***этничность, национализм, диаспору*** и др.

Особое место в конституировании этносоциологии занимает группа отечественных ученых, в своих работах реализующих единство исторического и социологического подхода (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло, А.А. Сусоколов и др.) и с 1960-х гг. осуществивших ряд уникальных исследовательских проектов. Именно их исследования, а также работы В.И. Бойко и В.Н. Иванова вскрыли многие тревожные симптомы, которые появились задолго до распада СССР и свидетельствовали о созревании скрытых напряженностей (например, отток русскоязычного населения из республик, который в Грузии, например, начался еще в конце 1970-х гг. [Арутюнян, 1992]. Исходя из многолетней исследовательской практики, эти ученые предложили определение предмета этносоциологии, которое близко к позиции автора этого учебника: «Предмет этносоциологии — изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды» (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999).

Вместе с тем при рассмотрении национальных проблем исследователи очень часто ограничивались анализом показателей экономического и социокультурного развития наций и народностей и чрезвычайно мало обращали внимание на те аспекты национальных отношений, которые связаны с восприятием

людьми объективной реальности, с противоречиями и специфическими особенностями национального самосознания. При определенных условиях именно в сфере сознания (а впоследствии и в поведении) возникает возможность появления национализма и шовинизма, представляющих по своей сути деформацию политического и духовного компонентов национальных отношений, что порождает одно из обличий этнического эгоизма — стремление обеспечить привилегии своему народу за счет других.

Все это позволяет сделать вывод, что *предметом этносоциологии (что коррелирует с предметом социологии) становится национальное самосознание и этническое поведение, опосредованные конкретно-историческими условиями (социальной средой) их функционирования.* Стоит особо подчеркнуть, что такие аспекты этнонациональной жизни мало или совсем не рассматриваются, не анализируются никакой другой наукой.

12.2. Этноэкономические проблемы

Специфика этнонациональных отношений заключается в необходимости рассматривать их как своеобразные синтетические отношения. Эта синтетичность проявляется в том, что, во-первых, они включают в себя отношения во всех сферах общественной жизни — экономические, социальные, политические, духовные, а во-вторых, одновременно предполагают их анализ как единства материального и идеального. Игнорирование такого подхода приводит к тому, что болезненно заявляют о себе стремления к национальной замкнутости, местничеству, экономической автаркии.

Для этносоциологии *исходное значение имеет изучение национальных аспектов и особенностей экономической жизни.* В целом в современных условиях жизнь наглядно отражает интенсивный процесс интернационализации экономических отношений. Национальные аспекты экономического развития стали видеться в плане функционирования специфических отраслей народного хозяйства, присущих одному или нескольким народам, в большинстве случаев имеющим общие исторические традиции. Игнорирование национально-особенного в экономике, крупные просчеты в решении назревших проблем материального производства, слабый учет традиционного уклада жизни людей проявились в огромных социально-экономических издержках, в потере национального суверенитета, в возрастании зависимости от индустриально развитых стран.

людьми объективной реальности, с противоречиями и специфическими особенностями национального самосознания. При определенных условиях именно в сфере сознания (а впоследствии и в поведении) возникает возможность появления национализма и шовинизма, представляющих по своей сути деформацию политического и духовного компонентов национальных отношений, что порождает одно из обличий этнического эгоизма — стремление обеспечить привилегии своему народу за счет других.

Все это позволяет сделать вывод, что *предметом этносоциологии (что коррелирует с предметом социологии) становится национальное самосознание и этническое поведение, опосредованные конкретно-историческими условиями (социальной средой) их функционирования.* Стоит особо подчеркнуть, что такие аспекты этнонациональной жизни мало или совсем не рассматриваются, не анализируются никакой другой наукой.

12.2. Этноэкономические проблемы

Специфика этнонациональных отношений заключается в необходимости рассматривать их как своеобразные синтетические отношения. Эта синтетичность проявляется в том, что, во-первых, они включают в себя отношения во всех сферах общественной жизни — экономические, социальные, политические, духовные, а во-вторых, одновременно предполагают их анализ как единства материального и идеального. Игнорирование такого подхода приводит к тому, что болезненно заявляют о себе стремления к национальной замкнутости, местничеству, экономической автаркии.

Для этносоциологии *исходное значение имеет изучение национальных аспектов и особенностей экономической жизни.* В целом в современных условиях жизнь наглядно отражает интенсивный процесс интернационализации экономических отношений. Национальные аспекты экономического развития стали видеться в плане функционирования специфических отраслей народного хозяйства, присущих одному или нескольким народам, в большинстве случаев имеющим общие исторические традиции. Игнорирование национально-особенного в экономике, крупные просчеты в решении назревших проблем материального производства, слабый учет традиционного уклада жизни людей проявились в огромных социально-экономических издержках, в потере национального суверенитета, в возрастании зависимости от индустриально развитых стран.

В чем проявляется необходимость учета этих аспектов экономической жизни?

1. *Менталитет народа, как показывает исторический опыт, самым непосредственным образом влияет на эффективное ведение хозяйства.* Только при учете национальных особенностей — культуры, традиций, обычаев — возможно успешное развитие экономики. Тогда, как показывает опыт Японии, сочетание черт, характеризующих глобальные процессы, и черт, присущих социально-психологическому укладу жизни, может принести и приносит впечатляющие результаты. И в то же время следование надуманным, искусственным конструкциям, не учитывающим реалий жизни, как это было в СССР (России), или слепое копирование чужого опыта (американского, немецкого, японского и даже аргентинского) в постсоветской России ведет к провалам, краху, застою и серьезным издержкам по всем параметрам социально-экономического развития. Казалось, что менталитет — нечто эфемерное, надуманное, незначительное. Но именно он, как свидетельствует практика, является одним из ключевых моментов в достижении поставленных перед экономикой целей.

2. *Необходимо использовать специфические особенности развития экономики, сложившегося веками разделения труда.* Так, деятельность многих народов ассоциируется с определенными видами производства — с выращиванием хлопка, скотоводством, садоводством, оленеводством, рыбной ловлей, торговлей и т.д. И хотя индустриальное развитие все больше и больше вовлекает в свою орбиту все без исключения народы, даже в этих условиях остаются сектора экономики, базирующиеся на тысячелетнем опыте и традициях, что касается народного творчества и народных ремесел. Игнорирование сложившегося образа жизни и переключение только на современные формы хозяйствования может породить и порождает серьезные издержки в экономическом развитии как стран, так и народов.

3. *Стало явью такое явление, как этническое предпринимательство.* Оно характерно для многих стран, ибо является особой формой рыночного хозяйствования под флагом сохранения самобытности. Что касается новых независимых государств, их политической властью стали создаваться условия для укрепления и развития «своих» кадров, которые-де обеспечат необходимую независимость.

4. *Этнонациональные особенности характерны и для экономической культуры, экономического сознания и поведения людей.* Как показывает исторический опыт, трудным, сложным, а порой и подневольным был процесс вовлечения народов, занимающихся скотоводством или земледелием, в индустриально-производственную деятельность. Опыт

В чем проявляется необходимость учета этих аспектов экономической жизни?

1. *Менталитет народа, как показывает исторический опыт, самым непосредственным образом влияет на эффективное ведение хозяйства.* Только при учете национальных особенностей — культуры, традиций, обычаев — возможно успешное развитие экономики. Тогда, как показывает опыт Японии, сочетание черт, характеризующих глобальные процессы, и черт, присущих социально-психологическому укладу жизни, может принести и приносит впечатляющие результаты. И в то же время следование надуманным, искусственным конструкциям, не учитывающим реалий жизни, как это было в СССР (России), или слепое копирование чужого опыта (американского, немецкого, японского и даже аргентинского) в постсоветской России ведет к провалам, краху, застою и серьезным издержкам по всем параметрам социально-экономического развития. Казалось, что менталитет — нечто эфемерное, надуманное, незначительное. Но именно он, как свидетельствует практика, является одним из ключевых моментов в достижении поставленных перед экономикой целей.

2. *Необходимо использовать специфические особенности развития экономики, сложившегося веками разделения труда.* Так, деятельность многих народов ассоциируется с определенными видами производства — с выращиванием хлопка, скотоводством, садоводством, оленеводством, рыбной ловлей, торговлей и т.д. И хотя индустриальное развитие все больше и больше вовлекает в свою орбиту все без исключения народы, даже в этих условиях остаются сектора экономики, базирующиеся на тысячелетнем опыте и традициях, что касается народного творчества и народных ремесел. Игнорирование сложившегося образа жизни и переключение только на современные формы хозяйствования может породить и порождает серьезные издержки в экономическом развитии как стран, так и народов.

3. *Стало явью такое явление, как этническое предпринимательство.* Оно характерно для многих стран, ибо является особой формой рыночного хозяйствования под флагом сохранения самобытности. Что касается новых независимых государств, их политической властью стали создаваться условия для укрепления и развития «своих» кадров, которые-де обеспечат необходимую независимость.

4. *Этнонациональные особенности характерны и для экономической культуры, экономического сознания и поведения людей.* Как показывает исторический опыт, трудным, сложным, а порой и подневольным был процесс вовлечения народов, занимающихся скотоводством или земледелием, в индустриально-производственную деятельность. Опыт

создания промышленных центров в республиках Средней Азии и даже в странах Балтии показал, что рабочая сила в них комплектовалась в основном за счет русскоязычного населения, что потом приобрело для него неожиданные отрицательные последствия после создания независимых государств.

5. *Реальностью современности стала этническая миграция.* До недавнего времени она не признавалась в качестве самостоятельной, отличной от других видов миграций, однако этническая миграция характерна как для всего постсоветского пространства, так и для всего мира. Что касается постсоветского пространства, то причины этнической миграции особенно отчетливо проявили себя в сложное время 1990-х гг. (табл. 12.2).

Таблица 12.2. **Мотивы миграции русскоязычного населения из стран СНГ, % и ранг потенциального потока**

Мотивы миграции	*Узбекистан*		*Казахстан*		*Киргизия*	
Этнические	41,0	I	32,0	I	34,0	II
В том числе:						
этнополитические:	17,0		16,9		11,0	
этническая политика	—		4,2		—	
этническая дискриминация	17,0		14,6		11,0	
этносоциальные:	6,0		15,5		12,9	
страх перед этническими конфликтами	2,0		9,9		6,5	
националистические проявления, бытовой шовинизм	5,0		5,6		7,1	
этнокультурные:	28,0		5,2		16,8	
языковой барьер	18,6		1,4		8,4	
другие причины этнического дискомфорта	12,1		3,8		8,4	
Опасения за будущее детей	29,0	II	28/31	III—IV	31/47	III
Изоляция, оторванность от России	23,0	III	28,0	III—IV	22,0	IV
Отсутствие перспектив, неуверенность в будущем	21,0	IV	21,0	V	14,0	V

создания промышленных центров в республиках Средней Азии и даже в странах Балтии показал, что рабочая сила в них комплектовалась в основном за счет русскоязычного населения, что потом приобрело для него неожиданные отрицательные последствия после создания независимых государств.

5. *Реальностью современности стала этническая миграция.* До недавнего времени она не признавалась в качестве самостоятельной, отличной от других видов миграций, однако этническая миграция характерна как для всего постсоветского пространства, так и для всего мира. Что касается постсоветского пространства, то причины этнической миграции особенно отчетливо проявили себя в сложное время 1990-х гг. (табл. 12.2).

Таблица 12.2. **Мотивы миграции русскоязычного населения из стран СНГ, % и ранг потенциального потока**

Мотивы миграции	*Узбекистан*		*Казахстан*		*Киргизия*	
Этнические	41,0	I	32,0	I	34,0	II
В том числе:						
этнополитические:	17,0		16,9		11,0	
этническая политика	—		4,2		—	
этническая дискриминация	17,0		14,6		11,0	
этносоциальные:	6,0		15,5		12,9	
страх перед этническими конфликтами	2,0		9,9		6,5	
националистические проявления, бытовой шовинизм	5,0		5,6		7,1	
этнокультурные:	28,0		5,2		16,8	
языковой барьер	18,6		1,4		8,4	
другие причины этнического дискомфорта	12,1		3,8		8,4	
Опасения за будущее детей	29,0	II	28/31	III—IV	31/47	III
Изоляция, оторванность от России	23,0	III	28,0	III—IV	22,0	IV
Отсутствие перспектив, неуверенность в будущем	21,0	IV	21,0	V	14,0	V

Окончание табл. 12.2

Мотивы миграции	*Узбекистан*		*Казахстан*		*Киргизия*	
Недемократический режим	1,0	VIII	1,0	X	1,0	X
Социально-политическая нестабильность	7,0	VI	8,0	VII	7,0	VI
Экономические мотивы	18,0	V	31,0	II	40,0	I
Криминальная обстановка	—	—	2,0	IX	1,9	IX
Плохая экологическая ситуация	0,1	IX	11,0	VI	2,0	VI
Личные мотивы	5,0	VII	5,0	VIII	5,0	VII

Примечание. 1. Римские шифры означают номер индикатора. 2. По ряду показателей сумма не совпадает, так как некоторые из них вошли в два-три индикатора.

Источник: *Современные* этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 28—29.

Что касается мощного потока перемещения людей из районов экономического неблагополучия в богатые страны, то его породила неравномерность социально-экономического развития в мире. Серьезной проблемой стали потоки мигрантов из стран Азии и Африки, затопляющие Западную Европу, США и Канаду. Аналогичные процессы происходят и на постсоветском пространстве: миллионы трудоспособных из Закавказья и Средней Азии хлынули в Россию, в которой уровень жизни оказался выше, чем в новых независимых государствах. И дело здесь не только в решении проблем занятости и безработицы — вновь прибывшие приносят с собой образ жизни, который нередко плохо или слабо состыковывается с образом жизни русскоязычного населения.

6. *Многие процессы, которые привели к возникновению теневой экономики, приобрели национальную окраску, порождая такой феномен, как этническая преступность.* Распространение этого явления уже невозможно объяснить только экономическими закономерностями — здесь необходимо видеть как объективные, так и субъективные условия существования особенных этнонациональных отношений.

Эти и другие процессы, происходящие в экономической жизни, со временем породили в этнонациональном самосознании вопрос: насколько справедливо распределяется национальный доход как достояние всего народа между странами и между республиками, другими национальными образованиями? При этом имелись в виду

Окончание табл. 12.2

Мотивы миграции	*Узбекистан*		*Казахстан*		*Киргизия*	
Недемократический режим	1,0	VIII	1,0	X	1,0	X
Социально-политическая нестабильность	7,0	VI	8,0	VII	7,0	VI
Экономические мотивы	18,0	V	31,0	II	40,0	I
Криминальная обстановка	—	—	2,0	IX	1,9	IX
Плохая экологическая ситуация	0,1	IX	11,0	VI	2,0	VI
Личные мотивы	5,0	VII	5,0	VIII	5,0	VII

Примечание. 1. Римские шифры означают номер индикатора. 2. По ряду показателей сумма не совпадает, так как некоторые из них вошли в два-три индикатора.

Источник: *Современные* этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 28—29.

Что касается мощного потока перемещения людей из районов экономического неблагополучия в богатые страны, то его породила неравномерность социально-экономического развития в мире. Серьезной проблемой стали потоки мигрантов из стран Азии и Африки, затопляющие Западную Европу, США и Канаду. Аналогичные процессы происходят и на постсоветском пространстве: миллионы трудоспособных из Закавказья и Средней Азии хлынули в Россию, в которой уровень жизни оказался выше, чем в новых независимых государствах. И дело здесь не только в решении проблем занятости и безработицы — вновь прибывшие приносят с собой образ жизни, который нередко плохо или слабо состыковывается с образом жизни русскоязычного населения.

6. *Многие процессы, которые привели к возникновению теневой экономики, приобрели национальную окраску, порождая такой феномен, как этническая преступность.* Распространение этого явления уже невозможно объяснить только экономическими закономерностями — здесь необходимо видеть как объективные, так и субъективные условия существования особенных этнонациональных отношений.

Эти и другие процессы, происходящие в экономической жизни, со временем породили в этнонациональном самосознании вопрос: насколько справедливо распределяется национальный доход как достояние всего народа между странами и между республиками, другими национальными образованиями? При этом имелись в виду

интересы конкретных наций и народностей. И здесь вступали в силу мотивы духовного порядка: при отсутствии информации росла убежденность в неправильном, не соответствующем вкладу данного народа в политику распределении ресурсов. Именно эти факторы и поныне служат одной из причин роста настроений националистического толка, когда некоторые политические деятели с уверенностью утверждают, что в мире (или в конкретной стране) деформированы экономические отношения, в результате чего индустриальные страны Запада продолжают грабеж большинства населения планеты. Это касается претензий внутри отдельных стран, которые, как правило, имеют и бедные и богатые районы. А если эти проблемы дополнить национальными аспектами, то неудивительно, что идея защиты национальных интересов получает поддержку населения.

В условиях рыночных отношений национальные аспекты экономической жизни наряду с позитивной тенденцией роста самостоятельности обнаружили и свои противоречивые последствия. Что касается национального самосознания населения ряда бывших союзных республик, то стало очевидно, что их экономика поддерживалась Россией и полученная независимость в большинстве случаев пока, кроме изъянов, мало что принесла. Поэтому вполне объясним тот факт, что до 70% людей практически во всех бывших союзных республиках сожалеют о распаде СССР, хотя в то же время понимают, что возвращение к прежнему невозможно.

Проблема неравномерности экономического развития стала актуальной и для национальных районов России. Наряду с богатыми, самодостаточными республиками (Татарстан, Башкирия, Якутия) есть ряд национально-государственных образований, ущербных с точки зрения экономической целесообразности и эффективности. В этой связи возникает вопрос: целесообразно ли существование таких республик, как Ингушетия, Калмыкия, Алтай и ряда других, бюджеты которых на 80—90% формируются за счет централизованных субсидий.

12.3. Этносоциальные проблемы

В социальной сфере общественной жизни создаются (или должны создаваться) условия для реализации принципов социальной справедливости и социального равенства. Конечно, эти принципы понимаются по-разному различными группами людей в зависимости от их социального положения, социального статуса, принадлежности к этнической группе. Воспринятые этнонациональным

интересы конкретных наций и народностей. И здесь вступали в силу мотивы духовного порядка: при отсутствии информации росла убежденность в неправильном, не соответствующем вкладу данного народа в политику распределении ресурсов. Именно эти факторы и поныне служат одной из причин роста настроений националистического толка, когда некоторые политические деятели с уверенностью утверждают, что в мире (или в конкретной стране) деформированы экономические отношения, в результате чего индустриальные страны Запада продолжают грабеж большинства населения планеты. Это касается претензий внутри отдельных стран, которые, как правило, имеют и бедные и богатые районы. А если эти проблемы дополнить национальными аспектами, то неудивительно, что идея защиты национальных интересов получает поддержку населения.

В условиях рыночных отношений национальные аспекты экономической жизни наряду с позитивной тенденцией роста самостоятельности обнаружили и свои противоречивые последствия. Что касается национального самосознания населения ряда бывших союзных республик, то стало очевидно, что их экономика поддерживалась Россией и полученная независимость в большинстве случаев пока, кроме изъянов, мало что принесла. Поэтому вполне объясним тот факт, что до 70% людей практически во всех бывших союзных республиках сожалеют о распаде СССР, хотя в то же время понимают, что возвращение к прежнему невозможно.

Проблема неравномерности экономического развития стала актуальной и для национальных районов России. Наряду с богатыми, самодостаточными республиками (Татарстан, Башкирия, Якутия) есть ряд национально-государственных образований, ущербных с точки зрения экономической целесообразности и эффективности. В этой связи возникает вопрос: целесообразно ли существование таких республик, как Ингушетия, Калмыкия, Алтай и ряда других, бюджеты которых на 80—90% формируются за счет централизованных субсидий.

12.3. Этносоциальные проблемы

В социальной сфере общественной жизни создаются (или должны создаваться) условия для реализации принципов социальной справедливости и социального равенства. Конечно, эти принципы понимаются по-разному различными группами людей в зависимости от их социального положения, социального статуса, принадлежности к этнической группе. Воспринятые этнонациональным

(само)сознанием, они по-разному воплощены в реальной жизни, особенно когда сопоставляются с жизнью других народов.

1. *Проблемы порождаются неравномерностью развития социальной структуры.* Сюда можно отнести разные уровни развитости основных социально-классовых групп, различия в профессионально-образовательной структуре, неодинаковое распределение национального дохода, разное представительство в управлении государственными и общественными делами.

2. *Многие недостатки в российском обществе стали своеобразным продолжением достоинств, когда в национальной политике реализовывались социально-политические приоритеты.* Так, Россия в период существования Советского Союза, долгое время делившаяся всем необходимым с другими республиками в интересах их экономического и социального развития, попала в чрезвычайно затруднительное положение: население исконно русских земель жило хуже, чем население многих республик. Это послужило в немалой степени основой для появления русского национализма. Реальности 1990-х гг. показали, что те предпочтения, которые были оправданны в период становления новых наций в 1920—1950-х гг., стали препятствием на пути их согласованного развития, ибо они уже не соответствовали новой исторической реальности. Более того, они породили новые противоречия, которые питали почву для возбуждения националистических настроений и на этой основе для возникновения экстремистских движений.

3. *Представления многих народов о социальной справедливости постоянно подпитывались верой в равенство социальных возможностей.* Несмотря на декларируемое братство народов (а сейчас уже и недекларируемое), у многих народов было четко сформировано чувство приоритета славян (русских, украинцев, белорусов) — и в руководстве, и в науке, и в культуре. Поэтому у многих из них в рамках новых независимых государств (или республик в России) престижные профессии стали превращаться в привилегию лиц коренной национальности. А это, в свою очередь, вызвало встречную волну обид и ощущение творящейся несправедливости теперь уже у русских и русскоязычных. Такое нарушение принципа социального равенства, равенства возможностей людей на национальной основе не проходит бесследно и, как правило, имеет негативные социальные последствия в виде роста различных проявлений национализма и экстремизма.

4. *Чрезвычайно актуальной становится социальная защита, которая особенно касается малочисленных народов.* Создание условий для поддержания традиционного образа жизни, для сохранения

(само)сознанием, они по-разному воплощены в реальной жизни, особенно когда сопоставляются с жизнью других народов.

1. *Проблемы порождаются неравномерностью развития социальной структуры.* Сюда можно отнести разные уровни развитости основных социально-классовых групп, различия в профессионально-образовательной структуре, неодинаковое распределение национального дохода, разное представительство в управлении государственными и общественными делами.

2. *Многие недостатки в российском обществе стали своеобразным продолжением достоинств, когда в национальной политике реализовывались социально-политические приоритеты.* Так, Россия в период существования Советского Союза, долгое время делившаяся всем необходимым с другими республиками в интересах их экономического и социального развития, попала в чрезвычайно затруднительное положение: население исконно русских земель жило хуже, чем население многих республик. Это послужило в немалой степени основой для появления русского национализма. Реальности 1990-х гг. показали, что те предпочтения, которые были оправданны в период становления новых наций в 1920—1950-х гг., стали препятствием на пути их согласованного развития, ибо они уже не соответствовали новой исторической реальности. Более того, они породили новые противоречия, которые питали почву для возбуждения националистических настроений и на этой основе для возникновения экстремистских движений.

3. *Представления многих народов о социальной справедливости постоянно подпитывались верой в равенство социальных возможностей.* Несмотря на декларируемое братство народов (а сейчас уже и недекларируемое), у многих народов было четко сформировано чувство приоритета славян (русских, украинцев, белорусов) — и в руководстве, и в науке, и в культуре. Поэтому у многих из них в рамках новых независимых государств (или республик в России) престижные профессии стали превращаться в привилегию лиц коренной национальности. А это, в свою очередь, вызвало встречную волну обид и ощущение творящейся несправедливости теперь уже у русских и русскоязычных. Такое нарушение принципа социального равенства, равенства возможностей людей на национальной основе не проходит бесследно и, как правило, имеет негативные социальные последствия в виде роста различных проявлений национализма и экстремизма.

4. *Чрезвычайно актуальной становится социальная защита, которая особенно касается малочисленных народов.* Создание условий для поддержания традиционного образа жизни, для сохранения

национальной самобытности должно стать одним из направлений государственной политики, без осуществления которого неминуемо полное их исчезновение вместе с языком и культурой. Так как степень их состязательности в современной общественной жизни низка, требуются специальные меры по поддержанию их нормальной жизнедеятельности.

Анализ просчетов в социальной политике показывает, что, если интересы представителей одной нации или народности преувеличиваются, это, как правило, ведет к ущемлению интересов других национальностей. Такие предпочтения четко фиксируются в общественном сознании, на основании чего люди делают и практические выводы. Именно таким образом понятая социальная политика — поддержка интересов только определенной нации — приводит к оттоку населения других национальностей с территории того или иного национально-государственного образования.

Анализ состояния дел в социальной сфере позволяет утверждать, что у людей постоянно подрывается вера в равенство социальных возможностей в зависимости от национальной принадлежности. Убежденность в том, что в условиях провозглашенного национального суверенитета представители других народов во многих национальных республиках стали людьми второго сорта, оказалась живучей. Но чтобы социальная справедливость в этнонациональных отношениях восторжествовала, требуется такая социальная политика, чтобы место человека, возможности его развития, статус и социальная роль определялись не классовой, религиозной или национальной принадлежностью, а личными качествами, способностями, трудом.

Все это с особой остротой ставит вопрос о *сочетании этнонационального с социальным*, ибо общие тенденции развития социальных отношений не исключают, а даже предполагают учет национальных особенностей. В ином случае недальновидная, местническая политика не может не привести к ущемлению интересов этнических групп одной нации в ущерб другим, как это проявилось в республиках Балтии, в Молдове, в государствах Закавказья, когда общие (и верные) рассуждения о национальном суверенитете обернулись межнациональным противостоянием, возрождением и оживлением недоверия между коренным населением и представителями других наций.

Таким образом, соответствие социальной и национальной политики является одной из важнейших научных и практических задач по согласованию интересов народов как в одном государстве, так и во всем мире.

национальной самобытности должно стать одним из направлений государственной политики, без осуществления которого неминуемо полное их исчезновение вместе с языком и культурой. Так как степень их состязательности в современной общественной жизни низка, требуются специальные меры по поддержанию их нормальной жизнедеятельности.

Анализ просчетов в социальной политике показывает, что, если интересы представителей одной нации или народности преувеличиваются, это, как правило, ведет к ущемлению интересов других национальностей. Такие предпочтения четко фиксируются в общественном сознании, на основании чего люди делают и практические выводы. Именно таким образом понятая социальная политика — поддержка интересов только определенной нации — приводит к оттоку населения других национальностей с территории того или иного национально-государственного образования.

Анализ состояния дел в социальной сфере позволяет утверждать, что у людей постоянно подрывается вера в равенство социальных возможностей в зависимости от национальной принадлежности. Убежденность в том, что в условиях провозглашенного национального суверенитета представители других народов во многих национальных республиках стали людьми второго сорта, оказалась живучей. Но чтобы социальная справедливость в этнонациональных отношениях восторжествовала, требуется такая социальная политика, чтобы место человека, возможности его развития, статус и социальная роль определялись не классовой, религиозной или национальной принадлежностью, а личными качествами, способностями, трудом.

Все это с особой остротой ставит вопрос о *сочетании этнонационального с социальным*, ибо общие тенденции развития социальных отношений не исключают, а даже предполагают учет национальных особенностей. В ином случае недальновидная, местническая политика не может не привести к ущемлению интересов этнических групп одной нации в ущерб другим, как это проявилось в республиках Балтии, в Молдове, в государствах Закавказья, когда общие (и верные) рассуждения о национальном суверенитете обернулись межнациональным противостоянием, возрождением и оживлением недоверия между коренным населением и представителями других наций.

Таким образом, соответствие социальной и национальной политики является одной из важнейших научных и практических задач по согласованию интересов народов как в одном государстве, так и во всем мире.

12.4. Этнополитические проблемы

Что касается этнополитической жизни общества, то ее деформации и изменения переносятся особенно болезненно.

Хотя период советской власти принес некоторые позитивные результаты по организации национальной жизни (создание института государственности, подготовка национальных кадров, создание письменности для малочисленных народов), тем не менее изъяны национальной политики проявились в неумении учесть новые тенденции, особенно в 1960—1980-е гг. Это проявилось в игнорировании необходимости расширения компетенции национальных образований при решении экономической и социальной жизни. Огромный ущерб нанесли репрессии против ряда народов — чеченцев, калмыков, черкесов, немцев Поволжья, крымских татар и др. Эти акции затронули и судьбы корейцев, греков, турок-месхетинцев. И хотя большинству из них был возвращен государственный и культурно-правовой статус, эта обида, в том числе в политическом аспекте, в той или иной форме продолжает жить.

Предпосылки деформации политических аспектов национальных отношений накопились еще в пору существования СССР. Давно уже выдвигались требования уточнить полномочия республик, определить пути дальнейшего развития их государственности, более эффективно решать вопрос о представительстве интересов наций и народностей. Ведь очевидно, что даже самые незначительные проблемы в этой области, а тем более непродуманные или половинчатые решения, особенно остро воспринимаются людьми и связываются с исторической справедливостью, национальным равноправием и т.д.

Перестройка, а затем и события 90-х гг. XX в. резко обнажили те подспудные политические процессы, которые скрытно развивались почти во всех республиках. Их итогом стал распад СССР, создание самостоятельных государств и резкое обострение взаимоотношений между народами и этническими группами. Попытки на этой основе реанимировать процесс создания нового содружества, хотя бы экономического пространства, не говоря уже о политическом, имеют слабую поддержку. Более того, процессы консолидации и интеграции часто встречают сопротивление или неоднозначную их трактовку. Готовность возродить некую организацию наднационального характера больше проявляется в глубинных пластах общественного сознания, чем в действиях политических лидеров.

Национальные аспекты политической жизни продолжают оставаться острыми и в постсоветской России. Например, очевидно,

12.4. Этнополитические проблемы

Что касается этнополитической жизни общества, то ее деформации и изменения переносятся особенно болезненно.

Хотя период советской власти принес некоторые позитивные результаты по организации национальной жизни (создание института государственности, подготовка национальных кадров, создание письменности для малочисленных народов), тем не менее изъяны национальной политики проявились в неумении учесть новые тенденции, особенно в 1960—1980-е гг. Это проявилось в игнорировании необходимости расширения компетенции национальных образований при решении экономической и социальной жизни. Огромный ущерб нанесли репрессии против ряда народов — чеченцев, калмыков, черкесов, немцев Поволжья, крымских татар и др. Эти акции затронули и судьбы корейцев, греков, турок-месхетинцев. И хотя большинству из них был возвращен государственный и культурно-правовой статус, эта обида, в том числе в политическом аспекте, в той или иной форме продолжает жить.

Предпосылки деформации политических аспектов национальных отношений накопились еще в пору существования СССР. Давно уже выдвигались требования уточнить полномочия республик, определить пути дальнейшего развития их государственности, более эффективно решать вопрос о представительстве интересов наций и народностей. Ведь очевидно, что даже самые незначительные проблемы в этой области, а тем более непродуманные или половинчатые решения, особенно остро воспринимаются людьми и связываются с исторической справедливостью, национальным равноправием и т.д.

Перестройка, а затем и события 90-х гг. XX в. резко обнажили те подспудные политические процессы, которые скрытно развивались почти во всех республиках. Их итогом стал распад СССР, создание самостоятельных государств и резкое обострение взаимоотношений между народами и этническими группами. Попытки на этой основе реанимировать процесс создания нового содружества, хотя бы экономического пространства, не говоря уже о политическом, имеют слабую поддержку. Более того, процессы консолидации и интеграции часто встречают сопротивление или неоднозначную их трактовку. Готовность возродить некую организацию наднационального характера больше проявляется в глубинных пластах общественного сознания, чем в действиях политических лидеров.

Национальные аспекты политической жизни продолжают оставаться острыми и в постсоветской России. Например, очевидно,

что необходимо изменить административную карту, внести существенные коррективы в соответствии с требованиями времени. Однако предложения укрупнить области, республики, создать нечто вроде губерний, земель наталкиваются на национально-государственные границы. И хотя уже в 2/3 республик коренное население составляет менее половины, тем не менее такое решение даже в отношении этих республик невозможно из-за ожидаемого ожесточенного сопротивления этнократически ориентированных сил, хотя социальное настроение проживающих там народов уже созрело для такого акта.

Потребность в изменении национальной политики не должна в то же время порождать новые конфликты. Между тем закон о реабилитированных народах, спешно принятый осенью 1991 г. так называемыми специалистами по национальным отношениям, получившими в то время политическую власть, вызвал кровавые столкновения (между осетинам и ингушами), ибо он помимо политической, социальной и культурной предусматривал еще и территориальную реабилитацию — залог непримиримой конфликтности.

Несовершенство нынешнего политического устройства привело к таким парадоксальным явлениям, когда под вывеской национальных образований (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и др.), под предлогом защиты прав малочисленных народов (их насчитывается несколько процентов всего населения округа) реализуются интересы крупных монополий, делается все, чтобы бесконтрольно пользоваться национальными богатствами.

Для решения этнополитических проблем очень важно определиться с понятиями *«нация»* и *«гражданство»*. Их отождествление не позволяет вычленить уровень и полноту характеристик, которые необходимы и которые в реальной жизни проявляют себя, когда сравниваются те или другие народы. И если это приемлемо для США, для стран Западной Европы, то для России это неприемлемо и практически абсурдно. Если негр в США считает себя американцем (пусть и с другим цветом кожи), то в России практически все ее люди считают себя россиянами, но и в то же время татарами, чувашами, бурятами, башкирами и т.д. И если не учитывать эту особенность, то ситуация чревата национально-правовыми конфликтами. Например, демократы первой волны в 1990-е гг., ликвидировав в паспорте графу «национальность» как пережиток проклятого советского прошлого, на практике, в реальной жизни, получили неожиданный эффект: это начинание встретило ожесточенное сопротивление и требование восстановить этноправовую идентификацию.

Не менее чужды реалиям попытки руководства стран Балтии создать «государство-нацию», что отражает специфическую форму

что необходимо изменить административную карту, внести существенные коррективы в соответствии с требованиями времени. Однако предложения укрупнить области, республики, создать нечто вроде губерний, земель наталкиваются на национально-государственные границы. И хотя уже в 2/3 республик коренное население составляет менее половины, тем не менее такое решение даже в отношении этих республик невозможно из-за ожидаемого ожесточенного сопротивления этнократически ориентированных сил, хотя социальное настроение проживающих там народов уже созрело для такого акта.

Потребность в изменении национальной политики не должна в то же время порождать новые конфликты. Между тем закон о реабилитированных народах, спешно принятый осенью 1991 г. так называемыми специалистами по национальным отношениям, получившими в то время политическую власть, вызвал кровавые столкновения (между осетинам и ингушами), ибо он помимо политической, социальной и культурной предусматривал еще и территориальную реабилитацию — залог непримиримой конфликтности.

Несовершенство нынешнего политического устройства привело к таким парадоксальным явлениям, когда под вывеской национальных образований (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и др.), под предлогом защиты прав малочисленных народов (их насчитывается несколько процентов всего населения округа) реализуются интересы крупных монополий, делается все, чтобы бесконтрольно пользоваться национальными богатствами.

Для решения этнополитических проблем очень важно определиться с понятиями *«нация»* и *«гражданство»*. Их отождествление не позволяет вычленить уровень и полноту характеристик, которые необходимы и которые в реальной жизни проявляют себя, когда сравниваются те или другие народы. И если это приемлемо для США, для стран Западной Европы, то для России это неприемлемо и практически абсурдно. Если негр в США считает себя американцем (пусть и с другим цветом кожи), то в России практически все ее люди считают себя россиянами, но и в то же время татарами, чувашами, бурятами, башкирами и т.д. И если не учитывать эту особенность, то ситуация чревата национально-правовыми конфликтами. Например, демократы первой волны в 1990-е гг., ликвидировав в паспорте графу «национальность» как пережиток проклятого советского прошлого, на практике, в реальной жизни, получили неожиданный эффект: это начинание встретило ожесточенное сопротивление и требование восстановить этноправовую идентификацию.

Не менее чужды реалиям попытки руководства стран Балтии создать «государство-нацию», что отражает специфическую форму

этнократических притязаний — сформировать моноэтническое государство, подчинить другие нации и народы ведущей, автохтонной нации, что, в свою очередь, порождает многочисленные конфликты и таит опасность постоянных всплесков этнической напряженности.

Для этнополитики чрезвычайно актуальным стал вопрос *о функционировании национальных партий, движений и объединений*, которые стали создаваться как организации, представляющие интересы одного народа. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. во многих республиках СССР возникли народные фронты (по сути дела, экстремистские организации), под лозунгом которых изгонялось русскоязычное население. Именно под лозунгами «Грузия для грузин» (Грузия), «Русские — в Рязань, татары — в Казань» (Азербайджан), «Чемодан — вокзал — Москва» (Молдавия) была развязана оголтелая националистическая пропаганда, послужившая началом переселения в Россию более 6 млн русскоязычных с территории бывших союзных республик. И ослабление этого процесса к началу 2000-х гг. (но не прекращение полностью) во многом объясняется отстранением от власти экстремистских националистических сил. Однако эти силы продолжают функционировать, и их деятельность оказывает серьезное влияние на умонастроение части населения.

Особо надо подчеркнуть значение такого реально возникшего феномена, как ***этнократия***, когда политические проблемы решаются с позиций националистических сил. Опасность заключается в том, что такая власть разжигает национальную рознь, сеет недоверие между народами, подталкивает и даже прямо поощряет этнонациональные конфликты, а иногда не прочь решать спорные вопросы при помощи оружия (война Грузии в Абхазии и Южной Осетии, кровавый конфликт в Нагорном Карабахе, гражданская война в Таджикистане, осетино-ингушские столкновения). И даже там, где этнократические конфликты протекают не так остро (например, в странах Балтии), это говорит лишь об изменении методов борьбы, а не об отказе от националистических акций и соответствующей политики.

Хотя этнократия обычно выступает в закамуфлированной форме, но ее проявления — этноограниченность, этноэгоизм и этнофобия — реально существуют в ряде государств мира, в том числе в странах СНГ. Опасность такой формы власти проявляется не столько в том, что все ключевые позиции в политике и экономике сосредоточиваются в руках лиц одной национальности, сколько в возрастающей напряженности, что ведет к скрытой или открытой конфронтации, повышению миграции, росту недоверия на этнической почве и к серьезному, а иногда

этнократических притязаний — сформировать моноэтническое государство, подчинить другие нации и народы ведущей, автохтонной нации, что, в свою очередь, порождает многочисленные конфликты и таит опасность постоянных всплесков этнической напряженности.

Для этнополитики чрезвычайно актуальным стал вопрос *о функционировании национальных партий, движений и объединений*, которые стали создаваться как организации, представляющие интересы одного народа. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. во многих республиках СССР возникли народные фронты (по сути дела, экстремистские организации), под лозунгом которых изгонялось русскоязычное население. Именно под лозунгами «Грузия для грузин» (Грузия), «Русские — в Рязань, татары — в Казань» (Азербайджан), «Чемодан — вокзал — Москва» (Молдавия) была развязана оголтелая националистическая пропаганда, послужившая началом переселения в Россию более 6 млн русскоязычных с территории бывших союзных республик. И ослабление этого процесса к началу 2000-х гг. (но не прекращение полностью) во многом объясняется отстранением от власти экстремистских националистических сил. Однако эти силы продолжают функционировать, и их деятельность оказывает серьезное влияние на умонастроение части населения.

Особо надо подчеркнуть значение такого реально возникшего феномена, как ***этнократия***, когда политические проблемы решаются с позиций националистических сил. Опасность заключается в том, что такая власть разжигает национальную рознь, сеет недоверие между народами, подталкивает и даже прямо поощряет этнонациональные конфликты, а иногда не прочь решать спорные вопросы при помощи оружия (война Грузии в Абхазии и Южной Осетии, кровавый конфликт в Нагорном Карабахе, гражданская война в Таджикистане, осетино-ингушские столкновения). И даже там, где этнократические конфликты протекают не так остро (например, в странах Балтии), это говорит лишь об изменении методов борьбы, а не об отказе от националистических акций и соответствующей политики.

Хотя этнократия обычно выступает в закамуфлированной форме, но ее проявления — этноограниченность, этноэгоизм и этнофобия — реально существуют в ряде государств мира, в том числе в странах СНГ. Опасность такой формы власти проявляется не столько в том, что все ключевые позиции в политике и экономике сосредоточиваются в руках лиц одной национальности, сколько в возрастающей напряженности, что ведет к скрытой или открытой конфронтации, повышению миграции, росту недоверия на этнической почве и к серьезному, а иногда

к резкому ухудшению ситуации в регионе. Некоторое представление о давлении этнократических сил дает табл. 12.3

Таблица 12.3. **Доля автохтонного этноса в составе правительства и в населении республики, %**

Республика (регион)	*Доля в правительстве*	*Доля в населении*
Дагестан	100	87
Чечня	100	93
Ингушетия	100	77
Кабардино-Балкария	86	67
Татарстан	84	53
Карачаево-Черкессия	80	50
Северная Осетия	76	63
Калмыкия	64	53
Башкортостан	59	30
Мордовия	52	32
Бурятия	50	28
Адыгея	47	24
Удмуртия	43	29

Источник. Сидоренко А. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М., 2010. С. 94—101.

И наконец, стоит отметить, что именно в политической сфере наиболее губительны и опасны *деятельность националистических сил, их идеология*. При их участии и пособничестве формируются такие черты в сознании и поведении людей, как этноцентризм, этноэгоизм и даже этнофобия, способные посеять трудно преодолимую неприязнь и отвержение другого народа, если они проникли в обыденное, повседневное сознание.

Обобщая ситуацию в сфере этнополитических проблем, можно сказать, что многие очаги напряженности продиктованы большим набором причин и достаточно тревожными последствиями, которые не устранены полностью даже при некотором позитивном развитии событий (табл. 12.4).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что решение политических вопросов требует, с одной стороны, более глубокого обоснования, которое предполагает точный и скрупулезный учет многогранной специфики жизни народов, а с другой — повышения ответственности

тех, кто принимает политические решения, которые должны базироваться на научном анализе, а не на личных предпочтениях, симпатиях и антипатиях.

Таблица 12.4. **Возможны ли в настоящее время в том месте, где вы живете, кровопролитные столкновения на национальной почве?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2002 июль*	*2007 июль*	*2009 ноябрь*	*2009 ноябрь*
Определенно да	5	6	2	2
Скорее, да	19	16	8	8
Скорее, нет	43	46	38	38
Определенно нет	25	22	42	42
Затруднились ответить	9	10	10	10

Источник: Общественное мнение — 2011. С. 199.

12.5. Этничность духовной жизни народов

Интернационализация экономической и социальной жизни объективно приводит к тому, что *духовная жизнь рассматривается как наиболее полное воплощение достижений народа, как область национальной самобытности.* Это и в самом деле так. Именно культура, язык, обычаи и традиции народа хранят в себе в большей мере, чем другие сферы общественной жизни, национально-особенное, специфическое, присущее именно этой нации, народности, этнической группе.

Для ***развития и укрепления этнического самосознания*** важны разнообразие и неповторимость национальных культур, учет их специфических особенностей, признание их самобытности (но не исключительности), подлинное уважение к духовным ценностям народов — этот духовно-нравственный стержень приобрел в настоящее время исключительное значение, ибо в нем проявляются как общие, так и особенные черты национальной культуры. Однако на его пути стоят многие типы предубежденности (табл. 12.5).

Духовная жизнь воплощается в народной культуре, деятельности массовых (библиотеки, клубы, кино) и специализированных (театры, музеи, художественные выставки, филармонии и т.д.) учреждений. Как показывают социологические исследования, развитие таких форм национальной культуры и их влияние на нацио-

нальное самосознание протекают весьма интенсивно, хотя и своеобразно. В то же время попытки замкнуться только в рамках отдельной национальной культуры приводят лишь к обеднению духовной жизни, к замкнутости и даже деградации.

Таблица 12.5. **Чувствуете ли вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2002*	*2005*	*2007*	*2009*	*2010*
Очень часто	2	3	4	1	3
Довольно часто	8	9	11	9	13
Редко	29	26	29	28	25
Никогда/ практически никогда	60	61	53	60	55
Затруднились ответить	2	2	23	2	4

Источник. Общественное мнение — 2010. С. 190.

Аналогичные процессы характерны для образования и науки. Попытки ограничить себя национальными школами, подготовкой молодежи к будущей жизни только на этнической основе ни к чему позитивному не приводят. Наоборот, нарастает отвержение и отторжение национально-культурной замкнутости. Стремление ограничить подготовку молодежи только в национальных школах приводит к потере ее конкурентоспособности, затрудняет ее приобщение к достижениям мировой культуры.

Не менее сложным для развития духовной жизни народов является ***сосуществование языков больших и малочисленных народов.*** Россия оправданно гордится тем, что даже малые народности имеют свои письменность, язык, литературу. Но не все. Дело в том, что в стране проживает немало этнических групп, численность которых не превышает 500, 800, 1500 человек. И хотя они составляют 0,3% населения России, решение этой проблемы не снимается, а лишь обостряет необходимость поиска приемлемых форм, базирующихся на учете как общегосударственных, так и национальных ценностей и традиций. Жизнь показывает, что наиболее разумное и приемлемое решение проблемы языка в рамках многонациональных государств — это би- и трилингвизм. В то же время в условиях научно-технической революции незнание русского языка серьезно тормозит освоение и внедрение новой техники и технологии, выравнивание уровней культурного развития, приобщение людей к достижениям науки. Следовательно, утрата национальных языков является

не меньшей исторической утратой и потерей богатства и многоцветия мировой культуры.

Сторонникам абсолютизации роли национального языка и игнорирования языков, признанных мировым сообществом как основные, можно привести следующие данные: на Земле существует около 2000 языков в 266 странах, из которых 259 являются государственными. Но более 90% населения мира в качестве государственных используют 12 основных языков (в том числе и русский), которые имеют аудиторию от 100 млн до 1,2 млрд чел. Иначе говоря, вокруг этих языков происходит концентрация интеллектуального богатства всего мира.

Позитивным развитие духовной жизни можно назвать тогда, когда учитываются традиции, обычаи и нравы народов, их приверженность к определенному образу и стилю жизни как основам национальной идентичности. Именно они с наибольшей наглядностью отражают сущность и особенности национального самосознания. Применительно к проблемам традиций, обычаев, привычек может быть сформулировано единственное требование: их существование, развитие, поддержка должны основываться на одном — уважении к достоинству других народов, на том, чтобы специфические явления духовной жизни одного народа ни в коей мере не ущемляли и не попирали ценностей других наций и народностей. Именно при таком подходе их существование оправданны и может рассматриваться как выражение мировой культуры в национальном обличье. Процесс национальной идентичности позволяет выявить наиболее полно ответ на вопрос «кто я?».

Гипертрофикация, стремление ориентироваться только на национально особенное порождают серьезные издержки в развитии национальной культуры. Неоднократно выдвигавшееся требование стремиться к соблюдению адекватных пропорций в удовлетворении культурных, языковых и других запросов как у коренных, так и у некоренных народов, к установлению пропорционального их представительства в органах управления, культуры, будучи привлекательным по форме, создает на уровне индивидуального и группового сознания потенциальную почву для национальной кичливости и чванства у одних групп населения и порождает неудовлетворенность у других.

В этом плане важно развитие всех форм межличностного общения, что способствует адаптации в иноэтнической среде. В конечном счете доверие утверждается не вообще, а в конкретной обстановке, в реальном сознании и поведении людей. Социологические исследования показывают, что среди народов бывшего СССР еще

сохраняется достаточно высокий уровень взаимного доверия и уважения, несмотря на недружественные, а иногда враждебные акции в ряде стран со стороны официальных лиц, политических партий, националистической пропаганды. И даже в такой ситуации, когда по отношению к русскоязычному населению в странах Балтии стали употребляться слова «оккупанты», «инородцы». А это объективно затрагивало национальные чувства и вело к обострению межнациональных отношений. И в этой ситуации уровень взаимного доверия между представителями разных народов изменился не столь кардинально, как этого хотелось бы этнократическим силам этих стран.

В этой связи нельзя не сказать о ***крахе политики мультикультурализма***, которую осуществляли страны Западной Европы и которую пытались перенести в теорию и практику духовной и политической жизни в России. Это совсем неприемлемо для России, так как в отличие от стран Западной Европы, куда приезжали и включались большие группы из других стран (турки, арабы, индийцы и т.д.), в России наряду с русскими тысячелетиями существовали другие народы, которым не надо было «привыкать» или осваивать русскую культуру: этот процесс взаимодействия культур происходил постепенно в течение столетий и выработал свои формы контактов и обогащения друг друга.

Поиск рациональных и, возможно, доминирующих форм учета национальных особенностей в духовной жизни привел к такой перспективной форме, как ***национально-культурная автономия***, которая позволяет удовлетворить многие притязания на самобытность, суверенитет, на всесторонний учет этнических особенностей для сохранения и укрепления будущего народов.

В заключение напомним о таком получившем большое распространение в последние годы явлении, как ***диаспоры***. В Российской Федерации они стали уже неотъемлемой частью жизни как представителей тех народов, которые живут вне исторической родины, так и окружающих их народов.

Таким образом, в этнонациональных отношениях, происходящих в духовной сфере, нет незначительных вопросов. Игнорирование даже небольших на первый взгляд проблем способно при определенных обстоятельствах деформировать национальное самосознание, превратить их в серьезный конфликт. Кажущаяся локальность этих конфликтов несоизмерима с их значением и величиной в духовно-идеологическом аспекте: они быстро становятся достоянием общественного сознания и оказывают влияние на функционирование всей общественной жизни.

В связи с этим можно сделать такой вывод: залогом жизненности этнокультурной политики является реализация требования эффективного сочетания общих принципов развития и функционирования национально-особенного, максимальное предоставление прав народам, всемерное поощрение их самостоятельности, особенно в духовной сфере.

Вопросы и задания для повторения

1. Охарактеризуйте процесс возрастания роли этнических проблем в мире, в нашей стране.
2. Как соотносятся понятия «этнос» и «нация»? Объясните многозначность понятия «этнос».
3. Какова социологическая структура национального самосознания?
4. Каковы национальные особенности экономического (социального, политического) развития?
5. Что включают в себя национально-культурные отношения?
6. В чем наиболее наглядно проявляется национальная самобытность?

Темы для рефератов

1. Генезис идей о национальном вопросе в России.
2. Национальные проблемы республики (города, района) (по выбору).
3. Этнос, нация, народ: общее и особенное.
4. Диаспоры, их сущность и перспективы развития.
5. Национально-государственное устройство России: плюсы и минусы.
6. Особенности развития национальной культуры в современных условиях.
7. Обычаи и традиции как выражение национальной самобытности.
8. Проблемы взаимодействия русского и национальных языков.

Глава 13

Образ жизни

Понятие «образ жизни» вошло в социологию сравнительно недавно — с конца 1960-х гг. Шагнув со страниц журналистских и писательских публикаций, образ жизни потребовал научного анализа. Он позволил с системных позиций подойти к общественному сознанию и поведению людей, сосредоточив внимание на характеристиках, которые олицетворяют *особый вид всеобщности*. Данные этого анализа в определенной мере совпали с исследованиями, которые были направлены на выяснение таких характеристик жизни людей, как ее качество, уклад и стиль.

Образ жизни не может быть сведен только к одной, пусть и главной, деятельности человека. Он представлен совокупностью показателей, особым способом их взаимодействия. Он складывается под влиянием не только социально-экономических и политических условий: в нем важнейшую роль играют специфика культуры, этнонациональные особенности, такие социально-психологические характеристики, как идентификация, менталитет, традиции, обычаи. Образ жизни — сложное образование, и поэтому его социологическое исследование затруднено, ибо оно в известной степени впитывает в себя характеристики, которые изучаются смежными специальными социологическими теориями — социологией города и села, социологией труда и культуры, этносоциологией, социологией здоровья, быта, отдыха и т.д.

13.1. Образ жизни как объект социологического исследования

Накопленный опыт исследований образа жизни позволяет выделить несколько направлений.

1. *Образ жизни изучается как уровень жизни.* В данном случае основное внимание уделяется доходам, оплате труда, структуре потребления материальных и духовных благ и на этой основе делаются выводы о его зрелости, его соответствии как мировым, так и отечественным стандартам.

2. *Образ жизни нередко идентифицируется с возможностями потребления (стандарт жизни).* От количества потребляемых благ, условий жизни, по мнению ряда исследователей, зависит образ жиз-

ни. Эта точка зрения и породила феномен, который вошел в социальные науки под названием «общество потребления», или «общество благоденствия».

3. *Образ жизни трактуется как совокупность деятельностей в разных сферах общественной жизни.* При таком его рассмотрении учитываются условия, а также содержание и проявление каждой из форм деятельности и их роли в поведении классов, социальных групп и человека.

4. *В социологии широко используется такое понятие, как «качество жизни».* Впервые в научный оборот его ввел американский экономист Дж. Гэлбрейт, а появление этого термина было обусловлено тем, что, с одной стороны, понятия «уровень жизни», «стандарт жизни» сосредоточиваются на количественных характеристиках, а с другой — само понятие «образ жизни» слишком обще. С понятием «качество жизни» связано стремление создать достойную человека форму повседневного существования людей, причем важной особенностью является не столько официальное признание этого качества, сколько удовлетворенность жизнью, осознание, что устройство личной и общественной жизни близко или достаточно близко к их идеалу.

5. *Образ жизни рассматривается через индивидуальный стиль жизни с точки зрения его социально-психологических особенностей, т.е. через представления о личном благополучии и комфорте.* Классификация стилей жизни с позиций саморегуляции (принципы максимизации полезности, минимизации издержек и максимизации способностей) позволяет выделить *четыре варианта, ориентированных на реализацию требований гедонизма, аскетизма, созерцания и деяния.* Данные принципы саморегуляции являются предпосылками для формирования представлений о возможных способах достижения цели, а сами представления выполняют системообразующие функции в индивидуальных стилях жизни.

6. *Образ жизни — это осознанное или стихийное построение уклада жизни.* И происходит это построение, во-первых, на основе мировоззренческих ориентиров восприятия и реакции на окружающую среду (т.е. публичная жизнь) и, во-вторых, с учетом менталитета, традиций и обычаев (приватная, частная сфера повседневной жизни). Именно из такой трактовки образа жизни мы будем исходить в дальнейшем изложении его проблем.

Построение (моделирование) как публичного, так и приватного образа жизни протекает под влиянием объективных условий и субъективных факторов. Поэтому вполне логично ***типологию образа жизни*** строить: 1) по социально-классовым основаниям (рабочие,

крестьяне, предприниматели, наемные работники); 2) по этнонациональным характеристикам (образ жизни народа, нации); 3) по различиям в поселенческой структуре (образ жизни горожан или сельчан); 4) по социально-демографическим характеристикам (образ жизни молодежи, женщин, пенсионеров); 5) по социально-профессиональному разделению труда (образ жизни инженера, учителя, шахтера, рыбака и т.д.); 6) по территориально-географическим особенностям (образ жизни живущих в Сибири, на Крайнем Севере, Дальнем Востоке, Поволжье и т.д.).

Подводя итог сказанному, дадим следующее определение: ***образ жизни*** — *обобщенное* (*а не зеркальное*), *типизированное отражение реального, фактического поведения людей, сложившегося под влиянием объективных условий и субъективных устремлений.* В соответствии с этим образ жизни рассматривается не только через совокупность деятельностей людей, которые являются «носителями свойств», но и через призму того, *как* и *каким образом* они осуществляются. Стало быть, в отличие от социального положения, представленного атрибутивными характеристиками (образование, квалификация, пол, возраст), образ жизни концентрирует свое внимание на поведенческой стороне жизни человека.

13.2. Публичные (мировоззренческие) характеристики образа жизни

Показатели публичной жизни многообразны и многоплановы. *Публичность жизни начинается с идентификации человека со страной, в которой он живет.* Именно этот показатель характеризует его взаимосвязь с основными процессами, которые образуют общее полотно включенности человека в главные события, его понимание и восприятие тех изменений, которые происходят в стране, а также оценку возможных жизненных перспектив. Именно на этой основе формируются предпочтения, принятие или неприятие того общества, в котором живет человек. Анализ социологических данных показывает, что отношение к господствующему строю неоднозначно и практически составляет равновеликие части: желание жить при социализме, при капитализме или в нынешней российской действительности (табл. 13.1).

Анализ этих данных показывает, что нет единства в мировоззренческих позициях даже при таких мощных средствах воздействия на общественное сознание, как СМИ, которые осуществляют информационную политику по поддержке рыночных отношений. Но очевидно, что вопреки некоторым «экспертным» выводам ориен-

тация людей на социалистические ценности не только не исчезает, но и крепнет, в то время как либеральные идеи, оценка возможностей капиталистического устройства обществе меркнут в представлениях россиян о будущем.

Таблица 13.1. **Какая политическая система кажется вам лучшей?, % к числу опрошенных, N=1600**

Варианты ответов	*1996 февр.*	*2000 янв.*	*2005 нояб.*	*2007 окт.*	*2010 февр.*
Советская (которая была до 1990 г.)	39	45	42	35	34
Демократия по образцу западных стран	28	29	20	19	20
Нынешняя система	8	13	23	27	28

Источник. Общественное мнение — 2010. С. 32.

Публичный образ жизни имеет важную особенность, разделяющую население на две неравные части — ***активное меньшинство*** и ***пассивную часть (большинство)***, что достаточно четко проявляется в их экономических и политических позициях.

Активное меньшинство составляют люди, во-первых, обладающие капиталом и желающие приумножить его, во-вторых, имеющие власть или претендующие на нее, в-третьих, стремящиеся к славе (часто невзирая на пути ее достижения). Это меньшинство фактически навязывает волю, цели и стандарты поведения. Несмотря на свою небольшую величину, оно образует группы давления, лоббирования, тем самым определяя публичный образ жизни.

Но публичный образ жизни большинства резко отличается от политически и экономически активного меньшинства. Социологические исследования характеризуют социальные позиции большинства как инертность в поведении, отстраненность от активного участия в общественной жизни, что нередко проявляется в аномии, реже в фрустрации. В то же время *социологически наблюдаемый образ жизни — это образ жизни пассивных, нейтральных и наблюдательных слоев населения.*

И здесь возникает вопрос: каков характер изменений в мировоззрении и гражданской позиции, почему значительное число людей демонстрируют пассивность и разрыв в своем мироощущении между собой и той страной, в которой они живут? Анализ социологической информации показывает, что это в первую очередь

зависят от того, как вообще оцениваются ***направления и характер изменений***, происшедших за годы реформ в России (табл. 13.2).

Таблица 13.2. **Как изменилась ваша гражданская позиция за 2000-е гг.?, % к числу опрошенных, N=1600**

Варианты ответов	*2000*	*2007*	*2010*
Существенно усилилась	2	6	2
Несколько усилилась	7	26	13
Несколько ослабилась	39	29	37
Существенно ослабилась	36	15	27
Осталась такой же/затрудняюсь ответить	15	24	23

Источник. *Общественное мнение* — 2010. С. 19.

Как показывают данные, большие изменения в этот переходный период отмечают чаще, чем в предшествующий период. Но и разочарование («все осталось по-прежнему») тоже подчеркивают чаще. Больше всего разочарованных среди людей самого активного трудового возраста (25—39 лет) — 25% (в селе — 28), в «протестных» электоратах ЛДПР — 39 и КПРФ — 24, а меньше всего — в рядах избирателей СПС/Правого дела — 9 и партии «Яблоко» — 12%. Можно было бы предполагать, что признание крупных перемен в массовом сознании связано с их одобрением. Однако при ином повороте вопроса — о значении изменений — на первый план выступают негативные оценки происшедших сдвигов.

Что касается ***качества изменений*** (к нему всегда стремится большинство людей даже в условиях стабильности), то оно в условиях современной России оценивается весьма критически и противоречиво (табл. 13.3).

Как видно из этих данных, особых сдвигов между оценками перемен в стране и в собственной жизни не наблюдается, за исключением оценки состояния социальных гарантий. Отметим, что изменения в собственном положении к лучшему произошли только в конце 2000-х гг. — до этого собственное положение оценивалось еще ниже. По данным ВЦИОМ, показатели «хуже» и «несколько хуже» достигали 65—70%.

Когда же заходит речь о *содержании* происшедших перемен, общественное внимание сосредоточивается на утратах и бедствиях. По данным ВЦИОМ (2002), наиболее важными переменами при оценке 1990-х гг. были названы (в %): распад СССР — 55, развал пре-

ступности — 53, снижение уровня жизни — 49, спад производства — 44, исчезновение дефицита — 42, падение нравов — 39, а также влияние западного образа жизни — 25, восстановление частной собственности — 21, свобода слова, печати, выезда за рубеж — 18, сближение с Западом — 17 и возможность заработать — 16. *Характерно, что позитивную оценку необходимых для общества и для людей реформ дало меньшее число опрошенных по сравнению с негативной оценкой изменений.* Поэтому нетрудно заметить, что в центре внимания оказываются нерешенные, тревожащие людей проблемы. А решенное, достигнутое легко уходит на периферию общественного мнения. Поэтому сравнение различных изменений по степени важности дает показатели самых болевых точек.

Таблица 13.3. **Обеспечение государством основных норм жизни человека и общества (вариант ответа «обеспечиваются»), % к числу опрошенных**

	Равенство всех граждан перед законом	*Личная безопасность*	*Соблюдение прав человека*	*Социальные гарантии*	*Свобода политического выбора*	*Терпимость к чужому мнению*	*Свобода слова*
1992 январь	11	4	12	12	59	35	52
1997 август	9	6	13	8	65	41	54
1999 ноябрь	7	3	4	3	37	15	35
2001 декабрь	9	7	13	12	61	40	48
2003 октябрь	11	6	10	15	58	39	57
2005 сентябрь	13	11	15	16	56	38	50
2007 январь	12	14	17	21	61	39	56
2009 июнь	14	20	21	32	58	37	52
2010 декабрь	15	22	21	30	53	38	47

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

При характеристике образа жизни нельзя забывать о деформированном воздействии некоторых объективных характеристик, свидетельствующих о серьезных и неблагоприятных издержках. На уклад жизни, на повседневность накладывают огромный отпечаток людские потери, которые несет российское общество. Они напоминают военные сводки: ежегодно от рук бандитов погибает около 40 тыс. граждан, свыше 50 тыс. сами убивают себя, 45 тыс. гибнут в дорожно-транспортных происшествиях, 15 тыс. тонут, 220 тыс. погибают от несчастных случаев и травм (в том числе 18 тыс. от отравлений алкоголем). Этот мартиролог означает, что страна каждый год лишается примерно 370 тыс. граждан, т.е. населения крупного города. И это не считая более 100 тыс. чел., которые пропадают без вести.

Отсюда становится очевидным, почему люди стремятся найти объяснения на ***причин, приведших к изменению образа жизни***. Стоит отметить, что негативные последствия реформ и эффект несбывшихся ожиданий влияют на политические ориентации населения с начала 1990-х гг. Сначала важным фактором сохранения относительно большого числа людей, не занявших однозначно критической позиции, надеющихся на улучшение ситуации, была личная популярность Б. Ельцина и ожидания, связанные с крахом КПСС. По данным ВЦИОМ, в июле 1991 г. 61% россиян в той или иной мере разделяли позицию Б. Ельцина (18% не поддерживали), еще большая часть населения (69%) были согласны, что «за 74 года нахождения у власти Компартия окончательно дискредитировала себя» (10% — не согласны). Но вскоре после начала экономических реформ большинство жителей страны стали менять свои оценки результатов уже ельцинской политики. Многое оценивалось как самые большие потери за 20 лет реформ, тем более что в течение этого времени ни общественная, ни личная жизнь не получила не только дальнейшего улучшения, но и относительной стабильности (табл. 13.4).

Интересно отметить, что в общественном мнении остается высокой ответственность первых лиц СССР и России — Горбачева и Ельцина. И очень важно, что почти каждый десятый (10—11%) считает, что сами они лично ответственны за сложившуюся ситуацию.

Отсюда очевидно, какие мировоззренческие ориентации и установки подверглись переоценке. Примерно с 1960-х гг. образ жизни россиян претерпел существенные изменения. Социологические исследования постоянно фиксировали переориентацию общественного сознания на устройство личной жизни с учетом происходящих экономических, политических и духовных процессов. Если до этого периода многие в той или иной мере связывали жизнь с позитивными изменениями, касающимися всего общества, то уже в 1970-х гг. произошел серьезный пересмотр реально функционирующих цен-

ностей. Личные и общественные цели во все большей мере приходили в противоречие. Для большинства людей стало очевидным, что «так жить нельзя» — период застоя в стране принес огромные издержки и в экономическом и в социальном плане. Поэтому в Советском Союзе с большим воодушевлением было встречено начало перестройки в 1985 г., ибо люди искренне верили в возможность позитивных кардинальных изменений. Когда же произошло осознание тупика и ошибочности в развитии общества, это не только привело к тому, что многие засомневались в стратегическом курсе развития страны, но и способствовало отвержению идей социализма. Слова «социализм», а еще больше «коммунизм», а также «КПСС», «Советы» постепенно приобрели негативный смысл. Общественное сознание, подобно маятнику, качнулось в сторону тех идеалов, которыми жило западное общество.

Таблица 13.4. **Кто, на наш взгляд, прежде всего виноват в нынешних трудностях России?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2000 август*	*2010 август*
Руководство страны советского периода	14	11
М. Горбачев и другие лидеры перестройки	35	28
Лидеры бывших республик СССР	3	3
Б. Ельцин и его ближайшее окружение	19	15
«Демократы»	5	5
В. Путин и его ближайшее окружение	—	4
Страны Запада	1	4
Все население России	11	10
Затруднились ответить	12	18

Источник: Общественное мнение — 2010. С. 25.

Но ожидания людей, которыми они были полны в конце 1980 — начале 1990-х гг., не оправдались. Показательны в этом смысле данные всесоюзного опроса в июле 1991 г. На вопрос «Если бы вы в 1985 г. знали, к чему приведут начавшиеся в стране перемены, поддержали бы вы их?» 52% ответили «нет» при 23% поддержавших и 25% воздержавшихся (ВЦИОМ, N = 2798). Последующие за перестройкой экономические реформы в виде приватизации и либерализации цен привели к тому, что после краткого периода эйфории началось очередное изменение ценностных ориентаций. Люди стали сравнивать свое нынешнее и прежнее положение исходя

не только из того, каково состояние материальных условий их жизни, но и из того, отвечает ли оно их мировоззренческим установкам. А это значит, что *публичный образ жизни во многом определяют идеологические ориентиры.* После нигилизма конца 1980-х — начала 1990-х гг. люди стали возвращаться к тому, что они знали в прошлом, и сравнивать с настоящим. Это особенно проявилось в оценке ключевых понятий, определяющих содержание образа жизни при социализме и при капитализме (табл. 13.5).

Анализ ответов показывает, что люди весьма противоречиво охарактеризовали как достоинства и преимущества социализма и капитализма, так и их негативные стороны. При этом некоторые из них можно трактовать как совпадающие, но с разных позиций оценивающие властные отношения в стране: осуждение власти узкой группы людей при социализме и такое же резкое осуждение власти, принадлежащей чиновничеству и капиталу в постсоветской России.

И наконец, *публичный образ в России был и остается патерналистским*, т.е. большинство людей продолжают надеяться на государство, на его защиту при всей резкой его критике. Реальная практика показывает на проблему расхождения интересов населения и власти по фундаментальным вопросам жизнеосуществования (табл. 13.6).

Несомненно, что такой диссонанс между надеждами людей и фактической политикой государства ведет к деформации публичного образа жизни, к отчуждению людей от целей и забот общества, к росту непонимания ими смысла происходящих событий.

Таким образом, публичный образ жизни — это совокупность содержания и характера идентификации человека с обществом и государством, в результате которых формируется степень согласования их взаимоотношений на основе мировоззренческих оценок и ориентаций.

13.3. Приватный (индивидуальный) образ жизни

Приватный (индивидуальный, личный) образ жизни характеризует *состояние организации и формирования личных представлений о той стороне повседневной жизни, которая является достоянием индивида и малых социальных групп (семьи, родственников, друзей).* Сюда же можно отнести и сферу личного потребления.

Конечно, приватный образ жизни достаточно условно отделен от публичного. Последний, хотел бы или нет каждый конкретный человек или группа, всегда накладывает отпечаток на ту жизнь, которую они ведут (или хотели бы вести). Но вместе с тем приватный образ жизни — реальность, которая имеет тенденцию к еще большему обособлению.

Таблица 13.5. **Динамика мнений о том, что означают для них понятия «социализм» и «капитализм» (в числителе дается оценка социализму, в знаменателе — капитализму), % к числу опрошенных**

	Коллективизм	*Патернализм*	*Порядок*	*Справедливость*	*Приоритет общественного*	*Приоритет человека*	*Народное богатство*	*Технический прогресс*	*Духовность*	*Свобода*	*Подавление личности*	*Власть узкой группы людей*	*Частная собственность*
1998 декабрь	58/ 0	40/ 2	43/ 17	29/ 7	23/ 1	13/ 19	23/ 2	15/ 37	16/ 3	10/ 30	23/ 17	25/ 36	2/ 62
2000 декабрь	52/ 1	47/ 2	48/ 11	28\ 3	16/ 1	10/ 16	18/ 2	13/ 30	14/ 2	5/ 28	23/ 18	20/ 36	2/ 65
2002 декабрь	56/ 1	47/ 3	42/ 9	25/ 4	16 1	12/ 14	15/ 2	14/ 26	17/ 1	8/ 24	24/ 19	21/ 39	5/ 68
2004 июнь	53/ 2	38/ 2	41/ 13	34/ 4	21/ 1	20/ 7	18/ 2	15/ 29	17/ 3	14/ 29	20/ 23	19/ 42	1/ 67
2006 январь	42/ 2	39/ 2	37/ 7	26\ 4	16/ 1	17/ 11	15/ 2	14/ 25	12/ 2	8/ 22	21/ 18	16/ 38	2/ 52
2008 февраль	44/ 2	36/ 2	38/ 7	34/ 3	25/ 3	18/ 13	20/ 3	15/ 23	17/ 3	15/ 24	13/ 18	10/ 37	3/ 57
2009 июнь	50/ 4	45/ 3	38/ 10	32/ 5	24/ 3	18/ 12	18/ 3	11/ 26	16/ 3	10/ 25	18/ 19	16/ 37	2/ 61
2011 июнь	47/ 4	45/ 4	43/ 10	36/ 2	23/ 2	22/ 14	20/ 4	19/ 29	17/ 9	15/ 27	13/ 22	13/ 41	3/ 63

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 13.6. **Суждения о жизни в стране, % к числу опрошенных**

	Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	*Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь*	*Власти заботятся о жизни простых людей*	*Людям у власти нет никакого дела до простых людей*	*Главное для центральной власти в Москве — это решить свои проблемы за счет областей и республик России*	*Центр проводит политику в интересах регионов*	*Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране*	*Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране*
1994 февраль	20	70	1	66	33	2	9	47
1996 май	24	68	3	64	35	2	4	52
1998 декабрь	13	68	2	65	35	4	9	52
2000 декабрь	26	58	2	56	26	3	11	50
2002 декабрь	30	42	2	64	35	3	12	65
2004 декабрь	40	45	5	80	60	9	11	73
2006 июнь	40	45	4	80	56	7	11	72
2008 ноябрь	41	44	9	69	52	11	14	71
2009 декабрь	37	44	8	70	50	12	11	71

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 13.7. **Динамика тревожности, % к числу опрошенных**

Показатель	*1992 август*	*1994 февраль*	*1995 ноябрь*	*1997 январь*	*2001 декабрь*	*2003 октябрь*	*2005 сентябрь*	*2007 июль*	*2008 июнь*	*2009 декабрь*
Дороговизна жизни	—	58	56	41	66	60	60	50	58	48
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	—	—	—	—	—	44	46	39	42	31
Повышение цен на продукты питания									40	32
Безработица	-	24	14	14	31	25	22	21	16	25
Экологическая обстановка	22	34	21	24	33	33	29	42	38	32
Преступность	44	50	32	28	51	44	32	41	32	34
Произвол чиновников	—	—	—	—	32	29	29	29	29	33
Падение нравов, культуры	13	—	—	—	32	25	26	33	27	31
Наркомания	—	—	—	—	42	32	29	34	27	26
Безопасность ваша и ваших близких	—	—	—	—	—	31	33	28	27	25
Алкоголизм	—	—	—	—	17	18	20	28	22	25
Разделение общества на богатых и бедных	—	20	13	—	33	22	23	26	22	19
Высокая инфляция									25	14

Мировой экономический кризис	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
Закрытие, простой предприятий	—	32	19	22	28	16	14	10	8	14
Задержка выплаты заработной платы, пенсий	—	—	—	39	19	11	11	7	3	7
Терроризм	—	—	3	—	27	31	26	21	12	17
Обострение межнациональных отношений	26	10	6	7	21	8	8	10	9	9
Монетизации льгот	—	—	—	—	—	—	13	4	2	2

Примечание. (—) — отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Что касается содержания приватного образа жизни, то его можно охарактеризовать данными, приведенными в табл. 13.8.

Таблица 13.8. **В какой мере вы можете повлиять на то, что происходит?, % к числу опрошенных**

Показатель	*В полной/в значительной мере*			*В незначительной мере/совершенно нет*			*Затрудились ответить*		
	2006	*2208*	*2009*	*2006*	*2208*	*2009*	*2006*	*2208*	*2009*
В вашей семье	89	76	88	8	21	10	2	3	2
У вас на работе	36	*	29	47	*	41	17		30
В доме, где вы живете	52	44	35	64	52	60	4	4	4
В вашем городе, селе, районе	8	8	4	86	88	91	6	4	5
В стране	3	4	1	90	91	92	7	5	7
В мире	3	*	2	90	*	92	7		6
Число опрошенных	3000	1600	950	3000	1600	950	3000	1600	950

* Вопрос не задавался. N = 1600

Источник. Общественное мнение — 2010. С. 25.

Эти данные свидетельствуют о том, что проблемы условий жизни резко противопоставляются возможностям людей в личной (приватной) и общественной жизни. И как показывает анализ, эти различия в оценках складывается не в зависимости от образования, профессиональной принадлежности, проживания в городе и селе, а от того, какое социальное положение занимает тот или иной человек. Именно это различие и накладывает отпечаток на повседневные потребности, увеличивая разрыв между богатыми и бедными в 25—30 раз. Единственное преимущество, которое сохраняется у бедных, — это возможности межличностного общения с друзьями, коллегами, с близкими. Иначе говоря, *бедные — это не те, кого принято называть малообеспеченными или малоимущими, а те, у кого нет практически никаких средств и ресурсов.*

Не менее важной составляющей повседневной жизни является *оценка социальной справедливости в применении к человеку, к его семье, к ближайшему окружению.* Потеря ощущения справедливости привела к тому, что люди видит единственную защиту и возможность помощи только от близких, утратив надежду на поддержку со стороны государства, своей производственной организации, общественных движений, правоохранительных органов.

Даже для такой страны, как Россия, где социальные качества характеризуются повышенной степенью инертности, 13% готовы взяться за оружие и 11% прибегнуть к забастовке. Если принять во внимание 42%-ный резерв «толпы» (26% затруднились сформулировать свою позицию, а 16% утверждали, что ничего не будут делать), можно утверждать, что велика вероятность ее колебания в сторону доминирующего вектора развития ситуации. А это позволяет утверждать, что в оценках стабильности социальной и экономической ситуации в стране следует быть крайне осторожными.

13.4. Идентичность как базовая характеристика образа жизни

Вопрос «кто я?», который ставит перед собой каждый человек, органически связан с соотнесением себя с теми социальными группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать «мы» (Гришина, 2003). В большинстве случаев эти два показателя связаны с функционированием таких социальных общностей, как гражданство, этнос, религия, профессия, семья, гендер. Более того, *с кем идентифицирует себя человек или социальная группа, такое и образ их жизни*: уклад повседневной деятельности, круг проявляемых забот и реализуемых нужд. В таких общностях реализуются основные человеческие потребности — от самых обычных до творческих. Поэтому мы вправе рассматривать идентичность как базовую характеристику образа жизни, индивидуального ее стиля, согласно которой люди строят свое поведение и свою трудовую и общественную деятельность.

Связывая проблему социальной идентичности с образом жизни, нужно иметь в виду, что такой подход позволяет говорить о нормативном, реальном и желаемом образе жизни. Если ***нормативный*** образ жизни предписывает соблюдение требуемых обществом правил и процедур поведения, то ***реальный*** характеризует сложившиеся, регулярно повторяемые людьми действия, посредством которых они строят повседневную жизнь, отождествляя себя с той или иной социальной общностью, с ее целями, идеалами, потребностями, претензиями и т.д. Что же касается ***желаемого*** образа жизни, то он, как правило, не совпадает ни с нормативным, ни с реальным. Но в то же время он олицетворяет устремления людей в соответствии с их ценностными ориентациями и установками. Именно величина разрыва между нормативным, реальным и желаемым образами жизни знаменует уровень устойчивости, сбалансированности и удовлетво-

ренности человека своей жизнью, социальным положением, социальным статусом.

Так как человек является воплощением нескольких идентичностей, то мы вправе говорить, что в образе жизни, который он ведет, переплетается ряд характеристик, отражающих как наиболее значимые для него, так и второстепенные ориентации и установки. Каждая из идентичностей по-разному влияет на установление образцов поведения и вкупе с другими характеристиками образует некую новую целостность, которая воплощается в образе жизни. При этом *определяющей для образа жизни является та идентичность, которая выступает на первый план по важности и значимости для человека.* Немалое значение приобретают те принципы, которыми руководствуются человек или социальные группы при оценке своего социального положения и социального статуса. Такой подход предполагает несколько вариантов классификации идентичностей и соответствующего им образа жизни.

Первая классификация предполагает анализ тех идентичностей, которые связаны с теми или иными видами деятельности.

Во-первых, эти идентичности проявляются в социально-экономическом плане и предполагают такие ее формы, как профессиональная, должностная, производственная. Оценка значимости своей профессии, своего места работы, своей должности и даже специфики производства накладывает серьезный отпечаток на образ жизни. Именно такой подход позволяет нам говорить об образе жизни шахтера, моряка, инженера, который в явной или латентной форме требует соблюдения определенных стандартов поведения и определенных ритуалов, следования профессиональным символам. Нередко этот процесс приводит к формированию профессиональной этики, например врача.

Во-вторых, идентичность нередко базируется на гражданской, социально-политической деятельности. Она формирует и соответствующий образ жизни, хотя ее влияние может быть выражено в разной степени. Но несомненно одно: соотнесение человека с гражданством своей страны, с мировоззренческими ориентациями, с членством в политических партиях, общественных движениях является для многих людей достаточно значимой характеристикой и показателем соответствующего образа жизни. Именно на этой основе формируются активное или пассивное участие в общественной жизни, представление человека о себе как о гражданине своей страны или о человеке мира. Проявляется та или иная степень предпочтения политических и идеологических идей, желание их поддержать или занять нейтральную позицию. Образ жизни этой группы людей также может серьезно дифференцироваться. У одних

эта форма будет полностью определять стиль и направления образа жизни, у других составлять лишь часть его, у третьих проходить некоей чертой, частным случаем.

В-третьих, классовая, семейная, поколенческая, гендерная и другие виды идентичности создают возможность и реализуют такие формы образа жизни, которые в зависимости от того, какая из них выходит на первый план, определяют значимость ее характеристик. Как индивидуальный, так и групповой и общественный образ жизни впитывают важнейшие для них характеристики и на этой основе выстраивают свое специфическое воплощение.

В-четвертых, социально-культурная идентичность связана с духовными аспектами жизни человека. А они, в свою очередь, могут определяться как соответствующей деятельностью, так и предпочтениями в организации своего стиля и уклада жизни. В таком случае образ жизни во многом определяется направленностью духовных и творческих потребностей, предпочтениями в организации досуга, отдыха, времяпровождения.

Вторая классификация социальных идентичностей связана с их актуализацией.

Именно актуальность таких идентичностей, как национальная, конфессиональная, семейная и ряда других, в большей мере, чем в первой группе классификации, определяет сущность, содержание, формы и виды образа жизни. Эти идентичности довлеют над другими и в конечном счете подчиняют себе логику поведения и отношения к окружающей действительности.

Социологические исследования показывают, что *национальная идентичность*, особенно для малочисленных народов, является мобилизующим фактором, вокруг которого строится не только общественная, но и повседневная жизнь.

Во все большей мере заявляет о себе *конфессиональная идентичность*, которая выступает (нередко по форме) консолидирующим фактором, служит людям опорой в окружающем их мире. Это, например, ярко проявилось при опросах населения, когда людей спрашивали об их принадлежности к той или иной религии. Почти все идентифицирующие себя с христианской или исламской культурой относили себя к православию (христианству) или исламу. Это особенно показательно, потому что часть этих людей (до 20%) в то же время относили себя к неверующим и даже атеистам. Иначе говоря, неверующий человек, относя себя к православию или исламу, идентифицирует себя с культурой своего народа, ибо он разделяет традиции, обычаи, обряды, которые можно отнести как к светской, так и к религиозной культуре.

Что касается *семейной идентификации*, то ценности личного плана становятся определяющими в организации и построении образа жизни многих людей. Социологические исследования показывают, что значительное число опрошенных предпочитают идентифицировать себя с семьей, близкими, родными, детьми, родителями, родственниками. Более того, ценность семьи имеет тенденцию к возрастанию, несмотря на все разговоры о ее кризисе.

Третья классификация дает ответ на вопрос о стратегических ориентациях в построении образа жизни, в которых в органическом единстве сочетаются как общественные, так и групповые и личные интересы. Речь идет о *творческом, комфортном образе жизни*. Большинство людей всегда стремятся к личному и общественному благополучию, к возможности проявить творчество и претворить в жизнь свои замыслы, реализовать их в том или ином виде в сфере материального или духовного производства.

Особо стоит обратить внимание на *здоровый образ жизни*. Люди вполне осознанно или подспудно осознают ценность здоровья, его роль в своей жизни и его взаимосвязь с общественной жизнью. Причем его значение осознается в значительной степени стихийно, без должного понимания всех составляющих компонентов. К сожалению, понимание здорового образа жизни идентифицируется в сознании многих людей как противостояние, борьба с заболеваниями, болезнями или по крайней мере как их профилактика при помощи лекарств или сопутствующих им компонентов.

Между тем здоровый образ жизни, как показывают научные исследования и опыт долголетней жизни, начинается с организации и соблюдения *нормального питания*. А говорить о нем в российских условиях практически невозможно, ибо как доходы большинства населения, так и привычки и устоявшиеся стандарты питания далеки от научно обоснованных требований. Именно от питания начинаются первые шаги к долголетию, продолжительному здоровью.

Следующий шаг к обеспечению здорового образа жизни связан с *экологической ситуацией* в самом широком смысле этого слова — от экологически чистой окружающей среды до экологии жилища и социально-биологических условий трудовой деятельности.

Немалую роль в профилактике и создании базовых условий для здорового образа жизни играет *физическая культура и спорт*. Это особенно важно, ибо, как показывают данные социологических исследований, физическим оздоровлением занимается небольшой процент населения. В установлении здорового образа жизни немалое значение имеет организация *санитарно-эпидемиологического благополучия*, которая предполагает профилактику и прививки, предупреждающие возможные заболевания. Сюда также относится контроль за качеством потребляемых продуктов.

И наконец, *медицинская помощь* является тем заключительным моментом, который позволяет противостоять заболеваниям, бороться с самыми различными видами болезней, особенно с теми, которые составляют главную причину смертности населения.

Поэтому можно сказать, что здоровый образ жизни все больше и больше совмещает в себе не только личные характеристики, но и огромное воздействие общества и происходящих в нем процессов. Идентифицируя свой уклад жизни со здоровым образом жизни, люди в первую очередь обращают внимание на противостояние алкоголю, курению, неправильному питанию. Обнаружилась и такая тенденция, как ориентация на рациональное сочетание труда и отдыха, благоприятные жилищные условия, нормальную, устраивающую человека ситуацию на работе и в семье.

Все это позволяет сделать вывод, что идентичность может быть выражена посредством различных стилей, укладов и образов жизни. Весь вопрос состоит в том, чтобы обеспечить наиболее эффективное и рациональное сочетание всех тех идентичностей, которые олицетворяют люди в общественной и личной жизни. Но обобщенным показателем, который во многом определяет образ жизни людей, является ориентация на то, какое будущее ожидает Россию (табл. 13.9).

Таблица 13.9. **Мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию, % к числу опрошенных**

	Они обречены на дальнейший распад	*Будет существовать в нынешних границах*	*Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов*	*Другое мнение*	*Затруднились ответить*
1992 август	18	13	44	1	23
1993 ноябрь	15	17	42	1	25
1997 январь	18	12	37	3	30
1999 ноябрь	14	19	42	2	24
2000 декабрь	12	20	41	1	26
2003 октябрь	13	27	41	2	17
2008 февраль	9	33	32	2	25
2011 июнь	16	37	29	2	16

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Анализ этих данных позволяет сделать вывод, что практически не изменилось число людей, которые, несмотря на смену различных политических курсов в 1990—2010-е гг., сохраняют пессимистические убеждения насчет будущего России. Одновременно в полтора раза уменьшилось число людей, потерявших веру в возрождение России как свободного союза бывших народов СССР, в строительство такого объединения, на принципах которого построен Европейский Союз, при своей организации взявший многое из опыта, накопленного в период существования Советского Союза.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте определение образа жизни и его социологическую трактовку.
2. Каковы основные показатели образа жизни (характер, содержание, причины)?
3. Опишите критерии и характеристики публичного образа жизни.
4. Каковы основные характеристики приватного (индивидуального) образа жизни?
5. Почему идентичность является базовой характеристикой образа жизни?
6. Охарактеризуйте формы и виды идентичности.

Темы для рефератов

1. Генезис идей об образе жизни.
2. Соотношение понятий «образ жизни», «уровень жизни», «стиль жизни», «уклад жизни».
3. Этнонациональные особенности образа жизни.
4. Городской образ жизни.
5. Сельский образ жизни.
6. Профессиональный образ жизни (на примере любой профессии).
7. Здоровый образ жизни и его основные характеристики.
8. Уклад, стиль, стандарт, качество жизни (как общая или отдельные темы).

Глава 14

Социология семьи

Семья — один из наиболее древних социальных институтов: она возникла в недрах первобытного общества значительно раньше классов, наций и государств. Общественная ценность семьи обусловлена ее «производством и воспроизводством» непосредственной жизни, социализацией подрастающего поколения, формированием индивидуального и общественного сознания.

В процессе исторического развития отношений семьи и общества, семьи и личности постоянно изменялись под воздействием господствующего способа производства, образа жизни и общественных отношений. Развитие общества на протяжении многих веков в значительной степени было связано с регулированием взаимоотношений мужчины и женщины, существенным изменением функций семьи, созданием условий для совершенствования брачно-семейных отношений, повышением их воспитательного потенциала, а в Новое время — с устранением (уменьшением) дискриминации женщин на производстве, в политической, социальной и духовной жизни.

Заслуживает внимания исследование американского социолога Г. Кристенсена, который предложил рассматривать исследование семьи в разрезе генезиса идей: 1-й этап был посвящен изучению семейных традиций, фольклора, научной и художественной литературы; 2-й этап — «социальный дарвинизм», для которого характерно рассмотрение семьи в исторической и социально-культурной перспективе; 3-й этап — «спонтанная наука», когда накапливалась разнородная информация о семье и ее роли в обществе; 4-й этап — планомерное построение теорий — начался в середине XX в. и был нацелен на процесс самосознания семьи, на систематизацию получаемой информации. К этому периоду выявилось, что в разных странах сложились свои исследовательские традиции.

С точки зрения Р. Хилла и Д. Хансена, основные подходы можно объединить в следующие пять групп: 1) интеракционистский подход, который основное внимание уделяет взаимодействию членов семьи; 2) структурно-функциональный подход, для которого характерен анализ семьи как социальной системы; 3) ситуационный подход, фиксирующий свое внимание на ценностях и нормах в области семейно-брачных отношений; 4) институциональный подход,

концентрирующий внимание на том, что многие функции семьи перешли к обществу, и поэтому уделяющий внимание индивиду и культурным ценностям; 5) эволюционный подход, пытающийся свести различные подходы в общую систему (для этого подхода характерны такие понятия, как «стадии и циклы в семейной жизни», «эволюция потребностей и целей», «образцы поведения»).

Среди исследователей в отечественной науке следует назвать имя основоположника советской социологии семьи А.Г. Харчева, его последователей и соратников (см. библиографический список).

Признавая глубокие изменения в сфере семейно-брачных отношений, модернизацию функций семьи, ряд исследователей настоятельно подчеркивают необходимость различения семьи как социального института (который переживает серьезный кризис) и семьи как малой социальной группы (ценность которой продолжает увеличиваться, а ее значение расти в реальном общественном и индивидуальном сознании и поведении), что, на наш взгляд, является наиболее плодотворным.

При характеристике ***семьи как малой социальной группы*** важно проанализировать совокупность элементов общественного сознания и поведения, которые сопровождают процесс ее создания, функционирования, укрепления или распада. С этой целью обычно исследуют мотивы, установки, ценностные ориентации, ожидания как молодых людей, стремящихся создать семью, так и супругов на всем протяжении их совместной жизни. Весь сложный комплекс взаимодействия супругов, изменяющийся под влиянием общественных условий и субъективных факторов, составляет ту основу, которая свидетельствует об устойчивости или аморфности семейных отношений.

В познании семьи огромное значение имеет роль женщины-матери, так как от ее действий во многом зависит нравственная и социальная сила, которая является базой семьи. Это тем более важно, что женщине приходится сочетать в своей деятельности семейные, общественные и производственные функции, что многократно увеличивает ее нагрузку и ответственность.

Составной частью семьи являются дети. И это образует еще одну группу взаимоотношений в семье, которую можно рассматривать в контексте взаимосвязи с окружающей средой, кругом общения, взаимоотношениями между поколениями.

Что касается ***семьи как социального института***, то на современном этапе развития она претерпевает серьезные изменения, а по мнению некоторых исследователей, даже кризис. В связи с неопределенностью будущего, неустойчивостью материально-эконо-

мического положения растет число фактических браков, не скрепленных официальными узами: союзы друзей, которые выполняют те же функции, кроме одной — рождения детей.

Особую заботу представляют семьи с одним родителем, число которых растет под влиянием достаточно высокого процента разводов — от 30 до 50% числа заключенных браков, а также дети, родившиеся вне брака (1/4), что характерно как для большинства развитых стран, так и для России.

Продолжает оставаться актуальной проблема многопоколенной семьи, когда два-три поколения в семье ведут совместное хозяйство, организуют повседневный быт, согласовывают различные интересы.

В связи с ростом феминистского движения активно обсуждается вопрос о перераспределении функций в семье, признании женщине больших прав, о преодолении фактического неравенства между супругами и т.д.

Нельзя не обратить внимания и на полигамные и однополые браки, гражданские права которых уже признаны в ряде государств. В целом же, по мнению ряда социологов, в настоящее время существует 28 видов семьи.

14.1. Семья как малая социальная группа

Семья является первоосновой социальной структуры общества, на ее функционирование влияют социально-экономические, социально-политические и культурные процессы (как позитивные, так и негативные). На семью и ее нравственное состояние непосредственно воздействуют факторы окружающей социальной среды, то, что происходит на производстве, по месту жительства, в повседневной жизни.

Семья — малая социальная группа общества, основанная на супружеском союзе и родственных связях (муж и жена, родители и дети, другие родственники), на совместном ведении общего хозяйства и взаимной моральной ответственности (Харчев, 1979).

По переписи 2002 г., в России насчитывается 34 млн семей (в 1989 г. — 36 млн). Примерно 69% семей состоят из супругов с детьми. За период с 1991 по 2010 г. в России ежегодно заключалось от 850 тыс. до 1215 тыс. браков. Что касается разводов, то их число колебалось в 1900—2010 гг. в пределах 600—700 тыс. В эти же годы в России примерно 26—30% детей рождались вне брака (в США — 33%, в Великобритании — 35, в Финляндии — 37, в Испании свыше 64%). Следует отметить еще одну особенность российских се-

мей: если в 1959 г. национально-смешанными были 10% семей, а в 1979 г. — 15%, то в 2000-х гг. их число уменьшилось в 1,5 раза.

Семья выполняет прежде всего ***репродуктивную функцию*** — воспроизводство людей. Сейчас средняя семья в России состоит из 3,2 чел. Этот показатель существенно различается в зависимости от региона. Наибольший показатель имеют Дагестан, ряд республик Северного Кавказа, Башкирия (средняя численность детей в семье составляет четыре-пять человек), а наименьший показатель — в Центральной России. Здесь значительный удельный вес занимает семьи с одним ребенком. Наличие единственного ребенка характерно для большинства городских семей.

В 1990—2000-е гг. продолжалось уменьшение количества брачных союзов, в результате чего в стране нет даже простого воспроизводства. Происходит *процесс депопуляции*. Начиная с середины 1990-х гг. смертность населения превысила рождаемость в большинстве регионов страны. И это связано не только с увеличением коэффициента смертности, но и с резким сокращением коэффициента рождаемости: появление ребенка для многих семей связано с риском, который очень велик в условиях рыночных отношений. В результате за 20 лет население России уменьшилось почти на 7 млн чел.

На репродуктивную функцию семьи негативно влияют разводы. Сохраняется пренебрежительное отношение к здоровью супругов, их способности к воспроизводству самих себя. Как свидетельствует статистика, до 15% семей страдают бесплодием, причем 40% из них по причине бесплодия мужа. В то же время увеличение числа двух- и трехдетных семей сдерживается не только личными устремлениями супругов, но и экономическими условиями и правовыми положениями.

Одновременно растет число неполных семей — по данным переписи 1989 г., в России они составляли 14% всех типов семей. Кроме того, по данным исследования под руководством Т.А. Гурко, в 2000 г. 6% женихов и 3% невест были ориентированы на бездетный брак. По данным микропереписи 1994 г., среди женщин старшего возраста (45—49 лет) 7% не родили ни одного ребенка (Гурко, 2003). Если в нашей стране в 1989 г. каждый девятый ребенок был рожден и рос в неполной семье, то в 2008 г. — это был каждый седьмой. И наконец, увеличивается число фактических браков и союзов. По данным переписи 2002 г., 3 млн супружеских пар, или более 11% общего числа, состояли в фактическом, но юридически неоформленном брачном союзе. Выявлен и еще один интересный факт: число женщин, указавших, что они состоят в браке, превысило число состоящих в браке мужчин на 65 тыс. чел. (в 1989 г. — на

нию, открытость информации по взаимоотношениям полов в условиях ложно понятой демократии и свободы имела следствием тот же эффект: молодые люди были слабо или полностью не информированы об этой стороне жизни, так как внимание уделялось только интимным взаимоотношениям, но при этом почти совершенно не рассматривались социальные аспекты будущих супружеских обязанностей, их эмоциональная, психологическая готовность, культуры межличностных отношений, на которых зиждется семья. Такая подготовка — основа умения любить, бережно, внимательно, чутко относиться к ближнему, стараться понимать других и правильно оценивать свое поведение в семье.

Таблица 14.1. **Структура распределения времени у мужчин и женщин, %**

Позиция	*Женщины*	*Мужчины*
Работа	38,3	39,8
Домашнее хозяйство	14,5	4,5
Воспитание детей	2,2	1,8
Свободное время	5,8	11,9
Сон	30,4	31,4
Еда, уход за собой	7,3	7,0
Работа в личном хозяйстве	0,6	1,8
Другое	0,9	1,5

Источник. Данные Росстата РФ.

Только семья не в состоянии рационализовать процесс самоопределения молодежи в сфере личной жизни. Это задача, которую призваны решать и школа, и искусство, и массовая информация, и общественное мнение, и социальная среда.

Неблагоприятно влияют на воспитание подрастающего поколения слепая родительская любовь и вера в безгрешность своих детей, прощение им любых неблаговидных поступков. «Культивирование в некоторых семьях принципов собственной выгоды в ущерб общественным интересам, безграничное потакание капризам подрастающего ребенка (в силу или сознательно реализуемого "педагогического принципа", или неумеренной родительской любви, или семейных распрей, или безволия — не столь важно) — таковы основные условия для формирования сугубо индивидуалистического, эгоистического образа мышления, граничащего с преступным. Создается своего рода вилка между сформированными притязаниями, потреб-

ностями и возможностями их удовлетворения за счет собственного труда» (Смирнов, 1981).

Однако этот вывод, актуальный и значимый для 1970—1980-х гг., претерпел изменения, ибо *ситуация в семье приобрела иную направленность — из социоцентрической ячейки она все больше превращается в семьецентрическую с ориентацией на соблюдение прав и обязанностей личности.*

Огромное значение в связи с повышением ценности семьи как малой социальной группы приобретает ***изменение структуры внутрисемейных отношений***. Ранее в семейном воспитании преобладали прямолинейные «методы воспитания». В результате росло отчуждение ребенка, особенно в подростковом возрасте, появлялись озлобленность, обида, даже агрессивность, что становилось почвой для антиобщественных поступков. Кроме того, появилось огромное число брошенных детей (4% женщин, родивших ребенка, оставляют их в роддоме, отказываются от них (данные 2003 г.)), беспризорников, обретших приют в детских домах. В 2000-х гг. в России число детей-инвалидов в возрасте до 18 лет колебалась в пределах 519—593 тыс. и ежегодно возрастает на 50 тыс. детей.

Конечно, у каждой семьи, каждого взрослого свои методы и свои возможности в обращении с детьми, которые во многом зависят как от экономического базиса семьи, так и от образованности и общей культуры ее членов, от педагогических способностей родителей (они могут быть направлены и на воспитание хамских и корыстных качеств). Эти возможности определяются всей совокупностью духовно-нравственных, личностных черт каждого из членов семьи, ее морально-психологической атмосферой.

14.2. Женщина и семья

Сегодня мало кто оспаривает тот факт, что ***ключевая роль в семье принадлежит женщине***: именно ее сознание, поведение, ее роль как супруги, матери, работницы во многом предопределяют стабильность и прочность этой первоосновы (ячейки) общества.

Несомненно, что профессиональная деятельность, общение с людьми, участие в общественной жизни расширяют кругозор женщины, обогащают ее интеллектуальный и эмоциональный мир и уже этим создают возможность для возрастания шансов матери как воспитательницы, повышают ее авторитет в глазах ребенка. Но наряду с этим вовлечение женщин в общественное производство нередко оборачивается и серьезными потерями в области воспроизводства главной производительной силы общества — человека. Статистика фиксирует *обратную корреляцию между уровнем профессиональной ак-*

нятости женщин и уровнем рождаемости. Причем на уход за детьми профессионально занятые женщины тратят значительно меньше времени, чем неработающие. Время, специально отведенное на общение с детьми работающей матерью, значительно уменьшается. Занятость женщины также ведет к сокращению рождаемости, особенно если она дополняется социальной неопределенностью, которая в настоящее время порождена рыночными отношениями (Антонов, 1998).

Двойственность влияния профессиональной занятости женщин переносится и на процесс воспитания. Однако положительные и отрицательные моменты данного воздействия зависят как от нравственно-психологического климата в семье, так и от личности матери, уровня ее образованности, общей культуры, авторитета у ребенка. Следовательно, есть семьи и профессии, где указанное влияние является положительным, но немало и таких, где профессиональная работа матери приносит больше вреда, чем пользы (Голод, 1998).

Огромна роль женщины *как организатора семьи, как хранительницы семейного очага.* «Не следует забывать того обстоятельства, что юноши и девушки наследуют от родителей не только темперамент, характер, но также стиль поведения, общения, формы ответных реакций. Здесь действуют *законы социального наследования*» (Сысенко, 1983).

Умение строить семью — особый дар женщины. В настоящее время, как показывают исследования, никогда не ссорятся примерно 1/4 семей (Жвиклене, 1987). Но сравнительно широкая распространенность конфликтов говорит о том, сколь велико для функционирования семьи умение ее членов, особенно женщин, не обострять, а преодолевать ссоры, т.е. создавать, формировать культуру супружеских взаимоотношений. Культурой же определяется и отношение супругов к воспитанию детей — прежде всего, понимание смысла и значения нравственности в формировании личности.

Но мир в семье не покупается беспринципностью поведения женщины. Нередки ситуации, когда женщина мирится с тем, что в семье нездоровая обстановка, от которой страдают и она, и дети. Конфликты чаще всего возникают на почве алкоголизма (80% женщин, подавших на развод, указали на эту причину).

Однако нередко развод возбуждается без должных оснований. Судебная статистика 1980-х гг. свидетельствует, что 3% исков о разводе оставались без рассмотрения по причине неявки сторон на судебное заседание, а 14,5% завершались примирением сторон (Литвинова, 1989). Кроме того, исследования, проведенные Н. Соловьевым в Волгодонске, выявили, что 67,6% разведенных мужчин и 43,6% раз-

веденных женщин сказали, что, по их мнению, развод можно было бы предотвратить.

Важной причиной, сдерживающей проявление созидательной роли женщины, является *неразвитость социальной сферы, службы быта*, которые непосредственно затрагивают ее интересы. В этом находит свое выражение «социальная глухота», пренебрежение к специфическим нуждам женщин, имеющим в отличие от мужчин двойной рабочий день. По статистическим данным, отрасли обслуживания берут на себя всего лишь 1/5 затрат времени населения, связанных с ведением домашнего хозяйства. Остальные 4/5 падают, как правило, на плечи женщин. Известно, что посещение магазинов и приготовление пищи до сих пор являются «привилегией» женщин, на что расходуются миллиарды часов. Рыночные отношения не улучшили, а, наоборот, усугубили ситуацию: в большинстве семей домашние заботы полностью перешли в «компетенцию» женщины при массовом сокращении или недоступности многих учреждений сферы услуг.

И мировой и отечественный опыт функционирования семьи показывают, что, если общество содействует женщине в ее стремлении обеспечить рациональное сочетание ролей матери, работницы, хозяйки, это облегчает ее положение по совмещению профессионального труда и материнства, выполнению родительских обязанностей, созданию благоприятного социально-психологического климата в семье.

Несмотря на важность и актуальность материальной обеспеченности, к чему всегда стремится женщина, жизнь показывает, что *рост благосостояния семьи не ведет к автоматическому росту эффективности семейного благополучия*. Более того, улучшившиеся материальные возможности семьи нередко используются в ущерб нравственному развитию детей, усиливая у них иждивенческие настроения, формируя пренебрежение к труду — главной связи человека с обществом, а следовательно, и главному источнику трудовой морали, определяющей образ жизни человека.

В целом же речь идет о том, чтобы превратить семью из объекта постоянной заботы только одной женщины в тесный союз супругов, каждый из которых вносит свою лепту в строительство семейного очага.

14.3. Семья как социальный институт

Семья оказывает влияние на всю жизнь человека, но наиболее значительна ее роль в самом начале его жизненного пути, когда закладываются *нравственные, психологические, эмоциональные основы*

личности. Если учитывать, что на первые годы жизни ребенка приходятся важные сенситивные пики развития (эмоции, познавательная активность, формирование характера), то семейное воспитание является практически незаменимым компонентом среди других социальных институтов. Вот почему, упуская возможности воздействия на ребенка в дошкольные годы, семья (и общество) часто лишаются их вообще.

Подлинный авторитет семьи завоевывается не просто дидактическими назиданиями (как это обычно делают в школе), а образом жизни, поведением родителей. Обычно такой авторитет не подвержен никакой инфляции. Авторитет же силы, зависимости, страха легко переходит в свою противоположность, как только лишается своих подпорок. Например, у подростка появляется физическая сила, и родители уже не в состоянии его наказать. Или: молодой человек начинает сам, любыми путями, порой нечестными, добывать деньги, и родители не могут, как раньше своими подачками, заставить его следовать их указаниям, прислушиваться к их мнению. Проблема внутрисемейного нравственного авторитета очень важна и актуальна, так как ее решение выходит далеко за рамки семьи и школы.

Воспитание в семье — большой труд: и физический, когда ухаживают за малышом, и умственный, когда речь идет о его духовном развитии. К сожалению, это требование в должной мере не осознается обществом: воспитание недостаточно стимулируется материально, а нравственная и социальная ценность труда матери-воспитательницы не приравнена ни в общественном мнении, ни в трудовом законодательстве к профессиональному труду, да и самой семьей, которая часто воспитывает (иногда и неплохо) лишь своим «бытием».

Человека воспитывают и развивают как положительные, так и отрицательные эмоции, но «лучший университет, — писал А.С. Пушкин, — счастье. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному». Сущность эмоциональных отношений между родителями и детьми нашла глубокую и всестороннюю оценку в словах В.А. Сухомлинского: «Нормальное нравственное развитие, гармония любви, счастья и труда (а от этой гармонии в сущности зависит моральное здоровье человека) возможны только при условии, если ребенок убежден: я кому-то очень, очень нужен. Я для кого-то безмерно дорог. Кто-то видит во мне смысл своей жизни. Но и я кем-то очень, очень дорожу, без кого-то не могу жить. Может быть, это убеждение не выступает в виде отчетливой мысли, но оно наполняет все человеческое существо ребенка пере-

живаниями радости полноты жизни». В.А. Сухомлинский закономерно связывает это переживание с формированием у ребенка своего рода социально-психологического базиса его дальнейшего нравственного развития, включая механизмы ответственности и воли, достоинства и уверенности в себе. Последнее есть антитеза комплексу неполноценности, снижающему возможности самоутверждения и самореализации личности.

Ребенок, сталкиваясь с внешним миром в раннем детстве, на *первом этапе социализации* начинает познавать общественные отношения при помощи родителей и детских дошкольных учреждений. Однако даже в 1980-е гг. обеспеченность этими учреждениями по стране в целом не превышала 60%. Существующие же учреждения страдали от перегруженности, низкой квалификации воспитателей, слабой материальной базы, плохого медицинского обслуживания и незаинтересованности персонала в высокоэффективной работе. К сожалению, ситуация в 2000-е гг. еще более усугубилась: закрылись тысячи детских садов и других дошкольных учреждений из-за неспособности государства продолжать финансирование их работы и из-за невозможности родителей взвалить на свои плечи эти материальные затраты. Провозглашенный курс на поддержку рождаемости при помощи «материнского капитала» (в 2012 г. он вырастет до 385 тыс. руб.) торпедируется отсутствием вразумительной политики государства по строительству (или возврату от нынешних владельцев) детских садов, на которые, например в Москве, уделяется меньше средств, чем на строительство церквей «шаговой доступности» (Иноземцев, 2011).

В предподростковый и подростковый периоды велика роль неформальных групп сверстников с их специфической субкультурой, групповыми ценностями, жестко регламентированным лидерством. Нередко эти группы успешно конкурируют с семьей, чему можно радоваться, если группа социально здоровая, но не может не вызывать тревогу, если нравственное превосходство на стороне ущербной группы или деформированной семьи. Поведение подростков в подобной ситуации зависит от заложенного в детях в ранний период их нравственного становления определенного «запаса прочности», который может базироваться в первую очередь на моральном авторитете отца и матери (Солодников, 2001).

На развитие семьи как социального института, на подготовку юной смены к предстоящей жизни *влияет социально-экономическая ситуация в обществе.* Наряду с положительными примерами дети нередко становятся свидетелями корысти, деформированных потребностей, асоциальных возможностей и путей их удовлетворения,

а также убежденности, что добыть материальные блага можно без особого труда. Поводом для таких настроений являются бесхозяйственность, наплевательское отношение ко всему «не своему», безответственное отношение к технике, природе, окружающему миру. Все это, во-первых, обесценивает в глазах детей и подростков значение труда и его результатов, во-вторых, формирует равнодушное отношение к окружающей среде, подрывает веру в справедливость и незыблемость права и законности.

Ясно, что примеры безнаказанности, аморальности как в обществе, так и в соседних семьях обесценивают потенциал воспитания и в нравственно здоровой семье, возводят в некий закон двойную мораль. Несоответствие слова и дела создает неотразимые в глазах подростков аргументы в пользу циничного и делового отношения к людям, к жизни. Элементы социальной коррозии незаметно подтачивают нравственные ценности — убежденность, трудовую мораль, патриотизм. Неизбежным следствием являются падение интереса к общественным делам, бездуховность, скептицизм. В результате возрастает прослойка людей, для которых цель жизни сводится только к материальному благополучию, к наживе любыми способами. В этой ситуации семья уходит на второй план, уступая утилитарным интересам.

Нередко уродливые явления порождают и столь же уродливые формы реакции на них. Когда с надругательством наш публично проповедуемой моралью, ценностями жизни сталкивается не борец, а натура слабая или не приученная к активной борьбе (что также является серьезным изъяном нравственного воспитания), возникают «позывы» к алкоголизму, наркомании и другим проявлениям отклоняющегося поведения и даже преступности.

На поведение ребенка, подростка влияют неполные семьи, в которых (даже при прочих благополучных условиях) снижаются и экономические, и воспитательные возможности. Так, как после развода ребенок чаще всего остается с матерью, у нее нередко не хватает ни сил, ни времени на общение с ним. Возрастная психология подростков такова, что потеря одного из родителей, даже плохого, часто негативно сказывается на дальнейшем формировании его личности.

Изучение причин аморальности, анализ факторов, способствующих ее росту, позволяют сделать вывод, что противостоять ей может только нравственно зрелая, педагогически грамотная семья, сплоченная на базе гуманных ценностей и интересов. Ведь нельзя не обратить внимание на так называемое социальное сиротство: из

каждых десяти детей, содержащихся в детдомах, лишь двое не имеют родителей.

Коллизии социализации заключаются и в том, что активной, сплоченной может быть и семья, ориентированная на асоциальные по своей сути ценности. Поэтому на первое место выходит формирование нравственной дееспособности семьи, усвоение ее членами ценностей, которые отразятся на ее образе жизни и явится надежной основой гражданской позиции личности.

Социологов все больше интересует ***проблема социального одиночества и его влияния на формирование и жизнедеятельность личности***. Социологические данные польских специалистов, изучавших воспитание детей в детских домах, показали, что уровень эмоционального и в целом интеллектуального развития у этих детей значительно ниже, чем у воспитывающихся в семье. Конечно, семьи также бывают разные. Не случайно многие подростки высказывают мнение, что семья в основном занимается их материальным обеспечением (одеждой, пищей и т.д.), что взрослым некогда общаться с детьми, а часто у них и нет желания. В результате именно неформальные группы служат тем психологическим «убежищем», которого недостает ребенку в семье. Особенно актуальна эта проблема в условиях города, где социальный контроль ослаблен, хотя его компоненты могли бы быть сегодня эффективными средствами социализации подрастающего поколения.

Таким образом, подготовка молодого человека к жизни требует ***скоординированных, научно обоснованных и комплексных действий семьи как социального института***. Рост числа факторов, воздействующих на человека (как положительных, так и отрицательных), особенно в условиях крупных городов, увеличение неопределенности, борьба отжившего, но не сдающего свои позиции, с новым, нарождающимся, предполагают активизацию деятельности всех звеньев социализации человека. Наиболее высоким нравственно-воспитательным потенциалом обладает полная (оба супруга) семья, максимально реализующая свои возможности не только как социального института, но и как нравственно-психологической группы. Это разграничение двух сторон брачно-семейных отношений — их взаимодействия с социальными процессами, нормами, установками и внутренним содержанием — помогает определить основные показатели созидательного потенциала семьи: мера учета общественных интересов, развитость духовных потребностей, характер распределения бытовых забот между членами семьи, интенсивность общения между родителями и детьми, уровень требовательности к себе

и другим, принципы, на которых строятся связи с родственниками и социальной средой.

Можно предположить, что, чем эти показатели обоснованнее, тем сильнее позитивное влияние семьи на становление личности ребенка, тем эффективнее ее социально-нравственная воспитательная дееспособность.

Вопросы и задания для повторения

1. Расскажите о предмете социологии семьи?
2. В чем состоят основные функции семьи?
3. Какова роль женщины как супруги, матери, работницы?
4. Каковы причины распада семей?
5. Опишите главные ошибки семейного воспитания.
6. В чем заключается роль семьи в социализации ребенка?
7. Какие факторы окружающей среды влияют на семью и воспитание детей?

Темы для рефератов

1. Социология семьи: современные проблемы.
2. Основные причины кризиса современной семьи.
3. Неполная семья: характеристика ситуации и пути ее решения.
4. Единственный ребенок в семье: личностные и общественные аспекты проблемы.
5. Многопоколенные семьи и их специфические черты.
6. Изменение функций семьи в конце XX — начале XXI в.
7. Роли женщины-супруги и женщины-труженицы: как их совместить.
8. Новые виды семей: есть ли за ними будущее.
9. Социальное сиротство как феномен российской действительности.
10. Социальное одиночество: сущность феномена.
11. Социальное наследование и его специфика в современном мире.

Глава 15

Социология молодежи

Социология молодежи — специальная социологическая теория, изучающая сознание, поведение и особенности социализации вступающих в жизнь молодых людей, процесс преемственности и взаимодействия со старшим поколением, степень, уровень и формы ее творчества и новаторства при решении общественных проблем.

Конституирование социологии молодежи как самостоятельной теории произошло на Международном социологическом конгрессе в Варне (1970), когда было принято решение о создании специального исследовательского комитета. Это решение означало, что в данной отрасли научного знания произошло серьезное накопление информации как теоретического, так и прикладного плана. Социальные проблемы молодежи стали одним из наиболее активно разрабатываемых направлений мировой социологической науки, особенно с конца 1960-х гг., после известных массовых ее выступлений в ряде стран. Исследования молодежи включены в контекст многих научных исследований, но вместе с тем они отличаются от них по своему предмету и методам. Специальному анализу подвергаются молодежные движения, молодежная субкультура, трудовая и общественная активность молодежи, процесс ее вступления в самостоятельную жизнь, изменения в ценностных ориентациях, неформальные объединения молодежи и ее социально-психологические особенности.

Проблемы молодежи исследуются как в контексте всего общества, его основных характеристик, структурных сдвигов и изменений, так и дифференцированно — как особой социальной группы с присущими ей признаками и свойствами. Проблемы молодежи России во многом связаны с теми объективными процессами, которые протекают в современном мире: глобализацией, экологическими угрозами, урбанизацией, повышением удельного веса лиц преклонного возраста, межэтнической миграцией и т.д. Но они имеют и свою специфику, опосредованы реальной действительностью, той политикой, которая проводится по отношению к молодежи.

15.1. Возрастная стратификация

Каждый знает, что *юность — определенный этап созревания и развития человека, лежащий между детством и взрослостью.* Переход от детства к взрослости обычно подразделяется на два этапа: подростковый

(отрочество) и юность (ранняя и поздняя). Однако хронологические границы этих возрастов часто определяются совершенно по-разному. Например, в отечественной психиатрии возраст от 14 до 18 лет называется подростковым, в психологии же 16—18-летних считают юношами и девушками.

Возрастная терминология никогда не была однозначной. В «Толковом словаре» В. Даля юноша определяется как «молодой, малый, парень от 15 до 20 лет и более», а подросток — как «дитя на подросте», около 14—15 лет. Л.Н. Толстой хронологической гранью между отрочеством и юностью считал 15-летие. В то же время герою романа Ф.М. Достоевского «Подросток» уже исполнилось 20 лет. Раньше в русском языке слово «отрок» обозначало и дитя, и подростка, и юношу. Та же нечеткость граней характерна для классической и средневековой латыни.

Важная деталь: возрастные категории во многих, если не во всех, языках первоначально обозначали не столько хронологический возраст человека, сколько его общественное положение, социальный статус. Так, древнерусское «отрок» (*букв.* не имеющий права говорить) означало: раб, слуга, работник, княжеский воин.

Связь возрастных категорий с социальным статусом сохраняется и в современных языках. Умаление возрастного статуса человека, обращение к нему как к младшему («молодой человек», «парень» и т.п.) нередко содержат в себе оттенок дистанцирования или снисходительности.

Это проявляется и в ***периодизации жизненного пути***. Представления о свойствах и возможностях индивидов каждого возраста тесно связаны с существующей в обществе возрастной стратификацией. Хронологический возраст, а точнее — предполагаемый им уровень развития индивида, прямо или косвенно отражает его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей и т.п. Половозрастное разделение труда во многом определяет социальное положение, самосознание и уровень притязаний членов соответствующей возрастной группы.

Возраст служит критерием занятия или отпадения той или иной социальной роли, причем их взаимосвязь может быть как прямой, так и опосредованной (например, временем, необходимым для получения образования, без которого нельзя занять определенное социальное положение). В одних случаях критерии являются *нормативно-юридическими* (школьный возраст, гражданское совершеннолетие), в других — *фактическими* (например, средний возраст вступления в брак), причем степень определенности возрастных критериев и границ в разных обществах и разных сферах деятельности весьма изменчива.

Возрастная стратификация включает также связанные с возрастом *социально-психологические ожидания и санкции* (сравните представления — не всегда осознанные — о «нормальном поведении» и степени ответственности подростка и взрослого, молодого рабочего и ветерана).

Слово «*юность*» обозначает фазу перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости, что предполагает, с одной стороны, завершение физического, в частности полового, созревания, а с другой — достижение социальной зрелости. Но в разных обществах это происходит по-разному.

В ***первобытных обществах***, с их сравнительно простой и стабильной социальной структурой, индивид относительно легко усваивал социальные роли и трудовые навыки, необходимые взрослому человеку. Низкая продолжительность жизни не позволяла обществу особенно затягивать «подготовительный период». Детство кончалось рано, воспитание и обучение имели преимущественно практический характер: дети приобретали знания и навыки, участвуя в посильной для них форме трудовой и прочей деятельности взрослых. Даже в настоящее время у многих народов Сибири дети уже к 10—12 годам владеют жизненно необходимыми приемами — стрельбой, греблей, рыболовством, становясь практически равноправными работниками.

В *Средние века* передача накопленного старшими опыта осуществлялась в основном путем непосредственного практического включения ребенка в деятельность взрослых. Ребенок выполнял подсобные функции в родительской семье или вне дома; обучение было органической частью труда и быта, а критерии зрелости имели сословный характер. В описании детства и отрочества средневековая мысль подчеркивала не столько задачу подготовки к будущей жизни, сколько момент социальной зависимости (вспомним этимологию слова «отрок»).

Буйный юношеский возраст не вызывал у старших умиления. Как говорит один из шекспировских персонажей, «лучше бы люди, когда им исполнилось десять, но еще не стукнуло двадцать три, вовсе не имели возраста. Лучше бы юность проспала свои годы, потому что нет у нее другой забавы, как делать бабам брюхо, оскорблять стариков, драться и красть».

Важнейшим критерием взрослости считается создание семьи, с чем ассоциируются самостоятельность и ответственность человека.

Новое время принесло важные социальные и психологические сдвиги. Физическое, в частности половое, созревание заметно ускорилось, заставляя снижать границы юношеского возраста. Напротив,

усложнение общественно-трудовой деятельности, в которой участвует человек, влечет за собой удлинение сроков обучения. Новые поколения молодежи значительно позже, чем их ровесники в прошлом, начинают самостоятельную трудовую жизнь, дольше сидят за партами разного размера. Отсюда — удлинение периода *«разного моратория»* (когда юноша «примеряет» различные взрослые роли, но еще не идентифицируется с ними окончательно) и изменение соответствующих социально-психологических стереотипов.

В ***Новейшее время***, после буржуазных революций, возможности индивидуального выбора — профессии, жены (мужа), образа жизни — значительно расширились. Социально-психологические горизонты человека в век книгопечатания и массовых коммуникаций не ограничены рамками его непосредственного окружения. Большая свобода выбора способствует формированию самостоятельного характера и обеспечивает большее разнообразие индивидуальных вариаций. Но оборотная сторона этого — усложнение процесса самоопределения. Очень уж велик выбор возможных путей, и только практически, в ходе самой деятельности, выясняется, подходит она человеку или нет.

Социальное самоопределение (все равно, идет ли речь о выборе профессии или мировоззренческом поиске) есть определение своего положения в обществе. Оно направлено не внутрь личности, а вовне. Но ответ на вопросы, *кем быть* и *что делать*, подразумевает также определенную оценку себя и своих возможностей (Чупров, Зубок, 2000).

Рост социальной автономии молодежи и индивидуальное самоопределение в противоположность пассивному приспособлению к существующим условиям породили к середине XVIII в. ***новый нормативный канон юности*** — представление о юности как об эпохе «второго рождения», «бури и натиска», воплощения «чистой субъективности». Знаменитый трактат Жан-Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762), где были подробно развиты эти идеи, часто называют «открытием» или «изобретением» юности. Говоря словами Томаса Манна, «в один прекрасный день оказалось, что век, который изобрел женскую эмансипацию и стал ратовать за права ребенка, — весьма снисходительный век, — пожаловал и юность привилегией самостоятельности, а она уж, конечно, быстро с нею освоилась».

Однако свойства юности сразу же оказались проблематичными. Одни видят в юности «метафизический дар» первозданной естественности, «единственно правомерный мост между цивилизацией и природой», «предцивилизационное состояние», «доподлинно роман-

тический возраст», призванный «подняться и сбросить оковы отжившей цивилизации, отважиться на то, на что у других не хватает жизненной отваги, а именно — вновь погрузиться в стихийное». Другие же считают свойства юности продуктом специфических условий и воспитания [Лисовский, 1995].

Социальное происхождение и ***классовое положение*** оказывают громадное влияние на жизненный путь индивида — от темпов физического созревания и до содержания мировоззрения. Нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь сложного личностного качества, которое не зависело бы от социальных и средовых факторов: социальное происхождение, род занятий, уровень образования родителей, особенности социально-экологической среды, тип населенного пункта (большой город, малый город, деревня), состав, структура и материальное положение семьи, его собственное социальное положение и вид занятий (школьник, учащийся техникума, студент вуза, рабочий и т.д.).

К социально-экономическим различиям добавляются ***национальные, этнокультурные особенности***.

Юношеский солипсизм (вся история начинается с нас!) и старческая уверенность в неизменности устоев бытия одинаково несостоятельны.

Сравнивать разные поколения трудно. В каждом поколении были, есть и будут разные люди. Кроме того, люди склонны абсолютизировать собственные привычки и вкусы, поэтому у части людей старшего возраста на первый план выступают внешние, второстепенные черты. Каждое поколение стоит на плечах предыдущего, не всегда осознавая эту преемственность. Вместе с тем мы не должны игнорировать реальные политические устремления, оценки и ориентации молодежи (табл. 15.1.)

Преемственность поколений необязательно идет по восходящей линии. Иногда она напоминает движение маятника. Анализируя историю буржуазной революционности в XIX в., А.И. Герцен писал, что «дети» выглядят порой старше своих «отцов» и «дедов»: «Между стариком девяностых годов, фанатиком, фантастом, идеалистом, и сыном, который старше его осторожностью, благоразумением, разочарованием... и внуком... нарушено естественное отношение, нарушено равновесие, искажена органическая преемственность поколений... На этом поколении окончательно останавливается и начинает свое отступление революционная эпоха; еще поколение — и нет больше порывов, все принимает обычный порядок, личность стирается, смена экземпляров едва заметна в продолжающемся жизненном обиходе».

Таблица 15.1. **Изменение политических настроений молодежи 1999—2007 гг.**

Утверждения (настроения)	*Распределение, %*					
	1999		*2002*		*2007*	
	Согласен	*Не согласен*	*Согласен*	*Не согласен*	*Согласен*	*Не согласен*
Власти нет дела до нужд молодежи, ее используют только как инструмент в избирательных кампаниях	87,0	13,0	79,1	20,4	69,9	30,1
Сейчас все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	64,8	35,2	63,5	36,5	55,2	44,8
Благополучие человека зависит только от него самого, никто не должен вмешиваться в его жизнь, и ему нет дела до других	47,1	52,9	56,5	43,5	54,0	46,0
Сегодня главное в жизни — это деньги	55,9	44,1	62,5	37,5	57,9	42,1
Теперь нет честных и нечестных способов делать деньги, есть только легкие и трудные пути	61,5	38,5	67,2	32,8	62,8	37,2
У таких людей, как я, нет никаких возможностей повлиять на действия власти	86,9	13,1	85,1	14,9	77,3	22,7

Источник. Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Одна из кардинальных ошибок прошлого состояла в попытках выработать определенный набор качеств личности, который должен был соответствовать идеальной модели, мало заботясь о том, соответствуют ли эти модели реальности. Молодежь рассматривали нередко в качестве лишь объекта воздействия (воспитания), а не активного субъекта социальной жизни. Теоретики от педагогики постоянно призывали «запрограммировать воспитательный процесс, установить четкие, стратегические ориентиры воспитания, расписать все ценности, на которых должна строиться деятельность в области воспитания» [Лисовский, 1995].

Стоит ли удивляться, что именно подобные рекомендации завели в тупик. Воспитание послушания, единомыслия и единообразия не способствовало формированию социально зрелой личности.

15.2. Теории юношеского возраста и преемственность поколений

Неофрейдизм. Сильное влияние на осмысление проблем юности оказал психоанализ. Его родоначальник — австрийский психиатр *Зигмунд Фрейд* (1856—1939) не создал систематической концепции юношеского возраста, но выдвинул ряд важных положений о природе подростковой и юношеской сексуальности, эмоциональных процессов и особенностях развития юношеской личности.

Самым влиятельным представителем неофрейдизма в психологии развития вообще и юношеского возраста особенно был известный американский психолог *Эрик Эриксон* (1902—1982). Развитие человека, по Эриксону, складывается из трех взаимосвязанных, хотя и автономных процессов: соматического развития, изучаемого биологией, развития сознательного «Я», изучаемого психологией, и социального развития, изучаемого социологией и другими общественными науками. Основной закон развития — «эпигенетический принцип», согласно которому на каждом новом этапе развития возникают новые явления и свойства, которых не было на предшествующих стадиях процесса. Переход к новой фазе развития протекает в форме «нормативного кризиса», который внешне напоминает патологические явления, но на самом деле выражает нормальные трудности роста. Переход в новую фазу развития возможен только на основе разрешения основного противоречия, свойственного предыдущей фазе. Если противоречие не разрешено, это неминуемо скажется позже.

Развитие человека предполагает совместное действие врожденных и средовых компонентов. Представители общества — воспитатели, родители — связаны с ребенком собственными врожденными потребностями. Если ребенок нуждается в эмоциональном тепле, то родители испытывают потребность в том, чтобы опекать и нянчить младенца. Именно совпадение этих двух разнонаправленных потребностей обеспечивает искомый результат. В то же время каждое общество имеет специфические институты, в рамках и посредством которых осуществляется социализация детей. Поэтому, хотя общая последовательность и главные задачи основных фаз эпигенеза универсальны, инвариантны, типические способы разрешения этих задач варьируются от одного общества к другому. Общество подготавливает

индивида к выполнению соответствующих социальных функций, определяя способы, посредством которых сам индивид решает встающие на его пути жизненные задачи.

Эриксон подразделяет весь жизненный путь на восемь фаз, шесть из которых относятся к молодому поколению.

Первая фаза — младенчество: ее главная задача — *выработать у ребенка бессознательное чувство «базового доверия» к внешнему миру.* Основным средством служат родительская забота и любовь. Если «базовое доверие» не возникает, у младенца появляются чувства «базового недоверия» к миру, тревожность, которая может проявиться в форме замкнутости, ухода в себя и т.п.

Во ***второй фазе*** — раннем детстве — *у ребенка формируется чувство своей автономности и личной ценности или их противоположность — стыд и сомнение.* Рост самостоятельности ребенка, начинающийся с управления своими телесными отправлениями, дает ему возможность выбора, благодаря чему на этой фазе развития закладываются такие черты будущей личности, как чувство ответственности, уважение к дисциплине и порядку.

Третья фаза — игровой возраст (приблизительно от пяти до семи лет) — *формирует чувство инициативы, желание сделать что-то.* Если желание блокируется, возникает чувство вины. В этом возрасте решающее значение имеют групповая игра, общение со сверстниками, позволяющие ребенку примерять разные роли, развивать фантазию и т.д. На данной фазе закладывается чувство справедливости, понимаемой как соответствие правилу.

Главное ***четвертой фазы*** — школьного возраста — *чувство предприимчивости, способность добиваться поставленной цели.* Важнейшими ценностями становятся творчество и компетентность. В отрицательном варианте развития у ребенка появляется чувство неполноценности, которое первоначально возникает из сознания своей некомпетентности, неуспешности в решении конкретных задач, чаще всего связанных с учебой. В этом возрасте закладывается отношение к труду.

Пятая фаза — юность — *характеризуется появлением чувства своей неповторимости, индивидуальности, непохожести на других.* В отрицательном же варианте возникают диффузное, расплывчатое «Я», ролевая и личностная неопределенность. Типичная черта этой фазы развития — «ролевой мораторий»: диапазон выполняемых ролей расширяется, но юноша не усваивает эти роли всерьез и окончательно, а словно пробует, примеряет их. Эриксон подробно анализирует механизмы формирования самосознания, новое чувство времени, психосексуальные интересы, а также патогенные процессы и варианты развития юности.

Шестая фаза — молодость — *характеризуется появлением потребности и способности к интимной психологической близости с другим человеком*, включая сексуальную близость. Ее альтернатива — чувство изоляции и одиночества.

Важнейшее приобретение ***седьмой фазы*** — взрослости — *творческая деятельность и сопутствующее ей чувство продуктивности*. Они проявляются не только в труде, но и в заботе о других, включая потомство, в потребности передавать свой опыт и т.д. В отрицательном варианте появляется чувство стагнации (застоя).

Восьмая фаза — зрелый возраст, или старость, — *характеризуется появлением чувства удовлетворенности, полноты жизни, исполненного долга*, а в отрицательном случае — отчаянием и разочарованием. Высшая добродетель этого возраста — отрешенность и мудрость, т.е. способность смотреть на дело своих и чужих рук со стороны.

Работы Эриксона содержат много ценных наблюдений о развитии эмоций и самосознания в юности, а также типичной для этого возраста психопатологии (расстройство временной перспективы, кризис идентичности и т.д.). Однако он уделяет мало внимания интеллекту, не различает осознание тех или иных психических состояний и их непосредственное переживание. Фазы эпигенетической модели Эриксона не всегда соотносятся с определенным хронологическим возрастом; некоторые аспекты формирования идентичности, которые Эриксон относит к молодости, многими переживаются уже в подростковом возрасте. Подчеркивая кризисный, конфликтный характер процесса развития, он недооценивает феномен преемственности. Кризисы в развитии выглядят в его концепции следствием противоречий между вызревающими у ребенка внутренними свойствами и окружающей средой. Между тем реальное содержание «автономии», «инициативы» или «идентичности» меняется на разных стадиях жизненного пути и в зависимости от характера деятельности индивида.

Согласно ***теории развития высших психических функций Л.С. Выготского***, «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая».

В отличие от механистических концепций, рассматривающих развитие ребенка как результат воздействия внешней, социальной среды, Выготский подчеркивал, что среду надо рассматривать не только как *обстановку развития*, которая извне определяет развитие ребенка, — воздействия среды сами меняются количественно и качественно в зависимости от того, в каких ранее возникших психо-

логических свойствах, включая возрастные особенности ребенка, они преломляются.

Становление человека как индивида и личности, по Выготскому, предполагает диалектическое взаимодействие двух относительно автономных, но неразрывно связанных друг с другом рядов развития — ***натурального*** и ***социального***.

Здесь возникают два вопроса: какова конкретно социальная ситуация развития к началу данного возраста и какие психологические новообразования появляются у ребенка к концу данного возраста? Главное новообразование переходного возраста, по Выготскому, — то, что теперь «в драму развития вступает новое действующее лицо, новый качественно своеобразный фактор — личность самого подростка... В связи с возникновением самосознания для подростка становится возможным и неизмеримо более глубокое и широкое понимание других людей. Социальное развитие, которое приводит к образованию личности, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития».

Возраст совершений. Т.Н. Мальковская дважды, в 1961 и 1971 гг., опрашивала ленинградских старшеклассников о том, чья личность больше всего интересует и привлекает их. Оба раза первое место заняли герои кинофильмов, второе — литературные герои, третье — общественно-политические и государственные деятели. 87% из пяти тысяч опрошенных старшеклассников сказали, что именно книги впервые обратили их к анализу внутреннего мира человека.

Полным контрастом этим данным стали ценностные ориентации молодых людей в 1990—2000-е гг., т.е. во времена ломки советского образа жизни и перехода к принципиально новым общественным отношениям. Смена социальных ориентиров особенно сказалась на поведении молодежи, когда литературные и пропагандируемые, реально существующие герои ушли на задний план, а на переднем появились такие персоны, как бизнесмены, шоумены, биржиры, преуспевающие адвокаты и брокеры, а также такие экзотические фигуры, как современные Остапы Бендеры, разного вида махинаторы, проститутки, экстрасенсы и др. Немало оказалось, по данным В.А. Лукова, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, среди молодежи тех, кто отказывался назвать тот реальный морально-нравственный ориентир, на который молодые люди хотели бы равняться.

Имеются и ***альтернативные теории юношеского возраста***. Они анализируют разные стороны развития: физическое созревание, умственное развитие, формирование самосознания, сдвиги в структуре общения, мотивационные процессы и т.д. Но в известном смысле все они взаимодополняющие. Еще в 1920-е гг. советские ученые уделили юношескому возрасту много внимания, причем собственно

психологические вопросы рассматривались на широком социальном фоне, с учетом многообразных социально-экономических факторов и вариантов взросления. Подробно изучались и описывались закономерности полового созревания, умственные процессы, формы социальной активности и содержание внутреннего мира подростков и юношей.

Лучшей советской работой этого периода является книга В.Е. Смирнова «Психология юношеского возраста» (1929). В то же время появились книги И.А. Арямова «Рабочий подросток» (1928), П.П. Блонского «Возрастная педология» (1930), М.М. Рубинштейна и В.Е. Игнатьева «Психология, педагогика и гигиена юности» (1926). Их идеи, но уже на новой основе возродились в 1960—1970-е гг., когда многие из них были апробированы в реальной образовательной практике.

Именно в этот период социологи показали, что искусственное затягивание «переходного возраста» дорого обходится и личности, и обществу. Пока юный человек не нашел себя в практической деятельности, она может казаться ему мелкой и незначительной.

Давно известно, что люди с высоким самоуважением более самостоятельны, меньше поддаются внушению, проявляют большую социальную активность. *Нравственно зрелый человек знает, что в жизни нет черновиков, которые можно переписать, что каждый его поступок окончателен.* По мнению Н.Г. Чернышевского, «без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола средних, а потом пожилых лет... мужчиной не становится, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Мелочность взглядов и интересов отражается на характере и на воле: "Какова широта взглядов, такова широта и решений"».

Юношеское мышление более гибко и одновременно более реалистично, чем детское. Оно схватывает многозначность слов и понятий. Юность — возраст горячих споров, предметом которых может быть все что угодно, от жадного философствования и теоретизирования даже на известные темы до поисков формулы счастья и формулы любви. Юность особенно чувствительна к собственному «Я» и вообще к внутренним социально-психологическим проблемам. Главное приобретение юности — это *открытие своего внутреннего мира.*

Очень важно рассматривать проблемы молодежи в контексте такого многозначного социального явления, как преемственность поколений. Для анализа этого явления используются предложения, в контексте которых возможен различный подход к трактовке понятия «поколение» и соответственно места молодежи в нем.

15.3. Опыт классификации социальных проблем молодежи

Классификацию социальных проблем молодежи можно проводить по разным основаниям: по ***системным признакам*** — проблемы, присущие данному обществу, уровню его развития, и часто молодежные проблемы, свойственные именно этой социальной группе, обусловленные ее положением и ролью в обществе; по ***временному признаку*** так называемые «вечные проблемы», например взаимоотношения поколений, и проблемы, порожденные конкретными обстоятельствами; по ***этнонациональным особенностям*** — проблемы, характеризующие специфику традиций и обычаев каждого народа; по ***территориальному признаку*** — проблемы, свойственные отдельным регионам, отдельной стране.

Но особую важность приобретают ***ценностные политические ориентации***, ибо они лежат в основе поведения молодых людей, позволяют им определить свое социальное положение, свой социальный статус, выполнять те или иные социальные роли. (табл. 15.2).

При классификации проблем молодежи социолог исходит из того, что она рассматривается прежде всего с позиций того, какое место она занимает в производстве и развитии общественной жизни, как она функционирует в качестве определенной социальной группы.

Как складываются эти устремления, ценностные ориентации? Это можно понять через ***социальное качество.***

Во-первых, молодежь характеризуется теми общественными отношениями и общественными формами, которые *выделяют ее в сравнительную (относительно других) социальную группу.* Здесь отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим местом, которое она занимает в социальной структуре, и определяется способностью молодого поколения воспроизводить сложившиеся на момент ее становления общественные отношения. Иначе говоря, речь идет о *потенциальных сущностных силах молодого человека.* Отличительное социальное качество молодежи на современном этапе определяется не только способностью молодого поколения наследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления социальную структуру общественных отношений, но и участвовать в ее активном совершенствовании и преобразовании.

Во-вторых, молодежь как субъект общественной жизни характеризуется *особым содержанием личностной и предметной стороны конкретно-исторического бытия.* Подобное проявление социального качества молодежи связано со спецификой ее социального положения и определяется особенностями процесса социализации.

Таблица 15.2. **Отношения молодежи к институтам власти, государственным и общественным структурам, % к числу опрошенных**

Институты власти, государственные и общественные организации	*Степень доверия, %*					
	2002			*2007*		
	Доверяю	*Не доверяю*	*Д — Н*	*Доверяю*	*Не доверяю*	*Д — Н*
Президент РФ*	57,2	20,1	+37,1	62,1	12,9	+49,2
Правительство РФ	24,9	48,4	−23,5	28,7	34,9	−6,2
Государственная Дума	15,8	55,7	−39,9	18,7	43,3	−24,6
Руководителем регионов	22,0	50,3	−28,3	23,3	37,9	−14,6
Милиция	20,1	63,3	−43,2	20,5	49,5	−29,0
Суд	30,4	48,4	−18,0	33,6	34,4	−0,8
Прокуратура	28,6	47,1	−18,5	30,3	33,3	−3,5
Армия	34,4	45,2	−10,8	31,8	37,0	−5,2
Профсоюзы	22,0	46,2	−24,2	17,2	36,8	−19,6
Церковь	48,1	25,7	+22,4	46,2	18,6	+27,6
Политические партии	8,2	69,7	−61,5	7,0	53,1	−46,1
СМИ	30,5	46,1	−15,6	31,7	33,4	−1,7
Руководители предприятий	24,2	44,4	−20,2	18,9	36,3	−18,0
Средние значения			−18,8			−7,1

Примечание. Д — Н — разница между значениями «доверяю» и «не доверяю».
*В данный период Президентом РФ был В.В. Путин.
Источник. Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Конкретные условия бытия определяют специфику молодежного сознания, единство структурных элементов которого и образуют побудительно-мотивационные сущностные силы молодежи. Внутри этого единства возникает многообразие противоречивых тенденций, определяющих сущность молодежных проблем.

В-третьих, социальное качество молодежи во многом определяется *состоянием нравственного и физического здоровья, которым они располагают по сравнению со сверстниками из других стран и с предыдущими поколениями* (табл. 15.3).

Таблица 15.3. **Идентификации молодежи в сфере гражданских отношений**

С чем ассоциируется понятие «гражданство»	*К*	*Ранг*
С принадлежностью к государству	5,09	1
С долгом, с обязанностью	4,87	2
С национальным достоинством	4,84	3
С конституционными правами	4,69	4
С безопасностью, с защищенностью	4,52	5
С патриотизмом	4,37	6

Примечание. К — среднеранговый коэффициент по семибалльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Таким образом, при исследовании молодежи рассматриваются следующие относительно самостоятельные, однако прочно взаимосвязанные составляющие: ***потенциальные сущностные силы (личностный потенциал)***, ***побудительно-мотивационные*** и ***социальная деятельность*** (способ реализации сущностных сил). Каждая из перечисленных составляющих является, по существу, основанием социального развития молодежи и рассматривается в качестве возможных направлений социологического исследования.

Потенциальные социальные силы определяют личностные возможности молодого поколения, т.е. способность становиться субъектом общественной жизни. Обретая способности для участия в общественной жизни, каждое новое поколение «становится производительной силой, равно как способности к индивидуально-личностному потреблению обеспечивают развитие сущностных сил человека» (К. Маркс). Именно в двуединой направленности способностей проявляется их роль как потенциальной сущностной силы молодежи.

Своеобразие молодежи как социальной группы заключается в следующем: 1) в наличии значительной доли молодежи (учащиеся, студенты), не имеющей в полном смысле слова сложившегося социального статуса и характеризующейся либо социальным положением родительской семьи, либо своим будущим ожидаемым статусом, связанным с профессиональной подготовкой; 2) в том, что социальные особенности различных групп молодежи определяются не только их формальной принадлежностью к различным социальным группам, но и непосредственной включенностью в массовые движения; образуемые таким образом социокультурные

модели сознания и поведения молодежи (неформальные, политические, когортные и т.д.) существенно различаются.

Понимание природы качественных изменений сущностных характеристик молодежи непосредственно связано с источником ее развития, т.е. с сущностью тех объективных противоречий, которые лежат в основе развития этой социально-демографической группы. Молодежь не является саморазвивающейся системой. Будучи частью общества, она включена во все многообразие его связей и отношений. Вместе с тем ей присущи специфические общественные функции — ***воспроизводственная, трансляционная, инновационная***.

Выделение молодежи в качестве относительно самостоятельной социальной группы связывается также с воспроизводственной функцией. В общественной жизни одновременно осуществляются процессы воспроизводства жизненных средств (предметно-вещественной стороны общественной жизни) и человеческих (духовных и физических) сил. Отсюда следует вывод, что коль скоро мы связываем специфическое положение молодежи в процессе воспроизводства общества главным образом со становлением активного субъекта (актора) общественной жизни, то именно в противоречии, возникающем между этими двумя сторонами общественного производства, и коренится основной источник развития молодежи.

Это противоречие вызвано:

- различным характером деятельности, лежащей в основе каждой из форм общественного производства, а следовательно, различиями в природе и направленности социальных связей, опосредованных этой деятельностью;
- различным способом присвоения результатов этой деятельности;
- различным отношением к каждой из форм общественного производства со стороны молодежи на разных этапах ее развития.

Кризисные явления, затронувшие в настоящее время процесс становления молодого поколения как в сфере производства жизненных средств, так и в воспроизводстве собственных духовных и физических сил, полностью разбалансировали этот процесс. Рыночные механизмы все более вытесняют молодых людей из сферы основного производства в сферу услуг и в область потребительства. Резко усилилась тенденция к бездуховности, утрате нравственных критериев общественно одобряемого поведения, ухудшению психофизического здоровья молодежи.

Разрушение моральных устоев ведет к вседозволенности, распущенности, причем эти отклонения являются следствием отклонений в образе жизни не только самих подростков, но и их родителей.

Относительно высокая доля половых преступлений подростков, совершаемых в квартирах (она почти в два раза выше аналогичного показателя взрослых), обусловлена безнадзорностью, когда дети предоставлены сами себе. Пьянству, наркомании, половой распущенности зачастую способствуют ранняя миграция молодежи, особенно женской, ее отрыв от привычной социальной среды, от семьи, анонимность и фактическая бесконтрольность городского общения, безнаказанность и беззаботность тех, кто причастен к судьбе молодежи, фактически не выполняет своих обязанностей, пускает работу с молодежью на самотек, подменяет ее набором формальных мероприятий.

В наиболее общей форме об уровне социального развития (зрелости) молодежи можно судить по степени воспроизводства в данном конкретном поколении социально-исторической целостности. В условиях стабильного общества фактически происходит трансляция социального опыта. В этом случае молодое поколение репродуцирует свою социальную структуру как целое, а данная структура в своей основе отражается в среде молодежи как целостной социально-демографической группе. В случае разбалансированности форм и методов трансляции жизненного и социального опыта появляется огромное количество деформаций и отклонений от нормативных требований с попыткой их институционализировать как новые потребности общества. (Об этом подробнее см. гл. 16.)

В заключение стоит особо остановиться на группе подростков, которые занимают специфическое социальное место. Речь идет о тех огромных масштабах, которые приобрела беспризорность. По официальным данным, численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, превысила в 2009 г. 680 тыс. чел. (табл. 15.4). В реальности число малолетних беспризорников оценивается экспертами от 1 млн до 3 млн чел.

В России сложилась специфическая социальная беда — ***социальное сиротство***, масштабы которого значительно превысили то, что было с детьми во время Великой Отечественной войны. А если к этому добавить данные, которые показывают, что молодые люди в конце XX — начале XXI в. опережают старшее поколение по многим видам заболеваний и чаще испытывают психические недомогания? В России в 2009 г. работало 1810 школ для детей с ограниченными возможностями здоровья, в которых обучалось 207,4 тыс. детей (из них 132 тыс. — с умственной отсталостью, 17,8 тыс. — с задержкой психического развития.). Это высвечивает еще одну крупную социально-нравственную проблему, которую современное общество решает еще очень плохо.

Таблица 15.4. **Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, тыс. чел.**

Позиция	*1990*	*1992*	*1994*	*1998*	*2004*	*2007*	*2009*
Выявлено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей	461,0	493,5	599,0	731,0	145,4	136,8	114,7
Находится детей и подростков на воспитании в семьях	—	—	—	—	374,9	383,9	440,1
Воспитываются в интернатных учреждениях	113,4	101,0	126,2	169,4	181,6	151,6	125,2
В том числе в школах-интернатах для детей с ограниченными возможностями здоровья	38,1	32,0	32,1	33,3	40,2	34,6	26,7

Источник. Данные Росстата РФ; *Социальное положение и уровень жизни населения России.* С. 214.

Вопросы и задания для повторения

1. Каковы возрастные критерии молодежи?
2. Как изменялся взгляд на молодежь в процессе исторического развития человечества?
3. Что изучает социология молодежи?
4. Какие теории по проблемам молодежи вам известны? Охарактеризуйте их.
5. Охарактеризуйте ценностные ориентации современной российской молодежи.

Темы для рефератов

1. Социология молодежи как специальная социологическая теория.
2. Генезис понятий «подросток», «юноша», «отрок».
3. Молодежь как группа гражданского общества.
4. Социально-психологические теории молодежи.
5. Социальные теории молодежи.
6. Культурологические теории молодежи.
7. Ценностные ориентации современной российской молодежи.

Глава 16

Девиантное (отклоняющееся) поведение

Данная отрасль социологического знания свидетельствует о том, что в обществе существует ***девиантное (отклоняющееся) поведение***, которое представляет собой «социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)» (Гилинский, 1991, 2008).

Носителями рассматриваемого явления становятся определенные лица, некоторые социальные группы, вступившие осознанно или стихийно в конфликт с существующими в обществах требованиями и нормами поведения.

Отклонение (девиация) в сознании и поведении людей обычно созревает постепенно. Более того, в социологии есть понятие «***первичная девиация***», (Лемерт, 1951), когда на определенные отклонения окружающие смотрят сквозь пальцы, а человек, игнорирующий некие правила, не считает себя нарушителем. Такие отклонения граничат с незначительными проступками или нравственными нарушениями и до поры до времени могут не замечаться (прощаться, игнорироваться), как, например, злоупотребление спиртными напитками, мелкие нарушения общественной морали.

Но есть второй уровень отклоняющегося поведения — ***вторичная девиация***, когда человек открыто нарушает нормы права, что всегда связано с ущемлением или попранием чести, достоинства, прав и свобод других людей.

При рассмотрении отклоняющегося поведения важно различать индивидуальные и групповые формы девиации. Если под *индивидуальными формами* понимаются нарушения требований морали и права одним человеком, то под *групповыми формами* — деятельность асоциальных групп, которые создают некое подобие своей культуры (субкультуры) и конфронтируют с принятыми нормами.

Обобщая накопленную в зарубежной и отечественной литературе информацию, можно сделать вывод, что ***предметом социологии отклоняющегося поведения является изучение сознания и действий асоциальных групп и отдельных личностей, которые вступили в конфронтацию с официальными и общественно санкционированными***

нормами и правилами и которые свидетельствуют о социальной дезорганизации.

16.1. Природа отклоняющегося поведения

Негативные явления в человеческом обществе свидетельствуют об их исторических предпосылках, объективных и субъективных причинах, о противоречивости общественного развития, в котором тесно переплелись как трудности становления и функционирования, так и деформация экономических, социальных, политических и духовных процессов.

Девиантное поведение людей объясняется следующими причинами. *Во-первых*, новое социальное устройство возникает не на пустом месте, а вырастает из прежнего, разрушенного — идет ли речь о людях или о производительных силах, духовной или материальной культуре. *Во-вторых*, развитие нового социально-политического строя обычно неравномерно, что порождает диспропорции в соотношении его элементов и приводит к отставанию некоторых из них и тем или иным дефектам функционирования. *В-третьих*, адаптации людей к внешним и внутренним условиям их существования неполная, а социальное, культурное или техническое развитие не поспевает за вновь возникающими общественными, духовными или экономическими потребностями. *В-четвертых*, нельзя сбрасывать со счетов случайные факторы. Все это в совокупности и служит источником различных негативных явлений. Рассмотрим эти причины подробнее.

Девиантное поведение опосредуется в первую очередь ***экономическими отношениями***, но не находится в прямой зависимости от их состояния. Взаимосвязь более сложная и многоплановая. О том, что она существует, говорит вся история развития общества.

Основное — это ***существование различных форм социального неравенства.*** Как показывает жизненная практика, те или иные его формы продолжают существовать, причем вызваны они не объективно обусловленными различиями, а *деформированными общественными отношениями*: коррумпированной властью, причастностью к теневой экономике, которая, по подсчетам экспертов, в конце XX — начале XXI в. в России имела долю во внутреннем валовом продукте, приближающуюся к 45—50%.

В условиях «дикого капитализма», в которых находится современная Россия, эти причины стали еще наглядней и явственнее. Более того, имеются утверждения, что экономика России приобрела криминальный характер, когда теневые структуры вытесняют официальные, а масштабы социального неравенства поражают воображение

и позволяют сравнивать ситуацию в стране с режимами бывших колониальных стран Африки.

Если ранее важным источником этих отклонений была *дефицитность экономики*, то в настоящее время им является *ее деформированность*. Но и в том и в другом случае они оскорбляют и унижают людей, приносят огромные убытки и еще более — социальные издержки, ибо ничто так не волнует людей, как попранная справедливость. Показательны в этом случае данные исследований, проведенных В.Э. Бойковым в 1990-х гг.: только 10—15% опрошенных согласны (полностью или частично), что их труд поощряется, около 8% разделяют мнение, что «ум и профессиональное мастерство вознаграждаются», и всего 4% считают, что люди получают то, в чем они нуждаются.

Источником отклоняющегося поведения в советский период были ***противоречия между квалифицированным и неквалифицированным, престижным и непрестижным, умственным и физическим, номенклатурным и рядовым трудом***. Конечно, это не значит, что неквалифицированный труд прямо и непосредственно влечет за собой отклонения. И среди тружеников низкой квалификации подавляющее большинство жило и живет с осознанием общественного долга, ответственности. Вместе с тем криминологические исследования в 1970—1980-х гг. фиксировали тесную взаимосвязь между содержанием труда и преступным поведением. Лиц с высокой производственной квалификацией среди преступников было в 6 раз меньше, чем работников низкой квалификации. Так, в индустриальных регионах преступная активность лиц, выполняющих работу вручную, превышала соответствующий показатель среди тех, кто трудился с помощью машин и механизмов, в 3,2 раза, а для занятых ремонтом и наладкой — в 26 раз.

С середины 1990-х гг. эти противоречия начали вытесняться другими причинами, которые порождались ***массовой безработицей, безысходностью, отсутствием надежды и перспективы***. Именно они стали питательной средой для формирования групп с отклоняющимся поведением — бомжей, бродяг, наркоманов и преступников. Эти «язвы», которые были и ранее, но базировались на других причинах, теперь настолько распространены, что стали своеобразной нормой.

Источником возникающих отклонений является ***несовпадение реального процесса развития общества и осуществления людьми прав на поиск и риск***. Очевидно, что 130 тыс. осужденных за хозяйственные преступления в 1991 г. представляли собой сложный конгломерат побудительных мотивов: от добровольного желания участвовать в решении экономических проблем до корысти и стяжательства. Аналогичные процессы, но на другой основе, происходят в условиях

рыночных реформ, что проявилось в создании финансовых пирамид, рейдерстве, хищениях и мошенничестве.

При анализе условий и причин отклонений нельзя сбрасывать со счетов противоречия, существующие между различными слоями и группами населения. Современное общество несвободно от обострений и столкновений интересов, которые возникают в процессе взаимодействия различных социальных институтов, социальных групп, общества и государства.

Несвоевременное и неадекватное разрешение противоречий накладывает отпечаток на сознание и поведение людей. На почве пренебрежения общественными интересами произрастают разрыв между словом и делом, социальная апатия. Видя хищничество, воровство, махинации, коррупцию, казнокрадство, отсутствие внятной и эффективной позиции государства, люди начинают пассивно относиться к призывам, ищут пути облегчить свои жизнь и труд за счет других. Источником отрицательных явлений становятся *ошибки и извращения в управлении, нарушения законности, принципов демократии и справедливости*.

Рассматривая девиантное поведение, нельзя обойти вопрос о ***социальном наследовании***. Оно не имеет ничего общего с биологическим объяснением Чезаре Ломброзо, который, по его мнению, обнаружил связь между криминальным поведением и психофизиологическими характеристиками человека, с которыми связано воспроизводство как позитивных, так и негативных сторон образа жизни людей.

Механизм социального наследования не лишен противоречий. Одно из них заключается в том, что предметом преемственности становятся не только нормальный, но и порочный жизненный опыт, который передается от поколения к поколению.

И наконец, девиантное поведение связано с *неадекватным отражением в сознании части людей процесса развития и функционирования общественных отношений*. Можно выделить два вида такого несоответствия: во-первых, взгляды и настроения, сложившиеся на предыдущем этапе общественного развития, вступают в противоречие с новой ситуацией; во-вторых, в практической деятельности возникают или оживляются представления, которые односторонне трактуют смысл и направленность преобразований.

Причиной девиантного поведения могут быть ***моральные коллизии***, которые разделяются на *внешние* (между людьми) и *внутренние* (когда у человека происходит борьба мотивов).

Внешние коллизии свидетельствуют о расхождении направленностей ценностных ориентаций (вплоть до их противоположности), которые проявляются в общественной жизни как столкновение различных моральных установок. Источником раздоров могут быть

и различия в нравственных позициях, обусловленные несовпадением уровней личной культуры, конкретных жизненных целей и выбора средств их достижения.

Природа внутренних конфликтов иная. Они определяются противоречивостью индивидуального сознания. Чаще всего это столкновение между мотивами общественного долга и мотивами, выражающими групповые, семейные, личные интересы. Внутренние коллизии могут перерастать во внешние конфликты (Бакштановский, 1999).

Анализ проявлений отклоняющегося поведения предполагает выделение типологических групп, имеющих как общие, так и специфические черты. Помимо указанных подходов (деление на первичную и вторичную девиации, на индивидуальные и коллективные формы отклоняющегося поведения) классификацию данного вида поведения можно осуществить по ***сферам жизнедеятельности людей***. В соответствии с этим *производственной сфере* присущи экономические преступления, рейдерство, стяжательство и т.д.; *сфере распределения* — коррупция, взяточничество, социальный паразитизм; *сфере политической жизни* — карьеризм, бюрократизм, аполитичность, национализм, экстремизм; *сфере быта и образа жизни* — нищенство, пьянство, потребительство, пренебрежительное отношение к семейному долгу; *сфере духовной жизни* — бескультурье, эрзац-культура, снобизм, мещанство; *сфере общения* — хамство, эгоизм, бездушное отношение к людям, грубость, клевета, высокомерие, нечестность и т.д.

Девиантное поведение типологизируют также и по другому основанию — ***противоправное и аморальное***, исходя из того, что нормы, стандарты и правила определяются двумя главными регуляторами жизнедеятельности людей: нравственностью и правом. Конечно, граница между ними условна, тем не менее ею можно руководствоваться при изучении конкретных форм девиации.

16.2. Основные группы девиантного поведения

При анализе негативных сторон жизни в большинстве случаев оперируют такими понятиями, как пьянство, коррупция, бюрократизм, злоупотребление служебным положением, потребительство, преступления против личности, бродяжничество, лихоимство, иждивенчество, хищения, безответственное отношение к браку и семье, бесхозяйственность и т.д. По данным исследований, все большую тревогу вызывают негативные явления среди молодежи. Наряду с ростом преступлений против личности, общества, государства реальную опасность стали представлять организованная преступность, те

или иные модификации мафиозных групп. В 1990—2000-е гг. резко выросли такие противоправные действия, как заказные убийства, лжебанкротства, уход от налогов, шулерство, коррупция, национальная и религиозная нетерпимость.

Вместе с тем социологические исследования показывают, что среди всех названных групп отклоняющегося поведения наиболее крупными и представляющими предмет тревоги являются алкоголизм, наркомания и преступность.

Алкоголизм и алкоголики

Пьянство, алкоголизм, токсикомания — социальные пороки, которые вписаны в общественную жизнь достаточно основательно. Данные пороки были присущи жизни России всегда и во все времена. Об этом свидетельствует история, об этом говорят статистические данные. Так, в XX в. возрастали объемы потребления алкоголя, которые за минувшее столетие увеличились в 3,8 раза и достигли в России в 1990—2000-х гг. (только по официальным данным) 16 л абсолютного алкоголя на человека, что в 1,6 раза выше того уровня, который Всемирная организация здравоохранения признала особо опасным для здоровья людей. В этот же период число умерших от злоупотребления алкоголем составляло от 92,4 случая в 2005 г. до 58,3 случаев в 2009 г. на 100 тыс. населения в трудоспособном возрасте. В результате в 2009 г. официально зарегистрированных лиц с диагнозами алкоголизм и «алкогольные психозы» насчитывалось 2016 тыс. чел., или 1421 случай на 100 тыс. чел. (Данные Росстата РФ). Сказать, что пьянство, алкоголизм присущи одной социальной группе в большей мере, чем другой, было бы неверно: в данную форму отклоняющегося поведения были вовлечены представители всех групп и слоев населения. Исследования Г.Г. Зайцраева выявили и специфические особенности: за последние 30 лет пик массового знакомства подростков с алкоголем с 16—17 лет опустился в возрастную группу 14—15 лет, а доля женщин среди хронических алкоголиков выросла с 8 до 15%. Стало очевидным, что массовое распространение пьянства и алкоголизма является фактором, серьезно ослабляющим возможности обеспечить физическое и моральное здоровье общества. *Пьянство становится нормой поведения и больше не является предосудительным актом.*

Исходя из самых прекраснодушных намерений в 1985 г. была начата знаменитая антиалкогольная кампания (инициаторы М. Горбачев и Е. Лигачев), которая уповала на силу запрета, приказа, внешнего контроля и всяческих ограничений. На первых порах она принесла результаты. Общая сумма потерь из-за прогулов, простоев и неявок на работу уменьшилась в промышленности на 30%, а

в строительстве — на 29%. Улучшились демографические показатели. Несколько повысилась рождаемость на 1 тыс. жителей — 20 человек. Наблюдалось некоторое увеличение средней продолжительности жизни. Смертность, непосредственно связанная с алкоголизмом, уменьшилась на 52%. Наметилась тенденция к снижению заболеваемости алкоголизмом. Удар, нанесенный пьянству, повлиял и на состояние криминальной ситуации: несколько сократилось число преступлений.

Однако серьезных сдвигов эти меры не принесли. Более того, они вызвали ряд тяжелых отрицательных последствий. Эти негативные моменты усилились в 1990—2000-е гг., когда проблемы пьянства и алкоголизма регулировались теневой и криминальной экономикой, а не государственной политикой.

Во-первых, пьянство, вытесненное за пределы публичной сферы, переместилось в семейно-бытовую сферу, в результате чего стало менее доступным для контроля. Ряды алкоголиков поредели, но ненадолго: к концу 1990-х гг. число больных алкоголизмом достигло почти 5 млн чел., или 3,4% всего населения, что в 1,5—2 раза превышало показатели большинства европейских стран. К концу 2000-х гг. число только состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях составило более 2 млн чел., хотя число пьяниц (лиц, систематически совершавших на почве злоупотребления алкоголем противоправные действия и поступки) колебалось от 10 до 15 млн чел., что составляет 7—8% взрослого населения.

Во-вторых, поспешность и непродуманность многих мер борьбы с пьянством способствовали не сокращению, а росту самогоноварения, спекуляции. А ведь самогонный бум можно было предвидеть, обратившись хотя бы к историческому опыту (в 1923 г., в период «сухого закона», в деревнях России насчитывалось около 10 млн самогонных аппаратов).

В-третьих, известно, что при ослаблении функции денег как эквивалента обмена в условиях товарно-денежных отношений их роль часто берет на себя водка: за нее и построят, и отремонтируют, и подвезут. По исследованиям 2000 г. (данные Г.Г. Заиграева), было выявлено, что от 60 до 70% жителей села употребляют самогон, а 20% отметили, что самогоноварение в районах их проживания приняло массовый характер.

В-четвертых, примитивизм мер борьбы с пьянством привел к извращенным формам потребления алкоголя: к суррогатам, к токсикомании и т.д. Только от употребления химических препаратов и жидкостей в 1987 г. погибло около 11 тыс. человек, в 1997 г. — 19 тыс., в 2001 г. — 26 тыс. Всего в 1990—2000-е гг. в стране жертвами пьянства стало около 1 млн чел., в том числе умерло от алкоголизма около 100 тыс., отравилось алкоголем 335 тыс., убито пьяными

лицами 230 тыс., погибло по вине водителей в нетрезвом состоянии около 250 тыс. чел.

Каковы же пути действенной борьбы с пьянством? Прежде всего требуется *изменение государственной политики*, которая по большому счету во все времена — и царские, и советские, и постсоветские — осуществляла алкоголизацию населения, что выражалось в «пьяных» бюджетах, а также в структуре потребления, в которой доля водки постоянно росла.

Немалое место в борьбе за трезвый образ жизни *занимают семья и сам человек*. Между тем, по данным Ф.Э. Шереги, 1/3 алкоголиков и пьяниц выпили первую рюмку в возрасте 10 лет, 2/3 — от 11 до 15 лет. Уже сам этот факт подтверждает, что пьянство и алкоголизм не являются органическими элементами какой-то особой субкультуры молодежи. В то же время его исследования свидетельствуют: если из числа молодежи 40% категорически выступают «за» безалкогольные традиции, то среди старших — таких всего 15%. В возрасте до 20 лет выпивает менее 1/4 молодежи, однако к 34 годам — уже 2/3! В итоге — распадаются семьи (ежегодно 350 тыс. детей лишаются одного из родителей, при этом средний возраст разводящихся отцов 29 лет, матерей — 27), спиваются подростки (1/6 больных алкоголизмом — молодежь в возрасте до 30 лет), становятся калеками дети.

По-прежнему несовершенна *пропаганда здорового образа жизни*. Низкая общая культура людей соседствует с убогой пропагандой, примитивизмом в решении конкретных задач (так называемые зоны трезвости), со стремлением использовать административные меры, командные методы вместо терпеливой и кропотливой работы. Следует отметить, что пагубной стала позиция государства, которое в 1992 г. отказалось от монополии на производство и продажу винно-водочной продукции, что привело в условиях рыночных отношений к дезорганизации и хаосу, взлету криминальной и теневой экономики.

Не изменилась, если не усугубилась, ситуация в стране в 2000-е гг. Число алкоголиков не уменьшилось, а по ряду показателей возросло. Если стоимость хлеба с 1990 по 1996 г. выросла в среднем в 15 тыс. раз, то водки — в среднем в 3 тыс. Водка стала самым доступным товаром. И страну опять покрыл вал пьянства и алкоголизма, тем более что в добавку к отечественной продукции в Россию хлынул мало контролируемый поток спирта и водки из всех стран Европы.

Несомненно, что этот процесс имеет и еще будет иметь серьезные последствия. Одним из них (наряду с другими) является тот факт, что смертность среди мужчин стала ниже пенсионного возраста — 58,6 года (данные 2001 г.).

Очевидно, что комплексное решение проблем алкоголизма зависит от объединения социальных и медицинских мер, от правового и морального регулирования, от административных усилий и ответственности самого человека.

Наркомания и наркоманы

Атмосфера самоуспокоенности в 1960—1970-е гг. оказалась одной из главных причин того, что в обществе не заметили нарастающую острую социальную проблему — наркоманию. Как показывает анализ реально сложившегося положения, она не замыкается в рамках каких-то общностей, члены которых полностью деградировали в социально-нравственном отношении. Это зло охватило практически все общественные группы и поразило представителей наиболее дееспособной части населения.

Сегодня в России регулярно употребляют наркотики 5 млн 990 тыс. чел. Официальная статистика по наркомании приводит цифру — 500 тыс. наркоманов, однако это те, что добровольно встали на медицинский учет. От общего числа наркоманов в России 20% — школьники, 60% — молодежь в возрасте 16—30 лет, 20% — люди более старшего возраста. Средний возраст приобщения к наркотикам в России составляет, по статистике, 15—17 лет, резко увеличивается процент употребления наркотиков детьми 9—13 лет. Замечены и случаи употребления наркотиков детьми 6—7 лет — к наркомании их приобщают родители-наркоманы. Основными очагами распространения наркотиков в городах России являются школы и места развлечения молодежи — дискотеки и клубы: 70% опрошенных первый раз попробовали наркотики именно здесь. По мнению экспертов, каждый наркоман вовлекает вслед за собой в употребление наркотиков 13—15 человек. Число смертей от употребления наркотиков за последние годы выросло в 12 раз, а среди детей — в 42 раза. Приблизительная продолжительность жизни наркоманов с момента начала употребления наркотиков составляет в среднем — 4—5 лет. В последние годы наркоманы становится основной причиной роста заболеваемости СПИДом. По статистике, почти 90% выявленных в 1997—1998 гг. случаев заражения ВИЧ-инфекцией являлись следствием внутривенного употребления наркотиков и причиной заражения было использование общих шприцев. Около 90% преступлений, по данным МВД, происходят на почве наркомании. Разбойные нападения, кражи, грабежи, убийства совершаются часто ради одной дозы.

Медицинские учреждения могут стационарно пролечить за год не более 50 тыс. человек. Статистика наркомании по России говорит, что из числа употребляющих наркотики излечиваются только

5—6% наркоманов. Излечившимися статистика считает тех, кто не употребляет наркотики в течение года после лечения. Эти данные статистики по наркомании касаются прежде всего крупных городов. Ежегодно от наркотиков гибнут 70 тыс. россиян.

Столь стремительный рост (почти в 3 раза) далек от реального положения дел — эти цифры говорят только о лицах, стоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с подобным диагнозом. Хотя наркомания представляет собой, прежде всего, городскую проблему, география потребления наркотических средств расширилась, пагубное пристрастие проникло даже в отдаленные сельские районы.

С точки зрения уровня образования наркоманы мало чем отличаются от своих сверстников: подавляющее большинство (83,3%) имеет среднее, незаконченное высшее или высшее образование, 61,7% работают, 5,8% учатся, 24,8% не работают и не учатся (Габинани, 1990).

Велик среди наркоманов удельный вес ранее судимых (46%): почти каждый второй был наказан за преступления, связанные с наркоманией, а каждый четвертый — за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку и распространение наркотических веществ без цели сбыта. Примерно каждый второй живет в семье, где кто-то злоупотребляет спиртным или наркотиками, имеет судимость или тяжело болен, часто психическими или нервными заболеваниями.

Весьма широко распространена полинаркомания. Большинство (примерно 3/4) начали с гашиша, который, вопреки бытующему мнению о якобы незначительной вредности, приводит к последующей, еще более тяжкой зависимости. Вызывает озабоченность и то обстоятельство, что многие относятся к категории хронических наркоманов, т.е. лиц, давно и систематически принимающих наркотики.

Большинство опрошенных (77,1%) пристрастились к зелью под воздействием других лиц. К числу искусителей относятся главным образом друзья и знакомые. Почти 2/3 имели гедонистические устремления, испытывали жажду острых ощущений, 1/4 часть вступила на этот путь, подражая другим, из снобистских побуждений.

Число тех, кто искал в наркотиках забвения после перенесенной психической травмы, личной драмы либо потянулся к ним из-за неудовлетворенности жизнью, невелико, хотя по выборочным исследованиям в конце 1990 — начале 2000-х гг. в высших учебных заведениях 25—30% молодых людей пробовали наркотические средства. Имеющиеся данные опровергают упрощенное представление, будто главная причина потребления наркотиков — желание преодолеть страдания, приобрести душевное равновесие.

Потребители наркотиков платят за них немалые деньги. Разумеется, соответствующие суммы большинство потребителей наркотиков могут достать только преступным путем, так как многие из них не работают, а если и трудятся, то таких денег не зарабатывают. Все это позволяет сделать вывод, что наркомания стала такой общественной язвой, не замечать которую уже нельзя: требуется глубокая проработка мер борьбы с этим явлением, в том числе и посредством выявления глубинных социальных причин. И среди них особую актуальность приобретает противостояние организациям наркоделыцов, которые сделали эту опасную социальную болезнь предметом преступного обогащения.

В заключение отметим, что, по данным ООН, самое большое число наркозависимых насчитывается в Иране и Афганистане, третьей в этом списке значится Россия. Все это говорит об огромной социальной проблеме, связанной с этой формой девиантного поведения.

Преступность и преступники

Все проявления преступности — это крайняя степень отклоняющегося (делинквентное) поведения, когда интересы личности, социальных институтов и общества оказываются под угрозой. Конечно, ни одно общество не оставалось равнодушным к тому, что оно считало противоправным поведением, и разными средствами и методами вело борьбу с ним. Но факт остается фактом: в России в 1990—2000 гг. количество преступлений и преступников постоянно росло (табл. 16.1).

Следует отметить, что весомая доля преступлений все еще остается вне учета, составляя так называемую латентную (невидимую) преступность. Существует два вида латентности: *естественная*, когда правоохранительным органам не известно о преступлении, и *искусственная*, когда они знают о нем, но не регистрируют [Гилинский, 2003]. Косвенно это подтверждают его же данные: если в Санкт-Петербурге в 1990—1992 гг. каждый пятый житель оказывался жертвой преступления, то в 1998—2001 гг. — каждый четвертый. Аналогичная картина в средних и малых городах и поселках. По мнению А. Ларькова, нельзя ориентироваться на уголовную статистику, поскольку в ней фиксируются выявленные факты, а это лишь около 5% числа совершенных преступлений. По данным Д.А. Ли, около 75% противоправных действий остаются незарегистрированными, а по данным МВД РФ, фиксируется только 4% реальных случаев коррупции, 19 — контрабанды, 5% — изъятия наркотиков. Следовательно, истинный ущерб в 20 раз больше фиксированного.

Но и приведенные цифры относительны, ибо результативность обнаружения хищений снизилась в 3 раза. Это позволяет ряду экс-

пертов назвать ситуацию с преступностью *криминальной революцией*. Не случайно в выступлениях политиков, ученых, публицистов все чаще звучат такие определения современного политического режима, как «бандитский капитализм», «клептократия», «паханат» и т.п. Выход криминального капитала в публичную политику неоднократно демонстрировался на региональных выборах. Уставший от правового хаоса и произвола избиратель может прийти к отчаянному выводу: экономическая преступность приобрела такой размах, что стала непобедима. И в самом деле, она в реальной жизни цветет пышным цветом, ибо, по статистике, за нее привлекают к уголовной ответственности не более нескольких процентов. В статистику попадают далеко не все случаи махинаций с собственностью, ценными бумагами, случаи так называемого ложного банкротства и просто жульничества, обмана, сокрытия прибыли, уклонения от налогов. Сюда можно отнести и фальшивомонетничество, шулерство в виде создания финансовых пирамид и всевозможных фондов и т.д.

Таблица 16.1. **Число зарегистрированных преступлений, тыс.**

Виды преступлений	*1992*	*2000*	*2005*	*2010*
Зарегистрировано преступлений, всего	2761	2952	3555	2629
В том числе				
убийство и покушение на убийство	23,0	31,8	30,8	15,6
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	53,9	49,8	57,9	39,7
изнасилование и покушение на изнасилование	13,7	7,9	9,2	4,9
разбой	30,4	39,4	63,7	24,8
грабеж	165	132	344	165
кража	1651	1310	1573	1108
террористические акты (единиц)	—	135	203	31
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	29,8	244	175	223
нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	17,5	15,4	15,7	10,3

Примечание. Кроме того, в 2009 г. были зарегистрированы 231 факт бандитизма, 13 фактов убийств по найму, 633 факта похищения человека. В сфере экономики было совершено 292,7 тыс. преступлений, из них 59,3 тыс. в крупном и особо крупном размере.

Источник. *Россия* в цифрах. М., 2011. С. 164; *Социальное* положение и уровень жизни населения России. М., 2010. С. 442.

Особую остроту приобретает борьба с ***организованной преступностью, мафией.*** По мнению бывшего начальника Управления МВД России по борьбе с организованной преступностью А.И. Гурова, ее характеризуют три признака: 1) преступное общество, имеющее четкую структуру и иерархические связи; 2) организация, созданная для систематического преступного бизнеса; 3) связи с представителями государственного аппарата, которые состоят на службе у мафии.

Не менее важна еще одна проблема: доля людей, вовлеченных в преступную деятельность, по мнению криминологов, составляет 5,6% общей численности населения. Если предположить, что в России эта криминальная константа по крайней мере не ниже усредненной величины, то противоправные действия совершают ежегодно 8 млн россиян, из них выявлено около 1,5 млн, т.е. 20%, остальные 80% преступивших закон не выявлены.

Социология преступности предполагает и изучение самих преступников. По официальным данным, в 2011 г. из 1 млн 111 тыс. человек, совершивших преступления, 72,7 тыс. были несовершеннолетними, 172 тыс. женщины, 54,3 тыс. безработные, 11,6% совершили преступления, признанные опасным и особо опасным рецидивом. Появились и новые характеристики: в 2000-е гг. около 30 тыс. человек ежегодно совершали преступления в рамках организованного и преступного сообщества. Особенно впечатляет тот факт, что растет рецидивная преступность — с 434,7 тыс. в 2004 г. до 531,8 тыс. Значительно число преступлений, совершенных несовершеннолетними — в 2009 г. их было 94,7 тыс. Число преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков выросло с 1992 г. в 8,5 раз и достигло 238,5 тыс. Но есть еще одна характеристика, фиксируемая в социологических опросах: в среднем 20% взрослого населения страны стали жертвами, потерпевшими (Гилинский, 2003; Козлов, 2005). Об этом свидетельствуют социологические данные — все больше и больше людей тревожит распространение насильственных действий, их почти полная незащищенность в новых условиях жизни (табл. 16.2).

Все это показывает не только рост тревожности, но и изменение ее структуры, а также отношение и самоощущение населения. Суммируя статистику преступлений, совершенных против личности (разбой, грабеж, убийства, изнасилования и т.д.), можно прийти к главному выводу: ***защищать нужно прежде всего человека.*** Кроме того, социологический анализ дает возможность выявить еще два важнейших обстоятельства: во-первых, состав преступников мало коррелирует с социальной структурой; во-вторых, определяющим моментом в этом процессе выступают различные виды деформированного и деморализованного сознания и поведения.

Таблица 16.2. **Динамика тревожности респондентов, % к числу опрошенных**

Предмет тревожности	*1992 август*	*1995 январь*	*2001 декабрь*	*2005 сентябрь*	*2007 июль*	*2008 ноябрь*	*2009 декабрь*	*2010 декабрь*
Преступность	44	43	51	32	41	32	34	30
Падение нравов, культуры	13	—	32	26	33	29	31	27
Безопасность ваша и ваших близких	—	—	—	33	28	24	25	27
Наркомания	—	—	42	29	34	26	26	22
Алкоголизм	—	—	17	20	28	19	25	20
Терроризм	—	—	27	26	21	16	17	15
Обострение межнациональных отношений	26	10	21	8	10	10	9	9

Примечание. Знак «—» — отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что существование групп девиантного и делинквентного поведения связано с объективными и субъективными условиями. Но они не всегда определяют возможность возникновения отклоняющегося поведения, являются их непосредственными причинами. Превращение возможности в действительность через поступки, действия людей зависит от конкретных факторов, которые реализуются на уровне микросреды. В одних и тех же экономических и социально-психологических условиях приходится наблюдать существенные, а порой и принципиальные различия в поведении людей. Они обусловлены обстановкой в семье, учебном и трудовом коллективе, влиянием малых групп, а также индивидуальными особенностями человека.

Различные компоненты микросреды являются носителями определенных нравственных форм и факторами соответствующего поведения своих членов. Вольно или невольно человек придерживается линии поведения, одобряемой ближайшим его окружением, в котором могут присутствовать или даже преобладать установки и ориентации, противоречащие нормам здорового образа жизни. Чаще всего бывает так, что лишь какой-то элемент микросреды, а не вся она способствует формированию антиобщественных устремлений. И здесь многое зависит от того, какая

группа будет для личности референтной, более авторитетной и притягательной.

Объективная взаимосвязь макро- и микросреды не снимает вопроса об относительной самостоятельности последней, возможности воспроизводства в ней отклоняющегося, в том числе и антиобщественного, поведения, ибо в ней нередко возникают привычки и традиции негативного плана.

Возможность существования групп с асоциальной направленностью связана с искаженной общественной атмосферой, которой присущи низкая сплоченность и слабая эмоциональная связь между людьми, формальные взаимоотношения, отсутствие взаимопонимания. В то же время стремление к сплоченности, романтике реализуется в группах с деформированными ориентациями. От человека же требуется, чтобы он научился сознательно и целеустремленно делать жизненный выбор.

Вопросы и задания для повторения

1. Что такое девиантное (отклоняющееся) поведение?
2. Что такое первичная и вторичная девиация?
3. Опишите индивидуальные и коллективные формы девиантного (отклоняющегося) поведения.
4. Каковы социально-экономические, социальные, политические и духовные причины появления социальных групп отклоняющегося поведения?
5. В чем состоит особенности морали и права как регуляторов жизнедеятельности людей?
6. Назовите основные причины алкоголизма.
7. Охарактеризуйте состояние наркомании в стране и эффективность мер по ее противодействию.
8. Назовите основные причины и виды криминального поведения (преступности).

Темы для рефератов

1. Виды и типы девиантного и делинквентного поведения.
2. Общее и особенное в нравственных и противоправных проступках.
3. Характеристика и причины появления и существования асоциальных групп — нищие, бездомные, бомжи, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки — и других видов девиантного поведения.
4. Маргиналы: прошлое, настоящее и будущее.
5. Роль социальных институтов (семьи, школы, производственных организаций) в предотвращении девиантного поведения.
6. Неформальные группы молодежи как источник девиации.
7. Немотивированная преступность — феномен современности?

Раздел IV

Политическая социология

Глава 17 Политическая социализация

Глава 18 Человек и власть

Глава 19 Социология права

Глава 20 Общественные организации

Появление такого направления в социологической науке, как политическая социология, обычно связывается с именем немецкого социолога *М. Вебера* (1864—1920). Это не означает, что до него не происходило осмысления политических реалий тех обществ, в которых жили исследователи. Практически каждый из социологов и в XIX, и в XX в. в своем анализе проблем государства и общества выходил на те или иные аспекты политической жизни. Заслуга М. Вебера состоит в том, что он одним из первых осуществил *социальный анализ власти, властных отношений, дал классификацию типов политического господства*. В отличие от К. Маркса он отдавал приоритет не экономике, а власти, считая ее основным группообразующим признаком.

Феномен политической власти разрабатывался при исследовании элит (В. Парето, Г. Моска), политических партий (М.Я. Осторогорский, Р. Михельс), групп давления и лоббизма (А. Бентли, Д. Трумен), пропаганды и массовых коммуникаций (Г.Д. Лассуэлл). В современной отечественной социологии накоплен определенный опыт исследования политических процессов (см. библиографию).

Понятия «*политика*» и «*власть*» в социологии чрезвычайно многозначны, ибо наряду с ними употреблялось немало терминов, затруднявших их трактовку. Например, с политикой сопрягались слова «культурная», «научно-техническая», «аграрная», «градостроительная», «экологическая» и другие, а с властью — «государственная», «партийная», «авторитета», «родителей», «группы» и т.п. Поэтому употребляемый с 1960—1970-х гг. термин «социология политики» оказался неудачным. Он включал в себя слишком широкий круг вопросов, ибо политика осуществляется в сфере и экономики, и духовной жизни, воплощается практически во всех актах общества и государства и представляющих их институтов. Понятие же «политическая социология» более точно определяло объект и предмет исследования — ***сферу политических отношений.***

Если исходить из трактовки социологии как *социологии жизни*, то размежевание между политической социологией и политологией проявляется достаточно отчетливо. ***Политология*** идет к проблемам политической жизни сверху — со стороны государства, политических партий и других организаций, принимающих участие в функционировании власти. А значит, анализируются их состояние, деятельность, их программы, заявления и т.д. ***Политическая социология*** подходит к этим же проблемам снизу — от человека, который совсем по-иному воспринимает не только глобальные политические цели, но и конкретные акции государственной власти и политических деятелей, декларации и заверения политических партий.

Политическое сознание и *политическую активность* — одну из сторон предмета политической социологии — невозможно отделить от правового сознания, правовой культуры. И в том и в другом случае они выступают гранью правового государства и гражданского общества, которые олицетворяют не только специфически особенное для каждой страны, но и то общее, что характерно для всех без исключения типов государств.

Политическая социология уделяет большое внимание политическим конфликтам, избирательным кампаниям, проблемам бюрократизма, роли молодежи, национальным движениям, армии в политической жизни. Социология международной жизни также является неотъемлемой частью политической социологии и может быть предметом отдельного изучения (подробнее см.: *Политическая социология* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2011).

Глава 17

Политическая социализация

В условиях, когда происходит интенсивный процесс политизации общественной жизни, прежде всего необходимо уточнить комплекс вопросов, относимых к политическому человеку. Понятием ***«политический человек»*** обозначают его причастность к политической жизни, политическим процессам и явлениям. При этом в известной степени отстраняются от характеристики его деятельности в других сферах общественной жизни. Но специфическое качество — быть политическим человеком — приобретается постепенно, в процессе ***политической социализации***, и это происходит не сразу. Более того, на определенном этапе — на этапе детства, подросткового возраста — политическая социализация отличается от других форм социализации.

Проблемами политической социализации много занимались и в России, и за рубежом. *Г. Тард* (1843—1904) считается одним из первых исследователей, пытавшихся описать процесс интернационализации норм через социальное взаимодействие. В XX в. в западной социологии утвердилось понимание социализации, в том числе политической, как той части процесса становления личности, в ходе которой формируются общие, устойчивые ее черты, проявляющиеся в социально организованной деятельности и регулируемой ролевой структуре общества. В дальнейшем эти идеи получили развитие у *Т. Парсонса* (1902—1979), согласно взглядам которого индивид вбирает в себя общие ценности в процессе общения со «значимыми другими», в результате чего следование общезначимым нормативным стандартам становится частью его мотивационной структуры, его потребностью.

В отечественной социологии в 1960—2000-е гг. политическая социализация рассматривалась в основном через проблемы политического просвещения, воспитания и образования. Несмотря на значительную идеологическую заданность данных объектов исследования, в работах В.Г. Байковой, В.Э. Бойкова, Ю.Г. Волкова, В.Н. Иванова, Е.Б. Шестопал анализировались каналы и механизмы политического воздействия (пропаганды), их результативность и влияние на формирование политических убеждений.

17.1. Этапы политической социализации

По своей сути политическая социализация представляет процесс приобщения человека к соответствующей информации, усвоения идей, взглядов и образцов политического поведения.

Этот процесс начинается *с усвоения политических идей и взглядов* в ***раннем школьном возрасте***, хотя это, скорее, его предтеча. Ребенку можно внушить уважение к той стране, в которой он живет, чувство гордости профессией отца и матери, что скорее можно отнести к формированию черт патриотизма, чем к воспитанию уважения к политическим ценностям и их пониманию.

Как утверждают социальные психологи, с ***8—9*** до ***13 лет*** у ребенка наступает важный этап формирования политических взглядов. Особенность этого этапа состоит в *персонификации*, ибо дети склонны говорить не о политическом строе, а о личности, например президента, которая отождествляется с этим строем. Именно с отношения к личности руководителей государства и начинает проявляться степень доверия к той стране, где живет молодой человек.

В этом возрасте уже возможна выработка (при помощи взрослых) определенного отношения к внешним или внутренним антагонистам (врагам). У ребенка могут появиться ориентация на неприязнь к отдельным народам (через эту оценку часто фиксируется отношение к государству этих народов), критический взгляд на отдельные общественные силы, особенно если этот процесс обсуждается в семье.

Определенную лепту в политическую подготовку ребенка вносит школа — как через официальную информацию, которая доводится до ребенка (например, об общенациональных праздниках), так и через личность учителя, особенно если он является активным участником политических событий.

С ***13—14 лет*** начинается подростковый этап социализации. Он характеризуется тем, что *разрозненная отрывочная политическая информация начинает формироваться в определенную систему*, где уже есть место не только отдельным моментам политической жизни или наиболее известным ее персонажам. Обычно в этом возрасте, причем в значительно большей мере в школе, чем в семье, складывается представление о политической жизни, о структуре власти, о целях общества и государства. В этом возрасте подростки, и особенно наиболее продвинутые группы, имеют представление об общей политической ситуации в стране. В их сознании находит отражение важнейшие события, происходящие в мире. И наконец, в этом возрасте реализуются первые попытки приобщения к деятельности различных общественных организаций, в том числе имеющих поли-

тическую ориентацию — к пионерским и скаутским организациям, к другим общественным объединениям.

18 лет считается во многих обществах рубежом, с которого начинается полноправное участие человека в политической жизни. К этому периоду заканчивается его гражданское становление — *он приобретает все права и обязанности, которые вытекают из его положения как политического человека.* Предполагается, что именно к этому возрасту у него складывается и приобретает завершенный вид мировоззрение, с которым он вступает в жизнь и которым он собирается руководствоваться в будущем. К этому периоду у большинства молодых людей отчетливо проявляются политические симпатии и антипатии, а для некоторой части участие в политических процессах становится одним из важных компонентов их взрослой жизни. Иначе говоря, к этому времени человек становится полноправным субъектом политического процесса. Являясь структурным элементом класса и нации, человек в то же время в зависимости от конкретных обстоятельств самостоятельно «включается» в политическую деятельность, олицетворяет ту или иную степень воплощения политических отношений.

Огромную роль в политической социализации играет ориентация и проявление интереса к политической жизни (табл. 17.1).

Таблица 17.1. **В какой мере вы интересуетесь политикой?, % числу опрошенных, N = 1600**

Варианты ответов	*1990 октябрь*	*1994 декабрь*	*1999 апрель*	*2006 февраль*	*2010 апрель*	*2011 апрель*
В очень большой степени	6	2	4	5	1	1
В большой степени	15	7	9	10	8	7
В средней степени	44	28	33	37	39	34
В малой степени	23	35	30	27	32	33
Совершенно не интересуюсь	12	28	25	20	19	24
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1	1

Источник: Левада-Центр. 17.05.2011.

В ряде работ утверждается, что с вступлением во взрослую жизнь процесс политической социализации заканчивается. С этим вряд ли можно согласиться. Дело в том, что в процессе своей жизни человек

или даже целые социальные группы могут менять свои политические ориентации, а значит, и видоизменять свою политическую деятельность. Так, представляло интерес исследование стремления людей к членству в КПСС, а затем превращения ярых коммунистов в не менее ярых антикоммунистов, тем более что параллельно шел другой, более логичный процесс, когда человек постепенно, в ходе анализа действительности (осознанного или стихийного) превращался в диссидента (судьба немногих) или впадал в апатию, безразличие (судьба многих).

Иначе говоря, ***человек подвержен политической социализации в течение всей своей жизни***, даже если он не отходит от сформировавшегося в молодости восприятия политики и определенных ценностных ориентаций. И даже в том случае, когда он не участвует в политической жизни, но не может избавиться от ее влияния. В любом случае он все равно вносит в свою жизнь коррективы, уточняет свое отношение к политическим реалиям или видоизменяет конкретные формы своей жизнедеятельности.

Анализируя процесс включения людей в политическую жизнь, следует сказать, что, хотя великие буржуазные революции провозгласили и даже гарантировали *право каждого человека на участие в политике*, еще в течение длительного времени это был удел незначительного числа людей. Лишь в период политических коллизий масса участвующих в решении политических проблем резко возрастает и также резко уменьшается после победы или поражения.

Однако общая тенденция такова, что политика входит в жизнь все большего числа людей, и эта тенденция имеет устойчивый характер. Понимание и реализация политических прав и свобод создают основу для участия всех без исключения людей в развитии и функционировании политических отношений. И сколь бы ни была значительна роль руководителя любого ранга и любого звена, участие народа в политической жизни всегда остается решающим. Процесс эмансипации человека К. Маркс справедливо связывал с осознанием каждым индивидом своей общественной силы как силы политической. И это осознание постоянно возрастает, что проявляется в общественном мнении о роли государства в обеспечении основных прав и свобод (табл. 17.2).

Анализируя критичность оценок государства, необходимо отметить, что в настоящее время предпринимаются попытки ограничить политическую деятельность людей или направить ее в другое русло. Однако отстранение людей от участия в политической жизни чревато серьезными последствиями в виде отторжения (открытого или латентного) политической строя в целом.

Таблица 17.2. **Обеспечение государством (РФ) основных норм жизни (прав и свобод) (вариант ответа «обеспечивается»), % к числу опрошенных**

Период	*Равенство всех граждан перед законом*	*Личная безопасность*	*Соблюдение прав человека*	*Социальные гарантии*	*Свобода политического выбора*	*Терпимость к чужому мнению*	*Свобода слова*
1995 январь	11	4	12	12	59	35	52
1997 август	9	6	13	8	65	41	54
1999 ноябрь	7	3	4	3	37	15	35
2001 декабрь	9	7	13	12	61	40	48
2003 октябрь	11	6	10	13	58	39	57
2005 сентябрь	13	11	15	16	56	38	50
2007 январь	12	14	17	21	61	39	56
2009 июнь	14	20	21	32	58	37	52
2010 декабрь	15	22	21	30	53	38	47

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Иногда в общественной и политической жизни происходит аккумуляция социальных ценностей населения не только одного государства, но и ряда регионов и даже мира. Так, на современном этапе развития человечества люди различной политической ориентации протестуют против терроризма, политики агрессии, расовой и национальной дискриминации, ущемления прав женщин, ухудшения положения молодого поколения, коррупции, хищнического отношения к природным ресурсам и окружающей среде.

Таким образом, политическая социализация — сложный, многоступенчатый и многогранный процесс усвоения информации, ее интерпретации, согласования своих интересов и потребностей с интересами и потребностями государства и общества, а также их реализация в реальной жизни.

17.2. Политическая культура

Политическая культура, являясь мерилом политической социализации, включает в себя политическое сознание, представленное совокупностью теоретических положений, взглядов, мнений, ценностных ориентаций, а также способ их реализации (латентный или открытый) в процессе практической политической деятельности.

Базовой, исходной, точкой политической культуры является ***информированность людей, их знание проблем политической жизни***. Первоначальные знания обычно приобретаются в стихийной форме. В детстве это отрывочные сведения, полученные в семье или в школе, во взрослой жизни — это информация об интересующих человека событиях, полученная в процессе функционирования средств массовой информации, ситуативного общения с друзьями, коллегами по работе, соседями по месту отдыха и жительства.

Отсутствие целенаправленного политического просвещения в современной России чревато серьезными издержками: потерей политической ориентации, притуплением или искажением исторической памяти, пассивностью политического поведения, безразличием и апатией. Политическая заданность поведения людей в условиях СССР, когда изображали свою активность и причастность к политической жизни, после короткого оживления интереса к ней в конце 1980 — начале 1990-х гг. сменилась отрешенностью от происходящего на политической сцене и резким снижением интереса к политическим событиям.

Огромное значение в политической культуре имеют ***ценностные ориентации и установки — все то, что формирует убеждения, готовность к действию***. Повышение роли убеждений личности приводит к тому, что политические лидеры уже не могут не считаться с массовыми демократическими движениями, которые нередко, хотя и не всегда в явном виде, выражают определенные политические требования (например, программы «зеленого» движения).

Анализ социологической информации показывает, что в российском обществе политические ориентации стали разнообразными. В нем реально существует весь спектр политических убеждений — от монархических до анархических, от религиозных до фашистских, от либеральных до коммунистических. Весь вопрос в степени (мере) их распространенности. В период парламентских и президентских выборов в России в 1990-е гг. было выявлено, что, несмотря на многочисленность политических партий и движений, основные убеждения группируются вокруг *нескольких политических ориентаций*: социалистической (ее придерживалась примерно

1/3—1/4 избирателей), либеральной (примерно каждый десятый избиратель), национально-патриотической (каждый пятый избиратель). В незначительной степени проявляли себя общественные движения консервативной и националистической ориентации (табл. 17.3).

Таблица 17.3. **Распределение ответов на вопрос: «Каковы ваши политические взгляды?» (РФ), % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2002 декабрь*	*2003 октябрь*	*2004 декабрь*	*2005 сентябрь*	*2006 июнь*	*2007 июль*	*2008 ноябрь*	*2009 декабрь*
Демократические	16	28	33	23	23	26	36	29
Коммунистические	7	13	7	8	7	7	8	8
Либеральные	4	8	8	6	9	10	9	10
Социалистические	9	9	7	9	8	8	7	6
Патриотические	17	21	19	24	26	25	22	22
Консервативные	3	3	4	5	6	6	5	7
Социал-демократические	1	4	5	4	5	4	5	7
Националистические	1	3	3	4	2	4	3	2
Затруднились ответить	17	30	30	32	33	29	24	27

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Политическая культура воплощается в поведении людей. Она характеризует не только сам факт участия, но и степень зрелости, осмысленности, глубины понимания и включенности политического знания в практику, что в конечном счете проявляется через участие людей в принятии политических решений, особенно при их включении в дела местного самоуправления.

Участие человека в политической жизни регулируется правовыми нормами того государства, в котором он живет. Обычно полноправным гражданином в большинстве стран человек становится в 18 лет. К этому моменту он приобретает все права, которые провозглашены в Основном законе государства (Конституции), а значит, и обязанности, в которых зафиксированы требования, предъявляемые государством к человеку.

Однако государство устанавливает ряд ограничений, преодоление которых (по логике развития жизни или по другим актам) по-

рождает специализированные формы политической социализации. Так, право избирать и быть избранным неоднозначно. Если право избирать предоставляется человеку в 18 лет, то право быть избранным депутатом, мэром, президентом связано с другими возрастными критериями, которые сводятся к тому, что прямое участие в политическом руководстве предполагает наличие жизненного опыта, определенной профессиональной подготовки, общественной закалки.

Особые ограничения с точки зрения политической культуры предъявляются (или должны предъявляться) к тем, кто становятся сотрудниками органов государственной безопасности, милиции, пограничных войск и т.д. Отказ от такого ограничения, как судимость, в немалой степени способствовал тому параличу правоохранительной системы, который поразил Россию в 1990—2000-е гг.

В целом же этот показатель политической культуры — политическое поведение (деятельность) — незначителен по своему влиянию. Даже в советское время, в условиях однозначности и заорганизованности политической жизни, уровень политической активности был не так велик, как представлялось в официальной пропаганде. Учитывая такой специфический показатель, как выполнение постоянных и временных общественных поручений, социологи выявили, что в большинстве случаев даже в то время он не превышал 35—38%. Оживление политической жизни в годы перестройки, а затем в начале 1990-х гг. быстро сменилось резким снижением числа ее активных участников, что объясняется не столько неустойчивостью эмоциональных порывов, сколько в большей мере реальностью, подорвавшей стремление людей проявлять свое политическое «Я».

Опросы общественного мнения, проведенные в конце 1990-х и в 2000-е гг., показывают, что основная часть населения находится в состоянии атрофии политического сознания и поведения. Даже потенциал протеста остается в течение длительного времени неизменным: число желающих участвовать в митингах и демонстрациях даже по таким жизненно важным проблемам, как рост цен и падение уровня жизни, колеблется в пределах 2,5—6% (табл. 17.4).

Особенно впечатляет изменение числа тех, кто считает эффективным способом отстаивание своих интересов посредством обращения к правительству. Это свидетельствует о существенной трансформации представлений о нем не только как о маловлиятельном органе, но и как о неэффективной и далекой от интересов людей организации. В то же время эти данные отчетливо демонстрируют то, что активные формы протеста по-прежнему оказываются незначительными, возможности коллективной самоорганизации и коллективного действия остаются ограниченными при высокой степени

анюмии — почти половина населения ничего не желает предпринимать или затрудняется определить свою позицию.

Таблица 17.4. **Динамика различных форм защиты социальных интересов (РФ), % к числу опрошенных**

	Мои интересы достаточно защищены	*Подпишу обращение к власти*	*Выйду на митинг, демонстрацию*	*Буду участвовать в забастовках, акциях протеста*	*Если надо, возьму оружие*	*Ничего из перечисленного не буду делать*	*Затрудняюсь ответить*
1994 февраль	3	13	9	11	13	19	31
1997 январь	5	10	10	10	15	17	32
1998 декабрь	3	10	11	13	15	21	26
2000 декабрь	8	13	12	8	11	24	23
2002 декабрь	10	9	7	12	13	29	18
2004 июнь	5	12	11	11	15	25	20
2007 январь	6	20	16	12	11	18	17
2008 февраль	9	14	11	12	10	27	17
2009 декабрь	9	13	11	11	12	26	17

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Отсутствие солидарных действий имеет много причин. Прежде всего, это сохраняющийся скептицизм в отношении того, что в принципе на российскую власть возможно как-то повлиять. Такой скептицизм демонстрируют почти 60% подготовленных россиян. Сказывается и возобладавшее, в том числе и среди «продвинутых» групп, отношение к политике как деятельности, в которой «приличные» люди не должны участвовать. Кроме того, за 1990—2000-е гг. накопилось раздражение по поводу виртуализации политики, невозможности обнаружить ее действенность практически нигде, кроме

как в телепередачах, где политика и политики также предстают далеко не в самом лучшем виде.

17.3. Национальная идея и ее роль в политической социализации

После многих лет славословия в адрес социалистической идеологии наступила пора всеобщей и огульной ее критики, когда слово «идеология» стало ругательным и неприемлемым. Вместе с тем уже в середине 1990-х гг. политические руководители страны все же пришли к выводу, что без идеологии, без национальной идеи, которая скрепляла бы общественную жизнь, была бы ее доминантой в работе с молодежью, стала бы ориентиром если не для всех, то для большинства населения страны, не обойтись. Как никогда стал проявляться принцип — ***если нет великой идеи у страны, то не будут формироваться такие же идеи не только в экономике, в науке, в общественном сознании, но и в жизни людей***, т.е. человек не увидит в политике государства реализации своих значимых для него устремлений, сопряженных с интересами страны.

Несмотря на теоретические и политические изыски по поводу будущего России, в реальной жизни самые разные идеологические концепции продолжают существовать, возникать, развиваться, образовывать различные комбинации точек зрения, концепций, общественных или групповых целей. Иначе и не могло быть. Любое общество, составляющие его люди не могут существовать, не оценивая с определенных социальных позиций окружающую их реальность, получаемую информацию и не формулируя (часто на стихийном уровне) тех целей, которых они хотели бы достичь.

На первых этапах рыночных преобразований (кстати, это сохраняется в той или иной форме и поныне) многие исследователи пошли по проторенному пути: выявлять и классифицировать людей по либеральной (капиталистической) или социалистической ориентации. В такое противопоставление свою ленту внесли и социологи, пытаясь по выработанному ими инструментарию определить, сколько процентов людей ориентируются на привычные до недавнего времени ценности, а кто отвергает их. Однако вскоре стало ясно, что в это прокрустово ложе нельзя вместить все многообразие общественных ориентаций, социальных настроений и оценок. Постепенно наряду с этими двумя идеями стали говорить о национал-патриотической ориентации, о религиозных ценностях, о монархических и других подобных идеях, которые, как показали социологические исследования, в большинстве случаев существовали не сами

по себе, а в комбинации с иными оценками и ценностными ориентациями (табл. 17.5).

Таблица 17.5. **Какую форму отношений между республиками бывшего Союза ССР вы бы поддержали?, % к числу опрошенных**

Варианты ответа	*2002 декабрь*	*2003 ноябрь*	*2007 ноябрь*	*2010 ноябрь*
Восстановление СССР в его прежнем виде	21	25	16	15
Сохранение СНГ в его нынешнем виде	12	10	12	17
Объединение нескольких республик, по желанию, в более тесные союзы	29	25	23	26
Более тесное объединение всех республик бывшего СССР по типу Европейского Союза	20	19	23	19
Независимое существование всех республик	10	12	17	13
Затруднились ответить	8	9	10	12

Источник: Общественное мнение — 2010. М.: Левада-Центр, 2011. С. 308.

Таким образом, можно говорить о своего рода *неоконсервативной волне*, ставшей социокультурной основой для нынешней политической власти. Эта волна несет в себе синтез черт, характерных как для традиционного понимания соотношения человека, общества, власти, так и новых общественных отношений, формирующихся в постсоветской России.

Углубленный анализ социологических данных, совокупности индивидуальных политических оценок показывает, что нет одномерных людей, которые единодушно исповедовали бы ценности конкретно социалистического, либерального, патриотического или религиозного сознания. Оказалось, что в условиях ломки общественных ценностей один и тот же человек может одновременно по одним вопросам придерживаться неолиберальных оценок, по другим — националистических, по третьим — социалистических. Поэтому социологические данные часто страдают ограниченностью: они нередко представляют информацию о социальной ориентации по одной группе вопросов, забывая о другой, или в лучшем случае

показывают ориентацию на доминантные установки, игнорируя все остальные.

Тем не менее этап одномерного идеологизированного человека начал постепенно вытесняться следующим, когда стало понятно, что социальные ценности людей обычно не ограничиваются установкой на одну цель, а направлены на реализацию нескольких целей, образующих, в свою очередь, не столько целостность, сколько парадоксальность, нередко совмещая несовместимое, порождая неких политических кентавров (Тощенко, 2008, 2011).

И тут под влиянием всеобщей ориентации на «хорошее» политическое прошлое вспомнили о графе Уварове, который в XIX в. вывел знаменитую формулу «Самодержавие, православие, народность». По аналогии с ней появились всевозможные словесные изобретения, например «державность», «духовность», «нравственность», «государственность», а также и шовинистические лозунги, связанные с так называемой русской идеей, и авторитарные ориентации (вроде «честь и порядок»).

Ограниченность этих утверждений заключалась в том, что ссылка на слова графа Уварова некорректна, ибо, употребляя свою знаменитую формулу, он призывал применить ее не к обществу вообще, а к существующему образованию, которое должно было руководствоваться этими установками и готовить образованных людей именно с такой идеологической ориентацией.

Вновь придуманные термины в лучшем случае отражали игру ума отдельных интеллигентов (интеллектуалов), показывали направление теоретических или политических упражнений и были мало связаны с той реальностью, которая беспокоила большинство населения. Игра с терминами слабо учитывала историческое прошлое, в котором сложились определенные стереотипы сознания. Без учета их значения попытки создать что-то совершенно новое были обречены на провал, ибо сложившиеся ценности невозможно сменить одним махом, как бы этого ни хотелось.

И наконец, надо отчетливо себе представлять, что *изобретение новой идеологии невозможно без кристаллизации тех идей, которые развиты в общественном сознании*. «Нельзя сделать людей счастливыми, — говорил директор одного из лучших предприятий в Пензе еще в советское время, — решая за них и без них, что им надо». Только знание того, что людей волнует, интересует, к чему они стремятся и чего хотят, только их соучастие делало некоторые производственные организации действительно трудовыми коллективами. Ведь крах советской системы во многом объясняется тем, что она стала ориентироваться на изобретенные догмы, а не на те ценности,

которые были представлены в сознании народа. Нельзя наступать на те же грабли или опять воплощать в жизнь лозунг «Нарисуем — будем жить».

Иначе говоря, ***национальная идея, идеология должны быть концентрацией, кристаллизацией доминирующих социальных ориентаций и ценностей.***

Во-первых, многим *людям далеко не безразлично, в какой стране они живут.* Сознание того, что Россия, как и СССР, должна быть великой державой, с которой будут считаться, которую будут уважать (пусть и не бояться, как СССР) и которая может постоять за своих подданных, питает сознание многих россиян и может помочь им обрести устойчивость и испытывать гордость за свою страну. Это тем более важно, что данная установка, долго присутствовавшая в сознании многих советских людей, не может исчезнуть бесследно. Особенно если учесть, что нарушение этой стержневой установки может обернуться (и для некоторых людей обернулось) трагедией. Многие люди весьма болезненно переживают утрату Россией той силы, которая была присуща СССР. Социологические данные фиксируют эти черты гражданственности сознания и поведения, которые, несмотря на некоторые колебания в зависимости от тех или иных политических событий, продолжают волновать людей: 51% опрошенных считают, что Россия перестала быть великой державой, но может еще стать ею, 30% уверены, что она остается таковой, и 11% потеряли надежду обрести этот статус (данные Социологического центра РАГС, всероссийская выборка, июнь 2001 г., N = 2401).

Во-вторых, как показывают социологические исследования, *не менее стабильна и значима для россиян такая ценность, как справедливость.* Не равенство, не уравниловка, не всеобщее благо для всех без исключения, а именно справедливость. И пусть ее понимает поразному каждый человек, но она является важной характеристикой сознания и поведения большинства — именно в соответствии с этой ориентацией, этим своеобразным мерилом они оценивают, насколько, по их мнению, справедливо относятся к ним в производственной организации, насколько комфортно они устроены по месту жительства, что делают местные органы власти для их благополучия, как способствуют официальные, и прежде всего государственные, органы тому, чтобы в обществе все делалось «по справедливости». Эта ценность — социальная справедливость, как никакая другая, имеет отзвук в душах миллионов людей.

Наконец, *есть ценности, которые касаются лично каждого человека.* Социалистическая идеология провозглашала права личности, но мало что делала для того, чтобы их реализовать, сосредоточивая внимание в основном на глобальной цели — построении социали-

стического общества, коммунизма, где каждый получит по потребностям. И ориентировала на достижение этой цели в отдаленном будущем. Люди долгое время верили этому, но потом устали ждать. Ушло время, когда доминантой общественного сознания были интересы страны, государства. По данным социологических исследований, уже в 1970-е гг. были зафиксированы сдвиги в общественном сознании, которые выразились в том, что люди не хотели откладывать на потом свою личную жизнь: их не устраивали успехи всей страны — им нужны были личные достижения и успехи. Они хотели бы иметь постоянные доказательства изменений в позитивном направлении, а не выслушивать оправдания о непрекращающихся временных трудностях.

Поэтому вполне естественно, что многие россияне стали ориентироваться на достижение личных целей. У молодежи это связывается с жизненной карьерой, богатством, устроенностью личной жизни. У людей среднего возраста — с профессиональной определенностью, с семейным достатком, устойчивым настоящим и понятным будущим, особенно для детей. У старшего поколения — с обеспеченной старостью, уважением окружающих, признанием их прошлого опыта и заслуг. Если подытожить эти ценностные ориентации, то мы вправе говорить о стремлении людей добиваться личного благополучия в самом широком смысле этого слова. И достижение благополучия должно стать частью национальной идеи, идеологии, реализации которой государству необходимо способствовать всеми имеющимися средствами, согласуя различные интересы и не позволяя личное благополучие одних строить за счет благополучия других.

Как все эти личностные ценностные ориентации выглядят и в каком направлении имеют тенденцию изменяться, демонстрирует табл. 17.6. Как видно из данных, приведенных в таблице, произошли определенные изменения в иерархии демократических ценностей, в восприятии того, что является для людей важным, а что нет. Значительно выросла оценка значимости двух позиций: равенства всех граждан перед законом и избрания президента непосредственно народом. Понятно, что этот рост обеспечен сложившейся противоречивой ситуацией: с одной стороны, признанием творящегося беззакония, разгулом коррупции и произволом чиновников, с другой — желанием иметь порядок в стране, олицетворением чего является власть президента. В этом же контексте следует рассматривать выбор второй по значимости позиции: независимость суда и то, что, например, среди наиболее позитивно воспринимаемых понятий, вошедших в нашу жизнь за 1990-е гг., рассматривается понятие «суд присяжных» (40% людей отмечают его со знаком «плюс», и

лишь 6,4% — со знаком «минус»). Очевидно снижение значимости в глазах россиян таких позиций, как возможность свободно высказывать свои взгляды, свобода печати, свободный выбор органа власти, свобода вероисповедания, свобода передвижения, включая выезд за рубеж, и выбора профессии, право выбирать между несколькими партиями и право на забастовку.

Таблица 17.6. **Поддержка демократических ценностей, % к числу опрошенных**

Ценности	*1998*	*2001*
Равенство всех граждан перед законом	53,9	83,0
Избрание президента непосредственно народом	25,9	41,5
Возможность свободно высказывать свои политические взгляды	37,2	22,5
Свобода печати	47,6	30,2
Свободные выборы власти	39,4	26,2
Свобода вероисповедания	23,7	15,4
Независимость суда	41,7	46,4
Наличие частной собственности	23,0	19,2
Наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство	20,6	17,7
Участие граждан в референдумах по важнейшим для страны вопросам	17,8	19,3
Свобода выезда за рубеж	17,7	11,2
Свободный выбор профессии	17,6	13,2
Небольшая разница в уровне доходов людей	17,6	20,3
Свобода передвижения по стране	16,8	6,9
Право выбирать между несколькими партиями	15,5	3,8
Участие рабочих в управлении предприятиями	12,9	11,8
Право на забастовку	11,9	3,1
Самостоятельность регионов страны	9,5	8,3
Свободное членство в какой-либо партии	3,8	2,4
Подчинение решениям большинства	3,0	4,8

Источник: Данные ИКСИ РАН.

Следовательно, ***ориентация на преобладающие социальные ценности, социальные ожидания и предпочтения может выполнить роль объединительной идеи, позволяющей без особой политизации сконцентрировать усилия людей, общества и государства на их достижении.*** Такие цели являются кристаллизацией доминирующих предпочте-

ний, против которых трудно выступать даже тем, кто по определенным причинам не разделяет их. Более того, соединение личного с групповым и общественным интересами способно обладать *кумулятивным эффектом*, когда усиливаются роль и значение каждого из элементов этой объединительной идеи. Иначе говоря, будучи концентрированным выражением социальных оценок и ориентаций, идеология, национальная идея в реальности выразит гуманистические начала общественной позиции каждого человека как личности, гражданина, россиянина, являясь базой для политической консолидации общества.

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите ученых (зарубежных и отечественных), развивавших идеи политической социологии. Каков их вклад в развитие данной отрасли знания?
2. В чем сущность политической социализации?
3. Какие этапы политической социализации вы знаете?
4. Охарактеризуйте структуру политической культуры.
5. Как функционируют каналы политической информации?
6. Какие существуют формы политической активности?
7. Расскажите о национальной идее и ее основных положениях.

Темы для рефератов

1. Основные вехи эволюции идей политической социологии (в отечественной и зарубежной науке).
2. Роль семьи (школы, производственной организации) в политической социализации.
3. Политическая пропаганда: наука или манипулирование?
4. Политическая культура: сущность и содержание.
5. Особенности политической культуры различных социальных групп (по выбору).
6. Специфика политической культуры в условиях функционирования рыночных отношений.
7. Национальная идея: поиск стабильности.
8. Что такое идеология?

Глава 18

Человек и власть

Сущностную основу политической жизни, как и всей политики, составляет ***вопрос о власти и об ее использовании***. Социология сосредоточивает внимание на политическом сознании и политической деятельности, которые отражают, во-первых, взаимодействие людей с государством, с официальными властными структурами, во-вторых, отношение населения к деятельности политических партий и движений, в-третьих, оценку деятельности общественных и добровольных объединений и гражданских инициатив, частично выполняющих политические функции. И наконец, для социологии очень важен анализ политического сознания самого человека, социальных групп, их политической информированности, ценностных установок и ориентаций, настроений, а также политических позиций и форм их реализации в рамках существующих общественных отношений.

18.1. Типы и виды политической власти

Политическая жизнь представляет особую форму реализации интересов государства, политических партий и объединений, классов, наций, социальных групп, добровольных организаций и отдельного человека по сознательному использованию властных отношений.

Главным носителем властных отношений является государство, которое в лице конкретных органов в центре и на местах выступает (или должно выступать) основным субъектом властвования, который определяет важные направления развития и функционирования политики и права. От его способности рационально, своевременно и эффективно обеспечивать взаимодействие между различными экономическими, социальными и культурными организациями, согласовывать интересы всех субъектов политической жизни зависит динамизм общественных процессов.

Особую проблему представляет ***взаимодействие человека и государства***. В принципе это проблема обратной связи, ибо только ее наличие и постоянное совершенствование обеспечивают жизнеспособность политических структур. Знание состояния сознания человека, тенденций его изменения, форм и способов привлечения людей

к решению общественных проблем и составляет суть интерпретации взаимодействия человека с государством.

Для социологии большое значение имеет структурирование властных отношений, олицетворяемых государством.

Законодательная, исполнительная и судебная власть — это наиболее часто употребляемая классификация, применяемая в социальных науках. Реализация этих принципов организации власти, как ничто другое, способна создать предпосылки и условия для реального политического творчества людей. В то же время их деформация в немалой степени способствует произволу, огульному решению дел и на этой основе попранию прав и свобод человека. Именно с этих позиций подвергалась критике структура построения советских органов власти, в которой исполнительные функции тесно переплетались с законодательными, представительными.

Данные социологических исследований трех ветвей власти, показывающие различную оценку их деятельности, представлены в табл. 18.1 и 18.2.

При всем кажущемся парадоксе оценка населением всех ветвей власти отражает *реальное их положение*, которое практически невозможно изменить никакими указами, декретами, постановлениями и другими официальными предписаниями. Лишь конкретные усилия, конкретные дела (это видно из изменившейся оценки высших органов власти) оказывают влияние на изменение отношения к тем или иным властным структурам.

Принцип разделения властей тесно связан *с **адресной ответственностью*** за исполнение соответствующих функций. И тут уж дело технологии: отвечает ли за исполнение тех или иных функций одно или несколько лиц, один или несколько институтов. Известно, что в ряде стран и в разные эпохи исполнение, например, законодательных, исполнительных и судебных функций совмещалось. Важно и принципиально, чтобы всегда было юридически ясно: за какую функцию, в какой момент и кто может быть спрошен по всей строгости закона.

В этой связи следует остановиться на знаменитейшей юридической максиме римского права: *властвуй разделяя*. Это положение трактовалось и часто трактуется в том смысле, что успешное управление предполагает насилие (т.е. правитель — разъединяй, стравливай подвластных). На самом же деле имеется в виду совершенно противоположное: успешное управление основано на различении (лат. *divide* — суд, различение) и только в этом смысле на разделении тех, кем управляешь (т.е. правитель — познай, согласовывай интересы подданных; познай, различи собственные властные способности и функции).

Таблица 18.1. **Динамика изменений отношения населения к политическим и социальным институтам и структурам, % к числу опрошенных**

Государственные и социальные институты	*Доверяю/ не доверяю*							
	1995 январь	*1997 январь*	*1998 декабрь*	*2000 декабрь*	*2003 октябрь*	*2005 сентябрь*	*2008 февраль*	*2010 декабрь*
Президент РФ	9/ 74	9/ 73	6/ 85	43/ 42	57/ 28	48/ 28	70/ 21	55/ 24
Правительство РФ	8/ 69	14/ 72	11/ 66	23/ 57	20/ 55	20/ 49	39/ 41	43/ 33
Совет Федерации	7/ 60	10/ 65	8/ 67	9/ 60	13/ 52	14/ 41	25/ 41	26/ 34
Государственная Дума	10/ 61	14/ 64	13/ 69	12/ 66	9/ 66	10/ 57	18/ 59	18/ 48
Администрация Президента РФ	—	9/ 74	3/ 83	10/ 59	19/ 49	19/ 42	34/ 36	32/ 32
Совет безопасности	—	10/ 66	9/ 65	19/ 47	22/ 43	23/ 34	30/ 38	31/ 27
Милиция, суд, прокуратура	16/ 59	10/ 66	11/ 74	15/ 70	11/ 73	12/ 64	11/ 73	11/ 68
Армия	35/ 40	36/ 50	27/ 46	41 /44	36/ 43	31/ 39	41/ 41	40/ 33
Профсоюзы	18/ 52	11/ 62	17/ 62	19/ 55	15/ 56	12/ 45	20/ 52	18/ 43
Церковь	—	33/ 48	33/ 39	28/ 46	36/ 36	35/ 26	43/ 31	49/ 22
Партии, политические движения	6/ 63	11/ 65	13/ 61	17/ 57	8/ 71	7/ 58	13/ 60	17/ 50
Руководители регионов	11/ 59	28/ 62	23/ 39	21/ 57	20/ 56	21/ 47	24/ 52	34/ 39
СМИ	6/ 65	8/ 74	5/ 78	11/ 70	12/ 63	12/ 52	13/ 56	15/ 45

Примечание. Знак «—» означает, что альтернатива не входила в шкалу индикатора. Числитель означает позитивную, а знаменатель — негативную оценку.

Источник. Данные отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Другим основанием для классификации политической власти является известное положение М. Вебера ***о трех типах господства: традиционном, легитимном, харизматическом.*** Такое деление дает представление скорее о характере власти, чем о ее сущности. Ведь харизма может проявиться и в демократическом, и в автократическом, и в традиционном лидере. При всей привлекательности такой постановки вопроса данный подход очень трудно использовать в конкретном социологическом исследовании. Он характеризует некоторый логический вывод, является предметом абстрагирования от существующей практики. Это тем более показательно, что в реальной жизни в чистом виде невозможно найти данные типы господства: они обычно одновременно представлены практически во всех политических режимах. Весь вопрос состоит в степени, уровне их воплощения в анализируемом типе политической власти. Вот почему при характеристике российского государства в зависимости от своих политических позиций аналитики находят и черты традиционализма, что отражается в следовании принципам прежних систем, и черты обновления с учетом прав и свобод человека, проявляющихся в стремлении к правовому государству, и феномен харизмы, который был присущ деятельности первого президента России в первые годы его правления.

Еще один подход к классификации политической власти проявляется в рассмотрении ***выполнения властных полномочий на взаимодействующих уровнях: федеральном, региональном и местном.*** Эти органы власти в зависимости от ситуации по-разному оцениваются населением. Интересно отметить, что, когда начиналась перестройка, люди с большой симпатией относились к деятельности центральных органов власти и фактически отказывали в доверии региональной и местной власти. К концу 1990-х гг. авторитет центральных органов власти упал до критических показателей, затем в начале 2000-х гг. резко вырос (в связи с стремлением нового президента России В.В. Путина преодолеть хаос в стране), а затем стал опять снижаться в связи с неопределенностью политического курса в стране. Одновременно изменились и оценки тех социальных институтов, на которые возлагались надежды, — церкви, политических партий, профсоюзов и СМИ (см. табл. 18.1).

Анализ социологической информации показывает, что между макро-, мезо- и микроуровнями сложилось определенное противостояние, которое связано с распределением властных полномочий, ответственностью за рациональную организацию производственной, общественной и личной жизни граждан и возможностью финансового обеспечения социальных программ и мероприятий.

Кроме того, существуют попытки классифицировать формы и типы власти на ***институциональные и неинституциональные, по функциям, по объему прерогатив, по методам и т.д.***

Но особо следует обратить внимание еще на один принципиальный подход, который можно осуществить, анализируя структуру и деятельность правящего субъекта. Эта классификация основана *на оценке характера и качества власти, на степени участия населения в ее осуществлении, на полноте представительства интересов самых различных социальных групп.* Исходя из этой классификации можно назвать следующие формы и типы власти.

Прежде всего, это «вечные» формы власти, главным видом которых выступает ***демократия***, функционирующая в рамках гражданского общества и правового государства и олицетворяющая собой универсальные процедуры, связанные со всеобщим избирательным правом, свободным волеизъявлением, с правом большинства ограничивать (но не отменять) права меньшинства, с доверием народа органам власти, нахождением государства под общественным контролем и т.д. В данной интерпретации мы применяли современное объяснение демократии в отличие от Аристотеля, который характеризовал демократию как стихийную форму реализации власти.

В условиях демократии существенным образом меняется доступ ко всем видам информации, в результате чего многие группы населения открыто высказывают свое отношение к конкретным политическим процессам и политическим деятелям. Искажение этих и других принципов осуществления демократии может привести к ее отторжению большинством населения, как это произошло в России после взлета надежд на демократические преобразования в 1991—1992 гг. По данным ВЦИОМ, уже в конце 1990-х и в 2000-е гг. за демократию ратовало от 6 до 18% опрошенных, в то время как за установление порядка — от 70 до 80%, что можно расценивать как формирование благоприятной (или идеальной) ситуации к возможному установлению авторитарной политической власти.

Другим видом «вечной» власти является ***олигархия***, которая олицетворяет власть немногих лиц или групп в государстве, резко ограничивая права и полномочия других субъектов, желающих участвовать в политической жизни и добивающихся доступа к власти. Олигархия обычно не допускает своей смены даже на основе одобренных законодательством процедур, отвергает всякие попытки ограничить ее власть. Поэтому перераспределение власти может произойти только внутри этой группы, для чего используются «дворцовые» перевороты, разного рода тайные соглашения. Олигархия готова скорее перейти к таким формам, как тоталитаризм,

чем демократия, чтобы сохранить возможность продолжения политического господства.

Данный тип власти характерен для жизнедеятельности многих государств. Речь может идти лишь о разных аспектах олигархической власти, а не о ее наличии или отсутствии. Это применимо и к политической жизни современной России. Олигархические круги постоянно, еще с президентской кампании 1996 г., осуществляют попытки (и небезуспешные) не только оказывать давление на политическую власть, но и самим претендовать на нее. Определенной модификацией олигархии является *плутократия*, которая означает власть только богатейшей части общества, нередко сопровождающуюся ее обожествлением и отказом сотрудничать с другими слоями населения.

Что касается ***специфических форм власти***, то к ним прежде всего относится *охлократия*, которая апеллирует к популистским настроениям в примитивных и вместе с тем массовидных их проявлениях. Этот тип власти отличается изменчивостью политического курса, упрощенчеством при решении сложных общественных проблем, постоянным обращением к люмпенизированным слоям, прибегает к провокациям для возбуждения массовых страстей. Опыт «цветных революций» на Украине, в Грузии, Киргизии свидетельствует, что, чем больше и чем дольше власти злоупотребляют такими методами, тем печальнее завершают свой путь политические лидеры, обращавшиеся за содействием и поддержкой к этим слоям общества. Охлократические тенденции были характерны для России с конца 1980-х и в течение 1990-х гг.

К специфическим видам власти следует отнести *милитократию*, когда власть принадлежит военным, военизированным объединениям и организациям. К ней относят и такое ее проявление, как *хунта*, суть которой сводится к внедрению в политическую жизнь политического террора, насильственных методов управления страной, что было характерно для стран Латинской Америки во второй половине XX в.

К специфическим видам политического устройства можно отнести и *идеократию*, которая особенно ярко проявилась в новейшей истории человечества. Решающую роль в ней играет то, что под заранее выдвинутые идеи и концепции подгоняется реальная жизнь.

Определенную исторически ограниченную роль сыграли в истории многих стран и народов такие специфические виды власти, как *монархия* и *аристократия*.

Но все большую актуальность и значимость приобретают ***современные особые формы политического господства***. Все большее рас-

пространение получает *этнократия*, которая часто выступает в замаскированной форме. Ее проявления — этноограниченность, этноэгоизм и этнофобия — реально существуют в ряде государств мира, в том числе в странах СНГ и Балтии. Опасность такой формы власти проявляется не столько в том, что все ключевые позиции в политике и экономике сосредоточиваются в руках представителей одной национальности, сколько в том, что возрастает напряженность между народами, ведущая к скрытой или открытой конфронтации, к росту недоверия на этнической почве, к резкому ухудшению ситуации в стране.

Продолжает существовать возможность и *теократии* как вида власти, когда она сосредоточена в руках религиозной верхушки или у политических лидеров, руководствующихся религиозными постулатами. Теократические государства существовали в Древнем мире (например, Иудея в V—I вв. до н.э.), в Средневековье (Священная Римская империя, халифаты Омейядов и Аббасидов), в Новое время (Парагвай — XVII в.). В современный период существует Иран во главе с шиитским духовенством. Сильны теократические тенденции в Алжире, Саудовской Аравии, Турции, Ираке. Делались попытки создать теократическое государство в Чечне. Установление теократических режимов сопровождается усилением религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни, что выражается в придании религиозным праздникам статуса государственных, осуществлении судопроизводства на основе требований религии (например, шариата), участии служителей религиозных культов в политической борьбе.

Получает распространение и такая форма власти, как *технократия*, когда осуществление функций государства происходит с позиций технологических требований, без должного учета политических и социальных сторон жизни общества. Один из просчетов идеологов перестройки и сменивших их неолибералов состоял в том, что во все звенья государственной и общественно-политической власти пришли специалисты, которые, обладая знаниями (или совсем не обладая ими) об организации производства, как правило, не умели руководствоваться потребностями общественного развития, плохо знали человеческую психологию, выполняли свои функции посредством механистического мышления, карьеризма в силу примитивных представлений, а не научного понимания значения политической работы с людьми.

Технократы достаточно последовательно проводят в жизнь свою убежденность в том, что их методы и формы управления хозяйственными делами должны быть перенесены на руководство полити-

ческой жизнью и что именно они способны решать все проблемы общества. Они игнорируют тот факт, что любая форма власти так или иначе связана с воздействием на сознание человека, подчинением его определенному порядку и стремлением добиться конкретного результата. Они не желают понимать, что функции управления не будут полностью или частично реализованы, если не учитывать оценки людей, их отношение, понимание различных акций в сфере политики.

В заключение стоит напомнить об одном принципиальном положении, которое многократно проверено логикой общественного развития: ***отсутствие оппозиции пагубно влияет на политическое устройство***. Когда нет оппонентов, когда все политические решения принимаются «единым центром», не может не прийти успокоение, своеобразное «ожирение» властных структур. Вера в непогрешимость «единого центра», практика его безапелляционного диктата разрушают все поиски на политическом поприще, загоняют вглубь болезни и пороки и постепенно создают предпосылки для конфликта большой разрушительной силы. Именно так случилось с КПСС, когда, сосредоточив в своих руках власть и ответственность за развитие всех и вся, она сама обрекла себя на поражение, как и власть, которую она олицетворяла.

Что касается содержания и сущности властных отношений, то это в значительной степени проблема качественного улучшения взаимосвязи теории и практики, органичного соединения слова и дела. Решение задач научного управления всегда было связано с поиском новых, более эффективных форм и методов планомерного воздействия на общество. Это в полной мере относится и к любой сфере общественной жизни, что особенно наглядно проявляется в стиле деятельности как государства, так и общественных организаций.

18.2. Формы и методы взаимодействия человека и государства

Государство всегда оценивается людьми с позиций того, насколько оно соответствует или не соответствует их представлениям о справедливом общественном строе. *В одном случае они готовы поддерживать его, в другом — пассивно реагировать на его действия, в третьем — противостоять ему.* Все зависит от того, создает ли государство условия, благоприятные для человеческого существования, строит ли оно взаимоотношения на уважении к правам человека, учитывает ли мнения людей и их желание соучаствовать в управлении.

Социологические исследования констатируют, что в деятельности органов государственной власти России имеются огромные резервы по повышению их эффективности и действенности. Трагедией стало умышленное, или сознательное, заблуждение правительства Гайдара — отказ учесть реальные потребности людей, их стремление к обеспечению достойного быта, отдыха, досуга, а также неотложные нужды, связанные с развитием социальной инфраструктуры: торговли, общественного питания, общественного транспорта, охраны природы. Когда люди увидели, что власть предержащие не думают обращать внимание на их заботы, результат был предсказуем: те, кто воплощали эти методы политической власти, были отвергнуты, а их действия признаны неэффективными.

Важное место в оценке государственной власти занимают представления населения о том, чьи интересы она защищает. Как показывают исследования, люди считают, что органы власти реализуют интересы самих себя, капитала, криминалитета, но не самого населения (табл. 18.2).

Таблица 18.2. **Распределение ответов на вопрос: «Чьи интересы, по вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?», % к числу опрошенных**

Период	*Бедных слоев*	*Средних слоев*	*Богатых*	*Всех граждан России*	*Государственной бюрократии*	*Затруднились ответить*
2000	1	8	46	9	44	9
2002 декабрь	1	7	61	6	54	10
2004 июнь	1	8	50	9	52	15
2006 июнь	1	11	62	7	55	11
2008 июнь	2	9	53	11	46	15
2009 декабрь	1	7	46	12	44	18

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Государственная власть не выступает в виде некоей аморфной массы — она распределена между различными политическими

институтами и организациями. Но эффективность сегодняшнего ее распределения очень спорна. С этим связаны поиски каналов усиления исполнительной власти посредством так называемой вертикали власти, которые привели к институту назначения губернаторов, повышению избирательного минимума для политических партий и созданию правящей партии.

Вместе с тем предпринимаются попытки повысить уровень и степень участия людей в политической жизни ***в форме как непосредственной, так и представительной демократии.***

Одна из форм непосредственного участия — *референдум* (в масштабе всей страны, отдельной республики, области, края, города и т.д.), под которым понимается прямое волеизъявление народа в целях выявления степени поддержки принципиальных изменений, затрагивающих коренные вопросы жизни общества и государства (или их отдельных частей), несмотря на его провозглашение в Конституции РФ, практически не используется. Поэтому судить о политической или гражданской активности населения по этому параметру не представляется возможным.

В свое время референдум за сохранение СССР в марте 1991 г. опирался на многозначность вопроса, который содержался в нем (в нем было по меньшей мере четыре подвопроса). Но население не обращало внимания на такие нюансы — оно отвечало на коренной вопрос: «да» или «нет». И то, что 71% участвующих в голосовании сказали «да», поддержав сохранение СССР, а через восемь месяцев политики сказали «нет» (в Беловежской пуще три человека — лидеры России, Украины и Беларуси — высказались за демонтаж Советского Союза), лишний раз показывает цену референдумов. Как осуществляется манипулирование референдумами, видно из формулировки вопроса о государственном устройстве Украины осенью 1991 г. («Хотите ли вы жить в свободной демократической Украине?»), что потом было интерпретировано как голосование за независимость.

Очень спорно, когда на референдум выносятся такие документы, как, например, Конституция России в декабре 1993 г. Целесообразность такого решения вызывает сомнение хотя бы потому, что большинство людей не читали этот документ, а если кто и пытался это сделать, вряд ли без серьезных познаний мог разобраться в глубинных проблемах государственного строительства. В результате происходило голосование не по документу, а по политическим симпатиям, по поддержке тех сил, которые стояли за ним.

Но институт референдумов при всех его недостатках очень важен, особенно когда требуется широкое общественное обсуждение готовящихся решений на местном уровне. Надо, например, чтобы

население чаще обсуждало проекты застройки городов и поселков, вопросы транспортного, бытового, медицинского, культурного обслуживания и т.д.

Важной формой участия населения в управлении государственными делами является ***реализация избирательного права при тайном голосовании по выборам законодательной (представительной) власти***. В социологии есть такое выражение — «электоральное поведение». Оно отражает понимание людьми реальной политической ситуации, дифференциацию их по политическим симпатиям и ориентациям и соответствующее поведение во время акта голосования.

Участие населения в выборах, особенно когда на самом деле, в реальности, осуществляется выбор, показывает как преимущества, так и уязвимые места реализации права избирать. Как показала практика, значительное число людей могли реализовать это право, особенно когда это касалось партийных списков, когда доверие оказывалось не конкретному лицу, а определенной политической силе. Так, по данным социологических исследований, политические симпатии в 1990—2000-е гг. распределялись достаточно устойчиво, хотя не без определенных противоречий (табл. 18.3).

Таблица 18.3. **Как вы относитесь к партии?, % к числу опрошенных**

Партия	*Очень положительно*	*Скорее положительно*	*Ни то, ни другое*	*Скорее отрицательно*	*Очень отрицательно*	*Не знаю и не существовали*	*Затрудняюсь ответить*
КПРФ	9	26	38	16	5	0,3	7
Единая Россия	13	45	23	9	3	0,2	6
ЛДПР	4	22	40	22	6	0,2	6
Справедливая Россия	3	25	44	12	3	3	10
Правое дело	1	6	37	16	6	18	17
Яблоко	1	7	41	21	9	4	16
Солидарность	1	5	32	13	4	28	19

Примечание. 2009 г., октябрь. N = 1600. Данные Левада-Центра.

Что касается политических ориентаций, то они не всегда коррелируют с оценкой основных политических партий. Данные социологических исследований в 1990-е гг. показали, что 25—30% избирателей ориентировались на социалистические (коммунистические)

идеи, 10—15% — на различные варианты либеральных ценностей, 12—18% — на национально-патриотические идеалы. Остальные участники не имели определенных предпочтений, или пассивно относились к этой процедуре, или поддерживали влиятельные, но незначительные силы религиозных, монархических и националистических объединений.

В 2000-е гг. ситуация существенно изменилась. Политические руководители создали партию «Единая Россия», на укрепление которой были брошены немалые силы, что в совокупности с административным ресурсом привело к монополизации власти в руках этой партии. Что касается электората партий социалистической ориентации, то его в основном поделили КПРФ, а также «Справедливая Россия», созданная для вытеснения коммунистов с политического поля и для формирования социалистической (социал-демократической) партии европейского типа. Оригинальным феноменом стала Либерально-демократическая партия (ЛДПР), которая держится на плаву только усилиями ее лидера — В.В. Жириновского.

Процесс голосования (особенно в период президентских выборов) выявил огромное влияние средств массовой информации, главным образом телевидения, на политическое сознание людей, их активное участие в манипулировании общественным сознанием, в создании имиджа участвующих в выборах политиков.

Избирательные кампании выявили огромную роль финансовой поддержки, в том числе и со стороны олигархических сил, что способствовало избранию в депутаты людей с сомнительным прошлым, шаткими убеждениями, но с большими амбициями. Этим изъянам способствовала и мажоритарная система голосования, которая более, чем какая-либо другая, создает преимущества для тех, кто стоит у власти, обладает так называемым административным ресурсом, или тем, кто имеет огромные финансовые возможности, обеспечивающие пропагандистское сопровождение выборов.

При анализе процесса (со)участия населения в управлении государством следует исходить из того, что оно реализуется и в форме ***опосредованной демократии***, т.е. через деятельность представителей народа — депутатов различных уровней представительной власти. В этой связи возникает вопрос: а не прекращается ли взаимодействие между избирателями и их избранником после акта голосования и его утверждении в соответствующем органе? Жизнь показывает, что это скорее правило, чем исключение. Значительное число избирателей (по данным ВЦИОМ) уже через несколько месяцев не помнят, за кого они голосовали или кто из депутатов представляет

их интересы в федеральных, региональных и даже местных органах власти.

Для реализации принципов опосредованной демократии огромную роль играет поддержка официальными органами таких форм информации, как *общественное мнение, дискуссии*, а также *рекомендации науки*. Так, все эти каналы информации все больше говорят о необходимости социального порядка, социального контроля. В то же время в 1990—2000-е гг. общественное мнение было достаточно устойчиво в своих представлениях о соблюдении прав человека, несмотря на многочисленные зигзаги политической власти (табл. 18.4).

Эффективное взаимодействие человека и государства невозможно обеспечить без уточнения места и роли аппарата управления, который серьезно поражен вирусами администрирования, бюрократизма и технократизма. Это проявляется и в оценке того, какие тенденции, по мнению населения, наблюдаются в политической деятельности государства (табл. 18.5).

Как видно из таблицы, люди обращают внимание на то, что прямо и непосредственно влияет на качество их жизни — цены, угроза безработицы, оплата труда, а также решение таких злободневных проблем, как коррупция, спад производства, борьба с преступностью и наведение порядка.

Более детальный анализ состояния и развития российской власти показывает: идет усиление административно-бюрократических начал, что органично вытекает из природы бюрократии, поскольку увеличение ее количественного и удельного веса вовсе не связано напрямую с укреплением порядка и законности.

Реальность такова, что именно административный аппарат фактически командовал (и командует) всеми органами власти, превратившись в институт, монополизировавший не только исполнительные, но и законодательные (или представительные) функции. Осуществление многих необходимых изменений может или ускоряться, или сдерживаться группой лиц, представляющих собой распорядительные органы. Речь идет о том, что лишение аппарата чрезмерной власти благотворно повлияет на развитие всех без исключения творческих потенций человека, в том числе и тех из них, которые касаются участия в управлении и самоуправлении.

Косвенными формами участия в политике являются формы ***политического протеста***, которые мы рассмотрим, когда будем анализировать деятельность политических партий и общественных организаций.

Таблица 18.4. **Какие из прав человека, по вашему мнению, наиболее важны?, % к числу опрошенных**

Права	*1994 август*	*1999 апрель*	*2001 январь*	*2002 октябрь*	*2003 октябрь*	*2004 октябрь*	*2005 октябрь*	*2006 октябрь*	*2007 октябрь*	*2009 январь*
Право на образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни	64	68	56	70	66	74	76	74	67	68
Право на жизнь	63	57	63	52	50	54	61	64	46	58
Неприкосновенность личной жизни, жилища	55	46	65	44	45	45	52	50	38	45
Право на хорошо оплачиваемую работу по специальности	49	53	51	51	49	51	57	56	51	51
Право на гарантированный государственный «прожиточный минимум»	33	33	24	35	38	41	45	40	24	31
Право владеть собственностью	29	23	41	25	28	30	35	35	28	33
Свобода слова	18	14	38	19	19	24	28	28	21	28
Свобода вероисповедании	14	8	20	13	12	13	16	17	11	15
Право уехать в другую страну (и вернуться)	11	8	24	13	11	13	15	15	11	13
Право избирать своих представителей в органы власти	9	8	17	8	10	14	16	14	10	13
Право на получение информации	8	9	26	12	15	17	19	17	13	14
Затруднились ответить	6	3	0	1	3	1	1	1	2	1

Примечание. N = 1600.

Источник. *Общественное мнение — 2009.* М., 2010.

Таблица 18.5. **На решении каких задач, по вашему мнению, должны быть сосредоточены усилия правительства?, % к числу опрошенных**

Задачи	*2008 октябрь*	*2009 март*
Борьба с безработицей	*	49
Государственный контроль над ценами	45	44
Снижение цен	44	44
Индексация заработных плат, пенсий, вкладов в соответствии с ростом цен	33	34
Финансовая поддержка сельского хозяйства	24	28
Борьба с коррупцией, расхищением государственной собственности	34	27
Укрепление рубля, повышение курса рубля	31	27
Борьба со спадом производства	*	27
Финансовая поддержка российских производителей	*	19
Укрепление порядка и законности, борьба с преступностью	16	18
Возвращение в государственную собственность предприятий ключевых секторов экономики	15	17
Выплата задолженностей по заработной плате, пенсиям, стипендиям	11	16
Укрепление военно-промышленного комплекса, укрепление обороноспособности	11	8
Поддержание гражданского мира и согласия в стране	10	7
Поддержка банковской системы, гарантии вкладов	11	6
Гарантии развития частного бизнеса	7	6
Сбор налогов	6	5
Поддержание товарного многообразия	5	4
Затруднились ответить	2	1

Примечание. Знак * означает, что данный вопрос в это время не задавался.
Источник. Общественное мнение — 2009. М., 2010. С. 88.

18.3. Местное самоуправление

Самоуправление развивается не отдельно от государства и общества, а путем углубления демократических основ организации его деятельности, усиления взаимодействия официальных и общест-

венных учреждений, все более активного вовлечения людей в непосредственное участие в решении перспективных и текущих проблем развития. История знает ***пять моделей организации местного самоуправления.***

Англосаксонская модель (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.) предполагает, что в пределах своей компетенции местные органы власти действуют автономно от центральной власти и формально не подчиняются ей, хотя эта автономность ограничена. Так, в США существует правило Диллона, предполагающее, что любое справедливое, разумное и существенное сомнение в наличии того или иного полномочия должно трактоваться судами против органов местной власти.

Континентальная (французская) модель предполагает самое широкое участие центральных органов власти в работе местного самоуправления. Она получила распространение в бывших французских колониях, государствах Латинской Америки, в которых местное самоуправление прямо подчиняется государству и его решениям.

Смешанная модель действует в большинстве государств с федеральным устройством (Германии, Швейцарии, Австрии, Бразилии, Японии). Местные органы власти, которые почти всегда выбираются, а не назначаются, автоматически становятся и представителями центральных органов власти на местах.

Советская модель, существовавшая в СССР и других социалистических странах, сохранилась в Китае, Северной Корее и на Кубе. Ее характерные особенности — подчинение любых органов государственной власти партийным структурам, объединение исполнительных и представительных функций.

В России также накоплен исторический опыт функционирования местного самоуправления, нашедшего наиболее яркое воплощение в *земском движении*. Идеи этого движения были сформулированы такими научными и практическими работниками, как А.В. Васильчиков, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Л.А. Велихов, Б.Б. Веселовский и др. Имеется серьезный и заслуживающий пристального внимания опыт деятельности местных органов советской власти, особенно в 1920-е гг., когда инициатива не сковывалась директивными указаниями сверху.

В современной России происходят интенсивные поиски форм и методов построения местного самоуправления. После многократных попыток реформирования в 2010 г. функционировало свыше 14 тыс. муниципальных образований, охватывающих 160 тыс. населенных пунктов всех типов, что явно недостаточно. Поэтому

проводимая реформа предполагает создать дополнительно муниципалитеты и около 1,8 тыс. муниципальных округов, а также расширить функции местных органов власти.

Опыт развития государственной власти в России показывает, как происходит колоссальная бюрократизация власти. Это отражается не только в бесправии власти многих органов управления, но и в принижении, подавлении ростков инициативы, попыток реализации самоуправления. Когда такие ростки появлялись, они иногда поддерживались, но это было скорее исключением из правил, чем нормой. Это подтверждает и такое широко известное явление: обычно лучшие показатели в работе связаны с деятельностью конкретного руководителя. И стоило ему уйти с данного поста, как очень часто организация теряла темпы, ее начинало лихорадить или она просто хирела. Иначе говоря, не было действенного механизма реализации власти, а личные качества руководителя страховали организацию только на определенный промежуток времени.

Организация местного самоуправления отвечает на вопросы: *где, на каком уровне* социальной организации общества происходит согласование интересов большинства людей (населения) и власти, которая претендует на управление этими людьми. Более того, *без местного самоуправления вся вертикаль власти оказывается построенной на песке, т.е. без него управление страной нельзя считать завершенным.*

Наиболее действенно и эффективно эти встречные процессы согласования стремлений, целей, настроений осуществляются на локальном уровне. Ведь большинству людей нет дела до того, что происходит в верхах — на федеральном или региональном уровне. Они в лучшем случае имеют субъективное, отвлеченное мнение, но в то же время претендуют на знание (и соучастие) о том, что *происходит там, где они работают и живут, и в каком конкретном облике предстают перед ними общегосударственные законы и нормативные акты.*

Не менее значим и тот факт, что местное самоуправление призвано воспитывать самостоятельность, ответственность и участие населения в его работе, развивать инициативу, изживать психологию ожидания подачек и милостей сверху, от правительства или иных властных органов.

Очень важно и то, что при руководстве общественной жизнью местным самоуправлением равномернее распределяются полномочия по всем уровням политической организации общества, а не стягиваются искусственно к центру. У людей наряду с приватными интересами появляются общественные, у них формируется готов-

ность содействовать как общим акциям, так и собственному делу. Местное самоуправление призвано также дать гражданам практические навыки того, как управлять общественными делами. И наконец, оно является серьезной школой для политических и общественных деятелей, в которой они апробируют свои силы, знакомятся с актуальными вопросами не только теоретически, но и на практике решении общественных и групповых задач.

Становление местного самоуправления как органа, выражающего интересы населения, происходит трудно и противоречиво.

1. На федеральном и региональном уровнях власти отсутствует полное понимание и осознание идеи местного самоуправления. Большинство руководителей не видят его нового качества (сфер деятельности, прав и ответственности) и рассматривают данную проблему с точки зрения личных или групповых интересов, симпатий и антипатий.

2. В реальности местное самоуправление, по сути дела, таковым не является, ибо этим термином условно обозначается существующая власть на местах, которая старается решать местные проблемы всеми возможными и доступными для нее средствами. Властные органы в городах и районах фактически являются низовым звеном государственной власти и находятся в полной зависимости от вышестоящих органов власти, а не от населения, которое в условиях традиционного самоуправления во многом определяет стратегию и тактику действий избранных им органов и лиц.

3. Органы местного самоуправления испытывают острейший дефицит информации. Однако в стремлении к достоверной информации ими явно или неявно игнорируются мнение населения о его насущных нуждах, видение людьми необходимых перемен, их предложения по решению тех или иных конкретных вопросов.

Но самое главное (и это отражают данные социологических исследований) — *в настоящее время полностью игнорируется тот факт, что местное самоуправление — это фундамент, без укрепления которого грозит рухнуть вся пирамида государственной власти.* Местное самоуправление выступает основой того, как нужно и как можно соединить высшие интересы государства с повседневными заботами, тревогами и устремлениями людей. Анализ данных всероссийских социологических исследований показал, что участие населения в принятии решений и их реализации является достаточно актуальной проблемой. Однако значение и роль как голосования, так и других форм (со)участия людей в управлении по-разному оценивались на различных этапах развития нашей страны, и в пер-

вую очередь теми, кто был активно вовлечен в происходящие политические процессы. По убеждению экспертов, современные политические процессы и экономические реалии привели к тому, что, несмотря ни на какие заверения о продвижении к свободе и демократии, участие людей в решении местных проблем сводится к символическим актам — в основном к голосованию на очередных выборах.

Но в то же время эксперты полагают, что современная ситуация предоставляет разнообразные методы усиления влияния людей на поведение властей. Среди них особенно влиятельными являются голосование, референдум и средства массовой информации. В то же время эксперты низко оценили возможности общественных организаций и политических партий, профсоюзов. Низка в конечном счете и степень влияния таких средств, как митинги, публичные дискуссии, — об их эффективности заявили только 17,5% экспертов.

Анализ полученной информации показывает, что *преобладают самые очевидные, самые общие и далеко не самые действенные формы (со)участия людей в управлении*. В том, что названные меры в известной степени можно назвать исходными, первоначальными в подготовке к участию в управлении, вряд ли приходится сомневаться. Можно по-разному оценивать факт, что средства массовой информации признаются важными формами участия людей в решении местных проблем. Это в известной степени демонстрирует, с одной стороны, признание роли СМИ, с другой — слабое понимание того, что СМИ активно участвуют в манипулировании общественным сознанием, во все большей мере отражают интересы отдельных социальных групп, а порой и просто личные вкусы и предпочтения.

Но многие представители политической и общественной власти понимают, что процесс (со)участия в управлении не должен ограничиваться только данными формами, не должен отсекать население от решения сложных и трудных вопросов регионального развития. В то же время немало и таких руководителей, которые убеждены, что только самые простые вопросы подлежат обсуждению населением. В целом же сознание функционеров и экспертов расколото: почти половина из них склонны поддерживать серьезные ограничения по (со)участию населения в решении местных проблем, превращая людей в статистов или в значительной степени в символических участников в игре под названием «местная власть». Более того, большинство из них согласны с утверждением, что «участие

людей в принятии решений необязательно, если они принимаются коллективом доверенных и компетентных лиц».

В такой противоречивой оценке (со)участия общественности в управлении нет ничего неожиданного. И ранее в социологических исследованиях фиксировался высокий уровень вербальной готовности руководителей советоваться с людьми, учитывать их мнения и пожелания. Но когда дело касалось реального участия людей в принятии решений, то эта планка резко снижалась. Например, с утверждением, что руководитель обязан поступать в соответствии с пожеланиями населения, даже если он не согласен с ними, согласилось только 20% опрошенных представителей местных органов власти, и 23% его отвергли. Как на федеральном, так и на региональном уровне используется один стиль руководства — «стой здесь, иди сюда», который распространяется и на органы местного самоуправления.

Анализ социологической информации показывает, что *(со)участие населения в управлении, в решении социальных проблем зависимо, как и степень осознания ими роли и значимости тех или иных проблем.* Но важно не только то, что думают по этому поводу руководители местных органов власти (не говоря об управляющих более высокого уровня) и население. Важнее, скорее, то, собираются ли они взаимодействовать, обращаться друг к другу, совместно обсуждать и решать волнующие их проблемы. В связи с этим представляет интерес мнение экспертов о взаимодействии руководителей и населения: 86,5% из них считают, что местные лидеры должны всегда открыто информировать не только об успехах, но и о неудачах в своей деятельности.

Но руководители не всегда и не во всем искренни перед народом. Жизнь показывает, что сокрытие истины, а потом придание ей гласности, причем нередко под вынужденным давлением, делают политическую жизнь в центре и на местах малопредсказуемой, чреватой непредвиденными ситуациями и столкновением интересов. В этих условиях идет ожесточенная борьба против того, чтобы местное самоуправление заняло влиятельную позицию в решении насущных социальных проблем, было эффективно защищено в правовом отношении и имело бы крепкую материальную базу. Именно на этом уровне возможна реализация тезиса К. Маркса о народе, не знающем над собой иной власти, кроме власти собственного объединения. В сущности, это и есть воплощение реального демократизма любого политического строя.

Вопросы и задания для повторения

1. Какие формы государственной власти вы знаете?
2. Дайте характеристику таких типов власти, как демократия, олигархия, этнократия, охлократия, теократия, технократия.
3. Каковы формы взаимодействия населения с государством?
4. В чем состоят основные формы (со)участия населения в управлении государством?
5. Что такое электоральное поведение?
6. В чем состоит суть местного самоуправления?

Темы для рефератов

1. Типы государственной власти.
2. Уровни политической власти и соотношение между ними.
3. Референдум как форма взаимодействия человека и государства.
4. Электоральное поведение: сущность и современные проблемы.
5. Проблемы выборности руководителей.
6. Сравнительный анализ реальных типов самоуправления.
7. Оппозиция в стуктуре политической власти.

Глава 19

Социология права

Властные отношения всегда связаны с принятием правовых актов, процессом их разработки и реализации. Для государства до сих пор жизненно важным остается пожелание французского поэта *Пьера Ронсара* (1524—1585), основателя литературной школы периода Ренессанса:

Законы новые пуская в оборот,
Подумайте сперва, чтобы потом народ
Не вздумал действовать наперекор декретам.
Ребячества нельзя позволить в деле этом...

Область права — это огромная сфера теоретического знания и практического действия, которая охватывает совокупность общеобязательных правил поведения (норы), установленных или санкционированных государством. С помощью права регламентируются поведение людей, организаций, взаимоотношения личности и государства, положение граждан, а также осуществляются меры борьбы с посягательствами на государственный строй и существующие права и свободы. По сути дела, право — это в значительной мере та же сфера политических отношений, участники которых выступают как носители конституционных прав и обязанностей. Но право не только политика, но и другие сферы общественной жизни — экономика, социальные отношения, культура, хотя при их регулировании всегда в той или иной степени проявляется политический аспект.

Однако социологию интересует та специфическая часть сознания и поведения, которая характеризует *отношение людей к нормам права и его институтам, их правовая информированность, формы содействия осуществлению конституционных и других нормативных требований и предписаний*. Особый интерес для социологии представляют сознание и поведение самих носителей права, его разработчиков и исполнителей во всех разнообразных формах их деятельности.

Имеется много определений права. Напомним некоторые из них. От французских просветителей идет традиция ***естественного права***, основанного на гармонии взаимоотношений с природой и окружающим миром. Гегель исходил из того, что государство —

это «земной бог», и поэтому при оценке его правовых действий необходимо исходить из ***непререкаемого авторитета государства***. Русский юрист и социолог П.И. Новгородцев утверждал, что право базируется на достижении ***гармонии человека и государства***, основанной на принципе индивидуализма, — через идею свободы и через идею равенства, через реализацию требований суверенитета народа и суверенитета личности. Подобные мысли в дальнейшем развил ученик Новгородцева И.А. Ильин, выдвинув ***идею об аксиомах правосознания, о праве, основанном на духовном достоинстве и уважении разнообразия***.

Право — это средство не только подавления и подчинения, но и согласования интересов. «Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием, то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы — то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц», — писал П.И. Новгородцев в статье «Идея права в философии Вл. Соловьева». И только в рамках правового государства возможны социальная справедливость, учет устремлений социальных групп и их социального настроения для достижения рациональных взаимоотношений между человеком и государством.

Для российской социологии характерна одна очень важная особенность: ее возникновению и становлению во многом способствовали правоведы, юристы, которые много сделали для ее конституирования. Наряду с П.И. Новгородцевым на ниве социологии работали Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, Б.И. Чичерин и др. Что касается современного этапа развития отечественной социологии, то для нее много сделали В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц, Д.А. Керимов, В.П. Казмирчук, Е.А. Лукашева, В.В. Лапаева, Б.Д. Лазарев, А.М. Яковлев и др.

Анализ проблем социологии права позволяет сделать вывод, что *ее интересует не сам процесс выработки, апробации и утверждения норм права, а процесс усвоения их людьми, понимание, принятие или неприятие их, стремление следовать или противостоять им, руководствоваться ими или избегать их при решении жизненных проблем*. Социологию интересуют также оценочные суждения и отношение к политическим и правовым учреждениям и организациям, степень их соответствия гражданскому обществу и правовому государству. Особое значение имеет изучение социальных функций права, последствий, связанных с принятием и введением в общественную жизнь правовых актов

19.1. Правовая информированность

Будучи элементом общественного сознания, правовое сознание, с одной стороны, подчиняется общим закономерностям его функционирования, с другой — обладает специфическими особенностями, которые серьезно влияют на его роль и место в общественной жизни.

Если говорить об ***общих закономерностях***, то, во-первых, правовое сознание является *продуктом отражения общественного бытия людей*, а во-вторых, на его содержание *непосредственное воздействие оказывают экономическая и политическая жизнь общества, экономические и политические отношения*. В правовом сознании фиксируются уже сложившиеся формы функционирования политики, хотя это происходит не всегда и не во всем адекватно реальному состоянию и тенденциям развития социально-экономических и политических отношений. Вместе с тем социологические опросы показывают, что рост преступности входит в число самых актуальных для населения проблем (табл. 19.1).

В российском обществе утверлялось мнение о распространенности нарушений законности на всех уровнях социальной иерархии, о тотальной коррумпированности власти. Очевидно, что до тех пор, пока правовые нормы не будут восприниматься в массовом сознании как отвечающие интересам граждан и соответствующие традиционному этосу, правовой нигилизм будет сохраняться.

Что *касается* ***специфических особенностей*** правового сознания, то в основе своей они имеют *знание и оценку механизма правового регулирования* (включающего нормы права, правовые учреждении и их деятельность), *поступков людей в сфере права, а также правовых явлений, возникающих в связи с действием правовых норм*.

Содержание и характер правового сознания всегда определяются интересами классов, социальных групп. Поэтому *никогда правосознание не было единым для всего общества*. Уровень его зрелости продолжает существенно дифференцироваться среди различных социальных групп в зависимости от того, в каких объективных и субъективных условиях они функционируют. При этом надо заметить, что наряду с преобладающими элементами одобренного обществом правового сознания существуют различные, продиктованные сложившейся в стране обстановкой оценки таких представлений, которые обеспечивают желание существовать в том или ином политическом пространстве (табл. 19.1).

Как показывают данные этой таблицы, для правового сознания характерна *близость к политическому сознанию*. Наличие тесных

связей между ними указывает не только на их взаимодополняемость, но до известных пределов и взаимозаменяемость. Так, социологические исследования нередко регистрируют факт, что при неразвитости одной из его форм возможно частичное замещение другой, например политических знаний — правовыми или, как чаще всего случается, правовых — политическими. Такое положение обусловлено тем, что и политическое и правовое сознание направлено на регулирование весьма схожих по своей сути общественных интересов.

Таблица 19.1. **Как вы считаете, совместимы ли в наших российских условиях «порядок» и «демократия»?, % к числу опрошенных. N = 1600**

Варианты ответов	*2001*	*2005*	*2006*	*2007*	*2009*
Одно невозможно без другого	34	32	43	40	42
Может быть демократия без порядка, но порядок без демократии — нет	5	6	6	8	5
Может быть порядок без демократии, но демократия без порядка — нет	15	13	10	12	15
Может быть и порядок без демократии, и демократия без порядка	11	12	8	9	8
Одно противоречит другому	18	18	18	17	12
Затруднились ответить	18	19	16	15	19

Источник: Данные Левада-Центра.

Правовое сознание, равно как и другие формы общественного сознания, существует прежде всего в ***форме знания***. Анализ данных социологических исследований подтверждает, что люди стремятся получить правовую информацию, но обладают ею в незначительном объеме. Потребность в ней особенно возрастает в связи с обсуждением актуальных правовых проблем, непосредственно касающихся людей, а также при пересмотре старых и создании новых законодательных актов. В условиях же правового беспорядка, с которым столкнулись люди в 1990-е гг., желание знать что-то из области права исчезает и появляется правовой нигилизм, ибо это знание ни в чем не помогает, ничего не гарантирует и ни к чему не обязывает.

Особо следует сказать об ***источниках правовой информации***. По сравнению с 1970-ми гг. их роль фактически не изменилась: *теле-*

видение, газеты, радио занимают первые места в обеспечении населения интересующими его сведениями. Вместе с тем нужно отметить, что при всей важности этих источников информации сведения, полученные от СМИ, нельзя считать даже правовым просвещением, ибо они, отражая анализ конкретных ситуаций, выполняют скорее функцию специфической правовой пропаганды, чем систематического образования. Но их значение трудно переоценить, так как приобретение правовых знаний в *школе, училище, колледже, вузе, на курсах повышения квалификации* и т.д. происходит формально и еще не вышло из стадии многочисленных поисков более совершенных методов. Роль правового просвещения изменится, если изменится характер самой информации: из констатирующей она станет проблемной, поисковой, дискуссионной.

Ранее в пропаганде правовых знаний активное участие принимали *работники суда, прокуратуры, милиции, адвокатуры*. Они много усилий прилагали для того, чтобы правовая информация стала достоянием населения. С начала 1990-х гг. эта деятельность была свернута и практически прекратила свое существование, а ее сменили платные услуги по консультированию людей при решении конкретных проблем, лично их интересующих.

Рассматривая источники правовых знаний, следует сказать и о таком канале, как *специальные периодические издания*. Хотя они и содержат наиболее точные, надежные сведения, все же ими пользуется сравнительно узкий круг. К сожалению, популярность этих изданий, в том числе и по проблемам права, оставляет желать лучшего. Их попытки дать знания в области юриспруденции после некоторого роста в середине 1990-х гг. стали меркнуть. Однако это не означает отсутствия интереса к правовым знаниям: обостряется внимание к правовым проблемам труда, собственности, социальной защиты, доступа к образованию, жизни и работы за границей и т.д. Что касается научной и специализированной литературы как источника правосознания, то, несмотря на увеличение количества названий, она адресована в основном специалистам, консультантам, выполняя роль помощи больше экспертам, чем населению.

Отказ от старых форм распространения правовых знаний (лекционная пропаганда) при всей их методической незавершенности и отрыве от реальной жизни еще не привел к появлению новых средств правовой пропаганды. В целом правовая информированность стала более низкой, что усугубляется неразберихой в существующих и вновь формируемых нормах права, порождая правовую некомпетентность и правовую неграмотность. Именно она сплошь и рядом приводит к вольным и невольным нарушениям законодательства.

В распространении правовых знаний весьма значительна роль *неформальных источников информации* как по удельному весу, так и по своему содержанию. Как показывают данные 1990—2000-х гг., среди источников правовой информации опрошенные называли: каждый десятый — беседы с товарищами, друзьями; 20% — личные наблюдения; 7—10% — беседы в семье.

Качество получаемых таким образом знаний не может быть признано удовлетворительным: оно нередко несет печать неполной и неточной информации. Функционируют и искаженные правовые сведения, которые порождены не столько самим процессом распространения знаний, сколько произвольным толкованием правоприменительной и правоохранительной практики.

Анализируя процесс распространения правовых знаний, следует указать на один из парадоксов: как показывают специальные исследования, уровень правовой осведомленности среди правонарушителей достаточно высок и очень часто превышает уровень знаний правопослушных граждан. Помимо того что данное обстоятельство объясняется специфическим положением правонарушителя, оно указывает на очень важную проблему, а именно: *правовые знания сами по себе еще не служат гарантом хорошего поведения человека в обществе, настоящего осознания им своих действий и поступков.* Наоборот, среди правонарушителей эти знания используются для сокрытия или искажении истинного положения дел с целью избежать ответственности перед обществом.

Следовательно, уже в этом звене — правовых знаний — закладываются основы правовой культуры, ее действенной связи с другими элементами, и в первую очередь с правовой убежденностью.

19.2. Правовая убежденность

Есть у польского писателя Бруно Ясенского такие слова: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство».

Высоким нравственным смыслом наполнены эти слова, побуждающие человека определить свое отношение к жизни. Они имеют огромное правовое и нравственное значение, ибо определяют направления и поиск критерия зрелости сознания и поведения людей. Нравственные убеждения в данной обстановке проявляют себя как политические, а затем, будучи конституированы, закреплены в законах и актах, становятся правовыми нормами.

Правовые убеждения формируются на основе действий, направленных на утверждение нового и разрушение старых, изживших себя правовых отношений. Но они стихийно не появляются. А без них невозможно добиться определенного правопорядка, соблюдения законов, охраняющих интересы государства и граждан. Эта необходимость особенно четко проявилась в жизни постсоветской России, когда была осуществлена ломка прежних общественных отношений и предстояло сформировать новые. Но и в этом случае у народа веками сохранялось недоверие ко всем существующим институтам согласно русской пословице: «Закон что дышло, как повернешь, так и вышло». В этой ситуации призывы об уважении к праву, к закону повисли в воздухе. Намерение создать правовое поле вскоре превратилось в противоположность — правовой произвол, правовую безответственность, правовой нигилизм.

Формирование правовой убежденности в истинности и верности законов — дело сложное. Хотя это убеждение и складывается на основе определенного знания, но сознание в сознательность перерастает не просто. Особенно это касается ***перехода правовой осведомленности людей в их правовую компетентность.***

Исследования, проведенные социологами-юристами, показали, что эффективность правового воспитания зависит от степени сформированности потребности соблюдать законы во всех сферах общественной жизни (Лапаева, 1987).

Среди них, прежде всего, следует выделить ***осознание общественной необходимости соблюдения закона и сознательное подчинение своего поведения его требованиям.*** Это достигается не только постоянным разъяснением правовых норм, но и личным опытом, который опирается, с одной стороны, на общественное мнение о целесообразности и правильности применения законов, с другой — на собственные наблюдения, на ту информацию, которую человек получает в повседневной жизни.

В принципе перевод внешнего воздействия во внутреннее осознанное поведение является коренной проблемой правового воспитания. Осознание требований общества не как навязанных извне, а как объективно необходимых, которые в то же время осуществляются и в личных интересах, — важный показатель зрелости правовой культуры.

Правовое воспитание также направлено на то, чтобы ***сформировать в человеке силу привычки.*** Она может складываться двумя путями: во-первых, *в процессе следования тем правовым ценностям, которые уважаются и которых придерживаются окружающие;* во-вторых, вследствие *неотвратимости наказания за нарушение правовых норм и обязанностей.* Для определенной категории людей по-

следний путь имеет большое значение, и его не следует ни в коем случае сбрасывать со счетов, ибо принуждение было и остается важным средством, побуждающим человека действовать в желательном для общества направлении. Боязнь правовой ответственности является сдерживающим началом для тех лиц, которые склонны к противоправному поведению.

Неоднократные опросы населения показывают, что опрошенные, называя возможные средства устранения асоциальных и негативных явлений, ***основной упор делают на профилактическую работу, на усиление мер общественного воздействия на нарушителей***. Однако значительное число людей считают это недостаточным и ратуют за ужесточение наказаний (принятие более суровых санкций) в качестве наиболее эффективного пути борьбы с правонарушителями в обществе. Примером этого может быть поддержка большинством населения такого наказания, как смертная казнь, в то время как официальная позиция ориентируется на рекомендации Европейского Союза.

Огромную роль в правовом воспитании играет ***осознание групповых интересов***, нежелание потерять авторитет. Стремление следовать групповым интересам в сущности свойственно каждому человеку. И здесь все зависит от того, совпадают ли эти интересы с интересами общества. В случае принципиальной согласованности их осознание происходит в соответствии с правовыми нормами. В случае же несовпадения личность, как и группа, может вступить в противоречие с правовыми требованиями общества, что неизменно приводит к коллизиям в их взаимоотношениях.

Процесс правового воспитания, формирования нравственной культуры нередко замедляется или деформируется, если появляется своего рода местечковый эгоизм, когда интересы организации, района, города начинают довлеть над интересами общества.

При анализе правовой убежденности мы сталкиваемся с рядом интересных явлений. Так, нет ничего предосудительного в том, что у значительной части людей ***складывается правовой конформизм*** (подражание тому, как ведут себя другие). Этот мотив ни в коей мере нельзя игнорировать, хотя в целом он характеризует пассивное восприятие правовых требований. Важно то, что эта черта, как правило, переходит в привычку, в стремление следовать в необходимом обществу направлении.

Влияние всех этих сторон в нравственном воспитании велико, хотя действуют они неоднозначно и общественное сознание отличает их друг от друга. Для многих, например, настоящим потрясением была правда о преступлениях в конце 1930-х гг. В этих условиях полноценная правовая убежденность не могла сформироваться.

Более того, превращение в руины многих правовых норм в годы культа личности и безвластие закона в период застоя привели к деформации как правосознания, так и гражданской убежденности людей.

В 1990-х гг. был принят ряд новых правовых актов, в том числе и по уголовному праву. Гуманизация норм права предполагает, что акцент переносится на другие формы воздействия на противоправное поведение человека. Если в 1970-х — начале 1980-х гг. 60—70% проходящих через суд лишались свободы, то в конце 1980-х гг., в период эйфории ожидаемых реформ, эта цифра снизилась и составила 30—40%. Однако уже в середине 1990-х гг. общественное сознание спохватилось: перед лицом резкого увеличения всех видов преступности оно стало ратовать за ужесточение наказаний. И чем дальше, тем больше. Этим утверждением хотелось бы подчеркнуть роль социальной среды, которая оказывает на процесс правового воспитания не меньшее влияние, чем применение самих законов. В таких условиях «осознание обществом и каждым его членом права как самого надежного, долговременного, не подверженного конъюнктурным поветриям инструмента государственного строительства и регулятора общественных отношений придает обществу гражданскую устойчивость, равнозначную экологическому равновесию» (Феофанов, 1997).

Особо следует подчеркнуть, что в формировании правовой убежденности огромную роль играют ***гарантии прав и свобод человека, защита его чести и достоинства.*** В свое время *А. Токвиль* (1805—1859) утверждал, что права — это добродетели, пересаженные в официальную жизнь. Но в условиях российской действительности (как, впрочем, и в СССР) бытует другая практика, нашедшая выражение в словах: «Я прав, потому что имею больше прав». Современная ситуация показывает, что большинство россиян оценивают ситуацию с правами человека как решение жизненно важных для них проблем (см. гл. 18, табл. 18.4).

Ориентация людей на соблюдение норм права предполагает и обязательства (условия) государства по поддержанию правовой убежденности. Отсутствие правовых гарантий, их игнорирование приводят к правовому беспределу, к отказу в доверии всем официальным структурам, толкают людей к конфликтам с государством и его уполномоченными институтами. При отказе считаться с требованиями норм права не может сформироваться правовая убежденность, а если и создается, то со знаком «минус». Если число людей, считающих, что государство не обеспечивает личной безопасности, в течение 1990-х гг. колебалось в пределах 91—93% (данные ИСПИ РАН), то говорить о правовой защищенности можно с большим сомнением.

Эффективность власти заключается в ее способности действенно и оперативно решать возникающие социальные и другие проблемы, защищать насущные, естественные права граждан (и потому неотъемлемые, неотчуждаемые никогда и ни при каких обстоятельствах) на жизнь, свободу, независимость и честь. В этом и состоит первейшая обязанность государства в области права.

19.3. Правовая активность

Правовая активность характеризует *участие людей в реализации норм права, степень его поддержки и стремления, желания (или нежелания) содействовать их реализации в общественной и личной жизни.* Показателями и одновременно путями формирования правовой активности являются следующие параметры:

1. *Отношение людей к существующим нормам права, признание их важными (или незначительными) для жизни человека.* Причем с точки зрения социологии не может быть отношения к праву вообще — оно конкретизируется относительно его отдельных норм в силу заинтересованности и информированности. И чем ниже оценка их деятельности, тем пассивнее или агрессивнее действуют люди на правовом поле. Причем возможна и другая позиция: человек поддерживает одни нормы права, к другим относится нейтрально, а третьим противостоит и даже сопротивляется.

2. *Соблюдение людьми тех правовых норм, которые предъявляются к ним лично со стороны государства, является важным направлением формирования правовой активности.* В нем выражается ожидаемое государством выполнение тех нормативных требований, которые существуют в любой сфере деятельности — будь то трудовые отношения, политика, культура или быт, социальные обязанности или обязательства перед семьей. Иначе говоря, человек живет в мире правовых норм, которые он, с точки зрения государства и общества, должен соблюдать, чтобы обеспечить согласованные с другими людьми, организациями и институтами взаимоотношения, из которых складывается общая жизнь. Именно эти нормы часто приобретают силу привычки, силу следования им во всем, что касается лично индивида и ближайшего его окружения.

3. *(Со)участие в деятельности общества, государства, социального окружения, правовых учреждений в виде выполнения отдельных действий или обязательств.* Эти формы в разные эпохи и на различных этапах личной жизни человека существенно разнились. Более того, они подвержены не только модификации, но и коренным изменениям. Личное участие может быть овеществленным, либо приобретать характер разъяснительной работы (в деятельно-

сти консультаций, в работе средств массовой информации), либо выражаться в реализации некоторых функций по месту работы и отдыха.

Правовая активность проявляется и в том, что *люди участвуют в работе правоприменительных органов*, например в качестве заседателей, общественных защитников и присяжных. Сюда же примыкает и деятельность общественных судов, хотя она резко сократилась. На формирование правовой активности существенное влияние оказывает содействие правоохранительным органам. Существуют многообразные формы такого участия, например народные дружины (после перерыва они стали возрождаться), присяжные и т.д. Участие в работе этих добровольных объединений содействует эффективному приобщению людей к правовым задачам государства и, несомненно, повышает уровень их правового сознания. Но это участие становится только тогда действенным, когда инициативное участие поддерживается, замечается и поощряется, находит постоянный отклик в официальных структурах.

Важнейшим показателем правовой активности является *личное повседневное участие человека в поддержании и сохранении правопорядка*. Причем речь идет не о том, чтобы все стали членами народных дружин или помощниками автоинспекторов. Важно постоянно реагировать на любые отклонения от общепринятых норм. Можно знать, что все нарушения — это общественное зло. Можно быть убежденным в необходимости искоренения этого зла и в то же время практически оставаться пассивным в самой борьбе, предоставляя такую роль другим. Но реальность правовых знаний и убеждений закрепляется только в действиях.

4. *Правовая активность — это не только личное содействие, но и активное привлечение других членов общества к правоохранительной и правотворческой деятельности.* Оно может происходить по-разному: через вовлечение других людей в добровольные общества содействия правопорядку, в охрану общественной дисциплины, а также в распространение правовых знаний. В этой связи необходимо сказать *о роли пропаганды*. После краха КПСС, после критики социалистической идеологии об этой форме общественной деятельности стеснялись говорить, хотя, по сути дела, она осталась, но ведется весьма специфически, преследуя часто корпоративные, групповые, личные цели. Более того, она выступает в качестве феномена, возникающего свершившиеся или свершающиеся процессы. Иначе говоря, пропаганда учитывает *последствия экономических и политических решений*, руководствуется ими, является их придатком и мало выступает в качестве компонента, неотъемлемой части процесса развития правовых отношений.

5. *О степени правовой активности можно судить и по затратам времени, которые расходует человек на участие в правоохранительной и правотворческой деятельности.* Эти затраты показывают постоянность или эпизодичность действий людей, в них проявляется глубина осознания личной ответственности за общие дела, формы личной причастности ко всему, что затрагивает интересы, а также стремление, уровень приобщенности жизненной энергии человека к решению правовых проблем общества.

6. *Правовая активность связана с формированием позитивно-критического отношения к действительности.* Это означает, что нужно всемерно развивать критический настрой людей не только к делам своего окружения, своего города или поселения, но и ко всему тому, что, как они считают, не должно существовать в обществе. Но критика должна быть конструктивной, т.е. содержать и конкретные предложения, как преодолеть негативные или недостаточно решенные проблемы правового поля.

Общий же анализ правовой активности позволяет представить глубокую изолированность от участия в решении проблем, которые лежат вне пределов личного влияния людей, отчужденность их от понимания степени влияния в стране и даже в том городе или селе, где живет человек (см. гл. 13, табл. 13.9).

Но политическая и правовая активность встречает на своем пути ***препятствия, которые деформируют способы и методы ее проявления и распространения в обществе.***

Таким препятствием, прежде всего, является *среда*, вернее, то, что в ней происходит. Так, правонарушения в экономике и поныне остаются одним из огромных пластов всех нарушений закона. Анализ экономики как социального института, функционирующих в ней правовых норм и выполняемых ролей показывает, что запланированные в подполье в советское время товарно-денежные отношения вдруг возникли в уродливом обличье теневой и криминальной экономики с ее неизбежными спутниками — коррупцией, хищениями, а нормальный материальный интерес проявился в извращенной форме взяток, поборов, подарков, рэкета, скрытых заработных плат и т.п. Иначе говоря, на сознание людей обрушиваются осязаемые ими жизненные реалии, ставящие человека в ситуацию, которую невозможно ни исправить, ни преодолеть.

Не меньшее значение приобретают проблемы *правовой защищенности граждан, соблюдения гарантий, защиты от произвола и возможности обжаловать неправомерные действия администрации.* В этой связи нельзя не обратить внимание на тот факт, что люди не доверяют правовым учреждениям, а все надежды возлагают на близких, родных и знакомых. Это недоверие имеет тенденцию к

расширению, так как все чаще общественность узнает о коррупции, об «оборотнях в погонах», о связях работников сферы права с преступным миром. Поэтому особый интерес представляют суждения, связанные со становлением правового государства, полученные в ходе социологического опроса. Так, по данным Социологического центра РАГС, примерно 1/3 опрошенных считает, что еще нет верховенства закона, органы государства плохо придерживаются требований права, еще нет полной гарантии реализации людьми своих гражданских свобод. И особо критиковалось то (мнение 41,1% опрошенных), что нет в государстве эффективных норм контроля за осуществлением законов (табл. 19.2).

Таблица 19.2. **Как вы считаете, можете ли вы отстоять в России свои интересы или права в случае их нарушения?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2008 июнь*	*2009 июнь*
Определенно да	3	2
Скорее, да	22	21
Скорее, нет	37	41
Определенно нет	25	22
Затруднились ответить	13	15

Источник. Данные Левада-Центра.

На пути правовой активности стоит *правовой нигилизм*, размах которого поражает воображение. По данным социологического центра РАГС, 33,6% людей считают, что ради демократии, ради общей пользы нет ничего плохого в нарушении законов; 56,1% убеждены, что допустимы нарушения действующих законов, которые устарели и не идут на пользу демократии. Иначе говоря, общество пожинает те плоды, которые начали вызревать в конце 1920-х гг., когда во главу угла была поставлена польза делу, выгода государства, страны, коллектива. Как ни печально признавать, но в общественном сознании возобладало мнение, что блага для народа можно достичь за счет попрания закона, что нельзя сделать полезное дело иначе, как нарушив закон. Но самое печальное заключается в том, что преобразования, осуществляемые сейчас в России, не изменили ситуацию во взаимоотношениях людей с правом. Более того, обстановка осложнилась: растет преступность, складываются мафиозные структуры; воровство, хищения питаются бесхозяйственностью, запутанностью законодательных актов, рейдерским перераспределением собственности. Серьезным препятствием на пути правовой активности стала организованная преступность.

Препятствует формированию правовой активности и то, что *государство не(мало) побуждает людей не то, чтобы они постоянно высказывали предложения и замечания*: по улучшению организации общественной жизни, усилению борьбы с преступностью, охране личной свободы и защите жизни и здоровья граждан, противостоянию механизму обмана населения в виде деятельности новых экономических структур. На эти действия людей могут побудить только коренное улучшение контроля за исполнением решений, принимаемых органами власти и касающихся их труда, быта, образования, здравоохранения и отдыха. Серьезно волнует граждан охрана правопорядка в городах и сельских населенных пунктах. Как и в любой другой сфере общественного сознания и общественной деятельности, важно, чтобы всякая правотворческая инициатива поддерживалась, развивалась официальными структурами. Ни одна полезная мысль, ни одно ценное предложение или критическое замечание не должны оставаться на бумаге.

Об этом вновь приходится говорить в связи с попытками усилить борьбу с такими антиобщественными явлениями, как коррупция, хищения государственной, акционерной, частной и личной собственности, воровство, рэкет и т.д. Сложность борьбы с этими явлениями заключается в том, что многие из них протекают в скрытых формах. В борьбе с ними важен анализ тех условий, которые способствуют нарушениям правил и норм поведения, общежития и морали. По данным социологических исследований, среди злободневных вопросов люди выделили такие, как блат, связи с «нужными» людьми, несправедливость, равнодушие. Их очень тревожат пьянство, недобросовестное отношение к труду, стремление взять от общества больше, чем дать ему. По-прежнему люди отвергают лицемерие, ханжество, клевету и наговоры, подхалимство и угодничество. Опросы свидетельствуют об обеспокоенности нравственным здоровьем общества и неуверенности в гарантиях по соблюдению правовых норм. Кроме того, жизнь показывает, что защищенность требуется особенно тем людям, которые выступают против нарушений правовых норм, но их борьба нередко завершается поражением. Эти рубцы на правовой убежденности слишком болезненны, чтобы мобилизовать новых борцов за правду.

Таким образом, оперативный и постоянный анализ препятствий на пути правовой активности, форм и методов ее проявления выступает основой не только для получения правовой информации как таковой, но и для выработки действенных мер по их преодолению.

Венчает правовую активность такая итоговая ее характеристика, как ***правовая культура***, ибо она органически соединяет (или должна

соединять) правовые знания, правовую убежденность и стремление их реализации.

Формирование правовой культуры предполагает, что, если у человека сложилось искаженное отношение к обязательному исполнению закона, эта нигилистическая позиция будет относиться к нормам и уголовного, и административного, и семейного, и других отраслей права. Несогласие с общим правовым принципом находит конкретизацию применительно к требованиям норм права в той или иной сфере общественной жизни. Вот почему правовая культура предполагает ознакомление людей не только с правом в целом и его принципами, но и с конкретными нормами всех отраслей права.

Следовательно, развитие и укрепление правовой культуры нуждается как в совершенствовании правовой информации и правового воспитания, так и в поощрении участия в правотворческой деятельности, а также в постоянном привлечении людей к противостоянию негативным процессам и явлениям как в обществе в целом, так и в непосредственном социальном окружении.

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология права?
2. Расскажите о каналах правовой информированности.
3. Что есть общего и особенного в распространении правовой информации в 1990—2000-е гг.?
4. В чем проявляется нравственная и правовая убежденность, их взаимосвязь?
5. Каковы показатели правовой активности?
6. В чем заключаются основные препятствия на пути формирования правовой активности?

Темы для рефератов

1. Становление социологии права как специальной социологической теории.
2. Правовое сознание, его сущность и особенности.
3. Эффективность правовой информации.
4. Парадоксы правового сознания.
5. Общие и специфические черты политической и правовой убежденности.
6. Права и их роль в формировании правовой убежденности.
7. Правовой нигилизм и формы его проявления.

Глава 20

Общественные организации

Анализ состояния и тенденций развития политической жизни позволяет сделать вывод, что на современном этапе одной из ключевых проблем становится более полное осуществление права на повседневное и действенное (со)участие людей, социальных групп, общностей и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни.

В мировой социологической литературе имеется немало исследований, касающихся деятельности различных общественных, политических организаций. Значительное число трудов посвящено этой проблеме в России. Основоположником этих исследований можно считать *М.Я. Острогорского* (1854—1921), чей фундаментальный двухтомный труд «Демократия и политические партии» предвосхитил многие идеи, которые в дальнейшем были развиты В. Парето, Г. Моска, М. Вебером и особенно Р. Михельсом. Глубокие исследования по общественным движениям были выполнены Б.Н. Чичериным, М.М. Ковалевским. В Советском Союзе в 1920-е гг. эти аспекты жизни социалистического общества анализировались Н.И. Бухариным, С.А. Оранским, А.А. Богдановым и др. После возрождения социологии вышли интересные работы, посвященные проблемам политических организаций КПСС и общественных движений.

20.1. Основные характеристики общественных организаций в России

Взлет общественной активности и инициативы особенно четко проявился во второй половине 1980-х гг. Наряду с традиционными общественными организациями (КПСС, профсоюз, комсомол, научные, научно-технические, культурно-просветительные и спортивные общества и ассоциации) стали возникать новые объединения, которые на первом этапе своего формирования были названы неформальным движением. К началу 1990-х гг. разнообразные объединения стали нормой общественной и политической жизни, отражавшей широкий диапазон общественных интересов людей: от политических и экономических до досуговых, от национальных и националистических до космополитических, от проблемных

(экологических, например) до любительских объединений по интересам.

1990-е гг. принесли большие изменения в политическую жизнь России. В ней стали участвовать социальные силы, различные по мировоззрению, составу и роли. Особое место среди них заняли политические партии (их число приближалось к 200), общественные объединения и гражданские инициативы (фонды), любительские объединения по интересам, число которых, по данным Росстата, на федеральном, межрегиональном и региональном уровнях в 2009 г. достигло почти 115 тыс., в том числе зарегистрированных свыше 6 тыс. (табл. 20.1).

Таблица 20.1. **Число общественных объединений и некоммерческих организаций на 1 января 2011 г.**

Тип организации	*Всего зарегистрировано*	*В том числе зарегистрировано в 2009 г.*
Общественные объединения, всего	114 392	6218
Из них Общественные организации	521 626	4150
Из них благотворительные	1 665	81
Общественные движения	1 749	130
Из них благотворительные	2	1
Общественные фонды	6 657	319
Из них благотворительные	2 554	117
Общественные учреждения	612	42
Из них благотворительные	—	—
Органы общественной самодеятельности	179	8
Иные виды общественных объединений	52 569	1569
Из них Профессиональные союзы	40 801	364
Национально-культурные автономии	829	127
Некоммерческие организации	83 881	8974
В том числе благотворительные фонды	5 376	721

Источник. Россия в цифрах. 2011. С. 64.

Что характерно для этих образований?

1. ***Они продемонстрировали многообразие установок людей на решение тех или иных общественных проблем.*** Над ними перестали довлеть заданность, различные ограничения и официальные регламентации. Создана реальная возможность реализовать свои цели, объединить себе подобных и отстаивать свои права и возможность выживания в меняющемся мире.

2. ***Часть новых общественных движений вступили в достаточно жесткую конфронтацию со старыми сложившимися структурами.*** Они проявили бойцовские качества, верность своей идее и, что особенно важно, эффективность своей работы, способность увлечь за собой людей.

3. ***Среди части общественных формирований появились авантюристические организации, группы риска,*** которые характеризуются не только позитивными целями, но и асоциальными, и даже криминогенными устремлениями. Сюда можно отнести и организации профашистского, националистического толка, что, конечно, не способствует установлению благоприятной общественной атмосферы.

4. ***Идет глубокая трансформация существующих общественных структур.*** Время обновления позволило достаточно четко проверить жизненность многих из них, их способность к развитию в новых условиях.

В целом возникновение и функционирование новых объединений, а также преобразование старых общественных организаций символизируют оправдавший себя в истории подход: чем больше мнений, тем вернее решение. Однако творческий потенциал народа по совершенствованию политической системы нового общества еще далеко не реализован. Возможности людей пока в основном проявляются стихийно и не всегда в оптимальном варианте, ибо нет механизма поддержки социальных инициатив.

В заключение следует напомнить следующее. ***Тупик в развитии властных отношений всегда преодолевался при помощи новых субъектов политического действия.*** Таковыми являлись политические партии, общественные движения и инициативы. Более того, можно предположить, что, если в ходе развития властных отношений не будут возникать новые общественные образования, неизбежно произойдет нарушение процесса властвования, прервется приток свежих сил и задержится обновление политической структуры общества. Вот почему общественные организации рассматриваются как один из важнейших субъектов, при помощи которого осуществляется процесс демократизации политической жизни.

20.2. Партии

Долгое время социологические исследования в России ограничивались изучением проблем одной партии — КПСС, ибо она была единственной на политическом небосклоне. В конце 1980-х гг. ситуация стала меняться — появились и другие политические организации. Новая обстановка потребовала новых подходов к изучению жизни политических партий в стране.

На 1 января 1997 г. в России было зарегистрировано 120 политических партий, на 1 января 2003 г. — 43, в 2010 г. — 7. Еще несколько десятков партий функционируют де факто. Вначале общественное сознание вполне благосклонно встретило это нарождающееся многообразие, тем более что оно представляло все цвета политического спектра, присущие каждой цивилизованной стране.

Прежде всего, это ***партии либерального направления***, ориентирующиеся на аналогичные партии других стран и отстаивающие ценности неограниченного свободного рынка. В настоящее время данное направление олицетворяет «Правое дело», наследник Союза правых сил, который был создан из мелких политических группировок (каждый более или менее известный либеральный деятель в 1990-е гг. считал долгом иметь свою партию) в преддверии выборов в Государственную Думу в 1999 г., заместив практически переставшую существовать партию «Демократический выбор России». Далее, это ***партии центра***, облик которых приспосабливают себе партии власти, пытающиеся в своей деятельности соединить новые потребности времени с позитивным опытом ранее функционировавшей экономики. В настоящее время они ассоциируются с партией «Единая Россия» (ранее — «Наш дом Россия»). Затем следуют ***партии левого толка*** — социалистической и коммунистической ориентации (основные — КПРФ и «Справедливая Россия»), которые также представляют достаточно широкий диапазон мнений и программных установок. Надо отметить и появление ***партий националистического направления***, которые ориентируются на защиту интересов своей нации, нередко абсолютизируя их и противопоставляя интересам других стран и народов. И наконец, возникли ***партии***, сосредоточивающие усилия на решении отдельных общественных проблем — ***экологических, научных, пенсионных*** и т.д.

Появление этих партий на политическом небосклоне в конце 1980-х — начале 1990-х гг. люди встретили с надеждой: они увидели в этом многообразии выход из того политического и идеологического единомыслия, которое завело страну в тупик. Но час упования и

надежд завершился очень быстро. Уже в середине 1992 г. 88% опрошенных во всероссийских исследованиях отвечали, что не являются членами ни одной из политических партий и в деятельности ни одной из них не хотели бы участвовать.

Этот показатель продолжил быть устойчивым все 1990—2000-е гг. с одной лишь поправкой, что разочарование в деятельности партий, или безразличие, стало превращаться в *партофобию*, активное неприятие огромного количества политически амбициозных людей, создавших огромное количество крошечных, малочисленных политических объединений. Проявилась и такая тенденция: россияне не стали сторонниками каких бы то ни было политических партий, но это не исключает того, что они относят себя к приверженцам тех или иных идейно-политических течений (табл. 20.2).

Таблица 20.2. **Распределение ответов на вопрос: «Каковы ваши политические взгляды?», % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*2002 декабрь*	*2003 октябрь*	*2005 сентябрь*	*2007 июль*	*2008 ноябрь*	*2009 декабрь*	*2010 декабрь*
Демократические	16	28	23	26	36	29	33
Патриотические	17	21	24	25	22	22	21
Либеральные	4	8	6	10	9	10	9
Коммунистические	7	13	8	7	8	8	7
Социалистические	9	9	9	8	7	6	8
Консервативные	3	3	5	6	5	7	6
Социал-демократические	1	4	4	4	5	7	7
Националистические	1	3	4	4	3	2	2
Затруднились ответить	17	30	32	29	24	27	24

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Эти данные показывают, что прежняя партийная структура деформирована, разрушена, но идеологические ниши никуда не исчезли, а политические ориентации все больше фрагментируются, смешиваются и дробятся. Например, разрушение характерного про-

тивостояния коммунистов и либеральных демократов привело к появлению спектра своеобразных движений, которые были представлены партией «Яблоко», многократно перестраивающимися правыми организациями и некоторыми националистически ориентированными партиями. То же самое можно сказать и об их оппонентах на левом фланге. В традиционно коммунистическом сегменте существуют советские фундаменталисты, традиционные консерваторы и социалисты, апеллирующие к левым ценностям и идеям (справедливость, солидарность и т.д.). На этом фланге появляются фантомы типа партии «Родина», возникшей при проведении выборов в Государственную Думу в 2003 г. Наконец, в политическом центре идут непрерывные попытки становления партии власти, которую стала олицетворять «Единая Россия». Эти сдвиги сопровождаются сложными процессами: соперничеством и претензиями на выражение интересов народа. К концу 1990-х гг. противостояние различных политических движений стало испытывать активное вмешательство сил, представляющих интересы олигархических групп.

Рассмотрим причины, по которым не складывается многопартийность в России.

Очевидно, что одним из факторов становления новых партий должна быть *четкая и понятная людям программа действий, целей и задач*. Но заявления, программы новых партий часто не содержат ясно и понятно сформулированных экономических, политических и социальных ориентиров, в результате чего многие из них имеют похожее друг на друга «лицо».

Даже беглый анализ состояния дел любой из новых партий показывает, что *они не имеют социальной базы*. Разговоры о среднем классе только запутывают представление о социальной опоре каждой из них. А раз нет отчетливо выраженных социальных сил, то понятно, почему большинство этих партий малочисленны и не выдерживают испытания временем.

Не менее актуально звучит вывод, полученный на основе изучения жизни партий: *все они без исключения представляют собой структуры XX в., а будущее принадлежит массовым движениям, организациям и гражданским инициативам*. Анализ социологической информации показывает, что многие движения, такие как «зеленое движение», социальная защита, будучи организационно рыхлыми, тем не менее пользуются большей поддержкой, чем вновь возникающие политические партии.

Потребовался срок, чтобы новые партии прошли отбор временем. Историческая их перспектива оказалась не так радужна, как это

виделось в начале 1990-х гг. В результате из сотни партий и претендующих на это звание групп осталось семь, из которых только четыре — «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» — представлены в Государственной Думе.

Все более очевидным становится факт, что *жизнь новых партий строится на иных принципах, чем в КПСС*. Во многих из них нет монолитности, жесткой регламентации и иерархии, минимого единства. В их структуре обычно существует несколько идейных течений, которые различаются между собой в средствах и методах достижения цели. Более того, трудности становления уже привели к расколу некоторых из них. Но несомненно одно: многообразие идей в рамках одной концепции становится характерным для многих политических партий.

И наконец, изучение жизни политических партий показывает, что *их настоящее и будущее определяется тем, насколько они полно, всесторонне выражают чаяния народа*. В этой связи еще предстоит осмыслить трагедию КПСС, в один миг рухнувшей под ударами истории.

Анализ деятельности КПСС и новых российских политических партий показывает, что они постепенно утрачивают реальные шансы быть выразителями нужд народа. Когда в их деятельности возобладали догматизм, карьеризм, морализаторство, начетничество, декларативность, отрыв политических установок от жизни, чрезмерная вера в чудодейственную силу слова, это привело и приводит их к политическому краху. Именно поэтому бесславно закончили свой политический путь «Демократический выбор России» (1991—1995), «Наш дом Россия» (1995—1999). В весьма противоречивом ракурсе развивается судьба «Единой России», принявшей эстафету партии власти в 1999 г. В деятельности всех партий власти все чаще складывается такое положение, когда идеи существуют сами по себе и, будучи несопоставимыми с практикой, объективно мало влияют на общественное сознание и поведение людей.

Разъясняя идеи, убеждая людей, партии стремятся мобилизовать их на решение по-своему понимаемых общественных задач. Но если они ограничиваются лишь разъяснением каких-либо взглядов, идей, теорий, сообщением сведений о событиях внутренней и международной жизни, то они выполняют свою роль лишь частично. В не меньшей мере для партии важно, насколько ее поддерживает народ. В итоге вес и роль политической партии определяются не тем, сколько в ней членов, а количеством людей, голосующих за нее на выборах.

Особо следует отметить и тот факт, что роль любой партии в немалой степени зависит от действительного положения, ценностных ориентаций и убеждений каждого ее члена.

При этом необходимо видеть и противоречивость развития политических структур. Если притязания политических партий учитывают объективный ход исторического процесса, то их социальная роль будет востребована, найдет поддержку и их будущее будет обеспечено. И чем меньше согласуются политические интересы с объективными тенденциями общественного развития, тем больше вероятность коллизий, политических конфликтов и конфронтаций как внутри партии, так и в ее взаимоотношениях с обществом.

И наконец, важное место в политической социологии занимает ***анализ деятельности лидеров политических партий, их элиты***. Политическая обстановка такова, что любая партия нуждается не в функционере, а в руководителе, умеющем повести за собой людей, пользующемся у них безусловным доверием. Анализ их только по образованию, стажу работы и ряду других показателей оказался неплодотворным, бесперспективным, не отражающим суть новых требований времени, ошибочным и в научном, и в нравственном отношении. Рейтинги политических руководителей убедительно показывают, насколько глубоко отзываются в сознании людей те или иные политические акции.

20.3. Профсоюзы

Среди общественных организаций по-прежнему видное место занимают профсоюзы. Они заняты вопросами, которые касаются различных сторон жизни — экономической, социальной, культурной — и направлены на улучшение труда, быта, отдыха людей. Но главная роль профсоюзов — защита прав и интересов работников, привлечение их к соучастию в решении производственных и общественных дел. Именно в этом с наибольшей полнотой проявляются их самостоятельность и творчество. Однако социологические данные показывают, что в общественном мнении сформировалось достаточно негативное отношение к их деятельности.

Это касается прежде всего участия профсоюзов в развитии самоуправления. Многие органы профсоюзов превратились в организации, мало влияющие на общественную жизнь. Отношения, возникающие в процессе их работы, не затрагивают коренных интересов человека, а их влияние весьма ограничено во времени и в пространстве. Это не может не фиксировать общественное сознание и соответственно реагировать на то, что профсоюзы практически не

выходят на решение принципиальных вопросов трудовой и повседневной жизни.

Эффективность работы новых профсоюзов, их компетенция (права и обязанности) и роль в управлении предприятиями, организациями, учреждениями, как показывают исследования, мало чем отличаются от старых профсоюзов, а их деятельность тоже не адекватна интересам людей, на представительство которых они претендуют.

Какие основные проблемы можно обозначить по данным социологических исследований в работе профсоюзных организаций?

1. ***Профсоюзы имеют очень невысокий статус в жизни общества.*** Даже в тех случаях, когда их деятельность оценивалась как сравнительно успешная, обычно имелся в виду весьма незначительный круг вопросов, как правило, социально-бытового характера. Многие же острые проблемы, касающиеся труда и быта, социальных и экологических условий жизни, остаются без внимания профсоюзных организаций. Ограниченность такого подхода становится все очевиднее, отсюда и неудовлетворенность сложившимися формами работы.

2. ***Профсоюзы не смогли в полной мере защитить нужды трудящегося человека.*** Пораженные ядом бюрократизма, они больше провозглашают право быть представителями народа, чем способны на деле занять самостоятельные позиции. Вот почему одной из серьезных претензий, предъявляемых профсоюзным лидерам, была подчиненность их действий хозяйственным и государственным структурам, стремление угодить им, а не отстаивать истинные интересы людей.

3. ***Фактически профсоюзное движение расколото.*** В 2009 г. существовало 40 801 профсоюзное объединение (из них только 364 зарегистрировано). Рост недовольства профсоюзами проявляется в том, что, во-первых, профсоюзы стали выполнять роль подручных исполнителей официальной власти, во-вторых, в отказе доверия профсоюзам (им доверяют около 10% работников), в-третьих, в увеличении количества людей, не вступающих или не числящих себя членами профсоюза, и, наконец, в росте новых профсоюзных организаций, пытающихся выполнить функции защиты интересов работающих.

4. ***В течение длительного периода кадры профсоюзных работников комплектовались неадекватно потребностям общества.*** В советское время — из тех, кто не оправдал доверия на других участках, в постсоветское время — из тех, кто посредством профсоюзной

работы на первый план ставил сугубо личные или групповые интересы, что, конечно, отрицательно сказывалось на ответственности за порученное дело.

На такое состояние профсоюзной работы в немалой степени повлияло отсутствие стремления иметь обоснованную концепцию своей деятельности. Именно поэтому в обществе стали возникать альтернативные профсоюзные организации, по-иному ставящие проблемы защиты интересов человека.

В начале 1990-х гг. альтернативные профсоюзные организации заявили о себе достаточно громко — вспомним деятельность профсоюза горняков, которые были в 1989 г. зачинщиками шахтерского движения, потрясшего устои советского строя. Но их популярность быстро упала, несмотря на то что в стачках и забастовках они выдвигали социально значимые экономические и социальные требования.

Вместе с тем, несмотря на все издержки, профсоюзы стоят у истоков движений протеста. *Наиболее часто используются такие формы давления на органы государственной власти, на новых собственников, как забастовки, демонстрации, манифестации, митинги, пикеты.* Обычно они выражают экономические требования. В ряде случаев, особенно когда мероприятия такого рода проводятся совместно с партиями левой ориентации, выдвигаются и политические лозунги.

Однако несомненно, что неопределенность профсоюзов в структуре распределения власти является одной из причин их слабости, неэффективного функционирования и большого отрыва от реальной жизни людей.

20.4. Молодежные организации

Участие молодежи в общественной жизни вообще и политической в частности всегда было одним из показателей ее активности. Молодежь во все времена олицетворяла собой все новое, нарождающееся. Молодые люди всегда больше других желали (и осуществляли) изменений в обществе. Энергия молодых часто вносила коррективы в политическую жизнь. Молодежные объединения в большинстве случаев носили боевой характер.

Что касается советской молодежи и молодежи России 1990-х гг., они не являются исключением. К середине 1980-х гг. происходящие в обществе изменения отчетливо выявили кризис в молодежном движении. Данные социологических исследований стали фиксировать тот факт, что эффективность деятельности комсомола резко

упала, молодежь разочаровалась в формах и методах его работы. Отстав от жизни, оторвавшись от молодежи, от реальных процессов, руководители комсомола привели его к поражению, а значит, и к распаду.

К началу 1990-х гг. *монополизм, который долгое время господствовал в молодежном движении, был устранен:* появилось большое количество как формализованных, так и самодеятельных организаций молодежи по самым разнообразным злободневным общественным проблемам. Коренное изменение форм и методов их работы, решительный отказ от монополии, от заорганизованности, непосредственная связь с жизнью стали реальным источником жизнеспособности этих организаций.

Современные молодежные движения ведут свое начало с конца 1980-х гг., когда перестройка стала захлебываться. В этот период возникли первые неформальные общественные организации, в основном молодежные. Они отражали извечное стремление молодых к обновлению, к отвержению устаревших общественных норм, к установлению новых взаимоотношений общества и государства. И в то же время это была объективная реакция на то, что существующие общество и государство не могут ответить на новые потребности общественного развития. Почти все новые молодежные организации и движения были политизированы и выражали различные аспекты политического разнообразия — от реформирования коммунистической теории до установления либеральных, анархических и других идей. Разнообразие неформальных молодежных движений поражало воображение своим размахом, настойчивостью, желанием активно участвовать в становлении новых форм жизни.

В этом позитивном процессе — пробуждении социальной активности молодежи — были и серьезные издержки. К этим движениям примкнула масса неудачников, обиженных, гонимых или просто авантюристов. Показательно, что из лидеров этих движений так и не вышли заметные политические и общественные деятели — все они ограничились в лучшем случае должностями аналитиков, референтов, советников при власть предержащих. Среди них оказалось немало перерожденцев, мутантов, которые с удивительной быстротой меняли свои убеждения, пристрастия, мигрируя по всему политическому спектру.

В начале 1990-х гг. часть этих движений трансформировалась в организации, которые получили статус самостоятельных движений с правом активного участия в общественной и политической жизни. Постепенно часть из них исчезла бесследно, другие приобрели иной

облик, третьи интегрировались с официальными структурами. В этот период число их постоянно росло, особенно в регионах, отражая не только устойчивые тенденции, но и сиюминутные амбиции.

К концу 1990-х гг. *число политизированных молодежных организаций уменьшилось*: большинство из них стали функционировать при политических партиях. Они с разной степенью эффективности пытались участвовать в партийных делах. Однако ни одно из них не переросло в серьезную силу, ограничившись в большинстве своем подсобными функциями. Попытки идентификации с властью (феномен организаций «Наши» и «Идущие вместе») тоже не принесли значимых результатов. Но в то же время *увеличилось число молодежных организаций, отражающих увлечения* (футбольные фанаты, экологисты, байкеры, рейверы, экстремалы и др.), *склонность к той или иной досуговой деятельности, включающей в себя романтическую компенсацию повседневной рутины* (диггеры, фанаты рэпа, толкинисты и др.).

Одновременно *росло число экстремистских организаций*, которые выражали националистические (скинхеды) и религиозные (церковь Муна, «Белое братство» и др.) устремления. К ним в той или иной мере примыкают криминальные организации, облик которых весьма разнообразен.

И наконец, получили известное распространение *молодежные организации, являющиеся производными от международных*. Такие объединения, как зеленое движение, гендерные ассоциации, объединения солдатских матерей, существуют в основном при мощной финансовой поддержке международных организаций. Другие объединения такого рода, особенно религиозные, осуществляют или имитируют миссионерские функции по распространению идеологий основных мировых религий — христианства, ислама, буддизма, хотя в этом процессе участвуют и другие религиозные культы.

Для молодежных организаций постсоветской России ***характерны некоторые особенности и специфические черты***.

Во-первых, несовершенство молодежных движений проявляется в том, что политические или общественные цели не отражали основных ценностных ориентаций, а были отражением интересов малочисленных социальных групп и (или) амбициозных объединений и личностей, видящих в этой деятельности свои претензии на власть или влияние. Личные и групповые устремления выдавались за общие, народные. Но эти попытки в конце концов никого не могли обмануть. Вот почему большинство из них оказались нежизнеспособными, распадаясь при каждом повороте судьбы. Тем более

что они не отражали тех ориентаций, которые существовали в реальной молодежной среде (табл. 20.3).

Во-вторых, эти движения оказались организационно сырыми, мало отличаясь от наспех сколоченных временных образований.

В-третьих, стал заметен рост националистических и религиозных объединений, идеология которых далека от толерантности, терпимости, желания сотрудничать с другими, но не разделяющими их целей.

В-четвертых, появилось и растет число таких объединений, которые объединяют молодых людей на основе увлечений театром, музыкой, спортом и другими формами досугового времяпровождения.

Таблица 20.3. **Изменение направленности политических ориентаций молодежи, 1999—2007 гг.**

Ориентации	*1999*		*2007*	
	К	*Р*	*К*	*Р*
Государственнические	6,1	1/2	6,1	1
Традиционно-демократические	6,1	1/2	6,0	2
Либерально-демократические	5,6	3	5,4	4/5
Коммунистические	5,3	4	5,7	3
Национально-патриотические	5,2	5	5,4	4/5
Националистические	4,6	6	5,0	6
Радикально-демократические	4,2	7	4,5	7

Примечание. К — средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале. Р — ранг.

Источник. Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

20.5. Самодеятельные движения и гражданские инициативы

Как показывает жизнь, существующая структура государственных и общественных организаций не могла удовлетворить все многообразие устремлений и чаяний людей. Именно это несоответствие реального положения и желаемых изменений привело к возникновению самодеятельных организаций, общественных движений и гражданских инициатив. Спектр их деятельности оказался таким

широким, что с трудом поддается классификации. Но при всех сложностях все же можно выделить несколько групп таких движений и инициатив: общественно-политические, социальные, экологические, социально-культурные. Несколько особняком стоят объединения, связанные с проведением досуга, организацией отдыха, времяпрепровождением.

Эти организации в той или иной мере пытаются заполнить те ниши в общественной жизни, которые долгие годы обходили вниманием, не занимались и даже игнорировали их. Не все из них выдержали испытание временем. Кроме того, многие существенно разнятся между собой по регионам, по своим программам, целям, установкам.

Что касается ***общественно-политических движений***, то они или прогрессировали в сторону создании на их основе политических партий, или стали замыкаться на профессиональных проблемах. Так, движение «Мемориал» на первых порах своего существования в конце 1980-х гг. имело четко и ярко выраженную политическую окраску, собрало под свои знамена значительное число людей, заинтересованных не просто в изучении исторических корней происшедшей деформации общества, но и в извлечении уроков для будущих поколений. Постепенно это движение в значительной степени потеряло свой политический запал, превратившись в одну из организаций, связанных с исторической памятью народа.

Еще более показательна судьба ***народных фронтов***, в деятельности которых наряду с собственно политическими проблемами ярко проявились националистические мотивы. Их развитие протекало в достаточно противоречивой ситуации. Определенная непоследовательность, крайности в политических акциях, амбициозность лидеров привели к резкому снижению их авторитета и практически вывели из реальной политической жизни.

Достаточно четко выкристаллизовываются и ***экологические движения***, суть деятельности которых — объединить единомышленников, обеспечить сохранение окружающей среды, сферы обитания человека, здоровья нынешнего и особенно будущих поколений. Эти движения выдвинули своих лидеров мирового звучания (С.П. Залыгин, В.А. Коптюг, А.В. Яблоков, А.Л. Яншин и др.), которые во многом определили стратегию и тактику действий. На их счету уже немало побед: прекращение работ по переброске стока северных рек в Казахстан и Среднюю Азию, битва за Аральское море, замораживание строительства канала Волга — Чограй. Стимулировала рост этого движения катастрофа в Чернобыле.

Вместе с тем эти движения в условиях кризисной ситуации в России в середине 1990-х гг. пошли на спад: общественное сознание, которое регистрировало экологическую озабоченность людей в конце 1980-х гг. как четвертую по значимости проблему (после экономической неустроенности, политической и национальной напряженности), стало отводить проблемам экологии очень незначительное место (5—6% в 2000-е гг. и 36% в 1989 г.). Однако несомненно, что за экологическими движениями будущее: они во многом будут определять лицо общества, мобилизуя волю и сознание людей на обеспечение экологически безопасной жизни на Земле.

Несколько иначе развиваются ***движения социальной ориентации***. Они обычно создаются для решения конкретных проблем. Речь идет о движениях социальной защиты, милосердия, заботы о пенсионерах, престарелых, о детях без родителей. Насколько остры эти проблемы, говорит хотя бы один факт, характеризующий социальное сиротство: восемь из десяти воспитанников детских домов имеют родителей. В этой ситуации моральные, нравственные проблемы тесно переплетены с собственно социальными, которые в не меньшей степени ставят вопрос как об ответственности общества, так и об ответственности людей, дающих ребенку жизнь.

В социально-культурной сфере наряду со сложившимися движениями по сохранению памятников истории и культуры мощный импульс развития получили ***общества содействия искусству, литературе, живописи, музыке, родному языку и национальной культуре***. Практически все национальные образования — республики, округа, диаспоры — создают общества, которые стремятся реализовать права на суверенитет в области духовной жизни, национально-культурной автономии.

Во всех крупных городах возникли национально-культурные сообщества и клубы, в которых представители территориально рассредоточенных наций и народностей — диаспор — получают возможность реализовать право общения на родном языке, участвовать в производстве и потреблении духовных ценностей, развивать и поддерживать национальную культуру. В середине 1990-х гг. стал организационно оформляться еще один вид самодеятельных организаций — ***землячества***.

Итак, процесс становления и обогащения работы как сложившихся, так и новых общественных движений и гражданских инициатив — это *залог мобильности, жизненности и эффективности обновляющегося общественного сознания и поведения людей.*

Вопросы и задания для повторения

1. Каковы характерные черты многопартийности России?
2. Расскажите об основных политических партиях и их сущностных характеристиках.
3. Охарактеризуйте основные формы общественных организаций.
4. Что собой представляют гражданские инициативы?
5. В чем заключаются особенности состояния и направлений деятельности профсоюзного движения?
6. Расскажите о молодежных организациях и их политических ориентациях.
7. Дайте характеристику основных самодеятельных движений.

Темы для рефератов

1. Становление многопартийности в России.
2. Характеристика партий неолиберальной ориентации.
3. Проблемы социалистических и коммунистических партий.
4. Настоящее и будущее национально-патриотических партий.
5. Казачество: традиции и современность.
6. Судьбы молодежного движения.
7. Профсоюзные организации: кризис или новый облик.
8. Самодеятельные организации — экологические, исторические, культурологические и др. (анализ деятельности).

Раздел V

Социология духовной жизни

Глава 21 Социология личности
Глава 22 Социология образования
Глава 23 Социология науки
Глава 24 Социология культуры
Глава 25 Социология религии

Духовная жизнь — самая богатая по своим проявлениям, по формам и методам реализации в жизнедеятельности общества, сферы сознания классов, социальных групп, слоев, общностей, каждого человека. Это позволило даже на определенном этапе развития научной мысли отождествлять понятия «духовная жизнь» и «общественное сознание».

Духовная жизнь функционирует на уровне как сознания, так и практической, целесообразной деятельности, охватывает все многообразие культуры, условия и факторы ее проявления. Она включает в себя *научное осмысление* действительности. Она также характеризуется тем, *как, на каких основаниях и при помощи чего* она изменяется, совершенствуется, обогащается. Духовная деятельность, будучи способом существования особого рода общественных отношений, выражается в *конкретных формах в области науки, образования, массовой коммуникации, литературы и искусства*, т.е. всего того, что образует специфический феномен духовной жизни общества.

Такой подход к духовной жизни имеет большое теоретическое и практическое значение. Он не дает возможности субъективизировать ее, сводить только к взаимодействию концепций, взглядов и идей. Объективный характер сознания и поведения людей проявляется во всем многообразии духовных отношений, позволяет в духовной жизни выделить как материальный, так и мировоззренческий (идеологический) аспект и в то же время обнаружить ту сторону в развитии человека, которая не изменяется и не исчезает даже при смене общественно-политического строя.

С социологической точки зрения анализ духовной жизни как единства материального и идеального дает более точное представление о том, *что можно сделать* путем воздействия на общественное сознание, *что следует учесть*, когда речь идет об объективности процессов, происходящих в этой сфере.

В настоящее время понимание того, что представляет собой духовная жизнь, приобретает важное значение. В движении «экология культуры» с наибольшей полнотой проявилась забота о сбережении тех облагораживающих общество и человека традиций, которые составляют своеобразный сплав общечеловеческого и национально-особенного.

Таким образом, ***духовная жизнь*** — *особый мир производства, потребления и распределения культурных ценностей, характеризующих степень возвышения человека, его интеллектуальное богатство, используемое в интересах гуманизма.*

Отечественная социология накопила значительный опыт исследования процессов духовной жизни общества (Л.Н. Коган, С.Н. Иконникова, Л.Г. Ионин, В.М. Межуев, А.И. Шендрик др.). В известном смысле ***социология духовной жизни*** — понятие обобщающее, системное. Она состоит из таких специальных социологических теорий, как социология образования, науки, культуры, средств массовой информации, религии. Накоплен материал по социологическому изучению личности, художественного творчества.

Основанием для выделения этих направлений в социологии являются структурные элементы, или подсистемы, духовной сферы, каждая из которых имеет *достаточно четкие критерии своего обособления*: цель, средства ее достижения, объект и субъект воздействия, ресурсное обеспечение, а также определенные конечные результаты. Даже в том случае, когда некоторые подсистемы близки между собой или частично выполняют схожие функции (например, образование и воспитание), их можно идентифицировать.

Для социологии духовной жизни всегда большой интерес представляет анализ деятельности ее ***субъектов***. Ее творцами и непосредственными участниками являются прежде всего ***общество*** и ***государство***, призванные обеспечить человеку широкий доступ к культуре, помочь раскрыть ему творческие дарования, удовлетворить его потребности и интересы. Реализуя функции образования и воспитания, они прибегают к экономическим, социальным и правовым рычагам, которые, с одной стороны, стимулируют необходимый для общества духовно-нравственный прогресс, с другой — ограничивают проявления псевдо-, квази- и эрзац-культуры, девиантного и асоциального поведения.

Активной силой являются различные ***общественные организации и добровольные объединения***, каждое из которых присущими ему формами и методами принимает участие в производстве, потреблении и распределении духовных ценностей. Вместе с тем отметим, что если они не находят своего специфического места в функционировании духовной жизни, то эффект их работы становится незначительным, влияние резко падает, что, в свою очередь, ведет к обеднению интеллектуального потенциала страны.

И наконец, субъект духовной жизни (и субъект важнейший) — это **сам человек**. К сожалению, часто при рассмотрении состояния, тенденций и проблем духовной жизни не уделяется должного внимания созидательной энергии людей, их творческому потенциалу, личному вкладу в развитие культуры во всем ее многообразии.

Структурные элементы духовной жизни, анализируемые в этом разделе, можно, естественно, значительно расширить за счет более подробного анализа проблем литературы и искусства, средств массовой информации. Предметом самостоятельного рассмотрения может стать процесс функционирования институтов духовной жизни — школ, клубов, библиотек, вузов, театров, кино, музеев, прессы, радио, телевидения и т.д.

Глава 21

Социология личности

Социология личности как специальная социологическая теория появилась на рубеже XIX и XX вв. В этой теории, как никакой другой, нашли отражение роль общественного, группового и индивидуального сознания, формы, пути и методы реализации духовного богатства, а также влияние макро-, мезо- и микроусловий на их функционирование.

Многогранность процесса становления, развития и формирования личности породила различные концепции, которые по-разному подчеркивали те или иные аспекты этой проблемы. В работах *Ч.Х. Кули* (1864—1929), *Дж. Мида* (1863—1931) нашла отражение ***теория зеркального «Я»***, в которой личность трактовалась как объективное качество, приобретенное человеком в процессе социальной жизни. Я.Л. Морено, Т. Парсонс, Р. Линтон и другие уделяли внимание ***ролевой теории личности***, согласно которой последняя есть функция от той совокупности социальных ролей, которые человек выполняет в обществе. Значителен вклад в социологию личности сторонников ***статусной теории***.

В отечественной социологии проблемы развития человека, личности были объектом самого внимательного анализа как в конце XIX — начале XX в., так и в советский период.

В дореволюционный период эти проблемы были рассмотрены достаточно детально в трудах П.А. Лаврова, Е.В. де Роберти, П.А. Сорокина. Интересные наблюдения о нравах, привычках, ориентациях крестьянина составил А.Н. Энгельгардт. Но особенно значительна роль Н.К. Михайловского, который предложил рассматривать личность в ***трех ипостасях: биогенном, психогенном и социогенном обличье***. Много внимания он уделил проблеме индивидуальности.

В советский период многое сделано для социологической и социально-психологической интерпретации личности (см. библиографический список).

К анализу социологических проблем личности полностью применимы слова известного американского социолога Ч.Р. Миллса, который писал, что «изучение социологии должно показать, как оценивать себя не как изолированную личность, а как человека в море человечества; помочь расположить себя в истории и перспек-

тиве, чтобы точнее понять и оценить те факторы, которые влияют как на ваше поведение, так и на поведение других людей».

К современному этапу развития данной концепции сложилось обобщенное представление о том, что личность — продукт исторического развития, результат активной предметной деятельности и общения. Личность не только объект, но и субъект социальных отношений. Она характеризуется автономностью, способностью противопоставлять себя обществу, формировать новые общественно необходимые функции и образцы поведения. Вместе с тем личная независимость, творческая активность предполагают не только наличие самосознания, способности к рефлексии — самоанализу, самооценке, самоконтролю, но и их согласование с объективными условиями жизни общества.

21.1. Понятие о социализации личности

Социология личности оперирует наряду с понятием «личность» понятиями «человек» и «индивид», а также близкими по смыслу, но по-разному трактуемыми терминами, нередко рассматриваемыми как синонимы: «формирование», «развитие», «воспитание», «социализация». Их неодинаковое использование затрудняет возможности социологического анализа.

Что касается понятия «***человек***», то в социологии под ним понимается единство биологического и социального, поэтому используется это понятие во многих отраслевых социологических теориях, например в социологии труда. Понятие «***индивид***» больше применяется в психологии, хотя и социология нередко прибегает к нему, особенно когда анализируются проблемы идентичности или взаимодействия в малых группах. Но когда человек интересует нас только с социальных позиций, тогда наиболее приемлемо употребление понятия «***личность***». Поэтому в тех случаях, когда человек рассматривается как субъект социальных отношений, этим занимается та специальная социологическая теория, которая называется социологией личности.

Если употребляется понятие «***формирование личности***», то имеется в виду единство объективных условий и субъективных факторов, целенаправленно воздействующих на процесс становления и развития человека. Конечно, только при учете влияния всей совокупности общественных отношений в сочетании с субъективной деятельностью классов, государственных и общественных организаций и самого человека можно говорить о многостороннем воздействии на личность и формировать ее развитие.

Понятие «***развитие личности***» характеризует последовательность и поступательность изменений, происходящих в сознании и поведении личности. Что касается ***воспитания***, то оно связано с субъективной деятельностью, с выработкой у человека определенного представления об окружающем его мире. Хотя воспитание и учитывает влияние внешней среды, оно в основном олицетворяет усилия, которые осуществляют социальные институты.

Социализация представляет собой процесс становления и функционирования личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом. Социализация личности начинается с первых лет жизни. К периоду гражданской зрелости человек реализует основные цели, хотя процесс социализации по некоторым аспектам продолжается всю жизнь. Иначе говоря, под социализацией понимается процесс вхождения индивида в общественную жизнь, социум, что порождает изменения в социальной структуре общества и в структуре личности. Социализация связана также с процессом социальной активности человека, а следовательно, с его способностью при взаимодействии со средой не просто усваивать ее требования, но и изменять ее, влиять на нее.

Социализация предстает как единый процесс интериоризации и экстериоризации. Под ***интериоризацией*** понимается переход внешних по своей форме процессов сознания во внутренние, при котором они претерпевают определенную трансформацию — обобщаются, вербализуются, становятся способными к дальнейшему развитию. Что касается ***экстериоризации***, то она олицетворяет объективизацию внутреннего мира человека в ходе его практической деятельности. Она обеспечивает персонификацию человека, определяет его социальный статус, а также потребности, интересы, убеждения, ценностные ориентации, образ жизни. Первостепенное значение приобретает изучение взаимодействия основных элементов интериоризации и экстериоризации, их механизмов в различных социальных условиях, в различные периоды жизни и деятельности человека.

Социальная среда является объективным основанием социализации и в то же время основным системообразующим элементом этого процесса. Взаимодействие с социальной средой, первые элементарные сведения о ней человек получает в семье, закладывающей основы и сознания, и поведения. В социологии внимание обращается на тот факт, что ценность семьи как социального института долгое время недостаточно учитывалась. Более того, ответственность за

воспитание будущего гражданина в определенные периоды советской истории пытались переложить на школу, трудовой коллектив, общественные организации, что впоследствии обернулось крупными издержками в общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей.

Эстафету социализации личности принимают *школа, учебные заведения*. По мере взросления и подготовки к выполнению гражданского долга совокупность усваиваемых молодым человеком знаний усложняется. Однако не все они приобретают характер последовательности и завершенности. Так, в детстве ребенок получает первые представления о Родине, в общих чертах начинает формировать свое представление об обществе, в котором он живет, о принципах построения жизни. Но социологов и поныне волнуют вопросы: почему так различен этот первоначальный процесс социализации личности? почему школа выпускает в жизнь молодых людей, отличающихся не просто своими взглядами и представлениями, но и набором ценностей, которые нередко противостоят друг другу?

Социализация той части молодежи, которая приходит на работу после окончания учебных заведений (средних, профессиональных, высших), продолжается в конкретных условиях, складывающихся в *производственных организациях* под влиянием не только общественных отношений, но и специфических особенностей, присущих им как социальным организациям.

Мощным инструментом социализации личности являются *средства массовой информации* — печать, радио, телевидение. Они осуществляют интенсивную обработку общественного мнения, его формирование. При этом в одинаковой степени возможна реализация как созидательных, так и разрушительных задач. Все возрастающее влияние на процесс социализации оказывает Интернет, начав превосходить традиционные информационные и пропагандистские каналы.

Социализация личности связана с *трудовой, общественно-политической* и *познавательной деятельностью*. Недостаточно просто обладать знаниями — их предстоит соединить с убеждениями, компетенциями, образуя характерные черты и качества, свойственные тем или иным типам личности.

И наконец, социализация личности органично включает в себя *передачу социального опыта*, поэтому преемственность, сохранение и усвоение традиций неотделимы от повседневной жизни людей. Посредством их новые поколения приобщаются к решению экономических, социальных, политических и духовных проблем общества.

Таким образом, ***социализация личности*** представляет *специфическую форму присвоения человеком тех гражданских отношений, которые существуют во всех сферах общественной жизни.*

В современных условиях процесс социализации предъявляет новые требования к духовному облику, убеждениям и действиям людей.

Во-первых, осуществление социально-экономических, политических и духовных изменений может быть посильно *людям высокообразованным, высококвалифицированным и сознательно участвующим в претворении их в жизнь.* Только глубоко убежденный в необходимости намеченных преобразований человек может быть активной, действенной силой исторического процесса.

Во-вторых, чрезвычайная сложность процесса социализации личности требует *постоянного совершенствования средств его осуществления.* Они нуждаются в обновлении, каждодневном поиске, конкретизирующем и уточняющем место и ответственность человека при решении как общественных, так и личных проблем.

В-третьих, социализация личности *является неотъемлемой частью решения всех общественных проблем.* Жизнь убедительно свидетельствует, что он в одинаковой степени может многократно усиливать (или замедлять) общественное развитие, если учитываются (или не учитываются) объективные перемены, а также изменения в сознании и поведении людей.

В-четвертых, социализация личности предполагает *преодоление негативных явлений в сознании и поведении людей.* До сих пор нет удовлетворительного ответа на такие вопросы: почему люди, имеющие одинаковое стартовое начало, становятся не только полноценными гражданами, но и хулиганами, пьяницами, ворами, превращаются в бюрократов, подхалимов, угодников, карьеристов и т.д.? почему формируются антиобщественные типы поведения, социально опасные для общества?

В-пятых, социализация личности происходит в *условиях взаимодействия мировой и национальной культур.* И хотя глобализационные мотивы признаны ведущими в структуре общественного сознания и поведения, влияние национальных особенностей нередко оказывается решающим фактором, который во многом определяет облик человека. Феномен национального в процессе социализации поставил вопрос о поиске новых резервов его сочетания с общечеловеческими ценностями, привел к необходимости более глубокого понимания социально-психологических механизмов признания особого места в общественной жизни каждого народа, каждой нации и народности и каждого отдельного их представителя.

Социализация личности предполагает, что *объектом исследования становятся не одно или несколько, а весь комплекс общественно значимых качеств человека в их тесном единстве и взаимодействии.* Они охватывают всю совокупность черт сознания и поведения: знания, убежденность, отношение к труду, культуру, воспитание, стремление жить по законам красоты, физическое здоровье и т.д. Важное значение имеет преодоление стереотипов, атавизмов в сознании и поведении людей.

Вместе с тем, в какой бы сфере ни действовал человек, духовный компонент всегда и во всем сопровождает его деятельность. Более того, человек не пассивно воспроизводит то, что диктует ему общество. Он обладает возможностью проявить свою творческую силу и воздействовать на окружающие его явления. Особое значение для социализации личности, обогащения ее духовного мира приобретает свободное время, которое, по словам К. Маркса, служит мерилом истинного богатства человека.

Духовный компонент является определяющим в социализации человека, что позволяет рассматривать эту отрасль социологической науки в тесной связи с проблемами культуры, образования, науки, литературы и искусства. Это ни в коей мере не преуменьшает роли и значения экономических, социальных и политических отношений. Но человека возвышают лишь уровень культуры, богатство и глубина его духовного мира, степень развитости гуманизма, милосердия и уважения к другим людям.

21.2. Статусная теория личности

Социальный статус — это *показатель положения, занимаемого индивидом в обществе.* Каждый человек обладает несколькими статусами (сын, он же геолог, он же член партии, он же спортсмен).

Различаются статусы приписанные (прирожденные) и достигнутые (приобретенные). ***Приписанный статус*** человек получает автоматически — по этническому происхождению, месту рождения, положению семьи, вне зависимости от личных усилий (дочь, бурятка, волжанка, аристократка). ***Достигнутый статус*** — писатель, студент, супруг, офицер, лауреат, директор, депутат — приобретается усилиями самого человека с помощью тех или иных социальных групп или социальных организаций: семьи, бригады, партии и др.

Однако статусы неравны. Положение в обществе предопределяет ***главный статус***, в основе которого, как правило, лежат *должность, профессия.* Профессия служит наиболее используемым, совокупным, интегративным показателем статусной позиции: вид работы

определяет такие статусные ресурсы человека, как *авторитет, престиж, власть*.

В 1990-е гг. в число ведущего показателя статуса стало выдвигаться ***богатство человека***, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность «красиво жить». В этой ситуации не квалификация, не мастерство, не творческий потенциал, а обладание недвижимостью и счетом в банке стало целью значительной части молодежи, которая обучение и получение специальности стала рассматривать как элемент или ступень в достижении материального достатка и благополучия.

В этой связи следует отметить значение *реальной стартовой позиции*, которая влияет на оценку общества, дает определенную точку зрения на мир, которая во многом определяет дальнейшее поведение. Выходцы из семей с различными социальными статусами имеют неравные условия социализации, неодинаковые возможности для получения образования. Одни люди имеют большие возможности, а другим пути закрыты с самого рождения. Например, ребенок из семьи среднего класса (приписанный статус) имеет большие возможности стать врачом или ученым (достигнутый статус), чем ребенок из низших слоев общества. Поэтому в обществе существует сопротивление созданию элитных учебных заведений, качество учебы в которых покупается за деньги, что лишает значительную часть молодежи возможности иметь равные стартовые позиции в жизни.

Важной характеристикой каждого из статусов являются *спектр* и *свобода выбора иных статусов*. Всякое индивидуальное решение относительно собственной судьбы заключается в постоянном выборе способов преодоления конкретного социального неравенства и в желании иметь соответствующие условия, обеспечивающие его конкурентоспособность в жизни.

Социальный статус, обеспечивая определенные права и возможности, ко многому обязывает. С помощью статусов упорядочиваются, регламентируются отношения между людьми. Социальные статусы отражаются как во внешнем поведении и облике — одежде, жаргоне, манерах, так и во внутренней позиции личности — установках, ценностных ориентациях, мотивах. Каждый статус требует и дает людям возможность достижения социальных ожиданий или их модификации, если не создает условий для их реализации. В этом смысле прав известный польский социолог *Ф. Знанецкий* (1882—1958), который полагал, что социолог должен принимать индивида не только так, как он «действительно есть» органически и психологически, но как он «сделан» другими и самим

собой в их и его собственном опыте социальной жизни. С социологической точки зрения в индивиде первичны его социальная позиция и функция. Органические и психологические особенности индивида, по Ф. Знанецкому, есть просто материал, из которого в процессе образования и (само)воспитания формируется личность.

21.3. Ролевая теория личности

Роль — *это тип поведения личности, обусловленный ее социальным положением, статусом.* Совокупность ролей, соотнесенных с ними, определяется как ***ролевой набор***. Роль объективно задается социальной позицией вне зависимости от индивидуальных особенностей человека, занимающего эту позицию. Исполнение роли связано со стремлением человека соответствовать принятым социальным нормам и ожиданиям окружающих.

Освоение ролей происходит в процессе социализации, причем число их постоянно увеличивается. В раннем детстве человек выполняет одну роль — ребенка, которому прививают определенные правила поведения. Затем к нему добавляется роль воспитанника детского сада и члена первичной социальной группы по совместной игре, времяпровождению, отдыху и т.д. В дальнейшем ребенок выполняет роль учащегося, члена молодежной группы, участника общественных действий (общественных организаций), члена различных групп по интересам.

Поскольку каждый человек исполняет несколько ролей, возможен ***ролевой конфликт***: родители и сверстники ожидают различных видов поведения от подростка, а он, выполняя роли сына и приятеля, не может одновременно соответствовать их ожиданиям. Еще чаще это противоречие — несовпадение ролей — сопровождает жизнь взрослого человека. Роль семьянина требует согласования его поведения с ролью гражданина, с ролью работника конкретной производственной организации.

Между ролевым ожиданием и ролевым исполнением никогда не бывает полного совпадения: качество исполнения роли зависит от множества условий, в числе которых решающее значение имеет соответствие роли потребностям и интересам личности. Не исполняющий роли в соответствии с ожиданием вступает в конфликт с обществом, навлекает на себя общественные и групповые санкции.

Рассматривая свойства роли, Т. Парсонс сформулировал следующие ее ***характеристики*** и ***зависимости***.

Значение имеют *пространственные* и *временные характеристики*. Так, часть ролей четко ограничена в пространстве и во времени

(школьник, студент), другая — размыта, неопределенна (членство в общественных организациях, в группах по интересам), третья часть длительна по времени действия (роль работника в течение трудовой жизни, отцовство, материнство и т.д.).

Не меньшее значение приобретает и *степень свободы*: часть ролей требует соблюдения строго установленных правил (солдат, член производственной организации), для другой части эти требования устанавливаются с большей степенью свободы (член музыкального клуба или общественной организации).

Выполнение роли связано также с *ее мотивационной характеристикой*: в одном случае роль ориентирует на получение личной выгоды (владелец частной собственности), в другом — на общественные, социальные интересы (участие в политической партии, общественной организации и т.д.).

И наконец, важен и тот факт, что выполнение некоторых ролей *жестко регламентировано* (роль охранника, пожарного, дежурного), а другие роли *могут обогащаться* или *терять некоторые черты*, что наиболее наглядно происходит в процессе продвижения по служебной или профессиональной лестнице.

Социальные роли и их значение для человека по-разному интерпретируются в научной литературе. Бихевиористская концепция социальной роли *ограничивает предмет исследования непосредственно наблюдаемым поведением людей, взаимодействием индивидов*: действие одного оказывается стимулом, вызывающим ответную реакцию другого. Это позволяет описать процесс взаимодействия, но не раскрывает внутренней стороны личности, характера общественных отношений, ролей и социальных ожиданий. Внутренняя структура личности (идеи, желания, установки) располагает к одним, но не способствует выбору других ролей. Ролевые ожидания также представляют собой неслучайные ситуационные факторы: они вытекают из требований социального окружения.

Социальная роль, которую выполняет человек, весьма значительна в его жизни, в его умении эффективно функционировать в рамках общества. «Человек продает не только товары, но продает самого себя и ощущает себя товаром... И как со всяким товаром, рынок решает, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств...» (Э. Фромм, 1994).

Вот почему социальную роль следует рассматривать с социальных позиций, проявляющихся в стремлении человека реализовать себя как личность в соответствии и с социальным статусом, и с социальным положением.

21.4. Нормативные концепции личности

В отличие от статусной и ролевой теорий ***нормативные концепции личности*** имеют *обязывающий и ориентирующий характер, предписывающий человеку определенные формы восприятия, оценки и поведения в окружающей его действительности.* В рамках этой теории огромную роль играют социальные эталоны, образцы, ориентиры.

Нормативные концепции обосновывались и развивались всеми религиями мира, которые предписывали человеку необходимость соблюдения определенного типа жизни, поведения. Нормативность образа жизни содержится в этнонациональном восприятии мира: личности предписывалось следовать традициям, обычаям, нарушение которых вело к санкциям. Особенно наглядно одна из подобных концепций проявила себя в советской теории коммунистического воспитания, в рамках которой была создана модель определенного типа личности. Эта модель постоянно совершенствовалась, шлифовалась, служила неким эталоном, на который и должен был ориентироваться советский человек. Такие концепции создавали некий идеальный тип личности, в свете которого человек должен быть интеллектуалом, нравственно и эстетически воспитанным, уважать труд, быть патриотом и интернационалистом одновременно, физически подготовленным и т.д. и т.п. Эти черты личности постоянно изобретались, и предел этому поиску и обоснованию соответствующих черт поведения не был ограничен ни временем, ни пространством. По некоторым подсчетам, было обосновано свыше 160 черт, которыми должен был обладать социалистический тип личности. Западные социологи Оллорт и Одберт насчитали 1800 таких возможных черт личности, которые были сведены сначала до 555, а затем до 200 наименований.

Против черт личности, которые декларировались в религиозных, этнонациональных и идеологических установках, нет никакого резона возражать: все они (или почти все) на самом деле были подчинены идее — создать некий идеал человека, который был бы по всем показателям лучше всех других людей. Но идеал был нередко далек от реального типа личности, ее реального сознания и поведения, а иногда даже находился в вопиющем противоречии с ними. Но большинство концепций всех толков это не затрагивало. Они продолжали шлифовать образ идеального человека, а если проблемы действительного положения дел их тревожили, то только через отдельные недостатки, частичные ошибки, досадные просчеты.

Во всех этих концепциях во всем объеме «бушевало» ***долженствование*** — как по отношению к человеку, так и по отношению к

организациям, занимающимся его воспитанием. В этих условиях лексика «необходимо», «должен», «обязан» и другая подобная никак не ориентировала на выяснение реального положения дел, на постижение проблем действительного состояния взаимоотношений человека и общества.

Исследования этой проблематики в русле изучения согласия и тенденций развития общественного сознания позволили выявить, что методы воздействия на человека, и особенно такой мощный канал, как телевидение, несли во многом эффект преднамеренности, заданности, что особенно ярко проявилось в несоответствии реальной жизни и декларируемых доктрин, в рассогласованности предлагаемых ценностей и реальной общественной практики. В этих условиях выработался стереотип поведения, который можно было назвать пассивным сопротивлением, когда люди открыто не противились пропагандируемым ценностям, но в то же время не всегда следовали им.

В рамках нормативистских концепций в значительной степени развивалась и крепла ***концепция ценностных ориентаций***.

Ценность — многозначное понятие: бытующее в сфере обыденного сознания и в научном знании отражающее все то, что осознается и переживается личностью как актуальная значимость, как смысл и идеал, характеризует цели социальной деятельности. Понятие «ценность» ввел И. Кант, сопоставляя представления о должном (ценностях и нормах) и о сущем (о том, что есть). Мир сущего как бы достраивается миром должного.

В современной интерпретации ***социальные ценности*** — это *значимые идеи, явления и предметы реальной действительности с точки зрения соответствия потребностям и интересам общества*. Всякая ценность — цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, поскольку она — идеал. Ценностное содержание явлений и объектов действительности побуждает человека к деятельности.

В целом ценности рассматриваются как социально-нормативные регуляторы общественной жизни и поведения людей. По Парсонсу, ценности — это общие взгляды, которые люди имеют в отношении нематериальных понятий, это высшие принципы, обеспечивающие согласие в малых общественных группах и в обществе. Ценности имеют широкую социокультурную основу, в то время как нормы — это конкретные правила для конкретных ситуаций. В. Франкл показал, что ценности не только управляют действиями — они выполняют роль смыслов человеческой жизни. Как смысловые универсалии они составляют три класса, позволяющие сделать жизнь человека осмысленной: ***ценности творчества*** (в том

числе труда), ***ценности переживания*** (прежде всего любви) и ***ценности отношения***. Отсутствие связи с какими-либо ценностями, символами, устоями можно назвать социальным (моральным) одиночеством. И можно утверждать, что это одиночество так же непереносимо, как и физическое. Более того, физическое одиночество становится невыносимым только в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное (Фромм, 1968).

Так как ценности — это наиболее общие ориентиры, характерные для всего общества, то ***ценностные ориентации*** направлены на достижение ценностей, важных для определенных групп в конкретных условиях и в определенное время. Они базируются на том, что, постоянно находясь в мире альтернатив, человек вынужден выбирать, критерием чего становится ценность, достижение которой выполняет функцию регуляции поведения людей.

Ценностные ориентации — это *продукт социализации конкретной личности, освоения ею общественных идеалов, оценок и нормативных требований в зависимости от обстоятельств жизни*. Они внутренне обусловлены, формируются на базе соотнесения личного опыта с бытующими в социуме образцами и выражают собственные представления о должном, характеризуют жизненные притязания и престижные предпочтения.

Ценностные ориентации, являясь выражением меры динамизма и открытости общества, его групп и индивидов, обладают двумя важнейшими качествами — ***устойчивостью*** и ***одновременно изменчивостью***.

При смене ценностных ориентаций возникает противоречие между различными смыслами и значениями старого и нового, традиционного и инициируемого. Ценностное противоречие переживается и осознается как трудность выбора и принятия решения. Оно разрешается в процессе ценностно-ориентировочной деятельности, при неудовлетворенности собой и ситуацией, сопоставлении целей и средств их достижения в новом опыте деятельности.

Учет динамики ценностных ориентаций важен для изучения особенностей общественного и личностного развития, для понимания процессов их переосмысления и механизмов самоопределения и самореализации социальных субъектов в кризисные периоды жизни.

В известном смысле к нормативной концепции личности примыкают концепции социальной идентификации и диспозиционная.

Что касается ***социальной идентификации*** и ***социальной идентичности***, то они характеризуют соотнесение индивида с теми группами и общностями, которые он воспринимает как свои, по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и ска-

зать «мы». При этом социальная идентификация личности может рассматриваться как процесс отождествления с определенными признаками, а социальная идентичность — в большей степени есть его результат (Гришина, 2003). При этом процесс реализации социальной идентификации может осуществляться разными методами, разными путями и по разным траекториям. Так, этническая идентичность как разновидность социальной по-разному реализовывалась в различных странах. Во Франции она шла по линии от сословий к гражданству, в Германии — от раздробленности к единому государству, в Испании — от противопоставления чужому конфессиональному (арабскому) миру. В России этот процесс у многих народов протекал на основе национальной культуры, осознания самобытности образа жизни и особенных ценностей.

Диспозиционная концепция личности исходит из того, что социальные факторы поведения личности опосредованы социально-психологическими — осознанной готовностью личности к оценке социальной ситуации и адекватному поведению. Готовность (диспозиция), предрасположенность субъекта к поведенческому акту, определенному способу действия, последовательности поступков обусловлена предыдущим социальным опытом. Этот опыт, жизненная позиция — сплав мировоззренческих установок, социальных ценностей, идеалов, норм, которые предопределяют готовность к действию, к определенной реакции на среду. Диспозиции личности, по В.А. Ядову, рассматриваются как иерархически организованная система: *высшие диспозиции* — стратегическая направленность интересов, концепция жизни и ценностные ориентации; *средние диспозиции* — социальные установки на типичные социальные объекты и обстоятельства; *низшие диспозиции* — предрасположенность к восприятию и поведению в конкретных условиях, в данной предметной и социальной среде (Ядов, 1978).

В целом же социальные идентификации и личностные диспозиции отвечают потребностям личности жить в гармонии с обществом.

21.5. Парадоксальный человек — феномен современности

Если характеризовать современное состояние общественного сознания в России, то можно прийти к выводу (практически никем не оспариваемому), что оно не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально. В общественном сознании зрелют и продолжают существовать взаимоисключающие

ориентации, которые противопоставляются друг другу, и нередко претендующие на то, чтобы быть единственными спасительными средствами выхода из того кризиса, в котором очутилась Россия. Смысл социологического анализа состоит в том, чтобы разобраться, почему не только общество, не только многие социальные группы и слои, но и сам человек как личность расколот в своем сознании, представляет уникально противоречивое явление, которое во многом олицетворяет сегодняшний облик страны.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что именно в человеке, в личности, в конкретном индивиде сосредоточивается эта противоречивость, когда он одновременно доверяет взаимоисключающим утверждениям, верит в ценность их для своей и общественной жизни. Такой подход дает возможность охарактеризовать сознание и поведение индивида как находящегося в конфронтации с самим собой, в борьбе с самим собой, что затем переносится и на общественное поприще. Люди словно бегут от себя одновременно в прямо противоположных направлениях. Почему это произошло?

Распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и установок десятков миллионов людей. Исчезла не только страна — исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди в своем взаимодействии с обществом, с государственными и производственными организациями, со своими коллегами, друзьями, соседями по месту жительства, со всем окружающим миром.

Осознание того, что необходимо изменить состояние советского общества, было характерно не только для перестройки, но и до нее. Ведь именно ожидание перемен, стремление к ним и породили те общественные движения, которые наглядно показали себя во второй половине 1980-х гг. В этой ситуации произошли изменение сознания людей, явный или скрытый отказ от многих ценностей и установок, с которыми ранее люди жили в течение своей жизни. Но мировоззрение как ключевое звено в сознании достаточно консервативно: оно продолжает аккумулировать в себе приверженность к прошлому, одобрение и критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализации цели, намерений и интересов. Именно этот гибрид сдвигов в общественном сознании, его проявление в конкретных ситуациях и позволяют говорить о парадоксальности сознания и поведения, которая проявляется в сопоставлении советского и постсоветского образа жизни (табл. 21.1).

Таблица 21.1. **Как вы считаете, среди людей, которых вы постоянно встречаете в своей жизни — на работе, в семье, в кругу знакомых, почти все, большинство..., в 1981—1982 гг. N = 5522; 2008 – N = 2017, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*1981—1982*		*2008*	
	Почти все	*Большинство*	*Почти все*	*Большинство*
Уверены в завтрашнем дне	38,4	51,2	4,6	25,6
Стремятся работать как можно лучше	22,8	65,5	13,3	51,8
Отзывчивы, всегда готовы прийти на помощь другим людям	17,9	63,2	12,7	42,9
Интересуются в основном приобретением вещей	9,1	35,9	7,6	38,6
Заняты только собой, своим личным благополучием	3,4	17,8	15,0	39,3
Злоупотребляют спиртными напитками	1,7	18,3	4,8	24,0
Недостаточно хорошо (в 2008 г. — плохо) относятся к людям других национальностей	1,8	5,6	4,5	18,9

Источник. *Вознисло А.А.* Образ жизни в процессе эпохальных социальных изменений // Мир России. 2011. № 3. С. 75.

Как свидетельствуют эти данные, идет расширение зоны действия негативных норм за счет сужения зоны действия норм позитивных. Так, в 8,4 раза уменьшилась доля среды, в которой люди уверены в завтрашнем дне. Серьезно сократилась доля отзывчивости и стремления работать лучше, что является само по себе парадоксальным, если учитывать установки и потребности рыночной экономики.

Следует особо подчеркнуть, что парадоксальность сознания и поведения многолика, многообразна. Парадоксальный человек как явление нашей эпохи предстает перед нами во всем противоречивом обличье, так как причины, порождающие парадоксы, не являются однопорядковыми и однозначными. Но тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что именно парадоксальный человек олицетворяет современную эпоху в нашей стране. Опасность этого явления заключается и в том, что этот тип человека предстаи-

ляет собой очень удобный объект манипулирования общественным сознанием.

Имеющаяся информация позволяет утверждать, что парадоксальный человек — это непременный атрибут переходного периода. Его нельзя изжить, игнорировать. Его необходимо познать и использовать это знание для ответа на злободневные вопросы развития России. Анализ имеющихся данных, в том числе и социологических, позволяет дать развернутую характеристику различных типов парадоксального сознания и поведения людей.

Основной тип — ***«стихийная» парадоксальная личность***. К ней можно отнести значительную (если не преобладающую) часть населения. Это, скорее, неосознанное или слабо осознанное противоречие, которое характеризует жизнь людей. Этот тип, в свою очередь, распадается на парадоксальное сознание и поведение в *экономической, политической, правовой, духовной жизни общества*. Так, в сознании и поведении людей самым причудливым образом уживаются поддержка рыночных преобразований (по данным социологических исследований, их число среди взрослого населения достигает 80—85%) и в то же время резкое неприятие и осуждение субъектов рыночных отношений (банкиров, предпринимателей). К их деятельности скептически или отрицательно относятся до 60% участвующих в опросах общественного мнения. Что может быть нагляднее данного парадокса: одна сторона этого процесса поддерживается большинством, но с таким же успехом отвергается другая сторона, без чего данный процесс просто не может существовать. Парадоксы с большей очевидностью проявляются и в *исторической памяти*, и в *области нравственности, религии*.

Одновременно со стихийностью сознания и поведения существует другой тип парадоксальной личности, который можно отнести к классу ***фантомных явлений***. Среди них можно выделить, во-первых, ***«хищников»***. Это мировоззрение современных различных комбинаторов и просто жуликов, идеологии которых сводится к тому, что хищение, присвоение национального богатства оправдывается «заботой» о будущем страны, народа. Именно от них можно слышать такие утверждения, что, мол, построенные дворцы, накопленное богатство хотя и принадлежат лично кому-то, но они все равно образуют национальное достояние, могут перейти и в другие руки и что общество в конечном счете выиграет. Нередко «хищники» используют и такое высказывание: да, мол, первое поколение владельцев богатств (как, например, в Америке) — это поколение грабителей, но их дети, внуки (следующее поколение) — это достопочтимые члены демократического общества.

Стоит сказать и о таком феномене парадоксальной личности, как ***мародеры***. Этот тип людей пытается поживиться тем, что осталось от прошлого, невзирая на то, имеет ли оно какую-то ценность для сегодняшнего дня или нет. Обстановка после распада СССР напоминает поле битвы, когда еще неясно, кто победил и что ждет участвующих в ней завтра. Но есть короткий перерыв, когда еще нет четкого представления о результатах боя. Именно в этих условиях возникает стремление (в условиях экономической и политической неопределенности) урвать побольше и быть убежденным в своей безнаказанности. И мародерствуют везде, лишь бы была выгода — и на экономическом поприще, и в политических дебрях, и в этноконфессиональных отношениях, и даже в сфере культуры.

Своеобразный тип парадоксального сознания и поведения образуют «***мутанты***», число которых значительно. Для них характерен следующий алгоритм поведения. В течение значительной части жизни они придерживались одного мировоззрения, а затем, в период перелома, объявляют себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений. Причем это отвержение происходит в форме не просто отречения от старого, а его жесточайшей критики. Своими оракульскими открытиями они нередко попирают нравственные начала, ибо отказ от прежних убеждений превращается в распродажу этого отказа, торговлю новыми убеждениями и критикой старых идей, что свидетельствует о перерождении всех человеческих начал.

Не менее характерны для общества переходного периода и ***активисты различных видов***. С одной стороны, они нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и культуру. Но с другой стороны, в конкретных обстоятельствах они унижают или убивают других людей, сжигают их дома лишь потому, что те придерживаются других взглядов и мешают им и их народу. Именно они являются сторонниками и морального насилия. Именно они возрождают социальные мифы, тасуют историю, «на научной основе» доказывают свои претензии к другим народам и государствам.

Особый тип парадоксальной личности представляют люди, которых можно назвать «***блуждающими форвардами***». Мы можем наблюдать многочисленные примеры «миграции» подобных людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Причем это почти всегда сопровождается коренным изменением ранее провозглашенных принципов, отказом от прошлых приверженностей, славословиями

в адрес новых предпочтений или выгодных для себя открытий. И все это прикрывается тем, что очередные новые ориентации объявляются воплощением гласа народа, отражением его чаяний и желаний. По сути же дела — это участие в борьбе за власть, за капитал, за жажду удовлетворить амбиции за счет народа.

Не менее характерен и такой тип, получивший достаточно широкое распространение, который можно отнести к *«симулянтам»*. Их поведение — поведение значительной части чиновничества в современной России. Данная группа людей неустанно изображает заботу об общественном благе, которая очень образно проявляется, с одной стороны, в риторике чиновников и бизнесменов, с другой — в накопительстве и грабеже бывшего народного состояния. Причем это нередко прикрывается показухой — оказанием помощи одному дому престарелых или одному детскому дому, одной спортивной команде или больнице. Как показывают результаты выборов, такая «забота» приносит весьма ощутимые дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций.

И наконец, стоит сказать о таком типе сознания и поведения, как *«новые диссиденты»*, которые, как ни парадоксально это звучит, комплектуются из бывших диссидентов. Многие из тех, кто выступал против различных аспектов государственной политики в СССР, с такой же настойчивостью и убежденностью выступают против того, что творится в сегодняшней России. К данной категории можно отнести и многих общественных деятелей первой демократической волны, которые после определенного времени отреклись от создаваемого ими или при их помощи нового режима. Новые реальности превратили многих из них в стойких борцов против того, за что они ратовали в первые — «розовые» — годы новой России. И их парадоксальность часто проявляется в приверженности по-прежнему идеям демократии, но уже в сочетании с патриотическими или социальными ориентациями.

Этим не исчерпывается многообразие противоречий в сознании и поведении людей. В социологической литературе исследуются такие их типы, формы и виды, как *маргинальность, мимикрирование, зоологический национализм, ассимиляция* и другие, которые, в свою очередь, демонстрируют новые лики парадоксальности личности.

Следовательно, анализ современного состояния общественного сознания и поведения позволяет говорить о многообразии парадоксальных типов личности. Переходный период обнажил эту противоречивость, сделал более определенной картину того, что мы сейчас собой представляем. Именно эта открытость, понимание сложившегося положения вселяют надежду, что правильно поставлен-

ный диагноз дает возможность преодолеть и социальные недуги новой России.

Вопросы и задания для повторения

1. Что изучает социология личности?
2. Что есть общего и особенного в понятиях «человек», «индивид», «личность»?
3. В чем различие понятий «социализация личности», «формирование личности», «развитие личности», «воспитание личности»?
4. Каковы основные этапы социализации личности?
5. Что такое статус личности?
6. Расскажите об основных положениях ролевой теории личности.
7. Раскройте содержание и виды нормативных теорий личности.
8. Что представляет собой парадоксальный человек?

Темы для рефератов

1. Генезис идей социологии личности в зарубежной и отечественной литературе.
2. Социологические концепции личности.
3. Плюсы и минусы социологии воспитания.
4. Основные каналы социализации личности.
5. Сравнительный анализ статусного положения личности в 1980–2000-е гг.
6. Изменения социальных ролей в период рыночной экономики.
7. Ценностные ориентации и их роль в социализации личности.
8. Социологическая пропаганда: возможности и перспективы.
9. Парадоксы в сознании и поведении людей (в сфере экономики, политики, культуры).
10. Что представляют собой фантомные типы личности?

Глава 22

Социология образования

Как специальная социологическая теория социология образования сформировалась на рубеже XIX—XX вв. В своих работах Э. Дюркгейм, Д. Дьюи и другие социологи обратили внимание на необходимость специального анализа тех проблем, которые затрагивали роль, назначение и функции образования. В дальнейшем эти идеи развивались в трудах многих видных социологов: П. Бурдьё (Франция), Дж. Коулмен, Ч. Бидуэлл, Т. Поппевиц, Н. Фрицкин (США), М. Арчер, Дж. Флауд (Великобритания), А. Антикайнен (Финляндия) и др. Значительного развития эта отрасль науки достигла в Польше (В. Адамский, И. Бялецкий, З. Квечиньский, Я. Щепанский).

В отечественной социологии первые попытки анализа состояния образованности населения связаны с деятельностью земских статистиков, которые всесторонне и основательно описали состояние школьного дела в России. Однако собственно социологические работы по проблемам образования появились в России только в XX в. Исследования советских социологов в 1920-е гг. содержали предложения по обучению работающей молодежи, по подготовке новой интеллигенции, по реализации программы ликвидации неграмотности (Е.А. Кабо, Л.Е. Минц, В.С. Овчинников и др.).

Интенсивно развиваться отечественная социология образования стала с конца 1960-х гг. (см. библиографический список). В настоящее время в социологии, как и в других социальных науках, предпринята попытка осмыслить те кардинальные изменения, которые реально происходят в современном обществе, все чаще называемом *обществом знаний*. По мнению академика В.Л. Макарова, *традиционная система (лаборатория — посредник — потребитель знания), в которой существует четкое разделение труда и рынок знаний организуется посредником, заменяется новой системой: потребитель знания участвует в создании системы, в которой рынок продуктов (знаний как таковых) уступает место рынку услуг.* Новая система характеризуется следующим: количество мест, где производится знание, быстро растет, о чем, в частности, свидетельствует география публикаций; более разнообразными становятся типы организаций, вовлеченных в производство знаний; новые организации строятся в соответствии с

проблемой, содержанием, а не дисциплиной в ее классическом виде; связи, которые возникают для решения проблемы, являются гибкими, могут быстро появиться и исчезать, что касается и самих организаций. Все это позволяет сделать вывод, что *производство и распространение знаний в обществе по числу связей растет экспоненциально.* По-прежнему актуальными остаются вопросы о том, *что определяет интерес людей к процессу овладения знаниями, какова оценка его действенности и эффективности, какие проблемы волнуют людей в условиях информационного общества.* На повестке дня опять стоит реформа образования — теперь уже в начале XXI в.

22.1. Предмет социологии образования

Образование является предметом изучения ряда наук: педагогики, психологии, философии, истории, экономики, социологии. Каждая из них исследует ту грань, которая специфична для каждой из них. Причем любая из наук не может не учитывать того, что сделано в смежной области.

Социология, так же как и другие науки, опирается на обобщенную информацию: о состоянии образования, его отдельных формах, составе обучающихся и преподавателей, инфраструктуре образования, сравнении с другими странами и т.д. Вместе с тем социология образования имеет специфические задачи: *изучение потребностей в образовании, понимание и оценка его роли в жизни общества и личной жизни; оценка уровня и качества знаний в контексте их социальной значимости; отношение общества к образованию, изучение его социальной ценности и роли как фактора социального статуса; определение степени его влияния на динамику развития общества.*

В образовании существуют различные формы и уровни, каждый из которых имеет особенности, цели и задачи. Соответственно предмет социологии образования также получает свое специфическое звучание.

Напомним, что существующая структура образования состоит из дошкольного, среднего, начального профессионального, среднего специального и высшего образования (табл. 22.1). Как особое явление рассматривается послевузовское образование. Все больший интерес вызывает феномен непрерывного и второго высшего образования.

Рассматривая ***дошкольное образование***, социология исходит из того, что основы гражданственности человека, его трудолюбие, другие нравственные качества закладываются в раннем детстве.

Это чрезвычайно важная ступень в жизни человека, на которой формируется первооснова его личностных качеств. И суть не только в количественных показателях охвата детей или удовлетворения желаний родителей. Детские сады, ясли — важнейшие, но не единственные средства присмотра за детьми, при помощи которых происходит их умственное, нравственное и физическое взросление.

Таблица 22.1. **Динамика численности обучающихся, млн чел.**

Численность	*1970*	*1980*	*1990*	*1995*	*2000*	*2005*	*2010*
Дети в дошкольных учреждениях	5,7	8,1	9,0	5,6	4,3	4,5	5,2
Учащиеся в дневных общеобразовательных учреждениях	23,2	17,6	20,3	21,6	20,1	15,6	13,6
Учащиеся вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений	2,1	2,6	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3
Учащиеся начального профессионального образования	1,4	1,9	1,9	1,7	1,7	1,5	1,0
Учащиеся средних специальных учебных заведений	2,6	2,6	2,3	1,9	2,4	2,6	2,1
Студенты высших учебных заведений	2,8	3,0	2,8	2,8	4,7	7,1	7,1

Источник. *Россия* в цифрах. 2011. С. 134—142.

Для познания специфики этой формы образования весьма значимы позиции и ценностные ориентации тех людей, которые занимаются с детьми — воспитателей, обслуживающего персонала, а также их готовность, понимание и стремление выполнить возлагаемые на них обязанности и надежды. В постсоветской России стали практиковаться формы группового и индивидуального воспитания при помощи нянь, гувернеров, частных пансионов и т.д., цель которых в принципе та же: подготовить детей к следующему — школьному — этапу жизни, дать им навыки самостоятельности.

В отличие от дошкольного образования, которое охватывает не каждого ребенка (в 1992 г. в детских садах находился каждый второй ребенок, в 2000 г. — каждый пятый), ***среднее образование*** нацелено на подготовку к жизни всего подрастающего поколения. В советский период, начиная с 1960-х гг., осуществлялась реализация

принципа всеобщности полного среднего образования в целях обеспечения молодежи «равного старта» при вступлении в самостоятельную трудовую жизнь. В Конституции РФ такое положение отсутствует. И если в советской школе из-за требования дать каждому молодому человеку среднее образование процветали процентомания, приписки, искусственное завышение успеваемости, то в российской школе растет число ее бросивших (в начале 2000-х гг. не училось почти 2 млн детей), что со временем скажется на интеллектуальном потенциале общества.

Но и в этой ситуации социология образования по-прежнему нацелена на изучение ценностей общего образования, ориентации родителей и детей, их реакции на внедрение новых форм образования, ибо окончание общеобразовательной школы оказывается для молодого человека одновременно и моментом выбора дальнейшего жизненного пути, профессии, рода занятий. Останавливаясь на одном из вариантов, выпускник школы тем самым отдает предпочтение тому или иному виду профессионального образования. Но что движет им в выборе траектории своего жизненного пути, что влияет на этот выбор и как он изменяется в течение жизни — это одна из важнейших проблем социологии. Наиболее интересно в этом смысле исследование М. Титмы, который в 1960—1980-х гг. прослеживал путь выпускников школы в Молдавии, Украине и ряде республик и областей России [Титма, 1996].

Особое место занимает исследование профессионального образования — начального профессионального, среднего специального и высшего.

Начальное профессиональное образование самым непосредственным образом связано с потребностями производства, с оперативной и сравнительно быстрой формой включения молодых людей в жизнь. Оно осуществляется крупными производственными организациями или государственной системой образования. Возникнув в 1940 г. как фабрично-заводское ученичество (ФЗУ), профессионально-техническое образование прошло сложный и извилистый путь развития. И несмотря на различные издержки (например, слабый учет региональных и отраслевых особенностей), профессионально-техническая подготовка остается важнейшим каналом получения профессии. Для социологии образования важно знание мотивов учащихся, эффективности обучения, его роли в повышении квалификации и реального участия в решении социально-экономических проблем.

Вместе с тем исследования по-прежнему фиксируют сравнительно невысокий (а по ряду профессий низкий) престиж этого вида об-

разования, ибо ориентация выпускников школы на получение высшего или среднего специального образования продолжает преобладать. Противоречивость социально-профессиональных ориентаций молодежи в 1990—2000-е гг. показывает весьма серьезный и глубокий их кризис в силу большого расхождения провозглашенных целей и их реального обеспечения в обществе (Руткевич, 2002).

Что касается ***среднего специального*** и ***высшего образования***, для социологии важны выявление социального статуса (престижа) всех и каждого из видов обучения молодежи, оценка возможностей и роли в будущей взрослой жизни, соответствие субъективных устремлений и объективных потребностей общества, качество и эффективность подготовки. В 2001 г. 29,7 млн молодых людей в возрасте от 7 до 22 лет учились, из них 26% были студентами вузов и техникумов (в 1995 г. таковых было 16% из 27 млн). Статистика свидетельствует о значительном росте обучающихся в вузах, некотором увеличении в средних специальных заведениях при стагнации и даже сокращении численности в начальном профессиональном образовании. В целом сдвиги в образовательном уровне населения достаточно значительны. Показателен в этом отношении пример г. Таганрога, в котором социологи проводили исследования с 1960-х гг. (табл. 22.2).

Таблица 22.2. **Структура численности занятых в экономике по уровню образования (по данным выборочных исследований), %**

Виды образования	*1968*	*2000*	*2005*	*2009*
Высшее и незаконченное высшее			24,7	29,0
Среднее профессиональное			25,4	27,5
Начальное профессиональное			18,3	18,7
Среднее (полное) общее			24,6	20,1
Основное общее			6,3	4,5
Не имеют основного общего			0,7	0,3

Источник. *Социальное положение и уровень жизни России, 2010: Стат. сб. М., 2010. С. 79.*

Однако, несмотря на существенные позитивные сдвиги в повышении уровня образования, есть серьезные социальные проблемы, которые приобрели особую актуальность на грани веков. Так, остро стоит вопрос ***о профессионализме будущих специалистов, о том, чтобы качество и уровень современной их подготовки отвечали реалиям сегодняшнего дня.*** Но продолжает оставаться невысокой

устойчивость профессиональных интересов молодых людей. По исследованиям уральских социологов (Л.Я. Рубина), до 60% выпускников вузов меняют свою профессию. По данным опроса выпускников техникумов в Москве, только 28% из них спустя три года после получения диплома трудились по полученной специальности. В целом по стране в начале 2000-х гг. 4 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием работали на должностях, не требующих такого уровня подготовки. Причем в перспективе этот процесс продолжает усугубляться, приобретая характер *депрофессионализации*. Большое сомнение вызывает насаждение Болонского соглашения, которое полностью опровергает результативность и эффективность российско-немецкой структуры образования, существующей в России более 250 лет и накопившей уникальный опыт подготовки молодежи к жизни и к работе во всех отраслях национального хозяйства.

Важным показателем уровня и качества специалиста является ***степень его приобщения к духовным ценностям, к богатству мировой культуры***. Жизнь предъявляет неприемлемый счет каждому специалисту — не замыкаться в рамках «профессионального кретинизма». Гуманизация всего образования стала неотложной задачей сегодняшнего дня.

Одно из самых серьезных препятствий на пути развития профессионального образования — ***отсутствие тесной интеграции науки и учебного процесса***, особенно в вузах, готовящих специалистов для высоких и авангардных технологий, наукоемких производств. Отставание от складывающихся в мире новых возможностей интеграции науки и образования во многом объясняется тем, что экстенсивная экономика не требовала высокого качества подготовки специалиста. Уровень жизни человека не зависел от его профессиональной компетентности, качества труда. Знание, талант оставались мало или совсем невостребованными. Естественно, что такая ситуация не способствует возникновению мотивации к серьезной, творческой работе ни у студентов, ни у преподавателей. Все это создает почву для процветания административных методов организации учебного процесса, формирует у студентов пассивность, беспомощность, апатию. Если по данным исследования, проведенного в 1988 г. в 38 вузах, студентов волновало равнодушие и несправедливость некоторых преподавателей и администраторов, то в 2000-х гг., по данным Ф.Э. Шереги, их в первую очередь тревожит материальное положение, условия и качество учебы и, что особо необходимо подчеркнуть, будущее устройство в жизни, которое представляется им бесперспективным: только 52% считают, что они будут работать по специальности.

Обстоятельный социологический анализ уровня образования молодых людей позволил обнаружить, что кругозор многих из них характеризуется поверхностным знанием, не затрагивающим глубинные пласты сознания. ***Появились группы людей, которые, имея образование, не обладали соответствующим интеллектуальным потенциалом.***

Вырос целый отряд «серых специалистов», у которых низкий профессиональный уровень соседствует с низким уровнем общей культуры. Бремя таких специалистов резко уменьшает потенциальные интеллектуальные возможности общества, деформирует духовный мир, пагубно влияет на компетентность различных уровней управления. В этих условиях нелепо выглядит количественные показатели выпуска специалистов, которые не соответствуют предъявляемым к ним требованиям, причем страна не нуждается в таком их количестве, как это случилось в 2000-е гг. с юристами, менеджерами, экономистами. Это приводит к оголтелым формам технократизма, не желающего ни с чем считаться, кроме количественных показателей.

Долгое время в образовании царила атмосфера однопорядковости, хотя практика постоянно подтверждала, что единообразная школа малопродуктивна, приводит к опустошению ума и души. Можно проследить путь деградации образования, когда из инструмента развития личности оно постепенно превращалось в инструмент простого воспроизводства знаний и наконец стало работать в режиме расхищения интеллектуальных богатств нации. И хотя общество предпринимает попытки возродить те принципы, которые зарекомендовали себя в истории, до сих пор не преодолены инерция мышления и действия, противоборство различных эшелонов управления, догматизм многих педагогических теорий. Процесс раскрепощения идет очень медленно.

Тем не менее социологический анализ проблем образования подтверждает, что ***оно выступает как интегральная, обобщающая ценность духовной культуры***. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты в неразрывной связи с жизнью общества. Одновременно в социологии образования, как показали, в частности, дискуссии на XI Всемирном социологическом конгрессе в Дели (1986), получают распространение идеи автономизации и приватизации школы, ее «независимости» от государства, господствующей идеологии, все равно какой — светской или религиозной, прогрессивной или консервативной.

Анализ хода реальных изменений в структуре образования в нашей стране в 1990—2000-х гг. обнаруживает похожие и подобные

сдвиги, которые можно охарактеризовать как важный, но весьма спорный этап в поисках новой парадигмы развития образования. Несомненно, что его гуманизация, связь с мировой культурой, приоритет общих ценностей — это тот ключ, который сможет обеспечить эффективность подготовки молодежи к жизни, станет опорой каждому человеку на протяжении всего его жизненного пути. Но требования приватизации, упрощения и примитивизации под видом модернизации (например, предложение ограничить среднюю школу только четырьмя обязательными предметами) чреваты превращением образования в один из индикаторов растущего социального неравенства.

22.2. Эффективность и качество образования

Чтобы выявить эффективность, действенность образования, необходима всесторонняя оценка данного социального института. *Во-первых*, с позиций тех людей, которые учатся или повышают свой уровень общеобразовательных и профессиональных знаний. *Во-вторых*, с социальных позиций, установок и ориентации тех, кто обучает, т.е. всех тех, кто в силу своего профессионального положения обеспечивает воспроизводство, трансляцию и усвоение знаний. *В-третьих*, с позиции тех, кто является потребителем продукции общей и профессиональной школы, кто получает в виде выпускников учебных заведений молодых специалистов, претендующих на соответствие потребностям национального хозяйства. *И наконец*, это нормативная база, на которую опирается общество при оценке эффективности образования, когда сравниваются реальные и декларируемые показатели его функционирования.

Именно с этих позиций и осуществляется социологическое изучение ключевых показателей всех уровней образования.

Прежде всего, это ***уровень знаний***, которым обладают учащиеся и студенты, все население страны. В 1988 г. 89% работающих в народном хозяйстве имели среднее, среднее специальное и высшее образование. Сама по себе цифра впечатляющая, особенно если сравнить с предшествующими этапами развития общества. Вместе с тем качество обучения и подготовки молодежи к жизни находилось в вопиющем противоречии с современными потребностями общества. Более того, те достижения в образовании, которые страна имела к концу 50-х гг. XX в., в 1990—2000-е гг. были утрачены, что привело к необходимости осознать новую историческую реальность и определить формы и методы решения этой проблемы.

Суть проблемы состоит в том, что отечественная школа отстала от мирового уровня в модернизации обучения, творческие находки новаторов-преподавателей и особенно учителей мало или совсем не получили признания. Средняя и высшая школа слабо обеспечивают усвоение подлинных богатств человеческой культуры, гуманистических, нравственных ценностей. Данные центра «Истина» и ученые Томского государственного университета, исследовавшие качество высшего образования на биологических факультетах в классических университетах, позволили сделать выводы, что в большинстве вузов преобладает преподавание традиционных биологических дисциплин, а такие современные дисциплины, как биотехнология растений, физико-химическая технология, электронная микроскопия, — лишь в 9% вузов (Ракитов, 2001).

Насколько тревожен факт снижения качества обучения, говорят данные выборочного опроса жителей Москвы и Курска. На просьбу показать на контурной карте ряд стран, Тихий океан, Персидский залив, Центральную Америку (всего 16 наименований) — правильный ответ был дан в среднем в 7,4% случаев. Лишь 38% людей нашли на карте Афганистан. 13% не смогли правильно показать свою страну (Андреенков, 1993). В целом по знанию контурной карты российские граждане оказались среди замыкающих десятку (наряду с итальянцами и мексиканцами). И поэтому вполне логичен вывод Дж. Гровнора, инициатора данного исследования: «Без географической грамотности трудно представить сознательного человека — участника демократического политического процесса».

Аналогичные (или похожие) примеры можно привести по многим другим дисциплинам. Но особенно удивителен факт, когда это незнание обнаруживают люди, которые должны учить других или от знания которых зависит духовное богатство других людей. И особенно тревожно это звучит для высшей школы. Процесс подготовки профессиональных «полузнаек» зашел очень далеко. Многие выпускники педагогических вузов достаточно безграмотны. Будущие инженеры на производстве теряются и не могут решить простые технические и технологические задачи, а медики затрудняются поставить правильный диагноз.

Эффективность образования во многом зависит от того, *какие цели* ставят перед собой участники этого процесса, и в первую очередь учащиеся и студенты, *что* они хотят реализовать в своей жизни с помощью образования. В этой связи очень важно установить зависимость между социальной и профессиональной ориентацией. ***Социальная ориентация*** — это проекция и определение человеком своего места в обществе, выбор желаемого социального положения

и путей его достижения. ***Профессиональная ориентация*** — осознание того «набора» профессий, которые предлагает в данный момент общество, и выбор наиболее привлекательной из них, когда в центре внимания находится интерес, влечение к будущей профессии.

Социологические исследования позволяют, в частности, установить, что выбор вида профессионального образования лишь частично обусловлен выбором будущей профессии — в большей мере, чем профессию, люди выбирают свое будущее социальное положение. При этом социальная ориентация складывается у учащихся школ значительно раньше, чем профессиональная. Большинство опрошенных учащимся пока мало информированы о конкретном содержании избранного ими вида будущей трудовой деятельности, об условиях труда, его оплате. Выбор, сделанный накануне окончания школы, нередко бывает продиктован случайными мотивами (близостью профессионального учебного заведения к месту жительства, примером сверстников и друзей, советами знакомых). Рекомендации школы, роль кабинетов профориентации назвали в качестве факторов выбора профессии лишь 4—5% молодых людей.

Социальная ориентация еще больше усилилась в период рыночных преобразований. Стремительно возросло число желающих получить финансовое, юридическое, экономическое образование, поэтому что именно эти виды образования давали возможность занять лидирующее и престижное положение в обществе.

Проблема выбора обусловлена ***мотивами обучения и особенно повышения образования и квалификации***. Поэтому если в общеобразовательной школе интерес к обучению в значительной степени подавлен и действует установка «так надо», «родители требуют», «все учатся», то в среднеспециальных и особенно высших учебных заведениях интерес выражен ярче: желание «получить интересную профессию», «повысить свой авторитет», «приобщиться к интеллектуальной сфере жизни», «стать руководителем». В условиях рыночных отношений возрос мотив, связанный с возможностью добиться успеха, с желанием приобрести самостоятельность и экономическую независимость не только от родителей, но и в известной мере от общества. Именно с точки зрения успеха в жизни рассматривается получение того или иного уровня образования (табл. 22.3).

В середине 1990-х гг. В.И. Чупровым зарегистрировано новое явление в мотивации молодых людей: их *желание совместить учебу с производительным трудом*. В процессе исследования (1995 г., 2 тыс. респондентов) было выявлено, что около 80% подростков, юношей и девушек уже включены в различные сферы вторичной занятости. Что касается труда, то совмещают учебу с работой 10,8% учащихся, в том

числе 6,9% школьников, 11,7% учащихся ПТУ, 17,4% студентов техникумов и 15,7% студентов вузов. Для 2000-х гг. сочетание учебы и работы стало практически нормой для студентов и учащихся средних специальных учебных заведений. Мотивы этой ориентации стали разными: от необходимости содержать себя в процессе учебы и до осознания необходимости получить профессиональные навыки, которые стали ведущим критерием при приеме на работу после окончания учебного заведения.

Таблица 22.3. **Удовлетворены ли вы нынешней системой образования в России?, % к числу опрошенных**

Степень удовлетворенности	*2004 март*	*2005 январь*	*2005 август*	*2006 август*	*2007 август*	*2008 август*	*2009 август*
Определенно да	5	3	2	3	4	4	4
Скорее, да	18	15	15	22	21	21	19
Ни да ни нет	20	22	19	22	22	26	24
Скорее, нет	30	29	33	28	29	30	27
Определенно нет	20	21	25	18	18	13	12
Затруднились ответить	8	10	6	8	6	6	15

Источник. Общественное мнение — 2010. М., 2011. С. 69.

Не меньшее значение при оценке эффективности и качества образования имеет ***удовлетворенность процессом получения знаний, самими знаниями, методами и формами их подачи и усвоения, тем, насколько знания помогут в будущей жизни*** (табл. 22.4).

Таблица 22.4. **Насколько вы удовлетворены тем образованием, которое получили?, % к числу опрошенных**

Степень удовлетворенности	*1999 июнь*	*2000 февраль*	*2005 январь*	*2007 январь*	*2009 январь*
Вполне удовлетворен	27	27	24	26	21
Скорее, удовлетворен	28	28	38	40	43
Скорее, не удовлетворен	27	29	27	26	25
Совершенно не удовлетворен	10	13	8	7	8
Затруднились ответить	7	4	3	2	3

Источник. Общественное мнение — 2010. С. 69.

Согласно данным социологических исследований, удовлетворенность полученным образованием низка: примерно каждый второй рабочий (43,3%) и каждый четвертый служащий (26,8%) дали отрицательный ответ на этот вопрос. Особенно не удовлетворены им рабочие, что можно рассматривать как ограничение их возможностей в социальном положении и социальном статусе, а также констатацию того факта, что школа (и родители) могли потребовать от них значительно больших усилий по овладению знаниями.

22.3. Противоречия и перспективы образования

Молодежь вступает в жизнь — трудовую, общественно-политическую, имея, как правило, среднее или высшее образование. Однако оно очень серьезно различается ***по качеству***. Значительные различия зависят от социальных факторов: в специализированных школах с углубленным изучением отдельных предметов оно выше, чем в обычных массовых; в городских школах выше, чем в сельских; в дневных — выше, чем в вечерних (сменных). Эти различия углубились в связи с переходом страны к рыночным отношениям. Появились элитные школы (лицеи, гимназии). Получение образования становится одним из показателей социальной дифференциации. Желаемое разнообразие в образовании оборачивается ***социальной селекцией с помощью образования***.

Общество переходит от сравнительно демократической системы образования, доступной представителям всех социальных групп, открытой для контроля и воздействия со стороны общества, к селективной, элитарной модели, исходящей из идеи автономности образования как в экономическом, так и в политическом аспекте. Сторонники этой концепции полагают, что образование — такая же сфера предпринимательской деятельности, как производство, коммерция, и поэтому должно функционировать так, чтобы приносить прибыль. Отсюда неизбежность внесения платы за образование учащимися, использование различных тестов для определения уровня интеллектуального развития или одаренности. Возможность платить, а не личная одаренность — такова нить, из которой плетется сито селекции со все уменьшающимися ячейками по мере продвижения к вершине образовательной, а затем и социальной пирамиды. Если в 1997/98 учебном году было принято 66 тыс. студентов в негосударственные высшие учебные заведения, что составляло 8,8% приема в государственные вузы (748 тыс.), то в 2009/10 учебном году — уже 52% приема в государственные вузы. И если учесть, что доля «но-

вых русских» и примкнувших к ним относительно богатых людей не превышает 10—15%, то становится очевидным, что высшее образование развивается в интересах социальных групп, способных вынести это бремя.

Аналогичные процессы происходят в средней школе, хотя там имеются свои специфические особенности. Ситуация такова, что, сломав старую структуру среднего образования и не создав новой, общество попало в очень затруднительное положение. Отказ от деятельности детских общественных организаций, нищенское положение учителей привели к тому, что образование потеряло почти все ориентиры, не обретя новых. В таких условиях подрастающее поколение лишили устойчивых нравственных идеалов и ничего не дали взамен. Этот процесс усугубляется попытками коммерциализации школы, что не всегда сопровождается повышением качества обучения.

Профессиональное образование — важный этап в гражданском становлении личности. Социологические исследования показывают, что непонимание объективно необходимой связи уровня знаний и профессиональной подготовки порождает не только схоластические споры относительно противоречия между ними, но и серьезные ошибки в практике работы с молодежью, когда овладение профессиональными знаниями и навыками противопоставляется гуманитарной культуре. В результате возникают либо пресловутые «технократические перекосы», либо попытки формировать гуманитарную культуру человека в отрыве от жизни, от труда и практической потребности.

Особое место в обогащении интеллектуального потенциала общества принадлежит высшей школе. Однако изменения и в содержании, и в направлениях, и в структуре ее деятельности происходят очень противоречиво. Данные социологических исследований свидетельствуют, что студенты и педагоги высоко оценивают возможность творчества, ратуют за увеличение доли самостоятельной работы, совершенствование форм экзаменов, расширение их участия в управлении вузом, поддерживают развитие конкурсной аттестации всех кадров. Однако в 1990—2000-е гг. высшая школа вошла в жесточайший кризис, из которого в результате непродуманных и надуманных мер не все вузы имеют возможность с достоинством выбраться.

Школа сейчас стоит перед непростой задачей — ***найти рациональные пути для дальнейшего развития.*** Оценки происходящих изменений неоднозначна, ибо в общественном настроении, общественном мнении имеются самые различные, в том числе и диаметрально противоположные, точки зрения. Однако предложения и суждения, какими бы противоречивыми они ни были, отражают

глубокую заинтересованность людей в обеспечении и дальнейшем наращивании духовного потенциала общества.

Наряду с воспитанием уважения к труду и профессиональной ориентацией существенную роль в становлении личности играют *гуманизация образования, развитие самоуправления, выработка у молодежи практических навыков к организаторской и общественной работе.*

На сознание и поведение молодых людей большое влияние оказывает *механизм управления* учебным заведением. Соблюдение норм и принципов демократии, законности, справедливости, открытости становится для них своеобразным эталоном, с которым они в дальнейшем сверяют свой жизненный путь. Коррупция в системе образования (в основном при поступлении в вузы, на экзаменах и пр.) привлекает большое внимание общественности. По данным ВЦИОМ, уже в апреле 2002 г. 34% опрошенных ответили, что при поступлении в институт на «бесплатное» обучение нужны взятки, 29% — что нужны связи. Значительно реже упоминались хорошие способности (14%), хорошая успеваемость в школе (14%). По другим данным, 37% признали, что поступление в институт невозможно без взятки. Только с внедрением Единого государственного экзамена взяточничество в значительной степени переместилось в школы. В целом мздоимство в отечественном образовании исчислялось в 2010 г. 5,5 млрд долл. (Поиск. 2010. 4 июня).

Обсуждаемая в настоящее время реформа школы с учетом требований Болонского процесса вызывает в обществе большие сомнения. Единый экзамен по окончании школы, дающий возможность поступать в вуз в соответствии с полученными оценками, оценивается достаточно противоречиво, а предложение о замене устных экзаменов тестами — с сомнением (многие не верят, что с помощью такой меры можно уменьшить уровень коррупции).

В этих условиях стиль работы ректоратов, педагогических и ученых советов, классных руководителей, наставников далеко не всегда содействует развитию и закреплению позитивного социального опыта молодежи, практически не противостоит коррупции, нигилизму, индифферентности, равнодушию к общественным делам, равно как и демагогии и спекуляции на мнимой заботе о подрастающем поколении.

Велика роль различных форм связи учащихся со своими сверстниками в зарубежных странах. Встречи на международных конференциях, переписка, туристические поездки способствуют формированию солидарности, приобретению навыков гражданского общения, невзирая на имеющиеся различия.

Рост национального самосознания с большой остротой ставит вопрос о *совершенствовании общей и профессиональной подготовки на*

родном языке. Национальные школы — это залог сохранения национальной самобытности, возможность противостояния любым проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности, высокомерия и чванства, на которых паразитируют экстремизм и шовинизм.

Образование еще плохо формирует высокие интеллектуальные запросы и эстетические вкусы, стойкий иммунитет к бездуховности, эрзац- и квазикультуре. Роль социальных и гуманитарных дисциплин, литературы, занятий по искусству остается незначительной. Изучение исторического прошлого, правдивое освещение сложных и противоречивых этапов отечественной истории слабо сочетаются с самостоятельным поиском ответов на вопросы, которые выдвигает жизнь. Но несомненно, что историческое сознание в сочетании с национальным приобретает решающую роль в гражданском поведении учащейся молодежи.

Информационная революция побуждает к непрерывному пополнению знаний. Правда, знания не имеют однородной структуры. Всегда есть ядро — те знания, которые составляют основу наук, и периферия, где идет процесс накопления и обновления, который не обесценивает основной капитал знаний. Для всех эффективно работающих специалистов, ученых, добившихся успехов, как показывает их жизненный опыт, главными были два условия: прочная фундаментальная база знаний и потребность учиться.

Совершенствование образования немыслимо без изменения той ситуации, в которой находится учительство, значительная часть педагогического корпуса. Если придерживаться формальных критериев — наличия специального образования, стажа работы и других подобных, то большинство педагогов отвечают этому требованию. Но если оценивать их деятельность по существу, надо признать, что многие из них отстали от требований времени.

Основная группа педагогов — женщины, хотя давно стало очевидным, что в воспитании мальчиков, юношей (да и девочек) школы испытывает острую нехватку «мужского влияния». Причин здесь много, но одна из них заключается в том, что размеры оплаты труда у работников образования намного ниже, чем в промышленности и строительстве, и ниже средней заработной платы в стране. Особенно ущербно социальное положение сельских учителей — большинство из них в материально-бытовом отношении обеспечены значительно хуже других специалистов.

В то же время многие педагоги слабо представляют себе процессы, происходящие в обществе, и в частности в молодежной среде. Поэтому их работа идет без должного прицела. Не избавлены они и от нравственного падения, перерождения: отдельных

педагогов, руководителей учебных заведений уличают в поборах с учащихся и их родителей, в различных незаконных махинациях, пьянстве.

Формирование педагогических кадров связано со спецификой их труда. Преподаватели органически не приемлют ущемления их прав и авторитета, не терпят и отвергают барски высокомерное отношение к ним. Упорядочение режима труда и отдыха педагогов — тоже необходимая предпосылка их гражданского и профессионального роста. Улучшения требуют жилищно-бытовые условия преподавателей. Несмотря на предоставленные им льготы, обеспечение их жильем, медицинской помощью, новой литературой остается открытым вопросом (Борисова, 1999).

Господство остаточного принципа финансирования по отношению к образованию свело на нет возможность сделать действенный рывок в качественно новом подходе к его нуждам и потребностям. Учебный процесс страдает от недостатка оборудования, компьютерной техники, материалов, что ставит учащихся и студентов в положение, когда они не могут выступать полноценными участниками на рынке труда. Вызывает сомнения и новый принцип финансирования в зависимости от количества учеников, который особенно пагубно сказывается на судьбе сельских школ.

Одна из перспективных функций образования — *стимулирование самообразования, самоподготовки, приобретение дополнительных знаний и навыков — обеспечивается не только школой.* Конечно, школа может и должна давать человеку навыки самостоятельной работы с книгой, документом и т.п. Но самообразование строится на базе общего и профессионального образования, а не взамен его. Новые технические и информационные возможности учебного телевидения, видеотехники, персональных компьютеров, дистанционного обучения предстоит широко использовать для его нужд. Судьба новых поколений определяется общей культурой: развитостью логического мышления, языковой, математической, компьютерной грамотностью.

Актуальным продолжает оставаться соединение обучения с производительным трудом. Благодаря этому не только приобретаются трудовые навыки, привычка к труду, открываются возможности применения в трудовой деятельности знаний основ наук, но и осознается общественная значимость производительного труда. Вне такого осознания выполнение учащимися трудовых функций оказывается, по словам А.С. Макаренко, «педагогически нейтральным». Люди трудились и трудятся во все времена, но только когда труд приобретает новое общественное качество в виде овладения новым знанием, тогда он становится одним из мощных факторов формировании духовного богатства личности.

В условиях рыночных отношений возрастает потребность в непосредственном участии учащихся и студентов в решении конкретных научных и производственных задач. Опыт свидетельствует, например, о плодотворных результатах участия молодежи в опытно-экспериментальном производстве, проверке и отладке новых технологий, материалов, приемов труда, а также в научно-исследовательской и проектно-конструкторской работе, в выполнении договоров с предприятиями.

В целом существующее образование, его многочисленные звенья представляют собой весьма противоречивую картину, в которой позитивные сдвиги перемежаются с негативными или неопределенными тенденциями.

По-прежнему остро стоит вопрос о концепции дальнейшего функционирования образования. Основной упор делается на содержание образования, на активные способы ввода ребенка в мир как единое целое. Во главу угла ставится не отдельные школьные предметы, не количество часов на те или иные дисциплины и даже не объем информации, а *поиск новых способов организации образования, при которых в сознании ребенка, молодого человека установилось бы как можно больше прямых, личностных связей с мировоззрением.* Именно в этом подлинное богатство, целостность и единство личности, залог ее истинной свободы. И напротив, чтобы управлять человеком, манипулировать им, необходимо расчленить это единство, разорвать его и личное противопоставить общественному, политическое — нравственному, профессиональное — человеческому. Это с успехом делала авторитарная школа, меняя эти части местами, сталкивая их и устанавливая произвольно их приоритет. Именно сомнение в продуманности и эффективности Болонского процесса продолжает существовать и в общественном сознании и среди профессионалов.

Преодоление инерции общественного сознания в оценке образования, возникающих в нем перекосов — дело непростое. Успех здесь определяется прежде всего сдвигами в социально-экономических условиях, которые создает общество для образования. Но воспитательные усилия школы могут дать значительный ***опережающий эффект***, если в пропаганде профессий, их общественной значимости социальный идеал органически увязывается с интересами людей, если школа работает в этом направлении в тесном контакте с родителями, с общественными организациями, со всем обществом.

Понятно, что поиск наиболее рациональных путей и перспектив обновления всех ступеней народного образования потребует от со-

циологии еще больших усилий по всестороннему анализу реального положения, определения тенденций развития, а также участия в решении назревших проблем формирования интеллектуального потенциала страны.

Вопросы и задания для повторения

1. Охарактеризуйте предмет социологии образования.
2. Каковы основные уровни и формы образования, их современное назначение и характеристики?
3. Как определяется уровень и качество знаний?
4. В чем сущность профессиональной и социальной ориентации?
5. Дайте характеристику мотивов получения образования.
6. В чем главные противоречия в развитии образования?
7. Каковы пути совершенствования образования?

Темы для рефератов

1. Образование как предмет социологического анализа.
2. Социологические проблемы дошкольного образования и воспитания.
3. Актуальные проблемы среднего (среднего специального, высшего) образования.
4. Феномен непрерывного образования.
5. Второе образование: реальность и перспективы.
6. Образование как ценность.
7. Критерии качества образования.
8. Современные концепции социологии образования.
9. Болонский процесс: противоречия внедрения.

Глава 23

Социология науки

Социология науки — сравнительно новая отрасль социологического знания — отпочковалась, с одной стороны, от социологии знания, с другой — от науковедения. На современном этапе развития общества она взаимодействует с другими научными дисциплинами — историей и философией науки, экономикой и организацией научной деятельности. В то же время социология науки все чаще стала охватывать вопросы, относящиеся к компетенции социологии знания, которая ставит задачей выявление социальной компоненты сознания и деятельности людей в сфере науки.

Первые опыты социологических исследований науки относятся к 20-м гг. XX в., когда во многих странах, в том числе и в СССР, были предприняты попытки осмыслить социальные функции науки, роль ученых в жизни общества, социальные аспекты взаимодействия науки и общества. Однако отметим, что Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маннгейм считали невозможным исследовать содержательную сторону науки только социологическими методами.

Социология науки начиналась с исследований Дж. Бернала, У.Ф. Огборна, Т. Парсонса и особенно Р. Мертона, который в своей работе «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (1933) изучил роль пуританской религии и морали в становлении науки Нового времени. Социология, согласно Мертону, изучает науку как социальный институт, охраняющий ее автономию и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания.

В дальнейшем идеи социологии науки развивали У. Хэгстер (структура научного сообщества), Н. Маллинс (социальные связи и коммуникации науки), С. Коул и Дж. Коул (социальная стратификация в науке), Н. Сторер (наука как социальная система). Особое место занимает концепция научных революций Т. Куна. В 1980-е гг. возник спектр разнообразных схем социального исследования науки (У. Коллинс, К. Кнор-Цетина, Н. Яхиел и др.).

В отечественной социологии многое делал для становления данной социологической теории *Г.М. Волков* (1933—1993). В своей работе «Социология науки» (1968) он выдвинул концепцию анализа науки как социального института и формы общественного сознания. Значительный вклад в эту отрасль социологии внесли

А.А. Зворыкин, В.Ж. Келле, С.А. Кугель, Д.А. Райкова, Р.Г. Яновский.

В целом внимание российской социологии науки сосредоточено, *во-первых*, на взаимоотношениях общества и науки, *во-вторых*, на том, какие социальные проблемы организации науки и ее функций имеют значение для эффективного функционирования общества, *в-третьих*, на том, что представляют собой люди науки, как они осознают свое положение, свою роль и ответственность в современном обществе. При этом надо иметь в виду, что научное мышление в качестве своего главного признака имеет объективность, т.е. беспристрастность. Оно автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно лишь дает ответ на вопрос, ***что есть в действительности***, и не способно ответить на вопрос, ***как должно быть***. Задача научного знания, таким образом, состоит в фиксировании некоего обстоятельства или факта и в выяснении его причины. Наука, по Аристотелю, отличается тремя основными характеристиками: *доказательностью, способностью объяснения и сочетанием единства с наличием степеней подчинения*, что делает возможным сведение одних наук к другим, а значит, позволяет произвести их классификацию.

Таким образом, ***основная задача науки — поиск истины***. Современная наука ориентирована на получение достоверных знаний о реальности, хотя наука и истина для ученого далеко не тождественны. «В науке как таковой следует четко разделять два различных ее аспекта, которые часто (и неправомерно) объединяют под одной вывеской: *наука-исследование* — систематическое изучение и изложение объективно достоверных сведений, максимально проверенных со стороны содержания, и *наука-мировоззрение*, т.е. совокупность утверждений, якобы полученных в научных исследованиях и навязываемых в качестве общеизвестных» (Трошников, 1990). Исходя из последнего утверждения и ученые как граждане, и сформированные ими научные организации не могут остаться в стороне от тех насущных проблем, которые происходят в обществе. Кроме того, важно видеть *различие между естественными и социально-гуманитарными науками* (об этом различии писал еще В. Дильтей как о «науке о природе» и «науке о духе») в их взаимоотношениях с обществом: если первые призваны крепить его материальные основы в виде средств производства, орудий и предметов труда, то вторые ответственны за развитие духовной жизни, без которой невозможно представить целостность любого государственного образования. И наконец, *научный потенциал состоит не только из ученых* как субъектов творчества. Его составляющими являются приборно-экспе-

риментальный парк, доступ к информации, управление наукой, а также инфраструктура, обеспечивающая ее развитие (Ракитов, 2001).

23.1. Наука и общество

Взаимоотношения науки и общества всегда были непростыми. Если для Аристотеля было ясно, что наука подводит к тому же, чему учит религия — созерцанию общих сущностей, то в Средние века возник конфликт науки и религии. Возникла теории «параллельных истин» — истины научной и истины Откровения, т.е. религиозной (Муравьев, 2003). Однако логика общественного развития постоянно убеждала в необходимости считаться с выводами, результатами и рекомендациями науки. Наука систематически показывала, что использование ее данных способно серьезно изменить лицо общества, улучшить жизнь людей. Эта надежда на науку породила уже в XIX в. радужные ожидания и стремление максимально использовать ее прежде всего для решения производственных задач. Такая ситуация, характерная также для XX в., серьезно повысила престиж науки, создала благоприятную атмосферу для ученых, сформировала благоприятный климат вокруг них.

Начиная с 1950-х гг. в мире ***появились новые оценки роли науки***. В связи с угрозой ядерной и биологической войны, загрязнением окружающей среды, неблагоприятными условиями как на производстве, так и в быту, на Западе стали пропагандироваться и распространяться *идеи ущербности науки и научно-технического прогресса*. Возникли даже теории антисайентизма, объясняющие пагубную роль науки в развитии современного общества.

Несколько по-иному складывались взаимоотношения науки и общества в Советском Союзе. Наряду со стимулированием и поддержкой ряда ее отраслей (в основном связанных с обороной) наука как нигде ощущала волюнтаризм власти. Науке навязывались направления исследований, которые противоречили логике ее развития. Отдельным ее направлениям (генетика, кибернетика, социология) давались оценки, которые исходили из идеологических установок, что принесло научному сообществу труднопоправимый урон. В этот период общественные науки ориентировались в основном на идеологические установки КПСС, что сдерживало творческий поиск или рождало квазинаучные результаты.

Кризис в обществе в 1990-х гг. затронул и науку. Стала остро обсуждаться ситуация в ней и вокруг нее. Наука была обвинена в огромных расходах, которые были связаны с обслуживанием военно-промышленного комплекса, в тех негативных последствиях, кото-

рые принес научно-технический прогресс. Росла тревога за экологические и социальные издержки. Колоссальный удар по престижу науки был нанесен чернобыльской трагедией. В этот же период общественные науки настигла вторая волна — океанский вал критики, которая отвергала практически все наработанное и во многом поставила их перед необходимостью начинать все с начала. В этом потоке критики, не всегда справедливой, серьезно менялось представление о роли и назначении науки, о достоверности и истинности научного знания, особенно гуманитарного и социального.

Общество предъявило новый, причем не всегда праведный, счет науке. Наука реагировала на это неадекватно. С одной стороны, она соглашалась с критикой и даже в чем-то уступала критикам, с другой — проявляла мудрость и твердость в отстаивании принципиальных позиций, в том числе по проблемам организации науки (в ответ на угрозу Г. Бурбулиса в 1992 г. закрыть Академию наук).

Переход России к рынку ознаменовался тем, что был приложен максимум усилий к тому, чтобы сделать науку демилитаризированной, деидеологизированной и открытой миру. Но демилитаризация привела к потере ряда авангардных позиций, которые принадлежали не только ВПК, а деидеологизация — к потере «целеполагания», к утрате четких ориентиров в стратегической политике государства.

Стало очевидно, что без выработки концепции взаимоотношений научного сообщества и власти не обойтись, ибо это чревато возможными огромными потерями и утратой имеющихся в мире позиций. Ведь по прогнозу Комиссии Совета Европы по образованию, убытки России достигают 50—60 млрд долл. в год только за счет миграции ученых за границу.

Согласно данным опроса ученых, проведенного ИСПИ РАН в 1995 г., нынешнее состояние науки определяется в первую очередь отсутствием осознания государством ее значимости для судеб России (63%). Авторитетные ученые, выступившие в роли экспертов, указали на ряд факторов, обусловливающих кризис науки: политическая ситуация в обществе (37%), общее экономическое положение страны (44), место науки и образования в государственной политике (56), а также сознательный курс руководства страны на формирование принципиально нового слоя интеллигенции — носителя иных идеалов и ценностных ориентаций (59%).

Только резкое увеличение государственных ассигнований на науку и создание в России условий для ее поддержки, повышение заработной платы научным работникам, установление льготного налогообложения, введение конкурсного финансирования проектов

и контрактной системы труда позволят, по убеждению экспертов, приостановить развал интеллектуального потенциала страны.

В этой ситуации социальные последствия деформированных взаимоотношений науки и общества становятся особенно тяжелыми (табл. 23.1 и 23.2).

Таблица 23.1. **Число организаций, выполнявших исследования и разработки**

Организации	*1992*	*1995*	*1997*	*2000*	*2005*	*2007*	*2009*
Всего	4555	4059	4137	4099	3566	3957	3536
В том числе:							
научно-исследовательские организации	2077	2284	2528	2686	2115	2036	1878
конструкторские бюро	865	548	438	318	489	497	377
проектные и проектно-изыскательские организации	495	207	135	85	61	49	36
опытные заводы	29	23	30	33	30	60	57
высшие учебные заведения	446	395	405	390	406	500	506
Научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения в организациях	340	325	299	284	231	265	228
Прочие	303	277	302	303	234	550	454

Таблица 23.2. **Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, тыс. чел.**

Персонал	*1992*	*1995*	*1997*	*2000*	*2005*	*2007*	*2009*
Всего	1532,6	1061,0	934,6	887,7	813,2	891,1	742,4
В том числе:							
исследователи	804,0	518,7	455,1	425,9	391,1	392,8	369,2
техники	180,7	101,4	80,3	75,2	66,0	64,6	60,0
вспомогательный персонал	382,2	274,9	244,9	240,5	215,6	208,0	167,0
прочий персонал	165,7	166,1	154,3	146,1	140,5	135,7	126,2

Примечание. Данные приводятся на конец года.
Источник. *Россия* в цифрах. 2011. С. 401.

Таким образом, идет *сокращение и распад научных коллективов*. За 1990—2010 гг. в России число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, уменьшилось на 10%. Однако изменение по их видам шло неравномерно. Особенно резко, почти в 3 раза, сократилось количество конструкторских бюро, более чем в 12 раз — проектных и проектно-изыскательских организаций. В промышленности также уменьшилось число предприятий (на 34%), на которых велись исследования и разработки.

По оценкам экспертов, расходы на собственно научные исследования сократились в 30—50 раз, достигнув доли в валовом внутреннем продукте уровня слаборазвитых стран мира. Академики В. Захаров и В. Фортов справедливо утверждают, что «большинство экономических и социальных трудностей обратимы. Так, спад производства при благоприятных обстоятельствах сменяется быстрым подъемом (Германия, Китай, Япония). Разрушение же науки, если оно достигает критического уровня, становится необратимым». Этот кризис проявился в резком сокращении числа открытий и изобретений, а также в таких небесспорных процессах, как феминизация науки, уменьшение притока молодежи и соответственно постарение научных кадров.

Данные табл. 23.2 показывают, что *сокращается количество занятых в сфере науки*, прежде всего за счет исследователей. Престиж ученых падает из-за близорукой политики государства и уменьшения материальной оценки их труда, что, конечно же, не может не повлиять на выбор молодежью возможной работы в сфере науки.

Эти процессы характерны и для ведущей научной организации — Российской академии наук. Общая численность работников сократилась за 1990—2000-е гг. почти на 30% с 137,7 тыс. до 97 тыс., в том числе научных работников — до 48,2 тыс., а численность научных сотрудников — на 13%. Характерно, что если число докторов наук за этот период выросло до 19%, то число кандидатов наук уменьшилось на 11,9% и составило 17%, что идет отток научных кадров, идет старение науки. Уже в 1996 г. в науке недоставало 52% исполнителей среднего звена, 44% ведущих разработчиков, 30% научно-технического персонала.

За 1990—2000-е гг., несмотря на неоднократные заверения в обратном, государство *резко сократило финансирование*, и в первую очередь фундаментальных наук. За эти годы финансирование РАН колебалось в пределах 10—12% от всех затрат на науку. В конце 1960-х гг. выдающийся советский физик Л.А. Арцимович писал: «Наука находится на ладони государства и согревается теплом этой ладони. Конечно, это не благотворительность, а результат ясного

понимания значения науки...» И действительно, на протяжении послевоенных десятилетий ассигнования на науку не опускались в СССР ниже 5—7% валового внутреннего продукта (ВВП), т.е. были на уровне развитых западных стран. Динамика расходов на науку в России в 1990-х гг. аналогична ситуации в Аргентине, где расходы на науку с 1977 по 1982 г. упали с 1,8 до 0,2% ВВП. В то же время в Японии затраты на научные исследования составляют 3,03%, в Израиле — 3,5, в США — 2,75% ВВП. Российская наука в 1990-х гг. фактически получила 0,23 — 0,25% ВВП (при плане 0,63%), пропустив вперед не только все западноевропейские страны, но также бывшие социалистические страны — Чехию и Румынию (по 0,45%). В 2000-е гг. эта доля несколько возросла, составив в 2009 г. 0,56%. Об ограниченности мышления государственных руководителей свидетельствуют данные академика Л.Д. Фадеева: если в советское время все расходы на отделение математики АН СССР составляли стоимость одного танка в год, то расходы на это отделение в современной России составляют 1/10 стоимости танка. И хотя в 2000-е гг. финансирование Российской академии наук увеличилось, естественным результатом такой политики стал переход науки из критического состояния в коматозное: стагнация институтов и гибель целых научных школ и направлений, конвульсии научного приборостроения и научных изданий, нищенская заработная плата ученых.

В свете проблем финансирования науки и общества можно привести слова президента США Б.Обамы: «Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни... Мы превысим уровень (вложений и инвестиций в науку. — *Ж.Т.*) времен космической гонки, вкладывая средства в фундаментальные и прикладные исследования, создавая стимулы для частных инноваций, поддерживая прорывы в энергетике и медицине и улучшая математическое и естественнонаучное образование».

От деформированных взаимоотношений науки и общества больше всего страдает основа основ науки — *фундаментальные исследования, которые отражают необходимость опережающего развития научного производства*. Дело в том, что фундаментальная наука в большей степени, чем даже искусство, опирается на традицию и сложившуюся профессиональную школу. В каждой узкой области науки круг настоящих специалистов невелик и легко исчисляем. Их потери быстро приводит к деградации целых научных направлений, а затем и всей науки, как это произошло в гитлеровской Германии, потерявшей 0,3—0,5% ведущих ученых и до сих пор, по утверждению

академика В.И. Арнольда, не восстановившей такую отрасль фундаментальной науки, как математика.

Колыбелью фундаментальной науки в Западной Европе являются ее университеты. Здесь она медленно созревала в течение столетий. К началу Первой мировой войны фундаментальная наука существовала только в двух странах — в России и США, хотя в США этот прогресс связан с притоком выдающихся ученых и талантливой молодежи из многих стран мира.

Российская фундаментальная наука развивалась по своему собственному пути и в основном за счет внутренних ресурсов. Сколько-нибудь значительная иммиграция имела место только на начальном периоде развития, в XVIII в., когда в Россию приехали такие известные ученые, как Л. Эйлер и И. Бернулли. К началу XX в. русская наука приобрела мировое значение. Крупные достижения российских ученых в химии, физике, биологии и математике вошли в учебники и полностью признаны международным научным сообществом. Замечательным является тот факт, считает академик В. Фортов, что русская фундаментальная наука, несмотря на все трудности и потери (эмиграция, аресты, идеологические чистки), сумела в основном пережить послереволюционное время и сталинскую диктатуру. Но несмотря на все издержки и пороки, во все периоды советского общества фундаментальная наука получала большую поддержку со стороны государства. Престиж и общественный рейтинг русского ученого внутри и вне страны был необычайно высок.

Кризис российского общества, начавший развиваться в период застоя, не мог не отразиться отрицательным образом и на науке. По многим стратегическим вопросам решения стали приниматься не учеными, а малокомпетентными администраторами. Это вело к отставанию в таких важнейших областях, как электроника и вычислительная техника, к потере лидирующей позиции в космических исследованиях.

Иначе говоря, фундаментальная наука — это становой хребет не только настоящего, но и будущего страны. Поэтому все страны, стремящиеся быть технически развитыми, культивируют собственные фундаментальные исследования. Мировой опыт показывает, что эти страны добиваются подлинных экономических и социальных успехов, даже имея скромные природные ресурсы (Япония, Англия, Германия, скандинавские страны). В то же время страны Африки и Латинской Америки, имеющие эти ресурсы в избытке, но не обладающие развитым научно-техническим потенциалом, оказываются неспособными выйти из нищеты и экономической отсталости.

Итогом политики пренебрежения к фундаментальной науке стала угроза потери высококвалифицированных специалистов в результате отъезда многих из них на постоянную или временную работу за границу. В 1990-х гг. их число соответственно составило свыше 30 тыс. и 120 тыс. Наряду с этим заметно возросла эмиграция российских ученых в страны третьего мира, которые в отличие от США и Германии предъявляют спрос на кадры средней квалификации.

Анализ социологической информации показывает (данные Новосибирского научного центра), что 94,5% считают мотивами эмиграции возможность улучшить свое материальное положение, 47,1% — падение в России престижа научного труда и 46,3% — профессиональный интерес (желание усвоить новые идеи, формы и методы работы). Эмиграции подталкивается неопределенностью в экономике, политической нестабильностью, проникновением криминальных структур в государственный аппарат.

Деление науки на национальные коридоры на постсоветском пространстве также не прошло бесследно, ибо в науке установление шлагбаумов там, где их не было, приводит к разрушению творческого потенциала страны.

В сложившейся ситуации, как считают социологи, решить проблему использования достижений науки только через конкретного работника не удастся: ее можно решить, когда все без исключения научные коллективы будут видеть реальную поддержку, когда будут обеспечены их коренные интересы. Однако это не означает, что нужно сбросить со счета творческий поиск ученого. Но для его осуществления надо создать соответствующие условия. Можно согласиться с академиком Н.С. Ениколоповым, считающим, что научное творчество в современный период превратилось в дело, которым занимаются только очень самоотверженные люди.

И наконец, следует иметь в виду включенность отечественной науки в мировую, ее место и роль в научной продукции и разработках. Пока же ситуация такова, по данным главного ученого секретаря Президиума РАН В.В. Костюка, что в мировых расходах на исследования и разработки доля России составляет 2,2%, в то время как доля США — 33%, ЕС — 26, Японии — 13, Китая — 10%. Показательно, что объемы финансирования коррелируют с публикационной активностью. Так, доля научных публикаций России составляет 2%, США — 29%.

Немалую роль играет и тот факт, что российская наука в мировом сообществе представлена не в полном объеме, а ее интегративные связи оставляют желать лучшего.

23.2. Социальные проблемы организации науки

Из отрасли с занятым в ней мизерным числом людей еще 100 лет назад наука в России превратилась в гигантскую индустрию по производству нового знания, его использованию и применению во всех сферах жизни общества. Вместе с тем процесс интенсивного развития науки столкнулся с трудноразрешимыми противоречиями, когда потребовался ответ на вопрос: а насколько наука и ее достижения совмещаются с благом человека? Более того, появились теории, в которых доказывается, что развитие науки приведет к апокалипсису, к полному разрыву с природой, к конфликту между наукой и обществом.

Наиболее уязвимой точкой стало ***нарушение взаимодействия между производством и наукой, между объективными потребностями общественного развития и мерой их удовлетворения с помощью научных разработок и открытий***. Следствием этого стал провал научно-технической и информационной революций в России в 1970—1980-х гг., и то же время давших возможность Западу избежать очередного кризиса и совершить новый технологический рывок. Неспособность отследить этот рывок и возникшее в результате экономическое отставание были активным детонатором, разрушившим советскую систему и вызвавшим события 1991 г. Но факторы, приведшие к распаду великой страны и развалу единого научного пространства, не были устранены и в 1990-х гг.

Наука не даст должной отдачи, если не будет по-настоящему включена в оперативное и перспективное решение проблем общественного развития, и особенно социально-экономических. Предстоит коренным образом изменить подход не только к техническим, технологическим, экономическим вопросам, но и к социальным проблемам организации науки. Социология науки призвана помочь разобраться в том, *как* и *при каких условиях* наука отвечает требованиям технического и социального прогресса.

На взаимоотношения с обществом, конечно, накладывает отпечаток тот факт, что между наукой и производством образовалась трещина, грозящая стать пропастью. Чтобы преодолеть ее, следует оценить эффективность форм, направленных на эффективное использование научных новшеств.

Важным звеном в этом направлении является такая организация и такой конечный результат, при которых ***внедрение науки становится выгодным делом как для людей, предлагающих новшества, так и для организаций, использующих их в своей деятельности***.

Вместе с тем многие недостатки, относящиеся к данной проблеме, объясняются не чьей-то злонамеренной волей, а ситуацией, в которой ученый, специалист и особенно руководитель не видят никаких преимуществ, кроме дополнительных забот. В такой обстановке не помогают ни указ, ни призыв, ни пожелание. Суть вопроса не в том, чтобы призвать, порекомендовать, обязать, а в том, чтобы разобраться в реально действующих политических и социальных силах, препятствующих или способствующих внедрению научно-технических достижений. В советское время 2/3 новинок «проваливалось в щель» между заводом и конструкторским бюро, НИИ. В лучшем случае предприятие бралось за изделие попроще, но чаще всего успешно «отпихивало» любую новинку (Зворыкин, 1979). Аналогичные процессы происходят и в постсоветской России, но по другой причине — незаинтересованности частного капитала.

В ходе реализации научно-технических достижений четко вырисовывались ***проблемы, связанные как с организацией внедрения, так и ролью работника, его заинтересованностью или незаинтересованностью в решении назревших вопросов***. Время заставило вернуться к феномену новосибирского «Факела», который в конце 1960-х гг. не взял из государственной казны ни копейки, зато подарил обществу 50 млн руб. прибыли. Эта внедренческая фирма полноценно посредничала между наукой и производством, используя энергию и способности студентов и аспирантов, молодых инженеров и ученых, расплачиваясь с ними подставками от скромных окладов лаборантов, инженеров, просто специалистов. Тут случались драмы соперничества, болезненные для профессионального самолюбия, но жесточайше необходимые для прогресса науки. Именно поэтому ***новые формы организации науки — это альтернатива разобщенности***, так как они выступают посредниками между знанием и практикой, между производителями новых идей и их потребителями. В этой связи следует отметить, что на исходе 2000-х гг. государство признало важность малых научно-производственных форм и сформулировало свои представления по их развитию.

Рациональное взаимодействие науки и производства обеспечивает создание ***механизма заинтересованности во внедрении новшеств и научных открытий***. Здесь накопилось немало нерешенных проблем. Мы были свидетелями того, как толковые и грамотные решения тонули в бюрократических заседаниях и отписках. В 1960—1980 гг., т.е. более двух десятков лет, обсуждался вопрос о том, чтобы планировать выпуск станков и труб не в тоннах, а в штуках и метрах. Примерно столько же длились истории вокруг многих изобретений и новшеств, где на каждый вложенный рубль можно было

получить доходы, в сотни и тысячи раз превышающие затраты. В результате интересы общества не обеспечивались, а реализовывались цели, не имеющие никакого отношения ни к техническому, ни к социальному прогрессу. Эта ситуация не изменилась и в условиях перехода к рынку, но по другим причинам — незаинтересованности внедрять даже вполне успешные проекты.

Поэтому главное в современной организации науки — ***как заинтересовать потенциального потребителя, как достигнуть мировых стандартов и обеспечить более выгодные условия при использовании научных открытий***. Многие считают, что подлинный успех придет тогда, когда и разработка идей, и отбор лучших новинок будут организованы в масштабе не только государства, но каждого производства, когда в полной мере заработают экономические рычаги, стимулирующие и поощряющие каждый новый шаг в решении как фундаментальных, так и прикладных проблем (Лахтин, 2000). Однако такие методы не работают в области фундаментальных исследований, результаты которых могут принести плоды через годы, а иногда и десятилетия. Здесь рыночный механизм дает сбои, а значит, государство должно в полной мере отвечать за их поддержку и развитие.

В решении социальных проблем организации науки большую роль сыграли ***наукограды***. Такие города — научные центры возникли в 1930—1970-е гг. в целях выполнения задачи становления СССР как передовой технологической и военной державы. Опыт создания и функционирования Новосибирского академгородка оказался, несмотря на все недостатки и издержки, высокоэффективным и плодотворным. Не менее показателен успех и таких наукоградов, как, например, Черноголовка, Дубна, Пущино и др. А таких научных центров в СССР было более 50. В современной России пока предпринят только один опыт создания наукограда — Сколково, который претендует на лавры Силиконой долины в США по эффективности функционирования, хотя этот эксперемент подвергается критике из-за несопоставимости объективных и субъективных причин при сравнении с советским опытом.

Наукограды — национальное достояние России — заслужили принятия специального законодательного акта. Все вопросы — будь то выборы органов самоуправления, формирование бюджета или взаимодействие с региональными и местными органами власти — должны решаться не по трафарету, а с учетом того, что в научных центрах сосредоточена интеллектуальная элита страны, которую легко уничтожить под флагом благих намерений и борьбы с консерватизмом.

При решении проблем функционирования науки огромную роль играет способность создавать такие научные учреждения, которые бы выполняли функции опережающего развития, нестандартного решения возникающих проблем. В 1920—1930-х гг. в СССР были созданы ***научно-исследовательские институты*** в сфере фундаментальных и прикладных наук, не имевшие аналогов в других богатых индустриальных странах, включая США. В число таких учреждений научного профиля вошли Всесоюзный институт электротехники, Институт стали, Институт «Гидропроект», Институт растениеводства, Институт машиноведения и др.

Экономическая и политическая отдача таких финансовых и организационных мер была реализована многопланово. Снизилась зависимость экономики страны от заимствования зарубежного научно-технического и производственного опыта, открылись возможности проводить радикальную перестройку структуры отечественной промышленности и решения такой глобальной задачи, как освоение космического пространства. Огромное значение имела государственная политика для обеспечения победы над фашистской Германией, что позволило иметь такие совершенные средства, как танки Т-34, штурмовики «Ил», системы залпового огня «катюши». Еще более впечатляющи итоги научно-технической политики в 40—60-х гг. XX в., особенно в научных разработках ядерного и других разновидностей средств массового поражения.

Создание новых и коренное реформирование старых научных структур связаны с одним важнейшим и перспективным требованием — повышением наукоемкости общественного производства и культуры. И очевидно, что без государственной политики, без ее поддержки такая программа не может быть реализована. Именно по наукоемкости, а не по другим показателям будет характеризоваться в мировой статистике развитие стран в XXI в.

Одна из важнейших организационных форм сохранения науки, родившаяся в условиях ее кризисного состояния, — это учреждение ***федеральных (государственных) научных центров (ФНЦ)***, в рамках которых осуществляется попытка спасения лидеров российской науки. После учреждения такого института социальной поддержки науки в 1993 г. данный статус получило 61 научное учреждение из почти 400 претендовавших на это звание. Присвоение звания ФНЦ не меняет формы собственности — это нечто вроде «банта почетного легиона», дающего право временно пользоваться особым расположением государства.

Идея межотраслевых ***научно-технических комплексов***, провалившаяся в конце 1980-х гг., вновь замаячила за намерением присвои-

вать звание ФНЦ не только одному, но сразу нескольким родственным учреждениям. Вдобавок к этому у организаторов науки существует идея пойти дальше и создать ***инженерные фирмы, техпарки***, в которых найдут друг друга технические предложения научных центров и заявки предприятий. Банк данных стал доступен на коммерческой основе как российскому, так и иностранному капиталу, открывая путь в международный рынок труда. Это увеличило шансы малого бизнеса в науке, формы организации которого оказались более гибкими и эффективными в рыночных условиях. Ведь небольшую лабораторию легче закрыть после выполнения задачи, в то время как гиганты перерождаются в самодостаточную систему. Высокая экономическая эффективность такой схемы делает гораздо более привлекательными инвестиции в науку.

Организация науки предполагает, что, сохраняя лидирующее положение в поддержке науки, особенно в фундаментальных исследованиях, государство призвано обеспечить привлечение других средств в ее развитие. Но особенно популярными становятся организации со смешанной формой собственности, составляющие уже 1/5 всех организаций, где ведутся разработки.

Реализации социальных проблем организации науки способствует *научное лобби, влияющее на власть и общественное мнение*. Его создание — это прерогатива научного сообщества, если оно действительно хочет участвовать в борьбе за существование при обсуждении бюджета, в формировании налоговой политики и подготовке законодательства о науке.

55 экспертов III Международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство в России» (1995) выразили мнение, что привлечение частных капиталов в науку идет с большим трудом. Коммерческие банки слабо заинтересованы в инновационной деятельности, 20% опрошенных отметили отсутствие у банков к этому какого-либо интереса, 53% сказали, что дальше экспертиз дело не идет, и лишь 15% заявили об участии банков в инвестировании инновационных проектов. Прохладное отношение частного капитала к вложению средств в науку объясняется оценкой ее нынешнего положения и недооценкой ее возможностей, близорукостью и убогостью его владельцев. Мизерное участие российского частного капитала особенно поражает при сравнении с США, где в 1998 г. на развитие науки было затрачено 220,6 млрд долл., в том числе 167 млрд, т.е. 2/3, за счет частного капитала, для которого привлекательна не только инновационная деятельность в производстве, но и исследования, связанные с жизнью человека. В России же доля частного капитала в структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки «выросла» с 0,04% в 2000 г. до 0,1% в 2009 г. ().

В-пятых, социальный климат в науке в значительной степени зависит от тех отношений, которые складываются в обществе, от того, насколько признается авторитет ученого. Разве не этим вызван вопрос нобелевского лауреата академика А.А. Прохорова, заданный им в «Известиях» 7 сентября 1994 г.: «Нужен ли я своей стране?» Если этим вопросом задаются академики, ученые мирового уровня, то что же говорить о тысячах докторов и кандидатов наук, потенциал которых значителен и весом при решении фундаментальных и прикладных задач. Такое отношение к интеллектуальному потенциалу оборачивается еще одной бедой: потерей их влияния на общество, ростом культурной коррозии, снижением конкурентоспособности всей страны.

Признание авторитетности и заслуг ученых находит отражение в оплате их труда. Исследование, которое провели в конце 1995 г. сотрудники Центра исследований и статистики науки Миннауки и РАН (было опрошено 2510 научных сотрудников академической, вузовской и отраслевой наук), показало, что 42% опрошенных в 1995 г. не имели дополнительной работы, 37 — имели ее лишь время от времени и лишь 21% регулярно подрабатывали. Дополнительная работа у 60% тех, кто ее имел, полностью или частично совпадала с основной деятельностью, а 23% осуществляли ее вне рамок своего научного учреждения и далеко не всегда в научных организациях. Иначе говоря, для многих опрошенных (47%) источники доходов сконцентрированы в родном учреждении (оклады, надбавки и т.д.). Определенная часть ученых и инженеров (хотя и небольшая, 19%) в качестве подспорья имеет гранты — отечественные и зарубежные. Пока не слишком велика доля тех (11%), кто пользуется возможностями рыночной экономики (предпринимательская деятельность, доходы от акций и т.д.). Очень немногие — всего 1% — имеют возможность заработать на жизнь во время поездок за рубеж.

В целом же механизм создания условий для эффективной работы ученого слаб, несовершенен и не создает глубокой заинтересованности в результатах своего труда.

Как же оценивают социальный климат науки сами ученые? Они считают, что *нет должных условий* для проявления талантов и творческой инициативы, для самоуправления, равноправной состязательности, конкурентности научных идей и мнений.

Отношения с руководителями научных учреждений нередко оцениваются как неблагоприятные, ибо очень часто в действиях руководителей видят не защиту интересов науки и их подчиненных, а утилитарные, политизированные и карьеристские цели и задачи.

Что касается *взаимоотношений внутри научных коллективов*, то они далеко не всегда устраивают их членов, ибо в организации их труда не соблюдаются элементарные требования, часто отсутствует перспектива, поддержка новаторских идей, гарантии права на поиск и эксперимент.

Игнорирование роли и значения науки привело к тому, что общество *не обеспечивает притока новых сил* в эту сферу, плохо стимулирует их труд, не создает необходимых приоритетов для творчества. До сих пор *не создан механизм использования* таких *стимулов* научного поиска, как справедливая его оценка, общественное признание, создание условий для выдвижения талантливых ученых, демократизация управления наукой, развертывание дискуссий, обновление каналов научных коммуникаций.

И наконец, *профессиональная культура* исследователя становится как никогда показателем того, насколько велика отдача его как ученого. Как бы ни было велико значение творческого коллектива, двигателем прогресса в науке являются новаторские идеи, творцом которых всегда является конкретный ученый. Но условия для выявления талантов слишком размыты.

Все это позволяет сделать вывод, что социальный климат науки серьезно деформирован и в настоящее время не представляет серьезного резерва для повышения ее эффективности.

Вопросы и задания для повторения

1. Охарактеризуйте предмет социологии науки.
2. Каковы взаимоотношения науки и общества в современной России?
3. Почему упал престиж науки и труда ученых?
4. Роль и назначение фундаментальной науки.
5. Современные формы и методы организации науки.
6. В чем состоит социальный климат науки?

Темы для рефератов

1. Генезис идей социологии науки в зарубежной и отечественной социологии.
2. Социальные функции науки.
3. Кризис науки и возможные выходы из него.
4. Академическая наука: характеристика и проблемы развития.
5. Прикладная наука: состояние и пути совершенствования.
6. Вузовская наука и ее возможности.
7. Новые формы организации науки.
8. «Утечка мозгов» как феномен современной российской действительности.

Глава 24

Социология культуры

Культура — понятие многоплановое, сложное, неоднозначное. Многообразие научных подходов (по некоторым подсчетам их число достигает 160) породило различные трактовки роли, места и сущности культуры в контексте мировой цивилизации. Не претендуя на характеристику всех возможных вариантов при объяснении феномена культуры, остановимся на главных из них, сосредоточимся на том, как ее развитие отражается в социологии.

Прежде всего обратим внимание на концепции, которые к культуре относят все, что было создано человечеством за весь период его существования во всех сферах общественной жизни. Еще в середине XVII в. немецкий юрист и историограф С.Пуфендорф счел возможным термином «культура» обозначить «совокупность всего того, что создано человеком и существует благодаря человеку в общественной жизни» (цит. по: Боголюбова, 1978. С. 147). Такое расширительное толкование культуры отождествляет ее (в явной или скрытой форме) с понятием общества и с точки зрения социологии делает его малопродуктивным. Более того, отмечает Э.В. Соколов (1972), «то, что Тэйлор, Боас, Малиновский именовали культурой, Конт, Спенсер, Вебер и Дюркгейм называли обществом». Такая трактовка культуры характеризует работы ряда отечественных исследователей (Л.Г. Ионин, М.С. Каган). С такой трактовкой выступает и американский социолог Дж. Александер.

С середины 1970-х гг. был осуществлен ***деятельностный подход*** к культуре (впервые — Д.И. Чхиквишвили). «Важнейшим исследованием культуры становится раскрытие сущности человеческой деятельности. Связь между деятельностью и культурой является исходной, определяющей при ее объяснении и изучении» (Межуев, 1977).

Полагая, что данное понятие требует гораздо большей определенности, еще одна группа исследователей (Э.А. Баллер, Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневский, Н.С. Злобин и др.) трактуют культуру как ***творческую деятельность***. «Культура — это творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, как прошлая, овеществленная в тех или иных культурных ценностях, так и сегодняшняя и будущая, основывающаяся на освоении культурного наследия, направленная на превращение богатства человеческой истории

во внутреннее достояние личности, на всемерное развитие сущностных сил человека» (Баллер, 1983).

Культура как ***способ (технология) деятельности*** рассматривается третьей группой ученых (Э.С. Маркарян, а также В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов и др.). «Культура есть общий способ человеческого существования, способ человеческой деятельности и объективированный в различных продуктах (орудиях труда, обычаях, системе представлений о добре и зле, прекрасном и уродливом, средствах коммуникации и т.д.) результат этой деятельности, который может включать в себя элементы, имеющие как положительное значение для функционирования социальной системы, так и отрицательное значение» (Маркарян, 1969, 1983).

И наконец, в отечественной науке получила определенное развитие трактовка культуры как ***качества духовной жизни общества*** (А.К. Уледов, Е.В. Боголюбова, Е.А. Вавилин, В.П. Фофанов). Особый интерес представляет рассмотрение культуры ***через призму ее связи с историей***, которое начали М.Б. Туровский и Н.С. Злобин и плодотворно развил А.И. Шендрик. Имеется интересное предложение А.В. Захарова анализировать феномен культуры через идеальные типы, предложенные в свое время М. Вебером, но обогащенные анализом традиционной (народной) культуры.

Эвристическая ценность каждого из перечисленных подходов имеет свои достоинства и свои ограничения. Если взять за основу культуры творческую деятельность, то мы вынуждены будем освещать ее и в сфере производства (что является компетенцией социологии труда), и в сфере политики (что соответственно интересует политическую социологию), и в сфере управления (на что не может не обращать внимания социология управления). Не менее спорна и трактовка культуры как способа и результатов деятельности, что дает возможность отождествлять ее с процессом функционирования экономики, морали, эстетики и т.д.

Что касается трактовки культуры как духовной сферы, то она является весьма ограниченной, потому что исключает из этого понятия как материальную культуру, так и культуру общественной деятельности и сосредоточивает внимание на институтах и организациях, в компетенцию которых входит весьма широкий круг проблем — от образования до искусства, от религии до науки, от проблем личности до средств массовой информации.

На наш взгляд, необходимо дать такую трактовку культуры, которая бы давала возможность ее операционализации и интерпретации на базе конкретной информации. С этих позиций наиболее рациональным является ***ценностный подход***, заложенный в отечественной

социологии П.А. Сорокиным, В.П. Тугариновым, Д.И. Чижиковым и разделяемый западными исследователями В. Виндельбандом, Г. Риккертом с учетом ***деятельностного подхода***, рассматривающего культуру как творческую деятельность. В современной российской социологии такой точки зрения наиболее последовательно придерживается Н.И. Лапин.

24.1. Культура как предмет социологического исследования

В отечественной социологии сложилось несколько подходов к трактовке социологии культуры. «Предметом социологического исследования культуры может быть, во-первых, вся система культуры как единое целое или любой из ее видов, взятые во взаимодействии с другими общественными системами; во-вторых, каждый из элементов социодинамики культуры, культурной коммуникации, взятой в соотношении с другими элементами культуры или в соотношении с другими системами общества» (Коган, 1992).

Однако в реальности российская (советская) эмпирическая социология исследовала отдельные компоненты (или проблемы) социологии культуры, а социологи ставили перед собой, как правило, более скромные задачи. Даже исследователи методологических проблем социологии культуры (Л.Г. Ионин, С.Н. Иконникова, С.Н. Плотников, В.Б. Чурбанов и др.) не ограничивали себя анализом философско-социологических аспектов культуры, переходя затем к вопросам, касающимся отдельных ее компонентов.

Получили самостоятельное развитие исследования клубного дела (Т.А. Кудрина, Р.К. Шеметило), кино (М.И. Жабский), художественной культуры (С.Н. Комиссаров, А.Н. Семашко, А.И. Шендрик), искусства (А.Л. Вахметса, В.И. Волков, Г.А. Войтовицкая, В.С. Цукерман, Ю.В. Перов). Появились социологические исследования музейного дела, театра, библиотечной работы. Исследовательской группой Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина в 1970-е гг. был осуществлен углубленный анализ чтения в условиях различных территориальных общностей, известны работы Института книги и Института культурологии.

В целом в социологии культуры достаточно противоречиво решается вопрос о предмете исследования. На практике внимание сосредоточено на проблемах, которые связаны с исследованием отдельных ее структур.

Во-первых, заслуживает пристального внимания позиция А.К. Уледова (1980), оценивающего культуру как важнейшее сис-

темное качество духовной жизни общества. В этом случае соотношение понятий «общество» и «культура» предстает не как соотношение целого и части, а как соотношение целого и его качества. Определение культуры как качественного интегративного явления имеет большой смысл, ибо оно подчеркивает ее влияние, ее присутствие во всех без исключения сферах общественной жизни.

Во-вторых, культура отождествляется с творческой деятельностью как в материальном, так и духовном воплощении, оказывается неотъемлемой характеристикой человеческого разума и свидетельствует о его преобразующей силе при решении насущных проблем (Коган, 1992; Злобин, 1986).

В-третьих, культуру, по мнению русского философа С.Л. Франка, важно рассматривать как «совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей». При таком подходе не происходит замены ценности вещью или потребностью, а также исключен сдвиг на обыденное понимание ценностей вместо системной, упорядоченной их трактовки. Не менее важно определиться и с тем, будет ли в связи с этим культура сводиться лишь к положительным явлениям. А если да, то куда тогда отнести негативные или минимые ценностные ориентации?

В-четвертых, при определении культуры нередко имеют в виду этический и эстетический компоненты как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и к деятельности людей.

В-пятых, социология культуры исходит из того, что культура «представляет собой... сферу самореализации общественного индивида как субъекта культурно-исторического процесса» (Межуев, 1978).

Наиболее плодотворна ***трактовка культуры*** *как одной из форм проявления сущностных сил человека, как единства различных форм индивидуального, группового и общественного сознания и практической деятельности, направленных на материальное или духовное воплощение ценностей и ценностных ориентаций.* В ней отражается и закрепляется социально-личностное качество созидательного труда человека. Именно феномен культуры позволяет органически соединить в себе не просто производство вещей и сознания в его абстрактных формах, а производство самого человека как общественного человека, т.е. производство его во всем богатстве общественных связей и отношений, во всей целостности деятельностного существования.

А так как культура является стороной любой общественной деятельности, то мы вправе говорить об ***особенных способах ее проявления,*** что связано с пониманием культуры, во-первых, как меры общественного прогресса, во-вторых, как степени воплощения гуманистических

целей и, в-третьих, как особой формы соединения духовных богатств, накопленных предшествующим развитием человечества, и духовных ценностей современного общества.

Исследуя культуру, социология исходит из того, что назначение ее многообразно. Поэтому социологией культуры рассматриваются также и *каналы*, удовлетворяющие потребности людей в приобщении к этическим и эстетическим ценностям, оценивается, на основе чего формируются вкусы, предпочтения, осуществляется эстетическое восприятие окружающей действительности (табл. 24.1).

Таблица 24.1. **Характеристики социально-культурной инфраструктуры в России**

Позиции	*1990*	*1995*	*2000*	*2005*	*2009*
Число изданных книг и брошюр, тыс. экз.	41	34	60	95,5	127,6
Общий тираж, млн экз.	1553	475	471	669,4	716,6
Число периодических изданий (без газет)	3681	2471	3570	4874	7312
Годовой тираж, млн экз.	5010	299	607	1150	1690,2
Число газет	4808	5101	5758	7166	9563
Разовый тираж, млн экз.	166	122	109	177	210
Число массовых библиотек, тыс.	62,6	54,4	51,2	49,5	46,7
Численность читателей в них, млн	71,9	60,2	59,6	58,1	56,4
Учреждения культурно-досугового типа, тыс.	—	—	—	51,4	47,4
Число театров	—	470	547	588	601
Число музеев	—	1725	2047	2285	2539
Число книг и журналов на 1000 населения	—	7464	7101	4677/ 8033	5049/ 11911*

Примечание. Знак «—» — нет данных, знак «*» означает в числителе книги, в знаменателе журналы.

Источник. *Социальное положение и уровень жизни населения России*: Стат. сб. М., 2010. С. 398—399.

Как видно, одна из проблем развития духовных потребностей — это перекосы в способах их удовлетворения. На протяжении 1990-х гг. в России сократились объем и плотность письменной (прежде всего, журнальной и книжной) культуры. Свелось к минимуму как производство кинофильмов, так и просмотр их в кинотеатрах.

Преобладающая часть взрослых россиян переключилась на ежедневный и достаточно продолжительный просмотр телепрограмм — наиболее доступного, гарантированного и дешевого коммуникативного средства. В этот период последовательно уменьшались тиражи газет, но особенно книг и журнальной периодики, соответственно снижалось количество покупателей и читателей, уменьшилось число массовых библиотек, сокращались их фонды, редел читательский контингент (табл. 24.2).

1990-е гг. принесли другие проблемы. Книжное дело во многом оказалось во власти массовой культуры, низкопробных вкусов. В то же время научная и художественная литература, на первых порах порадовав многообразием, оказалась не по карману многим потенциальным потребителям.

Культура — это ***пространство воспитания***, которое присущими ему методами способствует формированию не только эстетического, но и политического, правового и этического идеалов. Через экран, книгу, сцену, эстрадную площадку, залы музеев человеком осознается деятельность по реализации гражданских идеалов, нацеленность на достижение ценностей гуманистического образа жизни.

Большинством людей осознается деятельность учреждений культуры как ***сферы отдыха, проведения досуга, использования свободного времени***. Сосредоточение внимания только на воспитательной или познавательной функции приводит к назидательности, нравоучительности, окрашивает ее в менторский тон.

Развитие исследований культуры остро поставило вопрос ***о связи ее с творческой деятельностью в труде, в политике, в повседневной жизни***. В социологической литературе начали усиленно разрабатываться проблемы *профессиональной, экономической, политической, нравственной, экологической, правовой* и других *культур*. В связи с переосмыслением роли и места материальной культуры возникла необходимость изучить такое явление, как *техническая* и *технологическая культуры*, без которых невозможно овладеть новейшими инновационными методами производственной деятельности.

Особую актуальность приобрело ***сочетание мировой и национальной культур***. Сами по себе в отдельности эти грани культуры постоянно изучались, однако их взаимодействие недооценивалось, а иногда даже просто игнорировалось. Умолчание о противоречиях в развитии национальных культур приводило к нарушению сбалансированности духовной жизни, вызывало неопределенность, семя недоверия и подозрительность одного народа к другому.

При анализе проблем культуры нельзя не обратить внимание на *материальную обеспеченность культурных потребностей*. И не всегда

исследователи удосуживались взглянуть на этот процесс более основательно, исходя из широкого исторического контекста. Доля национального дохода, затрачиваемого на культуру, ярко характеризует степень поддержки государством этой сферы жизни общества. В постсоветской России появились различные элитные, полуэлитные и другие объединения (клубы, группы и т.д.), а такие явления народной культуры, как массовые библиотеки, клубы, музеи, кинопрокат, находятся в нокдауне, ибо их никто не хочет финансировать.

Таким образом, социологическая картина культуры — чрезвычайно сложное, мозаичное полотно, сотканное из противоречивых тенденций, прорывов в будущее и тупиков поиска, творчества, попыток возвышения ценностей и преодоления интеллектуальной ограниченности.

24.2. Ценностные ориентации и их реализация как ядро культуры

В социологической и философской литературе имеется предложение в качестве ядра культуры рассматривать ***идеалы*** (В.Е. Давидович, В.П. Вранский), ***символы*** (Ю.М. Лотман, Э. Кассирер, Б.А. Успенский), ***картину мира*** (В.С. Степин), ***мифы*** (А.Ф. Лосев). Культуру ***в институциональном плане*** — как проблемы образования, науки, литературы и искусства — рассматривают Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневский, А.И.Шендрик и др.

Однако наиболее адекватным является подход, разработанный П.А. Сорокиным и его последователями, который делает центральным и базовым звеном в исследованиях культуры ***ценности и ценностные ориентации, а также способы и методы их реализации*** (М. Вебер). В отечественной социологии этот подход также нашел отражение. «Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она в свою очередь оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» (Лапин, 1996).

Вместе с тем необходимо уточнить различные трактовки ценностей и ценностных ориентаций. ***Ценности*** — это материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для всего общества с позиций удовлетворения его интересов. Производные же от них ***ценностные ориентации*** есть установки личности на ценности

материальной и духовной культуры в зависимости от конкретной жизненной ситуации. Стремясь осмыслить специфику этого феномена, ценностные ориентации в отечественной литературе сравнивают со своеобразными «маяками», ориентирами (Ольшанский, 1966), называют «призмой», которая усиливает одну информацию и ослабляет другую (Титаренко, 1980), «локаторами нравственного сознания личности» (Наумова, 1988), «осью сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека» (Здравомыслов, Ядов, 1966).

Анализируя ценности и ценностные ориентации в контексте общественного сознания и поведения людей, мы можем получить достаточно точное представление о степени развитости общества и индивида, уровне усвоения ими всего богатства человеческой истории. Вот почему они могут соотноситься с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которому она преимущественно относится: ***традиционные ценности***, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; ***современные ценности***, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни. В данном контексте показательны сравнения ценностных ориентаций старшего и молодого поколений, что дает возможность понять их взаимодействие, в том числе причины их конфликтов.

В социологии очень часто используется понятие ***базовые ценности***, которые характеризуют основные ориентации людей как в жизни в целом, так и в основных сферах их деятельности — в труде, политике, быту и т.д. Эти базовые ценности, имеющие предметное содержание, могут быть основой для типологизации сознания и поведения, давать характеристику интеллектуальному богатству человека. К базовым ценностям, формирующим личность, относится: *здоровый образ жизни*, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; новое *качество жизни*, включающее в себя изменение характера труда и его смысла, иное распределение интересов между трудом и досугом — новую культуру досуга и т.д.; *гуманистическая культура общения* между людьми, в которой другой человек — не средство достижения утилитарных целей, а цель, самоцель, стимулирующая личный интерес; наконец, наиболее важное — *возрастающая потребность в самореализации личности* в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т.п. Эти ценностные ориентиры достаточно заметны и являются одними из ведущих (хотя и противоречивых) показателей. Они же отмечают недолговременность ценностей одностороннего эгоизма и в то же время возрастание значения социальности форм общения, духовного родства,

человеколюбия. Теоретически эту же альтернативу между вещными и человеческими ценностями в пользу последних сформулировал известный американский социальный психолог Э. Фромм (1986): «...цель человека быть многим, а не обладать многим».

Что ***касается ценностных ориентаций***, то они являются конкретизацией ценностей, воплощаясь в достаточно четкие показатели, и представляют собой сложное образование, в котором можно выделить три основных компонента: *когнитивный* — знания, которые базируются на освоении информации, *эмоциональный*, т.е. эмоциональную составляющую, вытекающую из оценки, *поведенческий*, связанный с реализацией ценностных ориентаций. И только соединение этих трех компонентов дает возможность дать объективную их оценку во всем их многообразии.

Ценностные ориентации кардинально меняются, когда человек начинает предпочитать вещные или духовные формы богатства, хотя ни та ни другая автоматически не дают устойчивого социального положения. Более того, социально-ценностные ориентации, связанные с вещной формой богатства, могут повышать социальный статус, но не улучшать социальное самочувствие.

Но нередко возникает и другое противоречие. Если ориентация на духовно-нравственные ценности не обеспечивает минимум или декларируемый обществом достаток, то происходят серьезные коллизии в социальном настроении людей. Так, по данным НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского университета, в иерархии ценностных ориентаций населения в 1990-е гг. наиболее резко снизилось значение работы в формулировке «интересная работа» — одной из самых важнейших в 1960—1980-е гг. ценностей. Она опустилась на 12-е место со второго и третьего, которые занимала в начале 1980-х гг. Опросы в конце 1990-х гг. показали, что в списке из девяти ценностей материальный достаток оказался на третьем месте (после здоровья, семьи). Получаются некие «ножницы»: люди оправданно хотят жить в достатке, но при этом главное средство его достижения — работу (инструментальная ценность) — относят в своем жизнеощущении на третьестепенное место.

В социологии используются понятия «положительные» и «отрицательные (минусные)», а также «одобряемые» и «отрицаемые» ценностные ориентации. Однако дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые не имеет ничего общего с делением их на положительные и отрицательные. Речь идет о другом: разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, выстраивают их иерархию в своем сознании. В этом состоит одна из трудностей понимания и изучения ценностного сознания. На ее преодоление и

направлена изложенная выше типология ценностей по нескольким основаниям (критериям). Так, по данным Н.И. Лапина, сопоставление данных всероссийских исследований 1990, 1994, 1998, 2002 гг. показало, что, несмотря на потрясения, через которые прошли россияне в 1990-х гг., принципиальные оценки — согласие или несогласие, одобрение или отрицание ценностей — остались почти неизменными. В эти годы в группу одобряемых попали суждения с ключевыми словами: самоценность жизни, свобода, забота о ближних и слабых, взаимопомощь, спокойная совесть и др. В числе отрицаемых оказались самовольное лишение жизни другого человека, жизнь для себя (а не для потомков), равенство доходов, борьба до победы над оппонентами, власть над другими людьми и т.д.

Потребности личности, социальных групп, общностей всегда связаны с развитием культуры. В то же время очевидно, что ***стремление к культуре проявляется в форме потребностей и интересов***. Все это позволило ученым, в том числе и социологам, оперировать понятиями «материальные» и «культурные потребности», которые, в свою очередь, могут быть классифицированы по разным основаниям. Так, А. Маслоу предложил пять потребностей-ценностей (от физиологических до духовных), Ф. Херцберг — 16 факторов-мотиваторов. В отечественной литературе их классификацию, их изменения во времени, а также их противоречивость и неоднозначность в различных социальных группах и общностях исследовали А.Г. Здравомыслов, Н.Н. Михайлов, Л.Н. Жилина, А.В. Маргулис, Д.А. Кикнадзе и др.

Очевидно, что базовые потребности формируются в процессе первичной социализации индивида, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая существенные изменения лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды. Дальнейшие изменения в жизни затрагивают не столько состав, сколько ***структуру ценностных ориентаций***, т.е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми.

Д. Рокич ввел в свои исследования понятия «терминальные ценности» и «инструментальные ценности», эмпирически исследовав по 18 тех и других. Что касается ***терминальных ценностей (ценностей-целей)***, то они выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей: ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и аналогичные им. ***В инструментальных ценностях (ценностях-средствах)*** запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения первых. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с

другой — качества, способности людей (независимость, инициативность, авторитетность и др.).

Как показывают социологические исследования, инструментальные ценности в большей мере, чем терминальные, вызывают разное понимание, поддержку и даже трактовку. Более того, иногда они противопоставляются друг другу или игнорируются. Так, в условиях кризисной экономики России резко упала ценность нравственных норм поведения — их заменило стремление к обогащению любой ценой, что привело к резкой девальвации понятий чести, совести, долга. Но одновременно выросла значимость таких черт личности, как самоуважение, самостоятельность, независимость. Подчеркнем, что противоречие между терминальными и инструментальными ценностями является одной из причин формирования девиантной, склонной к преступности личности (Мертон, 1966).

Социологические исследования показывают, что в жизнедеятельности общества огромную роль играют ***ценности-потребности*** в знаниях, информации, а также в формировании своего эстетического и этического видения мира, в общении, а также в определенных средствах удовлетворения своих вкусов и наклонностей (табл. 24.2, 24.3, 24.4).

Таблица 24.2. **Как часто вы читаете книги?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*1990*	*1996*	*1998*	*2002*	*2005*	*2008*	*2009*
Ежедневно/почти ежедневно	16	18	19	16	18	14	10
2—3 раза в неделю	13	15	13	11	13	14	12
1 раз в неделю	9	10	10	11	10	12	11
1—3 раза в месяц	18	17	15	13	12	17	11
Реже	25	21	20	21	24	22	18
Практически никогда	19	18	23	27	24	20	36

Таблица 24.3. **Как часто вы бываете в кинотеатре?, % к числу опрошенных**

Варианты ответов	*1990*	*1996*	*1998*	*2002*	*2008*	*2009*
Раз в неделю и чаще	11	1	1	3	2	1
1—3 раза в месяц	21	4	3	4	4	4
Реже чем раз в месяц	41	19	14	13	18	18
Практически никогда/ никогда	27	77	82	77	74	74
Число опрошенных	1700	1700	1800	1800	1500	1600

Таблица 24.4. **Как часто вы бываете...?, % числа опрошенных**

Варианты ответов	*Раз в неделю и чаще*	*1—3 раза в месяц*	*Реже чем раз в месяц*	*Практически никогда/ никогда*
В театре	0	1	14	82
В концертном зале, на концерте	0	2	14	82
В музее, на выставке	0	2	15	81
В кафе, ресторане	4	9	16	69
В ночном клубе	1	3	8	86

Примечание. 2009 г., август; N = 1600.

Источник. *Общественное* мнение — 2010. С. 131, 134.

Как видно из данных таблиц, по многим формам досуговых занятий отмечается определенная динамика, имеющая свои особенности у различных социальных групп. Так, если одни формы досуга доступны практически всем слоям населения (телевидение, чтение, домашние увлечения и хобби, общественно-политическая и религиозная деятельность), то использование других (общение с друзьями, посещение театров, музеев, концертов) постепенно сокращается по мере ослабления социального положения. Есть и такие формы досуга, которые недоступны для большей части населения, и в первую очередь это относится к различным формам активного досуга вне дома. Данные наглядно демонстрируют: у тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы, заметно сужены возможности использования развлекательных, рекреационных, развивающих компонентов отдыха и досуга. При характеристике ценностей-потребностей очень важен учет условий их реализации. Так, массовые опросы в конце 1980-х гг. свидетельствовали, что лишь у 10% населения не был привит вкус к постоянному чтению книг, газет, журналов.

И хотя телевидение занимает значительное место в досуге людей (по данным Левада-Центра, в 1990—2000-е гг. 84—86% людей смотрели телевизор ежедневно), однако это еще не говорит о глубине и развитости культурных потребностей как таковых. При таком подходе к исследованию культуры фиксируются формы приобщения к ней, но их интенсивность и качество не раскрываются.

До сих пор актуальна проблема точек «культурного притяжения». Территориальная удаленность учреждений культуры от места жительства как в городе, так и на селе становится серьезной при-

чиной, мешающей обогащению духовного мира людей, ибо вызывает значительное социально-психологическое напряжение, которое возрастает пропорционально затратам времени на достижение желаемого. Не случайно поэтому многие проекты и намерения по развитию культуры остаются нереализованными. Иначе говоря, показатели обеспеченности в том виде, в каком они используются для оценки состояния сферы культурного обслуживания, недостаточно четко отражают реальное положение, поскольку не учитывают национальных, территориальных, региональных различий в условиях жизни людей.

По-прежнему ограничен доступ населения к культурным ценностям. Так, выбор книг в сельских библиотеках, малых городах незначителен, их фонды дублируют друг друга, а многие новинки литературы приобретаются с большим трудом. В музеях демонстрируется только 14% экспонатов, огромные запасники накоплены в художественных музеях, кинопоказ ведется очень часто произвольно, а в условиях кризисной ситуации он упал до предельно низкого уровня. В то же время идет наступление эрзац-, квази- и псевдокультуры в условиях провозглашенной свободы выражения своего «Я», что понимается как вседозволенность, отсутствие всех ограничений и этических табу.

Анализ современных ценностей-потребностей позволяет утверждать, что в 1990-е гг. возрос темп появления новых и дифференциации старых. И дело, скорее, не в том, что люди не имели этих потребностей, а в том, что их удовлетворение сдерживалось самыми различными ограничениями, надуманными запретами, ориентацией на то, что будто из одного центра можно управлять вкусами и наклонностями человека.

Но и открытость имеет свои издержки. Получили определенное распространение и были возвеличены такие ценности, как «умение жить», под которыми скрывались корысть, неразборчивость в средствах наживы и т.п. Кроме того, стали эксплуатироваться и даже пропагандироваться с помощью средств массовой информации порнография, патологические наклонности. Имеются и другие издержки в развитии культуры, в частности в виде специфических проявлений молодежной субкультуры: хиппи, панки, готы, рокеры и другие, а также гипертрофированных ориентаций на тяжелый рок, авангард, инструментализм. Свобода творить привела и к оживлению далеко не бесспорных течений в художественном творчестве, что нередко было продиктовано стремлением выделиться, завоевать себе место под солнцем.

В условиях произвольно трактуемой свободы в духовной жизни общества появились ложные «цветы» — ***эрзац-, квази-, псевдо-, контр- и паракультура***, которые специфическим образом деформируют, искажают и препарируют содержание и назначение ценностных ориентаций людей (подробнее см.: Тощенко, 2011).

В то же время очевидно, что в условиях становления новых эталонов культуры важное значение имеет не запрет, а постоянная поддержка истинных духовных ценностных ориентаций в расчете на то, что время внесет поправки и поставит точки над «i» в потребностях человека.

24.3. Этические и эстетические параметры развития культуры

Культуру невозможно рассматривать вне рамок этического и эстетического видения мира, ибо это специфическое проявление ценностного отношения человека к природе и обществу. Данная проблема долгое время понималась в науке и практике весьма своеобразно: этические и эстетические знания, эстетические вкусы, потребности ассоциировались лишь с тем, какую художественную литературу человек читал, какую музыку слушал, с какими произведениями живописи он знакомился и т.п. Этот узкий взгляд на роль прекрасного еще продолжает существовать.

Между тем ***формирование этических и эстетических вкусов происходит прежде всего в процессе трудовой деятельности***. Культура взаимоотношений между коллегами по работе, между работником и непосредственным руководителем, между работниками и администрацией составляет основу уверенности человека в своем социальном положении. К этим формирующим вкус требованиям относятся чистота и гармония цвета в рабочем помещении, разумное его оформление, обилие воздуха, которые создают эстетическую привлекательность рабочего места, воспитывают вкус, влияют на этику поведения человека. Повышение этики и эстетики производственных отношений — это не только духовная, но и экономическая потребность, имеющая огромное значение в условиях соревнования технических идей и результатов.

Духовные потребности, функционирующие в сфере труда, предъявляют серьезные требования к производству, *вызвали к жизни промышленную (техническую) эстетику*. Эстетизация процесса производства товаров привела к развитию дизайна, стала серьезно влиять на поведение человека. В этой связи нельзя оставить без вни-

мания тот факт, что посредством товаров, выполненных в соответствии с эстетическими требованиями, формировался новый работник не только как производитель, но и как новый потребитель.

Настоятельной потребностью является ***формирование этических и эстетических вкусов и навыков поведения человека в быту, в повседневной жизни***. Это достигается пропагандой культуры общения, норм поведения, правил хорошего тона (особенно среди молодежи), форм организации и проведения свободного времени.

Если рассмотреть ***содержание этических и эстетических ценностей***, то можно сказать, что они раскрываются через осознанное отношение к действительности. Это отношение включает в себя не только эстетические ценности как таковые, но и нравственное отношение ко всему, что связано с осмыслением окружающей реальности. Прекрасное и творческое не может быть вне духовно-нравственной направленности. Будучи частью духовной жизни общества, эстетическое отношение в том или ином виде отражает и этические проблемы. Не менее важен и эмоциональный аспект этического и эстетического отношения к действительности. Истинные произведения человеческого труда (и не только в сфере искусства) заставляют переживать, поражаться той глубине проникновения в суть вещей, которой обладает творчески мыслящий человек. Эмоциональная окрашенность ценностных ориентаций неотделима от их сущности, ибо только гармония, красота могут взволновать человека, пробудить в нем стремление к совершенству.

Стремление человека к красоте — внешней и внутренней — может поддерживаться или опровергаться окружающей средой. Внешний вид наших сел, городов, рабочих поселков, оформление улиц и площадей, оснащенность предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания — все находится в таком состоянии, что говорить об оптимальности пространственно-архитектурных решений не приходится. Фактически, в реальной жизни процесс удовлетворения духовных потребностей протекает стихийно, неорганизованно. Навыки культурного общения, эстетического видения мира, нравственности в общении приобретаются людьми лишь на основе жизненного опыта. В этом отношении им слабо помогают система образования, средства массовой информации. По данным социологических исследований (Жилина, 1987), 74% черпают знания об оформлении своего быта из собственного опыта, 21,1 — из наблюдения за образцами одежды и быта знакомых, соседей, 8,5 — из рекламы, 3% — из советов продавцов магазинов. А если учесть, что только 21,8% читают литературу об одежде, жилище, устройстве

быта, то становится ясно, что организующее начало по формированию духовных потребностей крайне незначительно.

Аналогичная картина наблюдается и в *суждениях о моде*. В середине 1980-х гг. свою одежду модной считали 4,5%, лишь некоторые вещи — 59,5%. Стихийность приобщения к моде видна хотя бы из того, что представлении о ней, по мнению 70,8% опрошенных, складываются из личного общения и личных наблюдений. Только 10,7% указали на демонстрации моды как источник информации. И в то же время только 2% могли назвать лекции и беседы как возможность что-либо узнать о процессах, происходящих в моде. В этой связи справедливо говорить о ценностях моды, которые, по мнению А.Б. Гофмана (1994), разделяются на два слоя: атрибутивные, или внутренние, и депортивные, или внешние.

Одно из важнейших предназначений окружающих нас в быту утилитарных и художественных предметов состоит *в воспитании вкуса*, который проявляется и в процессе общения, и в убранстве жилья, и во время отдыха и досуга. Художественный вкус складывается под влиянием регулярного общения с миром искусства и, несомненно, облагораживает жизнь людей. Большую роль играют и идеалы, выступающие действенным стимулом развития духовного мира личности.

Однако возможность общаться с миром искусства и сам факт общения с ним — не одно и то же. При неразвитости духовных потребностей эта возможность может остаться втуне и в конце концов ограничить рамки эстетического видения мира. Так, социологические исследования в Москве показали, что многие москвичи (до 80%) в течение пяти — десяти лет не бывали в театрах, но живут с твердой убежденностью (и это им приносит моральное удовлетворение), что если они захотят, то всегда смогут это сделать.

Но даже если не говорить о высших духовных потребностях (посещение театра, филармонии, концертов), то анализ доступных форм повышения вкуса к ценностям культуры показывает, что этот процесс достаточно противоречив и вызывает сомнение в высоком качестве духовных предпочтений. Как это выглядит в жизни, показывает анализ чтения книг (табл. 24.5 и 24.6).

В формировании художественного вкуса бесспорно велика роль литературы и искусства, деятельность которых направлена на выработку художественного восприятия жизни. Они призваны ответить на волнующие человечество вопросы, мобилизовать людей на борьбу с негативными явлениями, показать красоту мира и побудить человека следовать лучшим ценностям нашей жизни. По данным

А.Н. Семашко (1985), деятелям искусства присуще внутреннее чувство высокой удовлетворенности своей профессией (73,2%) и одновременно неудовлетворенности результатами своего труда (вполне удовлетворены ими только 8,4%).

Таблица 24.5. **Какие книги вы в последнее время читаете или покупаете чаще всего?, % к числу опрошенных**

Отечественные детективы	17
Специальная литература для работы, учебы	14
Любовные романы	13
Историко-приключенческие, авантюрные романы	11
Историческая литература, биографии, ЖЗЛ, мемуары	11
Русская классика	10
Книги для детей, детская литература	10
Справочники, энциклопедии для дома, быта, кулинарные книги	9
Энциклопедии, словари, справочные пособия	8
Научная фантастика	7
Фэнтези	7
Модные бестселлеры	7
Советская классика	7
Научные, научно-популярные книги о науке, культуре, психологии, искусстве и пр.	6
Отечественные боевики	5
Западные детективы	5
Зарубежная классика	5
Новинки российских писателей	5
Стихи, поэзия	4
Переводная современная литература	2
Мемуары современных актеров, политиков, писателей и др.	2
Альбомы по искусству, фотографии, дизайну, архитектуре	2
Романы для девочек	1
Книги на иностранных языках	1
Другие	2
В последнее время не читаю и не покупаю книг	37
Затруднились ответить	2

Примечание. 2009 г., август; N = 1600
Источник. Общественное мнение — 2010. С. 133.

Суть отношений, возникающих в сфере художественной культуры, определяется умением на высоком творческом уровне отразить свершения и противоречия развития общества, показать повседневность жизни, разобраться в достижениях и неудачах. Далее, в литературе и искусстве всегда воплощалось стремление заглянуть в будущее. Дар прозрения, предвидения, понимания глубинных тенденций социального развития — вот что является высочайшим достоинством лучших произведений художественной культуры. Именно с их помощью происходило осознание многих грядущих перемен, готовился поворот в общественном сознании. И наконец, важную роль играет стремление пробудить интерес к истории культуры своего народа, его обычаям, традициям и нравам. Это реакция на забвение или утрату многовековых традиций, которыми был силен всегда каждый из народов. Однако, к сожалению, увлекаясь проблемами нынешнего дня, литература и искусство нередко страдают конъюнктурой, мелкотемьем, отсутствием последовательности в выражении своих взглядов и концепций.

Таблица 24.6. **Сколько книг имеется в вашей домашней библиотеке?, % к числу ответивших**

Варианты ответов	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*2000*	*2002*	*2005*	*2008*	*2009*
Не имею книг дома	24	28	27	32	34	30	27	24	29
До 100 книг	34	34	37	35	35	37	37	39	41
100—300 книг	21	22	21	20	18	21	21	21	17
300—500 книг	11	8	9	7	8	7	8	10	7
500—1000	6	5	4	3	3	3	4	4	3
Свыше 1000 книг	4	2	2	2	2	1	3	2	2
Число опрошенных	2400	2400	2400	2400	2400	2100	2400	2080	1600

Источник: Общественное мнение — 2010. С. 133.

Этические и эстетические идеалы постоянно подвержены изменениям, что находит отражение в новых тенденциях. Так, если в 1950—1960-е гг. властителем дум была поэзия, то в 1980—1990-е гг. на ее место стала претендовать музыка. Отказ или неумение увидеть нарождающиеся потребности привели к серьезным политическим, культурным и нравственным издержкам, усилению напряженности там, где ее могло бы не быть, а именно в вопросе о вкусах.

Снятие запретов и ограничений на виды художественного творчества в конце 1980 — начале 1990-х гг. способствовало появлению

большого числа самодеятельных театров, эстрадных групп, локальных сообществ деятелей искусства. Стали возрождаться забытые и полузабытые формы народного творчества, а вместе с ними и глубокий гуманистический смысл подлинной культуры, возвышающей человека и облагораживающей его повседневную жизнь.

Но этот процесс происходит не без издержек. Людей, как показывают исследования, глубоко тревожит нарастание бездуховности, аморализма, пропаганда ложных ориентиров, потрафление низкопробным вкусам. Обращает на себя внимание оценка ситуаций, характеризующих моральную ответственность людей (табл. 24.7).

Таблица 24.7. **Какие чувства проявились, окрепли у окружающих вас людей за последние годы?, % к числу опрошенных**

Чувство	*1990*	*1991*	*1993*	*1999*	*2003*	*2008*	*2009*
Надежда	13	20	17	10	30	41	29
Усталость, безразличие	45	35	54	52	40	27	42
Одиночество	4	5	10	5	8	7	11
Страх	29	25	26	29	15	9	19
Чувство собственного достоинства	3	4	6	3	11	18	8
Обида	15	19	15	26	18	11	16
Растерянность	23	27	22	24	18	12	22
Зависть				8	8	13	12
Отчаяние	28	26	18	37	14	8	17
Уверенность в завтрашнем дне	6	6	4	3	11	15	7
Чувство свободы		6	7	4	14	13	7
Ожесточение, агрессивность	46	32	30	37	18	15	19
Ответственность за происходящее в стране	8	5	3	2	4	4	4
Гордость за свой народ	3	6	3	2	4	8	6
Затруднились ответить	9	8	9	3	11	13	2
Число опрошенных	2500	2800	1800	2000	2000	1500	1600

N = 1600.

Источник. Данные Левада-Центра.

Эти данные показывают, что касается реального восприятия людей, а точнее — признания своих личных чувств, вызывающих тревогу или неодобрение, то видно: по большинству позиций нарастает тревога и растерянность. При этом доля тех, кто не хотел отвечать на эти вопросы, достаточно незначительна. Вместе с тем эти данные показывают, что, несмотря на некоторое расшатывание гражданских и моральных устоев, их роль как и надежда на возможное улучшение морально-нравственной ситуации в стране все еще достаточно существенны. В противоречивом сочетании, с одной стороны, в увеличении аномии, безразличия, снижения по отношению к самому себе гражданских обязанностей, а с другой — стремлении сохранить свое лицо и лицо общества, выглядеть достойно в глазах других людей, заключается один из характерных моментов взаимоотношения человека и общества в нынешней России (Горшков, 2008). К этому следует добавить, что в сознание людей мощно внедряется «игра без правил», что приводит к деформации нравственных, а затем и правовых норм. Даже те, кто, возможно, и не хотел переступить некоторые принятые рамки поведения, вынуждены это делать. В этих условиях высокий социальный статус и уровень благополучия не являются гарантией соблюдения нравственных устоев.

Говоря об этических и эстетических ориентациях, нужно сказать *о роли свободного времени*. Данные социологических исследований свидетельствуют, что важен не столько количественный рост, сколько качественное изменение методов организации свободного времени: в духовной жизни людей появились принципиально новые формы его проведения (в том числе и хобби), которых не знало предшествующее поколение (Сикевич, 1990).

В нашей стране люди имеют более 100 нерабочих дней в течение года. Каждый человек может распоряжаться этим временем по своему усмотрению. Но это, конечно, не означает, что обществу безразлично, как используется свободное время. Оно заинтересовано в том, чтобы время не растрачивалось впустую, тем более во вред человеку, а служило его интеллектуальному обогащению и физическому совершенствованию. Социологические исследования подтверждают, что характер проведения досуга наглядно показывает, на что ориентирована личность, какие ставит перед собой цели, какими потребностями руководствуются люди. Это особенно наглядно видно на примере потребления телевизионной продукции как наиболее доступной и самой действенной (цветные телевизоры, по данным Н.Е. Тихоновой, не имели по состоянию на март 2003 г.

5,4% населения, в то время как читают газеты только 20—25% населения) табл. 24.8.

Таким образом, своеобразной качественной характеристикой культуры являются эстетическое сознание и поведение, социологическое видение которых предполагает непременный анализ того, насколько знания, ценности, отношение к окружающей действительности обогащают людей, возвышают их в жизни, совершенствуют их нравственную культуру, гражданскую позицию. Стремление и попытки проанализировать феномен этического и эстетического восприятия действительности представляют для социолога значительную трудность потому, что в отличие от других видов деятельности (например, трудовой) поведение человека в сфере культуры определяется не только социальными, но и социально-психологическими факторами, которые бытуют на уровне бессознательного.

Таблица 24.8. **С каким из следующих суждений о нынешнем российском телевидении вы бы скорее согласились?, % к числу опрошенных**

Суждения	*2000*	*2007*	*2010*
Телевидение дает в целом полную и объективную картину происходящих событий	16	15	17
Из телевизионных передач можно извлечь много полезной и объективной информации о событиях в мире	51	46	51
Телевидение дает убогое и искаженное представление о событиях в мире	14	16	15
Телевидение дает ложное представление о событиях в мире, оно используется, чтобы манипулировать сознанием людей	12	13	12
Затрудняюсь ответить	8	9	5

N = 1600.

Источник: Общественное мнение — 2010. С. 177.

Вопросы и задания для повторения

1. Как определяется содержание культуры в философии и социологии?
2. Дайте определение предмета социологии культуры.
3. Почему ценностные ориентации являются основным понятием социологии культуры?

4. Какие классификации используются при характеристике ценностных ориентаций?
5. Каковы пути формирования этических и эстетических потребностей?
6. В чем заключается значение свободного времени для удовлетворения духовных потребностей?

Темы для рефератов

1. Генезис идей о культуре в жизни человечества.
2. Предмет социологии и культуры (сравнительный анализ).
3. Ценностные ориентации и их место в социологии культуры.
4. Массовая культура: плюсы и минусы.
5. Нравственная культура и ее потенциал в современных условиях.
6. Молодежная субкультура: современное звучание.
7. Роль интеллигенции в развитии культуры.
8. Эстетический идеал: сущность и современное содержание.
9. Мода и ее место в культуре.
10. Какова роль литературы и искусства в воспитании художественного вкуса?

Глава 25

Социология религии

Религия является объектом исследования ряда общественных наук, каждая из которых рассматривает ее под своим углом зрения, своими особыми методами. Так, философию религия интересует как специфическое концептуальное видение мира, особенный способ его познания. В поле зрения философии при изучении религии оказываются такие проблемы, как специфика религиозного отражения действительности, содержание религиозного сознания. Философия стремится дать ответы о природе и происхождении религии, ее гносеологических корнях, об истинности религиозных представлений.

История и ее конкретные направления (археология, этнография) исследуют формы функционирования религии, возникавшие и сменявшие друг друга в определенных социально-экономических условиях, на различных этапах развития человечества, в тех или иных странах или регионах мира. История изучает возникновение и развитие существующих и канувших в Лету конфессий, религиозных движений в жизни конкретных цивилизаций, стран и народов в общем ходе исторического процесса.

Культурология, эстетика, искусствоведение рассматривают религию как важную составляющую, как мощный пласт мировой и национальных культур, духовного наследия человечества.

Что касается социологии религии, то как научная дисциплина свои первые шаги она сделала в середине XIX в. Уже О. Контом была четко выражена мысль, что религия, представляющая собой неотъемлемую часть человеческого общества в период его возникновения, постепенно вытесняется и замещается научными знаниями.

Несколько иную точку зрения на религию высказал Г. Спенсер, рассматривая ее как один из регуляторов жизни общества в деле поддержания образцов поведения, но менее значимый по сравнению с рынком и политической деятельностью.

Э. Дюркгейм в работе «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912) обстоятельно обосновал главный тезис: религия — фактор социальной интеграции, выполняющий в обществе необходимую для его существования функцию.

К. Маркс характеризовал религию как важный социальный фактор, обладающий реальными функциями в жизни общества:

идеологической, ибо религия оправдывает существующие социальные порядки, и компенсаторной, представляющей собой «сердце бессердечного мира».

Особое место в социологии религии занимает позиция М. Вебера, который считал, что главная функция религии — функция смыслополагания, рационализации человеческой деятельности. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» он доказывает, что протестантизм способствовал рационализации экономической деятельности и воспитанию аскетизма, что идеологии протестантизма привела к вершинам хозяйственных успехов именно представителей этого религиозного направления, проповедующего воздержание, требовательность к себе и окружающим. В этой связи напрашивается сравнение и со старообрядческой ветвью православия: по данным А.П. Шихарева (1996), 2% старообрядцев дали 80% представителей купеческого и предпринимательского мира России конца XIX — начала XX в.

Социологические концепции религии развивали Б. Малиновский, А.Р. Рэдклиффмен, Т. Парсонс, Н. Луман, Р. Мертон, а в 60-е гг. XX в. Р. Белл.

В отечественной философской и социологической мысли видное место принадлежит С.Н. Булгакову, в принципе разделяющему веберовскую точку зрения на роль религии в экономической жизни. В 1920-е гг. науковедческий аспект исследования религии был заменен идеологическим подходом, в основе которого лежало рассмотрение религии как пережитка прошлого, а не как особенной формы общественной и личной культуры.

В советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, церкви было запрещено вести какую-либо самостоятельную социальную (и благотворительную) деятельность. Ее научным исследованием занимался сравнительно узкий круг ученых. В настоящее время религия оказалась в центре общественного внимания. В обществе широко используются религиозные символы и сюжеты. Ее применяют для обретения привлекательного имиджа. Религия все чаще рассматривается как фундамент подлинной морали, как незаменимое средство нравственно-духовного возрождения (Митрохин, 2000).

Исследования 1990-х гг. выявили специфику функционирования религии в условиях изменившегося общества. Они свидетельствовали о серьезной укорененности в общественном сознании идей религиозного видения мира, осмысливали феномен возросшего ее влияния, противоречивость взаимодействия светской и религиозной культур, неоднозначность и опасности экстремистских и полити-

зированных тенденций в деятельности религиозных движений (Тощенко, 2007).

25.1. Религия как социальное явление

Социологию религии интересует как ***социальное явление***, важный структурный компонент общества в самых разных его проявлениях и на разных — социальных же — уровнях. ***Предметом социологического анализа*** являются религиозное сознание и поведение, религиозные отношения, религиозные организации и движения в их взаимосвязи как между собой, так и с другими компонентами общества в контексте конкретных социально-экономических реалий.

Но, исследуя состояние религиозного сознания, социология религии не берется отвечать на вопрос об истинности или ложности тех или иных положений вероучения, религиозных догм (существует ли Бог, загробный мир, Божественное провидение, предопределение и т.п.), о степени адекватности отражения религиозным сознанием действительности. ***Религиозное сознание*** изучается как социальный факт, как одна из реально существующих форм мировоззрения, социальных норм и ценностей в том аспекте, в каком оно выступает регулятором социального поведения личности, группы, больших масс людей.

Религиозный опыт (в трудах многих современных социологов часто используется термин «религиозная практика») также изучается социологией не с точки зрения его канонического содержания и предназначения, а как элемент конкретной религиозной структуры, как одна из форм поведения и общения, эмпирически наблюдаемого и фиксируемого проявления людьми взглядов и религиозных убеждений, организующего начала социальной жизни больших и малых человеческих сообществ.

Когда мы говорим о религии как о ***социальном институте***, мы имеем в виду, что она предстает как реально существующая подсистема общества, им порожденная и в свою очередь оказывающая влияние на его развитие, на сознание и взаимоотношения людей на разных уровнях — от индивидуального и межличностного до глобального, в масштабах всего человечества. Религиозное сознание, составляющее стержень религии (как религиозная идеология, вероучение, теология, так и массовое религиозное сознание), определяя поведение людей, воздействуя на него, становится социальным фактом и в этом своем качестве (и только в этом) является предметом социологического исследования. Социология религии исследует распространенность религиозного сознания в обществе (религиозность

группы, социального слоя, населения), а также степень влияния религии на общественные процессы, его конфессиональные варианты, его внутреннее содержание в таких аспектах, которые позволяют судить о тенденциях и динамике его развития под влиянием изменений, происходящих в обществе.

Особо следует отметить то, что ***религия является специфической формой культуры*** со своими ценностями, которые в значительной степени коррелируют с нравственными установками, с общепринятыми нормами и правилами, одновременно распространяя определенные эталоны поведения. Возникновение, существование и эволюция религии детерминированы определенными общественными условиями прошлого и настоящего, а в религиозных представлениях, образах, вероучительных текстах специфическим способом закодированы определенные типы общественных отношений, нормы и правила человеческого общежития. В разных конкретно-исторических условиях эти коды способны актуализироваться по-разному, чем объясняется тот факт, что весьма различающиеся по своему содержанию и направленности действия людей нередко мотивируются одними и теми же предписаниями.

Религия не существует в обществе в изолированном, самодостаточном состоянии. Она тесно включена в общественные структуры, переплетаясь и взаимодействуя с другими сферами и формами жизнедеятельности: политикой, экономикой, культурой, правом и другими, часто проявляясь и функционируя словно на «чужой» территории, оказывая в зависимости от конкретно-исторических условий то большее, то меньшее влияние на эти сферы.

Это воздействие религии на общество и происходящие в нем процессы реализуется через *ее структуру* (*культовые учреждения, религиозные организации, объединения верующих*), *религиозную идеологию и массовое религиозное сознание*. Все эти компоненты структуры религии и их взаимосвязи с другими элементами жизни общества имеют социальные измерения и доступны как теоретическому анализу, так и эмпирическому наблюдению и как таковые становятся предметом социологического исследования.

25.2. Уровни религиозности

Как и другие специальные социологические теории, социология религии исследует свой объект на двух уровнях — теоретическом и эмпирическом.

На ***теоретическом уровне*** предметом исследования являются религия как социальная подсистема, ее социальная природа, место и

роль в обществе, социальные функции, ее внутренняя структура и взаимосвязь составляющих ее элементов, происходящие в ней процессы и изменения.

Теологическая трактовка религии как божественного откровения, которой придерживается и часть конфессионально ангажированных социологов, делает бессмысленным и невозможным социологическое изучение религии на теоретическом уровне. Научное же изучение религии начинается с признания ее порождением определенного уровня развития человечества, а также с анализа ее функций. Что касается человека, то роль религии проявляется для него в определении смысла жизни и идентичности. Важны также функции социальной интеграции и сакрализации культурных, главным образом этических, ценностей (Гараджа, 1996).

На *эмпирическом уровне* социологического анализа предметом исследования становятся религиозное сознание и поведение больших и малых групп, общественное мнение о религии и церкви, деятельность религиозных организаций и движений, конфессионально ориентированных политических партий, отношение к религии различных групп населения, ее воздействие на поведение людей во всех сферах общественной жизни. На этом уровне *ключевыми понятиями, доступными операционализации*, являются религиозность, ее уровень, степень, характер, динамика, состояние религиозного сознания, религиозное поведение, религиозная группа (община, объединение верующих).

Под ***религиозностью*** понимается «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» (Угринович, 1985) их приверженность к религии, принятие ее вероучения и предписаний. Под ***уровнем религиозности*** принято понимать соотношение респондентов, обладающих признаком религиозности, со всей совокупностью опрошенных.

Что касается ***структуры религиозности***, то на первый план выходит интерпретация таких характеристик, как конфессиональная определенность, особенности, наложенные своеобразием исторического периода, национальной спецификой, социальным контекстом. Согласно социологической информации, принадлежность к той или иной религии на рубеже XX — начала XXI в. достаточно противоречива и своеобразна (табл. 25.1).

Итак, как видно из таблицы, религиозный бум первых пореформенных лет проходит. Ситуация становится стабильной: приостановился рост числа людей, относящих себя к верующим. Разумеется, религиозная самоидентификация населения оставляет открытым

вопрос о степени, глубине религиозности, предполагающей единство убеждений и поведения. Более того, исследования показывают, что большинство верующих молятся лишь иногда, исполняют лишь некоторые религиозные обряды, отмечают лишь отдельные религиозные праздники, причем само содержание веры у них в значительной мере лишено определенности — нередко религиозные идеи сосуществуют с мистикой, верой в магию, колдовство, астрологию и т.д. Данные социологических исследований свидетельствуют, что соотношение религиозного и нерелигиозного населения приняло устойчивый характер и составляет примерно 2:1. В конце 1990-х гг. уровень религиозности стабилизировался. Инерция «религиозного ренессанса» исчерпана, и церковь уже не может принять тех, кто в силу различных запретов «не шел по дороге к храму».

Таблица 25.1. **Мнение респондентов о том, какую религию они исповедуют, % к числу опрошенных**

Период	*Неверующий*	*Православие*	*Ислам*	*Другая*	*Верю в существование сверхъестественной силы, но ни к какой церкви не принадлежу*
1995 январь	32	48	5	1	14
1996 май	33	48	7	0	12
1998 декабрь	24	55	7	1	13
2000 декабрь	27	49	9	2	13
2003 октябрь	23	60	5	2	10
2005 сентябрь	22	59	7	2	9
2008 июнь	19	65	5	2	9
2010 декабрь	21	61	7	2	9

Источник. Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В абсолютных цифрах это выглядит следующим образом: 50—55 млн россиян относят себя к православию, 15—18 млн — к ра-

личным формам протестантизма и католицизма, 10—12 млн — к исламу. К этим данным следует добавить и такой расчет: если в 1994 г. соотношение христианской и мусульманской религий оценивалось как 17:1, то в 2005 г. оно стало 5:1, ибо деторождаемость среди мусульманских народов выше, а смертность в 1,5 раза ниже, чем у православных. Все это ведет к тому, что возможно коренное изменение в этноконфессиональном составе России.

В то же время число людей, заявляющих о своей конфессиональной принадлежности, оказывается существенно больше тех, кто относит себя к верующим (примерно 20%). Очевидно, что *религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии.* В то же время известно, что самооценка не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческой позиции человека.

Обратим внимание на то, что в России помимо православия, ислама, католицизма, протестантизма и иудаизма существует значительное число различных религиозных течений. Образовавшийся после краха социалистической идеологии вакуум заполняется не только ценностями «цивилизованных» религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и труднообъяснимыми миссионерскими и изуверскими учениями. Особую тревогу вызывает оголтелая экспансия многочисленных квазирелигиозных образований (культов, нетрадиционных религий, тоталитарных сект): «Церковь унификации», «Общество сознания Кришны», «Церковь сайентологии» и др. Применяя изощренную психотехнику, культы губительно влияют на людей и их индивидуальное сознание, превращая своих последователей в роботов. Аналогичные группы возникли и на почве православия («Великое белое братство», «Богородичный центр», «группа Виссариона» и др.). Однако в обыденном сознании при помощи средств массовой информации господствуют самые дилетантские представления о таких новообразованиях, как «Белое братство», «Аум синрикё» и подобных объединениях, имеющих криминальный оттенок. И наконец, получили распространение причудливые эклектические образования — культ НЛО, астрология, магия, колдовство и т.д.

Подобное отношение к религиозной практике, характерное для многих развитых стран, свидетельствует о сложности и неоднозначности процесса, который нередко обобщенно называют «религиозным ренессансом». Можно полагать, что в новом столетии вопросы

веры и неверия будут решаться не под влиянием моды, а естественным путем и станут делом свободного и осознанного выбора. Это крайне важно для российского общества, где существует около 60 конфессий и где многие члены общества — неверующие, а также безразлично относящиеся к религии или не определившиеся в своих мировоззренческих исканиях (Мчедлов, 2001).

Согласно официальной статистике, рост религиозных общин в 1990—2000-е гг. характеризуется следующими данными (табл. 25.2).

Таблица 25.2. **Динамика зарегистрированных религиозных организаций в РФ (на начало года)**

Религиозные организации	*1992*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*2000*	*2011*
Всего	4846	9824	11 532	13 072	14 688	17 427	23 848
В том числе:							
Русской Православной Церкви	2880	5559	6 414	7 195	8 002	9 236	13 265
Исламские	1216	2037	2 294	2 494	2 738	3 098	4 201
Организации Евангельских христиан-баптистов	264	550	622	677	717	807	852
Буддистские							217
Иудаистские							282

Источник. *Россия* в цифрах, 2011. С. 64—65. Более подробные данные о всех формах и видах конфессиональной принадлежности даны в этом же выпуске сборника, в котором перечислены 59 верований.

Весьма своеобразны процессы, характеризующие ***степень религиозности***. В отличие от структуры религиозности, когда фиксируется только сам факт наличия определяющего признака, понятие «степень религиозности» отмечает интенсивность проявления этого признака (сильная или слабая вера в сверхъестественное, в Бога, постоянное или эпизодическое посещение богослужений). Нетрудно заметить, что возможны случаи, когда исследования показывают одинаковый уровень религиозности на разных объектах, но разную степень ее проявления, т.е. глубины религиозного сознания и переживаний, интенсивности соблюдения религиозных предписаний. (табл. 25.3)

Что касается, например, православия, то люди, объявившие себя причастными к нему, мало изменили свою включенность в церковную жизнь (табл. 25.4).

Таблица 25.3. **Насколько вы религиозны?, % к числу ответивших**

Варианты ответов	
Очень религиозен (на)	4
Довольно религиозен (на)	19
Не слишком религиозен (на)	56
Совершенно не религиозен (на)	16
Когда как	3
Затруднились ответить	2

Источник. Общественное мнение — 2009. С. 138.
N = 1600, май 2009 г.

Таблица 25.4. **Посещение церковных служб, % к числу опрошенных**

Регулярность посещений	*1991*	*1993*	*1995*	*1997*	*2002*	*2007*	*2010*
От одного до нескольких раз в месяц	5	5	6	5	8	8	10
От одного до нескольких раз в год	20	35	30	16	18	34	29
Реже	—	—	—	14	15	18	12
Не посещали	65	45	63	62	59	39	45
Число опрошенных	3000	200	1700	2400	2100	1600	1600

Примечание. Доли затруднившихся ответить не приводится.
Источник. Данные ВЦИОМ; *Общественное мнение — 2002.* М., 2002; Общественное мнение — 2010. С. 179.

Данные табл. 25.4 ставят под сомнение существование провозглашенного религиозного ренессанса и, скорее, позволяют рассматривать ситуацию как изменение отношения государства и общества к религии, признание ее роли в поддержании нравственных норм, отказ от проявления агрессивной нетерпимости к верующим.

Говоря о ***качестве религиозности***, отметим следующее.

1. Под воздействием изменившейся ситуации *появляется категория приписчиков*, «зачисливших» себя в религию под влиянием

общественной моды: некоторые люди поступили так потому, что так принято. В результате того, что слово «верующий» становится все более нормальным, респектабельным, а слово «атеист» — неприличным, мы имеем дело с весьма интересным и специфическим явлением: атеизм «очищается» от тех, кто считал себя ранее неверующим скорее всего из конформистских соображений, а вера «замутняется», ибо к ней примыкают отнюдь не только в связи с изменившимся мировоззрением (Фурман, 1995).

2. Качество религиозности проявляется в таком специфическом явлении, когда религия понимается не столько в религиозном смысле, сколько в социально-утилитарном как средство поддержания культуры и морали. Высоко оценивая эти черты религиозного учения, многие люди обращают внимание на то, что религия полезна для общества, для поддержания нравственности, что говорит, скорее, об их приверженности идеям гуманизма.

3. Происходит весьма своеобразный, но реально существующий *процесс индивидуализации веры*, когда люди, придерживаясь веры и искренне разделяя ее основные положения, приспосабливают ее к своему личному мировосприятию. В результате одни люди придают большое значение одним актам религии, другие — другим, одни склонны отмечать одни праздники и соблюдать одни ритуалы, а другие выделяют для себя другие даты и придают значение иным ритуалам. Этот процесс отражает весьма многообразная оценка существования Бога и соответственно степень доверия к церкви, к религиозным организациям (табл. 25.5).

В современном российском обществе проблемы качества и степени религиозности обсуждаются на весьма поверхностном, морализаторском уровне, когда идеализируется история церкви, вычеркивается богатое материалистическое и антиклерикальное наследие, насаждаются новые мифологемы по принципу «все наоборот» (Митрохин, 2000).

Наиболее общей характеристикой религиозности исследуемого объекта (от малой группы до общества в целом), в которой в качестве переменных учтены все названные характеристики, является понятие ***«состояние религиозности»***. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании в течение определенного периода времени, фиксируемую на момент исследования. Для раскрытия состояния религиозности на исследуемом объекте нужны данные более широкого и глубокого типа, чем результаты опроса (особенно когда речь идет о состоянии религиозности в стране, крупном этническом регионе и т.д.). Здесь должны быть уч-

тены процессы, происходящие в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии, конфессиональная структура населения, направленность, характер и интенсивность деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую среду. Именно такой подход и позволяет более реально оценить состояние религиозности в России и усомниться в существовании религиозного бума.

Таблица 25.5. **Какое из перечисленных высказываний точнее всего отражает ваше представление о существовании Бога?, % к числу опрошенных**

Степень веры	*1991 июнь*	*1998 сентябрь*	*2008 январь*	*2009 февраль*
Я не верю в существование Бога	18	19	10	6
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании	18	11	9	8
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу	18	13	11	11
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю	11	12	14	13
Я верю в существование Бога, хотя иногда испытываю сомнения	15	16	21	21
Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений	14	24	32	36
Затруднились ответить	5	5	4	5
Число опрошенных	3000	1700	1600	1600

Источник: Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2010. С. 138.

К этому понятию близко и понятие «***религиозная ситуация***», которое в социологических публикациях часто используется как синоним состояния религиозности. Однако между ними имеются и некоторые различия. Понятие «религиозная ситуация» фиксирует религиозность как явление более конкретное, более локализованное во времени и пространстве, в его содержании большее значение имеет характеристика деятельности религиозных организаций и верующих. Именно исходя из такого подхода *современную религиозную ситуацию можно определить как ситуацию неопределенности.*

Социология религии не ограничивается изучением религиозного феномена в чистом виде. Отношение людей к религии неодинаково,

оно может меняться в течение жизни, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы, меняющихся жизненных обстоятельств, идеологического воздействия. Поэтому социология религии исследует весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) до неверия и атеизма.

Особый интерес представляет ***анализ объединений верующих*** — религиозных общин, а также таких специфических социальных групп, как служители культа, слушатели духовных учебных заведений, а также деятельность религиозных организаций и учреждений. В любой религии они выполняют функцию организующего начала, осуществляют контроль за образом жизни своих членов, обеспечивают пропаганду и распространение вероучения, привлечение новых членов (миссионерство, прозелитизм), организуют не только религиозную, но и социальную жизнь своих последователей. Социологию в этом случае интересуют прежде всего их функции, процесс их изменения и согласования с окружающей реальностью.

Предметом изучения в таких исследованиях являются ***состояние, организация и динамика религиозной жизни***: социальные, политические и духовно-нравственные ориентации верующих и духовенства, характер связи общины с внешним миром, со светскими властными, социальными и культурными структурами, с миром бизнеса. Во многих случаях религиозная община выступает для верующих их непосредственной социальной средой, где они реализуют не только свою причастность к вере, но и социальную активность, культурно-познавательные интересы, удовлетворяют потребность в общении, сопереживании и т.д. Исследования подобного рода требуют предварительного согласования и установления доверительных отношений с руководством и активом общины, с верующими.

Большой и ценный материал дают изучение и анализ документов, контент-анализ церковной прессы и публикаций о религии в светских средствах массовой информации, изучение архивных материалов, которые позволяют найти «точку отсчета» при исследовании изменений религиозного феномена.

Одной из важных методологических проблем, которые встают перед социологом-религиоведом, является ***достоверность информации о религиозности***, получаемой социологическими методами. А если ставить вопрос шире, в более общем плане: возможно ли вообще познание религиозного феномена без погружения в него, т.е. не будучи человеком верующим, не имея собственного религиозного

опыта? Со стороны религиозных исследователей можно встретить утверждения, что только верующему человеку, исповедующему истины своей религии, доступно и научное ее познание. Однако большинство социологов отвечают положительно на вопрос о возможности и достоверности познания религии социологическими методами, поскольку исследователь решает вопрос не об истинности или ложности религиозного опыта индивида, а, принимая религию за социальную данность, изучает степень и характер ее влияния на общественную жизнь, на общественное, групповое и индивидуальное сознание и поведение, видит в ней один из типов социальной ориентации, определенную модель образа жизни.

К этой проблеме примыкает и другая: ***что считать критериями религиозности.*** Некоторые социологи (например, последователи французского католического социолога Г. Ле Бра) считают, что, изучая религию, социолог может достоверно наблюдать и фиксировать только факты внешних проявлений религиозности, религиозного поведения, участия в отправлении культа (религиозную практику). Религиозного же сознания он касаться не должен, поскольку рискует оказаться во власти не реальных фактов, а субъективных высказываний. Определенные основания для такого скептического подхода есть: социологическая анкета часто оказывается слишком грубым инструментом для проникновения в сознание, искренность ответа целиком зависит от позиции опрашиваемого, а наблюдаемые факты религиозного поведения ситуативны: они либо есть, либо нет.

Но здесь возникает другое, не менее серьезное опасение, что акты религиозного поведения, взятые изолированно от сознания индивида и абсолютизированные, могут нарисовать недостоверную картину. Человек может посещать церковь, участвовать в богослужениях, исполнять религиозные обряды и предписания вероучения, не будучи верующим и не испытывая при этом религиозных чувств, а по привычке, в силу принятого в данной среде стереотипа поведения, под давлением ближайшего окружения или по каким-то другим соображениям, например карьерным или популистским. И тогда из полученных данных нельзя делать никаких других выводов, кроме констатации самих фактов религиозного поведения.

Но и обращение только к сознанию людей, религиозные или нерелигиозные признаки которого могут фиксироваться лишь по их высказываниям, без учета поведения тоже может привести к получению недостаточно достоверной информации. По каким-то причинам человек может скрывать свою религиозность, подлинные мотивы

своего поведения или же, наоборот, представлять себя верующим, приверженцем конкретной конфессии, сам при этом сознавая, что таковым не является.

Проведенные исследования свидетельствуют, что подобные искажения информации, когда речь идет о такой тонкой, глубоко интимной стороне духовного мира человека, как его отношение к религии, не так уж редки. Но эти же исследования, сравнение результатов, полученных на разных объектах, анализ их данных на логическую непротиворечивость позволяют утверждать о надежности и достоверности получаемой информации, о принципиальной доступности религиозного феномена изучению социологическими методами. Выход — в комплексной фиксации признаков сознания и поведения, соотнесении их друг с другом, постановке контрольных вопросов и построении в исследовательской процедуре такой модели сочетания этих двух рядов признаков, которая позволяла бы достоверно судить о религиозности или нерелигиозности людей.

25.3. Теория и практика секуляризации

Секуляризация означает обмирщение: то, что было достоянием веры и церкви, становится со временем от них независимым, светским. В истории Европы это коснулось первоначально церковной собственности и власти духовенства, а позже, начиная с эпохи Просвещения, этот процесс распространился и на духовную сферу, науку, культуру, образование.

Общеизвестно, что изменения, происходящие в религии на протяжении Новой истории, начиная с XV—XVI вв. выражают общую тенденцию уменьшения влияния религии в обществе и в жизни отдельного человека. Религия становится как бы менее нужной им. Чтобы преодолеть вырастающую «стену отчуждения» между нею и изменившимся миром, церковь вынуждена идти на компромисс, приспосабливаться к изменившимся условиям, вносить коррективы в вероучение, принимать социальные и этические доктрины, изменять формы организации и методы деятельности. Для обозначения явлений такого рода применяются два понятия — ***секуляризация*** (изменения во взаимоотношениях религии с обществом) и ***модернизация*** (изменения в самой религии, продиктованные стремлением повернуть церковь «лицом к миру», идти в ногу со временем). Эти понятия тесно связаны и дополняют друг друга (Гараджа, 1996).

Термин «секуляризация» в этом значении был использован в 1646 г. французским посланником Лонгвилем на переговорах,

предшествующих заключению Вестфальского мира, и подразумевал удовлетворение интересов победивших держав за счет конфискации монастырских владений. Секуляризация церковного имущества широко практиковалась европейскими монархами в XVII—XVIII вв., а также в России, например Петром I и Екатериной II. Наиболее радикальный шаг в этом направлении был сделан в самом начале Великой французской революции, когда по предложению Талейрана Национальное собрание 2 ноября 1789 г. приняло краткое решение: «Все церковное имущество находится в распоряжении нации». Это означало конфискацию церковного имущества, закрытие монастырей.

В дальнейшем секуляризация стала трактоваться еще шире — как освобождение мирских дел от религиозного контроля. В XVII в. начинается секуляризация науки (Галилей, Декарт, Бэкон, Гоббс, Локк). Теология перестала считаться «царицей наук». Мировоззрение стало допускать не только религиозное объяснение мира. Когда Наполеон спросил Лапласа о том, где место Бога в его концепции, тот ответил, что он не нуждается в этой гипотезе. Постепенно в общественном сознании крепла убежденность, что религия не может быть «путеводителем» человека при решении жизненно важных для него проблем.

В самом общем плане под ***секуляризацией*** понимается *процесс высвобождения из-под влияния религии различных сторон и аспектов жизнедеятельности общества и личности, вытеснение религии из всех сфер общественной жизни светскими формами организации труда, культуры, политики и повседневности*. Этот процесс носит объективный характер, он наблюдается во всем мире, затрагивает все религии и может рассматриваться как одна из закономерностей общественно-исторического развития.

Но является ли процесс секуляризации необратимым? В настоящее время признано, что секуляризация имеет большое значение и является характерной чертой современного общества. Однако трактовка причин и последствий секуляризации весьма разнообразна. Имеется несколько теорий секуляризации.

1. ***Секуляризация воспринимается как утрата священного и угроза социальному порядку и согласию*** (П. Бергер).

С одной стороны, речь идет о таких явлениях, как отделение церкви от государства, создание светского образования, потеря интереса к религиозным сюжетам в искусстве, завоевание наукой самостоятельности по отношению к теологии и т.д. В этих условиях происходит не только секуляризация общества, его институтов, но

и секуляризация сознания. Секуляризация на уровне социальной структуры (*объективная секуляризация*) имеет подобие на уровне сознания индивида (*субъективная секуляризация*): обычный человек, человек с улицы, становится во все большей степени безразличным к религии. Его повседневная жизнь исключает необходимость обращения к церкви, он постоянно переносит на потом обязанности, связанные с церковной жизнью, а то и вовсе забывает о них. Религия все меньше влияет на семейную жизнь, становясь в здесь «антикварной» вещью. В политике человек руководствуется сегодня мотивами, далекими от религиозной веры.

С другой стороны, секуляризация ведет к представлению о том, что нет ничего «святого», абсолютные ценности становятся относительными и условными, и это ведет к кризису — утрате смысла, аномии, дезориентации человека (табл. 25.6).

Таблица 25.6. **В какой мере сегодня заслуживают доверия церковь, религиозные организации?, % к числу опрошенных**

Ответы	*1993*	*1995*	*1997*	*1999*	*2002*	*2005*	*2007*	*2010*
Вполне заслуживают	57	37	37	37	40	44	41	54
Не вполне заслуживают	15	18	19	20	23	23	19	24
Совсем не заслуживают	2	9	11	12	12	11	12	6
Затруднились ответить	25	36	33	31	26	22	27	17
Число опрошенных	1600	2550	2400	2400	2100	2100	2100	1600

Источник: Общественное мнение — 2010. С. 178.

2. *Секуляризация трактуется как вытеснение религии наукой, рациональным мышлением, светской этикой.* Эта точка зрения является самой распространенной в современном обществе. Происходит процесс демифологизации и секуляризации сознания, при которых область сверхъестественного существенно сокращается. В результате появляется новый тип верующего, который соединяет в себе достаточно противоречивые, а порой и парадоксальные убеждения (Мчедлов, 2002).

3. *Секуляризация трактуется как эволюция религии и ее видоизменение в ходе социальных перемен.* Согласно этой позиции, религия

имеет существенные резервы своего развития, и даже более того — способствует, как утверждает американский социолог Р. Белл, дальнейшему прогрессу общества.

В течение десятилетий, практически в течение всего послереволюционного периода, религия в России находилась в ситуации *выживания*, в которую она была поставлена социально-экономическими и социально-политическими обстоятельствами, приведшими к ее постепенному вытеснению из общественной жизни, к ослаблению ее влияния, к уменьшению связей с окружением и к отходу от нее значительного числа людей, к существенному сокращению ее воспроизводства в новых поколениях. В состоянии выживания религия была поставлена и субъективными факторами — политикой, проводившейся государством и КПСС, направленной на форсированное ее преодоление как явления, чуждого социалистическому образу жизни и мешающему решению задач коммунистического строительства. Атеизм был превращен в символ новой веры, что порождало новые формы нетерпимости, не преодолевало, а лишь подогревало религиозный фанатизм, препятствовало консолидации общества.

Годы постсоветской России существенно изменили религиозную ситуацию. В процессе демократизации были устранены многие деформации недавнего прошлого в решении религиозного вопроса. Религиозные организации получили право юридического лица, право обладания собственностью, полную свободу пропаганды своих вероучений. Государство возвратило церкви значительную часть изъятых у нее храмов, монастырей, церковной утвари.

Существенно возрос общественный престиж религии и церкви. Изменился в их пользу настрой общественного мнения. Поддержку и одобрение как государственных органов, так и общественности встречает деятельность религиозных организаций на ниве благотворительности и милосердия. Небывалый размах в средствах массовой информации получили предание гласности материалов о деятельности различных конфессий и собственно религиозная пропаганда. Значительно возросло число участников богослужений, различных религиозных празднеств и церемоний, причем среди них немало людей нерелигиозных. В общественном сознании приобрел массовый характер интерес к религии и церкви, их месту и роли в истории и культуре народов России, резко вырос спрос на религиозную литературу. В различных слоях общества наблюдается обращение к религии людей, бывших ранее неверующими или даже атеистами. Но в то же время анализ диалектики религиозной ситуации в России показывает, что *если собственно религия как мировоззрение и мироощущение, как область интимной веры исчерпала ресурсы своего*

расширения, то возможности социального и нравственного воздействия на образ жизни, ее общественная значимость остаются весьма важными и значимыми.

Серьезно изменившаяся за относительно короткий срок религиозная ситуация ставит ряд вопросов, которые нуждаются в рассмотрении и ответе.

Насколько достоверны и обоснованны были выводы из результатов проводившихся социологических исследований, позволяли ли они предвидеть такое резкое изменение взаимодействия общества и религии?

Какие теоретические положения отечественного религиоведения (в том числе социологии религии) не выдержали критики временем, а какие продолжают сохранять научную ценность? Чем объясняется такое резкое изменение отношения общества к религии, насколько оно глубоко и устойчиво? Какое влияние этот процесс оказывает на общественную жизнь, каковы перспективы и прогнозы его развития?

Современная религиозная ситуация характеризуется следующим.

Во-первых, высвободившиеся из-под влияния и произвола все без исключения религиозные конфессии приступили к восстановлению и широкому использованию прав на истинное следование свободе совести. *Во-вторых*, среди населения вырос интерес к религиозным верованиям, хотя этот интерес для многих продиктован скорее влиянием моды, чем проникновением в суть религиозного учения. *В-третьих*, интерес к пробуждающемуся религиозному сознанию плечо в плечо идет с возрождением народных обычаев, традиций, празднований и ритуалов. *В-четвертых*, развитие современного религиозного сознания сопровождается оживлением мистических верований, оккультизма и других явлений, граничащих с шарлатанством. В этом смысле общество повторяет уже знакомые в истории периоды Смутного времени, когда различные виды мистики выходили на историческую арену.

Наблюдение за судьбами религии в современной России, странах СНГ и Восточной Европы позволяет внести определенные коррективы в сложившиеся представления об этом процессе. Прежде всего, жизнь показала, что он не носит прямолинейного, необратимого, однозначно поступательного характера. В зависимости от конкретных общественно-исторических обстоятельств возможно его замедление и даже регрессивное развитие, сопровождающееся усилением влияния религии в обществе, ростом ее общественного престижа и религиозных настроений, сакрализацией прежде высвободившихся или почти свободных от религиозных санкций сфер общественной жизни, проявлениями клерикализма.

Но новые явления в современной религиозной ситуации не отменяют, а, наоборот, обостряют проблему консолидации общества на платформе его обновления, что предполагает сотрудничество и единство верующих и неверующих, нормальные государственно-церковные отношения. В этих целях восстанавливаются гуманистические принципы отношения к религии и церкви, определяемые интересами укрепления единства всего народа. В частности, стали реальностью участие церкви в общественных процессах, ее позитивный вклад в отстаивание дела мира.

На первый план в социологии религии выходят сегодня три круга вопросов. Первый касается отношения к религии, понимания ее роли в истории и современном мире, т.е. *религиоведческая проблематика, научное объяснение религиозного феномена*; второй — *мировоззренческая проблематика*, этика, философское учение о человеке, третий — широкий спектр *нравственно-правовых проблем*, центральное место среди которых занимает диалог государства, общества и религии, верующих и неверующих, использование их совместных усилий в деле сохранения и приумножения гражданских ценностей населения страны.

В этой связи возникает масса вопросов, когда представители всех основных мировых религий, в том числе и православия, претендуют на роль нравственных скреп общества, на роль представительства всего населения. Только православная церковь выросла в 1985—2010 гг. с 5300 до 31 200 церквей, с 18 до 790 монастырей. Как отмечает В. Иноземцев, строительство новых храмов идет куда быстрее, чем родильных домов, детских садов и школ. Церковь получила в свое распоряжение огромные материальные богатства, в большинстве случаев освобождена от налогов. По экспертным оценкам, доходы РПЦ исчисляются 400—500 млн долл. в год. Если говорить только об этих данных, то можно было бы радоваться за церковь. Но как объяснить то, что так называемый религиозный ренессанс никак не повлиял и даже усугубил ситуацию, которая не была присуща советской России: в стране ежегодно совершается более 46 тыс. убийств и 39 тыс. самоубийств, число неполных семей достигло 22% их общего количества, армия наркоманов исчисляется в 2,2 млн человек, около 180 тыс. вовлечены в проституцию. Возникает законный вопрос: почему при росте религиозности нравственность не возрождается, а, наоборот, деградирует, несмотря на многочисленные призывы иерархов церкви? Не потому ли началось уменьшение веры в христианские и другие ценности, а политика официальной церкви критикуется даже отдельными священнослужителями?

Таким образом, изменение содержания, тона и характера религиозных отношений, мировоззренческих приоритетов людей и их реального конфессионального поведения требует всестороннего, взвешенного анализа всей противоречивости и даже парадоксальности ситуации в стране, еще недавно бывшей атеистической, а сейчас претендующей на религиозное обновление и нравственное очищение при огромном росте пороков, девиаций и мракобесия, подрывающих духовное богатство личности и общества.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте определение предмета социологии религии.
2. Какие ключевые понятия использует социология религии?
3. Каков современный уровень религиозности в России? В чем причины усиления и ослабления интереса к религии?
4. Что такое уровень и степень религиозности?
5. Что входит в понятие «структура религиозности»?
6. Каковы причины возникновения оккультных и мистических организаций?
7. Расскажите о типах (видах) секуляризации.

Темы для рефератов

1. Сравнительный анализ роли религии в Средние века и Новейшее время.
2. Предмет социологии религии.
3. Социологические теории религии.
4. Секуляризация и формы ее проявления.
5. Основные положения мировых религий современности: христианства, ислама, буддизма.
6. Мистические учения и их характер.
7. Сектантство: сущность и причины.

Раздел VI

Социология управления

Глава 26 Социальное предвидение

Глава 27 Социальное прогнозирование

Глава 28 Социальное планирование

Глава 29 Социальное проектирование

Глава 30 Социальное программирование

Глава 31 Социальные технологии

Данный раздел посвящен анализу механизма изменений, в одинаковой мере актуальному как для теории и методологии социологии, так и для всех специальных (отраслевых) направлений социологической науки. Механизм регулирования присущ всем без исключения областям деятельности людей, имманентен ей.

Долгое время проблемы управления разрабатывались другими науками. И только когда социальные проблемы стали чрезвычайно актуальными, неотложными, объективно потребовалось включение социологии в обоснование управленческих решений. Именно это вызвало к жизни многочисленные эксперименты, апробацию новых форм управления, учитывающих социальные факторы, возможность рационально организовать деятельность людей. Приход социологии в науку управления знаменовал поиск глубинных ресурсов, резервов второго и третьего порядка, многие из которых напрямую зависели от общественного сознания и поведения людей.

Проблемы социологии управления начали особенно интенсивно разрабатываться в начале XX в. и обычно связываются (как с начальной стадией) с именами Ф. Тейлора, Г. Форда, А. Файоля, Г. Эмерсона, П.М. Керженцева, А.К. Гастева и других исследователей и организаторов производства, которые наряду с решением технико-экономических проблем обстоятельно анализировали и некоторые социальные аспекты управления. Особое место занимает *А.А. Богданов* (1873—1928), труд которого «Тектология. Всеобщая организационная наука» стал предтечей кибернетического подхода к управлению.

Современная социальная реальность требует новых форм и методов управления, что в первую очередь связано с избавлением от изживших себя методов руководства, от формализма, догматизма, слепого копирования чужого опыта. Новые формы управления апробируются на практике, в жизни и только в этом случае могут претендовать на существование. В этой связи следует отметить, что ***управление призвано преследовать стратегические цели.*** Если избрать концепцию *догоняющего развития*, то она сводится к повторению и копированию уже накопленного опыта. Слепое повторение, как это было сделано в России в 1990-е гг., обедняло и торпедировало многие назревшие реформы, так как они осуществлялись исходя из чужих возможностей и иных резервов. Если же ориентироваться на концепцию «*догонять, опережая*», то усилия концентрируются на реализации перспективных целей на базе освоенных новейших технологий, информационного обеспечения и национальных традиций, как это было сделано в молодых государствах тихоокеанского бассейна и в известной мере в Турции и Финляндии. Есть еще стратегия «*лазерного луча*», используемая в Японии, когда, избрав определенные цели и при опоре на ведущие сегменты рынка и общества, сконцентрировали силы на соответствующих технологических цепочках, достигая максимума эффекта в сжатые сроки.

С учетом многообразия и сложности такого явления, как управление, в научной литературе существует несколько вариантов его анализа.

Исторически первым в современной отечественной науке был анализ, осуществленный в 60—80-е гг. XX в. академиком *В.Г. Афанасьевым* (1922—1994), который, опираясь на наследие А.А. Богданова, предложил рассматривать управле-

ние через его функции: выработка и принятие решения, планирование, организация, регулирование, учет и контроль, образующие управленческий цикл. *Вторую группу* работ об управлении образуют исследования и анализ организационной деятельности руководителя и его взаимоотношений с подчиненными (В.С. Дудченко, Вал.Н. Иванов, В.Н. Князев, Ю.Д. Красовский, О.М. Омаров, А.И. Пригожин, А.В. Филиппов, В.В. Щербина и др.). *Третьей группе* присущ функциональный подход, согласно которому внимание сосредоточивается на формах и методах регулирования социально-экономических, социально-политических и социально-культурных процессов (Ю.П. Аверин, П.Н. Лебедев, Г.Х. Попов, В.М. Шепель, Г.М. Шмелев и др.). Еще *одна группа* работ посвящена анализу зарубежного и исторического опыта управления (Д.М. Гвишиани, Ю.П. Васильев, Э.Д. Вильховченко, А.И. Кравченко, В.И. Терещенко и др.). Значительный интерес представляют *работы советских руководителей* крупнейших предприятий (Ф.Ф. Аульов, И.И. Пронин, В.С. Пономарев, В.С. Соловьева, Е.В. Таранов и др.), в которых они обобщали опыт решения социальных проблем руководимых ими производств.

Если обобщить имеющиеся предложения, то ***научное управление обществом*** представляет *процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития* (Афанасьев, 1967). Но это согласование, достижение единства осуществляется не автоматически и не стихийно. Органы управления только в том случае добиваются намеченных целей, если постоянно сопоставляют и оценивают свои усилия и полученные результаты.

Все это связано с тем, что время настоятельно поставило вопрос о преодолении, с одной стороны, политизации управленческих функций, с другой — технократизма в управлении. Реальность потребовала «очеловечивания» управления. Поэтому в современных управленческих концепциях, как отечественных, так и зарубежных, начинает довлеть поведенческий подход (сознание плюс деятельность) при учете требований окружающей среды.

В этой связи хотелось бы высказать суждения о различии понятий «управление» и «менеджмент». Что касается ***менеджмента***, то он олицетворяет способы и методы познания и регулирования экономических и социальных процессов в конкретных организациях. Он подобен поваренной книге, которая содержит массу полезных советов и рекомендаций, хотя их реализация всегда будет отличаться друг от друга, как и борщ, сваренный по одному рецепту, но разными хозяйками и поэтому различающийся по вкусу. Его преимущества неоспоримы: его изучение, внедрение и применение — необходимый способ формирования управленческого мышления.

Что касается ***управления***, то это целесообразная человеческая деятельность, предполагающая решение кардинальных теоретических, методологических и методических проблем: определение объекта и субъекта управления, функций и принципов, стадий (этапов) управления, его алгоритма, учета прошлого опыта и прогнозирование будущего. Поэтому вполне уместно говорить об управлении ресурсами — людскими, финансовыми, инновационными, экономическими, культурными и другими подобными, где вряд ли уместно слово «менеджмент» (Фатхин, 2002; Щербина, 2004).

Анализ соответствующих идей позволяет сделать вывод: основными проблемами социологии управления, являются: а) ***социальное положение человека*** в процессе управления; б) ***управление человеком*** с опорой на резервы и возможности, заложенные в его сознании и поведении; в) ***сотчастие человека, его сопричастность*** к управленческим функциям; г) ***механизм воздействия*** на людей, т.е. те методы и средства, которые адекватны объективным и субъективным потребностям; д) ***последовательность операций***, которые необходимо осуществить, чтобы добиться эффективного достижения поставленных целей. Причем, все эти компоненты социологии управления строятся на основе информации, идущей от людей (рядовых работников, специалистов, менеджеров, руководителей), т.е. на знании основных характеристик общественного сознания и поведения.

Такой подход к трактовке социологии управления позволяет отличать ее, с одной стороны, *от социального управления*, которое концентрирует свое внимание на общих закономерностях, тенденциях, системности управляющих функций, его взаимообусловленности и связи с внешней средой, его особенностях в различных обществах; с другой стороны, *от социального менеджмента*, основной заботой которого является приобретение навыков и умений по решению типовых конкретных задач, возникающих в процессе целенаправленного руководства.

В настоящем разделе избран принципиально иная схема рассмотрения управления — через его алгоритм, последовательно осуществляемые стадии, которые состоят из предвидения, прогнозирования, проектирования, программирования, планирования, социальных технологий, социального экспериментирования, социологии организаций.

Глава 26

Социальное предвидение

Предвидение как одна из важнейших форм опережающего отражения действительности было присуще человечеству на всех этапах его существования, начиная с момента появления на исторической арене. Однако оно долгое время развивалось в формах, которые отражают донаучный опыт и методы предугадывания будущего и которые существуют и поныне в виде обыденных предсказаний, основанных на обобщении жизненного опыта (например, народных примет). Одновременно получали распространение различные формы псевдопредвидения (ясновидения, озарения, проницания, пророчества). Именно эти формы предвидения эксплуатируют каббала, астрология, мистика, экстрасенсы, шарлатанство, опирающиеся как на данные науки, так и на произвольные домыслы.

Элементы, зачатки науки о будущем — футурологии — получили свое развитие еще в Древнем мире (например, предсказание Фалесом солнечного затмения в 585 г. до н.э.). По мере обогащения знания все чаще и чаще предсказывались (и сбывались) события или явления, которые неминуемо должны были состояться.

В полном объеме научные основы предвидения сложились только в XX в. Именно в этом веке футурологи заявили о себе. Термин «***футурология***» предложил в 1943 г. немецкий социолог О. Флехтхейм в качестве названия некоей надклассовой «философии будущего», которую он противопоставлял идеологии и утопии. В начале 1960-х гг. этот термин получил распространение в смысле «истории будущего», науки о будущем, призванной монополизировать предсказательные функции существующих научных дисциплин. С конца 1960-х гг. из-за многозначности и неопределенности он стал вытесняться термином «***исследование будущего***». ***Социальное предвидение*** стало трактоваться как *обоснованное, логически непротиворечивое моделирование будущего состояния общества, отдельных процессов и явлений*. По мере развития науки оно становилось более сложным, вероятностным, обладающим все большей степенью достоверности.

Исследование проблем будущего развивалось по нескольким направлениям. В 1960-х гг. преобладали разного рода технологические теории, сводившие социальный прогресс общества только к росту уровня технико-экономического развития и возможности его модернизации (З. Бжезинский, Г. Кан, Р. Арон, Б. де Жувенель, Ж. Фурастье). Другое направление было связано с доказательством

необходимости конвергенции капитализма с социализмом: Д. Белл, Э. Тоффлер (США), Ф. Бааде (ФРГ), Р. Юнгк (Австрия), Ф. Полак (Нидерланды), Ю. Галтунг (Норвегия). И наконец, еще одно направление придерживалось тезиса о неизбежности катастрофы западной цивилизации перед лицом научно-технической революции — А. Уэскоу (США) и др. В начале 1970-х гг. на передний план выдвинулось течение, которое выступило с концепцией неизбежности глобальной катастрофы при существующих тенденциях развития общества. Ведущее влияние приобрел *Римский клуб*, по инициативе которого развернулось глобальное моделирование перспектив развития человечества. Участники этих исследований и футурологи иных концепций разделились на два основных направления: одни из них развивают идеи социального пессимизма (Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Р. Хейлбронер), другие пытаются доказать возможность избежать катастрофы с помощью оптимизации развития человечества: Э. Тоффлер, М. Месарович, Э. Ласло (США), И. Кайя (Япония), Г. Линнеман (Нидерланды), А. Эррера (Аргентина) и др.

В отечественной философии и социологии проблемы нашли отражение в поиске более точной интерпретации различных форм предвидения, его соотношении с прогнозированием и влияния на другие функции управления (Э.В. Араб-оглы, И.В. Бестужев-Лада, А.М. Гендин, В.В. Косолапов, В.А. Лисичкин и др.). В 2000-е гг. эти проблемы стали предметом научного анализа в трудах Л.В. Лескова, Б.С. Синицинова, И.Н. Карницкого.

26.1. Сущность социального предвидения

В современной научной литературе научное предвидение обычно подразделяется на ***естественно-научное*** (перспективы развития природы или ее явлений) и ***социальное*** (перспективы развития личности и общества).

Предвидение в большинстве случаев трактуется в двух смыслах: 1) как предсказание тех или иных событий; 2) как предпочтительное знание о событиях и явлениях, которые существуют, но не зафиксированы в опыте (так называемое «знание сразу»).

Это противоречие, когда явление или событие существуют (или возможно их существование), но, не будучи отражены в опыте, порождают до- и паранаучные формы предвидения, основанные на подсознании (интуиции), на жизненных наблюдениях и возможных вариантах человеческих судеб.

Особо следует сказать о псевдопредвидении (пророчестве, прозрении, откровении, ясновидении), когда его носители пытаются претендовать на такие формы опереженного познания, которые неизвестны науке, но которые присущи отдельным индивидам в силу

личных особенностей их мышления и восприятия действительности. Так, астрология своеобразно трактует опыт, обращая внимание на фиксацию повторяющихся событий в физическом пространстве (при определении расположения светил). Но знаки Зодиака, помноженные на многообразие человеческих судеб, дают такое количество вариантов развития, что сосуществование научного и квазинаучного объяснения становится не только возможным, но и успешно конкурирующим.

Социальное предвидение имеет несколько форм конкретизации.

1. Прежде всего надо отметить ***предчувствие*** (простое предвосхищение), которое может выступать как психофизиологическое или биологическое явление, практически присущее всем живым организмам, и как социальное явление, которое находит воплощение и отражение в жизни многих людей и связано обычно с ожиданием вероятностных событий в общественной жизни.

2. Более высокой формой является ***предугадывание*** (сложное предвосхищение), которое присуще только человеку и выступает как вид его интеллектуальной деятельности, как размышление о будущем на основе личного опыта. Это проявляется в представлении о будущности личной судьбы, своей профессии, ближайшего окружения и контактной среды (микросреды).

3. Следующей формой является ***конкретное научное предвидение*** как логический вывод из закономерностей развития определенного природного или общественного явления, когда известны причины его зарождения и функционирования и ход развития представляется в виде определенного алгоритма. Иногда конкретное научное предвидение обретает вид предсказания, когда оно локализировано во времени и пространстве.

4. Высшей формой научного социального предвидения является ***определение совокупности будущих изменений***, которые ожидаются в рамках всего общества, касаются всего человечества и (или) его основных сфер.

Таким образом, эти формы социального предвидения — описательные (дескриптивные), основанные на опережающем отражении действительности и на логической последовательности суждений способы достоверного выражения возможных состояний будущего, его вариантов и альтернатив.

Наряду с этими формами существует квазипредвидение, особенно когда пытаются реконструировать прошлое по некоторым сохранившимся фрагментам, в основном материальной культуры. В результате возникают суррогаты, которым трудно противостоять в научном и практическом смысле, ибо они объединяют в себе как отдельные грани достоверной истины, так и домыслы, произвольные предположения и просто фантазии и отсебятину. Эти

суррогаты успешно спекулируют на исторических источниках — предсказания Нострадамуса, на новаторских прочтениях религиозных текстов (Библии, Корана, Талмуда и др.), на наследии древних народов (например, майя).

Особо следует отметить, что важнейшая функция научного предвидения состоит в том, чтобы дать информацию о степени неопределенности неуправляемых параметров, влияющих на результаты управления. В этой связи имеет смысл остановиться на ***классификации неопределенностей***.

Неопределенности, т.е. неполное и неточное представление о значениях различных параметров будущего, порождаются различными причинами. Если классифицировать неопределенности в зависимости от причин, по которым они возникают, то можно выделить два их вида: к первому будут относиться *неопределенности, являющиеся следствием неполного знания объективных тенденций и закономерностей, по которым развивается тот или иной процесс*, а ко второму — *неопределенности, порождаемые в основном случайностью, ситуативностью*.

Очевидно, что по мере углубления знаний об интересующем нас объекте неопределенности первого вида уменьшаются. Что же касается неопределенностей случайного характера, то они объективно присущи реальной действительности и их нельзя устранить. Такие неопределенности можно только учесть при сравнении альтернатив и выборе наилучшей.

Для учета неопределенностей применяются разные методы. Если классифицировать неопределенности, отнесенные ко второму виду по принципу общности методов, применяемых для их учета, то образуются три группы.

В *первую группу* входят неопределенности, возникающие под действием случайных факторов, которые подчиняются известным объективным законам. Они учитываются с помощью различных статистических методов.

Ко *второй группе* относятся неопределенности, обусловленные воздействием случайных факторов, подчиняющихся неизвестным законам. В эту группу в основном входят неопределенности, относящиеся к состоянию среды. Неопределенности подобного рода учитываются путем сопоставления преимуществ и недостатков каждой альтернативы в результате рассмотрения матрицы возможных результатов при различных состояниях среды или на основе рассмотрения так называемых игр с природой.

Третью группу составляют неопределенности, возникающие в конфликтных ситуациях, когда противостоящая сторона стремится помешать другой стороне достичь той или иной цели. В основе учета таких неопределенностей лежит предположение об активном по-

ведении противостоящей стороны. Иногда для выбора наилучшего варианта действий при наличии неопределенностей, относящихся к этой группе, применяют методы теории игр.

В конце XX в. было высказано немало вариантов развития будущего. В 1980 г. Э. Тоффлер предсказал «третью волну» — приближающееся возникновение информационного общества. В 1982 г. Дж. Нейсбитт описал десять ключевых метатенденций, ведущих в будущее. Было предсказано все: и превращение индустриального общества в информационное, и появление новых технологий, и поглощение мировой экономикой множества национальных, и децентрализация, и разрушение традиционных иерархий, и торжество индивидуализма. В 1980-е гг. Ф. Фукуяма едва не констатировал конец истории и окончательное утверждение на планете унифицирующего все живое либерализма и единого образа жизни. Но жизнь сильно поправила пророка: в конце XX в. он заговорил о «великом разломе», о неспособности людей приспособиться к слишком стремительным изменениям. В 1997 г. Л. Туроу предсказал, что капитализму, попавшему в ловушку опережающего развития интеллектуальных отраслей и глобализации, предстоит пережить серьезную метаморфозу. Однако события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и в октябре 2002 г. на Дубровке в Москве, а затем в Беслане, когда погибли сотни детей, выбиваются из очевидных тенденций развития и порождают еще одну *группу неопределенностей*, сокрушающих сформированную логику экстраполяций, в связи с чем возникает вопрос: куда качнется история человечества теперь уже в глобальном измерении?

Все это относится к ограничениям, которые накладываются на достоверность и эффективность предвидения, но в то же время подчеркивают факт, что *наше знание о незнании служит более эффективному обоснованию принимаемых управленческих решений*.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что ***социальное предвидение*** представляет собой *обоснованное, логически непротиворечивое моделирование будущего, форму опережающего отражения действительности, направленную на определение общественных явлений, относящихся к будущему или неизвестных в данный момент, но поддающихся выявлению и использованию в теории и практике управления*.

26.2. Методы социального предвидения

В процессе социального предвидения используется несколько апробированных теорией и практикой методов.

1. Осуществляется ***анализ*** (***описание***) как того, что уже явно проявляет себя в реальности, так и того, что скрывается в латентном виде в общественных явлениях и событиях. На этом этапе от иссле-

дователя требуется не только описание очевидных фактов, но и скрупулезный анализ того, что дезорганизует развитие событий, деформирует их, или, наоборот, повышает активность тех социальных сил, которые еще незначительны по своему воздействию, но их влияние имеет устойчивую тенденцию к росту.

2. Для выявления основной тенденции, определения перспектив развития социального процесса, установления генеральных направлений, которые и будут характеризовать состояние общества, его отдельных сфер и направлений, применяется такой метод, как *динамика*. Именно такое выявление главной перспективы помогло Г. Форду в 1915 г. сделать сознательную ставку на производство массового и дешевого автомобиля на основе превращения своих рабочих в будущих покупателей. И эта установка себя реализовала в 1930-х гг., когда начал формироваться средний слой, ставший потребителем продукции его заводов.

3. Процесс предвидения не должен отвлекаться «на мелочи», на детали: в его основе лежит не простое накопление известных переменных, а ***учет тех индикаторов, которые характеризуют назревание качественных переменных.*** В 80-е гг. XIX в. в Москве было осуществлено предсказание того, как будет выглядеть общественный транспорт в городе. Творцы этого документа исходили из верной и в целом обоснованной предпосылки, что население города вырастет в несколько раз. Но что касалось будущего транспорта, то авторы предсказания «опустились» до мелочей — сколько будет извозчиков, сколько будет конок (конных трамваев), полностью исключив из расчетов то, что находилось еще в зачаточном состоянии — открытие электричества, начало массового потребления нефти, вызвавших в будущем переворот во многих отраслях национального хозяйства, в том числе и в общественном транспорте. И не десятки и сотни извозчиков потребовались Москве, наоборот, они полностью исчезли и вместо них появились принципиально новые виды транспорта: автомашины, трамваи, троллейбусы, метро.

4. Социальное предвидение базируется на принципе ***сочетания рационального и интуитивного, чувственного***, в котором рациональное играет ведущую роль, по крайней мере являясь ограничителем буйных фантазий, опирающихся на домыслы, прекраснодушные пожелания и выдумки. Так, при обосновании будущего состояния сельского хозяйства в России была сформулирована на первый взгляд верная, но методологически и практически не обоснованная точка зрения на развитие фермерства. Благодушные намерения и пожелания, будучи оторваны от жизни, натолкнулись на реальную ситуацию, в результате чего это движение пошло на убыль, вспять, отложив его реализацию на неопределенную перспективу.

5. Ни один из методов социального предвидения ***не может быть абсолютизирован, противопоставлен другому*** или, наоборот, ***согласован с другим за счет потери определенных качественных характеристик***.

6. Социальное предвидение базируется на ***максимально полной информации***, как прямо, так и косвенно касающейся будущего явления или процесса. Но даже при попытках, особенно долгосрочных и перспективных, заглянуть в будущее информация может отсутствовать, и тогда просто невозможно предвидеть наступление событий. Я. Голованов, проанализировав предсказания конца XIX и начала XX в., показал, насколько могут быть велики просчеты. В это время человечеству предсказывали орошение пустынь, создание искусственного климата, победу над раком, изобретение питательных пилюль, заменяющих обычную пищу. И никто не помышлял о проникновении человека в космос и триумфе ракетной техники, создании атомного оружия и атомной энергетики, расшифровке генетического кода и методах генной инженерии.

7. Социальное предвидение призвано опираться на ***накопленный опыт по разработке и осуществлению перспективных целей***. Но это не должно быть механическим перенесением чужого опыта, даже если он блестяще оправдал себя. «Японское чудо» в преобразовании страны во многом опиралось на рациональное сочетание достижений европейских и американских технологий и традиций японской культуры и менталитета, что позволило обеспечить, а затем и претворить в жизнь этот сплав информации и способов ее применения в реальной жизни.

Еще более ошибочными оказались фантазии в политической сфере. Так, в одном «научном» пророчестве в 1950-е гг. утверждалось, что Китай в 1972 г. нанесет ядерные удары по Дели и Сингапуру, после которых эти города исчезнут с лица Земли. Австралия распадется на четыре государства, одно из которых создадут аборигены на севере материка. Из Испании выделятся Каталония и Страна Басков. Бретань отколется от Франции, Бельгия распадется на Фландрию и Валлонию. На севере Норвегии, Швеции, Финляндии, России и Канады возникнет независимое государство саамов, т.е. конфедерация арктического Полярного круга. И в то же время никто 100 лет назад не предвидел гибели Российской империи, как в 1970—1980-е гг. ни один аналитический центр в мире не мог предвидеть распада СССР.

Таким образом, можно сделать вывод, что методы социального предвидения находятся еще в поиске, в процессе творческой разработки и проверки временем, что, несомненно, постепенно обогащает арсенал управления обществом.

26.3. Роль интуиции в социальном предвидении

В истории не так уж редко складывались ситуации, когда интеллект оказывался неспособным проникнуть в сущность процесса или явления и на помощь приходила интуиция как «высочайшее откровение», как бессознательное проникновение (постижение) будущности при помощи инстинкта и других компонентов подсознания.

До сих пор непревзойденным интуитивным предсказателем будущего считается *Мишель Нострадамус* (1503—1566) — лицо реальное и исторически уважаемое. Врач, он фактически остановил эпидемию чумы во Франции, чем заслужил немалую известность. Свои предостережения он начал писать в 1550 г. в состоянии надлома, испытав немало несчастий и уже потеряв свою семью от эпидемии. Книгу пророчеств, содержащих более 900 предсказаний, он издал в 1555 г. и наметил конец света — 3797 г. В его труде содержится ряд таких утверждений, которые могут иметь место, в том числе и по отношению к нашему времени, например слова катрена 2.10 (перевод Завалишина): «Мне горько сказать, что жестокие эры // Опять завладеют мятежной землей // И рабская будет царить атмосфера // Под маской любви и свободы большой».

Именно интуицией продиктован ряд пророчеств итальянского футуролога *Пьетро Убальди* (1896—1972). Он изучал право в Римском университете, но одновременно увлекался философией, физикой, историей религии, древними языками. Получив диплом, он написал эссе по теологии, биологии, космогонии, истории философии и этике. Уделял серьезное внимание социальным проблемам своего времени. В 1931 г. он записал в своем дневнике, что его пером водит «внутренний голос». Он предупреждал медиков, что дальнейшее загрязнение атмосферы приведет к вспышке раковых заболеваний, которые станут бичом горожан. Он раньше всех других осудил вырубку лесов и безрассудную эксплуатацию земных недр. Убальди задолго до Второй мировой войны, когда еще в воздухе не пахло порохом, писал, что война неизбежна, ибо весь мир занят поисками жутких средств уничтожения. По его мнению, люди стали располагать огромным разрушительным потенциалом, но не обзавелись моральной самодисциплиной. Но не закат Европы предрекал он, а ее последующее возрождение. В середине 1930-х гг. Убальди писал, что наступает грозное противопоставление оси Берлин — Рим Красной Москве. Ось прольет много крови, но неизбежно разломится, а потом наступит другое диалектическое противостояние СССР и США. При мире между двумя крупными державами и разоружении наступит долгожданная социальная справедливость.

Что можно сказать о таком продукте сознания человека, как интуиция, и ее роли в таком явлении, как социальное предвидение?

В настоящее время существует несколько теорий (концепций) интуиции, которые призваны по-своему объяснить ее сущность и содержание (как гносеологическая, мистическая, как первичная сверхрациональная ступень постижения «целостного бытия» и т.д.). Современные научные представления об интуиции не опровергают возможности «мгновенного схватывания» истины, но определяют интуицию как исключительно важный момент сложного и неосознаваемого по своему механизму взаимодействия чувств, разума и опыта. Иногда ее трактуют как определенное средоточие знания, которое по своей сути является не начальным этапом знания, а переходным звеном от одного уровня к другому. Под влиянием идей экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр) интуиция утратила гносеологические характеристики и превратилась в особый способ бытия человека в мире, что и дало возможность переложить ее на язык социологии.

Долгое время этот феномен объясняла ***теория интуитивизма***, которая полагала, что интуиция иррациональна, что необходимо ориентироваться не столько на разум, мышление, сколько на «прозревающую симпатию».

Дальнейшее изучение интуиции показало, что она может проявляться ***в форме, основанной на чувствах.*** Это достаточно характерно для межличностного общения как в семье, так и на работе, когда мельчайшие детали во взаимоотношениях людей постепенно формируют общее впечатление о поступках и поведении других людей, на основе чего выстраиваются ожидания будущих событий и возможных перемен.

Интуиция в социальном предвидении основывается на ***рациональном мышлении*** (интеллектуальная интуиция). Поэтому озарение приходит не просто так, а как особым образом осмысленная реальность, знание огромного количества информации, как, например, это случилось с Д. Менделеевым в процессе открытия периодической системы элементов.

Вместе с тем необходимо знать *не ограничения, которые сопровождают интуицию как метод познания, как форму социального предвидения.* Интуиция может приобрести прочность ***предрассудка, заблуждения***, если, будучи эффективна в отношении одного социального процесса, будет беспрекословно переноситься на другие социальные процессы и явления.

Интуиция может превратиться в ***прожектерства***, если не будет опираться на значительную информационную базу. В этом случае она становится сродни шарлатанству, которое оперирует случайными,

мало связанными между собой сведениями, опирается на домыслы и произвольное толкование попавших под руку событий.

В этой связи важно понять роль и значение ***врожденных идей***, которые даны мышлению изначально, не приобретены из опыта и не могут быть изменены на основе опытного знания. Обычно это готовые идеи или понятия, которыми люди оперируют как истинными, идеи, заложенные в мышлении в качестве потенциальных способностей и задатков. Главное состоит в том, чтобы эти возможности были осознаны, увидены и поддержаны, а также использованы при решении будущности того или иного процесса или явления.

Именно использование интуиции (на основе большого количества разрозненных данных) позволяет утверждать, что в XXI в. социальные противостояния сместятся с межрасовых, межнациональных противоречий в направлении религиозного противостояния (и даже религиозных войн) между крупнейшими конфессиями мира.

Что касается социологии управления, то несомненно, что интуиция используется практически каждым руководителем (осознанно или стихийно), в том числе при решении не только перспективных, но и оперативных проблем развития своей организации. И чем больше руководитель будет знать достоинства и ограничения интуиции, тем успешнее он будет применять ее в преобразовательной деятельности.

Вопросы и задания для повторения

1. Когда появилось научное предвидение?
2. В чем отличие предвидения от астрологии, пророчества, прозрений?
3. Какие формы конкретизации социального предвидения вы знаете?
4. Как классифицируются неопределенности в социальном предвидении?
5. Охарактеризуйте методы социального предвидения.
6. Назовите достоинства и ограничения интуиции в процессе социального предвидения.
7. Опишите одно из исторических событий, которое было предсказано.

Темы для рефератов

1. Роль предвидения на различных этапах истории человечества.
2. Футурология: этапы развития.
3. Предвидение и квази(псевдо)предвидение: сравнительный анализ.
4. Формы интуиции и их роль в социальном предвидении.
5. Социальное предвидение в творчестве Нострадамуса.

Глава 27

Социальное прогнозирование

Зарождение социальной прогностики произошло в 20—30-е гг. XX в., когда стала очевидна многозначность общественного развития: созревал новый этап научно-технического прогресса, возникло социалистическое государство, предложившее новые альтернативы будущего, стал пробуждаться «третий мир» с его колоссальными людскими резервами и социальными проблемами. Это осознание новой реальности подготовило почву для возникновения прогностики как науки.

Современное социальное прогнозирование ведет отсчет от работ, появившихся в конце 1940-х гг. (Дж. Бернал, Н. Винер). В этот период разрабатывались концепции научно-технической и информационной революций, был открыт эффект использования поисковых и нормативных прогнозов при управлении социальными процессами.

В 60-е гг. XX в. прокатилась волна бума прогнозов — научных, технических, социально-экономических, демографических, военно-политических. Такая ситуация привела к интенсивной разработке методологии и методики прогнозирования (Г. Тейл, Б. де Жувенель, Д. Белл, Э. Янг, Ф. Полак, Г. Кан).

К концу 1960-х гг. применение методологии прогнозирования к глобальным процессам развития обнаружило ограниченность и даже бесперспективность научно-технического прогресса в существовавших формах, его обостряющееся противоречие с социальными аспектами развития. Особенно большую роль сыграл в этом Римский клуб, начавший свою деятельность в 1968 г. Уже в первом докладе «Пределы роста» (1972) были показаны нарастание качественных изменений и неизбежность всемирных катастроф, которые являются результатом загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, последствий демографического взрыва в развивающихся странах. Полученные результаты и выводы получили огромный общественный резонанс. Поиски ответов на злободневные проблемы современности продолжались и в следующих докладах Римского клуба: «Человечество на поворотном пункте» (1974), «Пересмотр общественного порядка» (1976), «Цели человечества» (1977), «За пределами века расточительства» (1978), «Нет пределов обучению» (1979) и др. По своей сути эти доклады олицетворяли

экологическую волну, затем технологическую и, наконец, антисциентистскую (апокалиптическую).

К началу 1980-х гг. прогнозы во все большей мере стали смещаться на поиск контуров «новой цивилизации». В работах Э. Тоффлера, А.Печчеи, Г. Гендерсона, Э. Шумахера и других обосновывались способы разрешения современных глобальных проблем.

В 1990-е гг. прогнозы развивались в рамках концепции устойчивого развития, которая была одобрена на уровне глав правительств на конференции в Рио-де-Жанейро. Исходя из итогов обсуждений под устойчивым развитием стали понимать самоподдерживающееся существование и функционирование мировой цивилизации без ущерба для природы, обеспечивающие всем людям равный доступ к материальным и духовным благам и справедливое их распределение.

В отечественной науке многочисленные попытки прогнозирования были осуществлены в 1920-х — начале 1930-х гг. Однако отсутствие обоснованной методологии делало эти прогнозы сомнительными. Так, Л. Сабсович писал, что к 1942 г. (прогноз делался в 1927 г.) в СССР исчезнут все существующие города и села и возникнут населенные пункты социалистического типа, знаменуя принципиально новый этап в развитии страны. В этот же период были осуществлены прогнозы по перестройке быта, что нашло отражение в строительстве коммунальных квартир, семейных общежитий и централизованного коммунально-бытового обслуживания, что впоследствии было отвергнуто самой жизнью.

Новый этап в теории и практике прогнозирования наступил в 60—70-е гг. XX в., когда человечество столкнулось с новыми проблемами: растущей социальной дифференциацией, резким увеличением этнонациональной и конфессиональной напряженности, экологическим загрязнением, опасностями, вызванными появлением атомного и биологического вооружения, противостоянием Севера и Юга, спорностью научно-технических и социальных достижений и изменений. Все это потребовало по-новому осмыслить возможности и пределы социального прогнозирования.

27.1. Сущность социального прогнозирования

В научной литературе существует несколько подходов к объяснению сущности прогнозирования. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой прогноз не предусматривает решения проблем будущего. Его задача иная: ***содействовать научному обоснованию планов и программ развития***. При прогнози-

рования характеризуется возможный набор необходимых путей и средств претворения в жизнь намечаемой программы действий. В этой связи ряд авторов считают, что под ***прогнозом*** следует иметь в виду *вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности*. В отличие от предвидения прогнозирование трактуется как аподиктическое (невероятностное) утверждение о будущем, основанное на абсолютной достоверности, или (другой подход) представляет собой логически сконструированную модель возможного будущего с пока не определенным уровнем достоверности. Нетрудно заметить, что в качестве основания для разграничения терминов используется степень достоверности высказываний о будущем. Но очевидно одно: ***прогнозирование исходит из многозначности развития.***

Есть и другие точки зрения на соотношение предвидения и прогнозирования. Так, И.В. Бестужев-Лада (1993) рассматривает прогнозирование как один из уровней (или форм) предвидения. Еще одна точка зрения исходит из того, что если предвидение ограничивается утверждением, что событие наступит обязательно, особенно не задаваясь вопросом о времени и форме реализации, то ***прогнозирование представляет будущее в вариантах, в альтернативах.*** По мнению К. Шустера, прогноз имеет конкретный характер и обязательно связан с «календарем», т.е. определенными количественными оценками. В соответствии с этим он относит ожидаемое количество преступлений в следующем году к разряду прогнозов, а досрочное освобождение заключенного при известных условиях — к категории предсказаний. А. Шмидт и Д. Смит заявляют, что под прогнозом обычно понимают количественное предсказание. Таким образом, *«демаркационная линия» проводится между качественными (предсказание) и количественными (прогноз) оценками будущего.*

Интересно соображение, высказанное Д. Джонсоном. Он считает, что предсказание является прерогативой физических наук, так как требует применения «охватывающего закона». Поскольку же социальные дисциплины располагают слабым основанием для формулирования законов такого типа, они ограничиваются прогнозами, отражающими реалистичные или вероятные комбинации предполагаемых ориентиров и исходных условий. Прогнозы социальных дисциплин, по его мнению, выступают «заменителями» предсказаний более точных наук (Ожегов, 1975).

В некоторых исследованиях прогнозирование не отделяют от предвидения и планирования. Рациональный момент в этих рассуждениях есть, так как социальное прогнозирование до определенной степени является и планированием, но не наоборот. Кроме то-

го, плохую службу социальной прогностике сослужил тот факт, что она в какой-то мере стала идентифицироваться со словом «пророчество», за которым закрепился однозначный негативный смысл.

Выяснение сущности прогнозирования неразрывно связано, по утверждению В.А. Лисичкина (1972), с необходимостью «выработки специфически прогностической системы понятий», в том числе «правильного» определения понятия «прогноз» и отграничения его от таких понятий, как предвидение, предсказание, план, программа, проект, ожидание, предположение, гипотеза».

Сложность и трудность этой задачи — выяснение специфики и соотношения этих понятий — объясняется прежде всего тем, что вопрос о разграничении категорий при анализе проблем будущего до недавних пор не был предметом специального исследования. Между тем решение задачи не замыкается внутренними запросами прогностики и предполагает терминологически-смысловую «стыковку» с другими понятиями, прошедшими более или менее длительный путь развития. И здесь возникает весьма противоречивая ситуация. Насколько это сложно, можно видеть из попытки заглянуть в будущее. Согласно прогнозу, высказанному многими исследователями, в частности З. Бауманом, в XXI в. властные полномочия будут олицетворять международные корпорации и мультифинансовые структуры. Что же касается того, как это будет выглядеть по сравнению с XX в., можно увидеть из заключения экспертов (табл. 27.1).

Таблица 27.1. **Какие социальные силы и государственные структуры играли и будут играть наиболее видную роль в жизни россиян?, % к числу опрошенных**

Ответы экспертов	*XX в.*	*XXI в.*
Военно-промышленный комплекс	44,9	19,6
Правительство	39,8	34,8
Крупный бизнес	12,9	38,8
Банки	7,1	28,2
Средние и мелкие предприниматели	4,1	20,5
Рабочие	17,2	6,6
Крестьяне	10,1	3,5

Источник. *Россия* на рубеже веков. М., 2000. С. 418.

С одной стороны, понятийный аппарат социальной прогностики, изучающей законы, принципы и методы прогнозирования, отличается универсальностью терминов, т.е. применимостью каждого из них с

приписанным ему значением. С другой стороны, понятийный аппарат социальной прогностики не может игнорировать традиции, исторически сложившиеся в русле различных наук, когда они выполняли предсказательные функции. Сюда относятся и особенности использования понятий и терминов, и их истолкование.

Но не следует преувеличивать тот факт, что за пределами социальной прогностики продолжает существовать недифференцированный к ней подход: важно, чтобы сама прогностика и ее разработки постоянно углубляли понимание возможностей и вариантов развития будущего.

Введение в оборот ряда терминов, относящихся к числу основных понятий прогностики, создает условия (конечно, после того как в самой прогностике за каждым из них закрепится свое значение) для последующего их разграничения во всех науках, в том числе и в социальных.

Это направление дальнейшего развития представляется наиболее вероятным. Бесспорно то, что при наличии дилеммы, порожденной действием двух тенденций в использовании прогностической терминологии, их выбор осуществляется в зависимости от решаемых задач. Именно такой подход дает возможность преодолеть сомнения, высказанные отдельными учеными, что «в социологических теориях нет никаких основ для прогнозов на будущее».

Выявляя сущность прогнозирования, необходимо сказать о трех основных функциях и трех его стадиях:

1) ***выявление тенденций (закономерностей) и факторов***, обусловливающих возможные перемены (***исследовательская стадия***);

2) ***выявление альтернативных вариантов развития, их динамики*** в результате принятия тех или иных решений (***стадия обоснования управленческих решений***);

3) ***оценка хода и последствий реализации управленческих решений***, непредвиденных изменений внешней среды, ситуаций для своевременного уточнения действий в случае необходимости (***стадия контроля и коррекции***). Эти функции и стадии взаимно обусловлены, являясь составными элементами прогнозирования в любой сфере деятельности.

Что касается ***типологии прогнозов***, то она может строиться по различным основаниям в зависимости от целей, объектов, проблем, периода упреждения, характера и т.д. Для их типологии основополагающим является проблемно-целевой критерий: для чего разрабатывается прогноз? Итак, в зависимости от целей различаются два типа прогнозов: *поисковые* (изыскательские, трендовые, генетические) и *нормативные* (целевые, регулятивные). Поисковый прогноз

отвечает на вопрос: что вероятнее всего произойдет при условии сохранения тенденции развития общества. Нормативный прогноз представляет собой определение путей и сроков достижения желаемых состояний объекта, процесса или явления. Поисковый прогноз строится на определенной шкале возможностей, на которой затем устанавливается степень вероятности достижения прогнозируемого состояния. При нормативном прогнозировании происходит такое же распределение вероятностей, но уже в обратном порядке: от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям. Этот прогноз есть вероятностное описание альтернативных путей достижения желаемых состояний, включая и разработку мероприятий по их реализации.

По *времени упреждения* прогнозы подразделяются на *краткосрочные* (день, год), *среднесрочные* (три — пять лет) и *долгосрочные* (на десятки лет). Первые носят детализированный характер. Чем дальше горизонт упреждения, тем большее значение имеют научные исследования и длительность ретроспективы (времени обоснования).

По *характеру* прогнозы бывают *функциональные* (описание одного из компонентов) или *комплексные* (при анализе любого объекта, процесса или явления в целом).

В зависимости от объекта видоизменяются *возможности прогнозирования*. У прогнозируемых природных или технических объектов (землетрясения, ураган, пожары) эти возможности могут быть близки к нулевым, так как никакие теоретические знания или управленческие решения на нынешнем этапе развития научного знания не (или мало) способны упредить конкретную ситуацию. В таких случаях прогноз ограничивается предвидением и рекомендациями минимизировать последствия. У прогнозируемых социальных объектов интенсивность взаимосвязей в предвидении может быть настолько высокой, что может изменять предсказанное состояние путем предпринятых действий на основе управленческих решений. Иными словами, управленческие решения приводят к самоосуществлению или саморазрушению (эффект Эдипа).

У социального прогнозирования есть и отличительные особенности.

1. ***Формулировка цели носит сравнительно общий и абстрактный характер***: она допускает бо́льшую степень вероятности, даже альтернативности. Цель прогнозирования — на основе анализа состояния и поведения системы в прошлом и изучения тенденций изменения факторов, влияющих на рассматриваемый процесс или явление, определить вероятностные количественные и качественные параметры их развития в перспективе, а также раскрыть варианты возможных их изменений.

2. Социальное прогнозирование ***не обладает директивным характером***. Другими словами, качественное отличие вариантного прогноза от конкретного плана заключается в том, что прогноз дает информацию для обоснования решения и выбора методов управления. Он указывает на возможность того или иного пути развития в будущем, в то время как в плане выражено решение о том, какую из возможностей необходимо реализовать.

3. Социальное прогнозирование ***использует специфические методы***: сложную экстраполяцию, моделирование, эксперимент. Их ценность состоит в глубоком анализе степени вероятности наступления тех или иных событий.

Итак, ***социальное прогнозирование*** — это *определение (выявление) вариантов развития и выбор наиболее приемлемого, оптимального исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить их реализацию; это работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантности возможных решений, а если сказать коротко — это будущее в вариантах.*

27.2. Алгоритм и методы социального прогнозирования

Социальное прогнозирование включает в себя более 40 операций, объединенных в последовательные этапы. Поэтому целесообразно выделять ключевые процедуры (блоки), укрупнив их за счет объединения операций. В совокупности они составляют ***алгоритм процесса прогнозирования.***

1. ***Предпрогнозная ситуация:*** определение объекта, предмета, проблемы, цели, задач, структуры, рабочих гипотез, времени основания и упреждения прогноза, возможных методов исследования. Научно-аналитическая подготовка прогноза включает ряд операций, направленных на формирование баз знаний и данных об объекте. В них входят опросы экспертов, изучение отечественного и зарубежного опыта, анализ статистических данных, результатов социологических исследований, контент-анализ документов и т.д.

2. ***Построение базовой (исходной) модели объекта***: выявление тенденций динамики объекта в ретроспективе (период основания прогноза должен превышать время упреждения), определение точек роста и спада в предшествующем развитии объекта, уточнение параметров «проблемного поля», формулирование альтернативных вариантов, их ранжирование, построение модели прогнозного фона, определение резонансного воздействия внешних факторов, их характера и силы (веса) корреляционных связей. Надежность модели

зависит от полноты и репрезентативности показателей, результатом сведения которых в определенную упорядоченную совокупность является индикация объекта. Подбор показателей осуществляется сравнительным анализом аналогичных моделей, очным, заочным и имитационным опросом экспертов и (или) населения, средствами моделирования и т.д.

3. ***Поисковая разработка параметров базовой (исходной) модели***: определение возможных вариантов развития прогнозируемого объекта в заданной перспективе (кратко-, средне-, долгосрочной) на основе выявленных тенденций. При этом исследуются: динамика объекта в чистом виде, под влиянием структурных сдвигов и взаимодействий профильных факторов (линейная экстраполяция); экстраполяция с учетом минимизирующих и максимизирующих факторов внешней среды; вероятностный тренд с учетом воздействия всех возможных факторов внешней среды и «тесноты связей». На этой основе строится веер возможных альтернатив будущей динамики объекта — от оптимистических до пессимистических, причем ни один из вариантов не нужно априори игнорировать. Определяется «дерево» проблем», которые возникают в процессе развития объекта под влиянием внутренних и внешних факторов. Возможные альтернативы, определенные экспертами, выражаются в модельном (каузальном, сетевом, логическом и т.д.) или сценарном виде.

4. ***Нормативная разработка параметров базовой модели***: определение возможных путей решения проблем, выявленных прогнозным поиском, и последствий намечаемых решений. Нормативный прогноз дает несколько значений возможного будущего по заранее заданным критериям: *идеальное* состояние объекта (абсолютный оптимум); *оптимальное* состояние с учетом ограничений прогнозного фона; *нормативное* — желательное состояние, реально доступное при существующих обстоятельствах. Значения могут выражаться через матрицу, многофакторную модель, сценарии. Определяются пути и средства влияния на траекторию объекта, обеспечивающие его движение в желательном направлении.

5. ***Верификация полученных данных***: проведение независимой экспертизы полученных данных, их оценка. Выработка рекомендаций для использования при обосновании проектов, программ, планов, текущих управленческих решений.

Что касается методов, то исторически ***метод экстраполяций*** является одним из первых, который широко используется в прогнозировании. Его суть — построение динамических (статистических или логических) рядов показателей прогнозируемого процесса с возможно более ранней даты в прошлом (ретроспективы) вплоть до

даты упреждения (перспективы) прогнозов. При таком подходе осуществляется выбор оптимального вида функций (учет времени, условий и т.д.).

Большой эффект дает использование ***сложной экстраполяции***, основанной на теории вероятностей и теории игр, что позволяет точнее оценить масштабы возможных сдвигов и прогнозируемых тенденций (трендов). Однако в социальном прогнозировании возможности экстраполяции ограниченны. Это вызвано рядом причин. Некоторые социальные процессы развиваются по кривым, близким к логической функции. До какого-то момента процесс медленно нарастает, затем наступает период бурного развития, который завершается этапом насыщения. После этого процесс опять стабилизируется. Неучет этого требования приводит к серьезным ошибкам.

Одним из путей проверки надежности этого метода может служить экстраполяция кривых роста «до абсурда». Она показывает, что действующий механизм в перспективе может измениться, возникнут новые тенденции в его функционировании. В этом случае для правильного решения необходим комплексный подход, сочетающий логический анализ, экспертные оценки и нормативные расчеты. Это было проигнорировано Н.С. Хрущевым и теми руководителями (в том числе и научными), которые на основе существующей динамики развития СССР в 1950-е гг. (был подъем и быстрый рост народного хозяйства) и сравнения с ведущими капиталистическими странами (в этот период они испытывали ряд кризисных явлений) сделали долгосрочный прогноз о достижении Советским Союзом ведущих позиций в мире к началу 80-х гг. XX в. Ожидаемые показатели были объявлены наступлением эры коммунизма, что было опровергнуто реальным ходом исторического развития.

Очень широко в прогнозировании используются ***экспертные методы***, начиная от *аналитических записок* и *круглых столов* в целях согласования мнений и выработки обоснованного решения до специальных *экспертных оценок*, призванных дать объективную характеристику качественных и количественных сторон объекта прогнозирования на основе обработки и анализа совокупности индивидуальных мнений экспертов. Качество экспертной оценки, ее надежность и обоснованность в решающей степени зависят от выбранной методики сбора и обработки индивидуальных экспертных заключений, которые включают следующие этапы: выбор состава экспертов и оценка их компетентности; составление анкет для опроса экспертов; получение экспертных заключений; оценка согласованности мнений экспертов; оценка достоверности результатов; составление программы для обработки экспертных заключений.

Решение такой непростой задачи, как прогнозирование новых направлений, необходимое для определения перспектив, тенденций, требует более совершенных научно-организационных методов получения экспертных оценок. Один из них именуется ***методом дельфийского оракула***, или ***методом Дельфи***. Он предусматривает сложную процедуру получения и обработки ответов (мнений) экспертов. На его основе формулируются прогнозы, касающиеся экономических и социальных процессов, военно-политических и некоторых иных проблем на десятки лет вперед. Но в какой степени надежны составленные подобным образом долгосрочные (а тем более сверхдолгосрочные) прогнозы и сам метод их формирования?

Прогнозы, получаемые с помощью метода Дельфи, строятся на исследовании и достоверном знании с учетом взглядов и мнений экспертов относительно будущего состояния объекта. При этом большую роль играет интуиция, которая может подсказать правильное решение, поскольку основывается на опыте эксперта. Вместе с тем изучение интуитивных прогнозов обнаруживает, что «они представляют собой, скорее, беспорядочные обрывки систематического мышления, некритические экстраполяции нынешнего состояния дел и повторения других прогнозов» (Янч, 1974).

Обычно метод Дельфи позволяет выявить преобладающее суждение по избранному кругу проблем. Он особенно пригоден для составления краткосрочных прогнозов, вариантов развития локальных событий, т.е. в сравнительно простых случаях. Вместе с тем использование этого метода в любом варианте для реализации долгосрочных, комплексных и даже глобальных прогнозов повышает их надежность и эффективность.

Наряду с положительными сторонами метода экспертных оценок необходимо отметить и его недостатки: он громоздок, так как много времени уходит на каждый цикл получения ответов экспертов, дающих довольно большой объем информации, а поскольку основан на интуиции и субъективных взглядах опрашиваемых, то качество оценки прямо зависит от квалификации экспертов. Поэтому в прогнозировании нередко используется ***метод мозгового штурма***, когда внимание экспертов без предварительной подготовки сосредоточивается на поиске новаторских способов решения поставленных проблем.

Большую роль в социальном прогнозировании играет ***эффект Эдипа***, т.е. возможность самоосуществления или саморазрушения прогноза, если к этому процессу подключается созидательная деятельность людей, в процессе которой реализуются позитивные ожидания или устраняются предостережения и угрозы. Так, прогноз

численности населения в России на 15—50 лет позволяет выработать несколько сценариев: от оптимистического до пессимистического (табл. 27.2). Осознание и понимание, например, негативной перспективы приводит к тому, что общество сосредоточивается на этом явлении и начинает принимать меры, хотя часто непоследовательно, чтобы данный прогноз не состоялся.

Таблица 27.2. **Ожидаемая продолжительность жизни в России в 2025—2050 гг. по прогнозным сценариям, лет**

Год	*Мужчины*		*Женщины*	
	Предельно низкая	*Предельно высокая*	*Предельно низкая*	*Предельно высокая*
2025	57,0	68,1	71,5	79,0
2050	57,0	74,5	71,5	84,5

Источник. *Население России, 2001 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2002. С. 175.*

По сценарию предельно низкой продолжительности жизни предполагается, что ее снижение продолжится теми же темпами, что в 1965—1980 гг. Но и в этом случае рост смертности не может быть неограниченным. Пороговым уровнем представляется ситуация, когда разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин достигнет 15 лет (как это случилось в 2008 г.). При этом продолжительность жизни мужчин упадет до 57 лет и станет ниже, чем в 1965 г.

Напротив, по сценарию предельно высокой продолжительности жизни предусматривается переход к росту продолжительности жизни, который для мужчин и женщин суммарно будет иметь тот же темп, что в странах Европейского Союза в 1970—2000 гг. (0,23—0,24 года за один год). Предполагается, что у мужчин темп роста будет несколько выше, а у женщин — несколько ниже, чем в странах ЕС, с тем чтобы к 2050 г. разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами не превосходил десяти лет.

Огромную роль в социальном прогнозировании играет ***морфологический синтез***, который предусматривает получение системной информации по всем возможным параметрам изучаемой проблемы, при полном отсутствии какого-либо предварительного суждения или оценки. Данный метод отвечает на следующие типы вопросов: какие средства необходимы для получения прогнозной информации, какова последовательность наступления событий, как после-

дить применение всех средств, всех методов, всех этапов решения данной проблемы? Но особенно значимо в этом методе требование не упустить ни одной возможности, ничего не отбрасывая без предварительного исчерпывающего исследования.

Так, при прогнозировании этнического состава населения Москвы учитывались многие факторы. Во-первых, изменились миграционные потоки, которые резко увеличили численность жителей города в результате образования новых независимых государств на территории СССР, что привело к притоку в Москву не столько русского населения, сколько выходцев из республик Кавказа и Средней Азии. Во-вторых, экономические потребности города связаны в значительной степени с потребностями в мало- или неквалифицированной рабочей силе, которую во многом восполняют приезжие. В-третьих, действуют и субъективные факторы, которые связаны с демографическим поведением: 22% браков, заключенных в начале XXI в. в Москве, межнациональные. Каждая пятая пара православно-мусульманская. Генофонд города все больше восполняется за счет активного репродуктивного возраста, который олицетворяют приезжие, которые все больше представляют предпочтительный выбор для образования семей. В результате прогноз динамики по данным этнического состава Москвы представляет табл. 27.3.

Согласно прогнозу, представленному в табл. 27.3, численность русских сократится до 73%. Уменьшится число немцев, прибалтийских народов, евреев и вырастет число армян, грузин, дагестанцев, чеченцев, ингушей. Но уже очевиден просчет при прогнозе численности таджиков, киргизов, узбеков. Все это несомненно ведет к серьезному изменению этнического состава населения Москвы и, конечно, потребует существенных коррективов в ее социальной политике.

В числе методов, применяемых в социальном прогнозировании, значительную роль выполняют ***прогнозные сценарии***. С их помощью устанавливается логическая последовательность с целью показать, как исходя из реальной ситуации может шаг за шагом развертываться будущее состояние объекта исследования, социального процесса или явления. Основное значение прогнозного сценария связано с определением перспектив развития, основной его линии, а также с выявлением основных факторов фона развития и критериев для оценки уровней достижения цели.

Кроме того, используются ***прогнозные графы***, которые могут быть ориентированными или неориентированными, содержать или не содержать циклы, быть связанными или несвязанными и т.д. Совме-

стно с «деревом целей» они определяют развитие объекта в целом, участвуют в формулировке прогнозных целей, выработке сценария, в определении уровней и критериев эффективности прогнозов.

Таблица 27.3. **Прогноз динамики этнического состава Москвы, чел.**

Национальность	*1994*	*2000*	*2025 (прогноз)*
Русские	7 958 633	7 753 000	6 340 843
Украинцы	213 876	220 729	229 605
Белорусы	59 982	59 121	50 772
Мордва	27 826	27 838	25 437
Грузины	25 974	34 808	107 516
Чуваши	16 692	16 959	16 525
Молдаване	4 231	5 574	16 027
Марийцы	2 925	2 964	2 857
Удмурты	2 496	2 463	2 126
Осетины	6 337	2 006	25 612
Армяне	59 182	82 238	295 435
Евреи	130 318	98 909	28 529
Татары	171 229	172 030	159 991
Азербайджанцы	22 542	33 311	154 628
Узбеки	7 195	8 060	11 798
Казахи	4 699	5 341	8 301
Башкиры	4 602	5 232	8 147
Дагестанцы	4 524	8 204	89 384
Таджики	4 387	5 493	12 778
Киргизы	3 139	3 332	3 896
Чеченцы	2 944	8 503	143 686
Ингуши	994	2 996	270 657
Буряты	1 794	2 455	8 273
Прочие	41 691	52 520	108 320

Источник. *Известия.* 2003. 21 октября.

И наконец, в социальном прогнозировании используется ***метод моделирования*** (оптимизации решений), который связан с поиском альтернатив развития, что дает возможность выбрать наиболее эффективный для данных условий вариант. Задача выбора рациональ-

ного варианта долгосрочного перспективного развития требует определения критерия оптимальности, который должен отражать эффективность функционирования того или иного процесса и иметь математическое выражение. Среди методов решения задач оптимизации распространено ***линейное программирование***. В задачах ***динамического программирования*** рассматривают систему, которая может менять свое состояние, но этим процессом можно управлять. Все математические модели и методы прогнозирования имеют вероятностный характер и видоизменяются в зависимости от длительности периода прогнозирования. Использование моделей повышает эффективность прогнозирования, позволяет рассмотреть большое количество вариантов и выбрать наиболее приемлемый. Однако в моделировании есть и отрицательные стороны, обусловленные недостаточной точностью и эластичностью моделей при прогнозе, особенно на длительный период.

Таким образом, социальное прогнозирование базируется на различных методах изучения объективных закономерностей (тенденций) социально-экономических, социально-политических и духовных процессов, а также на моделировании вариантов их будущего развития в целях формирования, обоснования и оптимизации перспективных решений. Следует отметить, что *прогнозы обладают способностью к самореализации*, но только в том случае, если смыкаются в единую цепь потребности и интересы людей как на уровне общественной, производственной, так и их личной жизни. Опыт прогнозирования и реализации прогнозов показывает, что их ценность связана также с вариативностью подходов к решению общественных проблем, с глубиной анализа степени вероятности наступления возможных изменений.

27.3. Эффективность социальных прогнозов

Современная история знает немало примеров высокой эффективности и результативности социальных прогнозов. Напомним, что прогнозы, содержащиеся в докладах Римского клуба, были успешными, добротными и не вызывали сомнений, и объясняется это следующим. *Во-первых*, прогнозы базировались на весьма представительной научной информации, полной, достоверной и многоаспектной. *Во-вторых*, обеспечивался комплексный подход, т.е. в их подготовке и обосновании принимали участие представители различных наук, имевшие возможность сопоставить данные своей науки с аналогичной или подобной информацией других наук. *В-третьих*, применялись научно обоснованные методы, а не озарение, ясновид-

дение, умение впадать в транс. И *в-четвертых*, немалую роль играли и сами эксперты, которые в отличие от большинства коллег-специалистов были способны по-особому осмысливать имеющуюся информацию на базе личной фундаментальной подготовки и на этой основе определять направленность происходящих изменений или видеть новые тенденции в общественном развитии.

В то же время многие объявленные и озвученные прогнозы не состоялись, не были реализованы, не были подтверждены жизнью. Анализ имеющихся социальных прогнозов позволяет утверждать, что многие из них оказались несостоятельными, не выдержали испытания жизнью. Некоторые прогнозы, как ни парадоксально, привели к прямо противоположным результатам. Особенно беспомощными и примитивными выглядят прогнозы, выданные в период перестройки командой Горбачева, ибо противоположность целей и результатов не имеют аналогов в политической жизни мира за XX в.

В чем же были главные просчеты таких и подобных прожектов, именуемых прогнозами?

1. ***При прогнозировании социальных изменений отсутствовали системность и комплексность.*** Многие прогнозы строились изолированно от процессов, которые происходили в других сферах общественной жизни. Так, прогнозы по повышению благосостояния граждан в результате «ваучерной» приватизации в начале 1990-х гг. не затрагивали другие, смежные процессы. И поэтому были заранее обречены на провал: социальные явления неразделимо включены в ткань любого жизненного процесса. К чему привело это обещание «один ваучер — один автомобиль», россияне узнали очень быстро, оставшись без всего, даже без эха широковещательных деклараций и обещанных прогнозов.

2. ***При прогнозировании применялись несовершенные методы.*** Это наглядно проявилось, когда, например, намечались ориентиры в развитии российского общества на 1990-е гг. Экономические прожекты, выработанные либеральной мыслью, быстро показали, что предлагаемые преобразования были основаны на расчетах, исходивших из методик, не проверенных практикой, или просто из умозрительных предположений, из персонифицированного, но маниловского желания добиться большего, чем возможно.

Требуется квалифицированный подход, при котором прогнозирование не выливалось бы в прожектерство, и при решении локальных, но принципиально важных проблем. Так, например, в 1999 г. при мозговом штурме в экспертном институте Президента РФ — МЭРТ, исходя из некоторых параметров, спрогнозировали, что в

2010 г. в России будет 15 млн мобильных телефонов. Реальность показала, что их стало 150 млн, т.е. в 10 раз больше. Иначе говоря, процессы модернизации показывают, что методы прогнозирования нуждаются в серьезном изменении, а не копировании чужого опыта.

3. *Отмечалась ограниченность исходной информационной базы.* Это породило болезнь (и беду): официальная статистика серьезно искажала (и искажает) реальное состояние социальных процессов, причем нередко в угоду ложно понятым представлениям о престиже, приоритете, достижениях. Организаторы этой статистики не отдают себе отчета в том, что рано или поздно жизнь приведет эти цифры в соответствие с реальностью, но это будет очень болезненный и тяжелый процесс. Но даже в том случае, когда информационная база была близка к истине, она охватывала ограниченный исторический отрезок времени, не позволявший применить методы сложной экстраполяции.

4. *Многие социальные прогнозы не учитывали или просто игнорировали мотивы, ценностные ориентации людей.* Более того, инициаторы прогнозов-проектов отказывались брать в расчет эти показатели общественного сознания исходя из своего вечного принципа «народ ошибается», «народ не понимает», «народ отстал». Такие оценки, такое пренебрежение тем, что созревает в сознании людей, часто оборачивалось конфузом, а нередко и тем, что этих «знатоков» сметала история. Но самый главный просчет подобных «прогнозистов» состоял в том, что как в 60—70-е гг., так и в 90-е гг. XX в. их прогнозы не могли освободиться от официально функционирующих доктрин, став мертворожденными уже при появлении их в свет. Сказалось и то, что социальные процессы в науке, в политике, а значит, и в практике понимались примитивно и убого.

Это случилось потому, что наука не может быть зависимой от догм политики. И если прогнозы ориентируют людей на выдуманные цели, в искаженном свете отражают общественную жизнь, гипертрофируют интересы определенных слоев общества, то их оценка — как науки, так и политики, — хотели бы их носители того или нет, всегда будет суровой и неприятной, а нередко и беспощадной, несмотря ни на какие заверения. В результате эти прогнозы не выдерживали рекомендуемый средний срок для своего подтверждения — два-три года.

На прогностику нередко влияют мифы, сложившиеся в общественном сознании и поддерживаемые политическими силами. *В этих условиях научный, взвешенный анализ реально происходящих процессов в социальных прогнозах часто замещается идеологически*

окрашенными утверждениями, отражающими сиюминутные, корыстные или некомпетентные утверждения их творцов.

Ситуация сейчас такова, что мыслимые и немыслимые блага ранее социалистической, а теперь капиталистической перспективы изобретались и изобретаются с завидным постоянством и упорством. Не обращая внимания на «мелочи жизни» (жилье, быт, продукты питания, отдых, здравоохранение), политические «прогнозисты» ставят цели, сами по себе вроде бы и привлекательные, но в большинстве случаев ничего общего не имеющие с реальной действительностью. В результате создается некое иллюзорное видение экономики, социальной, политической и духовной жизни.

Между тем прогноз должен быть направлен на создание условий, при которых могли бы быть реализованы как общественные, так и личные ожидания людей. Для этого при прогнозировании определяются ориентиры в каждой сфере общественной жизни и в важнейших ее сегментах, особенно таких, которые призваны обеспечить благополучие человека.

Обзор имеющихся точек зрения, анализ практики позволяют сделать вывод, что научное обоснование общественного развития, теории и практики социального управления требуют широкого развития исследований, обеспечивающих более высокое качество социальных прогнозов. На первом плане стоит разработка общеметодологических проблем и актуальных методических средств социальной прогностики. Сейчас весьма важно провести обстоятельный методологический анализ и оценку применяемых способов составления социальных прогнозов, более точно определить возможности и границы каждого из них, наметить пути создания новых, более эффективных методов прогнозирования. Предстоит найти и достаточно надежные приемы как экспериментальной проверки выдвигаемых прогнозов, особенно долгосрочных, так и предварительной проверки вновь предлагаемых средств для их осуществления.

И в заключение следует отметить, что прогнозирование является базой, предшествует специфическим формам реализации вариантов будущего. Это ***социальное проектирование***, когда решается судьба новых или реконструируемых процессов и объектов. Далее, это ***социальное программирование***, которое нацелено на решение наиболее актуальных и значимых проблем. Кроме того, это ***социальное планирование***, которое охватывает все полотно социальной жизни на всех уровнях общественной организации. И наконец, это возможность апробации вариантов развития в виде ***социальных технологий и экс-***

перламентов, когда отрабатывается возможный путь внедрения нововведений.

Вопросы и задания для повторения

1. Расскажите о возникновении и становлении идей социального прогнозирования.
2. Каков понятийный аппарат социальной прогностики?
3. Как соотносится социальное прогнозирование с социальным предвидением?
4. Охарактеризуйте функции, стадии и характер социального прогнозирования.
5. Каковы алгоритм прогнозирования, его основные этапы?
6. Назовите и охарактеризуйте методы социального прогнозирования.
7. В чем проявляется эффективность социального прогнозирования?

Темы для рефератов

1. Научные основы социального прогнозирования: история и современность.
2. Основные результаты деятельности Римского клуба.
3. Социальная прогностика как наука.
4. Метод Дельфи и его роль в прогнозировании.
5. Эффект Эдипа: содержание и практика.
6. Опыт разработки социально-экономических, социально-экологических, социально-демографических и социально-политических прогнозов (на конкретных примерах).

Глава 28

Социальное планирование

Любое общество, заботящееся о будущем, постоянно разрабатывает и претворяет в жизнь планы (программы, проекты) обеспечения своего развития. Основной вопрос, который в связи с этим возникает, заключается в том, насколько используемые средства и методы реализации поставленной цели коррелируют с основными объективными тенденциями, которые характеризуют направленность развития. При этом степень их научности, обоснованности повышается, если в них отражаются интересы и потребности большинства, которые выступают критерием, показателем жизнеспособности и эффективности осуществляемых преобразований.

Планирование по своей сути является особым случаем (формой) реализации социального прогнозирования, его последующим воплощением и, как правило, *охватывает все многообразие социальных процессов*, присущих любому объекту, подвергающемуся методам прямого или косвенного регулирования.

28.1. История возникновения социального планирования

Идея планирования по своему происхождению — идея социалистическая. Ее впервые в наиболее полном виде высказали представители утопического социализма — *А. Сен-Симон* (1760—1825), *Ш. Фурье* (1772—1837), а *Р. Оуэн* (1771—1858) даже попытался реализовать ее в жизни. Однако уже к концу XIX в. необходимость планирования все чаще становилась достоянием практики решения экономических проблем. Правда, плановость рассматривалась преимущественно в рамках крупных производственных образований — трестов, концернов, фирм.

Сам термин «*социальное планирование*» впервые был употреблен в «Новом курсе» Ф. Рузвельта, который был выработан как путь выхода США из жесточайшего кризиса начала 30-х гг. XX в. В дальнейшем в американской социологии это понятие анализировалось в тесной связи с формами и методами осуществления социальной политики, в частности с обеспечением социальной защиты населения. Однако данный феномен в США рожден под влиянием

реальной теории и практики планирования экономических и социальных процессов, которые впервые были апробированы в Советском Союзе в 20—30-х гг. XX в.

В середине 1920-х гг. в нашей стране были осуществлены плановые разработки развития отдельных отраслей производства, а затем первый пятилетний план, который содержал специальный раздел «Социально-экономические проблемы» и меры по их решению. Некоторые положения социального планирования нашли отражение и в последующих пятилетних планах, хотя сам термин не использовался ни в теории, ни в практике. Под влиянием насущных проблем общественного развития, а также успехов по превращению СССР в индустриальную державу в 1940—1950-х гг. появились государственные органы планирования во многих европейских странах — Франции, Швеции, Германии и др. Иначе говоря, планирование становилось достоянием всех государств, которые преследовали не только экономические, но и социальные цели.

Что касается СССР, то долгое время планомерное изменение социальных отношений выступало в значительной мере *как возможность*, пределы реализации которой были жестко ограничены достигнутым уровнем развития общественного производства и политическими установками. Практически во всех пятилетних планах до 1960-х гг. в качестве первостепенной задачи ставились рост объемов производства и лишь при их выполнении предполагалось удовлетворение потребностей людей. Человеческое начало в планировании игнорировалось или упускалось из вида. Но жизнь не стояла на месте. Более того, она неумолимо требовала привести в соответствие экономические и социальные параметры развития. Характерно, что такая объективная потребность, как учет человеческого фактора производства, стала пробивать себе дорогу снизу, в трудовых коллективах.

Первые попытки научной разработки планов социального развития и их реализации в производственных коллективах были осуществлены в начале 1960-х гг. по инициативе ленинградских ученых и творчески мыслящих руководителей предприятий (например, производственное объединение «Светлана»). Вслед за распространением планов социального развития в промышленности попытки их составления были предприняты в сельском хозяйстве, где тесно переплетались территориальные и производственные интересы коллективов и живущих в этой местности людей.

Эта мощная инициатива снизу постепенно переросла в намерение обеспечить плановость социального развития и на других уров-

них социальной организации общества — в районах и городах, а затем в областях, краях, республиках. Ради справедливости следует сказать, что планы социального развития на всех этих уровнях были, скорее, предметом заботы немногих руководителей, которые не по форме, а по существу занимались социальными проблемами.

Если кратко проанализировать итоги теории и практики планирования в СССР, то наряду с крупными успехами для 1970—1980-х гг. в плановые начала в решении социальных проблем развивались слабо, что выразилось в политике технократизма, потере даже тех достижений и находок, которые были характерны для 1920-х — начала 1930-х гг. Были доведены до абсурда идеи распределения всех ресурсов, что выразилось в мелочной регламентации всего и вся. Сыграли роль абсолютизации директивного планирования и пренебрежение методами косвенного регулирования, игнорирование создания свободы для развития потенциальных возможностей людей.

С приходом рынка под флагом борьбы с «социалистическим наследием» в 1990-е гг. в постсоветской России были отвергнуты все без исключения наработки планового решения общественных проблем. Это было особенно неуместно и неразумительно, ибо, следуя западным образцам построения рыночных отношений, в то же время отвергали их опыт по плановому решению проблем социального развития, на что, например, обращал внимание П. Бергер (1996). В результате не только в экономике, но и в социальной сфере апологеты либеральной экономики вернулись к методам и формам управления XIX в. и даже к эпохе первоначального накопления капитала. К концу 1990-х гг. эти потери стали ощущаться достаточно наглядно. Реакцией на их пагубные последствия стали концепции о социальной ориентации экономики. В реальной жизни стали возрождаться планы экономического и социального развития.

28.2. Сущность социального планирования

Осмысление феномена социального планирования в Советском Союзе прошло несколько этапов. Если же обобщить имеющийся опыт, то сущностные характеристики социального планирования сводятся к следующему.

1. Социальное планирование ориентируется ***на цели, которые вытекают из объективных тенденций*** организации жизни людей и предусматривают удовлетворение повседневных и назревающих (перспективных) потребностей, их согласование между собой, а также меры по активизации созидательной деятельности как самого

человека, так и социальных организаций. Один из парадоксов XX в. состоял в том, что страна, провозгласившая себя олицетворением идей социализма, сделала для человека меньше, чем страны капитализма, логика развития которых привела к необходимости воплощения социальных идей, создав предпосылки для свободы выбора и социальной защиты.

2. Решение как общих, так и локальных проблем не может происходить стихийно или хотя бы на глазок. Для этого используются показатели, по которым судят об эффективности достижения поставленной цели: ***сроки, объемы, уровни, степень достижения намеченных рубежей***, которые позволяют осуществить сравнение с предшествующим этапом развития или с аналогичными объектами планирования.

3. Социальное планирование предусматривает разработку, а затем использование ***средств достижения поставленных целей*** (материальных, финансовых, косвенных рычагов в виде льгот или, наоборот, ограничений) и (или) ***создания условий***, при которых наиболее рационально развивался бы планируемый социальный процесс.

4. Социальное планирование представляет собой ***непрерывный процесс сочетания познавательной и преобразующей деятельности***, которые постоянно взаимно дополняют и обогащают друг друга, что позволяет находить новые резервы, открывать новые возможности для более полной реализации сформулированной цели.

Итак, ***социальное планирование*** представляет собой *научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения.*

Объектами социального планирования выступают все уровни социальной организации — от общества до конкретного производства.

В ***рамках общества*** разрабатываются перспективные планы решения значимых социальных проблем, которые определяют его жизненность и устойчивость. Неумение найти целевые ориентиры, постоянно обновлять их, корректировать и сопоставлять их между собой в значительной мере характеризует практику социального планирования в СССР, когда провозглашаемые цели не состыковывались с реальной практикой. В то же время те страны (ФРГ, Франция, Италия, Греция), в которых осуществлялся учет социальных параметров развития, добились серьезных успехов в решении многих общественных проблем. В 1990-е гг. по предложению ООН стал активно использоваться Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который позволил сравнивать различные страны,

сопоставлять их развитие и определять их состояние и уровень достижения (или отставания) от показателей других государств. Применение этого Индекса позволило определить место России и уровень ее развития по сравнению с другими странами: в 1992 г. Россия занимала 52-е, а в 2007 г. — 67-е место. Еще более дифференцированными эти индикаторы и показатели выглядят по отдельным параметрам: в 2009 г. России по уровню грамотности занимала 12-е место, по уровню ВВП на душу населения —53-е, по продолжительности жизни — 135-е и по качеству жизни — 105-е место.

На *уровне отдельных сфер общественной жизни* — экономической, социальной, политической, духовной — предусматривается планомерное решение таких проблем, как улучшение условий и содержания труда, профессионально-квалификационная подготовка, престижность сфер приложения труда, структура рабочего и свободного времени, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в общественной деятельности и т.д. Плановое их решение — залог обеспечения рационального взаимодействия человека и общества.

На *региональном уровне* социальное планирование представляет собой особую форму целенаправленного регулирования социальных процессов в республике, области (крае) и других административных единицах. Для их эффективного функционирования огромное значение приобретает выравнивание уровней социального развития в территориальном разрезе. На деле это означает создание социальной инфраструктуры, регулирование миграционных потоков, рациональное использование трудовых ресурсов, развитие этнонациональных отношений, распределение и потребление культурных ценностей. Как показал опыт, главным критерием эффективности регионального социального планирования является создание благоприятных условий для трудовой и повседневной жизни. Кроме того, при изучении региональных социальных процессов уточняется, что отличает их от аналогичных процессов в других районах страны. Следует иметь в виду, что проблемы, стоящие перед республикой или областью, не всегда по своей актуальности совпадают с общегосударственными.

И наконец, *уровень производственных организаций* предполагает реализацию ведущей целевой установки — побуждение человека к творческой работе, обеспечение максимума благоприятных условий для его трудовой и повседневной жизни. На этом уровне реализуется ряд принципов. *Первый принцип — в какой степени* работник способен содействовать успешному развитию своей организации и *как он сам* будет изменяться под влиянием происходящих в ней из-

менений. *Второй принцип* предполагает, что действенность планов социального развития зависит от условий, которые создаются для работника, конкретных преимуществ, которые он может получить в процессе распределения материальных и духовных благ. Суть заключается в обеспечении единства усилий, предпринимаемых в государстве по повышению уровня жизни людей, и возможностей, которыми располагает конкретное производство. Важнейшим аспектом реализации этого принципа является совершенствование заинтересованности людей в конечных результатах труда. *Третий принцип* состоит в том, чтобы процесс взаимодействия человека с организацией (а следовательно, и со всем обществом) не протекал стихийно, а направлялся его осознанной деятельностью, его соучастием в управлении делами общества и производства.

28.3. Формы и методы социального планирования

Формы социального планирования представлены, во-первых, адресным планированием, во-вторых, планированием с помощью косвенных (экономических и социальных) рычагов, в-третьих, индикативным планированием.

Адресное планирование включает разработку и обоснование *совокупности заданий*, которая доводится до сведения всех без исключения организаций. Им устанавливаются нормативы по достижению определенного уровня социального развития, что прежде всего проявляется в рациональном соотношении, в пропорциях, которые отражают реальное состояние, тенденции изменений, степень использования тех или иных ресурсов.

Адресное планирование связано с определением *сроков*, необходимых для выполнения поставленной задачи. Чем сложнее цель, тем больше требуется времени не только для всестороннего научного обоснования принимаемого решения, но и для его осуществления. Длительность планового периода не может быть задана априорис: она строится на основе согласования качественных и количественных показателей.

При ***планировании с помощью косвенных (экономических и социальных) рычагов*** изучаются конкретные условия, возможности и потребности. Затем определяется, какие элементы, составные части не поддаются регулированию. Применительно к ним ставится задача их *качественного измерения и прогнозирования* для принятия решений в целях ослабления или нейтрализации отрицательных последствий.

При таком планировании выявляются те переменные, на которые можно воздействовать и которые, собственно говоря, и являются объектами социального регулирования. Так, чтобы сократить объем трудовых затрат, не требующих квалификации, или занятость тяжелым физическим трудом, помимо мер по техническому обновлению производства предусматривается повышение профессионального уровня работников, изменение содержания труда ряда профессий.

Что касается ***индикативного планирования***, то, по убеждению лауреата Нобелевской премии, видного представителя кейнсианства *Дж. Тобина* (1918—2002), оно базируется на взаимно согласуемых планах, которые формируются на основе договоренности государственного (общественного) сектора и частных производителей. Эти планы затем служат в качестве поддерживающих ориентиров для участников соглашения. В этих условиях каждый сектор может развиваться, не опасаясь, что развитие окажется гипертрофированным в силу отставания других участников социально-экономического развития. Данная форма была впервые апробирована после Второй мировой войны в созданном Жаном Моннэ франсузско-герман-ском Сообществе угля и стали, в рамках которого акционерные (частные) предприятия и государства сотрудничали на базе согласованных и востребованных жизнью планов. И это принесло огромный эффект, который неоднократно подтверждался в течение длительного времени и привел к всемирному признанию заслуг его разработчиков. Этот путь, по мнению Дж. Тобина, мог бы быть с успехом применен в постсоветской России. Но инициаторы реформ в России предпочли иное — полностью отказаться от планирования, провозгласив лозунг «рынок отрегулирует все», что имело катастрофические последствия (Иванченко, 2009).

Планирование социальных процессов *нередко сдерживается ограничительными ресурсами, что всегда влияет на определение области свободы.* Ведь социальное планирование, с одной стороны, опирается на наличие материальных, финансовых возможностей, трудовых ресурсов. С другой стороны, любой социальный процесс взаимосвязан с другими явлениями, и поэтому нельзя не учитывать, какое воздействие окажут ограничительные меры на смежные области социального развития.

Существенный момент — *учет интересов социальных групп.* Если при решении экономических задач их интересы в основном совпадают, то этого нельзя сказать о других сферах общественной жизни. Так, критерием эффективности материального производства является минимум затрат при максимизации результата. *Добиваться же минимизации затрат при планировании социальных процессов* — зна-

чтит сознательно идти на ущемление интересов социальных групп, ибо максимум социального результата практически никогда не достигается минимизацией затрат.

Необходимо отметить, что перечисленные формы планирования в чистом виде не существуют. Однако планирование посредством косвенных рычагов и индикативное планирование получили особую актуальность в связи с осуществлением экономических реформ, с расширением области свободы при принятии управленческих решений.

Так как планирование является и наукой, и деятельностью, то *методы нужно понимать и как способы осуществления, и как способы разработки планов (программ, проектов)*. Общие методы планирования характеризуются тем, на какие объективные законы, тенденции опираются возможные способы реализации целей, на что они направлены и в каких организационных формах воплощаются.

Долгое время ведущим в планировании являлся ***балансовый метод***, который возник как способ обеспечения связей между потребностями общества и его возможностями при ограниченности ресурсов. В настоящее время он модифицируется (но ни в коем случае не отменяется) в рамках индикативного планирования, продуктом которого являются взаимно согласованные планы, обеспечивающие стыковку потребностей государства (общества), экономических институтов и частных предприятий на основе учета реальных возможностей договаривающихся сторон.

Научность социального планирования во многом зависит от использования ***нормативного метода***. Его требования служат основой для разработки и обоснования показателей развития для различных уровней социальной организации общества. Именно нормативы позволяют осуществить расчеты и обосновать реальность плановых заданий, определить ориентиры для многих общественных процессов.

Аналитический метод соединяет в себе анализ и обобщение. Его сущность сводится к тому, что в ходе планирования социальные процессы расчленяются на составные части, и на этой основе определяются направления реализации намеченной цели.

Все большее значение приобретает ***метод вариантов***, суть которого заключается в определении нескольких возможных путей решения социальных задач при наличии полной и достоверной информации. Его разновидностью является ***метод вариантных приближений***: вначале на базе имеющихся исходных данных определяется возможный путь в порядке первого приближения, а затем производятся последовательные уточнения. Его применение связано с поиском оптимального варианта решения той или иной социальной задачи, с рациональным выбором приоритетов.

Комплексный метод представляет собой разработку планов с учетом всех главных факторов (материальных, финансовых, экономических и социальных), а также с определением исполнителей и сроков. Его применение предполагает соблюдение следующих требований: определение темпов и пропорций развития, статической и динамической моделей и выработка основных показателей плана.

Приобретает все большее значение ***индикативный метод***, при котором скрупулезно учитываются как текущие, так и перспективные потребности в тесной увязке с возможностями и вариантами их удовлетворения. При этом важное значение получает, к сожалению, так и не реализованная в нашей стране технология планирования «снизу вверх» с учетом требований рынка.

Широкое признание получил ***социальный эксперимент***, в ходе которого уточняются механизм действия объективных законов и особенности их проявления в деятельности одного или нескольких социальных институтов. Полученные выводы помогают скорректировать ход развития планируемого процесса, проверить на практике прогнозируемые положения и выводы.

Важное место в социальном планировании занимает ***математическое моделирование***. Такое название в известной мере условно. В действительности речь идет о количественном анализе при использовании уже перечисленных выше методов планирования. Математические методы не отменяют социального анализа, а опираются на него и, в свою очередь, влияют на дальнейшее его совершенствование. Количественный анализ опирается на такие методы, как *линейное программирование, многофакторный анализ, теория игр* и т.д. Всем этим формально-логическим количественным процедурам отводится роль специфического инструмента, необходимого для решения поставленных задач.

28.4. Показатели и нормативы социального планирования

Количественная и качественная характеристики состояния, тенденций и направлений социального развития, применяемые в планировании для оценки соответствия реально сложившегося положения научно обоснованным требованиям, называются ***социальными показателями***. В наиболее распространенном виде показатели определяются и рассчитываются на базе статистических данных. Чтобы получить более глубокое представление о социальных процессах, проводятся специальные исследования, призванные дать

оценку их состояния с точки зрения соответствия потребностям, установкам и ценностным ориентациям людей.

Для определения уровня социального развития используются две группы показателей: ***общие***, по которым можно установить, отстает, опережает или находится на удовлетворительном уровне изучаемый процесс или явление, после чего принимаются меры для усиления или стагнации мер воздействия; ***нормативные***, на основе которых определяется соответствие научно обоснованным требованиям. Эти показатели обычно не совпадают с существующими в стране и в регионе, но они характеризуют степень развитости или совершенства регулируемого явления. Иногда для сравнения берутся реально действующие показатели социального развития аналогичных объектов. Их использование и сопоставление дают возможность определить место изучаемого процесса или явления в рамках более крупных общностей.

К ключевым проблемам следует отнести ***определение рационального количества показателей***. Много — это не значит хорошо, ибо при таком подходе возможна дезорганизация и дезориентация управления всех его звеньев сверху донизу. Так, если в 1986 г. было 46 тыс. централизованно планируемых показателей, то в 1987 г. их стало в 2 раза меньше — 22 тыс. В 1988 г. их число уменьшилось до 3,5 тыс. Потом их совсем ликвидировали. Но полное отсутствие показателей в период перехода к рынку создало проблемы и доказало, что отказ от них способствовал дестабилизации и деформации как экономического, так и социального развития, привел к неоправданному краху многих производств и породил хаос в производственных отношениях.

Анализ практики планирования показывает, что оно эффективно в том случае, если применяется несколько групп показателей.

Первая группа опирается на опыт, накопленный при планировании экономического и социального развития на предшествующих этапах. Эти показатели выражаются с помощью количественных характеристик и могут быть спроектированы на несколько лет вперед. Это касается главным образом показателей развития материальной базы, подготовки кадров и т.д.

Вторая группа описывает только качественные характеристики, связанные с тем, что для многих процессов крайне трудно указать точные параметры будущих изменений.

Третья группа показателей может быть использована после окончания планового периода для того, чтобы оценить результативность принятых мер.

Социальные показатели характеризуют объективно складывающиеся направления развития и свидетельствуют о благоприятных тенденциях или, наоборот, о действии негативных факторов. В этом отношении очень важно использование показателей развития за пяти-, десятилетний и более срок, по которым можно установить степень достижения поставленных целей, возможность их уточнения исходя из конкретной ситуации. На этой основе вырабатываются меры по стимулированию процессов, в которых общество заинтересовано, и одновременно по ограничению явлений, представляющих предмет заботы.

Таким образом, разработка и применение социальных показателей направлены на получение научно обоснованных управленческих выводов, нацеленных на повышение эффективности социального планирования и его действенности при решении как общих, так и специфических социальных проблем.

Социальные нормативы — это *научно обоснованные количественные и качественные характеристики желаемого состояния социального процесса (или одной из его сторон), полученные на основе учета объективных тенденций и возможностей общества и направленные на максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей.* Их конкретно-исторический характер заключается в том, что они отражают возможности и потребности общественного развития на данном этапе и соответственно могут (и должны) изменяться в перспективе. В своей основе они имеют *четкую количественную* и *качественную определенность*, которая представляет собой величину, характеризующую идеальную (желаемую) цель развития планируемого процесса. Поэтому, чтобы установить эффективное соотношение потребностей и возможностей в социальном развитии, нормативы обычно апробируются сначала экспериментально, а затем и в массовом порядке (например, минимальный потребительский бюджет).

Очень важно, чтобы социальные нормативы были согласованы между собой, ибо их дисгармония ведет к не меньшим издержкам, чем их отсутствие, как это имеет место в реформируемой России, когда дифференциация в оплате за примерно равный труд достигает огромных размеров, в большинстве случаев из-за причастности людей к различным формам собственности.

Социальные нормативы, отражая общие закономерности, *дифференцируются в зависимости от конкретных природных и социально-экономических особенностей и не могут оставаться неизменными.* Они предполагают использование коэффициентов, применение которых особенно важно в трудных природно-климатических условиях, в регионах с различной половозрастной структурой населения.

Однако нормирование слабо затронуло общественную деятельность, сферу культуры, образ жизни. Вместе с некоторыми ненормированными аспектами трудовой деятельности, семьи и быта это область тех общественных отношений, которые практически не подвергались количественной оценке. В связи с тем что по этим направлениям определение нормативов затруднено, правомерно введение в практику планирования понятия «*социальный ориентир*», которое выражает возможную рациональную величину развития общественных процессов исходя из сложившихся показателей развития аналогичных явлений. На практике нередко используется такой прием: за оптимальную величину принимаются лучшие показатели ряда организаций и объединений. Они становятся в определенном смысле эталоном, т.е. ориентиром, и приняты в конкретной обстановке за так называемый *рабочий оптимум*.

В социальном планировании активно применяется такая специфическая форма социальных нормативов, как индикаторы, традиционной формой которых является классификация *по сферам жизнедеятельности человека* (труд, общественно-политическая жизнь, культура, быт, межличностное общение).

Во-первых, они отражают обеспеченность ресурсами в расчете на 10 (100) тыс. человек. Их применение дает возможность оценить отставание, опережение или соответствие уровня развития социальных процессов в регионе или стране нормативным требованиям.

Во-вторых, они могут выражаться в требованиях, предъявляемых к городским и сельским поселениям. Такие индикаторы связаны с архитектурно-планировочными решениями и необходимостью организации рациональной жизни населения. К их числу следует отнести обеспеченность сельских населенных пунктов школами, киноустановками, пассажирским транспортом и т.д. В применении к городам — это оснащенность и обеспеченность микрорайонов городов всем необходимым для повседневной жизни или характеристика требований, например норматив зеленых насаждений, обеспеченности торговым и бытовым обслуживанием.

В-третьих, существуют нормы, связанные с использованием системы «человек — человек». Иначе говоря, сколько лиц той или иной профессии приходится на 10 (100) тыс. населения, например медицинских работников, учителей, работников культуры и т.д. Практика показывает, что чем меньше это соотношение, тем больше жалоб на качество работы, оперативность, маневренность, на социально-психологический климат. Определенной модификацией этого требования может быть обеспеченность кадрами в расчете на 1 тыс. населения по видам профессий.

Социальные нормативы, индикаторы и ориентиры могут быть разработаны *для различных уровней социальной организации общества*: для сравнения по всей стране, или только в определенном регионе, или в отрасли национального хозяйства, или в небольшой группе организаций, в том числе и первичных. Они могут быть дифференцированы в зависимости от социальной структуры общества, ибо несомненно, что, например, повышение квалификации и образования в нормативном аспекте будет различаться в зависимости от специфики каждой из социально-профессиональных групп. И наконец, социальные нормативы и ориентиры изменяются и будут изменяться на каждом этапе развития не только общества, но и каждого региона, каждого производства.

Большие возможности для совершенствования планирования имеют ***социальная карта региона и социальный паспорт организации***, которые констатируют многообразие социальных процессов и изменений на этих уровнях. Эти документы позволяют постоянно осуществлять анализ и сравнение объектов планирования. Особенно отчетливо это проявляется при планировании социального развития города или региона, при рассмотрении состояния их социальной инфраструктуры. Социальная карта или паспорт предполагают использование различных показателей и индикаторов, что вызывается объективной необходимостью учета различий в демографической структуре населения, природно-климатических условий или этнонациональных особенностей. Их применение показывает, какие меры могут быть приняты для решения поставленных задач.

Опыт социального планирования свидетельствует, что обычно в социальной карте или паспорте характеризуются в первую очередь социальный состав населения, демографическая ситуация, а затем показатели трудовой, общественно-политической, культурной и бытовой деятельности. Нередко в них находят отражение кадровое обеспечение социального развития и его материально-техническая база, которые могут рассматриваться и анализироваться как по сферам общественной жизни, так и самостоятельно. Эти данные дополняются характеристиками, полученными в ходе социологических исследований.

Вопросы и задания для повторения

1. Назовите и охарактеризуйте этапы развития социального планирования.
2. Каковы уровни социального планирования и специфика каждого из них?

3. Охарактеризуйте формы социального планирования.
4. Какие методы социального планирования вы знаете?
5. Дайте характеристику показателей социального планирования.
6. В чем состоит специфика социальных нормативов, индикаторов и ориентиров в социальном планировании?

Темы для рефератов

1. Социальное и экономическое планирование: общее и особенное.
2. Теория и практика становления и развития социального планирования: достижения и просчеты.
3. Основы социального планирования городов.
4. Специфика социального планирования в производственных организациях.
5. Социальное планирование в зарубежных странах (например, опыт Франции, Швеции).
6. Социальные показатели и их роль в совершенствовании планирования.
7. Социальная карта региона как инструмент социального планирования.

Глава 29

Социальное проектирование

Социальное проектирование, его теоретическая интерпретация и практика сформировались в XX в., когда стало очевидно, что игнорирование социальных аспектов развития чревато серьезными издержками в функционировании современных обществ.

На первых этапах своего становления оно было производным от технического и технологического проектирования, от методов, применяемых в архитектуре и машиностроении. Затем эти методы стали использоваться при решении экономических проблем: создании крупных хозяйственных объектов, привлечении рабочей силы для освоения природных богатств. Постепенно наряду с традиционными видами сложились новые самостоятельные направления проектирования: экологическое, демографическое, инженерно-психологическое и др. Проектирование охватывает практически все сферы деятельности человека и общества.

29.1. Сущность социального проектирования

Проектирование *— одна из форм опережающего отражения действительности, создание прообраза (прототипа) предполагаемого объекта, явления или процесса посредством специальных методов.* Проектирование в конкретной форме выражает прогностическую функцию управления, когда речь идет о будущей материальной или идеальной реальности. Его целью является реализация одного из вариантов преобразования действительности, связанного со стремлением придать желаемые свойства и черты проектируемому объекту.

Субъект управления (человек, организация), прежде чем предпринять какое-либо действие, всегда сначала обдумывает (анализирует) несколько вариантов, одному из которых после сопоставления отдается предпочтение. В этой связи уместно напомнить высказывание К. Маркса об отличии архитектора от пчелы, который, приступая к созиданию, подготавливает предварительно проект своего будущего детища.

Социальное проектирование реализуется в следующих ***формах***: а) при создании новых объектов, процессов, явлений, социальных сетей; б) при внедрении принципиально новых отношений, процедур или компонентов в существующих структурах, которые нужда-

ются в кардинальных изменениях (частичная модернизация); в) при реконструкции, принципиальной перестройке существующих общественных связей, когда изменяется вся схема управления (полная модернизация).

Проектирование, будучи одной из форм выработки и принятия решения — *важный элемент цикла управления, в большей мере, чем другие функции, связано с осуществлением модернизационных и инновационных процессов.* Поэтому социальное проектирование в отличие от планирования в большей степени обусловливает, детерминирует новаторские инициативы, допускает подготовку многовариантных решений, претендующих на достижение принципиально нового состояния исходя из имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Эта задача несколько изменяется, когда речь идет о реорганизации (реконструкции) существующих социальных процессов, институтов, организаций на принципиально иных основах. В этом случае проектирование направлено на поиск и обоснование средств, которые предполагают возможность их воспроизведения или замены в зависимости от ситуации в сочетании с имеющимися, оправданными и апробированными ресурсами.

Еще одно отличие заключается в том, что *социальное проектирование может существовать в виде предположений, в нескольких вариантах, которые, как правило, основываются на различных моделях.*

Отмечая исключительную важность этого процесса, иногда употребляют термин *«социальное конструирование»* (Ляхов, 1970). Конструктивная деятельность — это поле творческого освоения социальной действительности. Она базируется на том, что наряду с наиболее вероятной тенденцией существуют менее вероятные, но реально возможные. Кроме того, обычно имеется запас внутренних социальных ресурсов, который может быть мобилизован для решения данной задачи. И наконец, перспективные цели, близкие по содержанию, могут на каком-то этапе меняться своим положением, или одна и та же цель обеспечивается различными средствами.

Социальное проектирование существенно отличается от *социальной инженерии*, которая стремится конструировать возможные пути развития явления или объекта, исходя из потребностей той непосредственной среды, процессы которой в первую очередь интересуют проектантов.

Представления о социальном проектировании постоянно обогащаются и развиваются. Напомним, что исходные принципы проектирования разрабатывались Я. Дитрихом, Т. Тиори, Д. Фраем, П. Хиллош, Ф. Ханикой и др. В отечественной литературе известны

труды В.Н. Дубровского, А.Г. Раппопорта, В.М. Разина, Б.В. Сазонова, Г.П. Щедровицкого, О.И. Генисаретского, П.Н. Лебедева, Н.И. Лапина, Н.Г. Харитонова, Ю.А. Крючкова. В настоящее время в научной литературе существуют различные вариации классификации и объяснения сути социального проектирования: ***объектно-ориентированный подход*** (Г.А. Антонюк, Н.А. Антов, Ж.Т. Тощенко), ***проблемно-ориентированный подход*** (Т.М. Дридзе, Э.А. Орлова, О.Е. Трущенко) и ***субъективно-ориентированный*** (В.А. Луков). Каждый из этих подходов имеет свою специфику. Если в первом подходе предпочтение отдается разработке проектов объективной реальности с локализацией социально-проектной деятельности и четкой проработке нормативных требований, то во втором в центр ставится «выработка вариантных образцов решений текущих и перспективных социально значимых проблем». Что касается третьего подхода, то здесь внимание концентрируется на необходимости учета субъективного восприятия объективного мира, в котором большая роль отводится учету установок, устремлений и ценностных ориентиров вовлеченных в проектную деятельность людей, выступающих как ее созидателями, так и объектом проектируемых социальных изменений. Однако при абсолютизации требований субъективно-ориентированного подхода резко возрастает вероятность превращения проектов в прожекты, как, например, выражение благостных мечтаний гоголевского Манилова или авантюристические обещания Остапа Бендера, сулившего превратить Васюки если уж не в столицу мира, то в столицу России обязательно. Вот почему необходимо осуществлять целостный объективно-субъективный подход, в котором социальная реальность в максимальной степени совмещалась бы с не менее реальными потребностями, интересами и ценностями людей.

Обобщая сказанное, можно заключить, что социальное проектирование — это специфическая деятельность, связанная с научно обоснованным определением вариантов развития новых и модернизируемых социальных объектов, процессов и явлений и с целенаправленным коренным изменением их социальных характеристик.

29.2. О методологии социального проектирования

Проектировать — это значит *сопоставлять варианты будущего состояния социальных процессов, явлений и объектов, чтобы избрать наиболее эффективный, рациональный, оптимальный.* При всем их многообразии есть ряд общих требований, необходимых для подготовки,

разработки и реализации проекта. Они ориентируют *на достижение конечного результата*, чтобы в повседневных делах и оперативных планах не упускались из виду главные задачи. Не менее важен *принцип минимальных обязательств*, который концентрирует внимание на основной цели, отвергая в известной мере все, что может замедлить или отвлечь силы от ее реализации.

Организация (формальная или неформальная), где решается вопрос о проектировании, обеспечивает выработку идей таким образом, чтобы к проектированию было привлечено как можно больше людей творческих, профессионально подготовленных (Альтшуллер, 1979).

Для методологии проектирования большое значение имеет научно обоснованное определение соответствующих подходов его реализации.

Один подход заключается в том, что среди объектов социального проектирования есть *проекты по совершенствованию основных функций социальных субъектов в области экономики, политики и культуры*, направленные на создание условий и совершенствование деятельности в этих сферах общественной жизни.

Другой подход заключается в том, что проектирование направлено на решение таких проблем, которые *целесообразно различать по уровням организации общественной жизни*. Именно поэтому социальные проекты могут (и должны) разрабатываться на уровне конкретной организации (района, города, региона, области, республики) и страны в целом.

Еще одним подходом, имеющим важное методологическое значение, является ***достижение социальных результатов и прогнозирование социальных последствий в ближайшей или отдаленной перспективе.*** Что касается далекого будущего, то эффективность проектирования обеспечивается детальным анализом ситуации, скрупулезным рассмотрением возможных путей развития, в то время как проекты на ближайшую перспективу могут строиться на базе упрощенных приемов при ограничении рассматриваемых факторов, когда внимание сосредоточивается только на тех, которые измеряются или являются более ощутимыми.

И наконец, проектирование учитывает ***возможность эксперимента по проверке идей.*** В этом случае нужен тщательный анализ данных, который бы показал соответствие поставленных задач реальным, имеющимся результатам. Эксперимент призван ответить на вопрос об имеющихся, но скрытых резервах и способах их возможного использования.

Особо стоит остановиться на ограничениях, которые препятствуют эффективности социального проектирования.

Успеху дела *мешают недоверие к оригинальным решениям, стремление быстрее реализовать проект.* Недостаточно эффективно организованное поощрение инициатив замедляет поиск, мобилизацию творческого потенциала. Немалый вред наносит удовлетворенность существующим положением, использование прежних достижений, *отказ от постоянного поиска резервов.* Отсюда нежелание рисковать и стремление строго придерживаться ранее выработанных канонов. Если же рассматривать *субъективные условия*, то тут многое зависит от личности проектантов, их компетентности, умения грамотно и нестандартно мыслить, от их мастерства и заинтересованности в осуществлении намеченных целей, умения соединить науку и практику, реально существующее и желаемое. Многие негативные последствия возникают *из-за отсутствия гибкости в принятии новых идей, следования привычным нормам.*

И наконец, следует подчеркнуть одно важное методологическое положение: ***проектирование является одной из форм реализации социального прогноза наряду с социальным планированием и социальным программированием***, и, взаимодействуя с ними, оно тем не менее обладает только ему присущими качественными особенностями, выраженными в его методах и этапах.

29.3. Методы и этапы социального проектирования

Проектирование — ответственный процесс, требующий знания законов общественного развития. Оно не должно ограничиваться (ориентироваться) субъективными желаниями и устремлениями людей, какими бы благими намерениями они ни сопровождались. Избавиться от односторонности, субъективизма в проектировании можно, только опираясь на научные методы. К ним прежде всего относится метод использования ***матрицы идей***, когда на основе нескольких независимых переменных составляются варианты решений. Обычно разработка социального проекта зависит от сложности и первоочередности поставленных задач, от сроков, в пределах которых требуется осуществить замысел, а также от материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Просчитывая варианты на основе этих переменных, можно определить наиболее эффективный путь реализации проекта в заданных условиях. Это важное требование применяется, как правило, при ограниченности возможностей (в условиях так называемой области свободы).

Существует и такой метод, как ***вжитвание в роль***. Он помогает получить более точное представление о том, что нужно сделать в процессе проектирования. Это не просто попытка заглянуть в

будущее, а стремление глубже понять, как будет реализовываться, а затем и функционировать проектируемый объект. При этом следует учесть, что при решении любой проблемы требуется учет интересов и желаний людей, а это лучше достигается, когда изучаются условия, в которых протекает процесс.

Важным для социального проектирования является метод ***аналогии***. Всегда имеются эффективно функционирующие предприятия, организации, населенные пункты, в которых рационально решены те или иные социальные проблемы. Их подходы к делу в известных пределах могут служить образцом, эталоном, даже если не все детали в должной степени проработаны. Опираясь на такие достижения, беря лучшее и освобождаясь от неоправдавших себя идей, создают по аналогии социальный проект, который может обеспечить достижение сформулированных целей и предполагаемых результатов.

При подготовке проекта нередко возникает необходимость принять новое решение, которое вызвано неудовлетворенностью существующей практикой. В связи с этим встает вопрос: как улучшить положение, найти более рациональный и эффективный способ управления? В этом случае наиболее приемлем ***метод ассоциации***, когда решение социальной проблемы в другой сфере общественной жизни подсказывает путь, по которому легче прийти к цели. Своеобразный вариант ассоциации в проектировании — это ***приспособление***, когда оправдавший себя в иной ситуации опыт решения проблем применяется к интересующему объекту. Метод ассоциации может использоваться через ***модификацию***. С учетом накопленных знаний разрабатываются подходы, которые позволяют серьезно видоизменять объект воздействия, т.е. затрагиваются не только формы, но и существенные, содержательные и структурные элементы изменяемого объекта. Метод ассоциации связан также с устранением прежних принципов функционирования объекта и с заменой их новыми исходными положениями, ведущими к коренному преобразованию проектируемых данных. Этот прием называется ***полной реорганизацией***.

Нельзя забывать и такой момент. В процессе проектирования возможны ситуации, не похожие на упомянутые выше и ставящие принципиально новые проблемы. В этих случаях применяется ***метод мозгового штурма***, когда мобилизуется весь имеющийся интеллектуальный потенциал: объявляется своеобразный конкурс идей, способных значительно продвинуть поиск оптимального решения проблем того или иного проекта. Этот метод, обоснованный в 1939 г. А. Осборном, связан с генерацией идей, с их равноправной конкуренцией, с возможностью сопоставления. Известен один из вариантов этого метода — ***метод синектики***, согласно которому не-

сколько предложенных идей рассматриваются отдельно друг от друга, а потом между ними устанавливаются взаимосвязи и определяются их приоритеты на основе сопоставления. Несомненно, учитывая динамизм и сложность социальных процессов, следует шире практиковать конкурс идей, стараясь при этом избегать влияния славы, заслуг, званий участников конкурса.

Разработка социального проекта нередко начинается в условиях известной неопределенности, отсутствия ясности в отправных моментах развития процесса или явления. Между тем во всех случаях, будь то формирование нового города, реконструкция предприятия, создание новой организации, требуются определенная логика, последовательность событий, в соответствии с которыми реализуется проект.

В основе процесса проектирования лежит анализ общественной потребности, что позволяет сформулировать ***цель***. Она может быть и очевидна, и скрыта, поэтому ***начальный этап проектирования предполагает поиск, связанный с определением главных потребностей***. Взять, например, такой исторический факт. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. был осуществлен смелый проект строительства Днепрогэса, реализация которого была вызвана потребностью построить в минимальный срок совершенно новое, технически передовое предприятие и одновременно создать условия для рациональной трудовой и повседневной жизни населения. Этот опыт — строительство города и предприятия — показал, как важно, чтобы научная идея отражала действительные потребности как производства, так и людей и соответствовала объективным критериям.

Кроме того, на ***этапе поиска, обоснования проекта***, необходимо хотя бы в самом общем виде представить тот ***резерв и ресурс времени***, который отводится для его выполнения. Одновременно уточняется цель разработки социального проекта: характеристика того состояния, какого хотелось бы достичь исходя из общественных потребностей.

Сформулировав цель, приступают к этапу ***сбора необходимой информации***, обращаясь к любым источникам, включая и научные исследования. Приоритет отдается тем сведениям, в которых зафиксирован ***современный уровень познания социального процесса***. При этом обращается внимание на аргументы как «за», так и «против» тех решений, которые имеются в мировой практике.

Этап составления задания на проектирование предполагает использование полученной информации и определение того, ***каким параметрам оно должно удовлетворять (или соответствовать)***. И здесь большую роль играет выработка принципиально новых идей, которые раскрывают пути эффективного достижения намеченных целей.

Формулировка задания рассматривается как часть концепции, которая может включать различные варианты решений. Лучше, если эти варианты представлены в виде матрицы, что предполагает отбор наиболее приемлемых с учетом изменения переменных (сроков, материальных, финансовых и трудовых ресурсов, первоочередности реализации элементов проекта). Концепция проекта обычно проверяется двояким образом: посредством теоретического анализа и с помощью эксперимента.

На ***заключительной стадии проектирования*** принимается решение. Оно выступает в виде ***конкретной программы действий***, которая в заданных параметрах намечает средства достижения поставленной цели при наличии определенных ограничений. Решение содержит также возможные варианты, сроки, основные этапы и последовательность операций.

29.4. Виды социального проектирования

Социальное проектирование новых организаций. Опыт социального проектирования новых организаций, главным образом производственных, накапливался постепенно. Долгое время социальные аспекты их формирования учитывались недостаточно, в результате чего возникали различного рода отклонения, что впоследствии сказывалось на эффективности трудовой и повседневной деятельности людей.

Для большинства новых организаций ***основной социальной целью является создание стабильных, устойчивых коллективов (объединений, общностей)***. Поэтому при их проектировании разрабатываются такие акции, как комплектование и закрепление рабочей силы (персонала), создание благоприятных условий труда, формы и методы профессиональной подготовки и т.д. На промышленных предприятиях для ослабления негативных последствий использования тяжелого ручного труда, применяются компенсирующие средства, влияющие на поведение человека и его отношение к делу.

При проектировании новых организаций важно соблюдение ***принципа комплексности***. При обосновании целесообразности и социально-экономической перспективы проекта обычно принимаются во внимание состояние и уровень развития энергетических ресурсов, коммуникаций, а также наличие трудовых ресурсов. С формальной точки зрения такой подход удовлетворяет требованиям науки. Однако многолетний опыт формирования новых организаций (производств) показывает, что нередко решающим препятствием на пути освоения становились отсутствие специальной профессиональной подготовки работников, а также их социальная и моральь-

ная незаинтересованность, слабая мотивация, разрыв между личными и общественными интересами. Многие «хорошие» проекты и планы испытывали трудности при их осуществлении не только по технико-экономическим причинам, но и потому, что люди не хотели действовать согласно разработанным программам, так как не были учтены или не в полной мере учтены их потребности в жилье, в культурно-бытовых услугах, в отдыхе, в детских дошкольных заведениях и т.д.

При проектировании новых организаций (производств) большое значение приобретает ***процесс социальной адаптации***. Это выражается в информированности людей о характере предстоящей работы, об условиях жизни, труда в организации, в которой им предстоит трудиться. Успешная адаптация связана с удовлетворенностью трудом, с получением или повышением квалификации. Проектируя новую организацию, следует исходить из того, что в ходе развития производства ряд профессий может исчезнуть, другие в корне изменят содержание, а третьи — станут этапом в социально-профессиональном продвижении людей, особенно молодых.

Социальное проектирование новых организаций (производств) включает в себя обеспечение условий труда, и в первую очередь по таким показателям, как шум, загазованность, вибрация, освещенность, температурный режим. Создание нормальных условий труда для всех работников требует также учета требований технической и производственной эстетики.

Теория и практика социального проектирования поставлены перед необходимостью активнее вмешиваться в развитие социальной ситуации. Как показывает анализ социального развития новых производств, они в большинстве случаев регулируют те процессы, которые связаны прежде всего с трудовой деятельностью, с участием человека в развитии техники и технологии (Котляров, 1989).

Итак, социальное проектирование новых организаций — это процесс подготовки, разработки и реализации одного из вариантов обеспечения условий труда и быта главной производительной силы — работников и членов их семей — в условиях вновь возникающих или реорганизуемых производств, социальных процессов и явлений.

Проектирование новых городов. Продолжительное время проектирование новых городов осуществлялось только архитекторами. Хотя социальные факторы их развития всегда в той или иной мере учитывались ими, однако их учет стал особенно актуален в условиях интенсивной урбанизации. Все больше проектов новых городов подготавливаются на основе сопоставления различных вариантов,

что позволяет выбрать наиболее приемлемый план строительства как производственных, так и социально-культурных объектов.

Одним из требований при проектировании городов является ***рациональное размежевание жилой и промышленной зон***. Опыт развития города Норильска, созданного при крупном месторождении, прошел испытание жизнью, доказал необходимость и показал эффективное решение многих проблем жизни населения в трудных природных и климатических условиях, рациональное сочетание производственной и социальной инфраструктуры города. Современным прообразом города, в котором максимально учтены градостроительные нововведения, производственная необходимость и социальные потребности людей, является город Когалым на севере Тюменской области, в котором созданы рациональные условия для трудовой и повседневной жизни. Можно сказать, что этот город серьезно выделяется среди своих собратьев, также созданных для добычи нефти и газа.

В городах Ереване и Вильнюсе наряду с сохранением памятников архитектуры прошлого применяются различные методы проектирования. Отличительной чертой их является стремление *отразить новые требования к застройке городов, обеспечить наивысший уровень комфорта, вписаться в природный ландшафт и учесть национальные и исторические особенности и традиции*.

Потребность во всестороннем учете социальных факторов стала наиболее ощутимой при обосновании перспектив развития старых городов. Она отражается в разработке районных планировок и генеральных планов городов, выступающих как связующее звено между проектированием города как единого целого и отдельных районов с учетом повседневных потребностей их жителей. Достоинство этих проектов-планов заключается в том, что, во-первых, они решают важнейшие технико-технологические и организационные задачи, а во-вторых, их реализация включает комплексный учет всех социально-экономических аспектов жизни городского населения.

29.5. Действенность социальных проектов

Характер социальных проектов различен — от проектов, предусматривающих эволюционные изменения, до создания принципиально новых, требующих, по мнению П. Хилла, не менее 55—60 оригинальных идей. Каждый проект в принципе решает три основных вопроса: *кто* будет проектировать, *что* надо проектировать и *как* организовать проектирование. Их решение всегда связано с удовлетворением общественной потребности, а также с реализацией поисковых и оригинальных замыслов.

Обоснованность социальных проектов достигается не просто учетом объективных законов, а тем, насколько они адекватно отражаются в процессе проектирования. И именно тогда проект, выступая как своеобразное творческое произведение, не будет фантазией, прожектом, а станет реальным инструментом преобразующей деятельности человека. При подготовке проекта, как отмечалось, возможна разработка нескольких вариантов будущего состояния социального процесса или явления. При их обсуждении и сопоставлении с учетом имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов обычно избирается тот вариант, который приобретает силу директивного задания. Возможность многовариантной проработки проектов стала особенно предметной в связи с широким применением экономико-математических методов, с развитием и совершенствованием теории и практики социального планирования (Антонюк, 1986).

Подготовка социального проекта во многом предопределяет успешную реализацию других функций управления, поскольку в процессе его осуществления достигается поставленная цель, выполняется намеченная программа. На каждом этапе его подготовки требуется научное обоснование поставленной задачи, на основе которой создается план действий, призванный органически сочетать как результаты, полученные при анализе предшествующего развития, так и требования, выдвигаемые новым эталом. В процессе осуществления функций организации, регулирования, учета и контроля нередко уточняются положения проекта и, если это необходимо, вносятся соответствующие коррективы, направленные на успешное выполнение основной программы. Таким образом, ***социальный проект*** — это прежде всего *документ* (*совокупность документов*), *характеризующий цели, средства и этапы реализации намеченной программы социальных изменений.*

Вместе с тем очевидно, что самого документа-проекта недостаточно — ***необходим механизм его претворения в жизнь.*** Практика, реальная жизнь свидетельствуют, что нередко прекрасно разработанный проект нового города так и не получает реального воплощения. В результате город (например, г. Дивногорск при Красноярской ГЭС) долгое время не имел своего запоминающегося силуэта, в нем отсутствовали многие удобства, необходимые для жизни, а некоторые вообще не появились, несмотря на то что были заложены в проекте. Это привело к тому, что при реализации технико-экономического проекта самой ГЭС социальные нужды людей продолжительное время оставались в замыслах проектантов. В результате город постепенно утрачивал социальный потенциал, ибо из-за неудовлетворенности условиями жизни происходила огромная сме-

на (текучесть) работников, что в свою очередь имело не только социально-психологические, но и экономические издержки. По подсчетам экспертов, социальные потери привели к финансовым потерям, практически равным стоимости строительства самой ГЭС.

Эффективность социальных проектов определяется ***возможностью обеспечить комплексное развитие социального объекта.*** Практика показывает, что только техническая реализация проекта чревато серьезными издержками: как правило, происходит ухудшение качественного состава населения, гипертрофируются отдельные социальные связи, социальное противопоставляется техническому и т.п.

Действенность социальных проектов во многом зависит от их согласования с актуальными потребностями общества и региона. Так, недостаточный учет требований экологии способен свести на нет социальные цели. Не менее важным является отражение в социальных проектах назревающих, грядущих изменений в технике и технологии, особенно когда речь идет о широком применении таких новаций, как гибкие производственные системы, биотехнология, компьютерная техника и т.п. Но еще большую актуальность приобретает создание условий для привлечения квалифицированных категорий работников, что не только обеспечивает успех проекту, но и предъявляет достаточно высокие требования к производству, его соответствию техническому и информационному обеспечению, представлениям людей о современных условиях жизни и творческом содержании труда.

Вопросы и задания для повторения

1. Какие виды проектирования вы знаете?
2. В чем сущность социального проектирования и каково его место в социальном управлении?
3. Охарактеризуйте виды социального проектирования.
4. Каковы основные требования к социальному проектированию и его ограничения?
5. В чем состоят методы социального проектирования?
6. Назовите этапы социального проектирования.
7. В чем заключается эффективность социальных проектов?

Темы для рефератов

1. Генезис идей социального проектирования.
2. Методологические основы социального проектирования.
3. Метод мозгового штурма и его роль в проектировании.
4. Матрица идей как метод социального проектирования.
5. Аналогия в социальном проектировании.
6. Ассоциация как метод социального проектирования.
7. Социальный проект и его сущностные характеристики.

Глава 30

Социальное программирование

Социальное программирование — один из важнейших вариантов (наряду с планированием и проектированием) реализации требований социального прогнозирования. Если социальное планирование предусматривает целенаправленное регулирование всех без исключения элементов социального развития любых организаций, структур, общностей, а социальное проектирование сосредоточивает внимание на процессах создания прообраза (прототипа) предполагаемого социального объекта, явления или процесса, то ***социальное программирование*** нацелено на *решение значимых и важных социальных проблем, наиболее актуальных и перспективных для общества, данной организации или института*. Отбор наиболее значимого, решающего, определяющего судьбу и перспективы социального развития — главная задача социального программирования.

30.1. Социальная проблема как объект программирования

История знает примеры, когда на уровне интуитивного понимания необходимости определить коренную проблему осуществлялись осознанные меры по решению ситуационных, злободневных и часто неотложных задач. Хотя в большинстве случаев это слово (программирование) не употреблялось, но по сути дела оно было таковым. Этим требованиям в той или иной мере отвечали все без исключения реформы, осуществляемые во многих обществах, особенно на этапе их индустриального и постиндустриального развития. Но они, будучи основаны на пожеланиях, интуиции, предположениях, не имели научно обоснованной базы, не опирались на продуманные методологию и методики их решения. Эти реформы всегда зависели от прозорливости принимающих решения, от их умения познать (предвидеть) объективные тенденции и правильно определить средства достижения поставленной цели.

Все примеры программированного развития — будь то реформы после отмены крепостного права в России в XIX в., столыпинская реформа — исходили из необходимости решать важные, насущные социальные проблемы, которые влияют на развитие всего общества. Однако только в XX в. озаботились разработкой науч-

ных основ программирования вообще и социального в частности. Наиболее ярким примером является разработка и реализация плана ГОЭЛРО. Программа электрификации России стала мощным рычагом решения всех без исключения не только технико-технологических, но и социально-экономических проблем. Не менее ярка и впечатляюща программа ликвидации неграмотности, созданная в первые годы Советской России. Этот гениальный документ позволил в короткий исторический срок решить задачу гигантской важности, обеспечил успех и на других участках экономического и социального строительства. Это было не стихийное мероприятие. При его подготовке был осуществлен глубокий анализ состояния образованности населения в России, мобилизованы социальные силы исходя из реальных возможностей (финансовых, материальных, кадровых) для рационального решения поставленной задачи. Составители этой программы, несмотря на известную политическую заданность и идеологическую ангажированность, предугадали колоссальные последствия этой акции, что потом реализовалось в действительности, превратив СССР в одну из самых мощных держав в мире.

Собственно научные основы программирования появились сначала в математике и естествознании. Затем они стали интенсивно разрабатываться в экономических науках с попытками осуществить их на практике. В социологии осознание необходимости разработки методологии и методики программирования социального развития пришло в 60—70-х гг. XX в. и в настоящее время находится в стадии интенсивной разработки.

Предпосылкой для разработки и применения программирования является ***определение самой социальной проблемы, ее сущностных, количественных и качественных характеристик.***

Прежде всего определяются насущные проблемы и ***причины*** их появления. Для этого используют такую градацию причин: *объективные*, которые отражают неотложные злободневные проблемы общественного развития, а также компенсирующие условия *отклонений от нормы*, особенно при деформации происходящих социальных явлений и процессов, *субъективные*, появившиеся *в результате умысла, насилия или произвола*, когда сознательно наносится ущерб и обществу, и данному социальному процессу. Эти условия особенно ярко проявили себя в конце XX — начале XXI в. в экономической жизни России в злоупотреблении, например, процедурой банкротств, в феномене рейдерства, часто нацеленных на захват государственной или частной собственности, на ее передел в интересах отдельных групп людей.

Прежде чем приступить к определению социального программирования, дадим описание и сущностную характеристику социальной проблемы.

1. Социальная проблема характеризуется тем, что *олицетворяет противоречие между теми целями, к которым стремятся люди (общество, организации), и теми условиями, в которых реализуются их устремления.* Несоответствие и несбалансированность их между собой приводят к обострению ситуации, что может привести к неоправданным издержкам, если не будет достигнуто их согласование.

2. Социальная проблема возникает и даже обостряется в тех случаях, когда обнаруживается *недостаток или неполнота средств решения определенной задачи, но они не дополняются и не включаются в происходящий процесс управления.* Так, ситуация в сельском хозяйстве продолжает оставаться напряженной на всех этапах его существования в России, ибо на каждом этапе не находилось достаточных средств для исправления (улучшения) и реализации желаемых преобразований.

3. Социальная проблема рождается в результате нарастания *дезорганизирующих процессов, которые торпедируют нормальный, последовательный ход развития событий, в результате чего возникают напряженность, обострение ситуации, появляются различного рода конфронтационные действия.* Такие явления были нередки в период перестройки в СССР, которые впоследствии привели к распаду советской страны. Они присущи и современному российскому обществу. В этих случаях перед руководителями государства стояла задача (которая, к сожалению, так и не решена) осознать, оценить и принять меры, чтобы проблема не превращалась в социальный конфликт, социальную катастрофу.

4. Социальная проблема нередко является *стимулом для поиска новых идей, новых подходов,* которые могут означать принципиально иные качественные решения, как это, например, было у многих предприятий в период рыночных реформ, когда старый накопленный опыт перестал не только приносить плоды, но и вел к краху.

5. Важной характеристикой социальной проблемы является *реакция на нее субъекта управления, а также его отношение к способам ее решения.* Нередко эта реакция сводится к упованию на то, что проблема рассосется сама собой, что на деле означает подчинение фатализму и соответственно рождает индифферентное поведение, игнорируя нацеленность на сознательно предпринимаемые усилия в целях решения поставленной задачи.

Таким образом, ***социальная проблема*** — это *противоречия между сущим и должным, явным и латентным, желаемым и необходимым, организующим и дезорганизующим началом,* без решения которых общество (организация, социальный институт, социальные группы и общности, личность) рискует лишиться постепенного, относи-

тельно взвешенного и сбалансированного развития. И самый приемлемый и оправдавший себя в жизни инструмент решения общественной проблемы — это такой элемент управления, как социальное программирование.

30.2. Сущность и специфика социального программирования

Социальное программирование призвано четко определить свои объекты и наметить меры по преодолению противоречий между объективно необходимым, желаемым и реальным состоянием.

Продуктом социального программирования являются *программы*, которые включают цель и совокупность действий по решению проблемы. Они предусматривают наличие субъекта и объекта воздействия, масштабы (объемы) предполагаемых изменений, временные интервалы, этапы их осуществления. Программы могут быть подвергнуты классификации в зависимости от характера решаемых социальных задач, от возможностей, которыми располагают разработчики.

Классификация программ может быть осуществлена по следующим параметрам: по *субъекту воздействия* (чьи потребности намечено удовлетворить — личности, группы, слоя, общества); по *предмету* — социально-экономические, демографические, социально-политические, культурные и т.д.; по *длительности осуществления* — краткосрочные, средне- и долгосрочные; по *объему* — глобальные, региональные, конкретной организации, личные; по *соответствию общественным потребностям* — насущные, неотложные или перспективные. Причем, такая классификация достаточно условна, ибо многие социальные программы включают в себя несколько аспектов, решение которых является важным и необходимым.

По содержанию социальное программирование представляет собой: постановку управленческой задачи исходя из анализа проблем социального развития в реальной ситуации; возможность их разукрупнения на составные части (подзадачи), их взаимную увязку, установление приоритетов и на данной основе выделение ведущего звена; выявление условий и ограничений при решении сформулированных задач; обоснование возможных вариантов достижения намеченной цели и выбор среди них оптимального; формирование соответствующего организационного механизма; оценку ожидаемых последствий от воплощения избранного варианта действий.

Социальное программирование учитывает: а) анализ и диагностирование проблемы, ее актуальность; б) выдвижение неотложных

управленческих целей и задач, поиск средств и методов воздействия; в) разработку альтернативных вариантов действий; г) оценку каждой альтернативы; д) измерение и оценку последствий реализации программ. Для социальной программы важна комплексность, системность, конкретность, адресность, наличие обратной связи в процессе ее реализации.

Что касается специфики социального программирования, то следует иметь в виду, что в социальном развитии — общества, региона, производственной организации — существует не одна, а несколько проблем. И здесь проявляется ***первая особенность*** — трудная задача — определить важнейшие (две, три) или сосредоточиться только на одной, но такой, которая бы предопределила (или подготовила) успешное решение других проблем. Гарантией этого выбора может быть только глубокий анализ существующей ситуации и тех противоречий, без решения которых невозможно обеспечить поступательность развития любого социального объекта.

Вторая особенность социального программирования заключается в том, что после решения одной проблемы или одного из ее аспектов как правило возникает другая, более сложная, более комплексная и более трудная для принятия управленческих действий.

Третья особенность состоит в том, что согласно научным требованиям к социальному программированию нельзя сосредоточиваться на одних и тех же целевых установках — они нуждаются в постоянном обновлении, в постоянном изменении и уточнении.

Четвертая особенность состоит в том, что социальные проблемы всегда конкретны и механическое перенесение оправдавших себя средств и методов в одной стране (регионе) не гарантирует успеха в другой конкретной ситуации. В постсоветской России копирование зарубежных программ, которые с успехом реализовывались в других странах, ни в одной области жизнедеятельности российского общества не принесло желаемого результата, если не была учтена специфика российской действительности.

Пятая особенность — это то, что новаторские социальные программы обычно встречаются в штыки, ибо они требуют от исполнителей, от разработчиков существенных изменений в формах и методах их работы, что часто непривычно и даже неприемлемо для ее предполагаемых участников.

Однако, как показывает практика, реализация научных требований социального программирования не всегда приводит к желаемым результатам. Это случается тогда, когда не учитываются ограничения, накладываемые на процесс подготовки, обоснования и разработки социальных программ: минимизация задач, выбор наихудшего

варианта, ориентации на минимум ожиданий; необеспеченность ресурсами, неучет изменяющейся окружающей среды, ошибки в обосновании сроков и, что особенно важно, — игнорирование (полное или частичное) состояния общественного сознания и ожиданий участников программируемого процесса.

Таким образом, ***социальное программирование*** — это *целенаправленный, научно обоснованный процесс планового решения назревших (актуальных) и злободневных проблем посредством присущих ему специфических целевых, программно-целевых и проблемно-целевых средств и методов.*

30.3. Формы и методы социального программирования

В зависимости от целей и специфики решаемых задач социальное программирование выражается в следующих формах.

1. ***Оно реализуется в виде целевого комплексного программирования***, которое представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимосогласованных приемов, средств целенаправленного воздействия для достижения желаемых результатов, к которым относятся: различные формы координации деятельности; определенные способы концентрации, распределения и перераспределения наличных ресурсов; экономическое и социальное стимулирование; разносторонняя поддержка инициатив, направленных на развитие интеграционных процессов в обществе; формирование положительной мотивации, ориентированной на конечные результаты; приемы и способы организационного проектирования.

Как специфическая форма социальное программирование представляет собой применение фундаментальных знаний об обществе и механизме решения проблемных задач в социальной сфере. Его рациональное использование усиливает социальную ориентацию управления, делает его более гибким, мобильным. Программирование, характеризуемое с технологической точки зрения, в данном случае используется как средство оптимизации процесса социального целеполагания.

В этом смысле к целевому программированию можно отнести проекты, направленные на то, чтобы увязать воедино рост российской экономики и благосостояние народа. Сторонники такого подхода утверждают, что успешное развитие национального хозяйства невозможно без кардинального увеличения оплаты труда (до 60% ВВП, по мнению академика Р.И. Нигматуллина), ибо только такие меры могут создать вместительный рынок для значительного увели-

чения потребительского спроса. Очевидно, что такая программа ориентирована на решение целевых установок, от которых зависит успешное решение многих других проблем, непосредственно не входящих в этот проект, но без решения которых развитие будет замедлено или даже приостановлено.

В этом случае целевое программирование выполняет функции рационализации социальных действий, решения противоречий и согласования интересов социальных субъектов, координации их деятельности и концентрации ресурсов для достижения основных результатов, выделения ведущего (основного) звена, определения социально-политических приоритетов и выступает, с одной стороны, как специфический научный метод, а с другой — как метод целевого управления. Сложность целевого подхода заключается в том, что предлагаемые меры выходят далеко за рамки самого объекта программирования: помимо финансового обеспечения возникает вопрос о том, насколько подготовлены кадры для реализации программы, как воспринимает эти намерения и изменения общество, как это скажется на развитии и использовании интеллектуального потенциала страны. А если к этому добавить и согласование целей и интересов с мировым сообществом, в первую очередь с ЕС, то сразу становятся очевидными масштабы и сложность реализации целевого подхода.

2. *Социальное программирование воплощается в такой форме, как программно-целевой подход,* который предполагает определение основных противоречий в развитии того или иного процесса (например, в сфере демографической политики). На этой основе формулируется главная цель и ее подцели (иерархия целей), что достигается при целостном и комплексном подходе, а также при отборе таких средств, которые бы обеспечивали возможность учета всех без исключения результатов, характеризующих реализацию намеченной программы.

Программно-целевой подход означает постепенный переход к моделям стратегического управления, ориентацию на долгосрочные конечные результаты. Этот метод предполагает использование и постоянное применение пространственных и временных показателей, характеризующих потребности социального развития, возможность их локальной централизации. При этом органически сочетаются стратегические интересы и ориентация на качественное изменение социального развития посредством точечного воздействия на управление в целом.

Что касается общества, то в его рамках сформированы и реализуются актуальные программы, которые имеют значение для той

или иной сферы общественной жизни. К их числу можно отнести федеральные целевые программы, в рамках которых создаются условия для решения конкретной социальной задачи. Их длительность, направленность на достижение намеченной цели определяются спецификой каждой из них. Опыт их реализации показывает, что в обосновании и в реализации были упущены многие аспекты, которые привели к их приостановке и даже ликвидации.

*3. **Социальное программирование реализуется при помощи проблемно-целевого подхода***, который направлен на подготовку эффективных решений по отдельным важнейшим и актуальным вопросам данного социального сообщества, организации, социального института. Он также применяется при решении ключевых, неотложных задач социального развития вне зависимости от административно-территориальной или ведомственной принадлежности. В рамках производственных организаций это может означать сосредоточение внимания на разработке документов по целенаправленному и научно обоснованному изменению процессов, актуальных и злободневных именно для этого социального объекта. В условиях рыночных отношений такими наиболее значимыми процессами являются рациональная организация труда, создание благоприятного социально-психологического климата, предупреждение конфликтов, подготовка и переподготовка работников и т.д. Для территориальных и административных объектов такими проблемно-целевыми программами в настоящее время выступают рационализация пассажирских потоков, обеспечение качества потребительского спроса, благоустройство, жилищная проблема, сокращение преступности и укрепление правопорядка. В ряде случаев на основе проблемно-целевого подхода решаются экологические вопросы.

Примером такой проблемы является бедность. Эта проблема всегда была актуальной для России. Но она неодинаково проявлялась на разных этапах развития российского общества. Так, по данным Н.М. Римашевской, если в конце 1960-х гг. доля бедных составляла 29,6%, в конце 1970-х гг. — 32,1%, в конце 1980-х гг. — 30,7%, то в 1990-е гг. их доля достигла 70—80%. В 2000-е гг., по данным М.К. Горшкова, она уменьшилась, но по-прежнему остается высокой — около трети населения. В такой ситуации проблема бедности исчезает, ибо бедной становится страна в целом. С этим связан переход к новой методике определения границы бедности: раньше это был минимальный потребительский бюджет, теперь — бюджет прожиточного минимума. Кроме того, изменился размер бюджета, усохший почти в два раза по сравнению с советским периодом: минимальный потребительский бюджет оценивался в 135 руб.

(в ценах 1991 г.), а прожиточный минимум составлял лишь 60 руб. Поменялась также и его структура. Если в минимальном потребительском бюджете доля питания составила 52%, то в бюджете прожиточного минимума — 68,3%. Аналогичные сдвиги произошли с долей услуг: с 14,5% она снизилась до 7,4%. Создавшаяся ситуация позволяет манипулировать цифрами, данными и на этой основе оправдывать социальную политику государства. А реальное состояние проблемы бедности требует, чтобы она решалась не отдельными акциями, не путем подачек, а на основе проблемно-целевого подхода, который учитывает широкую гамму причин и следствий при решении данной острой социальной проблемы.

Общими компонентами, объединяющими все программы, являются: а) стремление определить основное противоречие, решение которого стало бы узловым моментом для реализации всего спектра поставленных задач; б) возможность ограничить число компонентов (подпроблем), чтобы не упустить главного, сосредоточив силы на решающих участках; в) рассмотрение любой проблемы среди более широкого круга подобных, чтобы не преувеличивать и не приуменьшать ее значение, ибо в том и другом случае это может привести к серьезным просчетам; г) разумное сочетание теоретического анализа проблемы и здравого смысла, ибо он способен скорректировать научные выводы исходя из особенностей и специфики каждой конкретной программы; д) поэтапность реализации программ.

Что касается последнего компонента, то каждая программа должна решить потребности ***первого этапа***, а затем приступать к реализации тех из них, которые условно можно отнести ко второму, затем третьему эшелону и т.д. Поэтому любая программа должна получить признание актуальности со стороны общества (организации, института, группы), доказать свою легитимность, а соответственно добиться поддержки. После этого начинается ***второй этап*** — разработка, обоснование и защита программы по решению тех или иных проблем. ***Третий этап*** предполагает организацию действий по претворению ее в жизнь. И следует обязательно предусмотреть (это нередко забывают) этап угасания (завершения) программы, а не просто ее прекращение без должных выводов и заключений.

Что касается требований к программе, то они проявляются в определении таких действий, которые указывали бы на способы и средства реализации программ. К ним прежде всего следует отнести требование ***максимизации результатов*** в условиях заданной программы, что далеко не всегда согласуется с минимизацией затрат и в то же время достижением оптимума. Второе требование — ***оптимизация затрат*** — должно коррелировать с максимизацией ожида-

ний, т.е. реализацией возможно большего удовлетворения потребностей людей, что автоматически ведет к снижению негативных оценок полученных результатов. Третье требование — ***обстоятельный и оптимательный перебор альтернатив или вариантов***, в которых эффективность и результативность проявят себя в наибольшей мере. И еще одно требование — ***обязательность действий, предотвращающих риски, сбои и возможные издержки*** в силу непредвиденных воздействий окружающей среды или социальных и политических сил.

Однако в процессе социального программирования нередко происходит разрыв между желаемым и достигнутым, в результате чего программы остаются частично или полностью не реализованными. Диагностируя опыт неудач, срывов, можно сказать, что *первой причиной* является то, что составители не замечают (не обращают внимания, игнорируют) появление, а затем нарастание противоречий между провозглашенными целями и условиями их реализации. *Вторая причина* кроется в том, что происходит девальвация, снижение эффективности средств и мер по реализации провозглашенной программы: они не заменяются более действенными. Вариантом этой ситуации может служить потеря системности в действиях субъекта программирования, что требует уже изменения стратегии обоснования и реализации программы. *Третьей причиной* могут стать дезорганизационные процессы, неизбежность их нарастания, что, в свою очередь, требует решительных мер по предотвращению кризиса. *Четвертая причина* заключается в отсутствии заботы о постоянном обновлении средств и методов, при наличии которых реализуется поставленная программа. *Пятая причина* — отсутствие постоянного контроля за ходом выполнения программы: упование на то, что все будет осуществляться само по себе, без всяких усилий со стороны организаторов и разработчиков, обрекает намеченные меры на провал при попытке их достижения. Такой подход сродни индифферентности, фатализму, когда все пускается на самотек, но в то же время предполагается некий автоматизм реализации поставленных целей.

30.4. Алгоритм социального программирования

Методологическое и методическое обеспечение социального программирования включает в себя ряд последовательных процедур, которые можно выразить в следующем алгоритме.

1. Используется не просто анализ, а *диагностика социальных проблем, что включает в себя изучение конкретной ситуации, выявление наличия социальных проблем и их типологизацию (определение при-*

подлежности к определенному классу). Диагностика предполагает три взаимосвязанных уровня социологического анализа социальной проблемы: 1) анализ проблемной ситуации, опирающийся на объективные характеристики социальных процессов и ориентированный на установление диспропорций в социальном развитии; 2) изучение социального самочувствия населения, оказавшегося в данной ситуации, направленное на то, чтобы выявить, как сложившаяся ситуация отражается в общественном сознании; 3) исследование поведения групп по интересам, участвующих в определении и решении социальной проблемы.

В таком контексте диагностика отражает логику социальной проблематизации исходя из диалектико-материалистического понимания социальной реальности. В ее основе лежит анализ противоречий социального развития общества, в ходе которого выясняются социально-экономические диспропорции и их влияние на коренные интересы, базисные ценности социальных групп. Более того, определяется, насколько имеющиеся противоречия осознаются субъектами социальной жизни, существуют ли конкретные действия со стороны людей, направленные на решение этих противоречий. Таким образом, устанавливаются наличие проблемы, ее масштабы, острота и насущность (Минина, 1999).

2. *На основе полученной информации осуществляется отбор проблем, подлежащих решению программным способом.* При этом отбор исходит из критерия напряженности проблемы, т.е. степени достижения целей в случае ее успешного решения; определяются актуальность, важность и злободневность проблемы, ее комплексность и сложность, т.е. необходимость концентрации ресурсов и координации деятельности всех исполнителей для ее решения, а также степень новизны проблемы — отсутствия апробированного опыта ее решения в сложившейся системе управления исходя из указанных критериев.

Это подход исходит прежде всего из возможности: во-первых, сравнения альтернативных вариантов, их сопоставления и возможности выбора наилучшего, более перспективного, имеющего позитивные долгосрочные социальные последствия; во-вторых, максимального учета потребностей и нужд населения. Но особое значение при отборе играет социологический подход при сопоставлении понимания проблем как в высших эшелонах управления, так и непосредственно людьми, населением. Так, анализ ситуации в стране в 2002—2003 гг. привел руководство страны к выводу о сосредоточении внимания на трех проблемах: удвоении ВВП, реформе армии

и борьбе с бедностью, в то время как население, по данным ВЦИОМ, главной задачей считало борьбу с инфляцией (мнение 47%), государственный контроль над ценами (мнение 36%), индексацию заработных плат (34%). И именно такое расхождение является залогом того, что намеченные программы не будут реализованы, несмотря на все усилия политической власти, ибо они не согласованы с потребностями и желаниями населения.

3. *После осуществления отбора программ важным этапом является* ***определение цели****, которую предполагается достигнуть в результате осуществления комплекса мероприятий.* Ее формулирование может осуществиться исходя из идеального представления о будущем, из реально существующих проблем, из наличного потенциала (возможностей). Каждый раз, когда осуществляется переход от идеалов к реальным проблемам, а затем к возможностям социального развития и обратно, цели более глубоко осознаются, уточняются и конкретизируются (Минина, 1999). По сути дела, они должны отражать стратегию развития, которая и закладывает успех решения задач в интересах как данной программы, так и всего общества.

4. Особое место в алгоритме программирования занимает ***реализация ресурсного подхода, т.е. определение тех возможностей***, которыми располагает субъект управления, будь это на уровне общества, региона или конкретной организации. Причем ресурсный подход не должен ограничиваться материальными, финансовыми или трудовыми ресурсами. Их может оказаться недостаточно. На современном этапе развития общества все большее значение приобретают научные и социальные ресурсы. Что касается научных ресурсов, то от них зависит всесторонность, обоснованность, системность при определении рекомендаций по выполнению программы. Но и научное обоснование может быть ограниченным, если оно не учитывает социальную компоненту программы, что в конечном счете связано с потребностями людей, их настроением, их желанием и пониманием назревших задач. Так, в 1960—1970-х гг. были разработаны экономико-математические модели управления народным хозяйством сначала в Сибири с перспективой их применения во всей стране. В этих моделях, казалось, были обстоятельно и скрупулезно учтены все ресурсы — природные, технические, экономико-финансовые, кадровые. Приступили к их внедрению. И через некоторое время стало ясно, что модели потерпели крах. При всей кажущейся всесторонности, полноте, учете всех компонентов в них не был учтен еще один ресурс: захотят ли люди (руководители, инженеры,

рабочие) действовать согласно этим красивым, математически и экономически обоснованным программам. А они не захотели. По самым разным причинам. Вот почему ресурсный подход, в том числе учитывающий социальную компоненту, является залогом при реализации всех без исключения намеченных социальных программ.

5. Следующая процедура связана с ***отлаживанием механизма реализации цели, т.е. определением тех средств, при помощи которых она будет достигаться***. Это очень ответственный этап, ибо нечеткость, несбалансированность средств и методов ведут к деформации цели, наносят урон всей совокупности осуществляемых программ, приводит к серьезным социальным просчетам.

Если рассмотреть с этой точки зрения программирование российских реформ начиная с 1991 г., то ни одна из них не была тщательно подготовлена и просчитана. Последствия экономических «землетрясений» наглядно отражены на карте доходности российских территорий. Если в 1993 г. в стране насчитывалось 35 регионов-доноров, то в 1995 г. — лишь 11, а в 1997 г. — и вовсе 8. К 2001 г. после некоторых уточнений дела вроде пошли на поправку: количество «сильных» территорий выросло до 19. Но грянула очередная реформа — теперь в налогообложении — и в 2002 г. доноров вновь осталось только 10.

6. Регулярный и внимательный анализ хода реализации осуществляемой программы предполагает ее ***постоянную коррекцию***. Дело в том (и это вполне естественно), что жизнь вносит коррективы в ход реализации программы: выявляется несовершенство или недостаточность средств, становятся явью новые общественные потребности, обнаруживаются противоречия между различными социальными группами в период осуществления преобразований. И здесь определяется умение субъектов управления реагировать на изменение ситуации, и особенно на созревающие латентные причины. Однако корреляция программы проводится не только из-за внутренних причин — она становится необходимой в результате вмешательства внешних факторов, что зависит от осуществляемой государственной политики, международной обстановки, возможных социальных катаклизмов.

7. Завершающей процедурой является ***оценка достигнутого результата, его сопоставление с первоначальной целью, проведение диагностики и на этой основе подтверждение, уточнение или формулировка новой цели***.

Вопросы и задания для повторения

1. В каких областях научного знания возможно программирование?
2. Определите и охарактеризуйте сущность социального программирования.
3. Классифицируйте социальные программы.
4. В чем состоят особенности социального программирования?
5. Каковы формы социального программирования?
6. Как классифицируются методы социального программирования?
7. Охарактеризуйте алгоритм социального программирования.

Темы для рефератов

1. Становление и возникновение социального программирования.
2. Целевые комплексные социальные программы: сущность, формы и виды.
3. Программно-целевая форма социального программирования.
4. Проблемно-целевая форма социального программирования.
5. Анализ одной из социальных программ (бедность, детство).
6. Особенности и ограничения социального программирования.

Глава 31

Социальные технологии

Понятие «социальные технологии» — одно из новейших в социологической науке. Оно применимо к управлению как обществом, так и организациями, любыми социальными объектами. Что касается общества, то возможен анализ этого феномена на примере поиска рациональных форм организации управления экономикой, социальной средой, культурой.

Социальные технологии на других уровнях организации общества — в управлении республиками, краями (областями), городами, районами, производством — связаны с решением проблем жизни людей как жителей определенной административной единицы или (что актуально для производственных организаций) как работников, чьим трудом создаются материальные и духовные ценности.

Однако реализация этого важного методологического и методического требования еще должным образом не отработана на научной основе, в результате чего для всех уровней управления социальными процессами присущи серьезные просчеты, произвольные решения или просто отсутствие намерений продумывать и последовательно осуществлять организационные меры, которые должны воплощаться в социальных технологиях.

31.1. Что такое социальная технология

Если исходить из определения технологии, данной инженерной мыслью, то под ней понимается ***совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий***. Технологией принято также называть описание последовательности производственных процессов, инструкции по внедрению, технологические карты, графики, ибо для организации нормального хода производства необходима строгая последовательность операций, обеспечение стабильности параметров воздействия на предмет труда в установленных пределах.

Научно-технические и информационные преобразования и значительные изменения также связаны с разработкой и внедрением новых технологий: *биотехнических, безотходных, энергосберегающих* и т.д. Новый шаг в развитии научно-технического прогресса на

основе внедрения *высоких* и *«безмодных» технологий* требует принципиально иного подхода к решению таких вопросов, как подготовка кадров, профессиональное образования, изменения в стимулировании, содержании и условиях труда.

Вместе с тем социальные технологии изобретены давным-давно. Так, люди долгие века управляли общественными делами, передавали накапливаемую логику их решения от поколения к поколению. При этом они пользовались технологиями, которые в большинстве случаев специально не разрабатывались, были достаточно просты, да и сами социальные связи не требовали технологизации: могли быть освоены интуитивно, эмпирически, опытно. Общественное развитие было возможно на основе соблюдения апробированных правил, предписаний, традиций, культурных образцов, т.е. традиционных процедур и операций, которые целенаправленно, сознательно не разрабатывались и нередко относились к числу рутинных, но ими руководствовались в практической деятельности.

По мере развития человечества социальные связи усложнялись, увеличивалось их число, многократно рос динамизм общественных процессов, что объективно поставило новые требования по совершенствованию социальных технологий. Кроме того, постоянно возрастала роль субъективного фактора в развитии мировой цивилизации, а это вело к коренным изменениям в теории и практике управления, к внедрению инновационных методов, обеспечивающих более высокое качество социальных технологий.

Однако эти требования нередко находились в противоречии с назревшими потребностями общественного развития, с одной стороны, и низким уровнем управленческих воздействий — с другой. Постепенно выявилась острая необходимость в использовании формализованных последовательных операций, которые базируются не только на опыте, но и на научно обоснованных рекомендациях, образующих основу социальных технологий. Ведь смысл и назначение любой технологии — ***оптимизировать управленческий процесс***, исключить из него все виды деятельности и операции, которые не являются необходимыми для получения социального результата. Использование технологий — ***главный ресурс***, позволяющий снизить затраты на управление, повысить эффективность управленческого воздействия.

Общество всегда искало приоритеты не только на пути технического прогресса, но и на основе социальной ориентации, рационального использования человеческих ресурсов.

Социологическая мысль в России с 1960-х гг. проявляет интерес к этой проблематике, активно включившись в ее разработку. Иссле-

дования показали, что внедрение социальных технологий, направленных на более полное использование творческих и интеллектуальных способностей человека, могло бы обеспечить увеличение промышленного производства на 20—25%, а при реализации резервов — на 40—60% (Уткин, 1986). Стало очевидно, что приоритет Японии во многих отраслях промышленности был достигнут за счет включения научного потенциала в комплексное изучение социальных проблем работника, коллективной организации труда и т.д.

В процессе реализации отдельных задач формируются знания о конкретных элементах технологизации социальных процессов: об их диагностике, о последовательности операций, их временных интервалах, предупреждении сбоев, возможности вмешательства и контроля за всеми действиями в процессе осуществления намеченных планов.

В этих условиях возникла необходимость определить ***сущность и содержание социальных технологий.*** Анализ попыток показывает, что у исследователей сложились разные подходы к определению их сущности. Так, В.Г. Афанасьев (1977) определяет ее как «элемент механизма управления и средства перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей», М. Марков (1983) — как «способ реализации... конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно...», А.К. Зайнев (1989) — как «совокупность знаний о способах и средствах организации социальных процессов, сами эти действия, позволяющие достичь поставленной цели», Вал. Иванов (1994) — как «систему инновационных способов, средств разрешения сущностного противоречия взаимодействия и самореализации социальных субъектов в диалоге человека и природы». По мнению В.В. Щербины (1993), «социальные технологии представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата». Специфика технологии состоит в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры.

В концепции К. Поппера социальная технология характеризуется «как способ применения теоретических выводов в практической деятельности». Автор разделяет ее на два вида — частичную и холистскую (утопическую). *Частичная* характеризуется не столько масштабностью поставленных целей и задач, сколько реалистичностью, правильным пониманием того, что можно сделать с помощью имеющихся

способов, форм и методов социального влияния. Она базируется на анализе реальных процессов и их осуществлении в ходе практических преобразований действительности. *Холистская (утопическая) технология* пытается в ходе социальных преобразований решить поставленные задачи как можно быстрее, решительнее, в один прием, революционным путем. Поэтому, по мнению Поппера, она не способна своевременно учесть и предупредить нежелательные, вредные последствия начертанных мероприятий.

Особо следует подчеркнуть, что суть социальных технологий может быть раскрыта *только через выявление и использование потенциала «человеческого ресурса» в соответствии с целями и смыслом социальной деятельности и посредством совокупности методов, процедур, операций, приемов специального воздействия, использования возможностей творческой деятельности как субъектов управления, так и социальных организаций.*

Вместе с тем в литературе имеется и расширительная трактовка социальных технологий, в которую включаются проблемы планирования, проектирования, экспериментирования и другие элементы управления. Нередко толкование социальных технологий близко к понятию «организация» в том смысле, в котором его употребляет часть социологов, имея в виду процесс практической реализации того, что проработано на предшествующих ступенях управления — планировании, проектировании и программировании, т.е. наступает такая стадия, когда нужно организовать процесс объективизации материальных или духовных идей.

Однако не все процессы организации подвергаются регламентации, алгоритмизации — в процессе управления в действиях руководителя и каждого причастного к управлению *всегда присутствуют элементы импровизации, творчества и интуиции.* Поэтому работу организатора-руководителя иногда сравнивают не только с наукой, но и искусством. Но это не отменяет того, что в этом поле поиска рациональной организации управления присутствует (или должна присутствовать) программа (алгоритм) осуществления последовательных операций для достижения заранее сформулированной цели. Именно социальная технология создает возможность тиражировать приемы и методы, многократно повторять их, а также применять в аналогичных обстоятельствах в другой социальной ситуации или процессе.

Вместе с тем алгоритмы управления, которые закрепляются в технологиях, *имеют и негативный аспект:* они способны консервировать методы и приемы, которые именно по этим обстоятельствам могут на новом этапе обречь их разработчиков на просчеты и неудачу. Широко известен опыт Г. Форда, который прославился новаторскими

технологиями, успешно в течение четверти века, включая 1930-е гг., решал многие проблемы, но консервация методов и способов решения привела его в 40-х гг. XX в. к ошибкам и серьезным просчетам, что резко снизило эффективность производства.

Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что ***социальная технология*** — это *совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения желаемого социального результата.* Социальная технология — важнейший элемент механизма управления, средство перевода языка намерений на конкретный язык практики. Этому служат формализация социального управления и его расчленение на составляющие элементы с помощью операций и процедур. *Процедура* — набор действий, с помощью которых осуществляется управление процессом. *Операция* — непосредственное действие, путь решения определенной задачи в рамках данной процедуры.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что социальная технология — это определенный способ достижения целей, состоящий из ***последовательного осуществления деятельности***; операции разрабатываются ***предварительно, тщательно*** и ***алгоритмично***; их разработка проводится на основе и с использованием ***научных знаний***; учитывается ***специфика сферы общественной жизни***, в которой осуществляется деятельность.

Таким образом, представляется чрезвычайно важным выяснить исходные теоретико-методологические основания, уточнить категориальный аппарат, формы и виды классификации социальных технологий, выявить принципы их разработки и внедрения.

31.2. Формы, виды и этапы социальных технологий

Социальные технологии выступают в двух формах: ***как проект***, технологически оформленный программный продукт, и ***как деятельность***, связанная с реализацией намеченной цели.

Функционирование социальных технологий всегда связано с требованием повысить эффективность социального управления, быстро и оперативно тиражировать социальные приемы, процедуры, операции.

Особое значение для социальной технологии как практической, организационной деятельности имеет наличие условий для ее реализации: знание структуры социального объекта, особенностей строения и тенденций его развития; возможность формализовать реальные явления и представить их в виде показателей, операций, процедур. Характер социальной технологии, ее особенности обусловлены внутренней природой самого объекта технологизации и установкой на ее разработку и внедрение.

Что касается ***видов социальных технологий***, то они различаются тем, в каких сферах общественной жизни они реализуются — в экономической, социальной, политической или духовной.

В ***экономической жизни*** усилия социальных технологий сосредоточиваются *на решении социальных проблем труда, на его превращении в действенный критерий оценки деловитости и творческого потенциала каждого работника*. Исходя из этого делаются попытки технологизировать воздействие на условия трудовой деятельности, содержание труда и направления его развития. Не меньшее значение имеет решение организационных проблем по реализации прав собственности. И наконец, повышение эффективности общественного и личного труда невозможно без заинтересованного участия человека в совершенствовании производства. Вместе с тем кризис экономики в 1990-е гг., а затем в 2008—2010 гг. вновь потребовал коренного обновления технологических механизмов, вызвал необходимость учета не столько технико-экономических, сколько социальных и даже идеологических аспектов.

Что касается технологического решения собственно ***социальных*** (в узком смысле слова) ***проблем***, то предметом особой заботы является *создание гарантий для социальной справедливости, согласование на деле меры труда и меры потребления*. Актуальной в этой связи является социальная роль форм собственности, методов организации труда не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в сфере быта и услуг. Социальные технологии предполагают разработку четких усилий по регулированию таких важных сторон жизни людей, как здоровье, отдых, социальная защита. Все более значимой становится демографическая политика, предусматривающая регулирование соответствующего поведения людей, семейно-бытовых отношений, создание законодательно закрепленных условий для таких социальных групп, как молодежь, женщины, дети и люди преклонного возраста.

Требуется ***технологизация и многих политических процессов***. В настоящее время российское общество при решении политических проблем использует огромное количество новаций. Появляются и тут же исчезают бесчисленные проекты устройства государственных структур, замены их новыми образованиями, предложения о проведении экспериментов и просто проверки некоторых идей. Проблемы взвешенности политических решений, проявления политической недальновидности обострились, как никогда ранее.

Как при управлении наукой, в политике важно видеть то, *из чего складывается результат, на чем он основывается*. Ведь показатели развития социально-политических процессов не всегда могут ограничиваться количественными характеристиками, например, такими как численность партий, процент проголосовавших, структура депу-

татского корпуса и т.п. От того, как участвуют люди в общественной жизни, какими правами они обладают, какое влияние оказывают и могут оказать на принятие решений, зависит нормальное функционирование многих политических структур.

Управление в сфере социально-политических отношений предполагает определенные ***технологические приемы и методы***. Речь идет о создании механизма рационального управления развитием и функционированием власти, органично сочетающей в себе централизацию с самоуправлением.

Так как политика представляет собой не только науку, но и особый вид мастерства, умения ориентироваться в конкретных общественных условиях, то для политических технологий *важны интуиция, искусство политического прогноза*, которые не приходят сами собой — они вырабатываются в результате длительной, кропотливой работы. К сожалению, ни теория, ни практика еще не смогли дать сколько-нибудь убедительных примеров научного политического предвидения и прогнозирования. Наоборот, жизнь постоянно показывала, насколько были близоруки, недальновидны и ограничены многие попытки видеть социальные последствия политических решений; они нередко заменялись эрзацами идей, не имеющих ничего общего ни с наукой, ни с искусством. Более того, 90-е гг. XX в. породили так называемые *политтехнологии*, которые направлены на манипуляцию общественным сознанием, на его деформацию для достижения целей, в которых заинтересованы как властные структуры, так и многие политические партии и организации.

Возможности ***социальной технологизации в духовной сфере*** в определенном смысле условны, так как они серьезно разнятся теми приемами, которые присущи управлению в сфере экономики. Она не может обладать жесткостью, ориентированностью на количественные показатели. Это, скорее, *глубокий анализ состояния духовности, выявление тенденций и предвидение возможных изменений в производстве и потреблении духовных ценностей*.

Управление духовными процессами нацелено на создание реальных условий для рационального развития культурных запросов и склонностей каждого человека, для наиболее полного и всестороннего их удовлетворения. Оно предполагает умелое и гибкое воздействие на тенденции, характерные для сферы образования, науки, литературы и искусства. Очень трудную и сложную область представляют взаимодействие национальных культур.

Преобразования духовной жизни прямо или косвенно зависят от уровня общественного производства. Поэтому социальные технологии учитывают материальные возможности, наличие экономических пред-

посылок для решения возникающих проблем. Иначе все проекты могут вылиться в прожектерство, в «культурничество», в составление планов, лишенных реальной базы. Функции социальных технологий в этой сфере очень сложны, так как каждая из них в известной мере является относительно самостоятельной. Все это затрудняет познание объективных закономерностей духовной жизни общества, а следовательно, и управление ею. Имеется еще одна важная особенность технологизации в сфере культуры. Речь идет о том, что для организаций, занимающихся различными аспектами духовной жизни, нужна бо́льшая самостоятельность при решении поставленных задач. Их деятельность не может регламентироваться до мелочей, ибо они имеют дело со своеобразными продуктами бытия: социальным настроением, самочувствием, мотивацией, общественным мнением и т.п.

Разработка, конструирование и реализации требований социальной технологии проходит несколько этапов:

- *теоретический этап* — определение цели, объекта технологизации, разделение социального прогресса на составляющие и выявление связей между ними;
- *методический этап* — выбор методов, средств получения информации, ее обработки, анализа, принципов ее трансформации в конкретные выводы и рекомендации;
- *процедурный этап* — организация практической деятельности по реализации требований социальных технологий.

В этой связи одна из важнейших проблем социальных технологий — это умение видеть перспективу, не теряться в сиюминутных заботах, не упускать ориентиров. Это особенно важно, потому что нередко все силы уходят на то, чтобы провести одно мероприятие, затем другое, третье, и невольно исчезает из виду главное, во имя чего затрачиваются энергия, время. Работа на перспективу предполагает возможные потери в пути, но она окупается тем, что воплощается в жизнь основная, ведущая идея.

31.3. Технологическая культура

В основе технологической культуры лежит идея, что «реальная проблема не в том, возможно ли в принципе технологизировать социальные процессы, а в том, как это сделать» (Стефанов, 1976).

Как отмечалось выше, на современном этапе невозможно опираться только на практический опыт, накопленный народами или лицами при решении конкретных жизненных проблем. Технологическая культура предполагает не столько само обладание информацией,

сколько рационализацию ее потока, деятельности ее носителей и возможность эффективно, своевременно и оперативно их транслировать в процессе управления. В реальной практике проблема информации нередко сводится к увеличению потока бумаг, которые прикрывают несовершенство управления, неумение управлять. В конце 80-х гг. XX в. в СССР в обороте находилось 100 млрд документов, и на их заполнение затрачивалось около 600 млн человеко-часов.

Но отсутствие рационализации потока информации было присуще России и в 1990-е гг. Отдельные островки этой рационализации в рамках конкретных производственных организаций еще не образуют целостности информационных потоков во всем обществе. Остается уповать только на то, что количество рационально функционирующих организаций будет расти и на определенном этапе количество перерастет в качество. Поэтому процесс усвоения азов технологической культуры идет снизу, от конкретных руководителей, их умения организовать научно обоснованные потоки информации и поставить их на службу делу.

Технологическая культура во многом зависит от умения осуществить ***всесторонний, системный подход, основанный на глубоком знании процесса и процедур воздействия***. Пока же по объективным и субъективным причинам продолжает господствовать административный волюнтаризм. Управление сталкивается с повторяющейся бедой, не уходящими в прошлое пороками: отсутствием профессионализма, дилетантством, верхоглядством и поспешностью в принятии решений или, говоря иными словами, неумением или незнанием алгоритма управленческих процедур.

Возможности технологической культуры не ограничиваются знаниями, полученными только опытным путем. Наука, в свою очередь, призвана воздействовать на эмпирию, ибо на практике очень мало, чаще стихийно используются научные рекомендации, выводы и предложения ученых. Поэтому независимо друг от друга сосуществуют *два направления, которые реализуются учеными и практиками*. Первые исследуют, предлагают, рекомендуют, вторые обходятся без научных выкладок. В этом случае технология управления теряет ориентиры, а управление поражают прагматизм, верхоглядство, возникают суета и ошибки.

К тому же не так редки случаи, когда необходимая информация собирается предвзято, без учета всех характеристик, как в пользу принятия решения, так и предостерегающих от поспешных умозаключений. Психологически можно понять людей, которые, добиваясь именно такого, а не иного решения, старается подобрать информацию, подтверждающую их точку зрения, и нередко игнорируют все,

что противоречит ей. Но если это в какой-то степени объяснимо для их поведения в повседневной жизни, то на официальном уровне такой подход нельзя расценивать иначе, как тенденциозный, ибо он ведет к негативным последствиям в практике управления. Поэтому одно из первейших требований к технологической культуре — это ***получение полной, всесторонней, представительной информации***, позволяющей сделать научно обоснованные рекомендации.

Социальный аспект технологической культуры особенно наглядно проявляется в том, насколько в процессе управления осуществляются постоянный учет интересов работников и их согласование с потребностями производства и общества. Рабочая сила сегодня — это уже не просто ресурс, а субъект производства. Поэтому там, где не на словах, а на деле отказываются от анализа развития и функционирования производства только с точки зрения наличия материальных и финансовых ресурсов, учитывают интересы и потребности людей, обеспечивается успешное решение социально-экономических проблем. К людям нельзя подходить с такими же мерками, как к материальным и финансовым резервам. При недостаточно продуманном и эффективном решении можно в конечном счете списать (и оправдать) и материальные, и финансовые потери. Поступить так с людьми — значит сознательно вызвать негативные социальные последствия.

Важны такие ***функции технологии, как регулирование, сохранение, поддержание и совершенствование процесса реализации***. В любой системе действуют тенденции к организации и дезорганизации, что и предполагает поддержание и соблюдение определенного алгоритма, последовательности протекания операций. Процедуры и операции могут включать использование как экономических рычагов (прибыль, цена, оплата труда и т.д.), так и правового механизма. Но в любом случае они всегда связаны с воздействием на сознание и поведение людей, обеспечивающих устойчивость организации. Ибо нельзя добиться от работника эффективного соучастия в управлении, если он не доверяет официально провозглашенным целям, не верит в свою личную сопричастность.

Технологическая культура как элемент человеческой культуры возникает двумя путями: *вырастает эволюционно, постепенно, из опыта* или *строится как искусственное образование, главная функция которого — соединение науки и практики*. В этом смысле социальные технологии учитывают, с одной стороны, характер и показатели развития глобальных процессов современного мира (развитие средств коммуникации, информации, компьютеризация, интернационализация научной, культурной, образовательной практики, рост взаимозависимости производственно-экономической и духовной жизни),

а с другой — специфику национально-культурного развития населения, региональные особенности образа жизни людей, их общественной организации, традиции взаимодействия в исторически определенных социокультурных условиях. Технологическая культура невозможна без выявления закономерностей самоорганизации и дезорганизации, использования их в целях создания благоприятных условий жизнедеятельности людей (Дудченко, 2001).

В технологической культуре важен учет социально-психологических явлений, которые нередко соединяют в себе противоречивые, а иногда и взаимоисключающие черты. Поэтому управление предполагает выявление этих ограничивающих или препятствующих факторов и предусматривает их учет, устранение или по крайней мере нейтрализацию. Все сказанное может быть отнесено к таким, например, явлениям, как национальные и групповые пережитки, предубежденность человека, базирующиеся часто на случайных факторах. Технологическая культура как часть культуры, элемент творчества является продуктом науки управления, ее неотъемлемым элементом. Поэтому ***понятие социальной технологии определяется ее наукоемкостью.***

Технологическая культура отвечает и за то, что реализуется в процессе ее осуществления. В научной литературе обсуждается ***идея управления по результатам*** и высказывается неудовлетворенность либеральной практикой управления по целям (доход, прибыль, капитал).

В понятие «результат» все в большей мере включаются человеческий фактор, творческие способности, самоуправление, укрепление межличностных контактов, и, что особенно важно, механизм получения социального результата. Этот механизм включает создание условий для развития умственных и физических сил человека, повышение уровня организации, качества жизни, стимулирование труда не декретами, инструкциями, а его творческим содержанием, материальными и моральными факторами. Причем очень гибко в этот механизм вплетаются предпочитаемые людьми ценности, в определенной мере сглаживающие противоречия общественного развития.

Внедряемые на Западе социальные технологии, в том числе и по результатам (финский опыт), направлены не только на достижение социального результата, но и на организационное обеспечение его достижения на основе технологических проработок (карт, схем), которые включают в себя доверие к работнику, уважение к его творческому потенциалу, готовность к сотрудничеству и способствуют их проявлению и развитию.

Все это позволяет сделать вывод, что ***технологическая культура*** — это органическая часть общей культуры, которая в своем содержании

интегрирует достижения технических и гуманитарных наук, применяет научно обоснованные принципы не только к изучению социального пространства, но и к активному его обустройству в соответствии с целями социального развития, смыслом человеческого существования. Важным компонентом этой культуры является инновационный тип мышления, который характеризуется конструктивностью мышления. Акцент в мышлении, поведении и практическом действии смещается на то, *как* получить конечный социальный результат, *какими* методами и средствами оптимизировать социальные действия, *как* правильно использовать творческие возможности, имеющиеся ресурсы (общества, социальной организации, личности и др.). *XXI в., по прогнозам экспертов, должен стать гуманитарным.* Механизм формирования технологической культуры открывает пути органического вхождения гуманитарного знания в естественно-научное пространство, в хозяйственную жизнь, управленческие структуры и обеспечивает взаимообогащение разных видов культуры. Важнейшим компонентом этого механизма является изменение стиля мышления, которое постепенно становится концептуальным (гуманистическим), стратегическим, конструктивным и технологическим, находящим пути и средства решения все усложняющихся социальных задач.

Вопросы и задания для повторения

1. Дайте определение технологии и социальной технологии.
2. Каковы основные сущностные характеристики социальной технологии?
3. Все ли процессы управления технологичны?
4. Сравните и оцените различные точки зрения на социальные технологии.
5. Какие формы социальных технологий вы знаете?
6. Какие существуют виды социальных технологий?
7. Что такое технологическая культура?

Темы для рефератов

1. История появления социальных технологий.
2. Особенности социальных технологий на различных уровнях социальной организации общества.
3. Общее и особенное в понятиях «социальная технология» и «социальная организация».
4. Проблемы организации и дезорганизации.
5. Социальная технология как наука.
6. Особенности социальных технологий в различных сферах общественной жизни.
7. Современные проблемы технологической культуры.

Библиографический список[1]

Учебники и учебные пособия[2]

Волков Ю.Г. Социология. М., 2006.
Волков Ю.Е. Социология. М., 2010.
Гидденс Э. Социология. М., 2001.
Гиртов М.Б. Общая социология: Учеб. пособие. СПб., 2010.
Дмитриев А.В. Общая социология. М., 2001.
Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учебник. М., 2009.
Кольева Г.Н. Социология: Учеб. пособие. М., 2005.
Латов Н.И. Общая социология: Учеб. пособие. М., 2006.
Общая социология: Учеб. пособие. / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2000.
Осипов Г.В. Социология: Учебник для вузов. М., 2008.
Павленок П.Д., Самыгин Л.И., Журавлев Г.Т. Социология: Учеб. пособие. М., 2010.
Смелзер Н. Социология. М., 1998.
Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. 4-е изд. М., 2012.
Фролов С.С. Социология: Учебник. М., 2006.

Словари, справочники, энциклопедии

Бабосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь. Минск, 2009.
Большой толковый социологический словарь (Collins): Т. 1—2: Пер. с англ. М., 1999.
Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т.: Пер. с англ. М., 1999.
Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь: Более 10 000 единиц. М., 2004.
Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции: Словарь терминов. М., 2010.
Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А—Я: Словарь-справочник: Пер. с англ. М., 2000.
Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.

---

[1] В настоящем библиографическом списке даны указания на литературу, выпущенную в основном после 1997 г. О ранее опубликованной литературе см. 1-е и 2-е издания данного учебника.

[2] Учебники и учебные пособия по специальным социологическим теориям или по отдельным проблемам социологии даны в соответствующем разделе.

Современная западная социология: Словарь. М., 1990.
Социологи России и СНГ XIX—XX вв.: Библиограф. справочник / Ред. колл.: Ж.Т. Тощенко, З.Т. Голенкова и др. М., 1999.
Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003.
Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин; отв. ред. В.Н. Иванов, Ж.Т. Тощенко и др. М.: Мысль, 2003.
Социологический словарь / Н. Аберкромби, Ст. Хилл, Б.С. Тернер. Казань, 1997.
Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2008.
Социологический энциклопедический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 1995.
Социология: Краткий тематический словарь / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д, 2001.
Тезаурус социологии: Темат. словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2009.
Феррероль Ж. Социология: Терминологический словарь: Пер. с фр. СПб., 2003.

Раздел I. Социология как наука

История социологии

Александров Г.Ф. История социологии как наука. Минск, 1958.
Алексеев А.И. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1—2. СПб., 2003.
Афанасьев В.В. Западная социология XX века. М., 2010.
Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. М., 2007.
Беляева Л.А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004.
Вехи российской социологии (1950-е—2000-е гг.) / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.
Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России // Голосенко И.А. Избр. соч.: В 2 т. СПб., 2002.
Голосенко И.А., Кожевский В.В. История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995.
Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.
Ексукова А.К., Данилов А.Н. Предыстория социологии. Минск, 2009.
Зборовский Г.Е. История социологии: классический и современный этапы: Учебник. Екатеринбург, 2003.
Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. М., 2004.
История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 1999.
История социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Кутыгин. М., 2009.

История теоретической социологии: Учеб. пособие: В 5 т. М., 2010.
Капитонов Э.А. История и теория социологии. Социология XIX века: Учеб. пособие. М., 2000.
Классики теоретической социологии: Рабочая тетрадь / Авт.-сост. В.Г. Николаев. М., 2001.
М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли: Сборник статей. СПб., 1996.
Кравченко Е.И. Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М., 1997.
Кравченко С.А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.
Кукушкина Е.И. История социологии: Учебник. М., 2009.
Культыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
Латин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе: Учеб. пособие. М., 2004.
Момсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
Новикова С.С. Социология: история, основы, институализация в России. М., 2000.
Ранние социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004.
Российская социология: Историко-социологические очерки / Отв. ред. А.О. Бороноев, В.В. Козловский. М., 1997.
Социологическая мысль в странах Центральной и Восточной Европы: Хрестоматия/Авт.-сост. З.Т. Голенкова, Н.П. Нарбут. М., 2005.
Социология в России XIX—XX веков: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. Вып. 1—4. М., 1998—2002.
Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1996.
Социология в СССР. Т. 1—2. М., 1965.
Социология и власть: Сборник 1: Документы. 1953—1968 / Редколл.: Л.Н. Москвичев и др. М., 1997.
Фролов Ю.П. Исторические пути социальной мысли. М., 1965.
Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л., 1971.

Теории социологии

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию: Пер. с нем. СПб., 2000.
Американская социологическая мысль. М., 1996.
Бауман З. Мыслить социологически: Пер. с англ. М., 1996.
Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
Белл Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.

Беккер Г., Боскоф А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.

Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. А.В. Шматко. М., 1994.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структурации. М., 2003.

Григорьев С.И. Виталистская социология. Парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 2001.

Давыдов А.А. Системная социология. М., 2008.

Данилов А.Н. Переходное общество. Проблемы системной трансформации. Минск, 1997.

Дебор Г.Э. Общество спектакля. М., 2000.

Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.

Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М., 2002.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т. 1: Теория и методология. М., 2003.

Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX — начала XXI века: Учеб. пособие. Екатеринбург, 2007.

Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика. М., 2008.

Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.

Зотовьев А.А. Глобальный человейник. М., 2006.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

Качанов Ю.Л. Социология социологии: антитезы. М., 2001.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2001.

Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: организационный подход. М., 2006.

Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2007.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1998.

Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.

Миронов Б.Н. Историческая социология в России: Учеб. пособие. СПб., 2009.

Монсон П. Лошка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995.

Немировский В.Г. Современная теоретическая социология: Учеб. пособие. Красноярск, 2003.

Новые направления в социологической теории / Пер. с анг. Л.Г. Ионина. М., 2008.

Осадчая Г.И. Социальная сфера общества: теория и методология социологического анализа. М., 1996.

Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука: Вече, 2010.

Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.

Павленко Ю.Г. Гражданское общество: теории, модели, перспективы. М., 2008.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Проблемы теоретической социологии / Отв. ред. А.О. Бороноев. Вып. 1—10. СПб., 1994—2010.

Рейтик Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.

Ренуар Р. и др. Начало практической социологии: Пер. с фр. М., 2001.

Ритцер Д. Современные социологические теории: Пер. с англ. СПб., 2002.

Ромашовский Н.В. Историческая социология. М., 2009.

Руткевич М.Н. Общество как система: Социологические очерки. СПб., 2001.

Современная западная социология: Хрестоматия / Авт.-сост. Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. М., 2011.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.

Социальное конструирование реальности: опыт социологических исследований / Под ред Л.А. Бургановой. Казань, 2010.

Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций: Сб. науч. трудов. Саратов, 2010.

Социология на пороге XXI века. Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М., 1999.

Социология XXI века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса: Учеб. пособие / Авт колл. Ю.Н. Давыдов и др. М., 2010.

Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Пер. с англ. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М., 2002.

Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М., 2011.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008.

Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии: Пер. с фр. М., 1998.

Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.

Шапель С.А. Общественная миссия социологии. Минск, 2010.

Шапошка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Основы методологии, методики и организации социологического исследования

Аверьянов Ю.А. Контент-анализ: Учеб. пособие. М., 2009.

Аверьянов Ю.А. Почему люди задают вопросы? М., 1993.

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник. М., 1995.

Биографический метод в социологии. История, методология и практика. М., 1999.

Бутенко И.А. Организация прикладного социологического исследования. М., 1998.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: Учеб. пособие. М., 2010.

Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы: Учеб. пособие. Самара, 2002.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М., 2003.

Дмитриева Е.В. Фокус-группы в маркетинге и социологии. М., 1998.

Другое поле: Социологические практики / Науч. ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Перфильев. Ульяновск, 2000.

Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.

Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.

Кохтюа Н.Н., Самодомская И.И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо». Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

Крыштановский А.О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М., 2007.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003.

Магалов М.К., Семина М.В. Стратегия кейс-стадии: методология исследования и преподавания. М., 2011.

Масленников Е.В. Экспертное знание: Интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании. М., 2001.

Новикова С.С. Введение в прикладную социологию. Анкетирование: Учеб. пособие. М., 2000.

Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М., 2003.

Онлайн-исследования в России: Сб. ст. / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова и др. М., 2010.

Петренко В.Ф., Мишина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.

Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учеб. пособие. М., 2001.

Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 2003.

Сидней С., Бредберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. М., 2002.

Семыкинский А.Н. Математические модели и методы для социальных наук: Учебник. М., 2009.

Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М., 1998.

Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии: Учеб. пособие для вузов. М., 2008.

Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях: Учеб. пособие. М., 2007.

Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. М., 2004.

Толстова Ю.Н. Теория измерений в социологии. М., 2002.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебник. М., 2001.

Раздел II. Экономическая социология

Социально-экономическая реальность как объект социологического исследования

Авраамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998.

Анализ рынков в современной экономической социологии / Отв. ред. В.В. Радаев, М.С. Добрякова. М., 2007.

Анализ сберегательного поведения населения России. М., 1999.

Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период / Под ред. А.И. Кравченко. СПб., 2000.

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998.

Бекетов Р.А. Экономическая история России: XX век: В 3 т. М., 2002.

Верхошин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2005.

Веселов Ю.В., Мацкова Т.К., Петров А.В. Основы экономической социологии: Учеб. пособие. СПб., 1998.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М., 2001.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991.

Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000.

Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма: Пер. с фр. М., 2010.

Лапин Н.И. и др. Регионы в России. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002.

Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций: Учеб. пособие. М., 2008.

Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.

Рожнетрова С.Н. Предпринимательство и государство: российская специфика. М., 2010.

Ржанцев И.П., Халиков М.С. Экономическая социология (региональный аспект): Учеб. пособие. М., 2003.

Силласте Г.Г. Экономическая социология. М., 2005.

Соколова Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении. Минск, 2010.

Соколова Г.Н. Экономическая социология: Учебник. Минск, 2006.

Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2008.

Социология потребления / Под ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб., 2001.

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

Экономико-социологический словарь / Науч. ред. Г.Н. Соколова. Минск, 2002.

Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Науч. ред. В.В. Радаев. М., 2002.

Экономическая социология: Хрестоматия / Авт.-сост. Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк. Минск, 2000.

Социология труда

Башкатов Б.И., Карпухина Г.Ю. Международная статистика труда: Учебник. М., 2001.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2001.

Вильхомченко Э.Д. «Люди знания» — новая рабочая сила постиндустриалистических обществ и ее место в цивилизационных процессах. М., 2010.

Волков Ю.Е. Социология труда. М., 2009.

Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2000.

Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. М., 2008.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учеб. пособие. М., 2003.

Катаев А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002.

Кравченко А.И. Социология труда в XX веке: Историко-критический очерк. М., 1987.

Мерцалов А.А. Экономическое поведение и социальные установки молодых рабочих. Орел, 2008.

Подшарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973.

Романов О.В. Социология труда: Учеб. пособие. М., 2003.

Соколова Г.Н. Социология труда: Учебник. Минск, 2002.

Социология труда: Теоретико-прикладной словарь. М., 2006.

Тощенко Ж.Т. Социология труда: Опыт нового прочтения. М., 2005.

Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда: Учебник. М., 2011.

Усачев В.Н. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты. М., 2008.

Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. Сегодня и завтра. Минск, 2003.

Чанган И.Н. Труд: социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 2009.

Шкаратан Е.А., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований. Опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб., 1999.

Социология города

Анкилов Е.Г. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследований. Екатеринбург; Пермь, 2003.

Бакаров В.Ф. Как управлять Россией: социология одного города. М., 2010.

Беленький В.Х. Город и горожане: Социологические проблемы. Красноярск, 2003.

Борщевский М.В., Устенский С.В., Шкаратан О.И. Город: Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М., 1975.

Вульфович Р.М. Управляемый город: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2009.

Горшкова Л.А. Характер и структура социального пространства малого города. Саратов, 2002.

Город в процессах исторических переходов: Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001.

Социальный тонус монопрофильного города: методология исследования и управления. Казань, 2010.

Дилигенский Г. Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М., 1998.

Дмитриевская Н.Ф. Образ города как социальный феномен. СПб., 1999.

Ерофилов Б.Л. Постсоветский город. Киев, 2003.

Забарова Е.Н. Город на грани веков. Екатеринбург, 2007.

Зеленов Л.А. Социология города: Учебник для вузов. М., 2000.

Зотов В.Б. Организация управления и самоуправления в крупнейших городах: современное состояние и проблемы: Учеб. пособие. М., 2010.

Иванов В.Н., Сергеев В.К. Человек. Культура. Город. М., 2002.

Иванова Л.А. и др. Городская семья в начале третьего тысячелетия: социологический анализ. Саранск, 2004.

Нудин А.А. Проблемы развития города. Н. Новгород, 2010.

Кашицин В.Н. Социология города: Учеб. пособие. Ульяновск, 2004.

Как управлять Россией. Социология одного города / Под ред. В.В. Федорова. М., 2009.

Лаппо Г.М. География городов. М., 1997.
Малютина О.В. Институализация местных сообществ как условие развития социальной активности жителей крупного города. М., 2010.
Нефедова Т. и др. Город и деревня в Европейской России: сто лет. М., 2001.
Нещадин А.А. Феномен города: социально-экономический анализ. М., 2001.
Патрушев В.Д. Жизнь горожанина (1965—1998). М., 2000.
Плюснин Ю.М. Малые города России. М., 2000.
Синявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.
Скульмовская Л.Г. Город в пространстве культуры региона: общее и особенное. СПб., 2004.
Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. М., 2011.
Турабов В.И. Проблемы крупных городов. М., 2004.
Филимонова О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Саратов, 2004.
Человек и город / Редколл.: В.А. Ядов и др.: В 2 т. М., 2000.
Шаповалова И.К. Быт городского населения: структура, особенности, тенденции. Улан-Удэ, 2010.

Социология села

Агафонов В.П., Бутырин Г.И. Крестьянство в исторической судьбе России. Белгород, 2001.
Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М., 1972.
Большаков А.М. Деревня (1917—1927). М., 1929.
Банк Т.И. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей. Улан-Удэ, 2007.
Валеев И.И. Российская деревня в XX столетии. Уфа, 2006.
Великий П.П. Российское село на пороге XXI века. Саратов, 1995.
Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е., Тупин Л.В. Старики российской деревни. Саратов, 2000.
Гатауллин Р.Ф. Уровень благосостояния сельского населения: насущные проблемы. Уфа, 2008.
Зайцдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях. М., 2008.
Ибрагимова Л.Х. Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.
Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
Калугина З.И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
Кондратьев Н.Д. Особое мнение: Избр. произведения: В 2 т. М., 1993.

Коппика 25 лет спустя. М., 1965.
Огарков А.П. Социально-экономическое развитие и обустройство села. М., 2007.
Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития / Отв. ред. Т.Н. Золотова: В 3 т. Омск, 2008.
Силласте Г.Г. Сельская школа и село в начале XXI века. Социологический анализ. М., 2003.
Старовойтов В.И. Сельская социология. М., 2003.
Старовойтов В.И. История и теория социологического анализа российской агросферы. М., 2008.
Тугая-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989.
Хагуров А.А. Социология российского села. М., 2010.

Экологическая социология

Горелов А.А. Социальная экология. М., 1998.
Латова З.Г., Чжоу Хун, Шилин К.И. Экологическое воспитание — творческая индивидуальность будущего. М., 2002.
Мазур И.И., Коткова О.П., Глазачев С.Н. Путь к экологической культуре. М., 2001.
Мартинов Ю.И. Эколого-социальная комфортность городской среды Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 2000.
Орлов А.С. Социология рекреации. М., 1995.
Пахомов А.В. Экологическая социология. Сравнительное исследование гражданских инициатив в сфере гражданской безопасности. Челябинск, 2000.
Рой О.М. Социальная экология: опыт системно-аналитических исследований. Омск, 1995.
Рыбакова М.В. Экологические практики в социокультурном контексте. М., 2008.
Сосунова И.А. Методология и методика социально-экологических исследований. М., 1999.
Ходченков А.В. Экологическая культура российской молодежи: противоречия становления (социологический анализ). Ростов н/Д, 2006.
Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. М., 2007.
Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого предела». М., 2008.

Демография

Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002.
Борисов В.А. Демография: Учебник для вузов. М., 1999.

Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: Демографический анализ. М., 1996.
Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М., 1997.
Введение в демографию / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Сорадова. М., 2002.
Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1997.
Гундоров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. М., 2001.
Демографическое будущее России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского, Г.Н. Кареловой. М., 2001.
Демографическое развитие России в XXI веке / Под ред. Г.В. Осипова и Л.Л. Рыбаковского. М., 2009.
Демография / Под ред. Д.И. Валентея. М., 1997.
Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987.
Жукова В.И. Демографический потенциал России. М.: РГСУ, 2010.
Медков В.М. Демография. М., 2003.
Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г. Витковской. М., 1998.
Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 1999.
Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вопросы теории. М., 2003.
Рыбаковский Л.Л. Прикладная демография. М., 2003.
Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.
Юдина Т.Н. Социология миграции. М., 2004.

Раздел III. Социальная жизнь общества

Социальная структура, социальная стратификация

Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1997.
Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002.
Жертвы новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2002.
Гришаев С.В. Социальная структура и рынок труда: развитие и взаимодействие (опыт социологического исследования в регионах Сибири в 90-х годах). Красноярск, 2000.
Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России. СПб.: Наука, 2004.

Рэдаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 2003.
Рутквич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.
Современный российский Север: от клеточной глобализации к очаговой социальной структуре / Под ред. Н.Е. Покровского. М., 2005.
Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб., 2009.
Социальная стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2003.
Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М., 2007.
Ферюсон А. Опыт истории гражданского общества: Пер. с англ. М., 2000.
Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2002.
Яковлев А.М. Социальная структура общества: Учебник. М., 2003.

Этносоциология

Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики. М., 2001.
Арутюнян Ю.В. Трансформации постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. М., 2003.
Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1999.
Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003.
Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
Жуков В.И., Тавадов Г.Т. Большой этнологический словарь. М., 2010.
Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этническое сознание и этническое самосознание. Уфа, 2000.
Котляр Е.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм. Национальная идея в современном мире. М., 2008.
Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
Национально-культурное развитие. М., 2003.
Новые славянские диаспоры. М., 1996.
Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.
Русские (Этносоциологические очерки) / Под. ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1992.
Седова А.П. Этнология. М., 2000.
Семенов Р.Х. Россия и страны Балтии. М., 2009.
Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002.

Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1999.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.

Файзуллин Ф.С., Асылгужин Р.Р. Этничность и этническая идентичность. Уфа, 2005.

Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Сост., отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1999.

Социология семьи

Антонов А.И. Макросоциология семьи: Учеб. пособие. М., 2005.

Антонов А.И. Социология семьи: Учебник. М., 2010.

Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации: (По материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российского Севера). Екатеринбург, 1999.

Гастарян Ю.А. Семья на пороге XXI века: Социологические проблемы. СПб., 1999.

Голод С.И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., 2008.

Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: ИС РАН, 2010.

Дзуцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: Этносоциологический анализ. М., 2001.

Карпова Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. Казань, 2001.

Маслова А.Г. Семья в контексте XXI века. М., 2008.

Николаев М.Е. Стратегии народосбережения. М., 2008.

Овчарова Л.Н. и др. Семья и дети: особенности современной жизни и взгляд в будущее. М., 2009.

Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен. Ростов н/Д, 1995.

Синельников А.Б. Трансформации семьи и развитие общества: Учеб. пособие. М., 2008.

Современная женщина, семья, демография: актуальные проблемы / Под ред. О.М. Здравомысловой. М., 2007.

Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи (пособие). СПб., 2007.

Татарова С.П. Социология семьи: Учеб. пособие. Улан-Удэ, 2009.

Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. 3-е изд. М., 2007.

Черных Е.М. Социология семьи: Учеб. пособие. М., 2006.

Шевяков А.Д. Статистика семьи и пути ее совершенствования. М., 2008.

Щеглова С.Н. Как изучать детство. Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М., 2000.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

Образ жизни

Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М., 2007.
Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы: Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972.
Гофман А.Б. Мода и люди. М., 1994.
Ильин В.И. Поведение потребителей: Учеб. пособие. Сыктывкар, 1998.
Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды аналогии. Новосибирск, 1997.
Меремков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.
Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997.
Мировоззрение и образ жизни / Под ред. Ю.Н. Кулюткина и С.В. Тарасова. СПб., 1999.
Образ жизни в постсоветской России.: динамика изменений / Под ред. А.А. Возмителя и Г.И. Осадчей. М., 2009.
Петренко В.Ф., Митина О.В. и др. Образ России глазами россиян и иностранцев. М., 2009.
Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб., 1999.
Рыжкина Р.В. Образ жизни сельского населения: (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск, 1979.
Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / Под ред. И.Т. Левыкина. М., 1988.

Социология молодежи

Антипьев А.Г. Молодежь на старте XXI века. Пермь, 2008.
Бонк Т.Н. Социология молодежи: Учеб. пособие. Улан-Удэ, 2009.
Бреева Е.Б. Дети в современном обществе. М., 1999.
Возжов Ю.Г., Добреньков В.И., Кадрия Ф.Д. и др. Социология молодежи: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001.
Глотов М.Б. Художественный мир российского студенчества (социологическое исследование). СПб., 1998.
Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
Данилов А.Н. Молодежь кризисных лет: Иллюзии и новые надежды. Минск, 1999.
Жадрин З.А. Динамика ценностей российской молодежи в современной России. Ростов н/Д, 2009.
Зубок Ю.А. Социология молодежи: Учеб. пособие. М., 2009.

Ильинский И.М. и др. Молодежь планеты. Глобальная ситуация в 90-х гг. Тенденции и перспективы. М., 1999.

Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999.

Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России: Социологический очерк. СПб., 1999.

Лазарев А.Д. Социология молодежи. Кемерово, 2006.

Макаров В.А. Современная российская молодежь на рынке труда: Мотивационный анализ. Ростов н/Д, 2008.

Молодежные субкультуры / Сост. Д.В. Громов. М., 2009.

Никулина С.Н. Молодежный вектор политической культуры. Н. Новгород, 2008.

Осади К.М. Социология молодежи: Учеб. пособие. СПб., 2006.

Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.

Перегудин С.Н. Государство и молодежь. М., 2009.

Политическая активность молодежи: результаты социологического исследования / Под ред. В.И. Добренькова и Н.Л. Смакотиной. М., 2009.

Практикум по социологии молодежи: Учеб. пособие для вузов / Ю.В. Вишневский и др. М., 2000.

Семшенко В.Г. и др. Социальный облик российской молодежи в начале XXI века. М., 2009.

Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. Международный лонгитюдный проект «Пути поколений»: третий этап / Отв. ред. М.Х. Титма. М., 1997.

Социология молодежи: Учебник / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб., 1996.

Социология молодежи: Энциклопедический словарь / Сост. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2009.

Филиппенко В.И. Студенчество современной России: парадоксы существования. Ростов н/Д, 2009.

Фонтан В.Н. Социология молодежи: Учеб. пособие. Белгород, 2009.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. М., 2011.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Ульяпс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

Девиантное (отклоняющееся) поведение

Белецерковский С.Д. Рэкет в России. М., 2000.

Бойко И.Б. Самоубийство и его предупреждение. Казань, 1997.

Габбани А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990.

Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974.

Голосенко И.А. Российская социология проституции (1861—1917 гг.). СПб., 1997.

Гуров А.И. Профессиональная преступность: Прошлое и современность. М., 1990.

Данилова З.А. Девиантное поведение в молодежной среде. Новосибирск, 2008.

Девиантность и социальный контроль в России (XIX—XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб., 2000.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный этюд. М., 1994.

Затравев Г.Г. Общество и алкоголизм. М., 1992.

Климонт И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000.

Кривошеев В.В. Криминализация российского общества: состояние, тенденции развития, прогноз. М., 2001.

Маргинальность в современной России. М., 2000.

Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / Под ред. М.Е. Позниковой. М., 1999.

Россия: риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 2000.

Шерер Ф.Э., Арефьев А.П. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М., 2003.

Раздел IV. Политическая социология

Общие проблемы

Антонов А.В. Судьбы либерализма. М., 2000.

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. М., 1993.

Виноградов В.Д., Голенкин Н.А. Политическая социология. СПб., 1997.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Ватер Е. Социология политических отношений: Пер. с польск. М., 1979.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.

Григоренко Д.Е. Русский социализм как концепция управления обществом. Красноярск, 2010.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. М., 2007.

Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция: Пер. с англ. М., 2010.

Данилов А.Н. Власть и общество. Поиск новой гармонии. Мн., 1998.

Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебник. М., 2000.

Желтов В.В. Политическая социология: Учеб. пособие. М., 2009.

Жоглуп Л.Г. Современная политическая социология: Учеб. пособие. М., 2008.

Зиновьев А.А. и др. Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2000.
Зюганов Г.А. География победы. М., 1997.
Инглхарт Р.Л. Расколотая цивилизация. М., 1999.
Латти Н.И. Пути России. М., 2000.
Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества. 2000—2006. М., 2007.
Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М., 2010.
Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001.
Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д, 2000.
Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007.
Парето В. Демократии для немногих. М., 1990.
Политическая социология: Учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2011.
Политическая социология: Учеб. пособие / Отв. ред. Г.В. Сопов. Ростов н/Д, 2001.
Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1998.
Российское общество и радикальные реформы. Мониторинг социальных и политических индикаторов / Под ред. В.К. Левашова. М., 2001.
Сорокин П.А. Социология революции. М., 2010.
Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 2002.
Тощенко Ж.Т. Три особенных лика власти: Социологические заметки. М., 2002.
Халипов В.Ф. Энциклопедии власти. М., 2005.
Шереги Ф. Социология политики: Прикладные исследования. М., 2003.
Шутов А.Д. Постсоветское пространство. М., 1999.

Политическая социализация

Волков Ю.Г., Мамицкий В.С. Идеология и гуманизм. М., 2004.
Головин И.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.
Долгишна И.Г. Формирование политической культуры. Пермь, 2009.
Дубин Б. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М., 2010.
Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993—2000. М., 2000.
Мирошниченко И.В. Политическая культура социально-профессиональных групп. Краснодар, 2006.
Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской, А.И. Малашенко. М., 1999.

Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995.
Орлов И.Б. Политическая культура России XX века: Учеб. пособие. М., 2008.
Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международное сравнение. М., 2000.
Туманов С.В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. М., 2000.
Савинова Е.Н. Политическая социализация личности: региональный опыт России. Орел, 2009.
Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.
Фаруквин М.Х. Политическая идентичность в контексте политической культуры: Учеб.-метод. пособие. Казань, 2009.
Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М., 2010.
Шерегы Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М., 2003.
Шестопал Е.Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М., 2008.
Шелов Н.А. Политическая социализация: человек политический. М., 2009.

Человек и власть

Артамонов А.Д. Методологические основы государственного и муниципального управления в России. СПб., 2008.
Антин Г.К., Охотский В.В. Элитология. М., 2000.
Байков В.Э. Народ и власть. Результаты социологических исследований: 1999—2005. М., 2006.
Глухова А.В. и др. Элиты в современных общественных процессах (опыт сравнительного анализа). Воронеж, 2009.
Головин В.А. Эволюция политического института местного самоуправления в России. Волгоград, 2009.
Гудков Л.Д. Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
Дай Т.Р. и др. Демократия для элиты. М., 1984.
Ершов А.Н. Управление и самоуправление в процессе социальных преобразований. Казань, 2007.
Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг: Искусство и наука побеждать на выборах. М., 2000.
Левашов В.К. Социологическая динамика (Опыт социологического анализа). М., 2003.
Любимов А.П. Политическое право и практика лоббизма. М., 2001.
Максимов А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов: российский опыт. М., 1999.
Новокрещенов А.В. Становление местного самоуправления в постсоветской России. Новосибирск, 2009.

Российская элита: опыт социологического анализа / Под ред. К.И. Микульского. М., 1996.

Теория и практика государственного и муниципального управления / Отв. ред. В.С. Комаровский. М., 2010.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.

Черняк В.З. История государственного и муниципального управления России: Учебник. М., 2001.

Цветкова Г.А. Местное самоуправление в России (социологический анализ). Орел, 2002.

Общественные организации

Андрейченко В.В., Горин Н.И., Нешадин А.А. и др. Социальное партнерство: опыт, технология, оценка эффективности. СПб., 2010.

Багратян Г.А. Общество и государство. М., 2000.

Байков И.М. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи. Хабаровск, 2009.

Башкатов В.Н., Сонтуков Ш.З. Профсоюзы современной России. Социологический аспект. М., 2007.

Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этнополитические движения как социальный феномен. Уфа, 2001.

Клеман К., Мирясова О., Дендон Д. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.

Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996.

Лапкина В.В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999.

Левичева В.Ф., Нелюбин А.А. Политические партии и общественные движения в СССР. М., 2003.

Мельникова Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000.

Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М., 2009.

Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга / Под ред. И.М. Козиной. М., 2009.

Резник Ю.М. (ред.) Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: Сб. ст. М., 2010.

Сикорская Л.Е. Добровольческая деятельность как сфера социализации молодежи. М., 2009.

Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2008.

Социология права

Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2009.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007.

Голик А.В. Современная религиозная преступность и проблемы безопасности общества. Политический анализ. М., 2000.

Грецов Ю.И. Социология права: Курс лекций. СПб., 2001.

Гречи А.С. Социология правового сознания: Учеб. пособие. М., 2001.

Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. с фр. М.В. Ворониной. СПб., 2009.

Долгова А.И. Преступность и духовность. М., 2008.

Донскова А.В. и др. Социология права: Учеб. пособие. Саратов, 2009.

История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

Карбонье Ж. Юридическая социология: Пер. с фр. М., 1986.

Карпатов В.Н. Правовая культура: понятие, структура, функция. Ярославль, 2008.

Керимов Д.А. Проблемы общей теории права. Т. 1: Социология права. М., 2000.

Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1999.

Колесов Ю.Ю. Социология девиантного поведения: вопросы теории. Казань, 2000.

Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности. М., 2009.

Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: Учеб. пособие. М., 1995.

Кузнецова Н.О. Социология права: Учеб. пособие. Саратов, 2006.

Латынов В.В. Социология права. М., 2008.

Масловская Е.В. Социология права: классические и современные теории: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2008.

Медушевский А.Н. Социология права. М., 2006.

Подгорецкий А. Очерк о социологии права. М., 1974.

Права человека и правовое социальное государство в России / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011.

Сырых В.М. Социология права: Учебник. М., 2004.

Усанова И.П. Правовая социализация личности. М., 2008.

Федоров В.П. Социология права: Учеб. пособие. СПб., 2007.

Шереги Ф.Э. Социология права: Прикладные исследования. М., 2002.

Щербакова И.В. Социология права: Учеб. пособие. Ярославль, 2009.

Раздел V. Социология духовной жизни

Социология личности

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2000.
Артемьев А.И. Социология личности. М., 2001.
Барулин В.С. Российский человек в XX в.: потери и обретения себя. СПб., 2000.
Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды / Ред.-сост. Л.И. Новиков, И.Н. Сиземская. М., 1999.
Борисова Л.Г., Сологуб Г.В. Социология личности. Новосибирск, 1997.
Бычемов Ю.Г. Социологическая концепция человеческого капитала. Саратов, 2000.
Гудков Л.Д. Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008.
Гурьянова М.П. Концепция формирования жизнеспособной личности в условиях сельского социума. М., 2005.
Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1996.
Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2003.
Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В. Шляпентоха, В. Шубкина, В. Ядова. М., 1999.
Клементьев Д.С., Маслова А.Г. Введение в социологию личности: Материалы к лекциям. М., 2007.
Кон И.С. Человек и его судьба. М., 1983.
Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход: Учеб. пособие. М., 2003.
Кузнецова Н.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. М., 2003.
Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000—2005. М., 2006.
Левада Ю.А. Советский человек. М., 1998.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.
Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии: Пер. с фр. М., 1996.
Попова И.М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются, исчезают. Киев, 2000.
Роми М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002.
Смирнов Г.Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980.
Смирнов П.И. Социология личности: Учеб. пособие. СПб., 2001.
Соколов В.М. Социология нравственности. М., 2006.

Сурина И.А. Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство: Вопросы теории и методологии. М., 1999.
Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008.
Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996.
Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
Уайтхед А.Н. Социология души. М., 1990.
Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1990.
Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследования и применение: Пер. с англ. СПб., 2000.
Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

Социология образования

Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008.
Гаврилюк В.В. Социология образования: Учеб. пособие. Тюмень, 2003.
Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М., 2003.
Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М., 2001.
Запесоцкий А.С. Образование и культура. СПб., 2009.
Зиятдинова Ф.Г. Социальные проблемы образования. М., 1999.
Ильинский И.М. Образовательная революция. М., 2002.
Каттырина Е.Л. Социология образования: актуальные проблемы и новые направления развития: Учеб. пособие. Новочеркасск, 2009.
Константиновский Д.Л. Реальность образования и исследовательские реальности. М., 2010.
Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960 — начало 2000-х). М., 2008.
Кукушкина Е.И. Социологическое образование в России XIX — начала XX в. М., 1994.
Латышева А.Г. Адаптационные стратегии сельских учителей: опыт социологической классификации. Ростов н/Д, 2007.
Луков В.А. Воспитание и глобализация: проблемы социологии воспитания. М., 2007.
Медик В.А., Осипов А.М. Университетское студенчество: образ жизни и здоровье. М., 2003.
Осипов А.М. Социология образования: Очерки теории. Ростов н/Д, 2006.
Руткович М.Н. Образованность населения России конца XIX — начала XXI века. М., 2007.

Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965—2002). М., 2002.

Сайлом Б. Общество и образование: Пер. с англ. М., 1989.

Социология образования: Учеб. пособие / Отв. ред. А.М. Осипов. Ростов н/Д, 2005.

Сундукова А.Х. Образование как социокультурный феномен. Ростов н/Д, 2009.

Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. Т. 14, вып 24. М., 2010.

Тюрина Ю.А. Социодинамика образовательного процесса в России: Социологический анализ. СПб., 2009.

Шереги Ф.Э. Социология образования: Прикладные исследования М., 2001.

Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб. / Авт.-сост. А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги. М., 2007.

Социология науки

Бухарин Н.И. Избранные труды: История и организации науки и техники. Л., 1988.

Волков Г.Н. Социология науки. М., 1968.

Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Эффективность управления научно-исследовательским коллективом. М., 2010.

Контные В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997.

Кругликов Э.П. «Ученые» с большой дороги. М., 2005.

Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова и др. М., 2002.

Лахтин Г., Минделл Л. Контуры научно-технической политики. М., 2000.

Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.

Подъяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2006.

Социология науки: Сб. ст. и рефератов. СПб., 2000.

Степин В.С. Теоретическое знание: структура, история, эволюция. М., 2000.

Чунин С.Н. Человек в технологическом мире. Брянск, 2009.

Шереги Ф.Э., Сарсанов М.Н. Наука в России: Социологический анализ. М., 2006.

Шубкин В.Н. Социология и общество. Научное познание и этика науки. М., 2010.

Шульц В.Л. Социология знания: история и методология. М., 2006.

Ядов Н. Социология науки. М., 1977.

Социология культуры и искусства

Фесит-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей: Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и современность. СПб., 2001.

Бакштановский В.И., Соловьев Ю.В. Этос среднего класса. Нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000.

Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX в.: социологические аспекты. М., 1997.

Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010.

Гибадуллин Р.Х. Управление культурой: инструментальное сопровождение изменений. СПб., 2009.

Дынникова А.И. Управление культурой в рыночной экономике. СПб., 2000.

Дуков Е.В. и др. Введение в социологию искусства. СПб., 2001.

Жабский М.М. Социология кино: истоки, предмет, перспективы. М., 1989.

Иконникова С.Н. История культурологических теорий. Идеи и судьбы: Учеб. пособие. СПб., 2001.

Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.

Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Работы 1988—1997 гг. / Под ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2009.

Козлова О.Н. Социология духовной жизни. М., 2004.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

Культурные миры молодых россиян: Три жизненные ситуации. М., 2000.

Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта. М., 2001.

Моисейн К. Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000.

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М., 2007.

Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.

Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

Сергеев В.К., Сергеев В.В. Российская культура. На рубеже, на грани, на перепутье? М., 2008.

Тощенко Ж.Т. Кентавризм культуры // Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М., 2011.

Фетисов А.В. Управление культурами. М., 2010.

Шендрик А.И. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 2006.

Социология религии

Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. М., 1999.

Гараджа В.И. Социология религии: Учеб. пособие. М., 2006.

Ислам и мусульмане в России / Под общ. ред. М.Ф. Мурташина, А.А. Нуруллаева. М., 1999.

Лобье П. де. Социология религиозного феномена. М., 2000.

Малютина С.С. Конфессиональные стереотипы современной молодежи. Саранск, 2008.
Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.
Митрохин Л.Н. Религия и культура. М., 2000.
Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации / Сост. Д.И. Купаева. М., 1999.
Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 2000.
О социальной концепции русского православия / Под ред. М.П. Мчедлова. М., 2002.
Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. Ч. 1, 2. М., 1994.
Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб., 2002.
Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М., 2008.
Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность. М., 2007.
Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985.
Яблоков И.Н. Социология религии. М., 2001.

Раздел VI. Социология управления

Общие проблемы теории и методологии

Аверин Ю.П. Люди управляют людьми: модель социологического анализа. М., 1996.
Акимова Е.М. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2008.
Акулич М.М. Социология управления: Учеб. пособие. Тюмень, 2007.
Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами. М., 2002.
Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного анализа. М., 1973.
Бабосов Е.М. Социология управления. Минск, 2001.
Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М., 1989.
Бойков В.Э. и др. Социология управления: Учебник. М., 2010.
Воеводина Н.А. Социология и психология управления: Учеб. пособие. М., 2010.
Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде: Учеб. пособие. М., 2003.
Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1998.
Зборовский Г.Е. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2007.
Змобин Б.К. Эффективность социального управления: Учеб. пособие. М., 2009.

Клементьев Д.С. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2010.
Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме. М., 1997.
Кравченко А.И. Классики социологии менеджмента Ф. Тейлор, А. Гастев. СПб., 1998.
Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2008.
Ксенофонтова Х.З. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2010.
Малинецкая К.О. Социология и психология управления: Учеб. пособие. М., 2009.
Мамсуров Т.Д. Регионы — центр: проблемы согласования интересов. М., 2000.
Михайлина С.А. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2009.
Насибуллин Р.Т. Социология управления: Учеб. пособие. Уфа, 2005.
Орлов Г.М. Социология. Социальное управление. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2010.
Ромашов О.В., Романова Л.О. Социология и психология управления. М., 2002.
Рубцова М.В., Павленков В.Г. Теоретические исследования управляемости: социологический подход. СПб., 2009.
Скитт А.Н., Хайруллина Н.Г. Управление персоналом: Учебник. Тюмень, 2002.
Тавокин Е.П. Управление. Социальное управление. Социология управления: Учеб. пособие. М., 2009.
Тихомов А.В. Социология управления: Теоретико-методологические основы. М., 2010.
Тощенко Ж.Т. Социология управления: Учебник. М., 2011.
Удальцова М.В. Социология и психология управления: Учеб. пособие. Новосибирск, 2004.
Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.
Франчук В.И. Социальное управление: самоуправление, менеджмент и политическое руководство. М., 2007.
Человеческий фактор в управлении: Сб. ст. /Под ред. Н.А. Абрамовой. М., 2005.
Щербина В.В., Потапов Е.П. Управление человеческими ресурсами. М., 2010.

Социальное предвидение

Аристов С.А. Искусство разработки и реализации стратегии: новое видение. Новосибирск, 2008.
Барский Л.А. Оглядываясь в будущее: прогноз на XXI век. М., 2006.
Бондаренко В.М. Прогнозирование будущего: новая парадигма. М., 2008.
Гвишиани А.М. Предвидение и цель в развитии общества. Красноярск, 1970.
Грэй Жан. Будущее общество. Пер. с фр. М., 2009.

Ермаковичюс Ю.Ю. Заглядывая в будущее: Футурологические суждения. М., 2009.

Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964.

Кларк А. Черты будущего. М., 1968.

Лесков Л.В. Примет ли нас XXI век? Предвидение в диалогах. М., 2009.

Лукьянчиков И.Н. О будущем мира и России. М., 2010.

Малинецкий Г.Г. (ред.) Будущее России. Вызовы и проекты: история, демография, наука, оборона. М., 2009.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.

Сафронова В.М. Общество будущего: горизонты предсказуемости. М., 2005.

Стернин Б. Будущее уже началось: что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург, 2005.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.

Тоффлер Э. Футурошок. М., 1997.

Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1992.

Шапиро Р. Прогноз на будущее / Пер. с англ. М. Жуковой. М., 2009.

Шубря Е.П. Художественное предвосхищение будущего. Киев, 1978.

Социальное прогнозирование

Андронова И.В. Прогнозирование социально-экономических явлений: Учебник. Тюмень, 2008.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социологического прогнозирования / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М., 2009.

Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование: Курс лекций. М., 2001.

Войцеховский С.Н. Социальное прогнозирование и проектирование: Учеб. пособие. СПб., 2008.

Гущенко В.В. Парадигма постиндустриальной прогностики: прогнозирование в управлении. М., 2010.

Грищенко В.И., Демидова Л.Г., Петров А.Н. Теоретические основы прогнозирования и планирования: Учеб. пособие. СПб., 1995.

Ксенофонтов М.Ю. Теоретические и прикладные аспекты социально-экономического прогнозирования. М., 2002.

Лубин Д.А. Политическое прогнозирование и будущее России. М., 2009.

Никитина Л.Е., Лапский И.А., Майорова-Шеглова С.Н. Прогнозирование развития воспитательных систем. М., 2009.

Малая российская энциклопедия прогностики / Ред. И.В. Бестужев-Лада и др. М., 2007.

Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры: вопросы методологии и методики. М., 1991.

Прогнозирование будущего: новая парадигма / Под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. М., 2008.

Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.

Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974.

Социальное проектирование

Анисимов О.С. Проблемы субъектов социального проектирования и управления. М., 2006.

Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Минск, 1986.

Виноградов В.Н. Социальное проектирование становления и развития гражданского общества (Создание стратегического плана развития района, города, региона). СПб., 2000.

Воротов В.И. Управление проектами в России: Основные понятия. История. Достижения. Перспективы. М., 1995.

Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001.

Лукьянов В.А. Социальное проектирование: Учеб. пособие. М., 2010.

Лукьянов И.Н. Социальное конструирование. М., 1970.

Мирошина З.М. и др. Социальное проектирование как средство развития активной гражданской позиции молодежи. М., 2009.

Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1980.

Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М., 1994.

Социальное проектирование: Учеб. пособие. М., 2000.

Тощенко Ж.Т., Антов Н.А., Латин И.И. Социальное проектирование. М., 1982.

Управление проектами / Под ред. В.Д. Шапиро. СПб., 1996.

Социальное планирование

Волчкова Л.Т. Планирование социально-экономического развития: Учеб. пособие. СПб., 2002.

Грищенко В.И., Демидова Л.Т., Петров А.Н. Теоретические основы прогнозирования и планирования. СПб., 1995.

Евтифеева Е.А., Иванов В.Г. Проблемы веры и традиции: пределы социального планирования. Тверь, 1994.

Иванченко В.М. Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. М., 2009.

Исследование построения показателей социального развития и планирования / Отв. ред. Г.В. Осипов и В.Г. Андреенков. М., 1981.

Круглов А.Б. Методология социального моделирования. Уфа, 2000.

Лапин Н.И., Корнеева З.М., Нарзиева И.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1975.

Петров Ю. Индикативное планирование механизм координации деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой // Российский экономический журнал. 1999. № 6.

Полозов В.Р. Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л., 1987.

Прогнозирование и планирование в условиях рынка / Под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М., 2000.

Стратегическое планирование / Под ред. Э.А. Уткина. М., 1998.

Территориальное планирование при переходе к рыночной экономике: опыт городов России. СПб., 2003.

Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981.

Шевцов А.Н. Совершенствование региональной политики: концепции и практика. М., 2010.

Социальное программирование

Красовский Ю.Д. Организационное поведение. М., 1999.

Минтцберг Г.Н. Социальное программирование: теоретико-методологический аспект. СПб., 1997.

Свенцицкий В.Н., Корнеев А.С. Город сегодня и завтра: Программно-целевое планирование комплексного развития городов. Киев, 1987.

Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы. М., 2001.

Сисоева Д.А. Программно-целевое управление социальным развитием села. М., 2007.

Целевые комплексные программы: организационно-экономический механизм. М., 1989.

Социальные технологии

Брабандер Л. Забытая сторона перемен: Искусство создания инноваций: Пер. с англ. М., 2008.

Голикова Н.В. Организационное поведение: Учеб. пособие. Хабаровск, 2009.

Григорчук Т., Бурсиев Д., Сардаров А. Научись управлять людьми. Ростов н/Д, 2010.

Дашченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993.

Зельдович Б.З. Организационное поведение: Учеб. пособие. М., 2008.

Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1980.

Подшивалкина В.И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев, 1997.

Сонталайнен Т. Управление по результатам. М., 1993.
Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В.Н. Иванов. М.; Белгород, 1995.
Харченко И.В. Социология управления: от теории к технологии. Белгород, 2008.
Юрасова М.В. Управленческое консультирование: Социологические методы и технологии. М., 2001.

Социология организаций

Абчук В.А., Борисов А.Ф., Воронцов А.А. Системы управления организаций: Учеб. пособие. М., 2010.
Ансофф И. Стратегическое управление. М., 1989.
Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л. Управление социальным развитием организации. М., 2006.
Красовский Ю.Д. Организационное поведение: Учеб. пособие. М., 2003.
Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. М., 2003.
Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
Пригожин А.И. Методы развития организаций. М., 2003.
Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов (1968—1973) / Общ. ред. Н.И. Лапина. М., 2005.
Франчук В.И. Основы общей теории социальных организаций. М., 1998.
Холл Р.Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб., 2001.
Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М., 2000.
Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие. М., 2011.

Социальный эксперимент. Инновации

Друкер П. Бизнес и инновации. М., 2007.
Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004.
Кутейников А.А. Технологические нововведения в экономике США. М., 1990.
Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: Учеб. пособие. М., 2008.
Методологический эксперимент в социологии: проблемы сравнительного анализа. М., 1989.
Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1988.
Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989.
Рыбкина Р.В., Винокур А.В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968.
Управление исследованиями и инновациями. М., 1993.
Уткин Б.Ф. Социальная инноватика: Учеб. пособие. М., 2000.

Оглавление

Предисловие 3

Раздел I. СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА 7

Глава 1. Возникновение и развитие социологии (исторический очерк) 10

1.1. Первые социологические концепции 10
1.2. Классическая зарубежная социология 14
1.3. Современная зарубежная социология 17
1.4. Социология в России в XIX — начале XX в. 25
1.5. Российская (советская) социология 29

Глава 2. Объект и предмет социологии 34

2.1. Объект социологии — гражданское общество 35
2.2. Предмет социологии — реальное сознание, поведение, среда 41
2.3. Место социологии в структуре социальных наук 47

Глава 3. Основные категории и понятия социологии 51

3.1. Категории социальных наук и социологии 52
3.2. Понятия социологии (логическая структура) 56
3.3. Понятия социологии (структура содержания) 59

Глава 4. Социологическое знание: структура, уровни 67

4.1. Структура социологического знания 67
4.2. Уровни социологического знания 71
4.3. Функции социологии 76

Глава 5. Методология и методы социологических исследований 80

5.1. Методологические стратегии в социологии 81
5.2. Виды социологического исследования 87
5.3. Программа социологического исследования 93
5.4. Методы социологического исследования (краткая характеристика) 98
5.5. Методы организации социологического исследования 102

Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ 107

Глава 6. Социально-экономическая реальность как объект социологического исследования 110

6.1. Ресурсный потенциал России 110
6.2. Социологические проблемы рынка 115

6.3. Проблемы богатства и бедности 121
6.4. Демографические процессы в современной России 129

Глава 7. Социология труда 133
7.1. Условия и причины возникновения социологии труда 134
7.2. Социально-экономические резервы 136
7.3. Социально-личностные резервы труда 147
7.4. Творческие и гражданские резервы 151
7.5. Системные социальные резервы труда 156

Глава 8. Социология города 159
8.1. Город как объект социологического исследования 159
8.2. Факторы и условия жизни городского населения 163
8.3. Благоприятная жизненная среда 167
8.4. Социальное управление городом 170

Глава 9. Социология села 174
9.1. Социальная характеристика современного состояния деревни 175
9.2. Социальные эксперименты на селе и их последствия 179
9.3. Социально-экономические и культурные проблемы села 182

Глава 10. Экологическая социология (экосоциология) 190
10.1. Экологические проблемы современности и роль социологии в их познании 190
10.2. Состояние экологического сознания 194
10.3. Пути формирования экологической культуры 198

Раздел III. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА 203

Глава 11. Социальная структура 206
11.1. Понятие социальной структуры 207
11.2. Социальная стратификация и ее критерии 215
11.3. Социальная мобильность как регулятор социальной культуры 222

Глава 12. Этносоциология 228
12.1. Предмет и понятийный аппарат этносоциологии 231
12.2. Этноэкономические проблемы 236
12.3. Этносоциальные проблемы 240
12.4. Этнополитические проблемы 243
12.5. Этничность духовной жизни народов 247

Глава 13. Образ жизни 252
13.1. Образ жизни как объект социологического исследования 252
13.2. Публичные (мировоззренческие) характеристики образа жизни 254
13.3. Приватный (индивидуальный) образ жизни 260
13.4. Идентичность как базовая характеристика образа жизни 267

Глава 14. Социология семьи 273
14.1. Семья как малая социальная группа 275
14.2. Женщина и семья 279
14.3. Семья как социальный институт 281

Глава 15. Социология молодежи 287
15.1. Возрастная стратификация 287
15.2. Теории юношеского возраста и преемственность поколений 293
15.3. Опыт классификации социальных проблем молодежи 298
Глава 16. Девиантное (отклоняющееся) поведение 304
16.1. Природа отклоняющегося поведения 305
16.2. Основные группы девиантного поведения 308

Раздел IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ 319

Глава 17. Политическая социализация 321
17.1. Этапы политической социализации 322
17.2. Политическая культура 326
17.3. Национальная идея и ее роль в политической социализации 330
Глава 18. Человек и власть 337
18.1. Типы и виды политической власти 337
18.2. Формы и методы взаимодействия человека и государства 344
18.3. Местное самоуправление 351
Глава 19. Социология права 358
19.1. Правовая информированность 360
19.2. Правовая убежденность 363
19.3. Правовая активность 367
Глава 20. Общественные организации 373
20.1. Основные характеристики общественных организаций в России 373
20.2. Партии 376
20.3. Профсоюзы 380
20.4. Молодежные организации 382
20.5. Самодеятельные движения и гражданские инициативы 385

Раздел V. СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ 389

Глава 21. Социология личности 392
21.1. Понятие о социализации личности 393
21.2. Статусная теория личности 397
21.3. Ролевая теория личности 399
21.4. Нормативные концепции личности 401
21.5. Парадоксальный человек — феномен современности 404
Глава 22. Социология образования 411
22.1. Предмет социология образования 412
22.2. Эффективность и качество образования 418
22.3. Противоречия и перспективы образования 422

Глава 23. Социология науки **429**
23.1. Наука и общество 431
23.2. Социальные проблемы организации науки 438
23.3. Социальный климат науки 443

Глава 24. Социология культуры **447**
24.1. Культура как предмет социологического исследования 449
24.2. Ценностные ориентации и их реализация как ядро культуры 453
24.3. Этические и эстетические параметры развития культуры 460

Глава 25. Социология религии **469**
25.1. Религия как социальное явление 471
25.2. Уровни религиозности 472
25.3. Теории и практика секуляризации 482

Раздел VI. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ **489**

Глава 26. Социальное предвидение **493**
26.1. Сущность социального предвидения 494
26.2. Методы социального предвидения 497
26.3. Роль интуиции в социальном предвидении 500

Глава 27. Социальное прогнозирование **503**
27.1. Сущность социального прогнозирования 504
27.2. Алгоритм и методы социального прогнозирования 509
27.3. Эффективность социальных прогнозов 516

Глава 28. Социальное планирование **521**
28.1. История возникновения социального планирования 521
28.2. Сущность социального планирования 523
28.3. Формы и методы социального планирования 526
28.4. Показатели и нормативы социального планирования 529

Глава 29. Социальное проектирование **535**
29.1. Сущность социального проектирования 535
29.2. О методологии социального проектирования 537
29.3. Методы и этапы социального проектирования 539
29.4. Виды социального проектирования 542
29.5. Действенность социальных проектов 544

Глава 30. Социальное программирование **547**
30.1. Социальная проблема как объект программирования 547
30.2. Сущность и специфика социального программирования 550
30.3. Формы и методы социального программирования 552
30.4. Алгоритм социального программирования 556

Глава 31. Социальные технологии **561**
31.1. Что такое социальная технология 561
31.2. Формы, виды и этапы социальных технологий 565
31.3. Технологическая культура 568

Библиографический список **573**